

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 2044 021 944 673

L Soc 3983.27
↓

**Harvard College
Library**

**FROM THE FUND BEQUEATHED BY
Archibald Cary Coolidge**

Class of 1887

**PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928**

**DIRECTOR OF THE UNIVERSITY LIBRARY
1910-1928**

УЧЕБНЫЯ ЗАПИСКИ

ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

КНИГА I.

При книгѣ приложены: *Портретъ г. Президента Академіи Графа С. С. Уварова*
и *Планъ осады Византии.*

САНКТНЕТЕРБУРГЪ.

1854.

PRINTED IN RUSSIA.

32 B
Prof. J. S. ...
2. ...
... 1886. ...
...
... I-V. ...
... D. C.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ.

Пей. Пейс. Пейк.

Григорий Гагарин

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

РЕДАКТОРЪ: АКАДЕМИКЪ И. И. СРЕСНОВСКИЙ.

КНИГА I.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1854.

Δ

21. 27

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND

May 26, 1930

Печатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетер-
бургъ, Ноябрь 1854 года.

Непрежанный Секретарь П. Фустъ.

СОДЕРЖАНИЕ

1^я КНИГА УЧЕНЫХЪ ЗАПИСОКЪ II^{го} ОТДѢЛЕНІЯ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

I. ЛѢТОПИСИ ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

	СТР.
1. Россійская Академія и Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ. <i>И. И. Давыдова</i>	1 — XXXII
2. Отчетъ Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и словесности за 1853 г. <i>П. А. Плетнева</i>	XXXIII — LXIV
3. Объясненіе Редактора о первой книгѣ Ученыхъ Записокъ	LXV — LXXII

II. РАЗСУЖДЕНІЯ, ИСЛѢДОВАНІЯ И ОЧЕРКИ.

1. Историко-статистическій очеркъ народной образованности въ Россіи. <i>К. И. Арсеньева</i>	1 — 32
2. Исслѣдованія объ Атлантидѣ. <i>А. С. Норова</i>	32 — 64
3. Осада и взятіе Византіи Турками. <i>М. М. Стасюлевича</i>	65 — 176
4. О языкованіи въ древней Россіи. <i>М. И. Сухо-млинкова</i>	177 — 260

III. ПАМЯТНИКИ ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ, ИХЪ СПИСКИ, ЧТЕНІЯ И ОБЪЯСНЕНІЯ.

1. Посланіе митрополита Іоанна II. <i>В. И. Григоровича</i>	1 — 20
2. Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ. <i>А. Н. Попова</i>	21 — 58
3. Обзоръ лѣтописца Переяславскаго. <i>Д. В. Полынова</i>	59 — 98
4. Повѣсть о Цареградѣ. <i>И. И. Срезневскаго</i>	99 — 137

Л Ї Т О П И С И
ВТОРАГО ОТДЪЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

РОССІЙСКАЯ АКАДЕМІЯ И ВТОРОЕ ОТДЪЛЕНІЕ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(О. А. И. И. ДАВЫДОВА).

Учрежденіе Императорской Россійской Академіи. — Словарь, Грамматика и прочіе литературные труды Академіи. — Преобразование Россійской Академіи во Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ. — Словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языка. — Опытъ Общесравнительной Грамматики Русскаго языка. — Опытъ Областнаго Великорусскаго Словаря и другіе литературные труды Отдѣленія въ настоящее время.

Блаженной памяти Императрицѣ Екатерицѣ II бывшій Директоръ Императорской С. Петербургской Академіи Наукъ, Княгиня Дашкова, имѣла счастье поднести слѣдующій всеподданнѣйшій докладъ:

«Въ слѣдствіе Высочайшей Вашего Императорскаго Величества воли, имѣю счастье представить краткое начертаніе Россійской Академіи. Никогда не были столько нужны для

другихъ народовъ обогащеніе и чистота языка, сколько стали необходимы для насъ, не смотря на настоящее богатство, красоту и силу языка Россійскаго. Намъ нужны новыя слова, вразумительное и сильное оныхъ употребленіе для изображенія всѣмъ и каждому чувствованій благодарности за Монаршія благодѣянія, толико же доселѣ невѣдомыя, сколь неисчетныя, для начертанія оныхъ на вѣчныя времена съ тою же силою, какъ онѣ въ сердцахъ нашихъ, и съ тою красотою, какъ ощущаемы въ счастливый вѣкъ Вторыя Екатерины.»

И въ 30-й день Сентября 1783 года подписалъ Ея Величествомъ Государынею Императрицею Высочайшій Указъ объ основаніи Императорской Россійской Академіи, которая долженствуетъ имѣть предметомъ своимъ вычищеніе и обогащеніе языка, общее установленіе, употребленіе онаго, свойственное оному витійство и стихотвореніе.»

Отдѣленіе Русскаго языка и словесности, вошедшее нынѣ въ составъ Императорской Академіи Наукъ, собственно составляетъ продолженіе бывшей Россійской Академіи, какъ по предмету занятій, такъ и по своему возникновенію. Предпринимая изданіе Ученыхъ Записокъ, Отдѣленіе почитаетъ приличнымъ начать ихъ исчисленіемъ трудовъ, подъятыхъ Россійскою Академіею на пользу отечественнаго языка и словесности, и вмѣстѣ съ тѣмъ показать свои собственные занятія. Исполняя возложенную на меня пріятнѣйшую обязанность, я представляю вкратцѣ литературную дѣятельность того и другаго ученаго сословія, совокушнвъ въ одну раму все то, что съ надлежащею полнотою и подробностью содержится въ сочиненіяхъ, служившихъ мнѣ источниками изложенныхъ здѣсь свѣдѣній *).

Россійская Академія, съ основанія своего въ 1783 году до 1813 года, руководствовалась правилами, Императрицею

*) Таковы: 1) Первый періодъ исторіи Императорской Россійской Академіи, Члена Академіи А. И. Красовскаго. С. Петербургъ. 1849. 2) Краткое извѣстіе о Россійской Академіи, Члена Академіи Д. И. Языкова. Труды Императорской Россійской Академіи. Ч. I. С. Петербургъ. 1840. 3) Отчеты Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и Словесности, Академика П. А. Плетнева. С. Петербургъ. 1852.

Екатериною Великою утвержденными; но съ 1813 до 1840 года дѣйствовала она по Уставу, дарованному Императоромъ Александромъ I. По преобразованіи оной во Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ, Высочайше утверждено новое Положеніе. Посему въ семидесятилѣтнемъ существованіи Россійской Академіи и Второго Отдѣленія Академіи Наукъ нельзя не различить трехъ степеней, согласно съ временемъ, различающихся кругомъ своей дѣятельности.

Первая степень, отъ 21 Октября 1783 по 3 Апрѣля 1813 года, сначала по 12 Ноября 1796, подъ предсѣдательствомъ Княгини Е. Р. Дашковой, потомъ, отъ 12 Ноября 1796 по 3 Апрѣля 1813, подъ начальствомъ Каммеръ-Юнкера Бакунина и предсѣдательствомъ Андр. Андр. Нартова. На *второй* степени, отъ 3 Апрѣля 1813 по 1840 годъ, въ Академіи Президентомъ былъ Адмиралъ А. С. Шишковъ. *Третья* степень начинается съ 19 Октября 1841 года.

II.

Россійская Академія, съ самаго основанія своего, принята подъ Высочайшее покровительство. По начертанію, составленному Княгинею Дашковою, поставлено Академіи въ обязанность стараться объ очищеніи и обогащеніи Русскаго языка, объ установленіи вообще словъ онаго, о свойственномъ ему вѣтѣйствѣ и стихотворствѣ. Для достиженія сей цѣли, она предположила заняться сочиненіемъ словаря, грамматики, риторики и правилъ стихотворенія.

Первою заботою Академіи было составленіе словаря отечественнаго языка. Послѣ многихъ разсужденій, положено было

заняться изданіемъ словаря *словопроизводнаго*. Для сего изданія составлены были изъ 21 члена Академіи три отдѣла: *грамматикальный, объяснительный и издательный*. Между членами этихъ отдѣловъ встрѣчаемъ знаменитыя имена: Президента Академіи Княгини *Дашковой, Гавриила*, Митрополита Новгородскаго и С. Петербургскаго, *фонъ-Визина Д. И.*; Академиковъ: *Румовскаго, Лепехина, Протасова и Озерцовскаго*, Як. Бор. *Кляжнина, Державина, Д. Т. С. Ос. Пет. Козодавлева, Д. Т. С. Леонтьева*, Адмирала *Голицычева-Кутузова И. Л.*, Ип. *Фед. Богдамовича, Д. Т. С. Шувалова И. И., Д. Т. С. Графа Строганова А. С., Соймонова, Д. Т. С. Ржевскаго*, Генералъ-Лейтенанта *Турчанинова*. По большинству голосовъ, Академія рѣшила прежде издать словарь *словопроизводный*. Полагали, что въ словопроизводномъ словарѣ значеніе словъ, ихъ сила, красота, богатство, переходъ отъ одного смысла къ другому и видоизмѣненія значеній, особливо при наращеніи словъ именами, предлогами и нарѣчіями, яснѣе представляются наблюдателю въ послѣдовательности и связи частей въ возможной ясности цѣлаго. Члены, заботясь о приготовленіи всего потребнаго къ составленію словаря, начали собирать реченія, въ Русскомъ и Церковно-Славянскомъ языкахъ употребительныя, располагая ихъ въ азбучномъ порядкѣ. Для достиженія сей цѣли при малыхъ пособіяхъ, какія можно было отыскать въ печатныхъ и письменныхъ этого рода собраніяхъ, они почли лучшимъ средствомъ выбрать слова изъ книгъ церковныхъ и свѣтскихъ сочиненій, разныхъ лѣтописей, собраній законовъ какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ, записокъ путешественниковъ, дополнить этотъ выборъ словами, употребительными въ наукахъ, художествахъ и ремеслахъ. Въ заступленіи 24 Февраля 1784 года, Княгиня Дашкова предложила Академіи примѣчанія, писанныя рукою Императрицы. Они служили къ пополненію словъ, на букву *А* собранныхъ. Державная Покровительница отечественнаго языка нашего, желая охранить чистоту его, повелѣла: «избѣгать всевозможно чужеземныхъ словъ, замѣняя ихъ словами или древними, или вновь составляемыми.» Замѣчательно, что при учрежденіи губерній Государыня во всѣ части управленія вводила Русскія названія, вмѣсто прежнихъ иностранныхъ, введенныхъ Петромъ Великимъ.

Работы производились ревностно; къ засѣданіямъ собирались члены еженедѣльно. Не смотря на это, встрѣчены были величайшія затрудненія въ производствѣ словъ, чего и должно было ожидать. Таковы недоразумѣнія, о которыхъ читаемъ въ протоколахъ бывшей Академіи, напр. касательно словъ: *воскресить, казакъ, память, воробей, звъробой, удобный, надобный, одежда, дружба* и другихъ, равно затрудненія въ помѣщеніи словъ иностранныхъ, старинныхъ и сложныхъ. Глаголы Академія ставила въ первомъ лицѣ настоящаго времени изъявительнаго наклоненія, прибавляя къ нему второе, также прошедшее и будущее и всѣ виды неопредѣленнаго, напр. *даю, даешь, далъ, дамъ, давать, дать, давывать*. Имена уменьшительныя составлялись при ихъ первообразныхъ, имена женскія при мужескихъ, исключая тѣ случаи, когда эти имена заключали въ себѣ особенное значеніе. Прилагательныя писались вмѣстѣ опредѣленныя (полныя) и неопредѣленныя (усъченныя). Въ правописаніи Академія слѣдовала Ломоносову. Въ произношеніи и удареніи словъ, по различію областей пространной Имперіи нашей, соображалась она съ выговоромъ въ столицахъ, наблюдая удареніе, принятое въ Славянскихъ книгахъ. Въ толкованіи значенія словъ употреблены были опредѣленія и сословы.

Сей первый трудъ Академіи, при всемъ несовершенствѣ, неразлучномъ со всякимъ начинаніемъ, заслуживающій благодарность соотечественниковъ, напечатанъ въ шести частяхъ (1789 — 1794), подъ заглавіемъ: *Словарь Россійской Академіи*. Въ немъ содержатся 43,257 словъ. Когда Президентъ бывшей Россійской Академіи, Княгиня Дашкова, въ 1789 году, поднесла Императрицѣ первый томъ Академическаго Словаря, Монархиня приняла этотъ первый плодъ трудовъ Академіи съ тѣмъ лестнымъ благоволеніемъ, какимъ Она награждала все достохвальное. Это благоволеніе было для членовъ Академіи драгоцѣннѣйшимъ воспоминаніемъ.

Послѣ сего Академія немедленно приступила къ составленію словаря по *азбучному* порядку, для чего учрежденъ былъ (21 Іюля 1794 года) особый Комитетъ. Первая часть словаря

издана была въ 1806 году, а послѣдняя (шестая) въ 1822 году. Въ этомъ словарѣ уже собрано 51,388 словъ.

Въ то же самое время составленъ другой Комитетъ для изданія *Русской Грамматики*, которой успѣли, подъ предсѣдательствомъ Княгини Дашковой, разсмотреть и напечатать пятнадцать листовъ.

Исторіографъ нашъ въ рѣчи, произнесенной имъ въ торжественномъ собраніи Россійской Академіи, 5 декабря 1818 года, сказалъ о первыхъ трудахъ оной слѣдующія замѣчательныя слова:

«Академія Россійская ознаменовала самое начало бытія своего твореніемъ важнѣйшимъ для языка, необходимымъ для авторовъ, необходимымъ для всякаго, кто пожелаетъ предлагать мысли съ ясностію, кто желаетъ понимать себя и другихъ: Полный словарь, изданный Академіею, принадлежитъ къ числу тѣхъ феноменовъ, коими Россія удивляетъ внимательныхъ инопоземцевъ. Наша, безъ сомнѣнія счастливая судьба во всѣхъ отношеніяхъ, есть какая-то необыкновенная скорость: мы зрѣемъ не вѣками, а десятилѣтіями. Италия, Франція, Англія, Германія, славились уже многими великими писателями, еще не имѣя словаря. Мы имѣли церковныя, духовныя книги; имѣли стихотворцевъ, писателей, но только одного истинно классическаго (Ломоносова), в представили систему языка, которая можетъ равняться съ знаменитыми твореніями Академіи Флорентійской и Парижской. Не имѣвъ участія въ сихъ трудахъ, я только пользовался ими: слѣдственно могу хвалить ихъ безъ нарушенія скромности и съ чувствомъ внутренняго удовольствія.»

Можетъ быть, при нынѣшнемъ возрѣніи на языкоученіе, похвалы, приписываемыя сему труду Академіи Исторіографомъ, покажутся преувеличенными; но сообразивъ исполненіе онаго съ средствами, какія имѣли въ этомъ періодѣ члены Академіи, мы согласимся, что первый словарь отечественнаго языка, притомъ словопроизводный, во второй половинѣ истекшаго столѣтія — явленіе дѣйствительно необыкновенно. Словопроизводнымъ словаремъ обыкновенно оканчиваются труды лексикографическіе, а не начинаются. Такому словарю долженъ пред-

дествовать сравнительный словарь Славянскихъ нарѣчій. Безъ этого пособия всѣ словопроизводства наши болѣе остроумны, нежели точны. Часто отсылаютъ насъ за корнями вѣтвей роднаго нашего языка въ чужія, отдаленныя земли, между тѣмъ какъ они сбережены возлѣ насъ соплеменниками.

Впрочемъ члены Россійской Академіи въ предисловіи къ Словарию сами сознаютъ, что многого не доставало имъ для достиженія желаемой цѣли. «При недостаткѣ многихъ пособій», сказано тамъ между прочимъ, «каковыми другіе пользоваться могли въ подобныхъ сочиненіяхъ, Академія рѣшилась первоначальный сей трудъ представить по частямъ на судъ просвѣщенному обществу, зная, что совершенство такихъ твореній навначе отъ времени зависитъ; почему приглашаетъ и проситъ всѣхъ любителей Россійскаго слова сообщать ей свои примѣчанія къ исправленію и пополненію сей общепользующей книги, которыми она не оставитъ воспользоваться при второмъ изданіи съ должнымъ къ соучаствовавшимъ благодареніемъ.» Примѣры для подтвержденія объясненій словъ въ словарѣ заимствованы, кромѣ книгъ церковныхъ и ученыхъ сочиненій, изъ писателей того времени: Митрополита Платона, Сумарокова, Хераскова, Княжнина, Петрова, Кострова и другихъ. Но всѣмъ имъ Академія предпочитала образцоваго писателя Ломоносова, у котораго и заимствовала такое множество примѣровъ, особливо въ стихахъ, что имя его безпрестанно повторяется. Необыкновеннымъ явленіемъ представится Словарь Академіи, оконченный на двѣнадцатомъ году по учрежденіи оной, когда вспомнимъ, что словарь Флорентійской Академіи Делла-Круска явился въ 1612 году, спустя тридцать лѣтъ послѣ основанія Академіи (1582); первое же изданіе словаря Французской Академіи вышло въ свѣтъ въ 1694 году, чрезъ пятьдесятъ девять лѣтъ по основаніи Академіи въ 1635 году.

Съ 12 Ноября 1796 года Россійская Академія должна заниматься составленіемъ Словаря по азбучному порядку.

Съ восшествіемъ на престолъ Государя Императора Александра Павловича, Академія, получивъ новыя средства для существованія своего, распространила и кругъ дѣятельности. Съ 1805 года она ежегодно приглашала чрезъ вѣдомости къ сочиненію похвальныхъ словъ: Царямъ Іоанну Васильевичу и Алексію Михайловичу, Великому Князю Владиміру Мономаху, Минину и Пожарскому, Румянцову Задунайскому и Суворову, Хераскову. Предлагала написать разсужденіе о началѣ, успѣхахъ и распространеніи словесныхъ наукъ въ Россіи; ироническую пѣснь на побѣду Великаго Князя Дмитрія Іоанновича Донскаго надъ Мамаемъ.

Изъ нѣсколькихъ сочиненій на предложенныя темы увѣчано было Академіею: *Похвальное слово Царю Алексію Михайловичу*, сочиненное Членомъ Академіи П. Ю. Львовымъ (7 Декабря 1806 г.). «Такой способъ ободренія талантовъ, одобряемый примѣромъ знаменитѣйшихъ ученыхъ обществъ, Французской Академіи и другихъ», говоритъ Карамзинъ въ вышеупомянутой рѣчи своей, «весьма дѣйствителенъ, когда выборъ предметовъ, соотвѣтствуя образованію народа, заманчивъ для ума и воображенія, благопріятствуетъ новости, богатству идей и картинъ, обращаетъ вниманіе на истинное достоинство искусства, гдѣ вещество ждетъ руки художника или мысль изображенія.»

Содѣйствіе Академіи успѣхамъ отечественной словесности вызвало пожертвованія на сей же предметъ нѣсколькихъ частныхъ лицъ. Одинъ неизвѣстный прислалъ 500 рублей ассигн. для награжденія того, кто напишетъ трагедію въ пяти дѣйствіяхъ. Эту премію получилъ М. М. Херасковъ (17 декабря 1807 года) за трагедію *«Зоренда и Ростиславъ.»* Другой неизвѣстный предложилъ 100 червонцевъ для сочиненія *похвальнаго слова Еропкину*. Достойнымъ сей награды найдено (3 Декабря 1810 года) сочиненіе Члена Академіи П. И. Соколова. Еще неизвѣстный предложилъ медаль въ 30 червонцевъ за разсужденіе: «Имѣетъ ли Русскій языкъ нужду, для обогащенія

своего, заимствовать, и до какой степени, обороты реченій изъ другихъ языковъ, кромѣ своего корня?» Но этого предложенія Академія не приняла, полагая, что Русскій языкъ, по своему изобилію и свойству, не имѣетъ нужды заимствовать оборотовъ и выраженій изъ языковъ чужеземныхъ.

Въ 1804 году опредѣлено издавать повременное сочиненіе подъ названіемъ: *Сочиненія и переводы Россійской Академіи*. Въ этомъ изданіи могли участвовать и посторонніе литераторы. Въ немъ помѣщались объясненія и описанія Русскихъ древностей, частныя описанія достопамятностей отечественной исторіи, похвальныя слова Россійскимъ Государямъ, знаменитымъ мужамъ и превосходнымъ подвигамъ, извлеченія изъ классическихъ писателей, касающіяся правилъ словесныхъ наукъ, стихотворенія разнаго рода, открытія въ разныхъ наукахъ. Сочиненій и переводовъ напечатано семь частей, первая въ 1805, а послѣдняя въ 1813 году. Забѣчательнѣйшія въ этомъ изданіи статьи принадлежатъ А. С. Шишкову. Тутъ обращаютъ на себя вниманіе примѣчанія на *Слово о полку Игоревомъ*, разсужденіе о *краснорѣчьи Св. Писанія* и *синонимахъ*, разговоръ о *переводѣ словъ* съ одного языка на другой. Изъ поэтическихъ произведеній забѣчательны *стихотворенія Державина*.

Между тѣмъ Академія не переставала пешичь о выполненіи Высочайшей воли, изъявленной въ краткомъ начертаніи ея занятій: она издала *Грамматику Россійскаго языка*, составленную Членами Академіи Д. М. и П. Я. Соколовыми. Сей трудъ Академіи поднесенъ былъ (1802) Государю Императору и принятъ съ благоволеніемъ: составители удостоились Всемилостивѣйшаго награжденія. Академическая Грамматика имѣла три изданія: 1809, 1819 и 1827 г.

Напечатана въ 1811 году *Наука Стихотворства*, сочиненная Членомъ Академіи И. С. Рижскимъ.

По распоряженію Академіи, переведены на Русскій языкъ и изданы отъ ея имени:

Летопись Тацитова, Членомъ Академіи С. Я. Румовскимъ, съ Латинскимъ подлинникомъ, въ 4-хъ частяхъ.

Димосееново надгробное слово Аемлянамъ, убіеннымъ въ сраженіи при городѣ Херонеѣ, Членомъ Академіи Евгеніемъ,

Митрополитомъ Кіевскимъ, съ Греческимъ подлинникомъ, 1807 года.

Саллюстія о войнѣ Катилины и о войнѣ Югурты, Членомъ Академіи Н. Я. Озерцовскимъ, съ Латинскимъ подлинникомъ, 1809 года.

Разсужденіе о сходствѣ между Санскритскимъ и Русскимъ языкомъ, Членомъ Академіи А. С. Никольскимъ, съ Французскаго, 1812 года. Подлинникъ, написанный на Французскомъ языкѣ И. Левандою, былъ также напечатанъ Академіею.

Лекціи, или Курсъ словесности Лагарна, въ пяти частяхъ, 1810 — 1814. Надъ переводомъ трудились нѣкоторые члены Академіи.

Таковъ кругъ дѣятельности Россійской Академіи на первой степени ея существованія. Здѣсь уже открылось обширное поприще для дарованій: в исторія съ преданіями, и поэзія, и философія нравственная, и общественная жизнь съ картинами и характерами.

Утвердивъ значеніе словъ», сказалъ Карамзинъ въ вышеупомянутой рѣчи своей, «избавивъ писателей отъ многотрудныхъ изысканій, недоумѣній, ошибокъ, Академія предложила и систему правилъ для составленія рѣчи: твореніе не первое въ семь родѣ, ибо Ломоносовъ, давъ намъ образцы вдохновенной поэзіи и сильнаго краснорѣчія, далъ и грамматику; но Академическая рѣшить болѣе вопросовъ, содержитъ въ себѣ болѣе основательныхъ замѣчаній, которыя служатъ руководствомъ для писателей.» Къ полезнымъ занятіямъ Академіи принадлежатъ переводы классическихкихъ писателей.

III.

На второй степени своей Россійская Академія, отъ 3 Апрѣля 1813 по 1840 годъ, представляетъ усиленную дѣятельность въ отношеніи къ изслѣдованіямъ языка и произведеніямъ словесности. Представителемъ Академіи и главнымъ дѣтелемъ на этой степени является незабвенный въ лѣтописяхъ ея Президентъ А. С. Шишковъ. До него Академія въ трудахъ своихъ руководствовалась Высочайше одобренными Императрицею Екатериною Великою краткими правилами, какъ выше замѣчено; новый Президентъ составилъ проектъ Устава, который удостоенъ былъ (29 мая 1818) Высочайшаго утвержденія Государя Императора.

Уставомъ Академіи предписано принять всевозможное попеченіе объ изданіи служащихъ къ распространенію знаній въ языкѣ книгъ, какъ то: общаго и частныхъ словарей Русскаго языка, изслѣдованіе корней и происшедшихъ отъ нихъ вѣтвей, Риторики общей и особенной, Грамматики Славянской и Русской. вмѣстѣ съ симъ поставлено ей въ обязанность издавать вновь творенія знаменитыхъ отечественныхъ писателей, болѣе не существующихъ, съ приложеніемъ ихъ жизнеописаній и полезныхъ для языка и словесности примѣчаній; выбрать изъ всѣхъ древнихъ и новыхъ отечественныхъ писателей лучшія и превосходнѣйшія мѣста, стихами и прозою; и составлять изданія, въ конхъ, какъ ходъ языка, или постепенное измѣненіе онаго, были бы подобраны, такъ и разнаго рода разныхъ писателей творенія, съ нѣкоторыми примѣчаніями, были бы собраны вмѣстѣ. Наблюденію Академіи поручено стараться, дабы хорошихъ и полезныхъ книгъ время не истребляло, а тѣ изъ нихъ, кои сдѣлались весьма рѣдкими, издавать вновь. Равнымъ образомъ поставлено ей въ обязанность стараться переводить на Русскій языкъ творенія иностранныхъ классическихъ стихотвор-

цевъ, и издавать ихъ вмѣстѣ съ подлинникомъ; прилагать попеченіе, чтобы въ сочиненіяхъ, на разныхъ языкахъ изданныхъ, всѣ тѣ мѣста, гдѣ что-либо любопытства или примѣчанія достойное о нашемъ языкѣ и народѣ говорится, отыскивать, переводить и собирать вмѣстѣ, дѣлая на то свои замѣчанія, т. е. утверждая правдивое, оговаривать ошибочное и уличать лживое, невѣжественное. Наконецъ не упускать и по части отечественной исторіи дѣлать различныя изысканія.

Съ Уставомъ Государь Императоръ Всемилоостивѣйше соизволилъ утвердить и новый штатъ. Академія, ущедренная милостями Вѣнценоснаго своего Покровителя, пришла въ возможность еще болѣе распространить кругъ своей дѣятельности. Обозначимъ вкратцѣ ея труды.

Извѣстія Россійской Академіи, первое въ этомъ періодѣ повременное изданіе, котораго вышло съ 1815 по 1828 годъ двѣнадцать частей. Въ Извѣстіяхъ изслѣдуются различныя вопросы и сужденія о языкѣ, не исключая переводовъ или выписокъ изъ иностранныхъ писателей, но только такихъ, въ которыхъ разсуждается или вообще о происхожденіи языковъ, или особенно о Славянскомъ. Это повременное изданіе содержитъ въ себѣ замѣчательныя изслѣдованія о языкѣ и историческія разсужденія. Къ таковымъ принадлежатъ разсужденія Президента Академіи:

1) *Опытъ Славянскаго словаря*, или объясненіе силы и заимствованія коренныхъ и производныхъ словъ. «Разсматриваніе словъ», говоритъ сочинитель, «во всякомъ случаѣ нужно, иначе въ нашемъ. Безъ сего разумъ словъ смѣшивается и важность выраженія теряется; ибо нѣтъ тѣснѣе связи, какъ та, которая существуетъ между словомъ и мыслию. Можно въ писателѣ мысль уподобить рукѣ, а слово мечу: рука управляетъ мечемъ, но мечъ наноситъ ударъ.»

2) *О предлогахъ*, ихъ силѣ и значеніи. Разсужденіе это принадлежитъ къ лучшимъ изслѣдованіямъ почтеннѣйшаго сочинителя; оно свидѣтельствуетъ о глубокомъ знаніи его языка. Къ сожалѣнію, это разсужденіе неконченное.

3) *Опытъ словаря по корнямъ*, иначе называемаго словопроизводнымъ.

4) *Речь о древности и преимуществѣ Россійскаго языка.*

Замѣчательны также переводы Президента, съ лингвистическими замѣчаніями.

5) *Опытъ изслѣдованія словопроизводства*, Аббата Мореллета.

6) *Краледворская рукопись*, или собраніе Чешскихъ народныхъ пѣснопѣній.

7) *Судъ Любуши*.

За Извѣстіями слѣдовало *Повременное изданіе Академіи*, въ четырехъ частяхъ. Первая часть вышла въ свѣтъ 1829 года, а послѣдняя въ 1832 году. Въ семъ изданіи заслуживаютъ вниманіе слѣдующія статьи А. С. Шишкова: 1) *Краткое начертаніе о письменахъ Славянскихъ*, сочин. Соларича, перев. съ Италіянскаго.

2) *О сходствѣ языка древнихъ народовъ Малой Азіи съ языками древнихъ и новыхъ народовъ Фракійскихъ и Иллирійскихъ*, сочин. Аппендины, перев. съ Италіянскаго.

3) *Собранія языковъ и нарѣчій*, съ примѣчаніями сочинителя, почерпнутыя изъ Сравнительнаго Словаря, начатаго Императрицею Екатериною Великою и доконченнаго Падласомъ.

Послѣ Повременнаго изданія Академіею напечатаны три книжки *Краткихъ записокъ 1834 — 1835*. Въ нихъ содержатся разныя примѣчанія и сужденія о языкѣ и словесности.

Въ Краткихъ запискахъ любопытно прочесть сочиненія А. С. Шишкова: 1) *о разности между академикомъ и писателемъ*.

2) *Разговоры о Русскомъ языкѣ, краснорѣчій, стихотворствѣ и вообще о словесности*.

3) *Прибавленіе къ разсужденію: «о предлагахъ»*

4) *Нѣчто о правописаніи*.

Послѣднимъ повременнымъ изданіемъ Россійской Академіи были: *Труды Императорской Россійской Академіи*, въ 5-ти частяхъ, 1840 — 1842. Здѣсь любознательный читатель найдетъ весьма много поучительныхъ изслѣдованій филологическихъ и историческихъ. Таковы статьи: Царствованіе Петра II, Академика К. И. Арсеньева; Жизнь и сочиненія Н. И.

Гидича, Лобанова; О Финскихъ словахъ въ Русскомъ языкѣ, Академика П. Г. Буткова; О пагубныхъ слѣдствіяхъ пристрастія къ чужеземнымъ языкамъ, Академика І. С. Кочетова; О жизни и трудахъ Іеромонаха Аникиты, Кн. П. А. Ширинскаго-Шихматова; Отправление Брауншвейгской фамиліи изъ Холмогоръ въ Датскія владѣнія, В. А. Полнова; Смерть Пресвященнаго Юсифа, Митрополита Астраханскаго, Кн. П. А. Ширинскаго-Шихматова, и другія.

При Президентѣ А. С. Шишковѣ, Россійская Академія вступила въ сношеніе съ иностранными учеными обществами: Сербскимъ въ Венгріи, съ Французскою Академіею Словесности, Королевскимъ Лондонскимъ Обществомъ, Философскимъ Обществомъ въ Филадельфій, и со многими учеными, избравъ въ Почетные Члены свои извѣстныхъ Славянистовъ: Аббата Добровскаго, Линде, Нельдаю, Ганку, Шафарика, Коллара, Палацкаго, Караджича.

Сверхъ собственныхъ трудовъ, Академія надала отъ своего имени слѣдующія книги:

1) Разсужденіе о механическомъ составѣ языковъ и физическихъ началахъ этимологіи, сочин. Бросса, перев. съ Французскаго, Члена Академіи А. Никольскаго, въ 2-хъ частяхъ, 1821 — 1822.

2) Untersuchungen über die Sprache, сочин. А. С. Шихмова, перев. Ф. Поля и Ф. Геца, въ 3-хъ частяхъ, 1826, 1827, 1836.

3) Recherches sur les racines des idiomes Slavons, comparées avec celles des langues étrangères, изъ сочиненій А. С. Шихмова, перев. Рейфа, 1832.

4) Квинтиліана риторическія наставленія, перев. съ Латинскаго, Члена Академіи А. Никольскаго, въ 2-хъ частяхъ, 1834.

5) Vergleichendes Wörterbuch, А. С. Шихмова, перев. Гросгейнриха, въ 2-хъ частяхъ, 1838.

Академія предположила издать тѣ сочиненія Ломоносова, которыя касаются словесности; Душеньку Бодановича, съ рисунками Гр. Θ. П. Толстаго; избранныя сочиненія Сумарокова; басни Халтицера.

Въ 1822 году Академія окончила изданіе Словаря своего, расположеннаго по азбучному порядку, о которомъ уже мы

упомянаны выше. Въ 1836 году учрежденъ особый Комитетъ для приготовленія новаго изданія Словаря. Обработанныя Комитетомъ слова, въ числѣ 71.626, поступили въ Словарь, изданный въ 1847 году Вторымъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ.

Въ 1830 году Академія, съ Высочайшаго соизволенія, отправила Лѣкаря *Венелма* въ путешествіе по Болгаріи, Валахіи и Молдавіи, для собранія памятниковъ древняго языка Болгарскаго, равно историческихъ и церковныхъ.

Академія опредѣлила издать въ переводѣ на Русскомъ языкѣ *Византійскихъ писателей*, также всѣхъ *Западныхъ и Сѣверныхъ* *временниковъ*, не исключая Исландскихъ сагъ. Переводъ *Прокопія* разсмотрѣнъ былъ въ особомъ Комитетѣ.

На основаніи Устава, Академія, въ ободреніе трудящихся на поприщѣ отечественной словесности и исторіи, увѣнчала медалями: Президента *А. С. Шишкова*, Кн. *С. А. Шихматова*, *Карамзина*, *Дмитріева*, *Крылова*, *Жуковскаго*, *Слупушкина*, *Аделунга*, Кн. *П. А. Ширинскаго-Шихматова*, *Гросгейриха*, *Рейфа*, *Ютмана*, *Копитара*, *Ганку*, *Шафарика*, *Коллара*, *Бутнова*, *Польнова*, *Роковецкаго*, *Панаева*, *Павловска*, дѣвицу *Ярцову*, *Пертелова*, Вука Стефановича *Караджича*, *Филистри*, *К. Калайдовича*, *Н. Полеваго*, *М. Султанова*, *Е. Аманова*, Вѣнскаго книгопродавца *Дундера*.

Сверхъ почести медалями, Академія наградила денежными даромъ труды: Члена Академіи *Востокова*, дѣвицы *Буминой*, *С. Глинки*, Члена Академіи *Языкова*, дѣвицы *Шаховой*, Протоіерея *Мельникаго*, *Караджича*, Священника *Покацкаго*, *Филистри*, Членовъ Академіи: *А. С. Норова*, *Лобанова*, *Броневскаго*, купца *Ертоса*, *Молитровска*, *Свишника*.

Употребленная сумма на поощреніе литературныхъ трудовъ простирается до 42000 рублей ассигн.

Сверхъ наградъ, постановленныхъ Уставомъ, т. е. медалями и деньгами, Академія содѣйствовала къ распространенію словесности печатаніемъ на свой счетъ сочиненій и переводовъ, получившихъ ея одобреніе, предоставляя всѣ напечатанные экземпляры въ пользу сочинителей и переводчиковъ. Такъ изданы ею (1818 — 1834) 16 частей *Сочиненій* Президента *А. С.*

Шишкова; Ожирова Илиада Гилдыча (1829); сочиненіе *Экономида* о ближайшемъ сродствѣ Славено-Россійскаго языка съ Греческимъ (1829); Словарь Россійскаго языка *Соколова* (1834), въ 2-хъ частяхъ, заключающій въ себѣ 63,431 слово; Стихотворенія *Шатрова*, въ 3-хъ частяхъ (1831); Грамматика *Востокова* (1832 и 1838); Стихотворенія Кн. С. А. *Шихматова*; Похвальные слова Кн. П. А. *Ширинскаго-Шихматова* (1833); Пѣтическіе опыты дѣвицы *Кульманъ* (1832); *Глаголева* Опытъ исторіи Словесности (1834) и Записки Русскаго путешественника (1837); Краткій священный словарь *Малова* (1835); Исторія Россіи въ разказахъ для дѣтей, въ 5-ти частяхъ, *Ишимовой* (1836 — 1838); Ключъ къ Исторіи Карамзина, сост. *Строевымъ* (1836); Изслѣдованія по части Русской исторіи *Руссова* (1836); Записки о походѣ 1813 года *Михайловскаго-Данилевскаго* (1836); Кадетскіе бивуаки и Симонъ Нантуанскій, перев. съ Французскаго, *Федорова* (1836 и 1837); Оборона лѣтописи Нестора отъ скептиковъ, П. Г. *Буткова*; Описаніе Румянцовскаго музея, (1842) *Востокова*; о Русскихъ лѣтописяхъ и лѣтописцахъ по 1240 годъ В. *Первощикова* (1836); Книга большому чертежу, над. *Языкова* (1838); Стихотворенія дѣвицы *Онисимовой* (1838); Трагедія Борисъ Годуновъ, *Лобанова*.

Непремѣнный Секретарь Россійской Академіи П. И. *Соколовъ*, за долговременные и неутомимые труды академическіе и литературные, получилъ 13000 рублей ассигн.

Способствуя всякому общепользному заведенію, Академія принесла въ даръ библіотекамъ, открытымъ въ разныхъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, изданныя ею книги на 14000 рублей ассигн. Въ 1839 г. она снабдила книгами своими училища Варшавскаго Учебнаго Округа на 9970 рублей ассигн.

При исчисленіи общепользныхъ дѣйствій Россійской Академіи въ отношеніи къ отечественному языку и словесности, нельзя прейти молчаніемъ похвальныхъ мѣръ, предпринятыхъ ею для сохраненія въ памяти достойныхъ дѣятелей на литературномъ поприщѣ. Въ 1835 году положено было издать литографированные портреты Дѣйствительныхъ и Почетныхъ членовъ Академіи; къ портретамъ же умершихъ членовъ присоединить краткія жизнеописанія. По 1840 годъ число налитогра-

фированныхъ портретовъ простиралось до 54. Зала академическихъ собраній украшена была мраморными бюстами Ломоносова, Державина и Президента А. С. Шашкова.

Наконецъ Академія почтила память нѣкоторыхъ изъ усопшихъ членовъ своихъ сооруженіемъ имъ памятниковъ, или совершенно на свой счетъ (Дмитревскому и П. И. Соколову), или принявъ участіе въ расходахъ (Державину и Карамзину).

Въ каждое засѣданіе члены получали серебряные дарки (жетоны).

Академія имѣла свой собственный домъ и типографію.

Не смотря на всѣ исчисленныя издержки на пользу отечественной словесности, средства Академіи отъ Монаршихъ щедротъ, строгою бережливостію скопленныя, были столь значительны, что, въ слѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, она (1837) отдѣлила отъ капитала своего 400000 рублей ассигн. на построеніе Пулковской обсерваторіи.

Столь уже обширенъ былъ кругъ дѣятельности Россійской Академіи. Вѣрная назначенію своему, она занималась изданіемъ словаря, грамматики, изслѣдованіями словопроизводства, переводами классическихъ писателей древнихъ и новыхъ, изысканіями по части отечественной исторіи, содѣйствовала успѣхамъ словесности увѣнчаніемъ талантовъ медалями и печатаніемъ на свой счетъ достойныхъ сочиненій. Руководителемъ и главнымъ дѣятелемъ былъ самъ Президентъ Академіи. Кровъ многихъ и полезныхъ сочиненій о предметахъ мореплаванія, исторіи, изящной словесности, изслѣдованія его филологическія достойны уваженія. До учрежденія въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ кафедры Славянскихъ нарѣчій, онъ первый увидѣлъ необходимость въ сравнительномъ изученіи оныхъ для основательнаго изученія Русскаго языка.

Не могу не заимствовать нѣсколькихъ строкъ всеподданнѣйшаго доклада его, при которомъ поднесенъ былъ на Высочайшее воззрѣніе Государю Императору проектъ Устава Академіи, чтобы показать, какою онъ одушевленъ былъ любовію къ своему предмету.

«Главная обязанность Академіи состоитъ въ попеченіи о языкѣ. Она приводитъ его въ правила, вникаетъ въ составъ его

и свойства, раскрываетъ его богатство, показываетъ силу, краткость, высоту, ясность, благородство, сладковучіе; устанавливаетъ, опредѣляетъ, разверзаетъ, распространяетъ его; очищаетъ отъ вродимыхъ въ него несвойственности; хранитъ его высоту, важность, глубономысліе, и сими средствами полагаетъ твердое основаніе словесности, наукамъ и просвѣщенію; ибо, безъ знанія языка, все молчать: самое острое повятіе, самый глубокой умъ, самое рѣдкое дарованіе, не могутъ безъ него быть совершенны, не могутъ, какъ заключенный въ корѣ алмазь, ни блистать, ни нравиться, ни наставлять, ни производить.

III.

Съ истеченіемъ времени, при быстромъ распространеніи просвѣщенія въ отечествѣ нашемъ, родилась новая потребность: вмѣсто отдѣленія языка отъ науки и жизни, *тѣснѣйшее соединеніе, родство слова съ наукою и жизнью*. Новая дѣятельная сила раскрылась въ насъ, добывающая изъ нѣдръ своихъ образцы для каждой мысли, для каждаго отгѣнка чувства — сила, которая все разнообразіе міра словъ приводитъ въ стройную, народную рѣчь, запечатлѣнную духомъ народнымъ. Эта сила есть наука: ея могуществомъ духъ человѣческій, объемя собою всю природу и претворяя въ свое собственное существо, воспроизводитъ изъ себя новый міръ въ словѣ, всѣ разнообразныя помыслы, движенія и чувстваванія развиваетъ въ звукахъ голоса. Безсмертный духъ человѣческій, облекшись въ слово, совершенствуется непрерывно, лишь только обновляясь въ своихъ образахъ. Въ наше время онъ преимущественно полюбилъ науку; которая питаетъ его, открывая ему неизданные источ-

ники живыхъ мыслей. Современное слово съ своей стороны также требуетъ отъ своихъ избранныхъ глубокаго наученія. И согласно съ потребностью современной науки, въ 19-й день Октября 1841 года, на имя Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Графа С. С. Уварова, состоялся слѣдующій Высочайшій рескриптъ Государа Императора:

«Обращая непрерывное вниманіе на успѣхи отечественной словесности и имѣя въ виду способствовать ея развитію приведеніемъ занятій учрежденія, которому вѣрено попеченіе о Русскомъ словѣ, въ единство и совокупность съ трудами первенствующаго ученаго сословія въ Имперіи, Я призналъ за благо, на основаніи утвержденнаго сего дня положенія и штата, присоединить Императорскую Россійскую Академію къ Императорской Академіи Наукъ въ видѣ особаго Отдѣленія Русскаго языка и Словесности.» Въ числѣ прежнихъ Отдѣленій Академіи Наукъ новому Отдѣленію Высочайше повелѣно именоватья Вторымъ.

Такимъ образомъ въ общемъ составѣ Академіи Наукъ Отдѣленіе Русскаго языка и словесности, занимая мѣсто между Отдѣленіями Физико-Математическимъ и Историко-Филологическимъ, какъ среднее звено двухъ частей Академіи, получило то же значеніе въ отношеніи къ нимъ, какое имѣетъ даръ слова въ отношеніи къ разуму, образующій, хранящій и развивающій его созданія. Языкъ, какъ проявленіе разума и представитель народа, вѣрившаго ему всю духовную дѣятельность, наравнѣ съ прочими предметами природы и духа, подлежитъ изслѣдованіямъ. Развиваясь таинственно изъ глубины души человѣческой по непреложнымъ законамъ разума, подъ вліяніемъ мѣста и времени, слово представляетъ собою цѣлый міръ, достойный отдѣльныхъ изслѣдованій. Какъ проявленіе разума, этотъ міръ устроенъ по строгой логической системѣ и составляетъ предметъ изученія теоретическаго. Какъ развитіе врожденнаго дара слова во времени и въ извѣстномъ мѣстѣ, этотъ міръ изучается исторически. Успѣхи самаго ума зависятъ отъ слова. Совершенствовать слово значитъ совершенствовать разумъ, и съ образованіемъ слова мы обращаемся разнообразными полезными знаніями, приобретаемъ запасъ мыслей о всѣхъ предметахъ, ка-

кіе могутъ встрѣтиться въ жизни и обществѣ. Отъ того въ языкѣ заключается система всѣхъ знаній того или другаго народа, отпечатлѣваются понятія религіозныя, гражданственныя, семейственныя — въ немъ вся философія народа. *Хранить и утверждать слово* — вотъ вся дѣятельность Русскаго языка и словесности, сказалъ Министръ Народнаго Просвѣщенія и Президентъ Академіи Наукъ въ привѣтственной рѣчи своей, когда водворялъ Отдѣленіе въ нѣдрѣ учрежденія, обязаннаго существованіемъ своимъ творческой мысли Петра Великаго. Приведа въ совокупность всѣ сокровища языка, разрозненныя временемъ и пространствомъ, блюсти ихъ какъ народную святыню — значитъ хранить языкъ. Изъ совокупныхъ сокровищъ извлекать таящіяся въ нихъ законы языка, освященные употребленіемъ, отклонять отъ него своенравныя прихоти нововодителей, чуждыя народному духу — значитъ утверждать его. Въ храненіи и утвержденіи языка заключается и уваженіе къ прошедшему, и критическое изслѣдованіе древнихъ источниковъ, и близкое знакомство съ историческими судьбами языка, и тотъ глубокій смыслъ, то живое сочувствіе, которое сообщаетъ памятникамъ письменности вдохновеніе и достоинство историческихъ преданій.

При существованіи отдѣльныхъ обществъ Исторіи и Древностей отечественныхъ, Географическаго, Археологическаго, Археографической Коммиссіи, кругъ занятій Втораго Отдѣленія не только не стѣснился въ сравненіи съ кругомъ занятій Россійской Академіи, но еще болѣе расширился, и вмѣстѣ съ тѣмъ представилась возможность глубже и подробнѣе изслѣдовать отечественный языкъ. Отдѣленіе считаетъ главнымъ дѣломъ своимъ систематическое образованіе языка, распространеніе филологическихъ знаній, сохраненіе литературныхъ памятниковъ, критику словесныхъ произведеній: въ этомъ поставляетъ оно и содѣйствіе съ своей стороны успѣхамъ отечественной словесности. «Слова не изобрѣтаются Академіями», говоритъ Карамзинъ въ рѣчи своей академической: «они рождаются съ мыслями или въ употребленіи языка, или въ произведеніяхъ таланта, какъ счастливое вдохновеніе. Новыя, мыслию одушевленные слова входятъ въ языкъ самовластно, украшаютъ, обога-

щаютъ его, безъ всякаго ученаго законодательства съ нашей стороны: мы не даемъ, а принимаемъ ихъ. Самыя правила языка не изобрѣтаются, а въ немъ уже существуютъ: надобно только открыть оныя или показать.»

Во второй четверти текущаго столѣтія трудами В. Гумбольдта, Боппа, Беккера, Потта, образовалась новая отрасль вѣдѣнія — *общая и сравнительная грамматика*, или грамматика, основанная на логическихъ началахъ мышленія и на изслѣдованіяхъ сравнительнаго языкоученія. Задача этой науки состоитъ въ изученіи разнообразныхъ отношеній, въ какихъ развилась идея языка, какъ полнаго организма, въ различныхъ вѣкахъ и нарѣчіяхъ. Раскрывая передъ нами ткань какого-либо языка, какъ особаго міра въ безконечномъ разнообразіи, общесравнительная грамматика изслѣдуетъ органическія отношенія этого міра и объясняетъ внутреннее ихъ значеніе. Эта новая, современная наука стала однимъ изъ первыхъ занятій Отдѣленія.

Отдѣленіе Русскаго языка и словесности, одушевляемое ревностнымъ желаніемъ послѣдовательно идти къ указанной цѣли, въ продолженіе перваго дѣсятилѣтія своего существованія, подъ предсѣдательствомъ Кн. П. А. Ширинскаго-Шихматова и В. А. Полѣнова, издало двѣ необходимыя книги:

1) *Словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языка*, въ 4-хъ частяхъ, въ 4-ю долю листа. XXII + 415; 471; 589; 487. С. Петербургъ, 1847.

Словарь, изданный Вторымъ Отдѣленіемъ Академіи, содержитъ въ себѣ полную систему Русской умственной жизни, со всеми стихіями языка въ совокупности. Слова, кромѣ грамматической терминологіи, объяснены опредѣленіями, синонимами, примѣрами изъ писателей и живой рѣчи. Въ немъ помѣщены и техническія названія наукъ, искусствъ и ремеслъ, наиболѣе употребительныя. Изъ областныхъ словъ вошли въ Словарь тѣ реченія, которыя издавна усвоены употребленіемъ. Въ сравненіи съ прежнимъ Академическимъ, число словъ въ новомъ Словарѣ вдвое большее, именно 114,749 словъ; впрочемъ число это возрасло отчасти по причинѣ отдѣленія совершеннаго вида глаголовъ отъ

неокончательнаго, существительныхъ женскаго рода отъ мужскихъ, уменьшительныхъ и увеличительныхъ отъ простыхъ. Изъ таблицы источниковъ, въ приложеніяхъ къ предисловію, можно видѣть, что издатели не щадили трудовъ для собранія словъ въ сочиненіяхъ различнаго времени и разнообразныхъ по содержанію. Каждое слово, какъ выраженіе народнаго понятія, драгоцѣнно, и нерѣдко скрывается въ писателѣ или въ сочиненіи забытомъ. Такъ драгоцѣнные металлы и камни лежатъ скрытые въ нѣдрахъ горъ и въ глубинахъ земли; лишь неутомимый трудъ человѣка извлекаетъ ихъ наружу. Трудность, встрѣченная редакторами, въ особенности происходила отъ идиотизмовъ Русскаго языка, который содержитъ въ себѣ исторію многихъ Славянскихъ племенъ, существующихъ около полуторы тысячи лѣтъ. Всѣ выраженія времени и мѣста, вѣроисповѣданія и гражданственности, общественной и семейственной жизни, умственнаго образованія и промышленности, законодательства и обычая, всѣ эти рѣзкіе и тонкіе оттѣнки, сохранившіеся въ языкѣ и отличающіе насъ отъ другихъ народовъ, требовали объясненія въ Словарѣ. Богатство и гибкость Русскаго языка, простота и удобство перемѣнъ для сообщенія словамъ новаго значенія, разнообразіе понятій, выражаемыхъ часто однимъ и тѣмъ же словомъ, съ измѣненіемъ только мѣста его въ связи съ другими словами, или съ измѣненіемъ одного тона въ голосѣ — все это представляло величайшія затрудненія, преодоленныя ревностнымъ стремленіемъ къ общему благу.

Для удобнѣйшаго употребленія, Словарь раздѣленъ на четыре тома, въ 4-ю долю листа. Редакторами этихъ томовъ были Академики: перваго В. А. Полъновъ; втораго А. Х. Востоковъ; третьяго до 336-й страницы покойный М. Е. Лобановъ, отъ 336-й до 540-й стр. Я. И. Березниковъ, а далѣе В. А. Полъновъ; четвертаго І. С. Кочетовъ.

2) *Опытъ Общесравнительной Грамматики Русскаго языка.* Изданіе первое. (CXI + 462 + 29). С. Петербургъ. 1852 г.

Касательно Грамматики въ отчетѣ Отдѣленія сказано: Общій отличительный характеръ большей части Русскихъ грамматикъ тотъ, что онѣ предлагаютъ Русскому юношеству

давно знакомыя формы частей рѣчи. Это существенная потребность при изученіи иностранныхъ языковъ; но формы роднаго языка, на которомъ мы говоримъ съ малолѣтства, намъ знакомы; отъ грамматики же своего языка мы въ правѣ ожидать исследованийъ другаго рода. Отечественный языкъ, содѣйствуя развитію и усовершенствованію всѣхъ сторонъ духа, умственной, нравственной и эстетической, находится въ ближайшемъ соотношеніи со всѣми предметами вѣдѣнія. Подъ зависимостію этого важнаго значенія отечественнаго языка задачей его грамматики должно быть исследование его не какъ простаго орудія слова, а какъ драгоценной сокровищницы, въ которой заключены и умъ, и вкусъ, и чувство народа. Изученіе языка, разсматриваемое съ этой стороны, есть первая отечественная наука.

Введенію, которымъ начинается Грамматика, соответствуетъ заключеніе, имѣющее предметомъ очеркъ отличительныхъ свойствъ Русскаго языка, исследования о его общаго и внутренняго, объ иноскаваніяхъ, объ особенностяхъ измѣненій частей рѣчи, о силѣ Русскаго языка аналитической и синтетической, объ особенностяхъ словорасположенія, о благозвучіи, объ архаизмахъ, селепизмахъ и неологизмахъ.

Изъ содержанія Грамматики Отдѣленія можно видѣть, какъ составъ оной постоянно вѣреть основному началу въ расположеніи вопросовъ, входящихъ въ кругъ грамматическаго изученія отечественнаго языка. Дѣйствительно, это сочиненіе представляетъ собою органическое цѣлое, въ которомъ всѣ части тѣсно связаны, проникнуты одною мыслию, однимъ убѣжденіемъ, что всѣ законы языка развиваются изъ немногихъ основныхъ началъ, и что долгъ Русскаго, заглажнаго грамматику Русскаго языка для Русскихъ — не повторять безъ цѣли того, что уже знакомо, но стараться это знакомое объяснить и передать во власть сознанія то, что приобрѣтено властью бессознательнаго навыка. Но какъ ни одна частная грамматика не можетъ обойтись безъ помощи общей, и ни одного языка нельзя основательно узнать безъ помощи сравнительнаго изученія другихъ языковъ; то въ Грамматикѣ Отдѣленія не упущено изъ виду ни объясненій его свойствъ общими свойствами языка, какъ общечеловѣческаго

дара слова, ни объясненій его принадлежностей и формъ посредствомъ сравненія ихъ съ принадлежностями и формами языковъ сродныхъ. При всемъ томъ изложеніе не подавлено тѣми подробностями, которыя, будучи важны для филологовъ, были бы напраснымъ бременемъ для не-филолога; вмѣстѣ съ тѣмъ вниманію читателя представлено въ выводахъ все, что по видимому можетъ его занимать въ открытіяхъ современной филологіи Русской.

Въ 1853 году отпечатано второе изданіе *Опыта Общесравнительной Грамматики*, исправленное и дополненное, съ указателемъ (стр. XLIV + 497). С. Петербургъ, 1853 года. Въ Маѣ сего же года и это изданіе все вышло, почему приступлено къ третьему изданію.

Издавая Общій Словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, Отдѣленіе положило составить Словарь областныхъ реченій, употребляемыхъ въ разныхъ губерніяхъ Россіи. Примѣръ такого собранія подавъ былъ Обществомъ Любителей Россійской Словесности при Московскомъ Университетѣ, въ трудахъ котораго находится значительное количество областныхъ словъ. Программа онаго, по соображеніи мнѣній Членовъ Отдѣленія, написана Академикомъ И. И. Срезневскимъ. Редакторомъ собранныхъ матеріаловъ избранъ былъ Отдѣленіемъ Академикъ А. Х. Востоковъ.

Предпринятый трудъ Отдѣленіемъ конченъ и изданъ подъ заглавіемъ:

3) *Опытъ областного Великорусскаго словаря*, въ 4-ю долю листа (CXII + 275). С. Петербургъ, 1852 г.

Сей опытъ, заключающій въ себѣ 18011 реченій, будетъ постепенно дополняемъ и совершенствуемъ. Сообщенные матеріалы были въ нѣкоторыхъ частяхъ недостаточны, и Отдѣленіе исполнило только то, что въ состояніи было исполнить по тѣмъ средствамъ, какія имѣло въ своемъ распоряженіи.

Между областными словами языковъ обыкновенно различаются три рода реченій: первый родъ составляютъ слова, уклонившіяся отъ нормальнаго употребленія языка, нѣрѣдко искаженныя до крайности, или иноземныя слова, заимствован-

ныя отъ сѣсѣднихъ инородцевъ, частию вѣрно сохранившіяся, частию измѣненныя; ко второму роду относятся слова, нѣкогда принадлежавшія къ общему языку народа и вытѣсненныя изъ него другими, а уцѣлѣвшія въ народѣ вмѣстѣ съ завѣтною прародительскою пѣснью, сказкой, пословицею; третьяго рода слова родились въ слѣдствіе понятій, образовавшихся отъ предметовъ окружающаго человѣка природы и отъ особенныхъ занятій народа.

Изданный Отдѣленіемъ Словарь содержитъ въ себѣ реченія всѣхъ трехъ родовъ. Такое собраніе безъ сомнѣнія драгоценно; въ немъ даже удержаны слова, обезображенные мѣстнымъ выговоромъ, тѣмъ не менѣе подтверждающія опредѣленные законы звуко сочетанія. Это то же, что уклоненія въ царствѣ растительномъ и животномъ, которыя однако объясняются естественными законами жизни. Поэтому, не смотря на неполноту и въ иныхъ случаяхъ неопредѣлительность, сей первый опытъ представляетъ чрезвычайно любопытныя для филолога свидѣнія въ отношеніи грамматическомъ и лексикографическомъ. Подобныя особенности языка свидѣлствуютъ о сближеніяхъ одного Славянскаго племени съ другимъ и о переселеніяхъ изъ одного края Россіи въ другой, что можетъ послужить къ разрѣшенію нѣкоторыхъ историческихъ вопросовъ.

Такъ разсматриваемый Опытъ областного Великорусскаго словаря служитъ дополненіемъ общему Словарю роднаго нашего языка. Прислушиваясь къ мѣстнымъ нарѣчіямъ, мы отыскиваемъ сокровища, пережившія цѣлыя столѣтія. Въ крестьянскихъ избахъ, гдѣ сохранились и пѣсни, и сказки, и пословицы наши, сбережены отъ времени и многія драгоценныя слова. Областные нарѣчія служатъ также убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ, что языкъ, какъ живой организмъ, безпрестанно измѣняется, и что лишь только въ словарѣ и грамматикѣ гибкія формы живой рѣчи крѣпнуть и упрочиваются для потомковъ.

Общій Словарь Отдѣленія поднесемъ быль на Высочайшее воззрѣніе Государю Императору бывшимъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, Графомъ С. С. Уваровымъ, а Грамматика и Областный словарь преемникомъ его, Кн.

П. А. Ширинский-Шикметовымъ, и удостоены были Всемилостивѣйшаго благоволенія.

Краснорѣчивымъ повѣствователемъ трудовъ и заботъ Отдѣленія постоянно былъ и остается достойнѣйшій нашъ Со-членъ, П. А. Шлетневъ. Каждый годъ въ торжественное за-сѣданіе всей Академіи онъ принимаетъ на себя обязанность представлять Отчетъ по Отдѣленію Русскаго языка и сло-весности. Эти Отчеты за годы 1842—1851, печатанные въ свое время въ журналахъ, изданы всѣ вмѣстѣ подъ за-главьемъ:

4) *Отчеты Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и словесности за первое десятилетіе съ ея учрежденія. С. Петербургъ. 1852, въ 8-ю долю листа, 396 + III стр.*

Въ этой книгѣ читатель найдетъ Высочайшия утверж-денное положеніе объ Отдѣленіи, десять отчетовъ съ уче-ными приложениями и очеркъ состава Отдѣленія въ началѣ 1852 года.

По окончаніи главныхъ трудовъ, Второму Отдѣленію Ака-деміи предначиненныхъ, приступлено было къ новому изданію Грамматики и къ приготовленію матеріаловъ для втораго изда-нія Общаго Словаря и дополненія къ Областному.

Желая распространить кругъ трудовъ своихъ, принять къ числу непосредственныхъ своихъ изслѣдованій спеціальныя филологическіе и литературные вопросы, для общей пользы приобщить къ своей дѣятельности дѣятельность любителей оте-чественнаго языка и соплеменныхъ ему нарѣчій, литературы ихъ и исторій, Отдѣленіе предположило издавать отъ себя:

5) *Извѣстія*, которыя съ 1852 года издаются подъ редак-ціею Академика И. И. Срезневскаго. Теперь изданы два тома, за 1852 и 1853 годы. Послѣ появленія перваго выпуска ихъ, Отдѣленіе увидѣло, что это предпріятіе гораздо болѣе удовлетворяло современной потребности, нежели сколько можно было ожидать, судя по направленію его, исключительно уче-

ному; до отпечатанія втораго выпуска нужно было повторить изданіе перваго.

Согласно съ начертаніемъ занятій Отдѣленія, изслѣдованія о языкѣ и словесности, помѣщаемыя въ Извѣстіяхъ, трехъ родовъ: *теоретическія*, *историческія* и *критическія*. Въ теоретическомъ отношеніи главный предметъ занятій составляетъ приготовленіе къ новому изданію общаго Словаря и собраніе матеріаловъ для сравнительнаго и объяснительнаго словаря Русскаго языка и другихъ Славянскихъ нарѣчій. Дабы положить твердыя основанія этому огромному заданію, мы должны были опредѣлить начала, которыми намѣрены руководствоваться. Эти начала изложены въ мнѣніи Предсѣдательствующаго, представленномъ на обсужденіе Отдѣленія. Мнѣніе это сообщено было всѣмъ членамъ Отдѣленія отсутствующимъ, корреспондентамъ и извѣстнымъ Русскимъ филологамъ. Кромѣ замѣчаній, сдѣланныхъ присутствующими членами при обсужденіи онаго въ продолженіе нѣсколькихъ засѣданій, Отдѣленіе получило замѣчанія касательно новаго изданія своего Словаря отъ академиковъ, корреспондентовъ, профессоровъ и литераторовъ-филологовъ. По соображенію полезныхъ замѣчаній сихъ ученыхъ, Отдѣленіе утвердило для новаго изданія Словаря правила, которыя, вмѣстѣ съ нѣкоторыми примѣрами объясненій словъ, сообщены всѣмъ, принявшимъ на себя обработываніе какой-либо буквы.

Въ историческомъ отношеніи въ Извѣстіяхъ собираются драгоценныя памятники и образцы народнаго языка и словесности, также статьи по части исторіи словесности.

Въ критическомъ отношеніи Отдѣленіемъ напечатаны ученые разборы современныхъ замѣчательныхъ по теоріи и исторіи словесности сочиненій, и филологическія разысканія памятниковъ Славяно-Русскихъ и древнихъ Русскихъ.

Въ настоящее время издаются отдѣльными книгами, въ исполненіе намѣренія Отдѣленія, изъясненнаго въ Извѣстіяхъ истекающаго 1852 года:

6) *Памятники и образцы народнаго языка и словесности*, двѣ тетради. С. Петербургъ, 1852 и 1853, въ 4-ю долю листа,

Исследуя вопросы, касающіеся Русскаго языка и словесности, Отдѣленіе считаетъ необходимымъ пособіемъ для своихъ изысканій наблюденія надъ мѣстными отличіями языка и словесности, которыя могутъ быть собираемы на мѣстѣ въ различныхъ краяхъ обширнаго нашего отечества. Въ издаваемыхъ нынѣ Памятникахъ содержатся драгоценныя сокровища языка и словесности. Таковы: Бѣлорусскія пословицы и поговорки, собранныя Н. Н. *Носовичемъ*; Старинныя Русскія пѣсни, записанныя Е. *Фаворскимъ*; Образцы *Кашебскаго* нарѣчія; Былины, или побывальщины, сообщенныя Г. *Гуляевымъ*; Бѣлорусскія пословицы, собранныя П. *Шпилевскимъ*; Закамскія хоровадныя пѣсни, доставленныя П. А. *Пафнутьевымъ*; Сербскія пѣсни; Малорусскія думы, доставленныя А. *Аванасьевымъ*. Всѣ эти памятники издаются съ строгимъ выборомъ въ отношеніи къ содержанію и филологической пользѣ, и сопровождаются замѣчаніями Редактора И. И. Срезневскаго.

7) *Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго Словаря Русскаго языка и другихъ Славянскихъ нарѣчій*. С. Петербургъ, 1853, въ 4-ю долю листа.

Матеріалы раздѣляются на три разряда: одни заключаютъ въ себѣ обозначеніе или опредѣленіе значенія словъ, еще не занесенныхъ въ словари; другіе — объясненіе словъ помощью пособій, представляемыхъ сравнительною филологіей; третьи имѣютъ цѣлю указать происхожденіе словъ Русскихъ и Западно-Славянскихъ изъ языковъ иностранныхъ.

8) *Историческія чтенія о языкѣ и словесности въ записаніяхъ Отдѣленія 1852 и 1853 годовъ*. Здѣсь историкъ и филологъ найдутъ новыя и любопытныя изслѣдованія Академиковъ: И. И. Срезневскаго, М. П. Погодина, П. Г. Буткова, Преосвященнаго Макарія, Члена-Корреспондента К. А. Неволина, и любителей отечественной науки: И. Д. Бѣляева, А. Ѳ. Тюрина, М. И. Сухомлинова, А. А. Лавровскаго и В. М. Ундольскаго.

Мы помнимъ и цѣнимъ труды прежнихъ дѣятелей на поприщѣ исторіи отечественной словесности и соединенной съ

нею исторіи языка; помнишь и цѣнимъ труды дѣателей современныхъ, появляющіеся и отдѣльными книгами и въ повременныхъ изданіяхъ; но знаемъ и свою обязанность въ отношеніи къ историческимъ изслѣдованіямъ роднаго слова и его проявленіямъ въ жизни. «Въ историческихъ изслѣдованіяхъ о нашей словесности, какъ справедливо замѣчено въ первомъ изъ изданныхъ Чтеній, мы Русскіе предоставлены самимъ себѣ; своей собственной дѣятельностію должны разрабатывать рудники, едва начатые, собирать и даже отыскивать матеріалы, не говоря уже о дальнѣйшей ихъ обдѣлкѣ. Изслѣдованія историческія о нашей словесности необходимы для насъ и какъ пособіе для отчетливаго разумѣнія тѣхъ изъ писателей нашихъ, которые содѣйствовали къ образованію нашего народнаго вкуса, нашихъ нынѣшнихъ литературныхъ убѣжденій. И въ то время, какъ важность этихъ изслѣдованій оправдывается возрастающимъ постепенно вниманіемъ къ нимъ въ образованныхъ кругахъ нашего общества, Академія поставляетъ долгомъ своимъ содѣйствовать успѣшному ходу этого дѣла трудами своими и своихъ сотрудниковъ.» Нельзя дать строгаго порядка нашимъ историческимъ чтеніямъ о языкѣ и словесности; потому что каждый изъ насъ и изъ сотрудниковъ нашихъ самъ собою возбуждается къ тому или другому вопросу; но успѣхъ дѣла не во вышнемъ порядкѣ разсмотрѣнія вопросовъ по времени или по предметамъ, а въ современности и основательности задачъ и рѣшеній. Наша забота можетъ устремляться на это, и устремлялась не напрасно: книга Чтеній, нами изданная, можемъ сказать безукоризненно, не упадетъ бесплодно на ниву отечественной науки. Не все, что можно назвать историческими чтеніями о языкѣ и словесности, вошло въ нее изъ того, что занимало наше вниманіе въ этомъ родѣ: изслѣдованія о глгописяхъ, азбуковникахъ, старинныхъ путешествіяхъ и трудахъ географическихъ, по желанію сочинителей, или получили пока другое назначеніе, или представлены Отдѣленію не въ строгой формѣ академическихъ чтеній; но мы на это можемъ смотрѣть съ пріятною надеждою, что не вошедшее въ первую книгу Чтеній займетъ свое мѣсто во второй съ достоинствомъ для науки и для Академіи.

Не упоминая о томъ, что еще ожидается окончательнаго исполненія, не можемъ умолчать о нашихъ трудахъ по новому изданію Общаго Словаря, трудахъ тѣмъ болѣе для насъ драгоцѣнныхъ, что мы видимъ сочувствіе къ нимъ во многихъ изъ любителей отечественнаго просвѣщенія, сочувствіе плодотворное, сопряженное съ тягостной работой. Дѣйствуя въ исполненіи этого дѣла медленно, какъ и должно въ столь важномъ предпріятіи, мы, съ помощію Божіей, начали его, одѣлила протаворѣчія мнѣній, опредѣлили границы возможнаго исполненія требованій и ожиданій. Все главное, что занимало насъ въ этомъ отношеніи, собрано въ книгѣ:

9) *Мнѣнія о новомъ изданіи Русскаго Словаря и правила изданія оного*. С. Петербургъ, 1853, въ 8-ю долю листа.

Отдѣленіе, предположивъ приступить ко второму изданію общаго Словаря, намѣрено въ нѣкихъ мѣстахъ исправить первое изданіе, въ другихъ дополнить, дабы этотъ важный трудъ явился по возможности усовершенствованнымъ. Убѣждаясь въ той истинѣ, что словарь отечественнаго языка долженъ служить сокровищницею не только словъ, но и понятій, выражаемыхъ словами, развитія ихъ и переходы отъ одного значенія къ другому, съ приѣздами изъ писателей, оно желаетъ совѣтить въ немъ идею словаря общаго, литературнаго и филологическаго. Но органической связи Русскаго языка съ Церковно-Славянскимъ въ стипендію ихъ составѣ, второе изданіе Словаря, какъ и первое, должно быть утверждено на коренной основѣ не только древняго Русскаго языка, но и Церковно-Славянскаго. Въ отношеніи лексикологическомъ, заимствованія изъ Церковно-Славянскаго языка, начатыя нашими предками, продолжаютъ и нынѣ; но въ отношеніи грамматическомъ Русскій языкъ издавна образовался въ языкъ самостоятельный. Посему Словарь въ новомъ изданіи, сохраняя основу прежняго изданія, не ограничиваясь приѣздами Русскими, заимствованными изъ живой рѣчи общества и писателей, начиная со времени перваго Русскаго университета в Демососова, справедливо можетъ быть названъ *Словаремъ Русскаго языка*.

Мы приступили наконецъ къ набору Словаря и занимаемся чтеніемъ корректуры. Еще встрѣчаемъ нѣкоторыя затрудненія,

на умѣ легко постигаемая; главныя трудности преодолены. Бѣги дасть, и остальное будетъ все устроено сообразно съ нуждами общими и съ достоинствомъ Отдѣленія.

И этими трудами не ограничилось Отдѣленіе: въ 1853 году оно приступило къ печатанію *Ученыхъ Записокъ*, нынѣ издаваемыхъ. Подъ этимъ названіемъ Отдѣленіе печатаетъ сочиненія, по особенностямъ содержанія или по самому объему неудобныя для помѣщенія ихъ въ *Извѣстіяхъ*, какъ дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ Академіи и корреспондентовъ, такъ и постороннихъ ученыхъ, о разныхъ предметахъ, не только относящихся къ Русскому языку и словесности, но и вообще входящихъ въ область нравственно-историческихъ и словесныхъ наукъ.

Истекшаго 21 числа Октября сего 1853 года исполнилось 70 лѣтъ, какъ открыта была Императорская Россійская Академія, преобразованная въ Отдѣленіе Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Члены Второго Отдѣленія Академіи, равно какъ и Члены бывшей Россійской Академіи, удѣляющіе академическимъ занятіямъ лишь только малую часть досуга, остающагося отъ служебныхъ обязанностей, совершили все, что могли. Иностранная Академія, старѣйшія нашей, успѣвшія соорудить блистательныя памятники ученыхъ и литературныхъ трудовъ, убѣждаютъ насъ только въ томъ, что въ мірѣ умственномъ, какъ и въ мірѣ вещественномъ, все развивается и совершенствуется постепенно. Такой же постепенный ходъ видимъ мы на различныхъ степеняхъ семидесятилѣтняго ученаго сосло-

віа, назначеннаго для *храненія* и *утвержденія* отечественнаго языка. Подъ сѣнію Провидѣнія, при постоянномъ стремленіи къ указанной намъ Вѣнценоснымъ Покровителемъ Академіи цѣли, будемъ хранить во всей чистотѣ отечественный языкъ, органъ нашего Православія и Самодержавія, содѣйствовать развитію народной самобытной словесности, передавать юному поколѣнію знанія, очищенныя и проникнутыя любовью къ Вѣрѣ и Престолу.

О Т Ч Е Т Ъ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ

РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ЗА 1853 ГОДЪ.

(ОРА. АКАД. П. А. ПЛЕТНЕВА).

И.

5 Мая нынѣшняго года скончался Министръ Народнаго Просвѣщенія, Тайный Совѣтникъ Князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ. Въ Отдѣленіи Русскаго языка и словесности, со времени основанія его, онъ былъ Предѣдательствующимъ въ теченіе первыхъ осьми лѣтъ. Навсегда останется памятникомъ неутомимой дѣятельности его въ этомъ званіи «Словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языка», составленный Отдѣленіемъ и оконченный печатаніемъ въ шесть лѣтъ. Задолго до ученыхъ трудовъ по Отдѣленію, Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ приобрѣлъ свѣдѣнія во всѣхъ видоизмѣненіяхъ Русскаго языка, предѣдательствуя въ Археографической

Коммисіи, которой изданія обогатили отечественную исторію драгоценными сокровищами. Но еще ранѣе, и, можно сказать, съ первыхъ дней своего сознанія, онъ началъ изучать красоты и совершенства языка нашего въ его первообразѣ, въ основаніи силы его — языкѣ Церковно-Славянскомъ. Благопріятствовавшія къ тому обстоятельства связаны съ первоначальнымъ его воспитаніемъ.

Описывая дѣтство брата своего, Князя Сергія Александровича Шихматова, въ монашесствѣ Анякиты, онъ рассказываетъ многое, что несомнѣнно должно быть отнесено и къ нему самому, потому что въ ихъ возрастѣ только семь лѣтъ было разности. «Родители его (говоритъ онъ), служа живымъ примѣромъ «благочестія и супружескаго согласія, внушили сыну смиреніе «и страхъ Божій съ ранняго дѣтства. Наученный грамотѣ, слѣ- «дующаго обычая нашихъ предковъ, по часослову и псалтырю, от- «рокъ Сергій, съ самыхъ юныхъ ногтей, употребляемъ былъ къ «чтенію псалмовъ и молитвъ на всемогущихъ бдѣніяхъ, кото- «рыя, предъ всякимъ праздничнымъ днемъ постоянно совер- «шались въ дому родительскомъ, и такимъ образомъ, съ одной «стороны, навикалъ въ славословіи Всевышнему, а съ другой — «непримѣтно знакомился съ неподражаемыми красотами на- «шихъ священныхъ и церковныхъ книгъ, выраженныхъ силь- «нымъ и благозвучнымъ языкомъ Славянскимъ *)». Изъ этого одного показанія все становится яснымъ, что составляло отличительность ума, сердца, дѣйствій и всей жизни Князя П. А. Ширинскаго-Шихматова. Благочестіе, смиреніе и правдолюбіе хранилъ онъ неизмѣнно въ душѣ своей какъ наследственный блага. Въ простотѣ жизни и нравовъ, каково окружено было его дѣтство, онъ видѣлъ лучшее украшеніе дома. Ничто не могло отвлечь его отъ строгаго исполненія обязанностей Православной Вѣры. Языкъ и исторія отечества составляли любимые предметы его изслѣдованій: это было какъ бы священнымъ долгомъ его гражданскаго вѣрованія. Такіе созрѣли плоды отъ патриар-

*) О жизни и трудахъ Гермонова Анякиты, въ мирѣ Князя Сергія Александровича Шихматова. Читано въ Императорской Россійской Академіи 29 Окт. 1838 г. Стр. 2 и 3.

хальнаго воспитанія въ семействѣ, гдѣ Господь благословилъ родителей девятью сыновьями и тремя дочерьми.

Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ родился въ 1790 г. Смоленской губерніи Вяземскаго уѣзда, въ селцѣ Дерновѣ. Четырнадцати лѣтъ поступилъ онъ въ Морской Кадетской Корпусъ гардемариномъ. Въ назидательномъ разсказѣ своемъ, приведенномъ выше, онъ упоминаетъ о сосѣдственномъ семействѣ, которому Князь Сергій Александровичъ много обязанъ былъ въ умственномъ развитіи, а слѣдовательно и онъ самъ. Это — семейство Дарьи Ивановны Уваровой, матери нынѣшняго Президента Академіи нашей. Не безъ любопытства, не безъ участія останавливается вниманіе на безвѣстномъ уголкѣ, въ которомъ, посреди дѣтскихъ игръ, началось образованіе двухъ Министровъ Народнаго Просвѣщенія, одинъ за другимъ слѣдовавшихъ. Надобно предположить, что Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ, прежде поступленія въ корпусъ, успѣлъ заpastися нѣкоторыми основательными знаніями, такъ какъ черезъ три года произвели его въ мичманы, удостоивъ особенной награды за успѣхи въ наукѣ. Въ 1816 году онъ испросилъ себѣ увольненіе отъ морской службы, въ которой между тѣмъ успѣлъ оказать, во время осады Данцига, въ 1812 и 1818 годахъ, замѣчательную храбрость, распорядительность и необходимыя званія. Какъ ни былъ коротокъ этотъ періодъ его жизни, но въ немъ положено было начало многому въ его будущей судьбѣ. Молодой человекъ съ прекрасными началами нравственности, съ правильнымъ образованіемъ, съ горячею любовью ко всему отечественному, обратилъ на себя особенное вниманіе Президента Россійской Академіи А. С. Шишкова, который покровительствовалъ уже Князю Сергію Александровичу, Члену Россійской Академіи. На этихъ отношеніяхъ основалось постоянство въ умственныхъ занятіяхъ, въ образованіи вкуса, въ направленіи мыслей и работѣ слога — связь, въ послѣдствіи сильнѣе укрѣпляющаяся.

Въ 1820 году Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ снова вступилъ въ службу: его назначили Начальникомъ Отдѣленія въ Инженерномъ Департаментѣ. Четыре года провелъ онъ въ новой своей должности. А. С. Шишковъ, Высочайше при-

званный, въ 1824 году, къ управленію Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, назначилъ его въ Директоры Казанскаго Университета, должность, въ послѣдствіи отмыѣнная при Университетахъ. Въ концѣ того же 1824 года, Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ опредѣленъ въ Директоры Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія. Это было для него началомъ подробнаго практическаго изученія постановленій и администраціи того Министерства, въ которомъ онъ остался уже на всѣ послѣдніе годы жизни своей. Желая доставить ему высшія занятія въ своемъ вѣдомствѣ, въ 1827 году А. С. Шишковъ исходатайствовалъ для него званіе Члена Главнаго Правленія Училищъ. Отсюда, при Князѣ А. К. Ливенѣ, въ 1830 году онъ поступилъ въ Предсѣдателя Комитета Цензуры иностранной. Прежде окончанія трехъ лѣтъ послѣдовалъ Именной Высочайшій Указъ, которымъ Всемилостивѣйше повелѣно возложить на него управленіе Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія. Въ началѣ 1842 года онъ облеченъ былъ въ званіе Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія. Наконецъ, до истеченія осьми лѣтъ, Его Императорскому Величеству благоугодно было Князя П. А. Ширинскаго-Шихматова утвердить Министромъ Народнаго Просвѣщенія. И такъ почти тридцать лѣтъ гражданской службы своей онъ посвятилъ одному нашему Министерству. Можно безъ преувеличенія сказать, что въ это время ни одно дѣло по Министерству, ни одно предположеніе, ни одна перемѣна, ни одно постановленіе не совершилось безъ его непосредственнаго участія. Неутомимая дѣятельность, вниманіе, спокойствіе, опытность, примѣрная любовь къ труду, все соединено было въ немъ для изслѣдованія, соображенія и исполненія.

Многотрудныя обязанности, которыхъ ревностное исполненіе требовало постоянныхъ усилій и сосредоточенности занятій, не могли отклонить Князя П. А. Ширинскаго-Шихматова отъ другихъ трудовъ, составлявшихъ потребность христіански настроенной души его. Съ 1831 года до конца жизни своей, мыслию и дѣломъ, онъ принадлежалъ Императорскому Чмоуѣколюбивому Обществу. Первые двѣнадцать лѣтъ онъ находился въ немъ какъ Членъ Комитета по учебной части. Съ

1831 года на него возложены обязанности Дѣйствительнаго Члена Совѣта. Въ отсутствіе Помощника Главнаго Попечителя Общества онъ избранъ къ исполненію его должности, которая въ 1846 году утверждена за нимъ какъ постоянная его обязанность. Во время болѣзни Главнаго Попечителя Общества Высочайше ему повелѣно назначать собранія Совѣта. Только въ 1850 году, когда должность Министра не оставяла уже ему нисколько свободнаго времени, онъ испросилъ увольненіе отъ званія Помощника Главнаго Попечителя Совѣта, сохранивъ однакоже за собою пріятную для него обязанность Дѣйствительнаго Члена Общества.

Если мы ко всѣмъ этимъ обязанностямъ присоединимъ труды, какихъ требуетъ званіе Сенатора и Предсѣдательствующаго въ различныхъ Комитетахъ и Комиссіяхъ, то временно учреждаемыхъ, то постоянно занимающихся отдѣльными предметами по Министерству, конечно сдѣлается понятнымъ, отъ чего Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ не могъ вполне предаться учено-литературнымъ занятіямъ. Впрочемъ, судя по тому, что онъ успѣлъ издать въ свѣтъ нѣтъ своихъ произведеній, нельзя не согласиться, что онъ достигнулъ строгой точности выраженій, правильности и ясности оборотовъ, даже особеннаго рода убѣдительности рѣчи. Въ молодости онъ испытывалъ свой талантъ въ сочиненіяхъ стихотворныхъ, постоянно обрабатывая предметы, преимущественно занимавшіе нравственно-религіозную его душу. Одно изъ первыхъ его стихотвореній было напечатано въ 1822 году, подъ заглавіемъ: «Единоборство Челубея и Пересвѣта». На слѣдующій годъ явилась его «Ода на честолюбіе». Отъ 1824 года остались два его произведенія: «Кораблекрушеніе (подражаніе первой пѣсви Англійской поэмы — Море)» и «Измѣненія природы, или слѣдствія паденія человека.» Въ 1825 году, бывши Директоромъ Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія, по Высочайшему повелѣнію, сообщенному Генераломъ отъ Артиллеріи Графомъ Аракчеевымъ, онъ перевелъ съ Французскаго языка сочиненіе Профессора Эрлангенскаго Университета, Доктора Гарля, подъ названіемъ: «Общее предначертаніе опеки для бѣдныхъ». Также въ 1828 году напечатаны его: «Опытъ Духовныхъ Стихотвореній». Въ то

время, какъ отъ Императорской Россійской Академіи выходило «Повременное изданіе», Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, помѣстилъ въ немъ много своихъ произведеній, какъ то: «Оду на кончину Князя М. Л. Кутузова-Смоленскаго», два отрывка, прозвѣю переведенные изъ «Ночей Юнга», «Преложеніе XII-го Псалма», стихотвореніе «Суета», «На смерть дочери», «На миръ съ Оттоманскою Портою въ 1829 г.», «На всерадостное рожденіе Е. И. В. Великаго Князя Михаила Николаевича», и нѣкоторые другія. Два его сочиненія въ прозѣ обработаны съ особеннымъ тщаніемъ: «Похвальное Слово Императору Александру Благословенному», за которое въ 1831-году Россійская Академія поднесла ему золотую медаль въ 50 червонныхъ, съ надписью: «Приносящему пользу Россійскому слову», и «Похвальное Слово Императрицѣ Маріи Февдоровнѣ». За экземпляръ послѣдняго, всеподданнѣйше поднесенный Государю Императору, авторъ удостоился получить Высочайшее Его Императорскаго Величества благоволеніе. Изъ академическихъ чтеній его напечатаны два: въ 1838-году «О жизни и трудахъ Геромонаха Анникты, въ мирѣ Князя Сергія Александровича Шихматова», и въ 1841 «Смерть Преподобнаго Іосифа, митрополита Астраханскаго и Терскаго». Къ числу важнѣйшихъ учено-литературныхъ трудовъ его надобно по справедливости отнести, какъ уже упомянуто было, самое дѣятельное его участіе въ составленіи «Словаря Церковно-Славянскаго и Русскаго языка» и также «Опыта Областнаго Великорусскаго Словаря». Безъ его окончательнаго взгляда ни одинъ листъ не предавался печатанію.

Въ продолженіи тридцатилѣтней службы своей по Министерству Народнаго Просвѣщенія, Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ постоянно и конечно съ истиннымъ удовольствіемъ видѣлъ, какъ ежегодно болѣе и болѣе выражалось къ нему и неотъемлемымъ его заслугамъ уваженіе высшихъ ученыхъ мѣстъ и учрежденій. Императорская Академія Наукъ и всѣ Русскіе Университеты присоединили его къ числу своихъ Почетныхъ Членовъ. Въ Императорской Россійской Академіи, съ 1828-го года, онъ былъ Дѣйствительнымъ Членомъ. Кіевская

Духовная Академія и Санктпетербургская Медико-Хирургическая равнымъ образомъ внесли имя его въ списки Почетныхъ Членовъ своихъ. Сверхъ того ему присланы были дипломы на это самое званіе отъ Вольнаго Экономическаго Общества, отъ Московскаго и Рижскаго Обществъ Испытателей Природы, отъ Обществъ Исторіи и Древностей Московскаго, Одесскаго и Остзейскихъ губерній, отъ Высочайше утвержденаго Санктпетербургскаго, Курляндскаго и Казанскаго Обществъ любителей отечественной словесности, отъ Императорской Публичной Библіотеки и Археологическаго Общества. Наконецъ онъ избранъ въ Почетные Члены иностранными Обществами: Мюнхенскимъ Естественныхъ Наукъ, Афинскимъ Изящныхъ Искусствъ и Копенгагенскимъ Съверныхъ Антикваріевъ.

Князь П. А. Ширвинскій Шихматовъ, какъ мы видѣли, управлялъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія три года и восемь мѣсяцевъ. Первые четыре мѣсяца онъ носилъ званіе Товарища Министра, Управляющаго Министерствомъ, а остальное время — Министра. Два обозрѣнія различныхъ Учебныхъ Округовъ и Университетовъ, совершаемыя имъ сперва по сѣверо-восточной, а потомъ по юго-западной полосѣ Россіи, принадлежатъ къ числу примѣчательнѣйшихъ и полезнѣйшихъ трудовъ его по службѣ. Онъ не оставилъ безъ вниманія ни одной части многосложнаго и разнороднаго устройства учебныхъ заведеній въ своемъ вѣдомствѣ. Въ послѣдніе два года замѣтно стало измѣнять ему здоровье, на которое онъ привыкъ, можетъ быть, слишкомъ полагаться. Не смотря на видимый упадокъ силъ тѣлесныхъ, онъ до конца жизни не покидалъ своихъ занятій — и только въ послѣдній мѣсяцъ испросилъ у Его Императорскаго Величества дозволеніе отправиться за границу для поправленія здоровья, чѣмъ, ко всеобщему сожалѣнію, не успѣлъ воспользоваться. Кончина его, какъ и вся жизнь, была истинно христіанская. Не обольщавсь ничѣмъ земнымъ, онъ давно готовъ былъ къ переселенію въ вѣчность.

III.

Въ нынѣшнемъ же году, Отдѣленіе Русскаго языка и словесности лишилось одного изъ Почетныхъ Членовъ своихъ. 23 Мая, въ деревнѣ своей, въ Костромской губерніи, на 61 году жизни, скончался Павелъ Александровичъ Катенинъ, отставной Генералъ-Маіоръ. Онъ родился 11 Декабря 1792 года. Отъ природы получилъ онъ много блестящихъ даровъ, которые съ его молодости привлекли къ нему вниманіе замѣчательнѣйшихъ его современниковъ. Онъ обладалъ самою счастливою памятью, живымъ воображеніемъ, тонкимъ и острымъ умомъ, врожденнымъ вкусомъ и твердымъ, благороднымъ характеромъ. Любовь къ просвѣщенію и постоянство въ изученіи всего прекраснаго обогатили душу его разнородными познаніями, придавшими необыкновенное движеніе и силу умственнымъ его способностямъ. Онъ былъ поэтъ не только въ стихахъ, но и въ разговорѣ и въ дѣйствіяхъ. Въ числѣ немногихъ изъ писателей нашихъ онъ рано почувствовалъ необходимость пользоваться въ Русскомъ языкѣ тѣми разнообразными красками, которыя сообщаются ему искуснымъ сліяніемъ нарѣчій стариннаго и новаго, книжнаго и устнаго. Эта свобода ловко управляться съ понятіями и оборотами въ сочиненіяхъ равнялась только съ непринужденнымъ и мѣткимъ его разговоромъ. Изъ иностранныхъ языковъ онъ вполне владѣлъ не только Французскимъ и Нѣмецкимъ, но и Итальянскимъ, Испанскимъ, даже Латинскимъ. Понятно, какими сокровищами они обогащали умъ и воображеніе жаднаго къ дѣятельности поэта.

П. А. Катенинъ рано поступилъ на службу. До осьмнадцатилѣтняго возраста онъ находился въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, а въ 1810 году перешелъ портупей-прапорщикомъ въ Преображенскій полкъ. Черезъ десять лѣтъ его пожаловали въ полковники. Блестательною эпохой службы его была война 1812 года. Онъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Бородинѣ, Люценѣ, Бауценѣ, Кульмѣ и Лейпцигѣ. Храбрость была такимъ же врожденнымъ его качествомъ, какъ и быстрота

умственица въ дѣлахъ литературныхъ. Время, проведенное имъ въ Петербургѣ до первой отставки, исключительно посвящено было поэзи. Жуковский, Пушкинъ и другіе писатели этого славнаго періода составляли общество его, участвуя въ его занятіяхъ. Къ драматической поэзи онъ чувствовалъ особенное влеченіе. На здѣшнемъ театрѣ онъ еще засталъ въ полномъ блескѣ Семенову и Яковлева, которые разыгрывали трагедію «Эсепръ», переведенную имъ александрійскими стихами изъ Расина. Изъ него же онъ перевелъ «Баязета». Важнѣйшая заслуга его драматическому въ Россіи искусству состояла въ образованіи знаменитаго Каратыгина, съ которымъ онъ во всю жизнь оставался въ дружескихъ сношеніяхъ. Изъ собственныхъ его сочиненій для театра извѣстны: «Андромаха», трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, и «Ширъ у Іоанна Безземельнаго», прологъ, написанный для драмы Князя А. А. Шаховскаго «Ивангой», который въ 1821 году былъ здѣсь на театрѣ представленъ вмѣстѣ съ драмою. Изъ Корнеля онъ перевелъ «Сидя» и четвертое дѣйствіе «Горациевъ.» Еще болѣе трудился онъ для комической сцены. Имъ переведены: «Les fausses confidences» Мариво, подъ заглавіемъ: «Обманъ въ полъу любви», «Le Méchant» Грессета, подъ названіемъ: «Сплетни», и еще слѣдующія три комедіи: «Недовѣрчивый», «Говорить правду потерять дружбу» и «Нечаянный Закладъ.»

Десять лѣтъ П. А. Катенинъ прожилъ у себя въ деревнѣ. Въ одиночествѣ сосредоточиваются мысли и умъ созрѣваетъ. Но прелесть и очарованіе искусства, особенно драматическаго, нигдѣ такъ не ощутительны, какъ въ столицѣ. Поэтъ нашъ задумалъ было дописать тамъ начатую здѣсь комедію, подъ названіемъ: «Вражда и Любовь», но не могъ, а напечатать только отрывокъ изъ нея, вотъ что самъ сказалъ: «въ драматической «поэзи вообще нельзя упражняться съ усердіемъ и упѣнкомъ иначе, какъ въ присутствіи театра и публики, всего менѣе въ «комическомъ родѣ.» Въ замѣнъ того, глубоко и художнически вдумываясь онъ, какъ критикъ и какъ поэтъ, въ правила и въ исторію литературы. Его «Размышленія и Разборы», въ которыхъ замѣчательная начитанность и остроумныя соображенія безпрестанно наводятъ читателя на новыя мысли, могутъ слу-

жить образцами критики. Они помѣщены въ «Литературной газетѣ» Барона Дельвига, издававшейся въ 1830 году. Авторъ, въ теченіе одного года, изложилъ замѣчанія свои о слѣдующихъ предметахъ: 1) объ изящныхъ искусствахъ, о поэзіи вообще и о поэзіи Еврейской, 2) о поэзіи Греческой, 3) о поэзіи Латинской, 4) о поэзіи новой сначала, 5) о поэзіи Итальянской, 6) о поэзіи Испанской и Португальской и 7) о театрѣ.

Въ 1832 году П. А. Катенинъ былъ опять въ Петербургѣ. Въ это время явилось собраніе «Сочиненій и Переводовъ» его въ двухъ частяхъ, изданное Николаемъ Ивановичемъ Бахтинимъ, который въ небольшое предисловіе свое внесъ много тонкихъ и основательныхъ замѣчаній объ авторѣ. Нельзя не пожалѣть, что въ это собраніе не вошло все, написанное поэтомъ. Изъ драматическихъ его произведеній помѣщены здѣсь: 1) Пиръ Іоанна Безземельнаго, 2) Отрывокъ изъ комедіи «Вражда и любовь», 3) Два четвертыхъ дѣйствія «Горацийевъ» и «Меденъ», Разсказъ Терамена изъ «Федры» и три отрывка изъ «Госолія»: первое явленіе, сонъ ея и хоръ четвертаго дѣйствія. Прочихъ переводовъ и собственныхъ его трагедій, особо прежде изданныхъ, здѣсь нѣтъ. Особенно надобно сожалѣть, что сюда не внесена проза. Въ слѣдующемъ году Императорская Россійская Академія избрала П. А. Катенина въ число Дѣйствительныхъ своихъ Членовъ, и онъ вскорѣ отправился на Кавказъ, поступивъ въ Эриванскій Карabinерный полкъ. Въ 1836 году его назначили Командантомъ въ крѣпость Кизляръ. Черезъ два года онъ, въ чинѣ Генералъ-Маіора, вышелъ снова въ отставку, переѣхалъ опять въ свою деревню, гдѣ и провелъ остатокъ жизни своей. Все, что только можно было собрать лучшаго на новѣйшихъ Европейскихъ языкахъ, и что оставилъ въ наслѣдство каждому истинно-образованному челоѣку древній классическій міръ, все было соединено въ его библіотекѣ. Такимъ образомъ не удивительно, что въ этой бесѣдѣ съ нѣмыми, но краснорѣчiami друзьями, поэтъ не хотѣлъ снова оторваться отъ своего уединенія.

III.

Изъ числа Корреспондентовъ своихъ Отдѣленіе Русскаго языка и словесности въ нынѣшнемъ году утратило Инженеръ-Полковника Модеста Дмитриевича Резваго, Вице-Директора Строительнаго Департамента Морскаго Министерства. Онъ скончался 7-го Сентября на срокъ седьмѣ году отъ рожденія. Образование свое получилъ онъ въ Главномъ Инженерномъ училищѣ, и въ концѣ 1825 года опредѣленъ на службу въ адъютантскую Инженерную команду. На слѣдующій же годъ ему поручено было преподаваніе исторіи въ верхнихъ классахъ того училища, откуда онъ такъ недавно вышелъ. Въ 1833 году М. Д. Резвой, по Высочайшей волѣ, командированъ къ хронометрической экспедиціи, отправленной въ Балтійское море подъ начальствомъ Генерала Шуберга. Съ 1837 до 1849 года онъ состоялъ, какъ чиновникъ гражданской службы, въ Инженерномъ Департаментѣ, и въ 1846 году, съ Высочайшаго соизволенія, былъ командированъ въ крѣпость Нарву для обозрѣнія на мѣстѣ существующихъ тамъ зданій, примѣчательныхъ своею древностію, и для содѣйствія при составленіи полнаго проекта на исправленіе поврежденныхъ въ нихъ поврежденій. За три года до кончины своей онъ былъ переименованъ въ полковника по Корпусу Инженеровъ Морской Строительной части.

Науки точныя, на обработываніе которыхъ онъ преимущественно посвящалъ ученыя труды непродолжительной жизни своей, не воспретяствовали ему внимательно и съ любовью изучать изящныя искусства. Особенно глубокія свѣдѣнія приобрѣлъ онъ въ музыкѣ, какъ съ практической, такъ и съ теоретической стороны. Его эстетическія способности обратили на него еще въ 1839 году вниманіе Императорской Академіи Художествъ, которою онъ тогда избранъ въ Почетные Великіе члены; Отдѣленіе Русскаго языка и словесности, присутствовавшее въ 1842 году къ составленію «Словаря Русскаго и Церковно-Славянскаго языка», поручило М. Д. Резвому обра-

ботку всѣхъ словъ, относящихся къ музыкѣ. Въ Отчетѣ Отдѣленія за 1843 годъ, объ этомъ предметѣ находимъ слѣдующее извѣстіе: «М. Д. Резвой со всѣмъ усердіемъ принялся за полезное и столь новое у насъ дѣло. Сравнивая объясненія музыкальныхъ терминовъ, помѣщенныхъ въ Словарѣ Французской Академіи, съ нынѣшнимъ состояніемъ теоріи музыки, онъ увидѣлъ, до какой степени было бы недостаточно это пособие для добросовѣстнаго исполненія дѣла. И такъ онъ рѣшился, вмѣсто переработыванія статей, внесенныхъ въ корректурныя листы нашего Словаря, постепенно составлять отдѣльный Словарь музыки, который, къ большому удовольствію Отдѣленія и къ общей пользѣ Русскихъ литераторовъ, онъ уже успѣлъ кончить и представить въ Отдѣленіе».

Ученый трудъ М. Д. Резваго заслужилъ справедливое одобреніе Отдѣленія, которое тогда же избрало автора въ число своихъ Корреспондентовъ. Соображенія сочинителя и самыя основанія, на которыхъ онъ утвердилъ составленіе своего Словаря, изложены имъ въ письмѣ къ Предсѣдательствующему. Теперь конечно самый приличный случай повторить подлинныя слова составителя: «По всѣмъ отраслямъ просвѣщенія — говорить онъ — во 1-хъ — существуютъ, въ большемъ или меньшемъ изобиліи, на Русскомъ языкѣ теоретическія сочиненія. По одной только музыкѣ, какъ въ художественномъ, такъ и въ ученомъ отношеніи, языкъ нашъ не имѣетъ почти никакихъ прочныхъ основаній. То, что до сихъ поръ было издаваемо по этой части, содѣйствовало, можетъ быть, къ водворенію и распространенію понятій о музыкальномъ искусствѣ въ нашемъ отечествѣ; но Русская терминологія музыки, подавляемая выраженіями и формами, заимствованными безъ разбора у Французовъ, Итальянцевъ и Нѣмцевъ, нерѣдко вовсе несвойственными духу нашего языка и здравому смыслу, получила какое-то чудовищное безобразіе и неопредѣлительность. Два весьма хорошіе музыканта могутъ по-Русски говорить о музыкальномъ предметѣ, имъ обонимъ совершенно знакомомъ, и не понимать другъ друга, единственно по несходству терминологій, которыми каждый изъ нихъ слѣдуетъ. Во 2-хъ — продолжаетъ авторъ — по отвлеченности музыкальныхъ понятій, такъ какъ

они относятся къ искусству самому, идеальному, оказывается иногда затруднительнымъ сдѣлать краткое опредѣленіе какого либо слова по части музыки безъ нѣкотораго описательнаго дополненія или объясненія. Въ 3-хъ, Русскіе имѣютъ большую склонность, можно даже сказать — врожденную страсть къ музыкѣ; но, по недостатку словъ, не всегда могутъ выразить на родномъ языкѣ то, что они чувствуютъ. Вотъ причины (прибавляетъ въ заключеніе сочинитель), по которымъ мнѣ казалось простительнымъ и даже нужнымъ допустить въ Русскомъ Словарѣ нѣсколько, хотя и весьма незначительно, большую подробность при обдѣлкѣ словъ, относящихся къ музыкѣ. Впрочемъ я искалъ по возможности избѣгать изложенія энциклопедическаго и всѣхъ вообще подробностей. Для устраненія нѣкоторыхъ повтореній, безъ пользы увеличивающихъ объемъ сочиненія, я старался, гдѣ оказывалось удобнымъ, совокуплять въ одну статью все то, что можно было къ ней отнести, не раздробляя напрасно предмета, ограничиваясь потомъ, въ своемъ мѣстѣ, однимъ ссылками на ту статью». Такимъ образомъ вышло, что всѣ объясненія терминовъ по части музыки, заключающіяся въ изданномъ Отдѣленіемъ «Словарѣ Русскаго и Церковно-Славянскаго языка», принадлежатъ нынѣ утраченному нами Корреспонденту Д. М. Резвому.

IV.

Академическія занятія Членовъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности, въ теченіе 1853 года, продолжались въ томъ же порядкѣ и въ томъ же объемѣ, какъ были они начаты въ прошедшемъ году по предначертанію Г. Предсѣдателя.

Второе изданіе «Опыта Общесравнительной Грамматики», дополненное новыми указаніями на различные предметы науки

и ея правила, принято было публикою съ тѣмъ же вниманіемъ, какъ и первое. По истеченіи первыхъ двухъ мѣсяцевъ нынѣшняго года, Г. Предсѣдательствующій объявилъ Отдѣленію, что малое число экземпляровъ Грамматики, остающихся послѣ распродажи втораго изданія, заставляетъ приступить къ третьему, которое и должно явиться въ наступающемъ году. Отдѣленіе, пользуясь указаніями опыта и внимательныхъ къ тому дѣлу судей, считаетъ своею обязанностию употребить новыя усилія, чтобы труду своему придать новыя улучшенія. Въ «Извѣстіяхъ» было уже напечатано мнѣніе Профессора Александровскаго Лицея Я. К. Грота о новой системѣ спряженія Русскихъ глаголовъ, достойной общаго вниманія, и Профессора Александровскаго Университета С. И. Барановскаго «О видахъ Русскаго глагола.»

«Словарь Русскаго языка» составляетъ нынѣ главное занятіе Отдѣленія, и много лѣтъ должны употребить мы на строгое и вѣрное исполненіе предначертаній по изданію столь ответственнаго и важнаго труда. Никто не сомнѣвается, что, при разграниченіи трехъ стѣхій, изъ которыхъ образовался нынѣшній языкъ нашъ, и которыя, по своимъ формамъ и даже нѣрѣдко по своему образованію, будучи отдѣльными языками, столько вѣковъ употреблялись вмѣстѣ, почти безразлично, затрудненія должны встрѣчаться на каждомъ шагѣ. Вотъ почему одво составленіе Правилъ въ руководство редакторамъ новаго Словаря требовало многихъ соглашеній и перемѣнъ. Только въ апрѣлѣ Г. Предсѣдательствующій представилъ ихъ въ Отдѣленіе окончательно отпечатанными и роздалъ ихъ Академикамъ. Тогда же определено сообщить по экземпляру этихъ Правилъ отсутствующимъ редакторамъ нашего Словаря. Между тѣмъ чтеніе словъ, приготовляемыхъ для него по новому плану, въ собраніяхъ Отдѣленія не прерывалось. Г. Предсѣдательствующій и Академикъ И. С. Кочетовъ и И. И. Срезневскій, по мѣрѣ обработки, вносили труды свои на разсмотрѣніе и сужденіе Членовъ Отдѣленія.

Въ составъ матеріаловъ для «Словаря Русскаго языка» вошли объясненія специальныхъ терминовъ, представленныя рас-

ными лицами, изъявившими готовность участвовать въ общепольномъ дѣлѣ. Прежде, нежели поступили она по принадлежности къ редакторамъ, Отдѣленіе постоянно занималось ихъ чтеніемъ и разборомъ для соображенія, въ какой мѣрѣ доставляемыя объясненія соответствуютъ общему плану изданія. Оно съ признательностію видѣло прекрасное начало ученыхъ трудовъ по терминологіи юридической Профессора Санктпетербургскаго Университета К. А. Неволіна, по ботаникѣ Профессора того же Университета И. О. Шиковскаго, по минералогіи Профессора Московскаго Университета Г. Е. Щуровскаго, и по всемімъ наукамъ Подковника Д. А. Милотина. Сверхъ того разсмотрѣно въ Отдѣленіи нѣсколько объясненій словъ, заимствованныхъ изъ Латинскаго языка, присланныхъ Профессоромъ Лазаревскаго Института А. З. Зиновьевымъ, по части богословія г. Островскимъ, по хронологіи Статскимъ (нынѣ Дѣйствительнымъ) Совѣтникомъ П. В. Хавскимъ, по анатоміи Профессоромъ Казанскаго Университета Н. В. Барминскимъ, по терминологіи музыки А. Ф. Тюрничымъ. Въ дополненіе «Словаря Церковно-Славянскаго и Русскаго языка», тѣмъ Отдѣленіемъ по усмотрѣнію своему можетъ воспользоваться, доставили нѣкоторыя пропущенныя въ первомъ изданіи слова: бывшій Учитель Нѣмецкаго языка А. А. Дейбрехтъ, Майоръ В. А. Васильскъ, Профессоръ Рижскаго Императорскаго Лицея К. П. Зеленецкій, Учитель Михайловскаго Воронежскаго Кадетскаго Корпуса г. Хованскій и Сувалскаго Гимназіи г. Кравченко, Магистръ К. С. Аксаковъ и Штабный Смотритель Рыльскаго Уѣзднаго Училища г. Дмитроковъ. Последний присоединилъ къ тому выборъ словъ изъ рукописей XVII и половины XVIII столѣтія. Членъ Корреспондентъ Отдѣленія, Директоръ Пражскаго Музея В. В. Ганка, принимая живое участіе въ новомъ изданіи «Словаря Русскаго языка», сообщилъ Отдѣленію свои мысли касательно этого труда, важнаго и для прочихъ Славянскихъ племенъ. По его мнѣнію, тѣмъ обширнѣе будетъ рама предпринимаемаго изданія, тѣмъ болѣе принесетъ оно пользы. Кандидатъ Санктпетербургскаго Университета г. Чернышевскій представилъ «Опытъ словаря изъ Ипатіевской Лѣтописи» — трудъ полезный и замѣчательный. Привлечи къ сообра-

женію своему всѣ эти голоса сочувствія къ отечественному слову, Отдѣленіе приготовляетъ имъ законное мѣсто въ изданіи.

«Опытъ областного Великорусскаго словаря» еще болѣе привлекъ къ себѣ сотрудничество ученыхъ изслѣдователей народной рѣчи. Со всѣхъ концовъ Россіи Отдѣленіе получало дополненія къ своему первому «Опыту.» Изъ среды Академиковъ, Я. И. Березниковъ представилъ значительное количество областныхъ словъ Тихвинскаго уѣзда, а И. И. Срезневскій — свои дополненія и объясненія. При новомъ изданіи «Опыта» они послужатъ полезнымъ для него обогащеніемъ. Отдѣленіе рассмотрѣло и въ томъ же предположеніи сохранить областныя слова, какія прислали постороннія лица: изъ Юхнова Учитель Фельдшерской Школы при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ г. Бѣлецкій; изъ Вытегры Учитель Уѣзднаго Училища г. Тимошеевъ; изъ Казанской губерніи Протоіерей: Михайлъ Воецкій и Александръ Высоцкій, Священники: Дмитрій Пеньковскій, Александръ Пальмовъ и Павелъ Фанагорійскій, и Врачъ Больницы Приказа Общественнаго Призрѣнія г. Толмачевъ; изъ Туринска и Острогожска Учителя Уѣзднаго Училища: г. Костя и г. Крамскій; изъ Воронежской губерніи Священникъ Федоръ Никоновъ; изъ Пензенской губерніи Студентъ Московскаго Университета И. П. Яровъ; изъ Саратовской и Воронежской губерній Учитель Михайловскаго Воронежскаго Кадетскаго Корпуса г. Хованскій; изъ Борисоглѣбска Помѣщикъ г. Козловъ; изъ Сибири, съ присоединеніемъ словъ, употребляемыхъ въ Кяхтѣ, Титулярный Совѣтникъ г. Черепановъ; изъ Суджи Учитель Уѣзднаго Училища г. Николаевъ; изъ Владимира Учитель Гимназіи г. Бодровъ; изъ Херсонской губерніи г. Негрескулъ, и изъ Боброва отставной Капитанъ А. И. фонъ Кремеръ. Не менѣе полезны будутъ при новой обработкѣ «Облѣстнаго Великорусскаго Словаря» рассмотрѣнные Отдѣленіемъ образцы мѣстныхъ памятниковъ народной рѣчи и записанія о нихъ, сообщенныя собирателями. Въ Казанской губерніи Священникъ Политовъ собралъ свадебныя поговорки; Учитель Новгородской Гимназіи, г. Купріяновъ,

и Штатный Смотритель Рыльского Уѣзднаго Училища, г. Дмитрюковъ, изложили свои соображенія объ особенностяхъ выговора въ языкѣ, каждый своей мѣстности; Членъ Корреспондентъ Отдѣленія, Профессоръ Казанскаго Университета, И. Н. Березинъ окончилъ объясненія Восточныхъ словъ, помѣщенныхъ въ «Областномъ Словарѣ».

Редакція «Словаря Западно-Русскаго нарѣчія», какъ предположено еще было въ прошломъ году, перешла въ завѣдываніе специалиста по этой части, Кандидата Московскаго Университета, С. П. Микуцкаго. Отдѣленіе доставило ему средства наилучшимъ образомъ совершить возлагаемую на него обязанность. Онъ отправленъ въ путешествіе по тому краю, котораго языкъ отнынѣ составляетъ главную его задачу. Ничѣмъ нельзя вѣрнѣе изобразить сферы ученыхъ стремленій нашего путешественника, какъ приведа собственныя слова его изъ письма къ Академикъ И. И. Срезневскому. «Главную цѣль (говоритъ онъ) всѣхъ моихъ трудовъ и занятій я полагаю и полагаю въ томъ, чтобы раскрыть и пояснить понятія о Богѣ, человекѣ и природѣ у древнихъ Славянъ (по преимуществу Русскихъ) и простирающій оттуда быть домашній и общественный, а также показать, что слова прекраснаго, богатаго и благозвучнаго Русскаго языка должны быть для насъ не пустыми знаками понятій, но тѣмъ, чѣмъ они суть дѣйствительно — живымъ и мѣткимъ выраженіемъ того, что означаютъ. Съ этою цѣлію, на пространствѣ отъ Чудскаго озера до Пинскихъ болотъ, и отъ Балтійскаго моря до Днѣпра, я желалъ бы посѣтить по преимуществу тѣ мѣста, куда слабо проникла ново-Европейская образованность, то есть, тѣ мѣста, въ коихъ наиболѣе сохранилось старинныхъ преданій, повѣрій и обрядовъ; мѣста, отличающіяся чѣмъ нибудь замѣчательнымъ въ говорѣ, или въ обычаяхъ жителей» и проч. Въ теченіе нынѣшняго года, еще до путешествія, онъ сообщилъ нѣсколько матеріаловъ для обогащенія работъ Отдѣленія. Онъ составилъ значительный сборникъ простонародныхъ словъ, употребляемыхъ въ Москвѣ и Ярославлѣ. Другой содержитъ въ себѣ Вѣлорусскія слова, под-

слушаннымъ вѣтъ въ устахъ старцевъ-нищихъ. Еще доставилъ онъ сборникъ охотничьихъ словъ.

Къ этимъ матеріаламъ непосредственно должны быть отнесены труды Надворнаго Совѣтника Несовича, который занимается собираніемъ областныхъ Бѣлорусскихъ словъ. Отдѣленіе, по этому поводу предположило обратить вниманіе составителя преимущественно на слова Бѣлорусскаго нарѣчія, сохраняющіяся въ древнихъ актахъ того края.

Изъ предначертанія годичныхъ занятій Членовъ Отдѣленія, которое въ началѣ 1848 года внесено Г. Предсѣдательствующимъ на соображеніе Академиковъ, видно, что по случаю разбора областныхъ словъ, представленныхъ въ Редакцію «Областнаго Словаря» изъ Полтавы, Отдѣленіе обсуживало вопросъ объ изданіи «Малороссійскаго Словаря». Но такъ какъ печатаніе другихъ трудовъ, уже бывшихъ въ ходу, не оставляло намъ свободнаго времени на исполненіе предпріятія новаго, то оно и было отложено до болѣе удобнаго случая. Въ теченіе нынѣшняго года вопросъ объ этомъ предметѣ возстановленъ былъ снова. Такъ какъ Отдѣленіе, кончивъ изданіе самыхъ отвѣтственныхъ для себя трудовъ, ежегодно расширяетъ кругъ своей дѣятельности; то не удивительно, что въ эту новую сферу вошли достойные участники и для занятій Малороссійскимъ Словаремъ.

Губернскій Секретарь А. С. Аванасьева доставилъ въ Отдѣленіе замѣчательный свой трудъ по этой части. Разсмотрѣніе его собранія Малороссійскихъ словъ и пословицъ поручено было Академику И. И. Срезневскому, который отозвался о немъ съ похвалою, и въ заключеніе разбора своего сказалъ, что одна часть Словаря г. Аванасьева, болѣе любопытная по новостямъ или подробности объясненій, можетъ занять мѣсто въ «Матеріалахъ для объяснительнаго и сравнительнаго словаря», другая же часть, содержащая объясненіе словъ, употребляющихся въ Русскомъ языкѣ, полезна будетъ при составленіи «Общаго Русскаго словаря». Черезъ нѣсколько времени, Инспекторъ Лидей Князя Безбородка, Ф. С. Морачевскій, препроводилъ на раз-

смотрѣніе Отдѣленія начало составляемаго имъ тоже «Словаря Малороссійскаго языка, по Полтавскому нарѣчію», какъ онъ прибавляетъ. Въ собраніи своемъ онъ помѣстилъ всѣ употребительныя слова, не исключая иностранныхъ и Русскихъ, когда они усвоены народомъ; значеніе же чисто Малороссійскихъ словъ онъ подкрѣпляетъ выраженіями, заимствованными изъ древнихъ и новыхъ памятниковъ народной поэзіи, изъ сочиненій Котляревскаго, Основьяненка, Гулака-Артемовскаго и изъ живой народной рѣчи. Этотъ переходъ изъ одной области рѣчи въ другую доставилъ случай Академику И. И. Срезневскому развить очень справедливую мысль, которая, въ отношеніи къ областнымъ нарѣчіямъ, давно нуждается въ гласности и распространеніи. Собраніе областныхъ словъ, каковы Малороссійскія, не есть языкъ въ собственномъ значеніи. Это одно изъ простонародныхъ нарѣчій. Тутъ нѣтъ словъ для выраженія многихъ самыхъ обыкновенныхъ понятій. Малороссіянинъ, напримѣръ, говоря по своему, безпрестанно долженъ вставлять въ рѣчь свою то слова общаго Русскаго языка, то иностранныя. Хотя заимствованныя такимъ образомъ слова и будутъ выговариваемы по-Малороссійски, но изъ этого не слѣдуетъ, что они составляютъ органическую часть Малороссійскаго нарѣчія: имъ нѣтъ мѣста въ словарѣ собственно Малороссійскомъ. «Съ другой стороны (прибавляетъ Академикъ), авторитетъ писателей, упражнявшихъ свое искусство владѣть нарѣчіемъ Малороссійскимъ, не можетъ въ Малороссійскомъ Словарѣ имѣть той силы, какая обыкновенно дается авторитету писателей въ словаряхъ того или другаго литературнаго языка. Единственный источникъ словаря простонароднаго нарѣчія есть самъ народъ. Писатель же, измѣняющій смыслъ словъ народныхъ, не авторитетъ, но образецъ искаженія народнаго говора; а незамѣняющій его не даетъ словарю ничего того, что не можетъ быть въ немъ безъ его помощи. Ни слова, извѣстныя только изъ писателей, ни выраженія писателей не необходимы въ областномъ словарѣ.» Эти замѣчанія сообщены г. Морачевскому.

V.

«Извѣстія», печатаемая Отдѣленіемъ въ продолженіе 1853 года, сохранили характеръ свой и свое разнообразіе, отъ которыхъ зависѣлъ ихъ успѣхъ въ предшествовавшемъ году. Не отступая отъ принятаго правила, по которому Отдѣленіе поставило свою обязанностію сосредоточивать въ кругу ученой дѣятельности своей труды всѣхъ Русскихъ литераторовъ, оно внесло въ свои «Извѣстія» значительное число изысканій постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе подвергнуть разсмотрѣнію Отдѣленія ученые свои труды. Историческія, филологическія и критическія изслѣдованія о Старославянской литературѣ, о Русскомъ языкѣ и словесности его, о литературѣ современной, библиографическія записки о замѣчательныхъ явленіяхъ въ области Славяно-Русской филологіи, указанія на новыя книги, содержаніемъ своимъ обращающія на себя вниманіе Отдѣленія, разнаго рода рецензіи, мнѣнія о системахъ лексикографіи и грамматики, особенныя записки по предметамъ, печуждымъ трудовъ Отдѣленія — таково было содержаніе «Извѣстій». Редакція ихъ по прежнему была трудомъ Академика И. И. Срезневскаго. Ему же принадлежатъ и многія изъ изслѣдованій, въ нихъ помѣщенныхъ.

Двое изъ Членовъ-Корреспондентовъ нашихъ, Профессоръ Казанскаго Университета В. И. Григоровичъ и Профессоръ Александровскаго Лицея Я. К. Гротъ, представили ученые записки, свидѣтельствующія о точности ихъ изслѣдованій и любви къ наукѣ. Преосвященный Макарій, Епископъ Винницкій, въ своемъ разысканіи объ Іаковѣ, древнѣйшемъ изъ духовныхъ писателей нашихъ, котораго время житія уже опредѣляли Академики П. Г. Бутковъ и М. П. Погодинъ, показалъ прекрасный образецъ ученой критики. Священникъ І. Базаровъ, по вызову Отдѣленія, сообщилъ новыя, въ высокой степени занимательныя подробности о покойномъ Академикѣ В. А. Жуковскомъ касательно его характера, семейной жизни и ученыхъ

убѣжденій. Историко-критическія изслѣдованія о Митрополитѣ Юаннѣ II и объ Архіепископѣ Вассіанѣ, изъ которыхъ первое принадлежитъ Профессору Санктпетербургскаго Университета К. А. Неволину, а второе Адъюнкту того же Университета М. И. Сухомлинову, сообщаютъ читателямъ множество точныхъ и съ примѣрною полнотою собранныхъ указаній на малоизвѣстные памятники нашей древней письменности. Мысли А. Н. Аванасьева «О соотношеніи языка съ народными повѣрьями» подтверждены столь обильными, столь поэтическими и разнообразными свидѣтельствами изъ нашего языка, изъ нашихъ обыкновений и древнѣйшихъ повѣрій, что невольно соглашаешься съ авторомъ. Историческія и топографическія показанія С. Н. Палаузова, въ которыхъ такъ ясно представлена Болгарія XII и XIII столѣтія, должны быть признаны заслугою наукъ Славянскаго міра. Адъюнктъ Харьковскаго Университета П. А. Лавровскій и Кандидатъ С. Петербургскаго К. Д. Петковичъ равнымъ образомъ внесли въ изученіе Славянскихъ древностей и филологіи достойные общаго вниманія матеріалы: одинъ своими замѣчаніями объ особенностяхъ словообразованія и значенія словъ въ древнемъ Русскомъ языкѣ, другой извѣстіями о рукописяхъ Зографскаго Святогорскаго Монастыря.

Въ самомъ началѣ печатанія при «Извѣстіяхъ» особаго отдѣла, подъ названіемъ «Памятниковъ и образцовъ народнаго языка и словесности», Отдѣленіе выразилось, что это собраніе можетъ составить нѣкогда любопытную бібліотеку, въ которой соединены будутъ разрозненные нынѣ и большею частію неизвѣстныя произведенія народной мысли и фантазіи. Успѣхъ втораго года въ этомъ предпріятіи вполне оправдалъ надежды наши. Конечно можно было бы расширить раму этихъ живыхъ, свѣтлыхъ и выразительныхъ картинъ; но главная цѣль сборника состоитъ не столько въ его увеличеніи, сколько въ поддержаніи истиннаго его достоинства и соединенной съ тѣмъ общей пользы. Отдѣленіе подвергаетъ строгому разбору представляемые ему матеріалы и даетъ мѣсто въ своемъ изданіи одному тому, что прямо служитъ, по новости своей, или по оригинальности, къ несомнѣнному изученію духа народнаго,

умственныхъ его силъ, эстетическихъ способностей и своеобразнаго во всемъ характера. Такого рода чертами отличаются «Историческія былины и Народныя пѣсни», доставленныя въ Отдѣленіе С. Н. Гуляевымъ, «Сборникъ Бѣлорусскихъ пословицъ» г. Шпилевскаго, «Закамскія хороводныя пѣсни», записанныя А. А. Пашнутаевымъ, и особенно исполненныя красокъ мѣстности, эпохи и быта «Малороссійскія думы», присланныя А. С. Аванасьевымъ.

«Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря Русскаго языка и другихъ Славянскихъ нарѣчій» болѣе всего убѣдили Отдѣленіе, какую силу ученой дѣятельности сообщить можетъ сосредоточенность трудовъ. Отдѣленіе продолжало со всевозможнымъ вниманіемъ всматриваться въ характеръ, сферу и ученое достоинство произведеній, предназначаемыхъ для пополненія разныхъ отдѣловъ науки. Во время своихъ засѣданій Академики неуклонно взвѣшивали и сравнивали самыя разнородныя предположенія, сколько для открытія истины, столько же и для вызова къ новымъ трудамъ неутомимыхъ ея изыскателей, какими постоянно являлись: Профессоры С. Петербургскаго Университета А. К. Казембекъ, Казанскаго І. М. Ковалевскій и И. Н. Березинъ, Александровскаго Лицея Я. К. Гротъ, Казанской Духовной Академіи А. Бобровниковъ, Редакторъ Ученыхъ трудовъ Императорской Публичной Библіотеки К. А. Коссовичъ; и многія другія лица. Въ нынѣшнемъ году, посреди этихъ «Матеріаловъ» явилась систематическая, съ новой точки зрѣнія обдуманная работа молодого ученаго. Это «Сравненіе языка Славянскаго съ Санскритскимъ», А. Ф. Гильфердинга. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ отзывается о немъ одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ знатоковъ Санскритскаго языка, К. А. Коссовичъ: «Путь, избранный г. Гильфердингомъ, совершенно отличенъ отъ пути, по которому слѣдовали всѣ его предшественники, да и объемъ труда его гораздо полнѣе и окончательнѣе. Г. Гильфердингъ поставилъ себя на первый разъ задачу опредѣлить, во всей подробности, отношенія звуковъ языка Санскритскаго къ Славянскимъ, не входя въ сравненія корней, формъ словъ и построенія рѣчи. Очевидно, что сторона лингвистическихъ сравненій, избранная г. Гильфердингомъ, самая

важная и значительная; ибо звуки составляютъ первую основу какъ корней, такъ и формъ. Но чтобы отыскать дѣйствительное сходство въ звукахъ, для этого мало было г. Гильфердингу изучить его предшественниковъ. Нѣтъ, трудъ его — первый изъ подобныхъ трудовъ, появившійся доселѣ въ нашей филологіи; кромѣ того, что онъ не чуждъ спеціальнаго изслѣдованія, онъ представляетъ добросовѣстнѣйшій результатъ тщательнаго изученія основныхъ Европейскихъ источниковъ Санскритскаго корнесловія, независимо отъ изученія сравнительнаго — я разумю въ особенности труды Вильсона и Бенфея — источниковъ, къ которымъ до сего времени только слегка покушалась прикасаться наша филологія.» Такимъ образомъ, по вызову Отдѣленія, съ нынѣшняго года, открывается новый рядъ изслѣдованій, которыя, совокупно съ предшествовавшими имъ, сообщать филологіи въ Россіи высшее значеніе какъ науки, и высшее какъ важнаго пособія для всемірной исторіи.

Въ заключеніе обзора общихъ годичныхъ трудовъ Отдѣленія остается присовокупить, что первая книга «Ученыхъ Записокъ» въ непродолжительномъ времени должна вытти.

VI.

Переходя къ частной дѣятельности Академиковъ, Отдѣленіе не считаетъ себя въ правѣ умолчать о литературныхъ трудахъ Господина Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, Товарища Министра, Авраама Сергѣевича Норова, который состоитъ въ числѣ Ординарныхъ Академиковъ нашего Отдѣленія. Его вниманіе къ ученымъ занятіямъ Отдѣленія не ограничивалось обзорѣніемъ однихъ протоколовъ засѣданій нашихъ: онъ находилъ время присутствовать здѣсь, чтобы лично содѣйствовать уснѣхамъ разныхъ предпріятій, особенно важнѣйшаго изъ нихъ, т. е. изданія «Словаря Русскаго языка.» Въ

теченіе нынѣшняго года производилось печатаніе «Полнаго Собранія сочиненій» его. Для первой книги «Ученыхъ Записокъ» Отдѣленія А: С. Норовъ предоставилъ одно изъ своихъ сочиненій въ прозѣ, а именно: «Историко-географическія изслѣдованія свои объ Атлантидѣ.»

Господинъ Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи, Ординарный Академикъ, И. И. Давыдовъ напечаталъ въ «Извѣстіяхъ» Записку о кругѣ дѣятельности Второго Отдѣленія Академіи въ 1853 году, и дополнительную Записку къ его «Отчету» за 1852 годъ; рассмотрѣлъ нѣсколько статей, присланныхъ въ Отдѣленіе по части грамматики и по предмету новаго изданія «Словаря Русскаго языка»; написалъ предисловіе къ «Ученымъ Запискамъ», въ которомъ изложилъ исторически весь ходъ ученыхъ трудовъ бывшей Императорской Россійской Академіи; читалъ въ Отдѣленіи объясненія словъ на букву А для новаго Словаря, уже поступившаго въ печать; составилъ выборъ словъ изъ сочиненій поэта Д. В. Давыдова въ дополненіе предпринятаго изданія «Словаря Русскаго языка», и наконецъ приступилъ къ третьему изданію «Опыта Общесравнительной Грамматики Русскаго языка.»

Ординарный Академикъ, Высокопреосвященный Филаретъ, Митрополитъ Московскій и Коломенскій, обогатилъ сокровищницу духовнаго краснорѣчія многими вновь сочиненными имъ проповѣдями. Онѣ произнесены были при разныхъ торжественныхъ случаяхъ, какъ то: 1) Бесѣда на обновленіе Храма Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, при Первомъ Московскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, о томъ, что Церковь есть жилище святыхи и благодати Божіей, и что укрѣпленіе себя молитвою и духовнымъ ученіемъ предпочтительнѣе любви къ суетнымъ забавамъ и чувственнымъ наслажденіямъ; 2) Слово въ день тезоименитства Государа Императора, говоренное 6 Декабря 1852 года, о значеніи притчи о впадшемъ въ разбойники и милосердовавшемъ о немъ Самарянинѣ, и о томъ, въ чемъ состоитъ истинное милосердіе къ ближнимъ; 3) Бесѣда въ день совершившагося пятидесятилѣтія отъ учрежденія Екатеринин-

скаго Училища благородныхъ дѣвицъ, 10 Февраля 1853 года; о словахъ Соломона, изображающихъ доблестную жену, о патристическихъ подвигахъ въ Бозѣ почившей Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны по управленію воспитанія и образованія благородныхъ дѣвицъ; и о томъ, какими свойствами женскихъ доблестей могутъ онѣ оправдать Царскія о себѣ попеченія; 4) Слово на память Святителя Алексія, о необходимости покаянной скорби и слезъ для достиженія вѣчнаго блаженства, и о средствахъ соединить сокрушеніе о грѣхахъ съ ежедневными занятіями нашей жизни; 5) Слово въ день обрѣтенія мощей Святителя Алексія, о средствахъ приближенія и прикосновенія ко Христу для воспріятія отъ Него спасительной силы къ просвѣщенію ума и врачеванію души и тѣла; 6) Беседа въ Недѣлю седьмую по Пасхѣ, по освященіи храма въ Покровскомъ Хотьковѣ монастырѣ, о воскресеніи Христовомъ, какъ сильнѣйшемъ удостовѣреніи, что Господь Іисусъ есть истинный Богъ и Спаситель міра, и что оно есть непереложное свидѣтельство собственнаго нашего воскресенія, для принятія воздаянія по дѣламъ нашимъ въ будущей жизни; 7) Слово въ день рожденія Государя Императора, говоренное 25 Іюня 1853 года, о томъ, почему Цари и Царицы названы въ Священномъ Писаніи кормителями и кормительницами Церкви Христовой; 8) Слово въ день вѣнчанія и помазанія на царство Государя Императора, о вѣрности въ служеніи Христу, состоящей въ дѣятельномъ исполненіи Христіанскихъ обязанностей; 9) Рѣчь, произнесенная въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ, при врученіи пастырскаго жезла новопопеченному Викарію Московской епархіи, Епископу Дмитровскому Алексію.

Ординарный Академикъ Пресвященный Иннокентій, Архіепископъ Херсонскій и Таврическій, также не переставалъ способствовать успѣхамъ духовной напечатанной литературы многократнымъ проповѣданіемъ Слова Божія съ церковной кафедрой.

Ординарный Академикъ К. И. Арсеньевъ приготовилъ для первой книги «Ученыхъ Записокъ» Второго Отдѣленія «Исто-

ряко-статистическій очеркъ народной образованности въ Россіи до XIX столѣтія.»

Ординарный Академикъ П. Г. Бутковъ составилъ для «Извѣстій» Отдѣленія историко-критическую записку, въ которой онъ касается любопытнаго и въ отношеніи къ древностямъ Россіи столь важнаго сочиненія Профессора Санктпетербургскаго Университета К. А. Неволіна «О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ», и другую для «Ученыхъ Записокъ», гдѣ разбираетъ сочиненіе, помѣщенное въ *Antiquités guæses*, подъ заглавіемъ: «Договоры Швеціи и Норвегіи съ Россією о границахъ сопредѣльныхъ земель.»

Ординарный Академикъ А. Х. Востоковъ занимался составленіемъ разборовъ рязнаго рода статей, поступающихъ въ Отдѣленіе, касательно правилъ Русской грамматики и Словаря Русскаго языка. Сверхъ того онъ постоянно завѣдываетъ всѣми матеріалами, поступающими въ видѣ дополненій къ «Словарию областного Великорусскаго языка», приготавливая ихъ для чтенія въ засѣданіяхъ Отдѣленія, когда оно приступитъ къ новому изданію своего «Опыта.»

Ординарный Академикъ Князь П. А. Вяземскій, оставаясь за границею для поправленія разстроеннаго своего здоровья, не переставалъ, по мѣрѣ возможности, возвращаться къ любимымъ имъ литературнымъ занятіямъ, что болѣе всего видно по тѣмъ стихотвореніямъ, которыя, въ теченіе 1853 года, были печатаемы въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ Русскихъ.

Ординарный Академикъ М. П. Погодинъ кончалъ печатаніемъ три тома своихъ «Исслѣдованій о древней Русской Исторіи», V, VI и VII, обнимающіе Удѣльный періодъ до покоренія Россіи Монголами. Во время поѣздки прошлымъ лѣтомъ за границу, онъ, послѣ курса водъ на Рейнѣ, воспользовался свободнымъ временемъ и совершилъ путешествіе въ Нормандію для обозрѣнія Норманскихъ древнихъ остатковъ. За границею же

онъ составилъ собраніе живонисныхъ таблицъ по всѣмъ отраслямъ знаній, сколько ихъ издано въ послѣднее время въ Германіи и Франціи для пособія при воспитаніи. Возвратившись изъ путешествія, Академикъ М. П. Погодицъ началъ продолжать изданіе учено-литературнаго журнала своего: «Москвитянинъ», гдѣ преимущественно обращаетъ вниманіе на помѣщеніе матеріаловъ для исторіи Русской словесности и Московскаго университета.

Ординарный Академикъ, Протоіерей І. С. Кочетовъ, въ засѣданіяхъ Отдѣленія, читалъ составленныя имъ опредѣленія и объясненія словъ на букву Г, для помѣщенія ихъ въ новомъ изданіи «Словаря Русскаго языка.» Отдѣленіе, имѣя въ виду болѣе точное опредѣленіе словъ, входящихъ въ психологію, поручило Академику І. С. Кочетову заняться этимъ важнымъ предметомъ, который принадлежитъ къ числу спеціальныхъ его ученыхъ занятій, что уже доставило нѣсколько занимательныхъ чтеній засѣданіямъ Членовъ Отдѣленія. Ему же передаваемы были въ теченіе года всѣ присылаемыя съ объясненіями слова, касающіяся предметовъ Церкви или богословія. Сверхъ того онъ рассмотрѣлъ и оставилъ отзывы о нѣкоторыхъ руководствахъ нравственныхъ наукъ.

Ординарный Академикъ Я. И. Бередниковъ, по званію Главнаго Редактора Археогрѣической Комиссіи, окончилъ печатаніемъ шестой томъ «Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей», и готовится къ изданію седьмой томъ означеннаго собранія, въ которомъ будетъ помѣщена Воскресенская Лѣтопись. Этотъ кодексъ состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ первая напечатана Академіею Наукъ въ 1793 и 1794 годахъ по принадлежащему ей списку, а вторая оставалась доселѣ въ рукописяхъ. Въ предстоящемъ изданіи продолженіе этой Лѣтописи будетъ напечатано по тремъ спискамъ: Синодальному, Архивскому, который извѣстенъ былъ Карамзину подъ именемъ Ростовской Лѣтописи, и Карамзинскому, предоставленному покойною его супругой для употребленія Археогрѣической Комиссіи. Сверхъ того, въ «Извѣстіяхъ Второго Отдѣленія»

помѣщены слѣдующія сочиненія Академика Я. И. Бердякова: 1) О сокращенныхъ хронологическихъ таблицахъ, составленныхъ П. В. Хавскимъ; 2) Замѣчанія о новомъ изданіи «Словаря Русскаго языка», и 3) Объ участіи Бакмейстера въ составленіи столь извѣстнаго «Сравнительнаго Словаря», въ изданіи котораго непосредственное принимала участіе Императрица Екатерина II. Въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» Академикъ Я. И. Бердяковъ напечаталъ «О нѣкоторыхъ рукописяхъ, хранящихся въ монастырскихъ и другихъ библіотекахъ.»

Ординарный Академикъ С. П. Шевыревъ, въ торжественномъ годичномъ собраніи Московскаго Университета, бывшемъ 12 Января 1853 года, читалъ рѣчь: «О значеніи Жуковскаго въ Русской жизни и поэзіи.» Она была перепечатана во 2-й книжкѣ «Москвитинина» 1853 года. Академикъ С. П. Шевыревъ приготовилъ къ изданію и представилъ на просмотръ Цензурнаго Комитета три еще небывшихъ въ печати сочиненія покойнаго Н. В. Гоголя: 1) «Размышленія о Божественной Литургіи», 2) «Авторыскую Исповѣдь», и 3) «Пять Главъ втораго тома Мертвыхъ Душъ.» Отъ лица Московскаго Университета, по назначенію начальства, Академикъ С. П. Шевыревъ участвовалъ въ торжественномъ пятидесятилѣтнемъ юбилея Ярославскаго Демидовскаго Лицея и сказалъ на актѣ рѣчь, которая напечатана въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1853 года. Все время, свободное отъ исполненія служебныхъ обязанностей, онъ теперь посвящаетъ приготовительнымъ занятіямъ къ празднованію наступающаго столѣтняго торжества въ Московскомъ Университетѣ.

Экстраординарный Академикъ М. А. Коркуновъ занимался съ Главнымъ Редакторомъ Археологической Комиссіи, Я. И. Бердяковымъ, изданіемъ V тома «Дополненій къ Актамъ историческимъ», вышедшаго въ свѣтъ въ настоящемъ году, и приготовленіемъ матеріаловъ для VI тома тѣхъ же Дополненій, въ которомъ предполагается помѣстить документы послѣднихъ годовъ царствованія Алексія Михайловича, 1670 — 1676 гг.

По Отдѣленію Русскаго языка и словесности, Академикъ М. А. Коркуновъ, кромѣ участія во всѣхъ общихъ занятіяхъ Академиковъ во время ихъ собраній, приготовлялъ корреспонденцію по сношеніямъ Г. Предсѣдательствующаго съ разными мѣстами и лицами, а равно и редакцію протоколовъ засѣданій Отдѣленія.

Экстраординарный Академикъ И. И. Срезневскій, постоянно принимая участіе въ новомъ изданіи «Словаря Русскаго языка» и въ составленіи дополненій для «Областнаго Велико-русскаго словаря», вмѣстѣ съ тѣмъ исполнялъ обязанности Редактора «Извѣстій» и «Ученыхъ Записокъ» Отдѣленія, «Памятниковъ и образцовъ народнаго языка и словесности» и «Матеріаловъ для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики. Въ «Извѣстіяхъ» помѣщаемо имъ было постоянно обзорнѣе всѣхъ новыхъ явленій историко-филологической литературы, важныхъ для Русскаго филолога. Въ засѣданіяхъ Отдѣленія имъ читаны разборы слѣдующихъ древнихъ памятниковъ Русской литературы: 1) Древнихъ жизнеописаній Русскихъ Князей X — XI вѣка, 2) Новгородскихъ лѣтописей въ ихъ перво-бытномъ составѣ и послѣдующихъ измѣненіяхъ, 3) нашихъ старинныхъ энциклопедическихъ словарей, 4) трудовъ Митрополита Θεодосія, и 5) Путевыхъ записокъ стариннаго путешественника Нинитина. Дѣятельно участвуя въ трудахъ Географическаго и Археологическаго Обществъ, Академикъ И. И. Срезневскій читалъ въ ихъ засѣданіяхъ свои записки: въ первомъ — о давнемъ знакомствѣ Русскихъ съ южной Азіей, а во второмъ — о Збручскомъ истуканѣ Краковскаго музея, который принимаютъ нѣкоторые за Русское изображеніе Святовида. «Памятники и прежде открытые, и вновь открываемые, все болѣе помогаютъ къ освѣтленію образа быта и образованности нашихъ предковъ; но правдивость взгляда на нашу древность и старину тогда только будетъ упрочена, когда каждый памятникъ, по мѣрѣ своей важности, будетъ рассмотренъ подробно и сколько возможно безпристрастно, когда ничто частное не будетъ служить преградой къ уразумѣнію цѣлаго»: Руководствуясь этою мыслію, нашъ Академикъ изучаетъ постепенно одни памятники

за другими, стараясь отнѣсти въ каждомъ то, что важно для уразумѣнія языка, быта и образованности предковъ.

VIII.

Совокупные и частные труды Членовъ Отдѣленія и въ нынѣшнемъ году удостоены Всемилощивѣйшаго вниманія Вѣщественнаго Покровителя Академій, Господинъ Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія имѣлъ счастье поднести Государю Императору первый томъ «Извѣстій» и второе изданіе «Опыта Общесравнительной Русской Грамматикъ». Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть за эти изданія объявить Отдѣленію Свое Монаршее благоволеніе.

Въ слѣдствіе избранія и представленія Господиномъ Президентомъ Академій, на основаніи Положенія объ Отдѣленіи Русскаго языка и словесности, Господинъ Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія утвердилъ на слѣдующее двухлѣтіе Предсѣдательствующимъ Отдѣленія Ординарнаго Академика И. И. Давыдова.

Академикъ С. П. Шевыревъ, по представленію Второго Отдѣленія, удостоенный общимъ собраніемъ Академій возведенія изъ Экстраординарныхъ Академиковъ въ Ординарные при открывшейся вакансіи по кончинѣ Академика В. А. Жуковскаго, Высочайше утверждень въ этомъ званіи.

Отдѣленіе, по предложенію Господина Предсѣдательствующаго, для подробнѣйшаго разсмотрѣнія вопросовъ, какіе могутъ возникнуть при третьемъ изданіи «Опыта общесравнительной Русской Грамматикъ», образовало изъ среды своей Комитетъ, въ

которомъ, совокупно съ Господиномъ Предсѣдательствующимъ, занимаются Академики П. А. Плетневъ, И. И. Срезневскій и завѣдывающій дѣлами Отдѣленія Академикъ М. А. Коркуновъ.

Самый бѣглый взглядъ на годичную дѣятельность Академикъ Второго Отдѣленія и другихъ лицъ, въ ней участвовавшихъ, указываетъ на преобладающее того направленія современной литературы, которое надобно назвать историко-критическимъ. Оно легко можетъ показаться одностороннимъ, хотя прямо истекаетъ сколько изъ главнаго назначенія Академическихъ занятій, столько и изъ общей потребности современнаго умонаправленія. Всѣ въ свѣтъ Академикъ съ любовью и понятною гордостью принимаютъ въ среду свою гениальныхъ писателей; но не онѣ создаютъ ихъ. Обширныя и глубокія спеціальныя познанія, страсть къ постепенному обработыванію избраннаго предмета — вотъ чѣмъ начинается первый шагъ въ Академію. Въ ней все, предварительно приобрѣтенное, совершенствуется отъ трудовъ совокупныхъ и разностороннихъ мнѣній. И такъ какъ историко-критическія изслѣдованія по преимуществу подлежатъ большинству показаній и многосторонней обработкѣ; то естественно, что въ Академіи болѣе, нежели гдѣ нибудь, эта обширная область знаній вызываетъ труды ученыхъ.

Съ другой стороны самый ходъ литературы привелъ насъ наконецъ къ занятіямъ, привлекающимъ къ себѣ вниманіе большей части Европейскихъ ученыхъ. Въ концѣ XVIII и въ первой части XIX столѣтія всѣ просвѣщенные народы видѣли у себя столько великихъ писателей, которые силою своего творчества изумили современниковъ, что историко-критическое изученіе прошлаго обратилось въ нашу обязанность. Безотчетный приѣмъ этихъ сокровищъ можетъ привести ихъ въ забвеніе и лишить потомство самыхъ назидательныхъ уроковъ. У насъ же

въ Россіи тѣмъ ощутительнѣе потребность въ историко-критическомъ направленіи литературы, что до сихъ поръ ея почти не было. Мы принуждены взять началомъ трудовъ своихъ первые начатки письменности и языка ея.

Отдѣленіе Русскаго языка и словесности, во всѣхъ частяхъ изслѣдованій своихъ, желаетъ итти соединенно съ другими Отдѣленіями Академіи, которыхъ начало современно эпохѣ Петра Великаго. Это и было побудительною причиною, что Отдѣленіе въ нѣдрѣ своемъ образовало средоточіе дѣятельности всѣхъ благомыслящихъ литераторовъ Русскихъ, достойныхъ способствовать успѣху общаго дѣла.

ОБЪЯСНЕНІЕ РЕДАКТОРА

О ПЕРВОЙ КНИГѢ УЧЕНЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

Выходомъ въ свѣтъ первой книги Ученыхъ Записокъ осуществляется еще одно изъ предпріятій Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, которыми оно предположило достигать исполненія своего долга. Къ тому, что уже прежде замечано г. Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи объ этомъ заданіи, я позволяю себѣ прибавить нѣсколько подробностей которыхъ, можетъ быть, не покажутся лишними для того, кто слѣдитъ за ходомъ дѣятельности Отдѣленія.

Отдѣленіе чувствовало необходимость такого повременнаго изданія, которое, давая возможность просвѣщеннымъ соотечественникамъ слѣдить за ходомъ его дѣятельности, вмѣстѣ съ тѣмъ знакомяло бы ихъ съ тѣми изъ трудовъ его членовъ и сотрудниковъ, которые, находясь въ непосредственной связи съ цѣлю дѣятельности Отдѣленія, но не составляя сами по себѣ частей большаго цѣлаго, могли быть печатаемы немедленно по ихъ прочтеніи и разсмотрѣніи въ засѣданіи Отдѣленія. Это временное изданіе продолжается уже три года подъ названіемъ «Извѣстій.» Кромѣ записокъ о ходѣ занятій Отдѣленія, тамъ печатаются изслѣдованія о памятникахъ Старославянской литературы, историческія чтенія о Русскомъ языкѣ и словесности, чтенія о современной Русской литературѣ, обзорніе всѣхъ новыхъ замѣчательныхъ явленій въ области Славяно-Русской филологіи и пр. Независѣмость народнаго языка и народныхъ

произведеній словесности, а равно и недостаточность критико-историческаго разсмотрѣнія строя и состава языка, указали на необходимость особенныхъ Прибавленій къ Извѣстіямъ: одни изъ нихъ составляютъ сборникъ «Памятниковъ и образцовъ народнаго языка и словесности», а другія сборникъ «Матеріаловъ для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики». Впрочемъ, при всемъ своемъ разнообразіи, это повременное изданіе, какъ и предполагало Отдѣленіе, не могло быть достаточно для обнародованія всѣхъ замѣчательныхъ трудовъ его членовъ и сотрудниковъ. Одни изъ этихъ трудовъ были бы неумѣстны на листахъ Извѣстій по значительности объема, другіе — по самому содержанию, будучи важны въ ученое и литературное отношеніи, но не относясь непосредственно къ работамъ отдѣленія. Это заставляло Отдѣленіе думать о другомъ повременномъ изданіи, объ «Ученыхъ Запискахъ»; которыхъ книги могли бы вмѣщать въ себѣ труды и обширнаго размаха, и разнообразнаго содержанія. Мысль о нихъ занимала Отдѣленіе издавна. Ея осуществленіе, подъ зависимоію случайныхъ обстоятельствъ, нѣсколько замедлилось; но и этимъ замедленіемъ Отдѣленіе воспользовалось, чтобы придать новому изданію своему болѣе достоинства. Можно надѣяться, что образованные читатели, сочувствующіе успѣхамъ Русской литературы, оцѣнятъ заботливость Отдѣленія въ этомъ отношеніи.

Умалчивая о подробностяхъ плана изданія Ученыхъ Записокъ, довольно будетъ сказать, что Отдѣленіе не считало и не считаетъ нужнымъ заботиться объ ограниченіи его предѣловъ ни въ отношеніи къ объему, ни въ отношеніи къ содержанію сочиненій, для него предназначаемыхъ. Оно поставило неизмѣннымъ для себя правиломъ при изданіи Ученыхъ Записокъ только одно: имѣть въ виду пользу Русскихъ образованныхъ читателей и достоинство изложенія. Само собою разумѣется, что его Ученыя Записки должны быть посвящаемы преимущественно такимъ трудамъ, которые способствуютъ раскрытію историческихъ и критическихъ вопросовъ о языкѣ и словесности; тѣмъ не менѣе въ ихъ составъ могутъ входить и другіе труды членовъ и сотрудниковъ Отдѣленія — историческіе, археологическіе, этнографическіе, если Отдѣленіе найдетъ

ихъ достойными по новости содержания или достоинству изложения.

Въ слѣдствіе рѣшенія Отдѣленія, Редакторъ Ученыхъ Записокъ, по указанію сочленовъ, приступилъ къ приготовленію и печатанію трудовъ. Онъ раздѣлилъ ихъ вообще на два отдѣла: одинъ изъ нихъ предназначенъ для разсужденій, изслѣдованій и историческихъ очерковъ, а другой для памятниковъ языка и словесности, ихъ чтеній и объясненій. Мнѣніе каждаго изъ участвующихъ своимъ трудомъ въ Ученыхъ Запискахъ остается уважаемымъ, на сколько это непротивно достоинству изданія, такъ что каждый сочинитель остается отвѣтчикомъ своего мнѣнія; Редактору вмѣнено въ обязанность только совѣщаться съ сотрудниками въ случаѣ нужды и вообще слѣдить неусыпно за достоинствомъ изданія. Независимо отъ этихъ двухъ главныхъ отдѣловъ, нельзя было не желать и еще отдѣла вроднаго, въ которомъ бы сводились въ менѣе или болѣе значительные очерки факты дѣятельности Отдѣленія, его членовъ и сотрудниковъ. Мало еще прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ Отдѣленіе образовано; но дѣятельность членовъ его, бывшихъ и новыхъ, болѣею частію напоминаетъ о большомъ числѣ и лѣтъ и трудовъ, и каждый годъ увеличивается новыми ихъ вкладами, изъ которыхъ многіе или печатаются не въ изданіяхъ Отдѣленія, или и совсѣмъ не печатаются. Притомъ же и самое развитіе дѣятельности Отдѣленія, придавая занимательность мѣсячнымъ перечнямъ его засѣданій, печатаемымъ въ Извѣстіяхъ, представляетъ еще болѣе утѣшительныхъ и занимательныхъ выводовъ, когда представляется въ общихъ отчетахъ. Всѣ эти данныя съ подробностями біографическими, какъ матеріалы не только для исторіи Отдѣленія, но и для общей исторіи Русской литературы, имѣютъ право на свое мѣсто въ Ученыхъ Запискахъ Отдѣленія, въ «Лѣтописяхъ Отдѣленія». Нельзя не надѣяться, что со временемъ эти Лѣтописи будутъ важнымъ указателемъ для того, кто захочетъ слѣдить за успѣхами современной литературы; потому что Отдѣленіе, обращая вниманіе на всякое дарованіе, на всякую заслугу на этомъ поприщѣ, старается, исполняя свое предназначеніе, быть средоточіемъ всей филологической дѣятельности Славяно-Русской, и, уважая

кого какъ дѣйствительнаго члена своего, кого какъ члена корреспондента, желаетъ воздать должное и всякому лицу, ему помогающему своими трудами.

Въ составъ издаваемой нынѣ первой книги Ученыхъ Записокъ вошло не все то, что было первоначально предназначено; а потому, кое что можетъ представиться не въ томъ свѣтѣ, какъ бы можно было ожидать. Объясненіе Редактора къ этому отношенію тѣмъ менѣе можетъ быть лишнимъ, что оно будетъ и къ некоторымъ оправданіемъ въ замедленіи выхода книги.

Въ Лѣтописяхъ Отдѣленія, кромѣ Обзорнія И. И. Давыдова и Отчета П. А. Плетнева, предназначалось передъ этимъ Объясненіемъ Редактора дать мѣсто началу обзорнія, которое по важности своего содержанія должно придать значеніе всему изданію. Считая въ кругу своемъ не только изслѣдователей отечественнаго языка и словесности, ихъ древностей и древностей, народнаго быта и образованности, но и писателей-художниковъ, Отдѣленіе предположило на страницахъ Лѣтописей своихъ, печатаемыхъ въ Ученыхъ Запискахъ, помѣщать обзорніе дѣятельности сихъ послѣднихъ съ выписками изъ тѣхъ произведеній, въ которыхъ явнѣе выражается сила ихъ мысли и слова, и которыя по своему содержанію не принадлежатъ къ числу изслѣдованій. Это предположеніе близко къ сердцу принялъ нашъ покойный сочленъ Я. И. Бердниковъ, и изъявилъ желаніе составить для начала подробное обзорніе произведеній нашихъ знаменитыхъ вѣроучителей и проповѣдниковъ, преосвященнаго Филарета митрополита Московскаго и преосвященнаго Иннокентія, архіепископа Тверческаго. Отдѣленіе, чувствуя, что ничѣмъ приличнѣе нельзя начать этого отдѣла, его Лѣтописей, съ признательностію за усердную готовность своего сочлена, ожидало отъ него исполненія этого труда. Къ сожалѣнію, этотъ трудъ Бе-

родникова, столь неосмысленно утраченного нами, остался неопределеннымъ, и Отдѣленіе принуждено было отложить исполненіе своей мысли до слѣдующихъ выпусковъ своихъ Записокъ.

Но такой же причинѣ, въ отдѣлѣ Наслѣдованій, вслѣдъ за записками К. И. Арсеньева и А. С. Норова, не вошло въ первую книгу Ученыхъ Записокъ и изслѣдованіе Я. И. Берединкова о Московскомъ митрополитѣ Макаріи. Обладая нѣкоторыми новыми данными о жизни и дѣятельности этого знаменитаго архидіакона XVI вѣка, Берединковъ надѣялся съ нѣк. помощью представить въ новомъ свѣтѣ его значеніе въ исторіи Русской образованности; но друіе труды, которыхъ исполненіе ему не возмозжно было отложить, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разстроенное здоровье, принуждавшее его отлагать въ сторону самыя любимыя ученые работы, лишили Отдѣленіе и этой записки. Остается надежда, что въ бумагахъ покойнаго найдены будутъ, если не черновые листы записки, то въ крайней мѣрѣ замѣтки при выпискахъ изъ памятниковъ, наведшихъ Берединкова на его мнѣніе о Макаріи. Этотъ трудъ незабвеннаго сочлена замѣнемъ изслѣдованіемъ М. И. Сухомлинова о языкознаніи въ древней Россіи.

Отъ помощи Берединкова, всегда выражавшаго на дѣлѣ готовность съ самоотверженіемъ трудиться на общую пользу, Отдѣленіе ожидало еще приготовленія въ наданію въ свѣтъ одного замѣчательнаго памятника, который долженъ былъ занять мѣсто въ отдѣлѣ Памятниковъ, рядомъ съ Посланіемъ митрополита Іоанна II, Лѣтописью Литовской и Обзорѣніемъ Переславскаго Лѣтописца: это — «Повѣсть о Цареградѣ». Хотя эта Повѣсть, такъ подробно описывающая паденіе Константинополя подъ власть Турокъ, издавна извѣстна изъ напечатанныхъ списковъ лѣтописей (напр. изъ лѣтописи по Никонову списку, Сиб., 1789, V, стр. 222—227); но до сихъ поръ была издаваема съ такими ошибками не только противъ языка, но и противъ смысла, что нельзя было не желать изданія болѣе удовлетворительнаго. Такое изданіе предполагало съ одной стороны сличеніе рукописныхъ списковъ Повѣсти, какъ она помещена въ Русскихъ лѣтописяхъ, въ хронографахъ и въ осо-

бренныхъ сборникахъ, а съ другой — сравненіе ея съ повѣствованіями писателей Византійскихъ и Латинскихъ — Леонарда, Францы, Энея Сильвія, Дуки, Халкокондилы и другихъ, не только въ извлеченіяхъ, какія сдѣланы новыми писателями (напр. Лебо въ *Histoire du Bas-empire*, кн. сѣх; Гаммеромъ, въ *Geschichte des Osmanischen Reichs*, кн. хп; Фивлеемъ въ *History of the Byzantine and Greek empires*, iv, 41, § 7), но и въ подлинникахъ. Приготовленіе всего этого можно было съ выгодною раздѣлить между нѣсколькими учеными, и потому Отдѣленіе съ удовольствіемъ приняло между прочимъ содѣйствіе адъюнкта С. Петербургскаго университета Стасюлевича, взявшаго на себя трудъ составить описаніе грознаго событія 1453 года по Византійскимъ сказаніямъ. Рядомъ съ этимъ трудомъ нашего даровитаго изслѣдователя Отдѣленіе предполагало напечатать въ первой книгѣ своихъ Ученыхъ Записокъ, въ отдѣлѣ Памятниковъ, подлинникъ Русской Повѣсти; но сличеніе ихъ списковъ въ хронографахъ, которыми занялся было Бередниковъ прошедшимъ лѣтомъ, прервало его болѣзнію. Отдѣленіе приуждено было отложить окончательное приготовленіе этого замѣчательнаго памятника до другаго времени, и познать пока читателей, которымъ онъ неизвѣстенъ, только съ его содержаніемъ по тѣмъ спискамъ, которыми могъ пользоваться для этого Редакторъ Ученыхъ Записокъ. Приготовляя этотъ новый пересказъ старинной Повѣсти, Редакторъ могъ замѣнить на время отсутствіе подлинника только его подробностью; а чтобы облегчить хоть сколько нибудь послѣдующіе труды, прибавилъ къ пересказу нѣсколько подстрочныхъ примѣчаній, гдѣ между прочимъ сличалъ Повѣсть съ сказаніями Византійскихъ и Латинскихъ современниковъ.

Въ составъ первой книги Записокъ должны еще были войти замѣчанія Редактора о Славянскомъ язычествѣ, именно разсмотрѣніе нѣкоторыхъ изъ тѣхъ данныхъ о язычествѣ, которыя заключаются въ древнихъ Русскихъ проповѣдяхъ. Издавна уже собирая этого рода поученія пастырей Русскихъ, онъ успѣлъ ихъ собрать до двѣнадцати (считая въ этомъ числѣ и тѣ, которыя были уже напечатаны вполне или въ извлеченіяхъ), и воспользовался ими между прочемъ въ своемъ изслѣдованіи

о роженицахъ, написанномъ за два года передъ симъ, по предложенію Н. В. Калачова, для втораго тома его Архива. Другое же изслѣдованіе о роженицахъ и вилахъ, какъ продолженіе перваго, предполагалъ онъ помѣстить въ Запискахъ; но такъ какъ еще не издано первое, то и изданіе втораго было бы пока преждевременно.

Отчасти обстоятельства выше изложенныя, отчасти надежда на то, что въ первой же книгѣ Ученыхъ Записокъ можно будетъ дать мѣсто трудамъ другихъ членовъ Отдѣленія, нѣсколько замедлило печатаніе. При этомъ Редакторъ позволяетъ себѣ выразить сожалѣніе, что, по желанію автора, отложено до времени печатаніе уже набраннаго для печати изслѣдованія П. Г. Буткова о Болгарахъ, которое и безъ новаго пересмотра примѣчаній, имъ предпринятаго, было бы важнымъ приобрѣтеніемъ въ области изслѣдованій о Славянскихъ древностяхъ.

Предположивъ издавать при Лѣтописяхъ своихъ, печатаемыхъ въ Ученыхъ Запискахъ, портреты Членовъ Академіи, Отдѣленіе начало рядъ ихъ портретомъ Графа Сергія Семеновича Уварова, г. Президента и Почетнаго Члена Академіи, незабвеннаго своими заслугами на пользу отечественнаго просвѣщенія.

ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ НАРОДНОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ ВЪ РОССІИ.

(АКАДЕМИКА К. И. АРСЕНЬЕВА).

Природа съ неодолимою силою дѣйствуетъ на человѣка. Нестерпимыя стужи дальняго сѣвера и палящія зной странъ тропическихъ подавляютъ въ немъ умственныя и нравственныя силы, или по крайней мѣрѣ препятствуютъ свободному ихъ развитію. Въ такихъ земляхъ люди рѣдко выступаютъ изъ предѣловъ первобытнаго невѣжества, и, вѣроятно, никогда не сдѣлаютъ большихъ успѣховъ въ своемъ образованіи. Только страны умѣренныя и благорастворенныя порождаютъ людей со способностію къ полному развитію силъ физическихъ и умственныхъ. Только великіе народы побуждаютъ силу климата.

Россія объемлетъ страны самыя холодныя, равняющіяся высотой полюса съ сѣвornoю Норвегіей, Исландіей и Гренландіей; заключаетъ въ себѣ земли, счастливыя умѣренною теплою, сходныя съ среднею Германіей и Англіей; въ Россіи находятся благословенныя страны, подобныя по климату странамъ южной Европы.

Сколь разнообразна природа, столь же безконечно различны степени гражданственности народовъ, населяющихъ Россію. Пройдутъ цѣлыя вѣка, и Лопари, Самоѣды и Чукчи останутся

столь же дики и пещерно-жественны, каковы они нынѣ; природа осудила ихъ навсегда бороться съ нуждами физическими, дала имъ бѣдную возможность удовлетворять только каждодневнымъ потребностямъ самосохраненія; они незнакомы съ удобствами, тѣмъ менѣе съ наслажденіями жизни, вовсе не имѣютъ и не могутъ имѣть празднаго досужества, а потому не въ состояніи никогда выйти изъ круга жизни животной и начать жизнь истинно человѣческую, разумную. Киргизы, Калмыки и ~~и въ~~ вообще ~~номады~~, подвластные Россіи, стоятъ несравненно выше звѣролововъ, ибо имѣютъ болѣе досужества; они лучше пользуются природою, болѣе видѣли, болѣе узнали, болѣе испытали; но и номады имѣютъ только начала наукъ; далеко успѣть въ нихъ не могутъ; непостоянная жизнь ихъ препятствуетъ постоянству и продолжительности занятій. Оба сіи разряда народовъ обитаютъ на противоположныхъ оконечностяхъ Россіи, на сѣверѣ и на югѣ; число ихъ весьма незначительно въ отношеніи къ цѣлой массѣ населенія; это темныя точки, едва замѣтныя на свѣтломъ горизонтѣ отечества. Все сердце Россіи, вся внутренность ея населена народами, коимъ ничто не препятствуетъ преуспѣвать въ просвѣщеніи. Жители всей средины Царства Русскаго не могутъ ослабѣть отъ нѣги и малочисленности, но за то не терпятъ никогда и крайностей нужды и одолжимости; они поощряются къ дѣятельности, къ трудолюбію, а дѣятельность есть жизнь народовъ, первое средство къ ихъ образованію, къ ихъ счастію и благоденствію. Изъ границъ первобытной родины Русскій народъ далеко распространился на сѣверъ и востокъ; но, оживляемый духомъ дѣятельности, всюду былъ въ силахъ поддерживать себя противъ вліянія климата.

Россія образовалась поодиночѣ другихъ государствъ. Отъ чего ходъ ея на поприщѣ просвѣщенія былъ столько медленъ? Какія обстоятельства облегчили и ускорили сей ходъ въ послѣднее время? Каково нынѣшнее состояніе просвѣщенія въ Россіи? Вопросы весьма важные; но они удобно сами собою разрѣшаются, если мы послѣдовательно пересмотримъ и хоть вкратцѣ изложимъ всѣ дѣйствія и мѣры правительства, въ разные времена принимавшіяся, для способствованія успѣхамъ просвѣщенія.

На первый разъ ограничиваемся обзорніемъ прошедшаго столѣтія, предварительно отмѣтивъ нѣсколько дѣяній о вѣкахъ прошедшихъ.

II.

Россія, держава сосѣдственная съ образованнѣйшею имперіею Греческою, вступила на поприще образованія почти не позже государствъ западной Европы. X-й вѣкъ, ознаменнѣйшій Русь первыми лучами христіанства, былъ началомъ перваго образованія, или по крайней мѣрѣ первыхъ порывовъ народа къ просвѣщенію подѣ влияніемъ свѣта вѣры истинной. Тѣсная связь Россіи съ роскошнымъ Востокомъ, блескъ обрядовъ новой вѣры, явившейся на развалинахъ мрачнаго язычества, пышность храмовъ, отчасти и школы, учрежденныя Владиміромъ, дѣйствовали на народъ и развивали въ немъ умственныя силы, ему самому дотолѣ невѣдомыя. Въ правленіе Ярослава Россія имѣла училища, законы, и не уступала ни въ силѣ, ни въ образованіи Европейскимъ державамъ, возникшимъ на развалинахъ Западной имперіи; она пользовалась еще важнымъ предъ ними преимуществомъ тѣмъ, что состояла подѣ влияніемъ Греціи, которая одна изъ всѣхъ земель тогдашняго свѣта хранила завѣтную святѣю вѣры и древняго классическаго образованія. Въ XI и XII столѣтіяхъ Русскіе показали счастливые опыты успѣховъ въ наукахъ и искусствахъ. Наши древніе проповѣдники и летописцы оставили по себѣ памятники народнаго языка, какихъ немного представляетъ западная Европа, имъ современная. Наши пѣснопѣнія и повѣсти о могучихъ богатыряхъ, повторяемые народомъ доселѣ, свидѣтельствуютъ намъ, что и мы имѣли своихъ поэтовъ, для которыхъ Владиміръ былъ то же, что Артуръ и Карлъ Великій для западной Европы.

Но раздѣленіе Русской земли на удѣлы и междоусобныя войны, истощивъ ея силы, задержали ее въ успѣхахъ гражданскаго образованія. Состояніе Европы съ начала XII вѣка явно перемѣнилось къ лучшему; а Россія, со временъ Ярослава, орошалась слезами и кровью народа, и въ XIII вѣкѣ уже далеко отстала отъ державъ западныхъ въ гражданскомъ образованіи.

Нашествіе Батыевыхъ полчищъ, какъ черная туча омрачивъ горизонтъ Россіи, скрыло отъ насъ Европу въ то самое время, когда благодѣтельныя знанія болѣе и болѣе тамъ распространялись, когда возникали университеты и когда нѣкоторыя страны оглашались невѣдомыми дотолѣ слухами объ учености и объ ученыхъ. Тогда Русскіе, терзаемые Моголами, помышляли только о томъ, какъ бы не вовсе погибнуть. Съ порабощеніемъ Татарскому игу исчезло благоденствіе Русскаго народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ истреблены и многіе признаки прежней образованности. Въ потерѣ самостоятельности таится причина, почему Русскіе отстаютъ въ образованіи отъ западныхъ народовъ Европы. Народъ русскій до временъ Калиты и Симеона въ бѣдности, въ отчаяніи, не смѣлъ и думать о просвѣщеніи.

Къ счастью, политика самихъ хановъ благопріятствовала нашему духовенству, а черезъ это не дала просвѣщенію совершенно угаснуть. У духовныхъ пастырей своихъ любопытные міряне находили отвѣты о предметахъ нравственности и науки, о самыхъ дѣлахъ государственныхъ; у нихъ же хранились и продолжались повѣсти о судьбахъ отечества. Во время господства ханскаго надъ Россією заведена митрополитами бібліотека, богатая не только церковными рукописями, но и древнѣйшими твореніями Греческой словесности: сія бібліотека послужила потомъ основаніемъ Московской Патріаршей Библіотеки, извѣстной въ ученомъ свѣтѣ своими богатствами.

Такъ тлѣлась искра просвѣщенія въ вѣка бѣдственнаго порабощенія Россіи, свидѣтельствуя о вѣчномъ стремленіи ума человѣческаго къ образованію. Наконецъ Іоаннъ III, возстановляя свободу и цѣлость отечества, губя царство Батыево, раздразъ завѣсу между Европою и нами. Включивъ Россію въ общую государственную систему Европы, онъ ревностно заимствовалъ искусства образованныхъ народовъ; призывалъ художниковъ для украшенія столицы и для успѣховъ воинскаго искусства; не заграждалъ пути въ Россію и другимъ иноземцамъ, которые могли служить ему орудіемъ въ дѣлахъ политики или торговли *).

*) Исторія Госуд. Росс. (перваго изданія), томъ VI, стр. 331.

Сей системѣ просвѣщенія слѣдовали и преемники Іоанна III до Государей Дома Романовыхъ. Хотя Іоаннъ Грозный, изъявляя уваженіе къ наукамъ, способствовалъ народному просвѣщенію заведеніемъ школъ церковныхъ, гдѣ и міряне учились грамотѣ, закону, даже исторіи¹⁾, особенно готовясь быть людьми приказными; хотя царь Годуновъ, слѣдуя внушенію своего генія, обращалъ самое дѣятельное вниманіе на состояніе просвѣщенія; но сіи исключенія немного прибавляли къ суммѣ познаній, ограничивавшихся у мірянъ, внѣ побужденій религиозныхъ, въ кругѣ необходимыхъ искусствъ и ремеслъ. Немногіе достигали высшаго образованія.

Цари изъ Дому Романовыхъ возстановили тишину послѣ политическихъ бурь и потрясеній, колебавшихъ отечество наше. Слѣдствіемъ того были замѣтные успѣхи въ мирныхъ занятіяхъ, въ промышленности и наукахъ. Цари Алексѣй Михайловичъ и Феодоръ Алексѣевичъ были достойные предшественники Петра, приготовившіе прочные матеріалы къ возвышенію и образованію Россіи. Царь Феодоръ основалъ Духовную Законоспасскую Академію, послужившую образцомъ для духовныхъ училищъ, послѣ учреждавшихся.

III.

Петръ Великій, сближая народъ свой болѣе и болѣе въ нравахъ, обычаяхъ, родѣ жизни и понятіяхъ съ Европою, устремлялъ все свое вниманіе на образованіе подданныхъ.

Увлекаясь духомъ своего вѣка, или сообразуясь съ требованіями тогдашней политики, Петръ I занялся преимущественно образованіемъ военнаго сословія, и основалъ въ 1712 году въ С. Петербургѣ *Инженерную Школу*, предназначивъ оную для воспитанія *дворянскихъ дѣтей*²⁾; а для распространенія и въ прочихъ состояніяхъ полезныхъ знаній, Онъ учредилъ въ 1714 году во всѣхъ губерніяхъ *математическія или цифирныя школы*³⁾; окончившіе курсъ въ сихъ шко-

¹⁾ Ист. Госуд. Росс., т. IX, примѣч. 772.

²⁾ Указъ 1712, янв. 24.

³⁾ Указъ 1714, февр. 28; 1715, дек. 18; 1716, янв.

дахъ или обученные хорошо географіи и геометріи обязаны были передавать свои свѣдѣнія другимъ *свѣтскимъ чинамъ* людямъ; слѣдовательно сія школы были разсадникомъ первоначальнаго просвѣщенія въ Россіи ¹⁾).

Духовныя школы или семинаріи и при Петрѣ I находились въ лучшемъ состояніи и имѣли несравненно большее число учащихся, нежели свѣтскія училища; такъ въ 1723 году въ школахъ одной Новгородской епархіи считалось болѣе 500. человекъ учениковъ ²⁾, тогда какъ въ Московской школѣ, самой многочисленнѣйшей изъ свѣтскихъ, въ 1721 году находилось не болѣе 70 ³⁾).

Руководствуясь великою мыслію сотворить Россію державою мореходною, Петръ I учредилъ *навигационныя школы*, стараясь дать имъ достойныхъ и сильныхъ въ дѣлѣ учителей, и отличныхъ учениковъ отправлялъ для практическаго усовершенствованія во Францію и въ Италію; города Сентъ-Мало и Венеція были мѣстами, куда обыкновенно назначались на жительство молодые Русскіе дворяне, волею Монарха опредѣлявшіе себя на службу морскую. Самъ Государь непосредственно заботился о безбѣдномъ содержаніи за границею тѣхъ, которые должны были внести въ отечество свое новыя знанія ⁴⁾).

Петръ не упустилъ изъ виду и сосѣдства съ странами Азіатскими: въ 1716 году съ посланникомъ Вольшскимъ ⁵⁾ отправлено было нѣсколько молодыхъ Русскихъ въ Персію для изученія языкамъ Турецкому, Арабскому и Персидскому—мысль высокая, которая вполне осуществлена только въ наше время; ежели бы съ того времени доселѣ мы имѣли постоянно восточныя школы, то не только правительство облегчено было бы въ политическихъ связяхъ своихъ съ Востокомъ, но и въ ученомъ отношеніи было бы выиграно безконечно много; можетъ быть, честь великихъ разысканій ученыхъ о древностяхъ и па-

¹⁾ Указъ 1715, дек. 28.

²⁾ Указъ 1723, окт. 17.

³⁾ Указъ 1721, янв. 16.

⁴⁾ Указъ 1717, янв. 3 и февр. 11; 1707, дек. 18.

⁵⁾ Указъ 1716, янв. 18.

матиникахъ Азіи и Африки принадлежала бы тогда и Россіи вмѣстѣ съ Франціею и Англіею.

Прочнаго и истиннаго просвѣщенія желалъ Великій Преобразователь своему народу; зная скудость, или лучше совершенный недостатокъ въ ученыхъ пособіяхъ или умственныхъ произведеніяхъ въ своемъ государствѣ, Онъ постановилъ въ число главнѣйшихъ предметовъ ученія языкъ Латинскій, яко богатую сокровищницу учености, и языкъ Нѣмецкій, нужнѣйшій и для успѣховъ въ наукахъ, и для связей съ народами Европы ¹⁾; сочиненія иностранныхъ ученыхъ, наиболѣе достойныя вниманія или по глубокомыслию, или по практической пользѣ въ общежитіи, повелѣлъ Онъ переводить на Русскій языкъ, и для того содержалъ нарочныхъ переводчиковъ ²⁾. Твердѣйшимъ же основаніемъ всякаго просвѣщенія считалъ Онъ религію, и для того во всѣхъ школахъ повелѣно преподавать науки; свято и неотступно держась во всемъ догматовъ Восточныя Православныя Церкви ³⁾.

Петру принадлежитъ честь устройства въ Россіи медицинскихъ и хирургическихъ училищъ, которыя находились обыкновенно при госпиталяхъ, дабы обучающіеся врачеванію могли наблюдать, подъ руководствомъ опытныхъ и искусныхъ врачей, ходъ болѣзней и операціи, совершаемыя надъ больными. Начало основанія таковыхъ училищъ относится къ 1706 году. Знаменитѣйшіе врачи-наставники въ царствованіе Петра были Бидлоо, Бунсбаумъ и Горитъ, а врачи-правители Арескинъ и два брата Влуменгосты ⁴⁾.

Нѣкоторые изъ ученыхъ иностранцевъ стяжали себѣ въ это время неоспоримую славу распространеніемъ свѣдѣній о Россіи географическихъ, медицинскихъ и естественно-историческихъ; такъ въ 1719 году Царь отправилъ въ первое ученое путешествіе по Россіи доктора Мессершиндта. Сей ученый оправдалъ выборъ правительства своею неутомимою дѣятельностію и глубокими разсужденіями о различныхъ предметахъ

1) Указъ 1719, мая 23.

2) Указъ 1719, мая 11.

3) Указъ 1701, сент. 26.

4) Рихтера Исторія Медицины въ Россіи, часть III. — Указъ 1719, мая 23.

естественной исторіи и древностей; тщательно наблюдалъ онъ астрономически возвышеніе полюса тѣхъ мѣстъ, въ конхъ оставливался.

Сверхъ того, посылаемы были по губерніямъ люди искусныя въ геодезіи и географіи, для сочиненія ландкартъ ¹⁾).

Служба по гражданской части обращала на себя неослабно вниманіе Петра. Онъ удостовѣренъ былъ, что успѣхъ въ управленіи зависитъ отъ большаго образованія людей, посвящающихъ себя службѣ, и потому необходимымъ считалъ учредить особенныя школы, гдѣ бы приказнослужительскія дѣти обучались дьяческому дѣлу, т. е. держанію книгъ, знанію приказныхъ формъ и табелей, приказному штилю и вообще всему, что доброму чиновнику надлежитъ знать ²⁾). Неучившіеся въ сихъ школахъ не принимались на службу и не употреблялись къ дѣламъ. Въ продолженіи времени сіи истинно полезныя заведенія были оставлены по причинамъ намъ неизвѣстнымъ. Возстановленіе оныхъ на новомъ основаніи и по плану обширнѣйшему предоставлено нашему вѣку.

- Петръ Великій окончилъ великіе царственныя труды свои по части народнаго образованія великою мыслію: основать Академію Наукъ; уже и планъ былъ начертанъ; но Провидѣніе не допустило Его привести сію мысль въ исполненіе; преемница Его совершила Имъ начатое. Намѣреніе Его было учредить такое высокое ученое мѣсто, которое было бы нѣкоторымъ образомъ посредникомъ между образованною Европою и Россією. Онъ хотѣлъ призвать отличнѣйшихъ мужей по разнымъ частямъ наукъ съ тѣмъ, чтобы они водворили полезныя знанія въ Россіи и распространяли оныя по всему пространству Имперіи; Онъ предполагалъ, чтобы каждый членъ Академіи составилъ учебное руководство по своей части на пользу учащагося юношества и каждодневно по часу занимался публичнымъ преподаваніемъ своего предмета; Онъ постановлялъ, чтобы каждый академикъ имѣлъ подъ непосредственнымъ своимъ руководствомъ одного воспитанника, который бы со временемъ могъ

¹⁾ Указъ 1720, дек. 9.

²⁾ Указъ 1721, ноября 10.

заступить его мѣсто, и вѣстѣ подъ его наблюденіемъ занимался приготовленіемъ молодыхъ людей къ слушанію академическихъ лекцій. Смыслъ послѣднимъ постановленіемъ Онъ хотѣлъ приготовить цѣлое поколѣніе отечественныхъ ученыхъ, и тѣмъ предотвратить на будущее время недостатокъ въ народныхъ наставникахъ или учителяхъ. По сему плану видно, что Академія должна была быть въ одно время и высокимъ ученымъ мѣстомъ, и высшимъ учебнымъ заведеніемъ, и педагогическимъ.

Замѣчательно, что указъ объ учрежденіи Академіи Наукъ въ С. Петербургѣ данъ ровно за годъ до кончины Петра ¹⁾.

Неослабно до самой кончины своей заботился Онъ о дѣлѣ просвѣщенія. Въ послѣднее время своей жизни Онъ сдѣлалъ постановленіе, чтобы два раза въ годъ (въ январѣ и въ іюлѣ мѣсяцахъ) начальники училищъ доносили Ему непосредственно о состояніи ихъ заведеній, о числѣ учащихся и объ успѣхахъ и прилежаніи каждаго изъ нихъ ²⁾. Правила, какими должно было руководствоваться при воспитаніи и обученіи юношества, изложены въ Духовномъ Регламентѣ, который служить драгоценнымъ памятникомъ попечительности Великаго Преобразователя о благѣ Его подданныхъ ³⁾.

Петру же Россія обязана началомъ изданія вѣдомостей или газетъ. Все примѣчательное, касающееся или военныхъ, или политическихъ событій, или какихъ либо переворотовъ въ учености и въ жизни общественной, повелѣлъ Онъ обнародовать ⁴⁾. Смыслъ средствомъ знакомилъ Петръ Русскихъ съ современными происшествіями, отечественными и иностранными, равно какъ и иностранцевъ съ Россією.

Вся учебная часть или всѣ училища съ учащими и учащимися находились въ царствованіе Петра I въ завідываніи сперва Сената, а потомъ Адмиралтействъ-Коллегіи, которой предоставлено было снабжать заведенія достойными учителями. Сии послѣдніе, находясь въ губерніяхъ, состояли подъ наблю-

¹⁾ Указъ 1724, янв. 28.

²⁾ Указъ 1724, янв. 31.

³⁾ Духовный Регламентъ 1721, янв. 23.

⁴⁾ Указъ 1702, дек. 16.

доміемъ губернаторовъ, которые должны были свидѣтельствовать о ихъ прилежаніи и благопріивіи. Впрочемъ поставленные были особенныя власти, коимъ вѣрялось нѣсколько губерній, провинцій и городовъ съ ихъ школами и училищами. Порядокъ и правильное устройство оныхъ, надлежащій ходъ ученія, успѣхи учениковъ и увеличеніе числа ихъ лежали на отвѣтственности сихъ лицъ, избравшихся прямо самимъ Монархомъ. Изъ такихъ болѣе извѣстныхъ дѣятельностию и раченіемъ Сперняковъ-Писаревъ ¹⁾).

Какія усилія потребны были, чтобы подвигнуть народъ, коснѣвшій въ невѣжествѣ и прилѣпленный къ старымъ обычаямъ и мнѣніямъ? Съ какими препятствіями должно было бороться при установленіи нововведеній полезныхъ, но худо понимаемыхъ и превратно толкуемыхъ фанатиками, страшившимися свѣта изъ опасенія обнаружить весь мракъ понятій своихъ и всю темноту ума своего? «Напрасны и задержки, и труды Твои, Государь,» сказалъ Петру одинъ изъ приближенныхъ бояръ Его: «головѣ и уму Русскаго недоступны ученіе и науки ²⁾». Это мнѣніе одного было отголоскомъ мнѣнія многихъ Русскихъ тогдашняго времени. Но столь же несклонна была воля Монарха, столь же тверды и непоколебимы были дѣйствія Его къ преобразованію, сколь упорно было нехотѣніе и своелѣпное противоудѣйствіе невѣжества. Онъ хотѣлъ показать, и показавъ дѣйствительно, что Русскій народъ не сиуднѣ другихъ надѣленъ природою, не бѣднѣ способностями ума и средствами къ образованію. Стремясь постоянно къ сей цѣли, Онъ принималъ мѣры сообразныя обстоятельствамъ, духу времени и характеру народа своего: сіи мѣры были принудительныя, нерѣдко насильственными, или по крайней мѣрѣ тогда казались такими.

Онъ повелѣлъ, безъ всякаго отношенія къ родителямъ и не требуя предварительнаго ихъ на то согласія, брать въ школы дѣтей отъ 10 до 15 лѣтъ и учить ихъ предметамъ, входящимъ въ планъ тогдашняго воспитанія. Въ случаѣ сопротивленія ро-

¹⁾ Указъ 1719, ноября 6; 1720, апр. 30; 1721, янв. 16.

²⁾ Leben Peter's des Grossen von Halem, Theil I, Seite 138.

дителой, они сажены были подъ караулъ или содержимы въ тюрьмахъ, а дѣти высылаемы были по распоряженію мѣстнаго начальства и оставались въ училищахъ до окончанія полного курса наукъ. Безъ этого они не могли поступать на службу, ни даже вступать въ брачныя обязательства ¹⁾. Сіи постановленія воздрагли ропотъ и неудовольствіе. Частію отъ зкоренѣлаго невѣжества, частію же отъ бѣдности обитателей тогдашней Россіи, сіи мѣры казались крутыми и стѣснительными: такъ въ 1720 году посадскіе люди Вологды, Устюга, Каргополя, Калуги и многихъ другихъ мѣстъ представляли Сенату ²⁾, что отторженіе дѣтей изъ круга семействъ подрываетъ торговлю, останавливаетъ успѣхи въ промышленности и разрушаетъ благосостояніе домовъ, дотогѣ богатыхъ и цвѣтущихъ.

Еще большее негодованіе возбудилъ Петръ въ народѣ повелѣніемъ сносить Русское платье и носить Нѣмецкіе или Французскіе кафтаны. Онъ началъ сперва тѣмъ, что всякій, получающій Государево жалованье, или имѣющій въѣздъ ко Дверу, не смѣетъ являться предъ лицемъ Царскимъ иначе, какъ одѣтымъ по-Европейски ³⁾. Чтобы облегчить чужеземной образованности и учености входъ въ свои владѣнія, Онъ считалъ необходимымъ прежде всего снять съ подданныхъ Азіатскій восточный, слишкомъ разительно отличавшій Русскихъ отъ Европейцевъ. Онъ заключалъ, что со снятіемъ наружной оболочки спадетъ сама собою и кора внутренней грубости и невѣжества. Повелѣніе объ отиѣнѣ прежняго платья сопровождается было строгостію. Неповинующіеся должны были или платить денежныя, закономъ опредѣленныя пени, или терпѣть поруганія и посмѣяніе ⁴⁾. Только духовные и крестьяне сохранили свое прежнее одѣваніе; имъ же однимъ только позволялось остаться съ небритыми бородами. Бороду считалъ Петръ вѣвѣскою азіатизма и остаткомъ прежняго непросвѣщенія и прежней отчужденности

¹⁾ Указъ 1714, февр. 28; 1715, дек.; 1716, янв. 18; 1719, ноября 6; 1720, апр. 30; 1721, янв. 9.

²⁾ Указъ 1720, апр. 30.

³⁾ Указъ 1700, янв. 4.

⁴⁾ Указъ 1701, дек. 30 и 31; 1704, дек. 22.

Русскихъ отъ образованныхъ народовъ Европы. По принятіи иностраннаго платья, по введеніи новыхъ чуждыхъ обычаевъ, Онъ надалъ повелѣнія противъ бородъ несравненно строжайшія, нежели противъ русскаго платья *)).

Облагороженіе женскаго пола, начатое также Петромъ Великимъ, было дѣйствительнѣйшимъ и превосходнымъ средствомъ къ измѣненію общественной жизни, къ улучшенію нравовъ и къ утвержденію всеобщей образованности въ Россіи. Петръ могучею волею своею замѣнилъ и домашній бытъ Русскихъ: женщины, по Его повелѣнію охотно оставившія Русское національное платье и наряженныя въ одежду Европейскую, начали и жить по-Европейски. Государь повелѣлъ имъ присутствовать на всѣхъ публичныхъ торжествахъ и собраніяхъ, принимать участіе въ веселостяхъ.

Можно сказать во славу Преобразователя, что съ Его времени начинается и новая исторія для Россіи, и новая жизнь для Русскихъ, и что Онъ оставилъ послѣ Себя новое поколѣніе людей, во всемъ отличныхъ отъ ихъ предковъ.

Скажемъ въ заключеніе: отечество наше, первоначально въ правленіе Іоанна III явившееся въ дивной цѣлости своей и самобытности, приобрѣло только подъ скипетромъ Петра I тѣ прочныя государственныя выгоды въ политическомъ и нравственномъ отношеніи, по которымъ безошибочно можно сказать о сихъ великихъ Монархахъ: если Іоаннъ III, гордясь именемъ Россіянина и хладнокровно знакомясь съ иноземцами, приносившими ему искусства своихъ странъ, заслуживаетъ по справедливости имя *перваго* творца ея величія; то Петръ I, постигшии духъ своего вѣка и недостатки Россіи, съ непонятною силою и быстротою повлекшии ее по исповѣскимъ слѣдамъ своимъ къ гражданственности и просвѣщенію, Петръ Великій *первый* сдѣлалъ Россію Европейскою державою. Чуждые обычаи, нравы и понятія не могли лишить народъ ни его характера, образовавшагося вѣками и утвержденного многими доблестями, ни привязанности къ родному, любви къ

*) Указъ 1703, янв. 10 и 16.

своему, собственно Русскому быту, и даже желанія видѣть и понимать вещи по-своему. —

Послѣ кончины Великаго Монарха-Преобразователя, въ продолженіе 50 лѣтъ, дѣло народнаго образованія совершалось по плану, Имъ предначертанному, безъ всякихъ существенныхъ измѣненій.

Академія Наукъ, по предположенію Петра, открыта Его Преемницею въ 1725 году. Славныя имена ученыхъ: Бернулли, Демидова, Биллингера, Байера и Эйлера, возвѣстили Европѣ о ея существованіи. Сіе существованіе Академіи совершенно обезпечила Императрица Елисавета регламентомъ 1747 года^{*)}. Дочь достойная Великаго Родителя, поставила мысль Его и исполнила оную: Академія по Ея регламенту раздѣлилась на двѣ части: на Академію собственно и на Университетъ; предметъ первой — изслѣдовать, изобрѣтать, усовершенствовать знанія и науки; предметъ втораго — распространять познанія въ государствѣ посредствомъ преподаванія; первая была заведеніемъ ученыхъ, а второй учебнымъ.

Академія, распространивъ кругъ своей дѣятельности и подъ руководствомъ знаменитыхъ иностранцевъ возраставши отечественныхъ ученыхъ, могла по справедливости гордиться славою, такъ быстро ею стяжатиюю. Едва прешла она первое двадцатипятилѣтіе ученаго бытія своего, какъ уже Крашенинниковъ и Ломоносовъ, внушивъ всеобщее уваженіе къ Академіи, распространили ея славу въ Россіи.

По регламенту Елисаветы, членамъ Академіи и вообще ученымъ не присвоено никакихъ чиновъ.

Академія состояла и при Елисаветѣ почти исключительно изъ ученыхъ иностранцевъ; но чтобы на будущее время образовывать ее изъ однихъ Русскихъ, для того къ ней присоединенъ Университетъ, въ коемъ должны были приготовляться молодые люди къ занятію почетныхъ званій ученыхъ или академическихкихъ. Для поступленія въ Университетъ требовались предуготовительныя свѣдѣнія; но Россія тогда бѣдна была хорошо научеными молодыми людьми, бѣдна людьми, желавшими

^{*)} Реглам. Академіи Наукъ 1747, июля 24.

учиться и любимиши просвѣщенію, — откуда же взять студентовъ для вновь учреждавшагося университета? И объ этомъ заблаговременно подумало попечительное правительство: подъ вѣдѣніемъ Академіи и на ея коштѣ учреждена гимназія, въ коей двадцать воспитанниковъ приготавлиались къ слушанію университетскихъ курсовъ; сверхъ того, позволялось ученикамъ кадетскаго корпуса обучаться въ университетѣ такимъ наукамъ, которыя хотя прямо къ составу военнаго образованія не принадлежатъ, но изученіе коихъ полезно и людямъ, посвящающимъ себя военному служенію. Такими мѣрами и распоряженіями, столь мудрыми, правительство отыскало всѣ пути Русскимъ и къ пріобрѣтенію начальныхъ знаній, и къ усовершенствованію себя высшими науками, и къ стяжанію ученой славы. Гимназія, Университетъ и Академія, устроенныя по одному плану и къ одной цѣли, были три ступени, ведшія Русскихъ въ храмъ Европейскаго просвѣщенія, и Россія при Елисаветѣ въ первый разъ принимала уже непосредственное участіе и въ дѣлахъ политики, и въ дѣлахъ учености европейской.

Какъ при жизни Петра, такъ и послѣ Него въ продолженіе слишкомъ полвѣка, духовныя училища были и многочисленныѣ, и совершенныѣ устройствомъ внутреннимъ; для того отличное юношество духовнаго званія для дальнѣйшаго усовершенствованія отсылаемо было изъ епархій въ Академію Наукъ ¹⁾; для того вѣроятно свѣтскія училища соединены были съ духовными семинаріями и изъ вѣдомства Адмиралтействъ-Коллегіи перешли подъ управленіе Святѣйшаго Синода ²⁾.

Мѣры строгости употреблялись по прежнему: молодые дворяне обязывались учиться и тогда, когда они состояли уже на службѣ ³⁾; а ненаучившіеся ничему отдаваемы были въ матросы ⁴⁾; прочихъ сословій люди, не бывшіе въ школахъ, не пользовались, въ слѣдствіе прежнихъ постановленій, никакими выгодами общественными; и не смотря на то, и въ Петербургъ

1) Указъ 1754, апр. 14.

2) Указъ 1726, окт. 31.

3) Указъ 1750, сент. 12.

4) Указъ 1727, іюль 21; 1737, апр. 24.

скихъ, и въ Московскихъ училищахъ доставало до максимума числа иногда 400, а иногда свыше 500 человекъ, тогда какъ полное, закономъ опредѣленное число учащихся въ сѣхъ школахъ простиралось не свыше 800 ¹⁾. Предубѣжденія противъ ученія и противъ школъ были долгое время неодолимы во всѣхъ сословіяхъ безъ изъятія.

Императрица Елизавета нашлась принужденною, такъ сказать, вынудить охоту къ наукамъ, и для того повелѣла взимать штрафы съ родителей ²⁾, обвиненныхъ въ нерадѣніи о воспитаніи своихъ дѣтей.

Правительство, заботясь о томъ, чтобы просвѣщеніе народное было основано на догматахъ вѣры православной и чтобы, сколько возможно, было національнымъ, т. е. сообразнымъ съ духомъ и характеромъ народа Русскаго, постановило отдалять отъ обученія духовныхъ Римскаго исповѣданія ³⁾, и вообще не допускать иностранныхъ учителей къ преподаванію ни въ школахъ публичныхъ, ни въ частныхъ домахъ — иначе, какъ послѣ строгаго испытанія ихъ въ наукахъ и по точномъ удостовѣреніи въ доброту ихъ нравственности ⁴⁾.

Впрочемъ и иновѣрцы, подданные Россіи, пользуясь постояннымъ вниманіемъ Государей, не лишены были благодѣтельныхъ дѣйствій образованія и просвѣщенія; не говоря уже объ иновѣрцахъ христіанскихъ, которымъ всегда позволено было имѣть школы и которые своею образованностію опережали Русскихъ, замѣтимъ здѣсь, что и иновѣрцы нехристіанскіе были незабыты правительствомъ: для магометанъ находились школы въ Казани, въ Елабугѣ, въ Свияжскѣ и въ Царевokokшайскѣ ⁵⁾, гдѣ дѣтя Татаръ и другихъ иноземцевъ получали необходимыя въ общественной жизни познанія; въ Ставрополѣ Самарскомъ и въ Астрахани находилась школа для Калмыковъ, гдѣ они учились своему отечественному и Русскому языкамъ и грамотѣ ⁶⁾.

1) Указъ 1726, марта 30; 1727, іюня 24.

2) Указъ 1743, апр. 30.

3) Указъ 1728, февр. 16.

4) Указъ 1737, мая 5.

5) Указъ 1735, февр. 26; 1742, іюля 7.

6) Указъ 1732, янв. 27 и февр. 11; 1741, іюня 6.

Купеческое сословіе, Петру столько одолженное, и, можно сказать, Имъ сотворенное, образовывалось, можетъ быть, быстрее и замѣтнѣе, нежели прочія состоянія. Къ сему наиболѣе способствовало учрежденіе ¹⁾, законами утвержденное: во всѣхъ знатныхъ городахъ Россіи выбирать изъ купеческихъ домовъ дѣтей, и 20 человѣкъ содержать въ Ригѣ и въ Ревелѣ, и 15 въ чужихъ краяхъ, такъ что когда одни изучатся всему, для торговыхъ дѣлъ нужному, отправлять на ихъ мѣсто другихъ. Сіе постановленіе было полезно — во-первыхъ, потому, что дѣти именитыхъ купцевъ, живя въ странахъ просвѣщенныхъ, приобрета́ли и свѣдѣнія въ коммерціи, и ловкость въ обращеніи, и возвратившись въ отечество, распространяли въ кругу себя равныхъ драгоценныя познанія о народахъ Европейскихъ, съ которыми Россія состояла по самой природѣ въ сношеніяхъ ближайшихъ для торговли; во-вторыхъ, потому что сіи молодые торговцы знакомились съ знаменитѣйшими коммерческими домами и конторами Европы и заранѣе выигрывали кредитъ для будущихъ своихъ торговыхъ связей съ ними; по возвращеніи, они объясняли своимъ соотечественникамъ, чѣмъ какая земля изобилуетъ и чѣмъ нуждается, какого рода торговля и съ какимъ государствомъ наиболѣе прибыльна для Россіи.

Ни политическія, ни юридическія науки вовсе не входили въ систему просвѣщенія народнаго, принятую правительствомъ нашимъ; и по плану Петра, и по регламенту 1747 года, Академія и высшія училища имѣли исключительными своими предметами только науки математическія, физическія и словесныя; но скоро однакожь почувствовало правительство нужду въ чиновникахъ свѣдущихъ по части правовѣдѣнія, особенно отечественнаго; для того положено было выбирать въ кадетскомъ корпусѣ изъ кадетъ по 24 человѣка, наклонныхъ болѣе къ гражданской службѣ, и отдѣля ихъ отъ прочихъ, не употребляя ни въ караулы, ни къ воинской экзерциціи, учить не военнымъ наукамъ, а юриспруденціи, и въ особенности знанію Россійскаго гражданского права, на основаніи Уложенія, Генеральнаго Регламента и другихъ уставовъ и учрежденій ²⁾.

¹⁾ Указъ 1723, ноября 8; 1725, іюня 9.

²⁾ Указъ 1740, авг. 11; 1848, сент. 2.

Сухопутный Кадетскій Корпусъ, нынѣ называемый Первымъ, есть первѣйшее учебное заведеніе военного сего рода и великій памятникъ царствованія Императрицы Анны. Онъ основанъ или преобразованъ по плану ¹⁾, начертанному графомъ Минихомъ, который и былъ первымъ его шефомъ. Въ самомъ началѣ устройство сего заведенія было отлично. Здѣсь образовались многіе великіе и знаменитые вожди: Румянцовъ, Ферзенъ, Каменскій, Вейсманъ; нужно ли болѣе доказывать пользу и славу сего древнѣйшаго въ Россіи военно-учебнаго заведенія?

Сколько важно было учрежденіе Кадетскаго Корпуса для воспитанія военнаго, столько же примѣчательно основаніе въ Москвѣ Университета въ 1755 году ²⁾. И. И. Шуваловъ, заслужившій отъ современниковъ лестное названіе Русскаго Мечената, есть творецъ сего высокаго учебнаго заведенія, справедливо гордящагося первенствомъ предъ другими подобными учрежденіями въ отечествѣ нашемъ. Шуваловъ, составляя уставъ Университета, руководствовался уставами подобныхъ учебныхъ заведеній просвѣщеннѣйшихъ государствъ Европы.

И выборъ мѣста, и мысль къ основанію Университета въ Москвѣ, и уставъ онаго дѣлаютъ честь уму Шувалова. Университетъ, имъ основанный, считаетъ въ числѣ своихъ бывшихъ воспитанниковъ многихъ мужей, стяжавшихъ уваженіе современниковъ и память въ потомствѣ, а между именами своихъ благодѣателей праведно выше всѣхъ чтить онъ имя Шувалова, виновника бытія своего.

Вскорѣ послѣ основанія Университета Московскаго, Шуваловъ, нося званіе перваго его куратора, представилъ Сенату проектъ учрежденія гимназій въ большихъ городахъ, и народныхъ школъ въ малыхъ. Народныя школы, по предположенію его, должны были готовить учениковъ для гимназій, и воспитанники гимназическіе имѣли поступать или въ Кадетскій Корпусъ, или въ Университетъ, или въ Академію, и изъ сихъ

¹⁾ Указъ 1731, ноября 23; 1732, авг. 11.

²⁾ Указъ 1755, января 12 (24). По регламенту Академіи Наукъ 1747 года предполагалось вмѣстѣ съ Академіею образовать Университетъ не въ Москвѣ, а въ С. Петербургѣ; но это предположеніе не приведено въ исполненіе по встрѣтившимся препятствіямъ.

трехъ мѣсть государственная служба должна снабжаться достойными, прилично образованными чиновниками. Сенатъ, цѣня высокій планъ Шувалова, уполномочилъ его же самого привести оный въ дѣйствіе ¹⁾; но осуществленіе этого плана совершилось воплію не ранѣе, какъ чрезъ 25 лѣтъ, при Екатеринѣ II. Въ дѣлѣ народнаго образованія долгое время были чтими благодѣтельными начертанія Шувалова. Имъ его должно быть незабвенно и драгоцѣнно каждому Русскому.

Шувалову же принадлежитъ честь первоначальнаго заведенія Академіи Художествъ ²⁾. По его представленію, она основана въ С. Петербургѣ въ видѣ отдѣленія Московскаго Унверситета, изъ котораго на первый случай взято нѣсколько воспитанниковъ для начатія перваго академическаго курса. Ломоносовъ былъ достойнымъ соперникомъ и помощникомъ своему высокому покровителю и другу; и въ дѣлѣ изящныхъ искусствъ онъ явилъ свой разнообразный геній. Подъ руководствомъ его образовалось нѣсколько молодыхъ художниковъ по части мозаическихъ работъ ³⁾; нѣкоторыя произведенія мозаическія, сохраненныя доселѣ, свидѣтельствуютъ о талантахъ Ломоносова, о всеобъемлемости его генія, и о дивномъ терпѣніи, какое имѣлъ онъ при исполненіи труднѣйшихъ своихъ начинаній.

Академіи Наукъ, еще прежде дарованнаго ей регламента, поручено было, сверхъ лежащихъ на ней обязанностей, стараться о распространеніи познаній въ восточныхъ языкахъ, особенно въ языкахъ тѣхъ народовъ, съ которыми Россія по естественному положенію своему находится въ необходимыхъ и частыхъ сношеніяхъ. Въ 1741 году опредѣленъ въ Академію ученый Китаецъ для преподаванія избраннымъ нарочно для того ученикамъ языковъ Китайскаго и Манчжурскаго ⁴⁾. Не извѣстно, долго ли продолжалось преподаваніе, очевидно полезное государству, и почему отмѣнено дѣло?

¹⁾ Указъ 1780, ноября 18.

²⁾ Указъ 1787, ноября 6.

³⁾ Указъ 1781, авг. 14.

⁴⁾ Указъ 1741, іюля 17.

Въ заключеніе всего сказаннаго о дѣйствіяхъ правительства по предмету образованія народнаго нельзя не упомянуть, что всѣ преемники Петра, одушевленные одною мыслію и стремившіеся къ одной цѣли, указанной имъ Великимъ ихъ Предшественникомъ, съ одинаковою любовію и ревностію водворяли просвѣщеніе въ Россіи, распространяя свѣдѣнія въ народѣ посредствомъ очень значительнаго числа печатаемыхъ книгъ въ типографіяхъ Синодальной, Сенатской и Академической ¹⁾ и разсылая сіи книги по губерніямъ. Нельзя не упомянуть также, что правительство, содѣйствуя образованію народа посредствомъ ученія, въ то же время старалось развить въ немъ чувство къ изящному и образовать вкусъ посредствомъ театральныхъ представленій.

Волею Елисаветы въ 1756 году основанъ въ С. Петербургѣ Русскій театр ²⁾, имѣвшій первымъ своимъ директоромъ Сумарокова, который своею дѣятельностію въ управленіи образовалъ первую труппу въ Россіи, а произведеніями своего таланта восхищалъ тогда зрителей, незнакомыхъ еще съ увеселеніями подобнаго рода. При самомъ рожденіи своемъ театръ Русскій имѣлъ рѣдкое счастье: могъ хвалиться талантами Сумарокова, Волкова и Дмитревскаго.

И такъ, въ первую половину XVIII столѣтія, Россія сдѣлала важные успѣхи на поприщѣ своего образованія. Сѣмена, посѣянная Великимъ Преобразователемъ, начали уже давать плоды вождельныя. Не напрасны были и труды, и издержки Его. Россія быстрыми шагами шла къ указанной ей цѣли. Елисавета ознаменовала свое царствованіе самымъ дѣятельнымъ усердіемъ къ просвѣщенію. Она лучше своихъ предшественниковъ и понимала, и исполняла намѣренія безсмертнаго Отца своего. Односторонность въ публичномъ воспитаніи начала при Ней мало по малу исчезать; возникли учебныя заведенія, въ коихъ юношество пріобрѣтало, кромѣ математическихъ и военныхъ, и другія полезныя свѣдѣнія и училось языкамъ.

Къ сожалѣнію, нѣтъ положительныхъ и точныхъ показаній ни о числѣ училищъ, по губерніямъ основанныхъ, ни о чи-

¹⁾ Указъ 1727, окт. 4.

²⁾ Указъ 1756, авг. 30.

слѣ учащихся и учащихся въ разныхъ школахъ, какъ народныхъ, такъ и высшихъ, въ теченіе сего періода времени.

III.

Съ Екатериною II начинается новая эпоха нашего отечественнаго образованія, эпоха блистательнѣйшая и для политической, и для умственной жизни Русскаго народа. Екатерина, озаривъ Россію лучами славы и государственнаго величія извнѣ, возвысила ея просвѣщеніе и народное благоденствіе; расширяя предѣлы царства своего мечемъ, Она въ то же время пеклась и о просвѣщеніи умовъ науками.

Исчислимъ сперва учрежденія, Ею основанныя для оскобыхъ, специальныхъ цѣлей, и потомъ рассмотримъ дѣйствія Ея на пользу общаго народнаго просвѣщенія.

Екатерина, увѣренная, что благонравіе и образованность женскаго пола имѣетъ сильное вліяніе на нравственность государственную, основала подъ собственнымъ своимъ надзоромъ въ С. Петербургскомъ Воскресенскомъ Монастырѣ воспитательное общество для 200 *благородныхъ дѣвицъ* ¹⁾). Заведеніе сіе и цѣлю, и средствами своими заслужило искреннюю похвалу первыхъ умовъ въ Европѣ. Въ то же время Она основала въ томъ же Монастырѣ и для дѣвицъ *мѣщанскаго* состоянія училище, гдѣ воспитанницы приобрѣтали необходимыя познанія и учились рукодѣлю.

Академія Художествъ существовала въ Россіи едва ли не однимъ именемъ; Елисавета и Шуваловъ дали ей только первое бытіе, Екатерина же истинную жизнь, законы и права, взяла ее подъ личное Свое покровительство и поставила въ совершенную независимость отъ всѣхъ другихъ властей; основала при ней Воспитательное училище ²⁾; ободряла дарованія молодыхъ художниковъ, посылая ихъ въ отчизну искусства вникать въ красоты его среди величественныхъ остатковъ древности и изящныхъ произведеній новѣйшихъ временъ. Права, дарованныя Ею Академіи, служатъ величайшею почестью, какою только

¹⁾ Указъ 1763, янв. 31.

²⁾ Указъ 1764, марта 12.

можетъ просвѣщенное правительство оказать дарованіямъ: всякій питомецъ ея есть на вѣки свободный человѣкъ со всѣмъ его родомъ, подсудимъ ей одной, или по крайней мѣрѣ безъ ея вѣдѣнія не судится другою властью, воленъ жить независимо своимъ талантомъ, воленъ избирать всякую службу, но ни къ какой не принуждается ^{*)}. Такъ Екатерина почтила въ Россіи и таланты и художества.

Кадетскій Корпусъ, учрежденный Императрицею Анною, обратилъ на себя особенное вниманіе и милость Екатерины. Она умножила въ немъ число воспитанниковъ и надзирателей; предписала новыя для нихъ законы, сообразныя съ челоуѣколюбіемъ, достойныя Ея времени. Военная строгость обратилась въ прилежное, но кроткое надзираніе. Прежде Нѣмецкій языкъ, математика и военное искусство были почти единственными предметами ученія; Екатерина прибавила какъ другіе языки, особенно же совершенное знаніе Русскаго, такъ и всѣ необходимыя для государственнаго просвѣщенія науки, нужныя и для благовоспитаннаго челоуѣка, и для благовоспитаннаго офицера. Незабвенный для Россіи Бецкой былъ главнымъ сотрудникомъ и помощникомъ Екатерины въ дѣлѣ преобразованія сего знаменитаго военно-учебнаго заведенія. Славное время Великой Екатерины было временемъ славы и благосостоянія Кадетскаго Корпуса. Подъ управленіемъ истинно просвѣщенныхъ и попечительныхъ мужей, каковы: Шуваловъ, Бецкой и графъ Ангальтъ, сіе заведеніе достигло высокаго совершенства и въ учебномъ и въ нравственномъ отношеніи, и сдѣлалось, по выраженію самой Екатерины, истиннымъ разсадникомъ *великихъ людей*.

Екатеринѣ обязанъ своимъ основаніемъ Корпусъ Артиллерійскій и Инженерный (нынѣ Второй Кадетскій). Она видѣла необходимость въ искусныхъ и знающихъ инженерахъ и артиллеристахъ, и потому учредила для сей цѣли особенное заведеніе, которое успѣхами своими оправдало надежды Императрицы.

Морской Корпусъ, древнѣйшее заведеніе между всѣми корпусами, получилъ начало еще при Петрѣ I и назывался Навигационною или Морскою Академіею. Въ 1731 году проименована

^{*)} Указъ 1763, марта 3.

сія Академія Морскимъ Кадетскимъ Корпусамъ. Елисавета распространила оный умноженіемъ числа воспитанниковъ. Петръ III соединилъ оный съ Сухопутнымъ, но Екатерина II снова отделила. Въ 1772 году переведенъ онъ изъ С. Петербурга въ Кронштадтъ, гдѣ и оставался во все остальное время царствованія. Цѣль ПЕТРА I доставить флоту искусныхъ офицеровъ достигнута при Екатеринѣ вполне. Чтобы сообщить лучшимъ воспитанникамъ Корпуса совершенную опытность, знаніе морей и всѣхъ особенныхъ явленій на стихіи морской, Императрица посылала ихъ въ отдаленныя моря и страны, и молодые офицеры Русскіе состязались уже при Ней въ славу съ старыми мореходцами Англіи.

Екатерина съ самаго вступленія на престолъ неслась и о физическомъ благосостояніи Россіи: установила Медицинскую Коллегію и предписала ей не только снабжать государство искусными врачами, но и собирать всѣ мѣстные свѣдѣнія о болѣзняхъ народныхъ и о ихъ причинахъ, искать лекарствъ простѣйшихъ на всякую болѣзнь, особливо для поселянъ, изслѣдовать врачебную силу травъ русскихъ, и всякое полезное открытіе немедленно обнародовать для общаго свѣдѣнія. Сего не довольно: уже извѣстно было въ Европѣ средство избавленія отъ оспы; но Россія не пользовалась симъ благодѣтельнымъ открытіемъ, страшась новости, неизвѣданной опытомъ. Что можетъ сдѣлать одна мать для своего любимаго младенца, то Екатерина сдѣлала для своихъ подданныхъ: Она привила Себѣ оспу, и собственнымъ опытомъ заставила Русскихъ не бояться ужасной эпохи въ физическомъ бытіи дѣтей.

Желая доставить большее число врачей для арміи, флота и городовъ, Екатерина учредила въ 1786 году хирургическія школы въ С. Петербургѣ, Москвѣ и Кронштадтѣ.

Литература была предметомъ благоволенія и покровительства Екатерины; ибо Она знала ея сильное вліяніе на образованіе народа и на счастье жизни. Всякое истинное дарованіе было правомъ на лестное отличіе. Явились знаменитые поэты, и Екатерина была для нихъ вдохновительницей; душа ихъ пылала Ея славою, и хвала Великую, они не боялись казаться льстецами. Чтобы способствовать болѣе успѣхамъ словесности, чтобы

утвердить Русскій языкъ на правахъ и привести въ систему. Императрица основала въ 1783 году Академію Россійскую. Княгиня Е. Р. Дашкова, достойная исполнительница намѣреній Государыни, ободряла труды ея членовъ своимъ дѣятельнымъ въ нихъ участіемъ. Начальное существованіе Академіи уже ознаменовано было истинно полезнымъ дѣломъ — составленіемъ полнаго словаря, нужнаго для всякаго, и необходимаго; по слову Карамзина, для авторовъ.

Со времени Екатерины Русскіе начали выражать свои мысли яснѣе для ума, пріятнѣе для слуха, и вкусъ сдѣлался общимъ; ибо Екатерина имѣла его, и любила нашу словесность какъ и все изящное. Желая присвоить Россіи лучшія творенія древней и новой иностранной литературы, Она учредила Коммиссію для переводовъ, опредѣляла награды для трудившихся, и скоро почти всѣ извѣстнѣйшіе писатели вышли на языкъ нашъ, который обогатился новыми выраженіями, а умъ Русскихъ новыми понятіями.

И Академія Наукъ при Екатеринѣ совершила на пользу общественную несравненно болѣе времени предшествовавшихъ. *Космическія сочиненія*, яко издававшіяся, распространяли историческія и другія любопытныя свѣдѣнія въ государствѣ; но славнѣйшимъ подвигомъ Академіи были путешествія членовъ ея по всѣмъ частямъ обширной Россіи, предпринятыя и совершенныя по плану самой Императрицы; намѣреніе великое, достойное Екатерины! исполненіе, достойное намѣренія! эпоха важнѣйшая въ ученой исторіи отечества нашего! Палласъ, Фадѣеъ, Георги, Крашенинниковъ, Гильденштеттъ, Рычковъ, Румовской, Гмелинъ, Лепехинъ, Иноходцевъ, Зуевъ, Озерецковской и И. Ф. Германъ пролили яркій свѣтъ на Россію и ея обитателей, а вмѣстѣ съ тѣмъ возвеличили славу Академіи.

Московскій Университетъ въ сіе царствованіе болѣе, нежели прежде, благотворилъ обществу: щедрость Государыни даровала ему болѣе способовъ къ дѣйствию. Многіе ученые были призваны изъ Германіи наставлять юношество и питать въ немъ охоту къ наукамъ; но всего болѣе оживляла Университетъ пламенная любовь къ наукамъ самой Екатерины, счастливой въ выборѣ людей къ управленію. Шуваловъ, Меллиссино и Хе-

расковъ были не по званію только кураторы, но истинные, радѣтели учености и ревностные покровители ученыхъ.

Ученыя путешествія знаменитыхъ членовъ Академій и лучшее познаніе государства открыли великія минеральныя богатства Россіи. Обработка рудъ и добываніе металловъ сдѣлалось занятіемъ важнымъ и прибыльнымъ. Чтобы дать болѣе совершенства горному дѣлу и доставить искусныхъ офицеровъ и чиновниковъ по горной части, Екатерина основала въ 1772 году Горное Училище (нынѣшній Горный Институтъ).

Исчисленныя учрежденія и заведенія не ограничили благодѣтельныхъ попеченій Екатерины о просвѣщеніи Россіи; всѣ сіи заведенія клонились къ частнымъ цѣлямъ, не прямо дѣйствовали на всеобщее образованіе, не имѣли возможности сообщить просвѣщенія многочислѣннѣйшему классу людей низшаго сословія; а Екатерина желала разлитъ богатство свѣта на всѣхъ и вездѣ; и въ малѣйшихъ городахъ и во глубинѣ Сибири желала Она учредить народныя школы, въ коихъ бы могли учиться и дѣти самобѣднѣйшихъ гражданъ. Особенная Коммиссія ^{*)}, въ 1782 г. составленная, должна была устроить сіи школы, предписать способы ученія, издать полезнѣйшія для нихъ книги, содержащія въ себѣ главныя, нужнѣйшія чело-вѣку свѣдѣнія. Установленіе Коммиссіи, извѣстной подъ именемъ *Коммиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ*, было величайшимъ дѣломъ Екатерины, а дѣйствія Коммиссіи самымъ надежнымъ средствомъ къ распространенію познаній въ государствѣ. Первые члены сей Коммиссіи: Завадовскій, Эпинусъ и Пастуховъ имѣли несравненное счастье быть исполнителями благихъ намѣреній Великой Монархини и разумною дѣятельностію своею заслужили уваженіе современниковъ и достойны памяти въ потомствѣ. Яковичъ де-Миріево, вызванный изъ Венгріи и назначенный директоромъ Главнаго Училища въ С. Петербургѣ, написалъ планъ для народныхъ школъ, и руководствовалъ учителей, объясняя имъ лучшій образъ ученія и внушая единообразный порядокъ въ преподаваніи.

^{*)} Указъ 1782, сент. 7.

Первымъ дѣйствіемъ сей Коммиссіи было основаніе въ 1783 году Учительской Гимназіи, долженствовавшей образовывать учителей и быть источникомъ просвѣщенія^{*)}. Въ теченіе четырехъ первыхъ лѣтъ своего существованія Коммиссія занималась открытіемъ школъ въ С. Петербургѣ и въ уѣздныхъ городахъ С. Петербургской губерніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ изготавленіемъ устава народныхъ училищъ. И въ сіе время замѣтны уже были успѣхи въ началомъ дѣлѣ просвѣщенія: и число школъ, и число учащихся значительно годъ отъ году возрастало въ С. Петербургской губерніи, что видно изъ прилагаемой при семъ краткой таблицы:

Годы	Число школъ	Число учителей	Число учащихся	
			муж. пола	женск. пола
1782	8	26	474	44
1783	9	28	634	77
1784	11	33	1082	152
1785	12	38	1282	209

Въ 1786 году Императрица утвердила уставъ народныхъ училищъ, бывшій кореннымъ закономъ по части просвѣщенія до временъ Александра I. По сему уставу всѣ училища, въ Россіи заведенныя и вновь заводимыя, раздѣлены на Главныя и Малыя. Главныя школы существовали въ губернскихъ или въ тѣхъ городахъ, гдѣ обстоятельства мѣста, званіе, состояніе и имѣніе жителей позволяли; а Малыя заведены были какъ въ губернскихъ городахъ, гдѣ одной Главной было недостаточно, такъ и въ уѣздныхъ, и гдѣ еще могутъ быть надобны по усмотрѣнію Приказа Общественнаго Призрѣнія. Во всѣхъ сихъ школахъ установлено было совершенное единообразіе вездѣ и во всемъ: одинаковыя книги, одинаковый способъ ученія, одинакое распредѣленіе часовъ.

Главныя школы управлялись директорами, а Малыя смотрителями; во губернаторъ, какъ хозяинъ губерніи и какъ пред-

^{*)} Указъ 1783, июля 18; 1784, марта 16.

сѣдатель Приказа Общественнаго Призрѣнія, былъ попечителемъ училищъ, имѣлъ главное за ними смотрѣніе и наблюдалъ за ихъ цѣлостію и благоустройствомъ. Главное же надзираніе надъ всѣми школами и управленіе оными преворучено было Комиссіи объ учрежденіи училищъ, съ тѣмъ, чтобы она состояла непосредственно подъ Высочайшимъ вѣдѣніемъ и докладывала по дѣламъ училищъ прямо Императорскому Величеству.

Со времени установленія Комиссіи, и особенно съ изданія Устава народныхъ училищъ, успѣхи въ дѣлѣ просвѣщенія были весьма быстры и утѣшительны; число училищъ безпрестанно возрастало, а съ тѣмъ вмѣстѣ постоянно увеличивалось и число учащихся.

Табель, при семъ прилагаемая, покажетъ намъ степень разпространенія просвѣщенія въ теченіе послѣднихъ 15-ти лѣтъ XVIII столѣтія.

Т А Б Е Л Ъ			
ПОСТЕПЕННОГО УМНОЖЕНІЯ ЧИСЛА УЧИЛИЩЪ, УЧАЩИХЪ И УЧАЩИХСЯ, ОТЪ 1786 ДО 1800 г.			
Годы	Ч и с л о		
	училищъ	учащихъ	учащихся
1786	40	136	4398
1787	165	395	11088
1788	218	525	13359
1789	225	576	14389
1790	269	629	16525
1791	288	700	17787
1792	302	718	17500
1793	311	738	17297
1794	302	767	16620
1795	307	716	17097
1796	316	744	17341
1797	283	664	15628
1798	284	752	16801
1799	281	721	17598
1800	315	790	19915

Эта табель, составленная мною на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, показываетъ:

1) Число училищъ, подъ разными наименованіями существовавшихъ, въ теченіе 15-ти лѣтъ возрасло отъ 40 до 315; слѣдственно въ 1800 году было почти въ восемь разъ болѣе противъ 1786 года. Въ сѣбѣ счетъ разумѣются училища, основанныя Коммиссією и состоявшія въ завѣдываніи Приказовъ Общественнаго Призрѣнія. Кромѣ Главныхъ и Малыхъ школъ, здѣсь помѣщены также пажейны, и сельскія и домашнія училища, какъ казенныя, такъ и частными людьми основанныя.

2) Число учащихся увеличилось также значительно: въ 1786 году считалось ихъ 136, а въ 1800 уже 790, слѣдственно почти въ шесть разъ болѣе. Къ чести Коммиссіи замѣтить должно, что она въ теченіе сего періода времени образовала для отечества 420 человекъ достойныхъ учителей, которые, кромѣ народныхъ училищъ, съ похвалою обучали въ кадетскихъ корпусахъ, въ обществѣ благородныхъ дѣвицъ и въ другихъ заведеніяхъ, неподвѣдомыхъ Коммиссіи.

3) Число учащихся отъ 4398 возрасло до 19915 душъ, почти въ пять-кратъ болѣе въ 1800 году противъ 1786 года.

4) Число училищъ и учителей увеличивалось не въ пропорціи съ числомъ учащихся; такъ напр. въ 1786 году приходилось на каждое училище до 110 учениковъ, и на каждаго учителя 32 ученика; въ 1791 году сіи пропорціи были уже: первая 1:61, вторая какъ 1:25; въ 1796 году на каждое училище приходилось менѣе 55 учениковъ и на каждаго учителя менѣе 24 учениковъ, а въ 1800 г. пропорціи училищъ къ числу учащихся какъ 1:63, а пропорціи числа учителей къ числу учениковъ какъ 1:25. Сія несоразмѣрность числа училищъ и учителей съ числомъ учащихся доказываетъ, что попечительность правительства о благѣ народа и заботливость его о просвѣщеніи подданныхъ были несравненно сильнѣе расположенія послѣднихъ къ ученію и охоты къ образованію.

5) Въ 1790 году жителей во всей Россіи считалось до 26000000 душъ *); въ сей суммѣ народонаселенія число уча-

*) Пленхемъ, Обзоръ Росс. Имперіи.

лился въ семь году простиралось на 16525 душъ, слѣдственно пропорція учившихся къ общей массѣ населенія была какъ 1:1573, т. е. изъ 1573 душъ всего населенія одинъ человекъ учился. Эта пропорція, не весьма утѣшительная, есть общее отношеніе, по коему мы можемъ судить объ успѣхахъ тогдашняго обученія въ цѣлой Россіи.

Разсматривая со вниманіемъ ходъ народнаго образованія въ Россіи въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ XVIII столѣтія и дѣйствія правительства по сей части государственнаго управленія, мы видимъ еще:

6) Образованіе женскаго пола было вовсе пренебрежено; ни одного женскаго училища для простаго народа и даже для горожанъ не было въ цѣлой Россіи; по отчету за 1787 годъ во всей суммѣ 11,088 душъ учившихся входило только 858 женскаго, а въ 1800 году изъ 19,915 общаго числа учившихся было только 1784 женскаго пола.

7) Кромѣ Главныхъ и Малыхъ народныхъ училищъ, находились нѣкоторыя особенныя учебныя заведенія, какъ то: *Учительская Семинарія* или *Гимназія*, съ 1780 по 1803 годъ существовавшая въ С. Петербургѣ; *Водоходное Училище* и *Главная Нѣмецкая Школа* Св. Петра, тамъ же; *Благородныя Дворянскія Училища* въ Рязани, Твери, Воронежѣ, Черниговѣ и Курскѣ; *Иезуитскія Училища* въ Полоцкѣ, Витебскѣ и Динабургѣ; *Мастерская Школа* при Конторѣ Воляной Коммуникаціи въ Вышнемъ Волочкѣ; *Нѣмецкія домашнія школы* или *пансіоны* въ С. Петербургѣ, Москвѣ, Рязани, Новгородѣ-Сѣверскомъ, Пензѣ, Тулѣ, Смоленскѣ, Казани, Воронежѣ, Черниговѣ и съ 1799 въ Симбирскѣ и Саратовѣ, и *Татарская школа* при Главномъ народномъ училищѣ въ Тобольскѣ.

8) Поселяне не имѣли никакихъ средствъ къ нужному въ ихъ состояніи образованію. Сельскія училища заведены были въ немногихъ мѣстахъ, и то безъ содѣйствія правительства; они устраивались или усердіемъ самихъ поселянъ, или попеченіями помѣщиковъ, старавшихся о нравственномъ улучшеніи крестьянъ своихъ. Въ теченіе 15-лѣтняго періода времени сельскія училища существовали только въ губерніяхъ: С. Петербургской (2) и Московской (1), и въ намѣстничествахъ: Нов-

городскомъ (4), Калужскомъ (1), Курскомъ (1), Пермскомъ (1) и Рязанскомъ (1).

Въ сельскихъ школахъ С. Петербургской губерніи, находившихся въ Тоснѣ и въ Красномъ Селѣ, обучалось ежегодно среднимъ числомъ до 50 человѣкъ дѣтей. Въ Московской губерніи сельская школа находилась въ Сергіевскомъ посадѣ и существовала до временъ Императора Павла I; въ сей школѣ ежегодно обучалось до 30 человѣкъ. Въ Новгородскомъ намѣстничествѣ сельскія училища находились Бѣлозерскаго уѣзда въ Крохинскомъ посадѣ, Новгородскаго уѣзда въ селахъ Чудовѣ и Черномъ и одно въ Боровицкомъ уѣздѣ; въ нихъ число учившихся простиралось до 60 человѣкъ. Въ 1790 году основано было сельское училище Калужскаго намѣстничества въ Жиздринскомъ уѣздѣ на Людямовскомъ заводѣ, и существовало только два года; въ первомъ году было въ немъ 30 учениковъ, а во второмъ 28; по причинамъ неизвѣстнымъ оно закрыто уже было въ 1792 году. Въ 1791 году учреждено было сельское училище Курскаго намѣстничества въ Льговскомъ уѣздѣ въ селѣ Износковѣ, но не на долго, до 1794 года; число учившихся въ немъ простиралось до 25 человѣкъ. Въ 1794 году заведено сельское училище Пермскаго намѣстничества и уѣзда въ селѣ Ильинскомъ, содержавшее отъ 30 до 50 человѣкъ учившихся; а съ 1795 по 1797 находилось такое же училище Рязанскаго намѣстничества Егорьевскаго уѣзда въ селѣ Любичѣ, но по малочислію учениковъ закрыто. Изъ всѣхъ немногихъ училищъ сельскихъ самыя примѣчательныя были: *Черносельское* въ Новгородскомъ намѣстничествѣ и *Ильинское* въ Пермскомъ; первое основано и содержимо было Новгородскимъ помѣщикомъ Рыкачовымъ, а второе графомъ Строгоновымъ.

И такъ изъ всего выше предложеннаго видно, что царствованіе Императрицы Екатерины II много подвинуло Русскихъ впередъ на стезѣ къ общему образованію. Сія Государыня не только сохранила всѣ установленія своихъ предшественниковъ, но и придала имъ болѣе совершенства, болѣе полезности народной и болѣе прочности; сверхъ того, Она, постигнувъ духъ своего вѣка, создала новую систему образованія своихъ поддан-

ныхъ: сколько прежде заботились о воспитаніи достойныхъ членовъ общества для извѣстныхъ, частныхъ иждивеній, столько Она старалась о распространеніи общаго просвѣщенія, объ образованіи всѣхъ сословій своего народа. Она повелѣла заводить училища не только въ городахъ губернскихъ и уѣздныхъ, но и въ селеніяхъ по мѣрѣ способовъ^{*)}.

По тогдашнему положенію Россіи, Екатерина совершила великое дѣло и слишкомъ много предуготовила для будущихъ временъ и тѣмъ однимъ, что открыла свободные пути къ ученію и даровала достаточные способы къ образованію всѣмъ безъ изъятія городскимъ жителямъ. Съ 1775 года, или съ издаванія учрежденія о губерніяхъ, города, прежде существовавшіе, получили лучшее, правильнѣйшее устройство, и возникли города новые, съ тѣмъ вмѣстѣ увеличилось и число городскихъ жителей, а отъ того умножилось и число школъ, и число учившихся увеличивалось почти безпрерывно.

Въ царствованіе Екатерины Россія сдѣлала успѣхи во всѣхъ частяхъ народнаго благоденствія внутренняго: земледѣліе распространилось, мануфактурная промышленность возвысилась, торговля доставляла обильные источники богатства, а съ увеличеніемъ богатства увеличивалась въ народѣ и охота къ приобрѣтенію познаній, и любовь къ просвѣщенію. Учебныя заведенія, основанныя Екатериною, могли вполне удовлетворять сей похвальной охотѣ и укрѣплять любовь къ просвѣщенію; состоя подъ непосредственнымъ Ея наблюденіемъ и покровительствомъ, они дѣйствительно достигли возможнаго по тогдашнему времени совершенства.

Даровавъ прямое направленіе народному образованію посредствомъ учрежденія народныхъ училищъ, главныхъ и малыхъ, Екатерина помышляла въ то же время и о водвореніи высшаго, ученаго образованія; для сего повелѣла Она Коммиссія объ учрежденіи училищъ приступить къ со-

^{*)} Уставъ Народн. училищъ, гл. V, § 64.

членію пана для университетовъ и гимназій^{*)}, предполагая на первый разъ имѣть три университета: во Псковѣ, Черниговѣ и Пензѣ.

Нужно ли было Екатеринѣ доказывать и объяснять народу пользу просвѣщенія, когда Она, Виценосская, своими собственными прикѣрами прямо знакомила своихъ подданныхъ съ наслажденіями, доставляемыми ученостію и науками, когда Ея собственные занятія и труды служили лучшимъ поощреніемъ къ трудамъ и прекраснѣйшимъ средствомъ къ возбужденію любви къ наукамъ и образованію? Екатерина чувствовала всего болѣе важность отечественной исторіи, долженствовавшей нѣкогда украситься и возвыситься Ею, и занималась Русскими лѣтописями, извѣстными и передавала драгоцѣнные труды свои публикѣ.

Чудно ли послѣ сего, что Россія въ тридцатичетырехлѣтнее царствованіе столько измѣнилась къ лучшему, столько возвысилась? «Ежели сердца Государей,» какъ говоритъ Карамзинъ: «въ рукѣ Провидѣнія, то сердца народовъ въ рукѣ Государей.» И дѣйствительно, что могло устоять противъ неутомимаго въ благотвореніяхъ правительства, которое дѣйствовало на Россію и славою внѣшнихъ успѣховъ, и мудрыми законами, и воспитаніемъ, и всѣми средствами просвѣщенія? Екатерина дѣйствовала по вдохновенію своего генія—и Россія, оживленная Петромъ I, увидѣла въ Ея царствованіе плоды великихъ предпріятій Монарха-Преобразователя, и въ то же время украсилась подъ влияніемъ Екатерины II первыми плодами просвѣщенія, созрѣвающаго только вѣками.

Прошелъ первый вѣкъ политическаго существованія Имперіи Россійской—и сколько великаго совершено было въ теченіе столь короткаго періода времени и для блеска внѣшняго, и для благоденствія внутренняго! Сколько счастливыхъ измѣненій, сколько преобразованій! И какъ безконечно различно начало

*) Указъ 1786, янв. 29.

вѣка отъ его окончанія? Тамъ изобрѣтеніе и начертаніе плановъ на пользу общую, здѣсь исполненіе прежнихъ начинаній и открытіе новыхъ путей къ возвеличенію царства и къ счастью народовъ.

Само Провидѣніе, казалось, опредѣляло будущее величіе и славу Россіи: Петръ въ началѣ вѣка положилъ основаніе; Екатерина въ концѣ онаго довершила начатое и указала будущимъ поколѣніямъ, что оставалось еще сдѣлать для счастья народнаго.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ОБЪ

А Т Л А Н Т И Д Ъ .

(ОРД. АКАДЕМИКА А. С. НОРОВА.)

.... ὦ Σόλων, Σόλων, Ἕλληνες αἰεὶ παῖδες ἐστε,
γέρον δὲ Ἕλλησιν οὐκ ἔστιν.... ὥστε πάλιν νόοι ἐξ ἀρχῆς
γένεσθε, οὐδὲν εἰδότες οὔτε τῶν τότε, οὔτε τῶν παρ'
ὑμῖν, ὅσα ἦν ἐν τοῖς παλαιοῖς χρόνοις...

Plato in Tim.

.... ἐνδέχεται καὶ μὴ πλάσμα εἶναι τὸ περὶ
τῆς νήσου τῆς Ἀτλαντίδος.

Strab. II, p. 102.

Планий повѣствуетъ, что Кипръ нѣкогда соединялся съ твердою землею Сиріи, и что только отъ землетрясенія образовался изъ него островъ^{*)}. Солинъ говоритъ положительно

^{*)} Plin. Hist. Nat. II, 90 — 92... «Namque et hoc modo insulas rerum natura fecit. Avellit Siciliam Italiae, Cyprum Syriae, Eubaeam Beotiae, Eubaeae Atalantem et Macrim, Besbicum Bythinae, Leucosiam Sirenium promontorio... Ad hoc pergruit mare Leucada, Antirrium, Hellespontum, Bosporos duos.»

но, что «Киликія простиралась прежде до Пелузы Египетской»¹⁾. Это послѣднее, важное преданіе имѣеть тѣсное соотношеніе съ тѣмъ преданіемъ, которое сохранилъ, съ любопытными подробностями, Арабскій историкъ X вѣка, знаменитый Массуди.

Онъ пишетъ, что около 260 года (874) привели къ Ахмету бенъ Тулуну, который правилъ тогда Египтомъ, старца христіанина, имѣвшаго отъ роду почти 130 лѣтъ, уроженца изъ Саида. Онъ жилъ отшельникомъ и считается глубокимъ мудрецомъ. Этотъ старецъ разсказывалъ весьма много изъ исторіи отдаленныхъ вѣковъ Египта и между прочимъ слѣдующее объ озерѣ *Танискомъ* (Мензале).

«Простраство, занимаемое нынѣ этимъ озеромъ, было нѣкогда странною обильнѣйшею изъ всѣхъ областей Египта. Повсюду представлялись плодоносныя сады, пальмовыя лѣса, виноградники, роскошныя пастбища и долины, пересѣкаемыя свѣтлыми водами, плотинами, дорогами, и покрытыя селеніями. Одна только область Фаюма могла равняться этой странѣ... Излишнее накопленіе водъ стекало въ море чрезъ каналы, проходя мимо одного мѣста, называемаго *Уштумъ*²⁾. Разстояніе отъ этого мѣста до моря было на одинъ день пути. Все пространство между *Эль Аришемъ* и островомъ *Кипромъ*, гдѣ теперь волнуется обширное море, можно было нѣкогда проходить въ бродъ. Тутъ была устроена плотина такъ, что скотъ гоняли изъ *Кипра* въ *Танисъ*. Подобный этому путь былъ проложенъ между островомъ *Кипромъ* и странною *Румъ* (Малюю Азією).

«Такимъ же образомъ между *Андалузією* и *Тангеромъ* существовалъ нѣкогда, въ мѣстѣ, называемомъ *Хадра*, что близъ *Фарсъ ель Магрибъ* (Фецъ), мостъ, который былъ составленъ изъ большихъ камней и по которому стада проходили съ запад-

¹⁾ Solinus, Polyhist. C. XLI. «Cilicia antea usque ad Pelusium Aegypti pertinebat.»

²⁾ *Эль Уштумъ* находится на сѣверѣ отъ Даміата, возлѣ Танисаго озера, котораго воды стекали въ Средиземное море чрезъ каналъ, имѣвшій въ длину 6 фарсаговъ (около 7 миль). *Географическій Словарь Якута, называемый Модлемъ ель Болданъ*. — Арабск. Рукопись С. Петерб. Азіатск. Муз. № 594.

«наго берега Андалузіи на сѣверный берегъ Африки. Море проникло безпрепятственно сквозь ущелья этого огромнаго моста, составляя нѣсколько каналовъ. Отсюда начиналось Средиземное море, вытекающее изъ океана, или Великаго моря. Однако, въ теченіе вѣковъ, море, постоянно напирая на берегъ, овладѣвало землями такъ, что каждое поколѣніе людей замѣчало постоянную убыль береговъ. Наконецъ море разорвало плотины, соединявшія *Эль-Аришъ* съ *Кирромъ* и *Андалузю* съ берегомъ *Тангера*. Память о сей послѣдней плотинѣ сохранилась у жителей Андалузіи и Фена. Мореплаватели даже указывали мѣсто, гдѣ она существовала. Она имѣла 12 миль въ длину. Ея ширина и возвышеніе были довольно значительны.

«Во время *Балтіана*, правившаго Египтомъ въ продолженіе 251 года ¹⁾, волны морскія проникли въ одно мѣсто, называемое *Бахира-Тинисъ*, и поглотили его. На послѣдокъ море начало ежегодно мало по малу заливать эту страну такъ, что вся долина, простиравшаяся до *Дзуль-Карнеиъ*, стала его добычею. Одни только возвышенныя мѣста, какъ то: *Туне*, *Симудъ* и другія, не были затоплены и остались въ видѣ острововъ до нашихъ временъ. Жители потопленныхъ селеній обратили въ кладбище *Тинисское* озеро (*Мензале*) и нагромодили трупы въ нѣсколькимъ мѣстахъ: отъ этого образовались три холма, называемые *Абуль-Кумъ*, которые видны доселѣ среди озера» ²⁾.

Извѣстный ориенталистъ и путешественникъ Зетценъ прибавляетъ: «Преданіе *Массуди* о множествѣ человѣческихъ костей, находимыхъ около озера *Мензале*, вполне подтверждается. Г-нъ *Дроветти* удостовѣряетъ, что такія кости находятся въ трехъ отдаленныхъ между собою мѣстахъ, изъ которыхъ одно зовется *Комаріе*. Два изъ этихъ мѣстъ онъ

¹⁾ Виднвая ошибка или преувеличеніе.

²⁾ *Массуди*, *Морухъ аль Дасебъ (Золотой дугъ)*, т. 54. — *Рукопись С. Петерб. Азиатск. Муз. № 505, л. 140.* — Я обьявилъ тщательную поѣрку этихъ мѣстъ съ Арабскимъ текстомъ ученому ориенталисту г. Хвольсону.

«посѣтилъ самъ. Теперь эти кости находятъ не въ холмахъ, «а разсѣянными по берегамъ озера»¹⁾). Замѣтимъ, что Массуди, подобно Геродоту, объѣхавшій большую часть земель, которыхъ онъ писалъ исторію, обратилъ особенное вниманіе на *Евреевъ*, и что онъ вездѣ искалъ знакомства съ ихъ ученѣйшими раввинами. Между прочими онъ былъ въ связи съ знаменитымъ Іоанномъ, сыномъ Захарія, въ Тиверіадѣ²⁾).

Мы находимъ въ указанномъ уже нами географическомъ словарѣ Якута, подъ словомъ *Базаръ ея Магрибъ*, слѣдующія свѣдѣнія о прорывѣ Гибралтарскаго пролива и о наводненіи береговъ Сирія и сѣвернаго Египта. «Вотъ что я читалъ», говоритъ онъ, «въ одной древней книгѣ, содержащей въ себѣ исторію Египта и Сѣверной Африки. — По пресѣченіи рода Фараоновъ, царями Египта были дѣти *Далуки*. Изъ нихъ особенно «замѣчательнъ *Дарокукъ бенъ Малтесъ*³⁾ и *Раметрахъ*⁴⁾. Эти «два царя были одарены умомъ провицательнымъ и необыкновенною тѣлесною силою, и притомъ обладали большими познаніями въ магіи. Когда Греки вторглись въ ихъ владѣнія, Египетскіе цари, вознамѣрившись избѣгнуть ихъ владычества, «предприняли соединить Западный океанъ съ моремъ Средиземнымъ. При исполненіи этого предпріятія, море потопило «многія обитаемыя земли и могущественныя царства, и пролилось даже на Сирію и Грецію. Таково начало образованія «острововъ Греціи и Египта»⁵⁾. Весьма любопытно сравнить съ

1) Fundgruben des Orients, т. I, стр. 125. Здѣсь выписка изъ Массуди представлена совершенно превратно.

2) Biogr. Univ. à l'art. Massoudy.

3) Этотъ самый царь въ спискѣ царей Египетскихъ у Массуди названъ Дарокушъ, а въ Космографіи Шемсъ-Еддина-Димешки: Нохъ-бахъ-ель-Дагеръ, и также: Дарокувъ. *Рукопись С. Петерб. Азіатск. Муз. № 593, л. 116.*

4) Якутъъ называетъ его также *Заметрахъ*.

5) Выражаясь такимъ образомъ, Якутъъ хочетъ сказать, что до наводненія была одна твердая земля и что острова возникли, когда море поглотило часть твердой земли. Прорывъ океана черезъ Гибралтарскій проливъ приняты слѣдующими писателями: Riccioli, Geogr. et Hydrogr. reform., lib. I, с. 13, § 1. — Vagenius, Geogr., l. I, с. 18, prop. 17. — Tournefort, Voyage au Lev., t. XI, p. 65. — Buffon, Hist. Nat., t. I. — Humboldt, Ansicht d. Natur, t. I, p. 169. — Journ. d. phys., t. LIII, p. 34.

этими преданіями Востока повѣствованіе Діодора Сицилійскаго о Геркулесѣ (кн. IV, гл. 18). Сближеніе этихъ двухъ преданій поразительно сходно.

Тѣ же самыя показанія встрѣчаются въ двухъ другихъ мѣстахъ словаря Якута. Въ статьѣ о *Тиннисъ* онъ приводитъ выписку изъ одного историческаго сочиненія, исключительно посвященнаго исторіи *Тинниса*. «Мѣсто, занимаемое теперь озеромъ Тиннискимъ (*Мензале*)», говоритъ онъ, «не было прежде «покрыто водою. Но когда *Дарокунъ-бень-Малутесъ* и *Заматрахъ* («Раметрахъ»), сыновья жены, по имени *Далука*, царствовали въ Египтѣ; тогда они, для защиты себя отъ вторженія Грековъ, «вырыли каналъ изъ *мрачнаго моря* ¹⁾ (Средиземнаго), дабы онъ «могъ имъ служить преградою противу Грековъ. Но воды «ступили изъ канала и залили многія прекрасныя обитаемыя «земли. Въ то самое время Тинниская область, со всѣми своими «садами, полями и селеніями сдѣлалась добычею моря» ²⁾.

Въ статьѣ *Мисръ* (Египетъ), говоря о царѣ *Дарокунѣ*, Якутъ пишетъ: «Этотъ царь тотъ самый, который, въ за- «щиту отъ Грековъ, пролилъ океанъ Атлантической въ море «Средиземное, чтобъ оградить Египетъ отъ Греціи.»

Якутъ принимаетъ царствованіе Дарокуна за 400 лѣтъ до Навуходоноссора ³⁾, т. е. 1020 лѣтъ до Р. Х. Массуди и приведенный нами Шемсъ-Единъ Димешки возводитъ на престолъ Далуку, мать *Дарокуна*, въ слѣдъ за тѣмъ Фараономъ, который во время Моисея погибъ въ Черномъ морѣ ⁴⁾. Поэтому вторженіе Океана должно считать около 1450 года до Р. Х. Таковое наводненіе не совпадаетъ ли съ потопомъ Девкалиона, который обыкновенно относятъ къ 1520 году до Р. Х? Въ этомъ случаѣ преданіе Грековъ можетъ согласоваться съ

¹⁾ Географы Арабскіе и самъ Якутъ даютъ это названіе и океану Атлантическому.

²⁾ Димешки (l. c. t. 64 v. и f. 117) говоритъ также объ этомъ событіи, прибавляя, что оно совершилось въ продолженіе одной ночи.

³⁾ l. c. подъ словомъ *Мисръ*.

⁴⁾ Массуди l. c. f. 145 и Димешки f. 145 l. c.

преданіями восточными. Иродотъ и Манефонъ говорятъ только объ одной царицѣ Египетской и называютъ ее *Нитокриса*. Манефонъ считаетъ ее послѣднею царицею VI-й династїи¹⁾, и относитъ къ началу третьяго столѣтія до Р. Х. Но Массуди называетъ, кромѣ вышеупомянутой *Далуки*, еще двухъ другихъ царицъ, а именно: *Гурію* и ту, которая наследовала *Мамуму*²⁾. За царствованіемъ сей послѣдней, по его мнѣнію, начинается династія *Царей-пастырей*.

Преданіе о затопленныхъ Средиземнымъ моремъ земляхъ во многомъ сходно съ повѣствованіемъ о вторженіи Чернаго моря чрезъ Дарданеллы и объ образованіи Босфора и острововъ Архипелага. Это послѣднее событіе непосредственно происходитъ отъ перваго. Можно видѣть все, что древніе писали объ этомъ предметѣ, въ Pauly's Real-Encyclopaedie der classisch. Alterthumswissenschaft, т. V, стр. 1598 и др. Между прочимъ, тамъ читаемъ слѣдующее: «Полагаютъ, что Понтъ нѣкогда «походилъ на Каспійское море, т. е. окруженъ былъ отвсюду «землею, и что онъ въ послѣдствіи прорвался чрезъ Геллеспонтъ «въ Средиземное море³⁾. Вообще полагали (какъ это и дѣйствительно есть), что теченіе направлено изъ Понта въ Средиземное море, а не изъ сего послѣдняго въ Понтъ⁴⁾. По этой самой причинѣ называли иногда море Понтийское и вмѣстѣ море «Меотидское матерью моря»⁵⁾. Діодоръ Сицилійскій говоритъ (V, 47): «Самоѣраки рассказываютъ, что до потопа, память «котораго сохранилась у древнихъ народовъ, былъ другой «островъ, гораздо значительнѣйшій, чрезъ прорывъ земли около «острововъ Кіанійскихъ (при устьѣ Босфора въ Черное море).

¹⁾ Cf. Bunsen, Aegyptens Stelle, t. I, p. 111, и Lepsius, Chronol. d. Aegypt., t. I, p. 270.

²⁾ Массуди, l. c. f. 144 v. — Cf. Makrizi въ Notices et extraits des MS. d. l. bibl. Imp., t. VI, p. 336. Этотъ послѣдній писатель также упоминаетъ *Гурію*, какъ современницу Авраама Патриарха.

³⁾ Strab. I, p. 49, 51, 56, и Diod. Sic. V, 47.

⁴⁾ Aristot. Meteorolog. II, 1. — Strab. I, p. 55. Agathem. II. 14. — Seneca Nat. quaest. IV, 2. — Plin. II, 97, 100; IV, 13, 27 etc.

⁵⁾ Herodot. IV, 87. — Strab. V, 214. — Diod. Perieg. v. 165. — Plin. VI, 77 etc.

«прорывъ, который образовалъ сначала Босфоръ, а напослѣдокъ и Геллеспонтъ. Въ это время море затопило большое пространство материка Азіи и низменные долины Самоеракии.» Эти же преданія сохранились и у восточныхъ писателей. Димешки, говоря о Геллеспонтѣ, пишетъ: «О его образованіи существуетъ нѣсколько мѣній. Нѣкоторые думаютъ, что онъ не что иное, какъ потокъ, направившійся изъ Понта, называемаго *Чернымъ моремъ*, или *Русскимъ*.» Въ другомъ мѣстѣ о Черномъ морѣ: «Сказываютъ, что это море уменьшается по причинѣ своего теченія чрезъ Геллеспонтъ въ море Средиземное»¹⁾. Смирнскіе Турки сохранили преданіе, что будто берегъ Малой Азіи былъ нѣкогда соединенъ съ Европейскимъ на всемъ пространствѣ Архипелага²⁾.

Существованіе вулканическаго элемента въ бассейнѣ Средиземнаго моря между Сициліею и Сиріею, Геллеспонтомъ и Египтомъ, засвидѣтельствовано множествомъ писателей какъ древнихъ, такъ и новыхъ. Многія выписки изъ нихъ относительно Архипелага соединены въ любопытномъ сочиненіи д-ра Лудв. Росса: *Reisen auf den Griechischen Inseln des Aegäischen Meers*, 1840 года. Последній вулканическій феноменъ, образовавшій около острова Теры три новые островка, былъ весьма значителенъ.

Заключаемъ эти предварительныя свѣдѣнія драгоценною выпискою изъ Арабскаго писателя Эль-Бируни, приведенною въ Космографіи Бедъ Аяса. Онъ славился ученостью между мусульманами; зналъ Санскритскій языкъ и вѣроятно Греческій, по крайней мѣрѣ видны его глубокія познанія въ Греческой и Индѣйской философіи; въ свое время считался великимъ астрономомъ. Сей современникъ и другъ Авиценны умеръ въ 1039 году³⁾. Эль-Бируни рассказываетъ, что

¹⁾ I. c. § 72 v. и 76. — См. для большихъ подробностей объ образованіи Босфора: Hoff s, *Gesch. d. natürl. Veränderungen d. Erdoberfläche*, T. I, 105—144.

²⁾ Ricaut, *Hist. presente de l'état de l'Egl. Grecq.*, 1698, p. 34 — 35.

³⁾ См. Wüstenfeld *Gesch. d. Arab. Aerzte* p. 75 и *Geogr. d'Abulfeda* trad. p. Renaud, I, p. XCV. Мы весьма желали бы просмотрѣть заключающуюся

«нѣкогда между Александріею и Константинополемъ была со-
сленная и смяданная земля, на которой однако разводили смокв-
«ничья и сикоморовья деревья. На этой землѣ обитали Гре-
«ки, когда двурогій Александръ ¹⁾ уравнивалъ гору, раздѣлявшую
«море Колзума (Чермное) отъ моря Румъ (Средиземнаго). Тогда
«вся эта земля была поглощена Колзумскимъ моремъ» ²⁾.

Древніе Греческіе и Римскіе писатели также сохранили
преданіе, что Африка и Европа были нѣкогда соединены и что
раздѣленіе между ними послѣдовало отъ необычайнаго земле-
трясенія ³⁾. Это событіе выражено у нихъ мифомъ Герку-
леса ⁴⁾. Ученый Гофъ уже замѣтилъ, что древнимъ геогра-

въ Парижѣ, въ библіотекѣ Арсенала, рукопись Абульфеда подъ заглавіемъ:
Recueil des vestiges qui restent des anciennes générations. Это заглавіе напоминаетъ
знаменитое твореніе Массуди: *Ахбаръ Эззаманъ*, котораго доселѣ еще не на-
ходятъ въ библіотекахъ Европы и которое заключаетъ въ себѣ «Исторію нѣкозъ
протекшихъ древнихъ народовъ, племенъ испорченныхъ и государствъ уничто-
жившихся. Катремеръ говоритъ, что это твореніе уцѣлѣло въ Константи-
нополѣ, въ библіотекѣ Св. Софіи, и что хотя оно заключается въ 20-ти большихъ
томахъ въ 4-ю долю, но со всѣмъ тѣмъ — не полное. Въ Парижской Королевской
библіотекѣ находится отрывокъ изъ этого творенія, заключающій въ себѣ исто-
рію Египта. Этотъ отрывокъ былъ переведенъ на Французскій языкъ г-мъ Пет-
и де-ла-Круа, и два экземпляра этого перевода сохраняются въ Парижѣ: одинъ
въ библіотекѣ Сенъ-Жермена де-Прё, присоединенной нынѣ къ Королевской, а
другой въ библіотекѣ Сен-Женевьевы.

¹⁾ Какъ древніе народы относили всѣ необыкновенныя дѣянія къ лицу
Геркулеса, такъ и восточные относятъ ихъ къ лицу Александра.

²⁾ Notices et extr. des MS., t. VIII, p. 13 — 14.

³⁾ См. за упомянутыми уже нами выше: Strab. I, p. 38. — Aristot. De
mundo c. 3. — Valer. Flacc. I. 585 и слѣд.

⁴⁾ Diod. Sic. IV, 18. — Mela, I, 8, 3. — Plin. H. N. 3, 1. — Seneca
Trag. Herc. fur. v. 237 etc. — О переворотахъ Сиро-Финик. берега: Possido-
nius apud Strab. — Объ Архипелагѣ: Plin. H. N. 3, 30; 2, 94. — Самый

самъ казалось нововведеніемъ раздѣленіе земнаго шара на три части: Европу, Азію и Африку, а что во времена отдаленныя Европа и Африка были принимаемы за одинъ материкъ ¹⁾.

Глубокомысленный Платонъ первый сообщилъ намъ преданіе о событіи подобномъ тому, которое теперь служитъ предметомъ нашихъ изысканій. Мы не думаемъ относить исторіи объ Атлантидѣ къ области міеологіи, зная положительно, что это преданіе было уважаемо древними; иначе мудрый Солонъ не избралъ бы его предметомъ философической эпопеи, которую онъ оставилъ неоконченною; равно Платонъ не сталъ бы передавать въ разсказѣ, исполненномъ торжественности, повѣсть объ этомъ событіи, завѣщанную ему его прадедомъ, и которую онъ называетъ *событіемъ истиннымъ*. Писатель, столь основательный, каковъ Страбонъ, говоритъ: «весьма вѣроятно, что повѣствуемое Платономъ объ Атлантидѣ не вымыселъ» ²⁾. Древность Египтянъ исчезала передъ древностію Атлантовъ, проникнувшихъ съ оружіемъ въ рукахъ въ Египетъ и внесшихъ туда просвѣщеніе и науки; это самое безспорно признавали жрецы Саиса. Разсказъ Теопомпа о странѣ *Мероповъ* очевидно имѣетъ одинаковый источникъ ³⁾. Слово: *μῆροπος* (*человѣки*), кажется, указываетъ на страну *людей по превосходству*, или людей первобытныхъ; это, по выраженію Рудбека, «*Manheim, vega Jarheti posterorum sedes ac patria.*» Замѣтимъ, что Атласъ имѣлъ дочь, называемую *Мерона*. Разсказъ о Меропахъ вложенъ въ уста Силена; а мы знаемъ, съ какой точки зрѣнія глядѣли на это лице древніе ученые. Простолюдины видѣли въ Силенѣ веселаго, престарѣлаго и хмѣльнаго сопутника Вакха; ученые

островъ Лесбось принадлежитъ къ цѣпи горы *Ида*. Strab. I. Diod. IV, 81. — Древніе были увѣрены, что островъ Евбея былъ оторванъ моремъ отъ Віотіи. Strab. I. Plin. H. N. IV, 20 — 21. Не продолжаемъ указаній на писателей по причинѣ ихъ множества.

¹⁾ Hoff. l. c. t. I, p. 149. — Sallust. Bell. Jug. c. 17. — Martian. Capella. L. VI. de divis. terrae. — Orosius l. l. c. 2.

²⁾ Strab. II, p. 102.

³⁾ Aelian. V. H. III. 18. — Forbiger, Handb. d. alten Geogr. II, p. 33.

считали его за глубокомысленнаго мудреца, отъ котораго природа не скрывала своихъ тайкъ. У Феопомпа онъ описываетъ картину первобытнаго міра; у Плутарха бесѣдуетъ о смерти; у Виргилія повѣствуетъ великолѣпными стихами о мірозданіи. Исаакъ Фоссій полагалъ даже, что древніе ученые намекали этимъ лицомъ на Моисея, и что два рога на главѣ Силенна выражали два луча, исходившіе изъ священнаго чела Моисеева ¹⁾. «Миобы народныя», говоритъ А. Гумбольдтъ, «примѣшанные къ исторіи и географіи, не всегда принадлежатъ къ области міра идеальнаго. Если отличительная черта ихъ есть *неопредѣлимость*; если часто символы облакаютъ существенность покрываломъ болѣе или менѣе непроницаемымъ: то не менѣе того миобы, непосредственно между собою связанныя, нерѣдко обличаютъ древнее начало первыхъ понятій космогоническихъ и физическихъ» ²⁾.

Просимъ теперь нашихъ читателей выслушать извлеченіе изъ повѣствованія Платона. Вотъ что мы читаемъ въ разговорѣ «Тимей.»

1) «Выслушай, Сократъ, рассказъ весьма чудный, но вполне справедливый, какъ говорилъ нѣкогда Солонъ, мудрѣйшій изъ семи мудрецовъ.

2) Онъ былъ родственникъ и другъ искренній Дропида, нашего прапрадѣда.

3) Онъ-то сказалъ Критію, дѣду нашему, какъ передаетъ намъ этотъ старецъ, что Аѳиняне совершили великія и удивительныя дѣла, которыя отъ времени у людей пришли въ забвеніе.

4) Я расскажу тебѣ эту древнюю повѣсть, переданную мнѣ мужемъ пожилымъ.

5) Критію было тогда, по его словамъ, около девяноста лѣтъ, а мнѣ десять....

¹⁾ Is. Vossius ad P. Melam, l. I, c. 8.

²⁾ Exam. crit. de l'hist. d. l. geogr. d. nouv. continent, t. I, p. 112.

6) Въ Египтѣ есть одна *нома* ¹⁾, называемый Савтійснийъ и находящийся въ Дельтѣ, гдѣ Нилъ раздвояется.

7) Главнѣйшій городъ этого нома Савсъ. Тамъ былъ царемъ Амазсъ.

8) Главное божество этого города называется Египтянами Нисъ, а Греки называютъ его по-своему Аениною ²⁾.

9) Поэтому жители этого города называютъ Аенинъ своими друзьями и даже сродниками.

10) И въ слѣдствіе того, какъ рассказываетъ Солонъ, они оказали ему радушіе во время его пребыванія у нихъ.

11) Бесѣдуя съ ними, особенно съ жрецами, знаменитыми своею ученостію, о событіяхъ давно прошедшихъ, —

12) Онъ увидѣлъ, что ни онъ, ни другой кто-либо изъ Грековъ совершенно ничего не знали о слышанномъ имъ.

13) И когда, однажды, желая склонить жрецовъ къ разговору о временахъ давнихъ, началъ онъ имъ рассказывать древнѣйшія преданія, намъ извѣстныя о Форонѣ первомъ, Ниовѣ, потопѣ Девкаліона и Пирры; —

14) Тогда одинъ изъ старѣйшихъ жрецовъ сказалъ ему:

¹⁾ Т. е. область.

²⁾ Т. е. Минервою. Припомнишь мисеологическое преданіе, что Минерва родилась въ озерѣ Тритонъ. Этотъ онезъ принадлежитъ Египтянамъ. Нилъ назывался некогда *Тритономъ*. Известно также, что въ этомъ озерѣ былъ священный островъ, называемый *Фта* (а не *Фла*, *Фла*, какъ у Иродота. Это исправлено мисеологами. См. въ *Biogr. Univ. Partie Mythol. Triton et Minerve*) — имя Египетскаго божества, олицетворявшаго огонь. Это совершенно объясняетъ происхождение Аенинъ отъ Египтянъ. Цицеронъ говоритъ о Минервѣ, происшедшей изъ Нила и чествуемой въ Савсѣ. Вместе съ тѣмъ рожденіе Минервы отъ *водъ и огня* указываетъ на переворотъ природы, постигшій Грецію и прилежащія къ ней страны. Древніе писатели ставили наугадъ озеро Тритонъ въ разныхъ мѣстахъ Греціи и наконецъ на сѣверномъ берегу Ливіи, противъ бухты Малой Сирты, забывая о древнемъ прозваніи *Нила*. Вспомнишь также, что Саленъ, повѣствователь о древнихъ *Меропахъ*, былъ, по словамъ Діодора, царемъ острова *Ниса*, образованнаго Ливійскою рѣкою *Тритономъ*. См. *Apoll. Rhod. IV, 269. — Pline. Hist. Nat. V, 10. — Fuchs, Schell. III, 1041, sub v. Nilus. — Biogr. Univ. Partie Mythol. cl. Minerve.*

«О Солонъ, Солонъ! вы, Греки, всегда останетесь дѣтьми! У Грековъ нѣтъ ни одного старца....»

15) Вы всѣ новички относительно древности и вамъ ничего не извѣстно, что было древле, какъ здѣсь, такъ и у васъ...

16) Вы ничего не знаете о томъ прекрасномъ и превосходномъ поколѣннн людехъ, вашихъ родоначальниковъ, отъ которыхъ осталось среди насъ ничтожное сѣмя.

17) Вы этого не знаете, потому что оставшіеся послѣ ужаснаго переворота природы въ живыхъ, и потомки ихъ, пребывали долгое время безъ письменъ....

18) Скрижали наши свидѣлствуютъ, какъ вашъ народъ устоялъ противу усилій мощнаго народа, напавшаго несправедливо на всю Европу и Азію, и пришедшаго съ Атлантическаго моря, которое тогда можно было переходить (въ бродъ).

19) Оно имѣло островъ, противъ устья, которое вы на нашемъ языкѣ называете: *Иракловы столпы*. Самый же островъ былъ обширнѣе, чѣмъ Азія и Ливія вмѣстѣ.

20) Оттуда путешественники переходили на другіе острова, а съ нихъ и на твердую землю, окружавшую собственно называемый Понтъ.

21) А что находится по сю сторону устья, о которомъ мы говоримъ, походить на гавань, имѣющую узкій входъ.

22) Тамъ море, собственно называемое *Пелagosъ*; а земля, окружающая это море со всѣхъ сторонъ, есть настоящій материкъ.

23) На названномъ нами островѣ Атлантидѣ были цари, имѣвшіе власть могущественную, которая распространялась не только на этотъ островъ, но и на другіе острова и части материка.

24) Сверхъ того, они владычествовали внутри Ливіи до Египта, а въ Европѣ до Тирреніи.

25) Соединенныя силы ихъ покусились покорить однимъ разомъ вашу и нашу землю и всѣ области, лежащія по ту сторону сказаннаго устья.

26) Тогда, о Солонъ, могущество вашего народа ознаменовалось твердостью и добродѣтелью, превыше другихъ народовъ.

27) Превосходя прочіе народы геніемъ и ратнымъ искусствомъ, Аѳиняне приняли предводительство надъ Еллинами, изъ которыхъ многіе ихъ оставили.

28) Не смотря на крайность, до какой они были доведены, Аѳиняне восторжествовали надъ своими противниками и воздвигнули трофеи, оградивъ такимъ образомъ многихъ отъ порабощенія.

29) И намъ, живущимъ внутри предѣловъ Иракловыхъ (Египтянамъ), даровали избавленіе и свободу.

30) Но случившіяся послѣ того землетрясенія и наводненія поглотили въ одинъ день и въ одну ужасную ночь все ваше воинство, и вмѣстѣ съ тѣмъ островъ Атлантида погрузился въ море — и исчезъ!

31) Отъ этого море на этомъ мѣстѣ стало недоступно и неудобно для мореплаванія отъ ила и отмелей, которыя оставилъ по себѣ погрузившійся островъ.

32) Теперь ты слышалъ, Сократъ, сокращенный разсказъ старца Критія, переданный ему Солономъ».

Въ дополненіе къ этому должно привести нѣкоторыя мѣста о томъ же важномъ предметѣ изъ другаго разговора Платона «Критій». Замѣтимъ только, что въ первомъ разговорѣ говорилъ Египтянинъ, а здѣсь говорить Грекъ.

33) «Солонъ сказывалъ, что Египетскіе жрецы въ своемъ повѣствованіи объ этой войнѣ (Атлантидовъ съ Греками) употребляли имена Кекропса, Ерехтея, Ерихеонія, Ерисихеона и другихъ, жившихъ до Фезея, равно какъ и женскія имена.

34) Наша земля простиралась тогда, какъ полагаютъ съ до-

вольною вѣроятностью, съ одной стороны до перешейка, а съ другой до вершинъ горъ Кисерона и Парнева; отсюда она понижалась, имѣя на правой сторонѣ рѣку Оропию, а на лѣвой, къ морю, рѣку Азопъ.

35) Необычайное плодородіе этой страны доказывается тѣмъ, что она могла содержать многочисленное войско, не только свое, но и сосѣднихъ земель.

36) Оно еще обнаруживается доселѣ тѣмъ, что осталось теперь отъ этой страны, превосходившей другія изобиліемъ всѣхъ земныхъ произведеній.

37) Такова была Аттика. И можно ли, судя по тому, что осталось отъ нея, повѣрить тому, что о ней сказано?

38) Вся Аттика теперь какъ бы отдѣляется отъ твердой земли, и, вдаваясь въ море, походить на мысь. Море, ее окружающее, вездѣ очень глубоко.

39) Ужасныя наводненія въ продолженіе девяти тысячъ лѣтъ, протекшихъ доселѣ, отторгли землю съ высотъ, и, не возвыся равнины, раскидали нѣкоторую часть ея вокругъ береговъ и увлекли ее въ пропасти морскія.

40) И какъ бываетъ послѣ продолжительной болѣзни, наша земля, лишаясь своего тука, представляетъ одинъ только остовъ прежняго своего прекраснаго тѣла.

41) Я долженъ васъ предупредить, чтобъ вы не удивлялись, если я, говоря о варварахъ, даю имъ имена Греческія, и вотъ тому причина.

42) Когда Солонъ намѣревался составить изъ этого повѣствованія поэму; то онъ, изыскивая коренныя производства именъ, узналъ, что первые Египтяне, написавшіе эту исторію, перевели коренное значеніе именъ на свой собственный языкъ. Такъ и Солонъ передалъ смыслъ этихъ именъ нашимъ языкомъ.

43) Послѣ того, какъ боги раздѣлили между собою землю, каждый изъ нихъ получилъ область, одинъ большую, другой меньшую....

44) Островъ Атлантида достался Нептуну, и онъ устроивъ дѣтей своихъ, рожденныхъ отъ смертной, въ одной части этого острова....

45) Не далеко оттуда жилъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые были порождены землею: его звали Евеноръ, а жену его — Левкиппа.

46) У нихъ была единственная дочь, по имени Клито, которая уже пришла въ зрѣлость, когда отецъ и мать умерли.

47) Нептунъ полюбилъ ее и женился на ней.

48) Пять разъ Клито раждала ему сыновей, по два близнеца каждый разъ.

49) Тогда онъ раздѣлилъ весь островъ Атлантиду на десять частей.

50) И далъ старшему сыну достойное материнское, лучшее и большее на весь островъ.

51) Его поставилъ царемъ надъ другими, которыхъ называлъ *архонтами*, давъ каждому изъ нихъ владычество надъ большою и многолюдною областью.

52) Онъ далъ каждому изъ нихъ имена. Старшаго, главу всехъ прочихъ, назвалъ *именемъ*, которое въ послѣдствіи придано острову и морю: имя этого перваго царя было Атласъ.

53) Братъ его, близнецъ, получилъ во владѣніе оконечность острова, ближайшую къ столпамъ Иракловымъ. Его называли на языкѣ той страны: *Гадиръ*, а по Гречески *Евмилъ*; отъ него получила эта область названіе *Гадирика*.

54) Дѣти вторыхъ родовъ были Амфиръ и Евдемонъ.

55) Дѣти третьихъ родовъ: старшій назывался Мнизей, а младшій Автохеонъ.

56) Четвертыхъ родовъ дѣти: старшій назывался Эласиппъ, а младшій Мисторъ.

57) Последніе были Азаисъ и Діапреписъ.

58) Всѣ они, ихъ дѣти и потомки, жили въ продолженіе многихъ поколѣній въ этой странѣ и властвовали надъ многи-

ми другими островами, разсѣянными вдоль моря, какъ уже прежде было сказано, такъ что ихъ власть простиралась до Египта и Тирреніи.

59) Островъ производилъ самъ собою все, что необходимо для жизни—всѣ металлы твердые и плавимые, даже орихалконъ, тотъ металлъ, который мы теперь знаемъ только по имени.... Послѣ золота это былъ драгоцѣннѣйшій металлъ.... онъ блисталъ какъ огонь.

60) Сначала поверхность острова, какъ говорятъ, была очень возвышенна, а берегъ обрывистъ. Вокругъ города разстилалась равнина, обставленная горами, которыя спускались къ морю. Эта равнина была продолговата и простиралась въ одну сторону на три тысячи стадій, а отъ своей середины до моря слишкомъ на двѣ тысячи.

61) Площадь острова протягивалась къ югу, а съ сѣвера онъ былъ защищенъ горами, которыя, какъ повѣствуютъ, превосходили высотой и красотою нынѣшній....

62) Эта площадь имѣла образованіе четверосторонника довольно правильнаго, но продолговатаго.

63) Въ продолженіе многихъ поколѣній и пока божіе отраженіе въ нихъ проявлялось, они покорялись законамъ и охранялись тѣмъ божественнымъ началомъ, отъ котораго происходили; всѣ ихъ помышленія были возвышенны и направлены къ истинѣ, и они скромно и мудро вели себя при всѣхъ переломахъ жизни.

64) Уважая только добродѣтель, они считали все прочее ничтожнымъ. Обладаніе золотомъ, серебромъ и другими драгоцѣнностями вмѣняли они себѣ въ тягость....

65) Но страсти подавили въ нихъ божественное начало: оно мало по малу стало въ нихъ ослабѣвать и гаснуть отъ преобладанія надъ ними плотскаго естества; наконецъ человѣкъ остался самъ съ собою, и, не въ состояніи будучи вынести своего земнаго блаженства — палъ. Тѣ, которые могли судить право, увидѣли, что они утратили лучшія свои блага, между тѣмъ какъ не умѣющіе понимать, въ чемъ состоитъ истинное блаженство,

почитали накопившихъ несмѣтныхъ богатства и движимыхъ алчностью неправого преобладанія достигшими верховнаго счастья.

66) Но богъ боговъ, Зевесъ, царствующій правдою и всевидящій, усмотрѣвъ развращеніе этихъ людей, нѣкогда добродѣтельныхъ, и восхотѣвъ ихъ наказать, дабы чрезъ то обратитъ къ мудрости, собралъ всѣхъ боговъ въ торжественное жилище, находящееся посреди вселенной, откуда онъ обозрѣваетъ все сотворенное, и къ нимъ, собравшимся, такъ возгласилъ.»

Здѣсь прерывается недоконченный или неуцѣлѣвшій разговоръ Платона. Читатель конечно замѣтилъ во многихъ мѣстахъ этого разсказа проблески Библейской первобытной исторіи ¹⁾. Извѣстно, что язычники исказили многія мѣста Священнаго Писанія и Еврейскіе обряды, приноровивъ ихъ къ баснословной исторіи и къ идолопоклонству ²⁾. Нуменій, Греческій философъ втораго вѣка, удостовѣрялъ, что Платонъ извлекъ изъ книгъ Моисеевыхъ познанія о Богѣ и сотвореніи міра. Онъ даже говорилъ: «Платонъ не иное что, какъ Моисей, выражающійся языкомъ Аѳинянь ³⁾». Ни одинъ изъ языческихъ писателей не разсуждалъ съ такимъ высокимъ краснорѣчіемъ о Божествѣ и Провидѣніи, о наказаніяхъ и наградахъ въ будущей жизни. Мы находимъ у него темный намекъ на ученіе о Троицѣ и объ Искупителѣ ⁴⁾. Поэтому первые Отцы Церкви не воспрещали чтенія Платона. Большая часть послѣдователей его ученія обратилась къ Христіанству прежде другихъ язычниковъ, о чемъ свидѣтельствуетъ, между прочими, Климентъ Александрійскій ⁵⁾. Греки могли весьма удобно ознакомиться съ книгами Священ-

¹⁾ См. всю VI гл. Кн. Бытія.

²⁾ «Et exanderant Hbrum legis de quibus scrutabantur gentes similitudines simulacrorum suorum». — «И распростерши книгу закона, отъ нихъ же мыслытаху языцы написати на нихъ подобія идолъ своихъ». Кн. Марк. I, III, с. 48.

³⁾ Numenius in Euseb. Praeparat. Evang. XIII, 12.

⁴⁾ Въ Алкимадѣ.

⁵⁾ In Stromat. См. также S. Augustin. de civit. Dei VIII, с. 4, 5, 9, 11.

наго Писанія какъ чрезъ иудейскихъ Евреевъ, что видно изъ Пророка Іоны, такъ и чрезъ Финикійцевъ, распространившихъ во многихъ мѣстахъ древняго міра столько важныхъ и полезныхъ свѣдѣній. Философы прошлаго столѣтія и многие изъ современныхъ, сказали одинъ ученый, имѣютъ рѣшительное отвращеніе отъ подобныхъ соображеній; они не могутъ равнодушно слышать, что Священное Писаніе послужило основаніемъ многимъ историческимъ и мифологическимъ твореніямъ древнихъ писателей ¹⁾.

Разсказъ Солона объ Атлантидѣ помѣщаетъ это событіе въ составъ первобытной исторіи рода человѣческаго. Не малое число ученыхъ старались разгадать эту повѣсть. Гдѣ же скорѣе можно найти рѣшенія загадки, какъ не въ Библии, которая есть первая и древнѣйшая изъ существующихъ книгъ? Но всѣ предположенія ученыхъ были направляемы въ противную сторону. Можно ли было искать Атлантиды Древнихъ за тѣми *столпами Геркулеса*, которые обыкновенно ставятъ при проливѣ Гибралтарскомъ, тогда какъ часть земнаго шара за проливомъ Гибралтарскимъ не принадлежитъ исторіи первобытной? Одно это разсужденіе должно было удержать отъ подобныхъ предположеній. Древняя исторія Египетская для насъ почти не существуетъ; на Египтъ почилъ гнѣвъ Божій; о немъ сбылись пророчества, что его слава будетъ стерта съ лица земли, и теперь его разгромленные исполинскіе памятники какъ-бы нарочно оставлены Провидѣніемъ, чтобъ показать всю тщету человѣка, когда онъ хочетъ бороться съ Богомъ. Не смотря на это древняя исторія *Египетская* Продота, Діодора и Маневона считается исторіею, хотя самъ Продотъ, особенно Діодоръ, относятъ ее къ области баснословія. Мы не скажемъ, чтобъ у нихъ не находилось важныхъ фактовъ историческихъ, но ихъ надобно разгадывать какъ мины; потому что, какъ доказываетъ Guérin du Rocher часто неоспоримыми данными, эта исторія большею частію передѣлана изъ исторіи Евреевъ, и лишь только облечена формами Египетскими ²⁾. Напрасно насъ

¹⁾ Feller. Dict. hist. L'Avant.

²⁾ Guérin du Rocher, Hist. véritable des temps fabuleux.

остерегали отъ этихъ басней Плутархъ¹⁾, Фукидидъ²⁾, Марцеллинъ³⁾, Климентъ Александрийскій; мы все увлекались сладковатыми рассказами Грековъ и Римлянъ, послѣ которыхъ, какъ говоритъ Блаженный Иеронимъ, слогъ Библии казался намъ жесткимъ⁴⁾. Египетъ во время долгаго пребыванія въ немъ Израильтянъ такъ обогатился принесенными туда чрезъ Евреевъ высокими познаніями, которыя тамъ даже укоренились, что его жители, при Моисей, обладая этими познаніями со временъ незапамятныхъ, смотрѣли уже на нихъ, какъ бы на свои собственные⁵⁾.

Картина острововъ, населенныхъ первобытными людьми, представленная Платономъ (с. 19 — 20, 23, 58), является въ книгѣ Бытія гл. X, с. 5. Моисей, начертавъ родословіе сыновъ Ноевыхъ, говоритъ: «Отъ сихъ раздѣлишася острова языковъ въ земли ихъ».

Что понимали жрецы Египетскіе, бесѣдовавшіе съ Солономъ, подъ именемъ моря *Атлантическаго*? Въ какихъ мѣстахъ земнаго шара находимъ мы имя *Атласа*? — Во времена историческія встрѣчаемъ народъ, называемый Атлантами въ Ливіи⁶⁾. Знаменитыя горы Атлаеа находятся въ Варварійскихъ владѣніяхъ; гора *Юрьюра* близъ Алжира есть тотъ олицетворенный миѳическій Атласъ, поддерживающій сводъ небесный⁷⁾. Тцетцесъ говоритъ, основываясь на преданіяхъ Еврейскихъ и Греческихъ, объ Атласѣ Египетскомъ, гораздо древнѣйшемъ, чѣмъ Атласъ Ливійскій. Это лице, по словамъ его, сообщило

1) De malign. Herod.

2) Hist. in princip.

3) Marcellinus, in vita Thucyd. «Totus secundus Herodoti liber mentitur hypothesis».

4) S. Hieron. Ad Eustoch. de virgin.

5) Walckenaer, Rech. s. l'inter. de l'Afr. et Latreille. Ess. s. les expedit. de Suétoxe Paulin et de Corn. Balbus. P. 1867, in 8°. Протоміеи Атлаеа даже въ западу сдѣлались известными Римлянамъ только въ комедіи Омерона Павана. См. Plin. H. N. L. V, L.

6) Laveau. Conference de la Fable avec l'hist. Sainte. Disc. prélim.

7) Plin. H. N. I, 137.

Египтянамъ познанія въ Θεογονіи и Астрономіи ¹⁾. Павсаній упоминаетъ объ Атласѣ Віотійскомъ, приписывая ему тѣ же познанія. Плиній говоритъ также, что древняя Еоіонія называлась прежде Аерія (Aëgia s. Aethægia), потомъ *Атлантія* ²⁾. Египеть, по свидѣтельству Евсевія, именовался тоже древле *Аерія* ³⁾. Древнѣйшій основатель храма Венеры на островѣ Кипрѣ, по Тациту, былъ *Аерій*, и даже самое божество острова Кипра называлось тѣмъ же именемъ *Аерія* ⁴⁾. У Омира нимфа Калипсо принимается за дочь царя *Атласа*, которому были известны таинственныя глубины морскія ⁵⁾. Это ведетъ къ предположенію, что Средиземное море называлось нѣкогда *Атлантическимъ*. Какое стеченіе преданій, совокупленныхъ въ одинъ кругъ дѣйствія, къ морю Средиземному. Наконецъ и указаніе Мифологіи не маловажно: кто былъ *Атласъ*? — «Знаменитый Титанъ, сынъ *Яфета* и нимфы *Азіи* ⁶⁾». Евсевій (въ книгѣ IX Praeparat. Evang.) говоритъ, слѣдуя Евмолпу: «Греки приписывали Атласу изобрѣтеніе Астрологіи; это есть одно лице съ Енохомъ, сыномъ Маусайловымъ». Прежде того Евсевій сказалъ, что преданіе приписываетъ изобрѣтеніе Астрологіи Еноху. По преданію Грековъ и Римлянъ, переданному Плиніемъ ⁷⁾, и по преданіямъ Востока, сохранившимся у Массуди и другихъ, которыя мы выписали выше, Кипръ, принимаемый нами за остатокъ Атлантиды, былъ соединенъ и съ Палестиною, отечествомъ Яфета (отца Атласова), и съ Малою Азією, которая была собственно *Азія*

¹⁾ Tzetzes. Hist. variar. chiliades. Chil. V. de Atlante. Въ Poetae Gr. vet. Colon. 1614. Т. II, p. 343, v. 276—79.

²⁾ Plin. H. N. VI, c. 30.

³⁾ Euseb. Chron. s. v. Ramesses. Potoski. Principes de Chronol. p. 61: «Что касается до имени Атлантовъ, то оно принадлежало тѣмъ древнимъ Эоіонамъ, которые при Омридѣ населили Египеть, сообщили ему Иероглифическія письменна и научили Θεογονію».

⁴⁾ Tacit. Ann. III, Hist. II, 3.

⁵⁾ Hom. Odyss. I, 52—53.—VII, v. 245.

⁶⁾ Biogr. Univ. partie Mytholog: Atlas. Ovid. Metam. IV, 631. Natalis Com. Mythol. L. IV, c. 7.

⁷⁾ Plin. H. N. II, 90, 91.

Древнихъ, *Asia propria*. Вотъ почему Солоиъ говоритъ у Платона, что островъ Атлантида былъ болѣе, чѣмъ Азія и Ливія вмѣстѣ (с. 19); потому что Ливія составляла только то пространство, которое находится между Египтомъ и Сиртими ¹⁾, гдѣ были сады Гесперидовы, или *Ливія Марсотійская* ²⁾, и, только въ смыслѣ поэтическомъ и общемъ, это имя приписывали цѣлой части свѣта. Притомъ рассказъ Солона довольно ясно обозначаетъ мѣстность Атлантиды:

С. 23. «Въ названномъ нами островѣ Атлантидѣ были цари, имѣвшіе власть могущественную, которая распространялась не только на этотъ островъ, но и на другіе острова и части материка».

С. 24. «Сверхъ того они владычествовали внутри Ливіи до Египта и въ Европѣ до Тирреніи».

Ливія до Египта есть уже названная нами *Ливія — Марсотійская*; а *Тирренія*, какъ извѣстно, часть древней Италіи, населенная древле Лидянами и получившая это названіе отъ царя Лидійскаго Тиррена, сына Геркулесова ³⁾.

И такъ спросимъ опять, послѣ такого положительнаго опредѣленія мѣстности Атлантиды, искать ли ее въ Атлантическомъ Океанѣ? Есть ли какое вѣроятіе, чтобъ Океанъ Атлантической могъ когда либо быть переходимъ въ бродъ, какъ слѣдуетъ изъ разсказа жрецовъ Египетскихъ и преданія, переданнаго намъ Массудіемъ и другими Арабскими писателями? Замѣтимъ, что, можетъ быть, не безъ намѣренія, въ разсказѣ

¹⁾ Plin. H. N. V, 6.

²⁾ Schellers Lexic. s. v. Lybia.

³⁾ Herod. I, 94. — Plin. H. N. III, 5.

у Солона; море, окружающее островъ Атлантиду, названо словомъ *Πελαγος* (πελαγος), а не *Океанъ* (ωκεανος), которое должно бы было употребить, еслибъ мѣсто дѣйствія происходило на Океанѣ Атлантическомъ. Позднѣ Греки смѣшали имена πελαγος и ωκεανος; потому что самый *Нилъ*, по свидѣтельству Діодора Сицилійскаго, сверхъ другихъ именъ, въ глубокой древности назывался *Океаномъ* ¹⁾.

Теперь остается намъ сказать о столпахъ Геркулесовыхъ, которые, вѣроятно, были главною причиною всѣхъ недоразумѣній по этому предмету. Греки и Римляне временъ положительна-историческихъ разумѣли вообще подъ этимъ именемъ живописное образованіе Гибралтарскаго пролива. *Скимнъ Хиосскій* (v. 144 — 145) говоритъ о проливѣ Гибралтарскомъ, что это мѣсто называется у *нѣкоторыхъ Геркулесовыми столпами* ²⁾; стало быть не у всѣхъ? Это самое признаетъ и ученый географъ Мавнертъ ³⁾. Но вспомнимъ, что въ отдаленнѣйшую эпоху, столпамъ Геркулесовыми называли также западное главное устье Нила, прозванное устьемъ *Иракла*, т. е. *Геркулесовымъ*, гдѣ былъ городъ *Ираклеумъ*, и храмъ въ честь Геркулеса ⁴⁾. Поэтому у Платона Египтянинъ говоритъ: 29) «И намъ, живущимъ внутри предѣловъ Иракловыхъ»... Храмъ въ честь Геркулеса, весьма знаменитый въ древности, находился также въ Тирѣ противъ острова Кипра. А еще съ большимъ вѣроятіемъ можно принять за *Геркулесовы столпы*, о которыхъ упоминается въ разсказѣ объ Атлантидѣ, тѣ скалы Босфора Фракійскаго, находящіяся при входѣ въ Понтъ Евксинскій, о которыхъ говоритъ Страбонъ слѣдующее: «Иные полагаютъ, что скалы, называемыя *Планк-та* и *Симплегада* ⁵⁾, суть тѣ столпы, о которыхъ упоминаетъ

¹⁾ Diod. Sic. I, p. 1, § XIX.

²⁾ Καλεῖται δὲ οὗτο τινὸν Ἰρακλίδος στήλαι.

³⁾ T. I, p. 297.

⁴⁾ Diod. Sic. I, p. 1, § XX. Баеръ (Baer) справедливо замѣчаетъ, что всѣ храмы Геркулесовы въ древности были украшены двумя колоннами при входѣ, и что по этому названію *столбовъ Геркулесовыхъ* вѣроятно происходила пограничнымъ памятникамъ.

⁵⁾ Что имѣтъ Урекъ и Таки.

«Пиндаръ, называя ихъ *вратами Гадиритскими*, и что они «суть предѣлы странствія Геркулесова¹⁾». Припомнимъ, что знаменитый въ древности храмъ существовалъ на одной изъ скалъ Кіивейскихъ (Плавкта и Симплегада). Иродотъ представляетъ намъ Дарія приплывшимъ туда, чтобъ насладиться зрѣлищемъ Понта Эвксинскаго. «Зрѣлище достойное вниманія», говоритъ этотъ историкъ, «потому что это море преимущественно поредеъ другими заслуживаетъ удивленіе²⁾». Пиндаръ почти также выражается о Понтѣ Эвксинскомъ, называя путь къ странамъ Гидерборейцевъ *путемъ чуднымъ—Ἰαυσασταὺν ὁδὸν*³⁾. Этимъ путемъ достигали *странъ блаженныхъ*; тамъ полагались предѣлы міра въ повѣрїяхъ первобытныхъ народовъ. Выпишемъ еще одно мѣсто изъ Страбона: «Въ отдаленныя времена Понтъ Евксинскій считался другимъ Океаномъ, и тѣ, которые рѣшались плавать по немъ, считались столь же отчужденными отъ міра, какъ и тѣ плаватели, которые направлялись за столпы Геркулесовы, Понтъ Эвксинскій считался самымъ большимъ моремъ; его называли по преимуществу *Понтъ* (Ποντός), что мы видимъ въ Омирѣ⁴⁾». Касательно столповъ Геркулесовыхъ наше мнѣніе подтверждается преданіемъ самой глубокой древности, сохраненнымъ Діонисіемъ Милетскимъ, изъ котораго явствуетъ, что путь Ираклѣ былъ *не изъ Европы въ Ливію*, а напротивъ того *изъ Ливіи въ Европу*⁵⁾. Ираклъ, если онъ существовалъ, могъ принадлежать могучему роду Атлантовъ Ἰνδάντες (Быт. VI, 4). Это подтверждается тѣмъ, что самый Геркулесъ былъ Бриарей⁶⁾. Что же касается до страны, назы-

1) Strab. III, 5, § 6, p. 170. — Pind. Olymp. III, X. Не подалеку отсюда, на Азіатскомъ берегу Чернаго моря, былъ городъ Геркулесовъ Негасіаеа, съ гаванью; а далѣе у Кавкасскаго берега два мыса Геркулесовы, см. Aggias Pont. Eux. § 13 и 18.

2) Herod. IV, 83.

3) Pyth. X.

4) Strab. lib. I, p. 21. Eustath. v. 146. C. 20.

5) Dionys Miles. apud Diod. Sic. — Mannert. Geogr. 2-e Ausg. IV, p. 56.

6) Clearchus Solens. Mulleri fragm. Historicor. Gr. T. II, p. 329.

васмой *Гадирька*, то замѣтимъ, что плаваніе Финикійцевъ къ проливу Гибралтарскому гораздо позднѣе самаго названія «*Гадирь*», которое, происходя отъ имени одного изъ сыновей Иакова, *Гада*, перешло въ названіе земли, принадлежавшей его колѣну. Еврейское имя *Гадъ* גַּדъ происходитъ отъ слова *Гада* גַּדָּא, значащаго: овенъ, между тѣмъ, какъ *Гадирь* или *Гадарь* גַּדָּרъ встрѣчается между именами городовъ, какъ въ Палестинѣ, такъ и въ Аравіи ¹⁾. Мы знаемъ также, что слово גַּדָּא собственно означаетъ *стѣну* или *ограду*. Финикійцы дали названіе *Гадиря* островкамъ и колоніи пролива Гибралтарскаго, согласно съ извѣстнымъ именемъ גַּדְרֹתַי *Гедеротъ*, и поэтому Руей Авіенъ, въ своемъ описаніи городовъ, замѣчаетъ, что Финикійцы, назвавъ проливъ: «*Гадирь*», имѣли въ виду словопроизводство этого имени, значащаго *сжатый стѣнами* (undique serptum ²⁾). Такое наименованіе еще ближе примѣнимо къ Босфору Фракійскому, и можно полагать съ вѣроятностію, что въ глубокой древности это было его настоящее названіе, отнесенное позднѣе Финикійцами къ проливу Гибралтарскому, какъ это указываетъ Стравонъ, говоря о скалахъ Босфора, Планкта и Симплегады; сіи послѣднія также были относимы къ Гибралтару. Это указаніе Стравона драгоцѣнно. Такимъ образомъ рассказъ Солонъ болѣе и болѣе поясняется. То, что Солонъ называетъ *собственно Понтомъ* (с. 20), есть Понтъ Евксинскій, а *собственно море (Пелagosъ)* (с. 22) — *море Средиземное*, древле носившее имя острова Атлантиды, котораго народъ владѣлъ частію Европы и Азіи. Если мы обратимся къ словопроизводству имени Егейскаго моря Αἰγαῖον πῆλαγος; то найдемъ, что одинъ изъ трехъ сторукихъ гигантовъ назывался именемъ: *Эгеонъ*, Αἰγαῖον (на языкѣ боговъ *Эгеонъ*, а на языкѣ смертныхъ *Бриарей*, говоритъ Омиръ). Мы опять узнаемъ въ этомъ имѣи могучій родъ *Атлантовъ*: *исполнили челоуѣци ижежити* Библии, ὑπερφηαυα τέχνα, superba proles Изіода ³⁾. Безъимьянный ав-

¹⁾ II Паралипом. XXIII, 18. — Псал. 83, 7. — Матт. VIII, 28.

²⁾ См. Edm. - Castelli Lexic. Heptaglott. p. 496, ad voc. גַּדָּא et גַּדָּר.

³⁾ Hesiod. Theog. 149 v.

торь Скедіазма или Першпа Средиземнаго моря называетъ его *μεγαλος θαλασσης*.

Атлантида, по нашему предположенію, занимала все пространство Средиземнаго моря отъ острова Кипра до Сициліи, воюль которой на сѣверъ было Тирренское море и Тирренія. Это пространство совершенно соотвѣтствуетъ тому, которое Платонъ опредѣляетъ для Атлантиды, а именно: 3,000 стадій въ длину и 2,000 ширину. Балъи сравниваетъ его съ пространствомъ Франціи, 150 миль въ дл. и 100 въ шир. ¹⁾ Должно замѣтить, что островъ Косъ носилъ нѣкогда названіе: *Меропъ* или *Мерописъ*, какъ свидѣтельствуетъ Плиній (V, 36); Квинтилианъ же говоритъ, что жители этого острова назывались *Меропами* (VIII, 6, extr. § 71). Просимъ нашихъ читателей, по этимъ указаніямъ, вспомнить то, что мы сказали относительно преданія Теопомпа о странѣ *Мероповъ* или *Атлантовъ* (стр. 41). Пиндаръ также помѣщаетъ исполинскій родъ Мероповъ, побѣжденный Геркулесомъ, на берегахъ Эгейскаго моря (Неш. IV, 25—30). Мы уже упоминали о мифѣ Геркулеса, какъ прообразованіи того физическаго переворота, который происходилъ на этомъ мѣстѣ земнаго шара (стр. 38). Присоединимъ къ этому свидѣтельство Діодора (III, 61), который говоритъ, что Сатурнъ (Кроносъ) былъ братъ *Атласа*, что онъ царствовалъ надъ Сициліею, Ливіею и Италіею. Этотъ самый объемъ даетъ Солонъ, въ разсказѣ Платона, владычеству Атлантовъ. Юпитеръ былъ сынъ Сатурна и братъ Урана; другой Юпитеръ былъ царемъ острова Крита, по свидѣтельству того же писателя, и побѣдилъ Сатурна, который воевалъ противъ него вмѣстѣ съ Титанами. Островъ Критъ и Родосъ должны были также составлять одно цѣлое съ Атлантидою; древнее имя Крита, Родоса и даже Лезбоса было общее съ Кипромъ: *Aëria*, *Счастливый островъ*, *μαχαρων νησος* ²⁾. Вотъ уже и *Fortunata insula*, *νησος μαχαρων*. Известно, что древніе писатели часто разумѣли подъ этимъ названіемъ Атлантиду.

¹⁾ Bailly *Lettres s. l'Atlant.* pp. 84 — 85.

²⁾ Plin. H. N. IV, 12. 20, V. 31. — V, 36, 39. *Solin.* XVII. — *Aul. Gel.* XIV, 6.

Планий наугадъ искалъ Счастливаго острова противъ Магританскаго берега на Атлантическомъ Океанѣ; онъ ввелъ въ заблужденіе и своихъ послѣдователей: имя Атлантическаго Океана было тому главнѣйшею причиною. Въ Космографіи Этика ¹⁾, полезной по отрывкамъ изъ древнихъ потерянныхъ географовъ, въ ней находимымъ, мы встрѣчаемъ *Insulae Fortunatae* рядомъ съ Сициліею, Сардиніею и Корсикою. Малтебрюнъ уже замѣтилъ, что Периплъ Ганноновъ доказываетъ, что Каррагенцы во время Иродота не знали еще ничего о Канарскихъ островахъ ²⁾, къ которымъ въ послѣдствіи отнесено названіе *Счастливыхъ острововъ* ³⁾. Тождество *Счастливыхъ острововъ* или *Гесперій* съ *Атлантидою* подтверждается указаніемъ Максима Тирскаго (Serm. 38). Онъ причисляетъ *Гесперию* къ Ливіи, говоря, что *Атласъ* былъ тамъ въ особенности чествуемъ, что *Гесперія* есть земля узкая, что ея протяженіе болѣе въ длину, чѣмъ въ ширину, и что море окружаетъ ее со всѣхъ сторонъ. Это топографическое обозначеніе поразительно сходно съ рассказомъ Платона. По мнѣнію древнихъ, на Счастливыхъ островахъ жили *Титаны* подъ владычествомъ Кроноса, послѣ того какъ Юпитерь выпустилъ ихъ изъ Тартара. Тамъ жилъ также мирный Титанъ Океанъ при источникѣ рѣки своего имени, обтекающей всю землю. Опять должно здѣсь припомнить, что Нилъ назывался въ древности рѣкою Океаномъ или *божественною*, обтекающею весь міръ. Приведемъ здѣсь любопытную выписку изъ Арабскаго историка *Могамеда бенъ Ахмеда бенъ Аяса*: «Противъ моря Индійскаго, со стороны Запада, другое море «выходитъ изъ Океана (на западѣ отъ страны *Зинджестъ*) и оканчивается возлѣ *горы Горлицъ*. Въ это море впадаетъ Нилъ, который вытекаетъ изъ самой возвышенной части Абиссиніи; *при его оконечности* (т. е. при устьѣ) *находятся Счастливые остро-*

¹⁾ Aethiops изд. живётъ съ Ротур. Mela et Solin. Lugd. Bat. 1643, p. 497.

²⁾ Maltebrun. Geogr. I, 227.

³⁾ Прибавимъ, что даже въ то время, когда былъ написанъ Складизмъ или Периплъ Средиземнаго моря, безъименнаго автора, жившаго нѣсколько прежде Страбона, существовала на сѣверо-восточномъ берегу острова Кипра гора, называвшаяся именемъ Махарса.

«... Противъ Сирийскаго моря, на востокъ, море Грузинское («Каспійское»)*). Что касается до Титановъ, то корень этого разсказа находимъ въ началѣ VI гл. Бытія. «И бысть егда начаша человѣцы мнози бивати на земли и дщери родишася имъ. Видѣвше же сынове Божіи дщери человѣка, яко добры суть, спояша себѣ жены отъ всѣхъ ихъ же избраша. И рече Господь Богъ: не имать Духъ мой пребывать въ человѣцѣхъ сихъ во вѣкъ, зане суть плоть: будутъ же днѣ ихъ лѣтъ сто двадцать. Исполни же бѣху на земли во дни оны; и похотѣхъ, егда вложю сынове Божіи къ дщерамъ человѣческимъ и рождаху себѣ: тѣи бѣху исполни, иже отъ вѣка человѣцы именити. (ст. 1—4)».

Судя по разсказу Солона (ст. 20), царство Атлантовъ состояло изъ главнаго острова, или правильнѣе, изъ большаго полуострова и изъ другихъ меньшихъ острововъ или полуострововъ (нынѣшній Архипелагъ), которые, болѣе или менѣе сближенные и даже соединенные, достигали до *столбовъ Геркулесовыхъ*, или *Босфора Фракійскаго*. Островъ Лесбось, который, какъ мы сказали, можно причислить къ такъ называемымъ Счастливымъ островамъ, *Μαχαρών νῆσος*, могъ составлять сѣверную оконечность владѣній *Атлантовъ*. Война Аѳинянь съ Атлантами, при такомъ предположеніи, становится понятною; иначе могли ли Аѳиняне имѣть что либо общее съ жителями острововъ Океана Атлантическаго? Притомъ не самъ ли Платонъ говоритъ намъ, что большая часть древней Аттики подверглась въ одно время той же участи, какой и островъ Атлантида (ст. 34—40): сдѣдовательно Аттика была въ смежности съ Атлантидою. Преданіе о войнѣ Аѳинянь съ Атлантами освящено было обрядами Аѳинянь. Проклъ говоритъ, что такъ называемый *πεπλυμῆ* (*perlymē*) или бѣлый хитонъ, которымъ облака-

*) Бенъ-Аль-Хъ. *Западъ целтовъ въ чудесахъ Природы*. Въ Notices et extr. des MS. T. VIII, p. 13. — См. также Natalis Com. Mythol. I: III, c. 19. «Scriptum reliquit Clearchus Solensis, has beatorum insulas fuisse juxta Herculis Briarei columnas, ad quas in Gades et Tyrius et Graecus postea Metecules accessit».

ли Минерву въ Панаэеенскіе праздники, напоминалъ объ этомъ событіи. Знаменательный стихъ Виргилія

Magna giganteis ornatur peplo trophaeis,

подтверждаетъ указанія Прокла ¹⁾. Фукидидъ повѣствуетъ объ островѣ Аталантѣ, оторванномъ отъ материка въ проливѣ между Локридою и Евбею, когда сія послѣдняя была взрыта землетрясеніемъ и наводнена моремъ ²⁾. Это мѣсто Фукидиды приводило даже великаго Колумба къ мысли, что Атлантиду Платонову должно искать около этихъ мѣстъ ³⁾. Замѣтимъ также, что два древнѣйшихъ царя Лидійскихъ, Гигесъ и Алиатесъ, назывались потомками Атласа. Фригійцы (и можно сказать тоже о Лидійцахъ) считали себя, по сознанию самихъ Египтянъ, самымъ древнимъ народомъ міра ⁴⁾, и потому Апулей даетъ имъ прозваніе *первородныхъ*, *primigenii* ⁵⁾. Ученый Бохартъ доказалъ, что Фригійцы суть Библейскіе Омириты, потомки Яфета ⁶⁾, который, какъ мы уже показали, олицетворенъ въ Мифологіи Грековъ Атласомъ. Діодоръ, жившій 4-мя вѣками позднѣе Платона (60 л. до Р. Х.), во многомъ исказилъ повѣствованіе объ Атлантахъ, находясь подъ вліяніемъ своего вѣка и заимствуя отъ баснелюбивыхъ писателей, каковы были Ктезій, Эфоръ и Клитархъ; но и у него мы находимъ проблески, наводящіе на истинный путь. Такъ онъ говоритъ, что Атланты вели войну съ Амазонками. Всѣми почти древними писателями этотъ народъ, (конечно не женщины, но получившій искаженное женское прозваніе) ⁷⁾ помѣщенъ на восточномъ берегу Понта Евксинскаго (т. е. моря негостепримнаго); но Діодоръ обозначаетъ другое населеніе Амазонокъ въ Ливіи, у такъ

¹⁾ Proclus in Plat. Polit. — Schol. Polit. — Virg. Cir. v. 30.

²⁾ Thucyd. L. III, c. 89.

³⁾ Götting. Gelehrte anz. 1838. T. I, p. 371, гдѣ удивляются этой идее Колумба.

⁴⁾ Herodot. I. — Just. II, c. 1.

⁵⁾ De asino aug. c. XI.

⁶⁾ Phaleg. L. III, c. 8.

⁷⁾ Palaerphat. XXXIII. Nom. II, III, 189.

называемого озера *Тритона*, и, для согласованія обстоятельствъ, придавая таинственность своему разсказу, полагаетъ это озеро на краю Ливіи къ Атлантическому океану. Но всѣ коренныя древнѣйшія преданія опредѣлили уже мѣстность озера Тритона въ бухтѣ Малой Сирты, что нынѣ заливъ *Кабесъ*, насупротивъ острова Мальты, что самое и даетъ подобіе истинны войнѣ Амазонокъ съ сосѣднимъ имъ народомъ Атлантиды. Діодоръ говоритъ положительно, что Амазонки *начали* съ объявленія войны Атлантамъ, изъ чего можно достовѣрно заключить, что оба сіи народа были сосѣдственные ¹⁾. Въ ученomъ трудѣ Укерта находимъ весьма важное для нашихъ предположеній примѣчаніе. Говоря о мифѣ Геркулеса, покоряющаго Амазонокъ, онъ прибавляетъ: «Къ тому же времени долженъ принадлежать «разсказъ Платона объ Атлантидѣ, поглощенной моремъ. Такъ «и у Діонисія исчезаетъ островъ и озеро Амазонокъ. Это равно «примѣняется къ землѣ Мероповъ у Теопомпа, къ острову Ги-«перборейцевъ у Гекатея Абдерскаго и Евгемера» ²⁾. Діодоръ также пишетъ, что Тритоновое озеро было поглощено землетрясеніемъ ³⁾. Англійскій путешественникъ Шау (Schaw) принимаетъ за Тритоновое озеро такъ называемое нынѣ озеро *Лудеа*, что самое соотвѣтствуетъ разсказу Аполлона Родійскаго въ его Аргонавтикѣ. Мы съ своей стороны полагаемъ, что еще вѣроятнѣе Тритоновымъ озеромъ можно, почитать нынѣшнее Марсеотійское озеро, при устьѣ Нила; это самое равно примѣняется къ плаванію Аргонавтовъ, которые на третій день труднаго путешествія увидѣли островъ Критъ ⁴⁾. Безчисленныя отмели, попадавшіяся Аргонавтамъ, скорѣе можно отнести къ древнему образованію Дельты Египетской, составленной изъ наноснаго рѣкою ила. Такъ называемый *Селацинскій островъ* озера Тритона былъ не иное что, какъ одинъ изъ острововъ Дельты; тамъ въ первые вѣка міра различные рукава Нила легко могли вовлечь, неопытныхъ мореходцевъ въ пути

¹⁾ Diod. Sic. III.

²⁾ Ukert. Geogr. d. Griech. und Röm. III, 394. (Skythien).

³⁾ Ibid. c. 55.

⁴⁾ Apoll. Rhod. IV.

неисходимыя. Въ полупривзанномъ теперь за Тритоново озеро, озерѣ *Лудей*, нѣтъ никакого устья или рѣки, которая соединяла бы его съ моремъ Средиземнымъ¹⁾; гдѣ же эта рѣка *Тритона*, которая; Тритону? Все эти условія находимъ при устьѣ Нила, который самъ носилъ нѣкогда имя *Тритона*, на что мы уже и указали.

Серанусъ (De Serres), переводчикъ Платона, въ предисловіи къ Критію, первый сказалъ, что должно искать въ книгахъ Моисея объясненія разсказа объ Атлантидѣ. За нимъ Шведскій ученый писатель Іоаннъ Эвреній предпринялъ вывести изъ баснословнаго мрака преданіе объ Атлантидѣ²⁾. Его предположенія были нѣсколько пополнены Баеромъ³⁾. Они оба сблизили повѣствованіе объ Атлантахъ съ Исторіею Виблейскою; но ихъ географическія предположенія совершенно различествуютъ отъ нашихъ, и примѣненія Палестины и ея переворотовъ къ исторіи Атлантиды намъ кажутся не соответствующими разсказу Солона. Не можемъ не привести здѣсь чрезвычайно любопытнаго и весьма близкаго къ истинѣ изысканія Евренія объ именахъ Атласа и его сыновъ:

с. 41) «Я долженъ васъ предупредить», говоритъ Платонъ, чтобъ вы не удивлялись, если я, говоря о варварахъ, даю имъ имена Греческія».

с. 42) «Когда Солонъ намеревался составить изъ этого повѣствованія поэму; то онъ, изыскивая коренныя производства этихъ именъ, узналъ, что первые Египтяне, написавшіе эту исторію, перевели коренное значеніе именъ на свой собственный языкъ. Такъ и Солонъ передалъ смыслъ этихъ именъ нашимъ языкомъ».

¹⁾ Это уже забытъ *Маннертъ*.

²⁾ Я имѣю латинскій переводъ Шведскаго сочиненія *Especta: Atlantica Orientalis sive ΝΗΣΟΣ Atlantis a multo retro annis a M. Iohanne Evrenio Svecano idiomate descripta, jam autem Latine versa (a Oläo Bidenio Renhorn). Berol. 1764. in 8°.*

³⁾ Essai histor. et crit. sur l'Atlantique des anciens dans le quel on se propose de faire voir la conformité qu'il y a entre l'hist. des Atlantiques et celle des Hébreux; par. Fr. Ch. Baer. 2 éd. Avignon. 1838, in 8.

Слѣдуя этому важному указанію, Эвреній полагаетъ, что Греческія имена Нептуна и его сыновей переведены буквально съ Еврейскихъ именъ: Иарава, Гада, Исиса, Асиря, Иуды, Дана, Завулоча, Неофалма, Сѣмеона и Рувима, и что это раздѣленіе Атлантиды выражаетъ одѣльное баснословнымъ вымышленное раздѣленіе Земли Обитованной между дѣтьми Иакова ¹⁾.

Образованіе озера Мензале отъ потопленія страны Танической, согласно съ предреченіемъ Пророка Іезекииля ²⁾, есть, какъ мы уже замѣтили, событіе совершенно отдѣльное отъ потопленія Атлантиды. Подобные грозные перевороты, совершившіеся на земномъ шарѣ, не описаны историками, потому что исторія, какъ сказалъ одинъ краснорѣчивый писатель ³⁾, объемлетъ толь-

¹⁾ Предлагаемъ для знающихъ Еврейскій и Греческій языки это любопытное толкованіе Евренія. Старшій сынъ Навухна, царь Атлантиды, Атласъ представляетъ самого Иарава. Атласъ есть переводъ слова Израиль אִשְׂרָאֵל отъ корня אָרַשׁ, значущаго; *превозмогъ, поборогъ*, съ тѣмъ различіемъ, что Греческое слово выражаетъ просто бойца или побѣдителя, а Еврейское борьбу Иарава съ Богомъ. (Замѣтить, что стихъ 4 и 5 главы XII, Прор. Ос. вполне объясняетъ это словопроизводство). 2-й сынъ Еемилъ Εὐμήλος *богатый овцами* въ Еврейскомъ смыслѣ אֵילָן *овечь*, выражаетъ имя *Гадъ*, אֵילָן, хотя, въ смыслѣ Писанія, означаетъ толпу, войско. 3-й *Амфересъ*, Αμφέρης отъ ἀμφέρω, ἀναφέρω, extol-lo, sursum fero, въ Евр. *Иосифъ* отъ אָדַד addidit, crescere fecit. 4-й *Еедемонъ* Εὐδαίμων beatus, тоже что *Асиря* אֲשִׁירָא beatus. 5-й *Азамсъ* Ἀζαῖς отъ אָצוּ со-ю, venegog, тѣтъ, уважать. Евр. *Иуда* אֲדָמָה отъ אָדָם въ спряженіи Гвемль, значить *восхваляется, прославляется*. 6-й *Мисторъ* или *Мисторъ* Μυστήρ prudenс, peritus или Μῆσορ отъ Μῆδος вниманіе, совѣтъ отъ чего Μῆσορ *Мудр.* Евр. אֵילָן *Данъ* отъ אָדָם *разсматривать, судить*. 7-й *Астохоонъ* Ἀστοχῶν juxta habitans in eadem terra тоже, что въ Евр. *Завулочъ* отъ אָבַד, т. е. juxta habitavit, cohabitavit. 8-й *Еласиппъ* Ἐλασιππος отъ ἐλασις militaris expeditio, или отъ ἐλάυνω, expellere, съ прибавленіемъ ἵππος, усугубляющимъ выраженіе; по Евр. *Неофалма*, отъ אָבַד въ спряж. Нифиль значить *бороться*. 9-й *Мимазъ* Μιμας, отъ μιμῶσις, memoria resonans, fama audita, по Евр. *Сѣмеонъ* отъ אָדָם, resonavit, audivit famam. 10-й *Диапренисъ* Διαπρενίσκος отъ διά πρέτω, decorus et excellens sum, выражаетъ *Рувима*, отъ אָבַד conspicuus, magnus, auctus est, crevit, *быть возвышену, отличену*. Евреній находитъ даже много сближеній въ описаніи храма Нептунова на островѣ Атлантидѣ съ описаніемъ храма Соломонова. Приглашаемъ для сего любознательныхъ читателей обратиться къ книгамъ Евренія и Баера.

²⁾ См. Путеш. по Св. землѣ, ч. I, гл. I.

³⁾ Barthelemy. Voyage du j. Anacharsis C. LXIV.

ко нѣкоторую часть времени существованія народовъ; но эти великія событія оставляютъ часто неизгладимые слѣды въ памяти ихъ потомковъ. Одинъ рыбакъ береговъ озера Мензале рассказывалъ мнѣ о потопленіи Танинской области повѣсть въ родѣ тѣхъ повѣстей, которыя находятся въ тысячѣ и одной ночи. Я сберегъ его рассказъ. Вы найдете на многихъ островахъ Архипелага преданія, переходящія изъ рода въ родъ, о тѣхъ страшныхъ переворотахъ природы, которые совершились на этомъ поприщѣ древнихъ бытописаній.

ОСАДА И ВЗЯТИЕ ВИЗАНТИИ ТУРКАМИ.

(2 АПРѢЛЯ — 29 МАЯ 1453 ГОДА).

(М. СТАСЮЛЕВИЧА).

*Quis nescit, primam esse historiae legem, ne quid
falsi dicere audeat, deinde nequid veri non audeat?*

Cic. Orat. II, 62.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Еще недавно, въ Ученыхъ Запискахъ, мы читали весьма любопытное разсужденіе о томъ ^{*)}, «почему Византія донинѣ остается загадкою во всемірной исторіи»? Авторъ, указавъ второстепенныя препятствія успѣхамъ Византійской исторіи, заключающіяся отчасти въ трудности языка лѣтописей, отчасти въ предпочтеніи исторіи западной Европы, переходитъ затѣмъ къ препятствіямъ болѣе важнымъ. «Еще значительнѣе, говорить онъ (433 стр.), были для обработывателей византизма реальныя затрудненія, потому что для объясненія Византійскихъ писателей надобно было создавать совершенно новую отрасль историческаго знанія. Византійская имперія въ своемъ народонаселеніи сложилась изъ такихъ разнородныхъ элемен-

^{*)} См. Ученыя Записки Имп. Акад. Наукъ, по I и III Отд., т. II, выпускъ 3, стр. 423 — 444. Спб. 1853.

товъ, и получила такой оригинальный характеръ, что понять ее съ этой стороны въ прежнія времена было рѣшительно невозможностью.» На самомъ дѣлѣ византинологу приходится имѣть дѣло не только съ Византійскимъ элементомъ, но и съ элементомъ Азіятскимъ съ его разными оттѣнками, недоступными для западныхъ ученыхъ, а еще болѣе съ элементомъ Славянскимъ, который до послѣднихъ десятилѣтій оставался совершенно незамѣченнымъ въ средневѣковой исторіи Греціи. «Трудно было западнымъ ученымъ, продолжаетъ нашъ авторъ (435 стр.), войти въ исторію Византіи еще и потому, что здѣсь представлялась ихъ взорамъ церковь съ особеннымъ историческимъ значеніемъ и судьбою. Понять и безпристрастно оцѣнить это значеніе и судьбу мѣшали имъ старинныя предрасудки и наслѣдственные убѣжденія.» Послѣднее обстоятельство привело автора къ самому вѣрному заключенію: «Что это — обязанность Россіи, говоритъ онъ (441 стр.), что теперь она, ради своей ученой славы, не можетъ остаться позади другихъ образованныхъ странъ, — нужно ли для когонибудь это доказывать? Кто можетъ сомнѣваться, что самое многостороннее и сильное покровительство Россіи Византійскимъ занятіямъ никакой странѣ не доставитъ столько пріобрѣтеній, какъ самой Россіи? Не Византія ли обязана Русскій народъ просвѣщеніемъ христіанскою вѣрою, и не она ли, эта вѣра, дала Русскимъ князьямъ и народу силу выдержать въ продолженіи вѣковъ дѣятельное и страдательное противоборство магометанству, и наконецъ освободиться отъ его ига, когда Византія, послѣ 800-лѣтней борьбы, пала? Большая половина Русской исторіи не есть-ли, говоря вообще, отраженіе исторіи Византійской?» и т. д.

Почти тѣ же самыя мысли занимали и насъ, когда мы приступили къ изслѣдованію своего вопроса о паденіи Византіи. Не говоря уже о томъ, что эта печальная катастрофа не имѣла до сихъ поръ для себя монографическаго труда, по крайней мѣрѣ первостепенные византинологи, какъ Тафель *) , избирали для того другія эпохи Византійской исторіи; мы не менѣе были

*) См. тамъ же, стр. 444 — 454: О трудахъ византиниста Тафеля.

побуждены къ предпринятію этого изслѣдованія тѣмъ пристрастнымъ изображеніемъ, которое заключается въ общихъ сужденіяхъ о Византійской исторіи, и гдѣ оно составляетъ небольшую ихъ часть. Между тѣмъ правильное и безпристрастное рѣшеніе вопроса о паденіи Византіи дастъ намъ ключъ къ уразумѣнію и другихъ, болѣе близкихъ къ намъ, по времени^{*)}, событій, близкихъ и по насущному ихъ интересу. Читателю самому хорошо извѣстно все, что уже высказано о нашемъ предметѣ новѣйшими западными учеными; — а у кого же иначе мы почерпали до сихъ поръ, въ большей части случаевъ, свои историческія свѣдѣнія? Но совершенно иное впечатлѣніе производитъ въ каждомъ чтеніи сказаній самихъ современниковъ и очевидцевъ паденія Византіи, какъ то испытаетъ на себѣ и читатель, если онъ приметъ на себя трудъ прочесть наше изслѣдованіе до конца. Сохраняя все уваженіе къ трудамъ тѣхъ ученыхъ, мы не можемъ не замѣтить, что при всей учености и обширности своихъ познаній, они не могли перестать быть Римскими католиками, и нельзя было бы имъ сказать: ne quid veri поп audeant. Все, что казалось оскорбительнымъ для ихъ религіи, для ихъ самолюбія, они или выпускали, или отзывались о томъ съ презрѣніемъ; и верѣдко патріотизмъ, привязанность къ роднѣ и ея преданія мѣклимы именами закоснѣлаго невѣжества, грубой ереси и жемъны. Мы понимаемъ возможность подобныхъ взглядовъ, при извѣстной степени эгоизма; но все это нисколько не мѣшаетъ и намъ сказать правду.

Такимъ образомъ приведенные къ совершенно новымъ результатамъ, мы предпочли представить свое изслѣдованіе въ формѣ разсказа; потому, не говоря ничего отъ себя, мы выводимъ на сцену дѣйствующихъ лица, съ ихъ взглядами, убѣжде-

*) Всякій согласится, что для уразумѣнія современнаго намъ порядка вещей должно основательнѣе познакомиться съ ихъ началомъ, съ ихъ происхожденіемъ. Можно ли въ такомъ случаѣ оставить безъ особеннаго изслѣдованія вопросъ о паденіи Византіи и объ основаніи на ея развалинахъ Оттоманской Порты? При какихъ обстоятельствахъ Турки утвердились въ древней столицѣ Константины? При какихъ условіяхъ было допущено и терпимо ихъ господство? Основывалось ли оно на одномъ остріѣ ихъ атагана? Все это вопросы не одного эфемернаго интереса, и вопросы, при рѣшеніи которыхъ мы хотѣли бы всего менѣе руководствоваться чужими и пристрастными мнѣніями.

ніями; и даже, если позволяла подробность источника, то мы заставляли ихъ и говорить своими рѣчами. Въ такомъ случаѣ наша прямая обязанность состоитъ теперь въ томъ, чтобы предварительно познакомить и читателя съ тѣми лицами, которыя испытали на себѣ большую часть ими описаннаго, и у которыхъ мы заимствовали свой рассказъ. Притомъ самое различіе результатовъ нашего изслѣдованія со взглядами западныхъ ученыхъ невольно возбудитъ въ каждомъ вопросъ: откуда же западные ученые заимствовали данныя для своего односторонняго, чтобъ не сказать превратнаго, изображенія послѣднихъ судебъ Византіи? Этотъ вопросъ рѣшится также самъ собою, если мы успѣемъ объяснить предварительно, что и самые современники, подобно новѣйшимъ историкамъ, имѣли причины отворачиваться отъ иныхъ событій, или окрашивать ихъ цвѣтомъ тѣхъ страстей и привязанностей, которыя возмущали ихъ въ ту или другую минуту. Это намъ нужно знать непременно безъ того мы, и при непосредственномъ изученіи источниковъ, будемъ одинаково принуждены смотрѣть на событія чужими глазами.

Въ послѣдніе годы существованія Византійской Имперіи, и во время самой осады города, мы находимъ тамъ два лица, которыя сами все видѣли, слышали и въ послѣдствіи описали случившееся. Одинъ изъ нихъ былъ по имени Георгій Франца, нареченный въ иночествѣ Григорій; другой — неизвѣстнаго имени; видно только изъ его же сочиненія, что онъ былъ по мужеской линіи внукъ Михаила Дуки, почему въ библиографіи и принято называть его Дукой.

¹⁾ Георгій Франца (Γεώργιος Φραντζής) ²⁾ родился 30 Августа 1401 года, въ царствованіе Мануила II; ³⁾ отецъ его служилъ при дворѣ и занималъ должность постельничаго (κελλώτης), а его ⁴⁾ дядѣ было поручено воспитаніе Константина,

¹⁾ Его сочиненіе, подъ заглавіемъ: Хроника Протовестіарія Георгія Франца, помѣщено въ *Congrus scriptorum historiae Byzantinae*, издаваніемъ Б. Г. Нибуромъ, въ Боннѣ, 1838. При ссылкахъ мы будемъ указывать на страницы этого издавія.

²⁾ Франца, стр. 65.

³⁾ Тамъ же, стр. 110.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 123.

одного изъ младшихъ дѣтей Мануила II. Это послѣднее случайное обстоятельство сблизило Франтцу съ Константиномъ; имъ было суждено идти рядомъ до самой послѣдней минуты существованія Византии. Дѣтскія игры положили начало той дружбѣ, которая не прекращалась между ними до самой смерти Константина. ¹⁾ На семнадцатомъ году Франтца былъ пожалованъ въ должность постельничаго, и успѣлъ обратить на себя такое вниманіе Мануила II, что тотъ, умирая, ²⁾ указалъ на него своимъ дѣтямъ, какъ на самаго вѣрнаго и ревностнаго слугу. Вѣроятно въ слѣдствіе того, при старшемъ сынѣ Мануила и его наследникѣ Іоаннѣ VI, Франтца является уже важнымъ государственнымъ человѣкомъ, какъ то видно изъ самыхъ обязанностей, которыя были на него возлагаемы. Такъ Императоръ Іоаннъ VI ³⁾, отпустивъ его вмѣстѣ съ своимъ братомъ Константиномъ какъ помощника и совѣтника въ управленіи Пелопонесомъ. ⁴⁾ Превосходно выполненное посольство къ Турецкому Султану, Мурату II, послужило къ новому возвышенію Франтцы: Іоаннъ VI наградилъ его званіемъ ⁵⁾ протовестиарія (каммергера); Франтцѣ было тогда 32 года. Константинъ почтилъ его еще большею довѣренностью: онъ не рѣдко въ свое отсутствіе ⁶⁾ вручалъ управленію Франтцы отдѣльные города и цѣлыя провинціи. Когда Константинъ вступилъ на императорскій престолъ, Франтца явился вмѣстѣ съ нимъ въ Византию и тамъ не переставалъ быть главнымъ совѣтникомъ своего государя и друга. Въ 1452 году Константинъ имѣлъ намѣреніе ⁷⁾ возвысить его въ званіе великаго логофета (государственнаго казначея). Во время осады Византии Турками, Франтца раздѣлялъ со всѣми общую опасность, и былъ потому ⁸⁾ очевидцемъ событій, сопро-

¹⁾ Тамъ же, стр. 110.

²⁾ Тамъ же, стр. 125.

³⁾ Тамъ же, стр. 130.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 118. Ср. стр. 147, 150, 152 и 153.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 157.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 195 и 200.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 232.

⁸⁾ Это видно изъ того, что Франтца (стр. 232) не могъ уѣхать изъ Византии, когда къ ней подступилъ Магометъ; и притомъ во время самой осады Франтца описываетъ свои занятія внутри стѣнъ осажденнаго города (стр. 240); наконецъ онъ вмѣстѣ съ прочими Византийцами попадаетъ въ плѣнъ (стр. 309).

вождавшихъ паденіе Имперіи. По смерти Константина и взятіи Турками города, онъ попался въ плѣнъ; но вскорѣ выкупился, и ¹⁾ избралъ мѣстомъ жительства монастырь св. Иліи, на островѣ Корцирѣ (Корфу), гдѣ въ 1462 году онъ и постригся подъ именемъ Григорія. Тамъ-то, по просьбѣ знатныхъ Корцирейцевъ, Франца написалъ все, что онъ ²⁾ «видѣлъ своими глазами, или слышалъ, или читалъ.»

³⁾ «Прости мнѣ, читатель, говоритъ онъ, заключая свое сочиненіе, если я что нибудь опустилъ: моя старость и болѣзни не позволяли мнѣ тщательнѣе писать.» Ему тогда было 85 лѣтъ. Въ самомъ началѣ своего труда, Франца говоритъ, что до него ⁴⁾ никто еще не описывалъ послѣднихъ событій Византийской исторіи, и что онъ самъ пишетъ ⁵⁾ «не для того, чтобы кому нибудь угодить, или кого нибудь обидѣть, не для того, чтобы удовлетворить чувству мести или ненависти, но единственно для памяти, чтобы дѣла не предавались забвенію.»
Восьмидесятилѣтній старецъ не только могъ то сказать, но могъ легко, безъ труда, сказанное и выполнить. Въ самомъ дѣлѣ, во всемъ его сочиненіи, отличающемся особенною протестною и терпимостью, только однажды вырываются нѣсколько сильныхъ слова; именно, когда Латинцы, по взятіи Константинополя Турками, съ презрительною насмѣшкою говорили Грекамъ, что еретики и не стоятъ лучшей участи, Франца, въ порывѣ негодованія, воскликнулъ: ⁶⁾ «А какъ будто вы уцѣлѣли отъ того, что вы православны? вы забыли, что не всегда православны тѣ, которые господствуютъ, и не всегда тѣ еретики, которые порабощены; а тому доказательствомъ служимъ мы, Греки; по вашему, не будутъ ли православны и Турки, потому что они надъ нами господствуютъ?» Во Франциѣ историкъ до такой степени сливается съ званіемъ государственнаго человѣка, что говоритъ болѣе о его характерѣ и политическихъ взглядахъ значило бы предупредить нашъ рассказъ. Уже и изъ тѣхъ не-

1) Тамъ же, стр. 408.

2) Тамъ же, стр. 453.

3) Тамъ же.

4) Тамъ же, стр. 4.

5) Тамъ же, стр. 5.

6) Тамъ же, стр. 312.

многихъ собственныхъ словъ Франтцы, которыя мы только что привели, можно вывести на первый разъ то заключеніе, что нашъ историкъ былъ ревностный защитникъ православія и достойный уваженія патриотъ; какъ государственный человекъ, мы увидимъ, онъ понималъ, что Латинцы хотятъ дорогою цѣною продать свою защиту Византіи отъ Турокъ, а именно, цѣною свободы религіи. Отсюда объясняется весь политическій и литературный характеръ Франтцы: онъ не скроетъ ничего, что можетъ быть неприятно Латинамъ.

¹⁾ Дука (Δουκᾶς) ²⁾ происходилъ изъ той знаменитой фамиліи, которая дала Византіи нѣсколькихъ Императоровъ, Константина Дуку, Михаила, Алексѣя Мурзуфла и Іоанна IV Ватака. Въ половинѣ XIV столѣтія, за сто лѣтъ предъ паденіемъ Константинополя, дѣдъ этого историка, Михаилъ Дука, много пострадалъ во время междоусобій Императора Іоанна V съ его опекуномъ Іоанномъ Кантакузеномъ. Онъ спасся въ подвалѣ отъ смерти, и бѣжалъ изъ Византіи въ Азію, къ Туркамъ, гдѣ и поселился въ Ефесѣ. Тамъ, ³⁾ говоритъ нашъ историкъ и его внукъ, онъ «проводилъ жизнь въ размышленіи о злодѣяніяхъ Грековъ, предвидя, что рано или поздно Турки овладѣютъ и Европейскою частью Имперіи, по волѣ Бога, наказующаго Византію за ея ересь.» Въ этихъ словахъ мы слышимъ съ перваго раза другой языкъ, другой образъ мыслей; въ самомъ дѣлѣ, фамилія Дуки не могла никогда чувствовать привязанности къ своимъ соотечественникамъ; Михаилъ Дука завѣщалъ ненависть къ Византіи и своему потомству. Но вѣроятно Дукамъ не посчастливилось и у Турокъ: по крайней мѣрѣ, внукъ Михаила Дуки, нашъ безымянный историкъ, не живетъ болѣе въ Ефесѣ: или самъ дѣдъ, или отецъ историка, а можетъ быть и самъ историкъ перебѣжалъ къ Латинцамъ. По его ⁴⁾ словамъ, онъ имѣлъ свой домъ въ Генуезской колоніи, на берегу Малой Азіи, въ Фокеѣ. Ею управляли Генуезскіе намѣстники, и при

¹⁾ Его сочиненіе, подъ заглавіемъ: Византійская Исторія Дуки, внука Михаила Дуки, находится въ томъ же самомъ Боннскомъ изданіи (1834 г.), котораго страницы мы и будемъ приводить въ ссылкахъ.

²⁾ Дука, стр. 23. См. Bullialdi ad cap. VI notae, стр. 345.

³⁾ Дука, стр. 24.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 162 и слѣд.

жизни нашего историка былъ намѣстникомъ сынъ Генуезскаго дожа, Георгій Адорни. Вотъ почти все, что мы знаемъ о частныхъ обстоятельствахъ жизни Дуки; но и это немногого объясняетъ намъ его политическій характеръ: наслѣдственная ненависть къ Византіи и Туркамъ съ одной стороны и ревностная привязанность къ Латинцамъ съ другой — были послѣдствіями его фамильныхъ отношеній. Незадолго до начала осады, Дука былъ случайнымъ образомъ ¹⁾ въ Константинополѣ; но предъ осадюю, онъ, вѣроятно, удалился и не былъ ея очевидцемъ; но крайней мѣрѣ, при своемъ описаніи смерти Константина и самого дня взятія города, Дука говоритъ, что ²⁾ «по окончаніи войны онъ слышалъ все это отъ многихъ, съ кѣмъ случилось ему говорить.» Послѣ всего нами сказаннаго, нѣтъ нужды прибавлять, что Дука уступаетъ Французѣ и въ достовѣрности, какъ писавшій по слухамъ, и въ безпристрастіи, какъ человекъ, находившійся подъ вліяніемъ фамильныхъ преданій. Но конечно иначе должны смотрѣть на него новѣйшіе западные историки. Первый вздатель Дуки, французскій ученый XVII столѣтія Bullialdus, посвятившій свое изданіе Кардиналу Римской Церкви, Мазарини, говоритъ, что ³⁾ «этотъ авторъ стоитъ несравненно выше Французъ.» Позднѣйшій ученый, историкъ крестовыхъ походовъ, Мишо, указывая источники Византійской исторіи XV столѣтія, послѣ Французъ, какъ бы въ противоположность ему, говоритъ о Дукѣ: ⁴⁾ «онъ показываетъ себя вездѣ поборникомъ христіанской религіи и обнаруживаетъ всегда большое расположеніе къ соединенію Восточной Церкви съ Католическою; онъ постоянно обвиняетъ Грековъ въ томъ, что они не хотѣли откровенно соединиться съ Латинами, и если сближались съ ними, то только для того, чтобы получить помощь противъ Турокъ.» Изъ нашего разсказа будетъ видно, что значило тогда, на языкѣ запада, быть поборникомъ христіанской религіи, и что подразумѣвали подъ соединеніемъ Восточной Церкви съ Западною; но послѣднее обвиненіе Дуки и безъ

1) Тамъ же, стр. 248.

2) Тамъ же, стр. 287.

3) Praefat. XI: hunc porro auctorem Phrantzi multum praestare censeo.

4) Biblioth. des croisad., т. III, стр. 422.

нашего разсказа уже и теперь кажется весьма страннымъ: отчего же, спрашивается, Греки не могли заключать союза съ Латинами только противъ Турокъ, безъ всякихъ другихъ цѣлей? Впрочемъ Мишо и не скрываетъ, какія это могли быть другія цѣли; онъ весьма серьезно предлагаетъ вопросъ: ¹⁾ не было-ли бы лучше, еслибъ еще во время перваго крестоваго похода Латинцы покорили Константинополь? тогда бы, прибавляетъ онъ, исполнились слова Св. Писанія: едино стадо и единъ пастырь! Но можно ли обвинять Грековъ за то, что они не хотѣли освободиться отъ одного непріятели съ тѣмъ, чтобы подчиниться другому, и можно ли подобное обвиненіе вмѣнять въ достоинство Дукъ? На это отвѣтитъ намъ нашъ разсказъ.

Вотъ тѣ два современника, у которыхъ приходилось намъ постоянно спрашивать о быломъ; мы старались только вѣрно передавать ихъ извѣстія, уже не объясняя, съ какимъ характеромъ и съ какою цѣлью записывалось ими то или другое; надѣемся, что теперь будетъ понятно все читателю, если онъ припомнитъ только то, что сказано нами о личныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ писателей къ описываемому ими предмету.

Мы не будемъ говорить о другихъ вскорѣ послѣдовавшихъ хроникахъ: онѣ не имѣли такой спеціальной задачи описать осаду Византіи, какъ двѣ первыя, указанныя нами выше, и даже изъ нихъ большею частію заимствовали свои извѣстія. Таковы хроники Леунклава, Леонарда Хіосскаго и др. Мы ими пользовались для дополненія нѣкоторыхъ подробностей, относящихся къ матеріальной сторонѣ нашего разсказа.

Для исторіи Турокъ того времени мы имѣли предъ собою одну Греческую хронику Лаоника или Николая Халкондила (по другимъ спискамъ Халкокондила), родомъ Аѳинянина, который написалъ въ десяти книгахъ ²⁾ «Исторію происхожденія и дѣяній Турокъ и великаго Султана Магомета II»; а другую — Турецкую хронику, во Французскомъ ³⁾ переводѣ Garcin de Tassi,

¹⁾ Тамъ же, стр. 440.

²⁾ Этою хроникою мы пользовались по тому же Бонискому изданію. 1843.

³⁾ Въ отношеніи достоинства перевода, при незнакоміи Турецкаго языка, мы руководились отзывомъ о немъ Мишо, который признаетъ его вѣрнымъ. Hist. des Crois., т. V, стр. 322, примѣч. 1.

по извлеченію, сдѣланному изъ нея Мишо въ III томѣ его *Biblioth. des Croisades*. Эта хроника извѣстна подъ заглавіемъ *Annales de l'Empire Ottomane*, а Турецкое ея названіе Тай-Уттеварикъ, что значитъ «Корона Хроникъ.» Ея написалъ Магометь Саадъ-единъ, извѣстный болѣе подъ именемъ Кедир-Ефенди. Онъ жилъ слишкомъ сто лѣтъ спустя послѣ востанія Константинополя, и занимался воспитаніемъ Ахмета I; въ 1597 году онъ умеръ въ званіи Муфти.

Относительно новѣйшихъ сочиненій, мы уже замѣтили, что лучшіе Византинологи не собирали эпохи нашего разсказа предметомъ монографіи. Самое же послѣднее сочиненіе Филлея: ¹⁾ «О причинахъ бистраго завоеванія Турокъ Оттомановъ въ Европѣ» мы приведемъ въ виду со временемъ разобрать подробнѣе на основаніи настоящаго нашего изслѣдованія. Отдѣльными мнѣніи и взгляды, помѣщенные въ общихъ сочиненіяхъ, гдѣ вопросъ о паденіи Византіи могъ составить небольшую часть всего труда, какъ напр. ²⁾ *Le Beau*, ³⁾ *Royou*, ⁴⁾ *Hammer*, ⁵⁾ *Alix*, ⁶⁾ *Michaud*, ⁷⁾ *Dugu* и др. мы намѣрены указывать и объяснять въ выноскахъ при самомъ текстѣ.

Что касается до плана нашего разсказа, то мы позволили себѣ выйти изъ предѣловъ его заглавія и начала свои изслѣдованія тремя или четырьмя годами ранѣе начала самой осады. Мы могли бы, конечно, вмѣсто того, въ немногихъ словахъ очертить тогдашнее положеніе Византіи; мы могли бы сказать коротко: внутреннее положеніе Византіи было самое бѣдственное; Императоръ и Дворъ искали спасенія у Запада, а Западъ видѣлъ въ этомъ только случай подчинить себѣ еще разъ Византію; — народъ ненавидѣлъ Латинцевъ и готовъ былъ лучше подчиниться Туркамъ, нежели имъ; съ другой стороны и Турки,

¹⁾ On the causes of the rapid conquests of the Ottoman Turks in Europe. 1833.

²⁾ Histoire du Bas Empire en commençant par Constantin-le-Grand; и продолженіе ея у Amelhen. Paris, 1787 — 1810, XXVII т.

³⁾ Histoire du Bas Empire depuis Constantin jusqu'à la prise de Constantinople. Paris, an. XII, IV т.

⁴⁾ Geschichte des Osmanischen Reiches. Pesth, 1827 — 1834, X т.

⁵⁾ Histoire de l'Empire Ottomane, III т.

⁶⁾ Histoire des Croisades, т. V, кн. XIX, Paris, 1828.

⁷⁾ Histoire de la république de Venise, т. III, Paris, 1826.

понимающая настоящее намереніе Латинцевъ не помогать Византіи, но завоевать ее, рѣшились предупредить своихъ соперниковъ; такъ началась самая борьба и т. д. Но все это, высказанное кратко, останется общимъ мѣстомъ, и не убѣдитъ читателя настолько, на сколько убѣдятъ его самыя событія. Въ слѣдствіе того мы и вознамѣрились изобразить въ самомъ разсказѣ три или четыре года послѣдняго существованія Византіи, предоставляя читателю самому судить о положеніи Имперіи по тому, что происходило внутри ея. Эта часть разсказа и составитъ первую его статью; въ ней мы изобразимъ составъ Византіи и ея отношенія къ своимъ сосѣдямъ, а преимущественно къ Латинамъ и Туркамъ, и познакомимъ читателя предварительно съ тѣми двумя личностями, которыя стояли на первомъ планѣ во все время самой осады; мы разумѣемъ послѣдняго Императора Византіи, Константина XI, и ея завоевателя, Турецкаго Султана, Магомета II. Во второй статьѣ мы приступимъ къ описанію самаго акта этой кровавой драмы взятія Константинополя.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Тайная бесѣда Магомета II съ Галиль-Пашею. — Составъ Турецкой арміи и движеніе ея къ стѣнамъ Византіи. — Внутреннее положеніе Византіи и ея сосѣди. — Константинъ XI Палеологъ, и его новая политика, какъ Византійскаго господари: посольство Франціи въ Иберію. — Политика Константина XI, какъ Византійскаго Императора: Исидоръ Московскій и его сообщники. — Историческое развитіе отношеній Византіи къ Латинамъ и Туркамъ, и Византійское преданіе о происхожденіи Турокъ. — Магометъ II, его Дворъ и политика. — Посольство къ Магомету изъ Византіи въ Азію. — Возвращеніе Магомета въ Адрианополь, и построеніе селта Багъ-Кессенъ. — Явный разрывъ Магомета II съ Константиномъ XI.

И.

*) «Во вторую стражу ночи, въ самую полночь, Магометъ II приказалъ своимъ тѣлохранителямъ позвать къ себѣ одного изъ первыхъ своихъ министровъ, Галиль-Пашу. Посланные нашли

*) Вся эта сцена разговора Султана съ Галилемъ переведена нами изъ Византійской Исторіи Дуки, стр. 290 и слѣд.

его дома и сообщили евнухамъ волю Султана. Одинъ изъ нихъ немедленно отправился въ опочивальню своего господина и извѣстилъ о случившемся. Испуганный Галиль-Паши, полагая, что дѣло идетъ о его жизни, обнялъ жену, дѣтей, и, взявъ съ собою золотой кубокъ, наполненный деньгами, поснѣшивъ во дворецъ. Какъ мы увидимъ, страхъ его имѣлъ въкоторыя основанія. Когда Галиль вошелъ въ спальню Султана, Магометъ II сидѣлъ на постели и совершенно одѣтый; павъ, по обычаю, ницъ предъ нимъ, онъ поставилъ къ ногамъ его кубокъ.

— Что это значить, ¹⁾ Лала? такъ ласково обратился Султанъ къ Галилю, желая, вѣроятно, показать ему на этотъ разъ свое расположеніе.

— Государь! отвѣчалъ Министръ, таковъ обычай у насъ: когда властитель зоветъ своего подданнаго въ необыкновенное время, нельзя являться предъ его свѣтлымъ очю съ пустыми руками; а такъ какъ у меня нѣтъ ничего своего, то твое же я тебѣ и предлагаю.

— Миѣ ничего и не нужно отъ тебя, сказалъ Магометъ; я дамъ тебѣ больше, чѣмъ ты имѣешь, но прошу у тебя одного: отдай миѣ ²⁾ Константинополь!

Галиль-Паши затрепеталъ при этихъ словахъ Султана; онъ всегда покровительствовалъ Грекамъ, и Греки, не щадя для него подарковъ, считали его своею правою рукою. Турки даже прозвали Галиля «кавуръ-ортагомъ», т. е. другомъ невѣрныхъ. Однако Галиль скрылъ свое замѣшательство и смѣло отвѣтилъ Султану:

— Государь! Аллахъ предалъ твоей власти большую часть Имперіи; онъ же предастъ тебѣ и городъ. Миѣ кажется, что при твоихъ силахъ Константинополь не уйдетъ изъ твоихъ рукъ; я же и всѣ твои рабы пожертвуемъ и кровью, и имуществомъ для твоей пользы; будь въ томъ увѣренъ.

¹⁾ Дука, стр. 280, сравниваетъ это воззваніе съ Греческою формою τὰτά.

²⁾ Въ подлинникѣ сказано: τὴν πόλιν διδόναι μοι! т. е. отдай миѣ городъ! Этотъ способъ выраженія существуетъ и у насъ въ провинціяхъ: въ деревнѣ, на вопросъ: куда идешь? отвѣчаютъ обыкновенно: въ городъ! не прибавляя его названія. Такой же обычай былъ и въ Византіи; полагаютъ, что этотъ отвѣтъ εἰς τὴν πόλιν, т. е. въ городъ, послужилъ основаніемъ, въ своей испорченной формѣ, для Турецкаго названія Византіи — Истамбулъ эм. Ис-тин-политъ.

Магометъ II видимо смягчился при словахъ своего Министра и продолжалъ съ нимъ разговоръ еще болѣе ласковымъ тономъ:

— Посмотри, сказалъ онъ, на мое изголовье! я провертѣлся всю ночь съ одного бока на другой, и лежа безъ сна, не могъ сомкнуть глазъ ни на одно мгновенье. Умоляю тебя, оставайся неподкупнымъ и не отказывайся отъ своихъ словъ. Будемъ сражаться съ Греками храбро; волею Аллаха и мольбами его пророка мы овладѣемъ городомъ.

Долго говорилъ еще Магометъ II въ томъ же родѣ, и наконецъ отпустилъ изъ дворца Галиля. Мысль о завоеваніи Константинополя не давала Султану покоя ни днемъ, ни ночью; ¹⁾ не разъ, поздно вечеромъ, выходилъ онъ переодѣтый въ платье простаго солдата, и крался по улицамъ, прислушиваясь къ рѣчамъ проходящихъ: ему хотѣлось узнать общественное мнѣніе все о томъ же самомъ предметѣ. По ночамъ, Магометъ призывалъ къ себѣ людей, знавшихъ укрѣпленія Константинополя, и съ ними ²⁾ чертилъ карты города и его окрестностей; спрашивалъ ихъ объ осадныхъ орудіяхъ, о подкопахъ, о минахъ, однимъ словомъ, о всемъ, что было необходимо для достиженія его цѣли. Наконецъ, мы видѣли, онъ позвалъ Галиля съ намѣреніемъ уничтожить и послѣднее препятствіе, которое представляло ему явное расположеніе могущественнаго министра къ Византіи.

Вся эта любопытная сцена разговора Султана съ Галиль-Пашею происходила въ послѣднихъ числахъ Декабря 1452, или въ самомъ началѣ 1453 года; а ³⁾ въ Февралѣ Магометъ II уже приказалъ двинуть свою громадную артиллерію къ стѣнамъ Константинополя. По всемъ приготовленіямъ было видно, что Турки шли на послѣднюю борьбу. О величинѣ однихъ ихъ пушекъ можно заключить изъ того, какъ трудна была ихъ перевозка изъ Адрианополя, тогдашней столицы Султановъ, къ Константинополю: пространство 200 верстъ, отдѣляющее эти два

1) Дука, стр. 249.

2) Тамъ же, стр. 252.

3) Тамъ же, стр. 258.

города, было или пройдено въ теченіе двухъ мѣсцевъ, Февраля и Марта, и только въ концѣ Марта артиллерія расположилась въ виду столицы Имперіи. ¹⁾ Большая часть осадныхъ оружій была такъ велика, что подъ нихъ верягалось отъ 40 до 50 воловъ. Особенно была замѣчательна одна прославленная мѣднн пушка необыкновенной величины; она была отлита, по приказанію Магомета, христіанскимъ выходцемъ Урбаномъ, который былъ по ²⁾ однимъ извѣстіямъ Датчанинъ, а по ³⁾ другимъ — Венгерецъ. Онъ предложилъ сначала свои услуги Византийцамъ, но тѣ дурно платили ему за труды, и онъ убѣжалъ къ Туркамъ, въ Адрианополь. Магометъ II щедро наградилъ его, и заказалъ ему отлить пушку, противъ которой не могли бы устоять Константинопольскія укрѣпленія. ⁴⁾ Три мѣсяца работалъ Урбанъ, и наконецъ отлитъ это чудовищное орудіе. Султанъ хотѣлъ испробовать его дѣйствіе. Жители столицы были предупреждены о пробѣ. Послѣ выстрѣла долгое время воздухъ былъ наполненъ дымомъ; ударъ слышали слишкомъ за 50 версты; камень, которымъ была заряжена пушка, отлетѣлъ за 4 версты, и упавъ, ушелъ въ землю на два слишкомъ аршина глубины. ⁵⁾ Сама пушка вѣсила 1900 пудъ и имѣла длины 4 сажени; а ⁶⁾ камень, которымъ ее заряжали, вѣсилъ обыкновенно слишкомъ 36 пудъ. Эту-то пушку, изъ которой можно было стрѣлять только ⁷⁾ семь разъ въ день, везли къ Константинополю на ⁸⁾ 30 передкахъ 60 воловъ; съ каждой ея стороны шло 200 человекъ прислуги, чтобы въ случаѣ неровной дороги поддерживать ее въ равновѣсїи. Для прикрытія всей этой артиллерїи шелъ кромѣ того большой отрядъ, подъ начальствомъ ⁹⁾ Марціа Бега.

¹⁾ Франца, стр. 237.

²⁾ Леуноклава, стр. 385.

³⁾ Дука, стр. 247.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 248 и слѣд.

⁵⁾ Кожія-е-е-енди въ III т. Biblioth. des Crois.

⁶⁾ Въ то время, вмѣсто ядеръ, Турки употребляли особеннаго рода черные камни, которые доставлялись съ береговъ Чернаго моря; они имѣли натуральную полировку отъ воды. Леуноклав. с. 383.

⁷⁾ Леуноклав., стр. 386.

⁸⁾ Дука, стр. 258.

⁹⁾ У Франца, стр. 236 Харата, а у Леуноклава, стр. 382 Саратія.

Между тѣмъ ¹⁾ Магометъ II, въ началѣ Марта того же года, разослалъ указы по всѣмъ провинціямъ, какъ Европейскимъ, такъ и Азіятскимъ, о наборѣ войска, и въ половинѣ этого мѣсяца собралась армія въ ²⁾ 258 тысячъ человекъ. Вслѣдъ за тѣмъ войска Магомета потянулись по дорогѣ отъ Адрианополя къ Византіи.

³⁾ Уже прошло время снѣговъ, льдовъ и морозовъ, говорить восторженный Турецкій историкъ, и настала прелестная весна, разсыпавъ свои украшенія по полямъ. Роза въ поразительной красотѣ развернула свои прелести; надъ нею влюбленный соловей трелью разсыпалъ свои печальные вздохи. Земля покрылась ковромъ зелени, и казалось ждала легионовъ правовѣрнаго Магомета; на цвѣтушихъ лугахъ раскинулись палатки Мусульманъ; холмы и долины гордились, неся на себѣ полки вѣрныхъ. Улемы, шейхи и потомки пророка слѣдовали за побѣдоноснымъ Султаномъ, прося у Аллаха побѣды; легионы безплотныхъ духовъ парили надъ полками, мириады неземныхъ существъ предшествовали имъ; а премудрые ⁴⁾ Ак-шемъ-единъ и Ак-баба-деде шли рядомъ съ ними. Рано утромъ армія свѣтлаго солнца приблизилась для овладѣнія царствомъ тьмы. Передовые полки Султана подходили къ стѣнамъ Истамбула (Византіи), а вскорѣ и вся армія, подобно безграничному морю, облегла городъ съ суши. ⁵⁾ 2-го Апрѣля 1453 года, въ понедѣльникъ на Святой недѣлѣ, Магометъ II распустилъ свое знамя предъ Харисскими воротами Византіи. — На этомъ мы и оставимъ пока Турокъ.

Посмотримъ, что происходило въ то же самое время внутри стѣнъ осажденнаго города.

¹⁾ Дука, стр. 282.

²⁾ Франц. стр. 240; но по извѣстіямъ Дуки, Леоника и Леонарда Хюсскаго Турецкая армія простиралась отъ 300 до 400 т.

³⁾ Коджіа-ефенди, стр. 456 и слѣд.

⁴⁾ Оба они признаются у Турокъ патронами.

⁵⁾ Франца, стр. 237. Мы принимаемъ извѣстіе Франца, какъ очевидца. По Леонарду Хюсс., осада началась 3 Апрѣля; по словамъ Дуки, стр. 263 — 6 Апрѣля; а по Турецкимъ историкамъ — 28 Марта. См. ad pag. 262, 23 Notae Bullfieldi.

III.

За три года съ небольшимъ предъ началомъ осады Константинополя, 31-го Октября 1449 года, скончался Иоаннъ VI Палеологъ, ¹⁾ послѣдній Византійскій Императоръ, какъ выражается одинъ изъ современныхъ историковъ. Удрученный болѣзнію, а еще болѣе душевными огорченіями, Иоаннъ VI не за долго предъ смертью возвратился изъ своего путешествія въ Италію, гдѣ онъ, подобно родоначальнику своей династіи, Михаилу Палеологу, искалъ средствъ къ поддержанію существованія Имперіи. Всѣмъ извѣстны послѣдствія Флорентинской Унии: Иоаннъ VI, угождая Латинамъ, принудилъ своихъ епископовъ подписать подчиненіе Восточной Церкви власти Папъ; но съ одной стороны онъ вооружилъ тѣмъ противу себя подданныхъ, и по возвращеніи его въ Константинополь никто не хотѣлъ ему повиноваться; а съ другой стороны и Латинцы, видя все это, потеряли къ нему довѣріе. Оставленный такимъ образомъ всѣми, и своими западными союзниками, и собственными подданными, Иоаннъ былъ преслѣдуемъ судьбою и въ самомъ семейномъ быту: онъ лишился супруги, и вскорѣ самъ умеръ бездѣтнымъ.

Еще при вступленіи Иоанна VI на престолъ, Византійская Имперія утратила свое единство; отецъ его, ²⁾ Мануилъ II, умирая, въ 1426 году, раздѣлилъ Имперію между своими дѣтьми на деспотства или господарства. ³⁾ Старшій сынъ, Иоаннъ VI, остался въ Византіи съ титуломъ Императора; второй, Андроникъ, получилъ на берегу Архипелага Фессалонику (Салоники) со всею прилежащею къ ней областью; третій, Феодоръ, взялъ

¹⁾ Лука, стр. 223: ὁ βεβαίως βασιλεὺς χρηματίσας Ῥωμαίων.

²⁾ Франц., стр. 121. По его мнѣнію, это раздѣленіе причинило великое зло Римской Имперіи.

³⁾ Для большей ясности представимъ это раздѣленіе въ таблицѣ:

М а н у и л ъ II.					
Иоаннъ VI. Импер.	Андроникъ. Фессалон.	Феодоръ. Спарт.	Константиъ XI. Месамбр.	Димитрій. Силивбр.	Θωα. Πελοπον.

Свергу съ округомъ; на долю четвертаго сына Мануила II, Константина, которому было тогда около 22 лѣтъ, досталось два города на берегу Чернаго моря: Анхіалъ и Месаμβрія, съ прилежавшею къ нимъ странною; пятый, Димитрій Порфирородный, получилъ удѣлъ на берегу Мраморнаго моря, съ городомъ Сидимбрія; наконецъ послѣднему, Томъ, были даны отдѣльные города въ Пелопоннесѣ. Всѣ эти господарства жили отдѣльною жизнью, и въ то время, когда собственная Византия, управляемая Іоанномъ VI, представляла религиозныя и политическія смуты, по поводу Флорентинской уніи, въ нихъ происходили не болѣе утѣшительныя сцены. Андроникъ, который долженъ былъ наследовать императорскій престолъ послѣ Іоанна VI, и братъ его Феодоръ, отказались отъ власти и удалились въ монастыри. Старшій изъ нихъ, Андроникъ, ¹⁾ продалъ (!) свою область и городъ Фессалонику Венеціанскому сенату за 50 тысячъ золотыхъ монетъ. Такъ велико было расхождение Византийской имперіи, что подобное отчужденіе частей ея не считалось беззаконнымъ. Область же Феодора была отдана Константину, который вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлался наследникомъ и императорскаго титула. Константинъ немедленно оставилъ свою прежнюю область Месаμβрію и отправился въ Пелопоннесъ. Іоаннъ VI отпустилъ вмѣстѣ съ нимъ и своего постельничаго, Франциу, въ качествѣ совѣтника и помощника по управленію. ²⁾ Положеніе Константина въ Пелопоннесѣ было весьма затруднительно: Феодоръ, прежній господарь Пелопоннеса, раскаялся въ своемъ отреченіи, а Тома былъ недоволенъ удѣломъ. Такимъ образомъ, въ теченіе всего правленія Іоанна VI, посвятившаго все свое вниманіе Флорентійскому собору и его уніи, Пелопоннесъ былъ раздираемъ внутренними междоусобіями его братьевъ. Они не рѣдко призывали на помощь то Турокъ, то Латинцевъ, и давали имъ поводъ утверждаться въ своихъ владѣніяхъ. Одинъ Константинъ умѣлъ всегда находить

¹⁾ Франци, стр. 122.

²⁾ Все послѣдующее правленіе Константина XI въ Пелопоннесѣ описано Франциею весьма подробно, потому что онъ самъ лично принималъ участіе въ его правленіи; такъ что сказанное нами въ немногихъ словахъ въ хроникѣ Франции занимаетъ всю вторую книгу, состоящую изъ девятнадцати главъ, отъ 123—203 стр.

средство одолевать своихъ противниковъ, и отчасти ¹⁾ покушкою у Венеціанъ, отчасти ²⁾ наслѣдствомъ, соединилъ подъ свою власть бѣльшую часть Пелопоннеса. ³⁾ Въ 1441 году онъ, по смерти своей первой супруги, женился на Екатеринѣ, дочери Лесбосскаго князя Нотары Палеолога Кателіутцы, и съ того времени при его дворѣ является второе лице, послѣ Францы, Лука Нотара, въ послѣдствіи великій канцлеръ Имперіи (μυταδούχα, magnus dux). Междоусобія братьевъ окончились только со смертью Феодора, главнаго противника Константина, и его старшаго брата; онъ умеръ въ 1448 году. Видя себя безопаснымъ внутри, Константинъ обратилъ все вниманіе на внѣшнюю безопасность, и для обезпеченія своихъ владѣній отъ нападенія Турокъ приказалъ выстроить стѣну въ Исемійскомъ перешейкѣ. Но въ Ноябрь 1449 года къ Константину пришло вдругъ два извѣстія: одно о смерти брата, Іоанна VI, а другое — о вторженіи Турецкаго султана Мурата II (отца Магомета II) въ Пелопоннесъ и о разрушеніи имъ Исемійской стѣны. Въ такомъ положеніи была Византія и ея господарства, когда скончался Іоаннъ VI.

Іоанна называютъ *последнимъ* Византійскимъ Императоромъ, и не даромъ; съ его смертью и тотъ остатокъ Имперіи, который еще уцѣлѣлъ отъ завоеваній Латинцевъ и Турокъ, раздѣлился между его братьями Константиномъ, Димитріемъ и Ѳомою. Намъ извѣстно, что при жизни своего старшаго брата они были владѣтелями отдѣльныхъ частей имперіи съ титуломъ деспотовъ или господарей; Димитрій управлялъ Селимбрию и былъ ближе всѣхъ къ Византіи, а Константинъ и Ѳома жили въ Пелопоннесѣ. ⁴⁾ Димитрій, пользуясь близостью мѣста, узналъ ранѣе о смерти старшаго брата, и потому ранѣе другихъ братьевъ прибылъ въ Византію. Бывъ ⁵⁾ Порфиророднымъ, онъ на томъ основаніи объявилъ свои права на пре-

¹⁾ Франц., стр. 156.

²⁾ Тамъ же, стр. 128.

³⁾ Тамъ же, стр. 192 и 193.

⁴⁾ Франц., стр. 204 и слѣд.

⁵⁾ Порфирородными назывались тѣ принцы, которые рождались въ порфирной залѣ, гдѣ находилось ложе Императрицы; слѣдовательно это были принцы, родившіеся по вступленіи ихъ отца на престолъ.

столь, не смотря на то, что Константинъ былъ старше его по рожденію. Вслѣдъ за тѣмъ, двѣ недѣли спустя, 13 Ноября, прибылъ въ Константинополь, по своимъ дѣламъ, и младшій изъ Палеологовъ, Тома; въ одно время съ нимъ явились и посланники отъ Константина, ничего незнавшаго о смерти брата, Алексѣй Филантропенъ и протовестіарій Франца. Они нашли городъ въ ужасномъ волненіи: приверженцы Димитрія отстаивали его права, а престарѣлая императрица Ирина и большая часть гражданъ, по различнымъ побужденіямъ, желали видѣть на престолѣ старшаго изъ оставшихся Палеологовъ, Константина, Пелопоннесскаго господаря. Народъ уважалъ въ немъ и права старѣйшинства, и его личныя качества; а государственные люди, во главѣ которыхъ стояли Кантакузиды и извѣстный намъ Лука Нотара, а вмѣстѣ съ ними конечно и Франца, руководились при этомъ выборѣ иными соображеніями: ¹⁾ они боялись, что, въ случаѣ избранія Димитрія, Константинъ будетъ домогаться правъ старѣйшинства, при помощи ненавистныхъ для Византіи Латинцевъ. Ихъ опасенія не были лишены основанія: не за долго до смерти Іоанна VI, Константинъ, отыскивая союзниковъ для предстоящей войны съ Муратомъ II, ²⁾ искалъ руки дочери Венеціанскаго дожа, Франческо Фоскари, такъ какъ его вторая супруга, Екатерина Лесбосская, уже умерла. Вотъ потому-то патриоты, помня недавнее завоеваніе Константинополя Латинцами четвертаго крестоваго похода, и вида, какъ они шагъ за шагомъ на ихъ глазахъ утверждались въ Пелопоннесѣ, и, еще не владѣя Византіей, грозили на Флорентинскомъ соборѣ уничтоженіемъ свободы религіи, патриоты хотѣли избѣгнуть новаго вліянія Запада, и ³⁾ предпочли обратиться въ этомъ дѣлѣ къ посредничеству Турокъ. Отъ нихъ они ожидали большей справедливости, и въ самомъ дѣлѣ тогдашній Турецкій султанъ, Муратъ II, своею личною оправдывалъ ихъ надежды. Онъ былъ женатъ на православной принцессѣ, дочери Сербскаго короля, и его кротость и справедливость стояли въ рѣз-

¹⁾ Лаоникъ Халковд., стр. 374.

²⁾ Франц., стр. 324.

³⁾ Тамъ же, стр. 205.

кой противоположности съ жадностью и властолюбіемъ Латинцевъ. При томъ Муратъ II имѣлъ и свои причины ненавидѣть послѣднихъ: незадолго предъ тѣмъ, Латинцы, подъ предлогомъ, что клятва, данная невѣрнымъ, не обязательна, напали неожиданно на Турецкія владѣнія. Муратъ II встрѣтилъ ихъ подъ Варною, и предъ сраженіемъ, показывая войску трактатъ, подписанный западными христіанами, умолялъ, по свидѣтельству историка Бонфини, Спасителя: ¹⁾ «Исусъ Христосъ! если Ты Богъ, какъ говорятъ они, и какъ вѣрится намъ, то мало Тебя, отпусти намъ за несправедливость, нанесенную Тебѣ и мнѣ; покажи и тѣмъ, которые еще не признали святости Твоего Имени, какъ Ты наказуешь вѣроломство.» Эней Сильвій говоритъ, что послѣ побѣды подъ Варной, Муратъ, обходя поле, усеянное трупами, не только не радовался побѣдѣ, но сдѣлался чрезвычайно печальнымъ; и когда его спросили о причинѣ печали, онъ отвѣчалъ: «я не хотѣлъ бы еще разъ побѣдить такимъ образомъ.» Для насъ не будетъ теперь удивительно, что Кантакузъ и Лука Нотара, знакомые по опыту съ политикою Латинцевъ, довѣряли болѣе Мурату II, и, отправивъ посланникомъ въ Адрианополь друга и любимца Константина, Франтцу, представили ему рѣшить дѣло объ избраніи преемника Юванну VI. Муратъ II призналъ доводы Византійцевъ основательными, и не смотря на то, что онъ, какъ мы уже видѣли, въ то время былъ въ ссорѣ съ Константиномъ за Исемійскую стѣну, и даже открыто воевалъ съ нимъ, какъ съ господаремъ Пелопоннескима, рѣшилъ дѣло въ пользу своего непріятеля. ²⁾ Франтъ, осмысленный почестями и наградами, возвратился въ столицу съ радостною вѣстью для друзей Константина. Вслѣдъ за тѣмъ были отправлены депутаты въ Пелопоннесъ, и 6 Января 1450 года Константинъ былъ коронованъ въ Спартѣ, а 12 Марта онъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Византію. ³⁾ Но за нимъ уже не было признано, какъ мы увидимъ, императорскаго ти-

¹⁾ Nunc Christe, si Deus es, ut aiunt et nos halluciamur, tuas measque injurias te quaeso ulciscere; et his qui sanctum tuum nomen nondum agnovere violatae fidei poenas ostende.

²⁾ Франтъ, стр. 206.

³⁾ См. ниже гл. IX.

тула; и потому-то нѣкоторые считаютъ Іоанна послѣднимъ Императоромъ. Константинъ если и принялъ титулъ, то только уже въ послѣдній годъ своего правленія. Димитрій немедленно по прибытіи старшаго брата отказался отъ своихъ притязаній, и вмѣстѣ съ младшимъ братомъ, Фоною, получилъ господарство въ Целононесѣ, давъ клятву, что ни одинъ изъ нихъ не будетъ нарушать мира. Въ августѣ мѣсяцѣ того же года Фома отправился въ Целононесъ, а за нимъ въ сентябрѣ и Димитрій оставилъ Византію.

Такимъ образомъ, за три года предъ осадю города Турками, Византійская Имперія прекратила свое существованіе даже по имени; на мѣстѣ ея образовалось три государства: одно Византійское и два Целононесскихъ. Мы можемъ выразиться такъ потому, что Константинъ, по крайней мѣрѣ въ первое время своего управленія, не носилъ уже болѣе титула императора и довольствовался простымъ названіемъ господаря Византіи (ὁ δεσπότης). Каковы же были внѣшнія отношенія этихъ трехъ государствъ и ихъ внутренній составъ? какія средства представлялись новому владѣтелю Византіи для его дѣятельности? Вотъ вопросы, которые должны прежде всего обратить на себя наше вниманіе.

Сплошныя владѣнія Константина, т. е. Византійское господарство, заключали въ себѣ небольшой полуостровъ между Чернымъ и Мраморнымъ морями. Этотъ-то небольшой клочекъ земли и носилъ въ послѣднее время названіе Византійской имперіи, а при осадѣ Византіи Турками *) стѣны города были буквально границами Имперіи. На противоположномъ ей берегу, въ Малой Азіи, простирались владѣнія Турокъ, утвердившихся тамъ еще въ XIII столѣтіи. На отдаленномъ берегу Черного моря лежалъ другой клочекъ земли съ титуломъ имперіи; это была богатая Трапезунтская имперія Комненовъ, центръ восточной торговли. Она образовалась во время завоеванія Константинополя Латинцами четвертаго крестоваго похода, въ 1204 году, и была управляема потомками императоровъ Комненовъ, бѣжавшими отъ ига инновѣрцевъ. Далѣе за нею въ ны-

*) Дука, стр. 239: ἄκτος τῆς θαύρου οὐκ ἔχει, οὐτε κίχτηται τι.

нѣшнемъ Закавказьѣ находилось могущественное и единовѣрное Грекамъ Иберійское царство. Въ Европѣ, непосредственно къ Византіи примыкали владѣнія Турецкаго султана, которому принадлежала, какъ мы видѣли, и Малая Азія; столицею его былъ Адрианополь, лежащій въ 200 верстахъ отъ Византіи. Турки утвердились тамъ еще въ XIV столѣтіи, и отрѣзали отъ Византіи ея бывшихъ вассаловъ, нынѣшнюю Булгарію; государства Валахію и Молдавію, и королевство Сербское; всѣ они уже платили дань Туркамъ, и признавали ихъ власть, какъ нѣкогда признавали господство Византіи, хотя иногда и осмѣливались дѣлать попытки къ освобожденію. Съ юга тѣ же Турецкія владѣнія и владѣнія Венеціанъ отрѣзывали отъ Византіи Грецію, хотя впрочемъ связь ея съ нею и безъ того давно уже ослабла, чтобъ не сказать прекратилась, еще со времени завоеванія Латинцами Константинополя. Дѣйствительно, въ Греціи лежали перемѣшанно то замки Латинскихъ бароновъ, то города, признававшіе ихъ своими герцогами, то владѣнія и конторы Венеціанъ; только середина Пелопоннеса сохраняла нѣкоторую связь съ Византіей, и Палеологи посылали туда своихъ младшихъ родственниковъ деспотами. Впрочемъ эти деспоты такъ же мало признавали своимъ главою Византійскаго императора, какъ и Латинскіе бароны, владѣвшіе отдѣльными частями Пелопоннеса. При Константинѣ XI, такими деспотами или господами Пелопоннеса были его братья Дмитрій и Тома. Ихъ положеніе было не лучше Византійскаго государства; они были также сдавлены со всѣхъ сторонъ иноплеменными Латинцами и Турками, съ тѣмъ различіемъ, что въ нихъ къ бѣдствіямъ внѣшнимъ присоединялись и внутреннія: не смотря на клятву, братья вели постоянно междоусобныя войны, и призывали сами на помощь то Турокъ, то Латинцевъ. Наконецъ острова Архипелага представляли ту же чудную смѣсь владѣній западныхъ герцоговъ и Греческихъ господарей.

Далѣе, на западъ, за этою смѣсью Турецко-Латинско-Византійскихъ владѣній начиналась католическая Европа. Польша, Венгрія и Италія примыкали къ нимъ непосредственно. На отдаленномъ сѣверѣ находился тогда народъ, родственнѣйшій Византіи и по своему происхожденію, Византіи, наполненной

съ одного конца до другаго еллинизировавшими Славянами, и еще болѣе близкій съ нею духовнымъ родствомъ. Но этотъ народъ въ то время еще не отстрадалъ своего ига, подобнаго которому готовала судьба Византіи. Притомъ значительная часть и этого народа начала испытывать на себѣ вліяніе Европы: западная или Литовская Русь, освободившись отъ Монголовъ, понесла другое иго, не менѣе знакомое Византіи, и котораго, какъ мы увидимъ, она боялась болѣе Турецкаго, и боялась не даромъ. Монголы, какъ свѣгъ, укрыли одну восточную или Московскую Русь отъ католическаго вліянія; но этотъ свѣгъ въ ту пору еще не сошелъ.

Таково было внѣшнее политическое положеніе Византійской Имперіи, или лучше сказать, Византійскаго государства. Но и внутреннее положеніе этого осколка древней Имперіи, занимавшаго небольшой полуостровъ въ 100 верстъ длины и не болѣе 50 верстъ ширины, было не лучше: по берегамъ Мраморнаго и Чернаго морей, въ виду самой Византіи, начали появляться Турецкія крѣпостцы и укрѣпленныя конторы Генуезцевъ. Даже въ самихъ стѣнахъ Византіи была не одна Византія. Извѣстно, что Константинополь лежитъ въ углу, образуемомъ Босфоромъ и Мраморнымъ моремъ, на Европейскомъ берегу; изъ пролива Босфора, внутри самого города, выдается широкимъ рукавомъ заливъ, въ видѣ рога, загнутаго къ сѣверо-востоку; Греки и называли его потому Кератомъ (*τὸ κέρατος*), т. е. Рогомъ; и нынѣ онъ сохраняетъ то же названіе съ прибавленіемъ Золотаго. На западной сторонѣ этого Рога, между нимъ и Мраморнымъ моремъ, лежала собственно Византія, принадлежавшая императору; на востокъ же, между Рогомъ и проливомъ, находился другой городъ, Галатта, принадлежавшій Генуезцамъ и имѣвшій свое особое управленіе. Кромѣ того, въ самой Греческой Византіи былъ прежде, при Базетѣ, дѣдѣ Мурата II, *) кварталъ, уступленный Туркамъ.

Неизвѣстно съ точностью, каково было населеніе Византіи предъ началомъ ея осады; о томъ мы можемъ сдѣлать только приблизительное заключеніе изъ слѣдующаго событія,

*) Каджіа-Ефенди, стр. 454.

относящагося ко времени начала осады. ¹⁾ На восьмой день по прибытіи Турецкой арміи, 10 Апрѣля 1453 года, Магометъ II сдѣлалъ смотръ своему флоту и гарнизону; а Константинъ XI приказалъ еще ранѣ демархамъ, начальникамъ городскихъ частей, составить точный списокъ лицъ, которые могли носить оружіе, при чемъ записывали и монаховъ. Когда каталоги были получены, императоръ призвалъ Франтца и сказалъ ему: «это дѣло касается тебя, и оно должно быть сохранено въ величайшей тайнѣ; и такъ, возьми эти списки и дома внимательно сосчитай, сколько мы можемъ имѣть войска и сколько нужно оружія, щитовъ, луковъ и пушекъ.» При этомъ Франтца замѣчаетъ, что весьма немногіе изъ знатныхъ и изъ простаго народа, по страху войны и осады, оставили городъ; такимъ образомъ эти списки могутъ также служить къ опредѣленію населенія Византіи и до начала осады. «Окончивъ работу, порученную мнѣ императоромъ, продолжаетъ Франтца, я относь ему съ величайшею горестью свои таблицы»; оказалось, что во всемъ Константинополѣ природныхъ Грековъ, способныхъ носить оружіе, было не болѣе, какъ *четыре тысячи двѣдцать семьдесятъ три человека* (4973). Вотъ тотъ гарнизонъ, которому надобно было, въ теченіе слишкомъ 8 недѣль (57 дней), выдерживать натискъ арміи въ 258 тысячъ. Если теперь, по вѣроятному отношенію возрастовъ, все населеніе бываетъ въ четыре раза болѣе части способной носить оружіе, то населеніе Византіи могло превышать не болѣе какъ 20 тысячъ. Не лучше было положеніе и другихъ средствъ къ защитѣ города: стѣны Константинополя, говоритъ одинъ изъ историковъ, были такъ ветхи, что во время осады Греки не смѣли употреблять противъ непріятеля орудій большого калибра и ставить ихъ на стѣны; потому что, прибавляетъ тотъ же авторъ, ²⁾ стѣны разрушились бы сами собою отъ одного потрясенія.

Такъ печально было и внѣшнее и внутреннее положеніе Византійской имперіи. Извнѣ ее окружали Латинцы и Турки, и мы имѣли уже одинъ случай видѣть, именно при избраніи Кон-

¹⁾ Франтца, стр. 240 и слѣд.

²⁾ Леонардъ Хюск.: *nam si quae (bombardae) magnae erant, ne murus concuteretur noster, quiescebant.*

отмѣтима, что отношенія ихъ къ Грекамъ были таковы, что Греки желали получить Императора лучше отъ рукъ Турокъ, нежели Латинцевъ. Единственныя Грекамъ государства были отрѣзаны отъ Византійскихъ Турецкими владѣнiami; таковы были негущественная Иберія и богатый Трапезунтъ; или и сами находились не въ самомъ благополучномъ положенiи, какъ то Россiя; а Болгарiя, Сербiя, съ трудомъ оспаривали свою независимость отъ султановъ. Внутри Византiйская имперiя раздѣлялась на три государства: одно Византiйское и два Пелопонесскихъ; даже на время былъ утраченъ самый титулъ императорскъ. Наконецъ самый городъ Византiи раздѣлялся на два города: Греческiй православный и Генуезскiй католическiй. Первый въ случаѣ крайней нужды могъ противопоставить неприятелю около 5000 воиновъ и едва державшiйся стѣны.

Таковы были средства для дѣятельности Константина, когда онъ вступилъ въ управленiе Византiею. При всей ихъ ничтожности онъ нашелъ однако возможность возвратитъ спокойствiе своему государству, и первые два года его правленiя были самою счастливою эпохою для Византiи. Тайна могущества господаря Византiи конечно заключалась въ его личности, въ его умѣннiи извлечь пользу и изъ того положенiя, въ какомъ онъ нашелъ свое государство. Константинъ, какъ господарь Византiи, стоитъ несравненно выше многихъ ея императоровъ; его высокiй умъ, его непреклонная воля, одни выдаются впередъ изъ всего хаоса государственныхъ отношенiй Византiи, и намъ должно короче познакомиться съ этою личностью и съ тѣмъ, что ее непосредственно окружало.

III.

Константинъ XI правилъ государствомъ три года и три мѣсяца (12 Марта 1450 — 29 Мая 1453). Онъ родился *) въ 1404 г., и слѣдственно при вступленiи на престолъ ему было 46 лѣтъ

*) Франца, стр. 291, говоритъ, что Константинъ прожилъ 49 лѣтъ, 3 мѣсяца и 20 дней; а онъ палъ въ битвѣ 29 Мая 1453 года; слѣдовательно родился 9 Февраля 1404 года.

отъ роду. Такія зрѣлыя лѣта и опытность, приобретенная еще во время управленія Пелопоннесомъ, бывшимъ для него отличною школою, не позволяли ему повторять ошибки своихъ предшественниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, Константинъ былъ первымъ Палеологомъ, понявшимъ бездну, въ которую вовлекли его предки свое государство дружбою съ Латинами, и онъ первый увидѣлъ необходимость новыхъ мѣръ къ поддержанію имперіи. Но грустно видѣть человѣка, одареннаго прекрасными талантами, яснымъ взглядомъ на все его окружавшее, и притомъ съ сильною волею, которому однако было суждено возвращаться въ срединѣ, не представлявшей никакихъ прочныхъ средствъ для его дѣятельности. Вотъ въ какихъ словахъ описывалъ самъ Константинъ собственное положеніе въ своей задушевной бесѣдѣ съ единственнымъ другомъ, котораго послала ему судьба въ теченіе 50 лѣтъ его жизни, и который одинъ понималъ возвышенность его души и безкорыстность цѣлей: *) «У меня не было безъ тебя, говоритъ императоръ Франтъ послѣ двухлѣтней съ нимъ разлуки, ни одного человѣка, съ кѣмъ бы я могъ посоветоваться; каждый преслѣдуетъ свои интересы. Мать моя и государыня (Ирина) умерла въ твое отсутствіе; Кантакузѣнъ (старшій), который иногда судилъ безпристрастно, послѣдовалъ за нею; а Лука Нотара громко проповѣдуетъ, что никто лучше его не знаетъ, какъ должно поступать, и что по истинѣ хорошо и полезно только то, что онъ говоритъ или дѣлаетъ; по пословицѣ, Нотара каждый камень подвинетъ; и все это, Франтъ, ты самъ хорошо знаешь. Министръ Двора (ὁ μέγας δομέστικος) зомъ на Сербскаго Короля, и дѣйствуетъ за одно съ Іоанномъ Кантакузѣномъ (ниже объяснится, по какому дѣлу). Съ кѣмъ же я могъ советоваться? Съ монахами и людьми имъ подобными? Но они сами ничего не понимаютъ въ государственныхъ дѣлахъ! Съ вельможами? Но каждый изъ нихъ принадлежитъ къ какой нибудь партіи и выдастъ другимъ мою тайну. Вотъ почему, Франтъ, я ожидалъ тебя съ такимъ нетерпѣніемъ!» Нельзя не сочувствовать человѣку, который такъ откровенно жаловался на свою судьбу. Послѣ тѣхъ

*) Франтъ, стр. 221.

всегомихъ словъ Константина, нужно ли намъ еще прибавить что нибудь, чтобъ дать понятіе о степени бѣдственнаго положенія послѣдняго императора, окруженнаго шпионами, эгоистами, людьми ничего непонимавшими, кромѣ своихъ мелкихъ выгодъ, или наконецъ умными и честными, какъ Нотара, но ослѣпленными своею гордостью. Слова Константина много свидѣтельствуя и о его умѣ, съ которымъ онъ проникалъ насквозь все его окружавшее, и разумное сознаніе безсилія въ борьбѣ съ корыстью и предрасудками вѣка. Вотъ потому-то Константинъ и не могъ устоять до конца на томъ новомъ поворощѣ, которое онъ думалъ открыть для своей дѣятельности; въ концѣ своего правленія и онъ долженъ былъ воротиться къ старой политикѣ Палеологовъ, и вступилъ въ торгъ съ Латинами, покупая у нихъ помощь свободою религіозной совѣсти и цѣною своихъ же владѣній. Но кто его за то урекнетъ? Онъ искупилъ и эту единственную ошибку пролитіемъ собственной крови; стѣсненный Турками, которыхъ Латинцы же вооружили противъ него; обнадеживая своею помощью, и обманутый въ этой помощи Латинцами, онъ сказалъ: «я уповаю теперь на Одного Бога!» — и палъ на стѣнахъ Византіи.

Самое избраніе Константина на Византійскій престолъ указывало ему путь новой политики. Обязанный своимъ престоломъ ненависти Грековъ къ Латинамъ, онъ долженъ былъ оставить близорукую политику своего брата, Іоанна VI, и не могъ прибѣгать, для спасенія государства, къ мѣрамъ подобнымъ Флорентійской уніи. Мы уже видѣли, какимъ образомъ Франца, Лука Нотара и Іоаннъ Кантакузѣнъ, его приближенные, ¹⁾ предпочли обратиться къ Туркамъ, только чтобы не подчиниться вліянію католичества. При своемъ умѣ, Константинъ долженъ былъ понять, и дѣйствительно понялъ, что для Византійскаго императора не годится эгоистическая политика деспота Пелопоннескаго. Еще во время управленія Пелопоннесомъ, онъ имѣлъ въ виду при помощи Латинцевъ изгнать Турокъ изъ Пелопоннеса, и ²⁾ искалъ руки дочери Венеціанскаго дожа;

1) См. выше гл. II.

2) Франца, стр. 324.

Франческо Фоскари; но по вступленіи на престолъ Константинъ уничтожилъ предполагаемый бракъ. Онъ рѣшился искать другихъ союзовъ, которые можно было бы купить не цѣною совѣсти, какъ того требовалъ обыкновенно союзъ съ Латинами, и обратилъ свое вниманіе на два единовѣрные государства: Иберію и Трапезунтъ, желая вступить въ родственничій союзъ съ однимъ изъ ихъ домовъ. Порученіе вести съ ними брачныя переговоры можно было сдѣлать лицу, съ одной стороны весьма близкому и честному, съ другой же стороны занимающему важность новой политики, враждебной Латинамъ, и быть можетъ даже внушившему эту новую политику Константину. Онъ избралъ Францу, и послѣдствія оправдали такой выборъ.

Теперь будетъ для насъ понятно само собою, отъ чего по вступленіи на престолъ Константина все намѣнилось въ Византіи: прекращеніе дружбы съ Латинами уничтожило народныя мечты, обуревавшіе правленіе Іоанна VI, поборника Флорентійской уніи, и внутри города настало на цѣлые два года совершенное спокойствіе, давно незнакомое Византіи; съ другой стороны и Турки, не опасаясь соперничества и интригъ Латинцевъ, при православномъ императорѣ, не беспокоили имперію. Муратъ II, одобрявшій избраніе Константина, жилъ съ нимъ дружно и занимался своими семейными дѣлами, а именно; женитьбою сына Магомета на Армянской принцессѣ. На пиръ стеклись со всѣхъ сторонъ князья и владѣтели; Турки вмѣстѣ съ Христіанами, *) говоритъ современникъ, дружно пировали на свадьбѣ. Увеселенія продолжались непрерывно отъ сентября до конца декабря 1450 г.; очевидно, о войнѣ никто и не думалъ.

Въ этомъ-то успокоенномъ и возможно счастливомъ положеніи мы и оставимъ пока Византію. Послѣдуемъ лучше за Франціою въ Иберію и Трапезунтъ; его путешествіе познакомитъ насъ съ древнимъ бытомъ тѣхъ странъ, которыя входятъ теперь въ составъ нашего отечества, и вмѣстѣ съ тѣмъ поставитъ насъ лицомъ къ лицу съ этимъ государственнымъ мужемъ, которому суждено было играть не послѣднюю роль въ исторіи послѣднихъ дней Византіи.

*) Лука, стр. 224.

IV.

1) Въ первыхъ числахъ Октября 1450 года, слѣдовательно тотчасъ по удаленіи братьевъ Константина, Дмитрія и Романа, изъ Византіи въ Целононнесть, Франца отправился моремъ къ Иберійскому князю Георгію Мешену, а потомъ оттуда предлагалось ѣхать къ Юанну Комневу, императору Трапезунта. Корабль былъ нагруженъ драгоценными подарками; на немъ плыла блестящая свита съ почетною стражей; вмѣстѣ съ ними ѣхали іеромонахи, монахи, шивцы, медики и многіе другіе, искусные въ игрѣ на органѣ и прочіихъ инструментахъ. Въ Иберіи (Тифлисская губернія) приняли Византійскаго посольства съ величайшею радостью; жители выбѣгали на встрѣчу и удивлялись органу, названіе котораго они знали, но никогда не слышали его звуковъ. Любопытные стекались даже изъ отдаленныхъ странъ. Съ своей стороны и Греки показывали большое вниманіе посѣтителямъ, и нерѣдко любознательный Франца вступалъ съ ними въ разговоры. Особенно замѣчательна одна бесѣда его съ столѣтнимъ старцемъ, Еоранномъ, уроженцемъ какого-то Иберійскаго города (его названіе осталось неизменнымъ въ манускриптѣ). 2) Еораннъ былъ полякъ въ плѣнѣ еще отрокомъ и продалъ варварами во внутреннія области Персіи. Господинъ Еоранна занимался торговлею съ Индіею и бралъ его часто съ собою по торговымъ дѣламъ. Въ одно изъ такихъ путешествій плѣнникъ убѣжалъ, и долго скитаясь по различнымъ пустынямъ, прибылъ на какой-то островъ, гдѣ жили Макробіи, т. е. долголѣтныя; такъ они назывались потому, что каждый изъ нихъ жилъ не менѣе 150 лѣтъ. Такой долголѣтности содѣйствовала климатъ страны, въ которой круглый годъ не сходили съ деревьевъ плоды: одни висѣли, другіе наливались, а третіе уже созрѣвали. Тамъ росли Индійскіе орѣхи; находился магнитный камень, и тамъ же бралъ начало Нилъ. Въ іюль и августѣ въ этой странѣ наступало бѣдѣ

1) Франца, стр. 206 — 222.

2) Тамъ же, стр. 207 — 210.

холодное время, потому, ¹⁾ объясняетъ Ефранмъ, что солнце обращалось тогда къ нашему сѣверному полушарію; здѣсь и заключается причина, продолжалъ разскащикъ, почему въ эти два мѣсяца Нилъ выступаетъ изъ своихъ береговъ. До прихода въ эту страну, Ефранмъ долженъ былъ переправиться чрезъ какую-то рѣку, весьма опасную по своимъ амфибіямъ, которыя на туземномъ языкѣ называются «зубастые тиранны» (*ōdonto-tírannoi*) и которые могутъ пожрать цѣлаго слова. Много было и другихъ тамъ ужасныхъ звѣрей; попадались змѣи въ 70 футовъ длины, скорпіоны, ночницы величиною съ ворона, и мухи — съ воробья. Слоновъ было тамъ такъ много, какъ у насъ быковъ или овецъ, и они паслись стадами. Проживъ нѣсколько лѣтъ у Макробіевъ и изучивъ ихъ языкъ, Ефранмъ пожелалъ возвратиться домой. Туземцы указали ему дорогу къ одному приморскому мѣстечку, гдѣ приставали корабли, идущіе изъ Индіи съ ароматами. Ефранмъ нашелъ въ гавани Испанскій корабль, на которомъ онъ и прибылъ въ Португалію; отсюда странникъ переѣхалъ въ Англію, и потомъ чрезъ Германію возвратился на родину въ Иберію, нашу Грузію. Это путешествіе Ефранма кругомъ тогдашняго свѣта и его странствованіе по внутренней Африкѣ отъ истоковъ Нила къ берегамъ Атлантическаго океана, только что открытымъ Португальцами, принадлежало бы къ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ среднихъ вѣковъ, если бы Франтца, увлеченный собственнымъ дѣломъ, не поспешилъ на его описаніе.

Брачные переговоры въ Иберіи были продолжительны, но не имѣли на первый разъ никакого окончательнаго результата, и Франтца отправился въ Трапезунтъ. На одной изъ аудіенцій, 6 Февраля 1451 года, Іоаннъ Комненъ, Императоръ Трапезунтскій, встрѣтилъ Франтца слѣдующими словами: ²⁾ «Посланникъ, я имѣю сообщить тебѣ весьма пріятную новость; что ты мнѣ дашь за нее»? Я низко поклонился ему, говоритъ Франтца, и отвѣчалъ: «Да продлитъ Богъ дни Вашего Величества; а для подарка у меня нѣтъ ничего достойнаго Васъ.» Тогда Іоаннъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 208.

²⁾ Тамъ же, стр. 211.

Комнень объявлялъ ему извѣстіе о смерти Мурата II, о вступленіи на престолъ Магомета II, и о почетномъ возвращеніи его мачихи и супруги покойнаго султана, Сербской принцессы, къ ея родителямъ. Франца говоритъ, что онъ овѣмѣлъ, пораженный горемъ при этомъ извѣстіи, такъ какъ будто бы онъ потерялъ самаго любимаго друга. Между тѣмъ это же самое извѣстіе возбуждало въ мысляхъ Франтцы новые планы: ему представлялась возможность для Константина заключить бракъ несравненно выгоднѣе и Трапезунтскаго и Иберійскаго. Замѣчательно, что въ то же время, далеко отъ Трапезунта, въ Византіи, и Константина занимали тѣ же самыя мысли. Къ счастью для Франтцы, въ гавани Трапезунтской стоялъ корабль, готовый отплыть въ Константинополь. Онъ немедленно пишетъ императору два письма: одно официальное, съ отчетомъ о ходѣ своихъ переговоровъ, другое секретное. Посланнику было приказано на первой аудіенціи отдать одно первое письмо, а послѣднее вручить на слѣдующій день. Это секретное письмо было слѣдующаго содержанія:

*) «Я прибылъ благополучно въ Трапезунтъ, пишетъ Франца, и здѣсь отъ императора узналъ о смерти султана и о возвращеніи султанши въ родительскій домъ. Узнавъ все это, я попалъ на мысль, что по многимъ причинамъ для Вашего Величества вступить въ супружество съ султаншею будетъ полезнѣе и во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣе, нежели съ которою нибудь изъ здѣшнихъ принцессъ. По моему мнѣнію, этому браку могутъ противиться четыре обстоятельства: во-первыхъ, султанша ниже Васъ по происхожденію; во-вторыхъ, Церковь можетъ запретить этотъ бракъ по причинѣ родства; въ-третьихъ, ея супругомъ былъ Турокъ; наконецъ, въ-четвертыхъ, ей 50 лѣтъ, а она еще не имѣла дѣтей, и потому, какъ увѣряютъ доктора, она не перенесетъ родовъ. Но на все это мы можемъ отвѣчать то, что вдова султана не ниже по происхожденію Вашей матери; что бракъ съ Трапезунтскою принцессою одинаково можетъ быть воспрещенъ по родству, если Вы не одарите духовенства, сиротъ и бѣдныхъ; а бракъ съ дочерью Сербскаго ко-

*) Тамъ же, стр. 213.

роля тѣмъ скорѣе будетъ разрѣшенъ, что она сама всегда щедро награждала іеромонаховъ, монаховъ и весь клиръ. То обстоятельство, что она была супругою Турка, еще менѣе важно; ибо Ваша бабка, ¹⁾ Евдокія, была также сначала за Турецкимъ княземъ, и притомъ весьма незначительнымъ, и имѣла отъ него дѣтей; напротивъ того, дочь Сербскаго короля была супругою отличнаго и превосходнаго султана, и, какъ говорятъ, она осталась дѣвственницей, ибо не имѣла отъ него дѣтей. Наконецъ, что касается до четвертаго возраженія, если угодно будетъ Богу, чтобы она зачала въ такихъ преклонныхъ лѣтахъ, то пусть и въ остальномъ будетъ воля Божія, особенно если первые мои три довода Вы признаете, Ваше Величество, основательными. Родители не ея охотно воспользуются такимъ случаемъ; потому я и совѣтую Вамъ послать когонибудь изъ доверенныхъ лицъ, или іеромонаха, или монаха, для устройства этого дѣла, и послать безъ замедленія.»

Неизвѣстно, по какимъ причинамъ это письмо пришло чрезвычайно поздно въ Константинополь, уже въ самыхъ послѣднихъ числахъ мая. Константинъ былъ тогда на охотѣ; но узнавъ о кораблѣ, приплывшемъ изъ Иберіи, бросилъ охоту и востѣпшилъ во дворецъ. Посланный, по инструкціи, вручилъ ему сначала одно первое письмо, и только на слѣдующій день передалъ ему и второе. Императоръ чрезвычайно обрадовался, узнавъ такъ неожиданно мнѣніе Францы о томъ предметѣ, который такъ занималъ его самого. Еще до полученія имъ этого письма, Сербскій король самъ предложилъ руку дочери и обѣщалъ огромное приданое и различныя другія выгоды въ будущемъ. Узнавъ мнѣніе Францы, Константинъ болѣе не колебался, и немедленно былъ отправленъ въ Сербію Мануэль Палеологъ, родственникъ Кантакузѣна. Но результатъ посольства былъ самый неудовлетворительный: вдова султана дала уже обѣтъ посвятить себя Богу. Впрочемъ едва ли такова была истинная причина отказа; мы уже слышали ²⁾ жалобу Константина возвратившемуся Францѣ изъ Иберіи, гдѣ императоръ

¹⁾ Супруга Императора Іоанна V.

²⁾ См. выше гл. III.

намекаетъ на придворныя интриги Іоанна Кантакузѣна и министра Двора, имѣвшихъ свои причины ненавидѣть Сербскаго короля. ¹⁾ Все это даже болѣе нежели вѣроятно, если припомнить, что самъ посланникъ Мануилъ Палеологъ былъ родственникъ Кантакузѣна.

Когда Франтца узналъ о результатѣ Сербскаго посольства, брачныя переговоры на Востокѣ возобновились. Франтца предпечелъ Иберійскую принцессу Трапезунтской и приступилъ къ заключенію трактата о приданомъ. Сцена послѣднихъ переговоровъ по этому предмету записана Франтцею весьма подробно.

— ²⁾ У насъ, говорилъ Иберійскій царь, нѣтъ такого обычая, чтобы жена приносила приданое мужу, но наоборотъ.

— Я нигдѣ не слыхалъ о подобномъ обычаѣ, замѣтилъ ему удивленный Франтца.

— А знаешь ли ты, мой любезный, разсмѣявшись сказалъ ему Царь, что сказалъ по этому поводу великій Цезарій? У каждой страны и у каждого народа есть свои обычаи, или письменные; или устные. Законы образовались, мнѣ кажется, изъ отечественныхъ постановленій; такъ напримѣръ, у Китайцевъ, живущихъ на краю земли, вмѣсто законовъ до сихъ поръ держатся отечественныхъ постановленій не плутовать, не красть, не клеветать, не убивать. У Бактріевъ наследуется отъ отцевъ обычай не ѣсть мяса, не пить вина, не предаваться страстямъ; а у ихъ сосѣдей, Индѣйцевъ, все это совершается безнаказанно: даже нѣкоторыя изъ ихъ внутреннихъ племенъ людоеды, и они пожираютъ пришельцевъ. У Пелеевъ (Калмыковъ?) таковъ обычай, что женщины обрабатываютъ поля, строятъ дома, ходятъ на охоту! Въ Британіи одна женщина имѣетъ нѣсколькихъ мужей и т. п. Но впрочемъ, Франтца, заключилъ царь, мы не отпустимъ своей дочери безъ награды.

¹⁾ Вопросъ о Сербскомъ посольствѣ служитъ между прочимъ обращеніемъ произвольнаго толкованія фактовъ, относящихся къ Византійской исторіи, у западныхъ ученыхъ. Они вообще не расположены къ Константину XI, и наприм. Dagu (Hist. de Venise, т. III, стр. 118) приписываетъ отъѣздъ, полученный имъ въ руки Сербской принцессой, его ничтожности, и говоритъ: *mais dans le malheur les alliances sont difficiles.*

²⁾ Франтца, стр. 217 и слѣд.

Такийъ образомъ договоръ былъ принятъ, и Франца, считая свое порученіе оконченнымъ, возвратился въ Византию. Константинъ, въ присутствіи Иберійскаго посланника, начертилъ три красныхъ креста на золотой буллѣ въ знакъ заключенія трактата; того требовалъ обычай Иберійцевъ. На слѣдующій годъ императоръ обѣщалъ прислать того же Францу за невѣстою.

Франца прибылъ въ Византию въ ноябрѣ 1452 года; такимъ образомъ съ того времени, когда было отправлено посольство въ Иберію, а Турки и Христиане дружно пировали на свадьбѣ сына Мурата II, прошло уже саникомъ два года. Но нашелъ ли Франца Византию въ томъ спокойномъ положеніи, въ которомъ онъ ее оставилъ? Продолжались ли тѣ отношенія, въ которыхъ желалъ Константинъ поставить Византию и къ Латинамъ и къ Туркамъ? Все ли по прежнему онъ былъ вѣренъ своей здоровой анти-Латинской политикѣ? Вотъ вопросы, для рѣшенія которыхъ мы должны вмѣстѣ съ Францемъ возвратиться въ Византию, и посмотрѣть, что происходило внутри ея во время двухлѣтняго отсутствія лучшаго министра и друга Константина.

V.

Константинъ XI, въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ, лишился большей части людей, поддерживавшихъ его въ новой политикѣ: *) его мать Ирина умерла, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отплытія посольства въ Иберію; за нею послѣдовалъ и Кантакузенъ старшій; лучшаго изъ друзей императора и умѣйшаго его министра, Францы, не было все это время въ Константинополѣ. Всѣ эти лица постоянно поддерживали и развивали въ Константинѣ двѣ мысли: искать помощи у своихъ единовѣрцевъ, и даже въ случаѣ нужды сближаться съ самими Турками. Окруженный людьми неблагонамѣренными, императоръ измѣнилъ самому себѣ и имаче сталъ смотрѣть на то, что казалось ему полезнымъ и выгоднымъ два года тому назадъ.

*) См. выше гл. III.

Однимъ словомъ, Комнатинъ, доведенный до отчаяннiя, повторилъ ошибку всѣхъ Палеологовъ, и также бросился въ объятiя Латинцевъ. Современники не указываютъ событiй, которыми сопровождалась такая перемѣна въ императорѣ и его политикѣ; эта перемѣна обнаруживается сама въ своихъ послѣднихъ результатахъ.

Вслѣдъ за Франццою, и почти вмѣстѣ съ нимъ, въ ноябрѣ 1452 года, вошелъ въ Константинопольскую гавань большой Генуезскiй корабль; на немъ прибылъ папскiй легатъ, кардиналъ Польши и свергнутый митрополитъ Московскiй ¹⁾ Исидоръ, подписавшiй некогда Флорентинскую унию. Его сопровождали пятьдесятъ Итальянцевъ и Латинскiе наемники съ острова Хиоса. Это посольство явилось въ слѣдствiе просьбы Константины, обещавшаго возобновить Флорентинскую унию съ тѣми же надеждами, которыя такъ часто обманывали его предшественниковъ. Необходимымъ результатомъ этой старой, Латинской политики Палеологовъ было повторенiе прежнихъ ещенъ мятежей и народныхъ возстанiй. Хотя императоръ принялъ съ почестью Исидора, «но, ²⁾ говоритъ Лука, большая часть монаховъ, игуменовъ и архимандритовъ, даже монахинь, не хотѣли и слушать о подчиненiи намъ; что я говорю: большая часть? монахини меня убѣждали, чтобы я въ своей исторiи написалъ, что никто не призналъ соединенiя Церкви, и что самъ императоръ соглашается только во наружности.» Однако тѣ немощи, которые повиновались Константину, собрались въ

1) Любопытно было бы прослѣдить постепенную перемѣну въ Константинѣ дѣятельности какъ духовнаго, такъ и дѣйствительнаго историка того времени. Франццо, бывъ въ отлученiи и не имѣя богатствъ, что предшествовало безъ него въ Византiи, или въ крайней нуждѣ ничего не сдѣлалъ. Изъ свѣдѣнiй же Луки видно, что на перекрѣсткѣ провела еще въ началѣ 1452 г. нѣсколько мѣсяцевъ до прибытiя Франццо, и армянскiе Исидора Московскаго было послѣднимъ изъ результатовъ и самымъ замѣтнымъ (см. ниже, гл. IX). О прибытiи Исидора въ Византiю говоритъ Лука (стр. 232) слѣдующими словами: «Πάντα σπεύσαντες κardinάλου Πολωνίας, πρὶν ἐπιβήσαντος τοῦ ἀρχιεπισκόπου Ρωσίας» Исидора, мужа благоразумнаго и мудраго, твердаго въ православномъ ученiи, родомъ Римлянина (такъ называли себя Греки); этотъ честнѣйшiй отецъ присутствовалъ и на Флорентинскомъ соборѣ.»

2) Лука, стр. 233: τί λέγω τὸ πλείστον; παρεκίνησαν με γὰρ αἱ μοναστοὶα εἰπεῖν καὶ γράφειν οὐδεὶς ἐξ ἁπάντων, καὶ αὐτὸς βασιλεὺς πεπλασμένως κατένευσεν.

храмъ для служенія литургіи; но еретики, какъ ¹⁾ выражается Дука, бѣжали къ монастырю Вседержителя. Тамъ жилъ въ уединеніи бывшій сенаторъ и верховный судья имперіи (Καθολικός κριτής), при Іоаннѣ VI, Георгій Схоларій, принявшій на себя имя Геннадія. ²⁾ Онъ вмѣстѣ съ другими насильно подписалъ Флорентійскую унію; но, по возвращеніи въ Византію, отрёкся отъ нея и вмѣстѣ отказался отъ свѣта. Къ нему-то и бѣжалъ народъ, ожидая отъ него, какъ отъ ревностнаго защитника православія, услышать совѣтъ. Геннадій заперся въ кельи, а у дверей прибѣлъ грамоту съ слѣдующими словами: ³⁾ «жалкіе Римляне! куда вы стремитесь въ своемъ заблужденіи? зачѣмъ вы отказываетесь отъ надежды, возложенной на Бога? горе вамъ!» Народъ, прочтя эти слова, закричалъ анаемому отступникамъ и папистамъ, и расходясь, говорилъ: ⁴⁾ «намъ не нужно ни помощи Латинцевъ, ни ихъ уніи!»

Между тѣмъ ⁵⁾ другая сцена происходила въ Софійскомъ соборѣ: друзья Латинства подписали средивеніе и назначили 12 Декабря (1452 года) отслужить торжественно литургію и упомянуть на ней имя папы Николая V и Патріарха Григорія. Этотъ день и погубилъ Византію! Народъ, услышавъ имя папы, съ ужасомъ разбѣжался изъ церкви, считая себя оскверненнымъ; и ⁶⁾ Дука не находить достаточно словъ, чтобы излить свое негодованіе на еретиковъ за ихъ грубость и невѣжество. Изступленіе оскорбленнаго чувства Грека довело его до послѣднихъ предѣловъ: одна монахиня, какъ говорить

¹⁾ Тамъ же, стр. 254.

²⁾ Тамъ же, стр. 216: «Когда Архіепископы и Епископы извернулись въ Византію (изъ Флоренціи), жители пріивѣтствовали ихъ и спрашивали: каковы наши дѣла? чѣмъ кончилась соборъ? мы ли одержали верхъ? на это они отвѣчали: мы продали вашу вѣру и измѣнили благочестіе на нечестіе. Такии недостойными словами, продолжаетъ Дука, выражались подписавшіе соборное постановленіе, Антоній Гераклійскій и другіе. Если же кто ихъ спрашивалъ: зачѣмъ же вы подписали? они отвѣчали: изъ боязни Франковъ (φοβούμενοι τοὺς Φράγκους)!»

³⁾ Тамъ же, стр. 254.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 255: «τὴν γὰρ Λατίνων οὐτε βοῦθῆσαν οὐτε τὴν ἐνωσιν χρεῖσμεν!»

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ Дука, стр. 236: «грубая чернь, враждебная всякому добру, корень нечестія, отрасль суетливости, цвѣтъ гордости, осадокъ Элліискаго рода» и т. н.

тотъ же ⁴⁾ Дука, весьма образованная и свѣдущая въ Св. Писаніи, какъ бы на зло Латинцамъ, говорила, что она ѣстъ мясо, носить Турецкую одежду, и готова даже принести жертву Магомету. Никто не хотѣлъ причастаться, не узнавъ о священникѣ, не участвовавъ ли онъ въ литургіи 12 декабря. Если при похоронахъ являлся такой священникъ, то ²⁾ всѣ присутствовавшіе, сбросивъ съ себя плащи, разбѣгались, какъ будто бы случился пожаръ. ³⁾ Дука рассказываетъ, что ему случилось однажды, уже послѣ взятія Турками Константинополя, говорить съ одною знатною Гречанкой, бывшею въ плѣну. Она между прочимъ ему рассказывала, что, бывъ беременною, еще до осады, она призвала своего духовника Іакова и спросила его, можетъ ли она причаститься у священника сосѣдней церкви, сообщника Латинцевъ; тотъ разрѣшилъ; но она усомнилась и призвала другаго духовника Неофита, который далъ ей совершенно противоположный совѣтъ; чтобъ не сдѣлать ошибки, она рѣшилась лучше не причастаться и подвергнуть себя опасности умереть безъ причастія.

Всѣ жители Византии смотрѣли на Софійскій соборъ, послѣ 12 декабря, какъ на ⁴⁾ еврейскую синагогу или какъ на языческій храмъ Аполлона. Когда Латинцы говорили Грекамъ, что безъ ихъ помощи они сдѣлаются жертвою Турокъ, народъ въ отвѣтъ на то кричалъ: ⁵⁾ «лучше достанемъ Туркамъ, чѣмъ Франкамъ!» Народное мнѣніе находило себѣ опору и во многихъ государственныхъ людяхъ; мы слышали слова бывшаго верховнаго судьи Имперіи, Георгія Споларія, а великій канцлеръ, Лука Нотара, говорилъ открыто: ⁶⁾ «я желаю лучше видѣть посреди города турецкую чалму, чѣмъ папскую тиару!»

¹⁾ Тамъ же, стр. 257.

²⁾ Тамъ же, стр. 260.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 263: ὡς Ἰουδαίων συναγωγὴν ταύτην (τὴν μεγάλην ἐκκλησίαν) ἀπέφρουγον· и насколько ниже: καὶ τὸν ναὸν ὡς βωμὸν καὶ τὴν θυσίαν ὡς Ἀπόλλωνι τελευμένην ἐνόμιζον.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 291: «κρείττον ἐμπεσεῖν εἰς χεῖρας τῶν Τούρκων, ἢ Φράγκων!»

⁶⁾ Дука, стр. 264: «κρείττοτέρον ἐστὶν εἶδεναι ἐν μέσῃ τῇ πόλει φακίλων βασιλεῦσιν Τούρκων, ἢ καλύπτραν Δατινικήν!»

Таковы были результаты появленія венскаго легата Мендора и Латинцевъ въ Константинополѣ, и такими-то сценами встрѣтила Византія возвратившагося Францу. Уже не было тамъ того безмятежнаго спокойствія, въ которомъ наша исторія оставилъ свой городъ: всѣ жители раздѣлялись на уніатовъ и православныхъ; первые призывали къ себѣ Латинцевъ и отъ нихъ ожидали себѣ помощи; но это была ничтожная горсть людей; вторые — а это была вся масса народа — выжидали непримиримою ненавистью къ Латинцамъ и готовы были рѣшиться на все, лишь бы избавиться отъ католическаго ига.

Гдѣ же лежатъ причины этой ненависти? Было ли это одно минутное раздраженіе народа, или невѣжественное упорство черни, какъ выражаются западные историки? Мы думаемъ, въ тогдашнихъ отношеніяхъ Византіи къ Латинцамъ происходило то же явленіе, какое западная Европа, сто лѣтъ спустя, въ XVI столѣтіи, увидѣла въ вѣдрахъ своихъ. Реформація въ Германіи не представляла ли подобныхъ умренныхъ сценъ, когда народъ рѣшился свергнуть и съ своего тѣла и съ своего дуга тѣ оковы, которые наложилъ на него папизмъ? Смѣло разъ въ Германіи отказывались идти противъ Турокъ, если этотъ походъ носилъ на себѣ характеръ зависимости отъ папы? А развѣ эти проявленія любви къ національному и стремленіе ума отряхнуть съ себя цѣпи, въ которыхъ оковало его католичество, не получили названія изувѣрства и грубаго невѣжества? Часть Запада, и лучшая его часть, вспоминая свое XVI столѣтіе, могла бы безпристрастно судить о XV столѣтіи Византіи. Германецъ долженъ понять внутренній смыслъ словъ послѣдняго отчаяннаго Грековъ: «лучше доставемся Туркамъ!» Не Германія давно уже успѣла оправдаться въ глазахъ мыслящаго человѣчества въ своей реформаціи, и свое оправданіе она нашла не къ одному патриотизмъ и любви къ истинѣ; ее оправдали всѣ предшествовавшія историческія отношенія Германіи къ Риму: Римъ два раза завоевывалъ Германію. Въ первый разъ ее завоевалъ языческій Римъ, во второй разъ Римъ папскій; и второе завоеваніе было ужаснѣе перваго. Не имѣетъ ли и Византія подобныхъ же историческихъ основаній для своей ненависти къ Латинцамъ? Поднимемъ завѣсу прошлаго и будемъ безпристрастны.

VI.

Новѣйшій историкъ, прислушиваясь къ тому крику народа, и къ тѣмъ рѣчамъ государственныхъ людей Византіи, которыя такъ любилъ слушать народъ, съ перваго раза видитъ, что въ дѣлѣ паденія Византійской Имперіи участвовали далеко не одни Турки, что ненависть народа относилась не къ однимъ Туркамъ, а боищая доля направлена была и на Западъ, на такъ называемыхъ Латинцевъ или Франковъ. Не даромъ же народъ и многіе государственные умы предпочитали иго Турецкое Франкскому; его ненависть должна была имѣть историческое основаніе, и дѣйствительно она его имѣла. Въ сердцѣ народа, въ его крови исторія шепчетъ незыгладимыми и неподкупными буквами; народъ не учится исторіи, а всасываетъ свои историческія убѣжденія съ молокомъ матери; историкъ остается только объяснить происхожденіе этихъ убѣжденій и ихъ постепенное развитіе на пространствѣ бытія можетъ нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ.

Исторія образованной части человѣчества со временъ глубокой древности постоянно замѣчаетъ антагонизмъ, противоположность Востока и Запада. Эта противоположность являлась подъ самыми разнообразными формами. Въ древней исторіи, до Рождества Христова, Эллинское образованіе занимало Востокъ, и въ дѣлѣ его распространенія и обобщенія Александръ Великій имѣлъ то же значеніе, какъ и Карлъ Великій для новаго, Германскаго Запада: войны Александра слили все разнообразіе древняго міра отъ Дуная до Нила и Инда въ одно понятіе Эллина; умственное образованіе, цивилизація, легли въ основаніи *Эллинизма*. Таковъ былъ послѣдній результатъ исторической жизни древняго Востока. Между тѣмъ на Западѣ развивалась другая, ему враждебная сила: при преемникахъ Александра Великаго весь Западъ повиновался Риму; но не образованіе и цивилизація, а политика и перевѣсъ матеріальной силы лежали въ основаніи Римскаго соединенія, или *языческаго Латинства*. Въ этихъ-то двухъ формахъ: Эллинизма и языческаго Латинства, и выражалась самая первая противоположность Востока и Запада. Этою противоположностью и замыкается древняя исторія:

Перейдемъ теперь къ исторіи новой, и посмотримъ, въ какія формы она облекла тѣ два великіе результата исторіи древнихъ вѣковъ.

Различіе въ существенныхъ основаніяхъ Эллинизма и языческаго Латинства вызвало ихъ рано на смертельную борьбу; Римъ покорилъ себѣ государства Македонской монархіи, но это соединеніе всего историческаго міра въ одну Римскую Имперію ограничилось одною внѣшностью: различіе Эллинизма и языческаго Латинства оставалось неизгладимымъ; и при погращеніи Римской Имперіи оно не замедлило выразиться въ новыхъ формахъ. На почвѣ Александровой монархіи, среди Эллинизма, напоеннаго умственными началами, должно было совершиться и великое явленіе — обновленіе міра Христіанскою религіею. Вотъ случай, гдѣ Западъ и Востокъ могли еще разъ высказать свое природное различіе. Константинъ Великій понялъ, что на Востокѣ, отечествѣ христіанства и его колыбели, долженъ былъ находиться центръ для новаго, христіанскаго порядка вещей. Между тѣмъ оставленный Римъ усыновилъ себѣ новое поколѣніе Германцевъ; съ восприимчивостью ребенка Германецъ принялъ въ себя все Римское, и наследовалъ отъ Рима не только имя Латинцевъ, но и самую его ненависть къ Востоку, придавъ ей новыя черты изъ своего полудикаго, національнаго характера. Однако в Византіи не переставала считать Имперію всецѣлою; для нея сверженіе Ромула Августа было вовсе не паденіе Западной Римской Имперіи, но средствомъ воспріять древнюю въ новой формѣ. Сцена совершенно перевернулась: въ древней исторіи Западъ покорилъ Востокъ, теперь Востокъ замыслилъ подчинить Западъ. Дѣйствительно, Византія, послѣ Ромула Августа, сначала возводитъ на Римскій престолъ своего сподручника, Юлія Непота, а по умерщвленіи его въ 480 году, оставляетъ престолъ незанятымъ, и рассылаетъ отъ себя красную консульскую тогу предводителямъ Германскихъ дружинъ, какъ своимъ намѣстникамъ; таковы были: Одоакръ Италійскій, Гундобольдъ Бургундскій, Клодовей Франскій и др. Не прошло ста лѣтъ послѣ такъ называемаго паденія Западной Римской Имперіи, какъ походы Велизарія еще плотнѣе скрѣпили связь Византіи и ея западныхъ Германскихъ намѣстни-

честь. Византія выростала съ каждымъ годомъ надъ Римомъ; она, подобно Риму, усыновила себѣ другое молодое племя: это были Славяне. Въ самое короткое время Италія, Африка, были воссоединены Византією. Казалось, что Востокъ готовъ былъ въ свою очередь завоевать тотъ Римъ, который господствовалъ надъ нимъ въ древности, и рѣшить старинную борьбу двухъ противоположностей въ свою пользу. Но опытъ еще разъ доказалъ несвоевременность подобнаго сліянія. Западъ и въ христіанствѣ оставался вѣрнымъ прежнему Римскому духу: въ то время, когда въ Византіи религія составляла предметъ размышленія, что такъ ясно выразилось и въ религіозныхъ преніяхъ, которыми наполнена исторія Византіи; на Западѣ и самая религія имѣла другую судьбу. Германецъ долгие оставался подъ вліяніемъ язычества; предъ нимъ долгое время носился образъ жреца, подпоясаннаго мечемъ и предводительствующаго дружиной; а потому въ средніе вѣка вы ничѣмъ не отличите, ни даже костюмомъ, аббата, епископа, отъ феодалнаго барона, закованнаго въ латы. При такомъ различіи въ характерѣ западныхъ и восточныхъ религіозныхъ началъ, трудъ Византіи для сліянія ихъ долженъ былъ остаться напраснымъ. Это сліяніе сдѣлалось даже рѣшительно невозможнымъ, когда во главѣ западной оппозиціи сталъ Римскій папа. Такимъ-то образомъ древнее различіе Востока и Запада начало мало по малу восстанавливаться; но новая исторія придала ей новыя формы, что выразилось и въ самыхъ названіяхъ антагонистовъ. Въмѣсто древней противоположности языческаго Эллинизма и языческаго Латинства въ новыя времена возникла противоположность христіанскаго Эллинизма, или *Византизма*, и христіанскаго Латинства, или *Папизма*. Изъ этого хода событій видно уже, что такъ называемое раздѣленіе Церкви на Восточную и Западную было не однимъ религіознымъ событіемъ: дѣло шло о политическомъ господствѣ. Отъ того-то въ послѣдствіи, наоборотъ, стремленіе Византіи къ политической независимости отъ Запада, какъ мы видѣли, выразилось въ религіозной формѣ: принять католическую вѣру въ глазахъ Византіянина значило отказаться отъ независимости, а соединить Церкви на языкѣ Запада означало подчинить Византію. И такъ Византія

въ своей преданности къ религiи выражала и любовь къ національной независимости; а это на Западѣ называлось ересью, и еще до сихъ поръ западные историки изумляются, что Греки въ своемъ упорствѣ не хотѣли соединиться съ Латинцами иначе, какъ только противъ Турокъ. Но будемъ слѣдить далѣе за отношенiями Востока къ Западу въ этой новой ихъ формѣ Византизма и Папизма.

Существованiе Византии было живымъ упрекомъ для Папъ въ незаконности ихъ притязанiй; какъ необходимо было противопоставить что нибудь Византии; такую юридическую оппозитiю и было восстановленiе Западной Римской Имперiи, а орудиемъ себѣ папы избрали Франковъ и ихъ предводителя, короля Карла Великаго. Съ этого-то времени названiе Франка стало на Востокѣ однозначущимъ съ стариннымъ названiемъ Латинца. Но до сихъ поръ папы дѣйствуютъ, такъ сказать, оборонительно. Опасное положенiе Византии, окруженной съ сѣвера иноплемениками, которыхъ папы старались склонить на свою сторону, наприм. Болгаръ, и съ юга невѣрными, дало возможность папамъ выйти изъ оборонительнаго положенiя въ отношенiи къ Византии и начать дѣйствовать наступательно. Такимъ-то наступательнымъ движенiемъ Папства противъ Византизма и были крестовые походы. Послѣ всего нами сказаннаго, нисколько уже не будетъ удивительно разсужденiе Мишо о пользѣ завоеванiя Византии Латинцами перваго крестоваго похода. Уже при первомъ движенiи крестоносцевъ, Византиецъ не могъ не узнать подъ маскою религiи своего стараго политическаго врага. Наконецъ четвертый крестовый походъ обнаружилъ истинныя намѣренiя Латинцевъ: въ 1204 г. они завоевали Византию и тѣмъ предупредили Турокъ. Балдуинъ I, Латинскiй Императоръ, поставилъ въ Константинополь Патрiархомъ католика Моресини. Выгнанные Палеологами въ 1261 г., Латинцы не теряли надежды возаратить утраченное; въ самомъ началѣ XIV столѣтiя, рыцарскiе ордена предприняли крестовый походъ, только уже не противъ Магометанъ: они завоевали весь Пелопоннесъ, и уже шли чрезъ Фессалию къ Константинополю, — сожженiе Тамплиеровъ во Францiи остановило ихъ успѣхъ. Но съ того времени Пело-

поннесь и Морею должно считать уже потерянными для Греции. Въ нихъ утвердились Латинцы; такъ въ Афинахъ въ XIV столѣтіи правилъ извѣстный Вальтеръ Бріенскій; въ другихъ городахъ утвердились Каталонцы, Итальянскіе и Испанскіе наемники. Вотъ гдѣ и когда началось паденіе Византійской Имперіи, и вотъ кто положилъ начало ему.

И такъ, мы не ошиблись, предполагая въ словахъ народа историческія основанія; прошедшее объяснило намъ, что Грекъ не безъ причины боялся всего болѣе Латинскаго ига и предпочиталъ ему Турецкое. Но быть можетъ теперь васъ спросятъ: какимъ образомъ явились Турки на этой сценѣ кровавой борьбы Востока съ Западомъ? Современникъ, пораженный тѣмъ, что совершалось предъ его глазами въ новѣйшихъ отношеніяхъ Турокъ къ Грекамъ, имѣетъ полное право спросить: возможно ли, чтобы когда нибудь Грекъ могъ предпочесть Турецкое иго какому бы то ни было другому? не было ли это предпочтеніе результатомъ ослѣпленія Грековъ? *) На все это мы отвѣтить пока не смѣемъ, что настоящее намъ не дастъ никакого понятія о прошедшемъ, и потому мы должны обратиться прямо къ этому прошедшему и посмотрѣть на него глазами Византинца XV столѣтія.

VII.

Еще во время крестовыхъ походовъ, въ XII столѣтіи, Византия, поднимая истинныя намѣренія Латинцевъ, не разъ искала опоры въ султанахъ Багдадскаго калифата. Такія личности, какъ Дамасскій султанъ Саладинъ, представляли ей болѣе ручательства за безопасность, нежели Латинцы, которые немедленно по смерти Саладина овладѣли самою Визан-

*) Наше изслѣдованіе объ отношеніяхъ Турокъ къ Грекамъ въ XV столѣтіи рѣшило въ половинѣ вопроса, который мы предлагали выше (стр. 67, въ примѣчаніи): при какихъ условіяхъ было допущено и терпимо господство Турокъ? Въ концѣ своего разсказа, мы покажемъ, какъ съ другой стороны и Турки XV столѣтія понижали тайно своего господства и ея условія; прослѣдимъ же дальнѣйшія Востока къ Западу, въ теченіи трехъ послѣднихъ вѣковъ, составляющихъ Новую исторію, всякій легко объяснитъ, почему Турки въ послѣдствіи забывали исторію своего утвержденія въ Византіи.

тією. Не въ XIII столѣтіи Багдадскій калифатъ палъ подъ ударами Монгольскихъ завоевателей, и въ XIV столѣтіи Византія не могла уже имѣть въ немъ опоры для себя. Между тѣмъ на болѣе части развалинъ Калифата утвердились новыя племена, выдвинутыя изъ Верхней Азіи, изъ Туркестана, на сцену исторіи натискомъ Монголовъ. Это были племена Турецкія: Преслѣдуемая Монголами, они перешли верховье Евфрата въ половинѣ XIII столѣтія и предложили свои услуги Иконійскимъ или Малозаилетскимъ султанамъ, обѣщавъ охранять ихъ границы отъ Монголовъ. Въ 1289 году Иконійскій султанъ Аледдинъ, довольный службою одного изъ такихъ Турецкихъ предводителей, Эртогрула, наградилъ его Дорилейскою областью. Но эти наемники не спасли султанства отъ Монголовъ, и въ началѣ XIV столѣтія оно было разрушено ими. Такъ какъ Монголы послѣ опустошенія страны удалились, то десять Турецкихъ предводителей, воспользовавшись уничтоженіемъ султанства, провозгласили себя независимыми, и Малая Азія раздѣлилась на десять Турецкихъ княжествъ. Одинъ изъ нихъ, Османъ или Оттоманъ, сынъ Эртогрула, успѣлъ немедленно подчинить себѣ остальныхъ и провозгласилъ себя султаномъ Малой Азіи; самые Турки съ того времени стали себя называть, для отличія отъ прочихъ Турецкихъ племенъ, Оттоманами. Это основаніе Оттоманскаго государства или Оттоманской Порты произошло въ самомъ началѣ XIV столѣтія, когда, какъ мы видѣли, рыцарскіе ордена думали овладѣть Византією, но ограничились отнятіемъ у нея части Пелопоннеса и Морей. Потому-то на нихъ и обратила свое вниманіе Византія, какъ прежде она искала помощи у султановъ Багдадскаго калифата.

Общая опасность отъ притязаній Латинцевъ послужила основаніемъ къ тѣсному сближенію Византіи съ Оттоманами. Это сближеніе выразилось преимущественно въ брачныхъ союзахъ. Многія изъ христіанскихъ принцессъ были замужемъ за Турецкими владѣтелями; такъ мы видѣли, что Евдокія, бабка Константина XI, имѣла супругомъ какого-то Турецкаго князя; Муратъ II былъ женатъ на Сербской принцессѣ. Въ послѣдствіи читатель ближе познакомится съ личностью Маго-

мета II, завоевателя Византии, съ его дѣйствіями предъ осадой города и по взятіи его, и тогда онъ еще болѣе убѣдится въ томъ, что Турки и ихъ султаны XV столѣтія находились совершенно въ иныхъ отношеніяхъ къ Грекамъ, нежели современные намъ. Но не одно правительство Византии состояло въ такихъ отношеніяхъ къ Туркамъ; даже самый народъ ея смотрѣлъ иными глазами на Турокъ и видѣлъ въ нихъ единственное средство къ защитѣ отъ корыстолюбія Латинцевъ; они были даже твердо увѣрены, что и самое происхожденіе Турокъ должно было ихъ сближать съ ними. Известно, что народъ, находясь подъ вліяніемъ какой нибудь идеи, любитъ выражать свои чувства, свои убѣжденія пластически; у народа есть особенная способность, мы не скажемъ, изобрѣтать факты, но покорять факты своей идее. Здѣсь и заключается источникъ всѣхъ народныхъ преданій и сагъ; и въ этомъ смыслѣ они составляютъ неотъемлемое достояніе науки, которая смотритъ на нихъ какъ на выраженіе мысли или народного чувства. Византийцу отрадно было бы при его положеніи уменьшать пропасть, разделяющую его отъ враговъ христіанства, которымъ однако суждено было защищать на время это же самое христіанство отъ корыстолюбія его же единовѣрцевъ. Что же дѣлаетъ Византіецъ? то же самое, къ чему всегда прибѣгаетъ народъ, находящійся подъ сильнымъ вліяніемъ собственной идеи, собственнаго чувства. Онъ создаетъ преданіе, которое должно было нѣсколько примирить его съ горькою долею и сблизить съ своими защитниками по-неволѣ, а вѣсть съ тѣмъ наглядно выразить и свое чувство ненависти къ Латинцамъ и объяснить причину предпочтенія Турокъ. По этому преданію, султаны Турецкіе должны были происходить по прямой мужеской линіи отъ Византийскихъ Императоровъ Комненовъ, и вотъ въ какихъ словахъ передаетъ намъ это характеристическое преданіе нашъ историкъ, Георгій Франца.

*) «Я намѣрецъ, говоритъ онъ, рассказать о происхожденіи Турокъ все, что я узналъ изъ отдаленныхъ преданій, что слышалъ отъ знающихъ людей и что прочелъ въ книгахъ. Импе-

*) Франца, стр. 68 и слѣд.

раторъ Юаннъ Комненъ (1118 — 1143), воюя нѣкогда на востокѣ, въ Неокессарійской префектурѣ, съ Персами и съ султаномъ Иконійскимъ, отнялъ у нихъ много крѣпостей. На войнѣ былъ съ нимъ его племянникъ, Юаннъ, сынъ его августѣйшаго брата, Исаака. Во время продолжительнаго пребыванія войска въ тѣхъ мѣстахъ, сталъ обнаруживаться недостатокъ въ необходимомъ, и особенно недостатокъ въ лугахъ для прокормленія конницы, по причинѣ неплодной и каменистой почвы; а при началѣ зимы лошади стали падать отъ холоднаго и суроваго климата. Этому несчастію императоръ хотѣлъ пособить тѣмъ, что, осмотря войско, отобралъ лучшихъ лошадей и далъ ихъ Грекамъ и Латинамъ, которыхъ зналъ по умѣнью ихъ метать копья. При помощи этихъ отобранныхъ онъ надѣялся имѣть возможность и выступить противъ непріятеля, и сразиться съ нимъ. Во время такого смотра, предъ сраженіемъ, императоръ увидѣлъ отличнаго всадника, прибывшаго изъ Италіи, оцѣненнымъ, и тотчасъ же приказалъ своему племяннику Юанну сѣсть съ его Арабской лошади, на которой онъ сидѣлъ; и передать ее Латину. Юаннъ, племянникъ, отличающійся гордымъ и неукротимымъ духомъ, воспротивился приказанію императора и дяди, и отвѣчалъ ему на то дерзкою рѣчью. Но когда увидѣлъ невозможность долгаго сопротивленія дядѣ, которымъ овладѣлъ уже гнѣвъ, онъ противу воли уступилъ лошадь Латину, а самъ сѣлъ на другую. Но Юаннъ Комненъ, пылая ненавистью за нанесенное ему оскорбленіе, перебѣжалъ къ Туркамъ, и былъ весьма дружественно и охотно принятъ какъ султаномъ, такъ и всѣми варварами. Погнѣвъ, отказавшись отъ христіанства, онъ перемѣнилъ имя Юанна на Турецкое имя Целена (Τζελήνης), и взялъ въ супруги дочь самаго Султана, Камеру, получивъ въ приданое цѣлыя области, города и немалую сумму денегъ. Этотъ Юаннъ или Целена получилъ отличное Грецкое воспитаніе и превосходно зналъ по-арабски; его щедрость и отвага, качества, нравившіяся всѣмъ, особенно нравились варварамъ. Онъ былъ доступенъ какъ для низшихъ, такъ и для первостепенныхъ вельможъ. Являясь всюду и говоря, что все принадлежащее ему принадлежитъ всѣмъ, Юаннъ помогалъ Туркамъ въ затруднительныхъ дѣлахъ,

принималъ на себя трудныя обязанности, укрощалъ внутреннія междоусобія и примириалъ враговъ. Никто не могъ противиться его словамъ или совѣтамъ. Тесть его и всѣ прочіе любили его такъ, что онъ дѣлалъ все по своему желанію, и варвары считали его вторымъ Магометомъ. Отъ Камеры Іоаннъ имѣлъ сына Солимана-Сіаха (подъ его-то предводительствомъ, какъ мы видѣли въпше, Турки Османы, тѣснимые Монголами, перешли въ первый разъ Евфратъ); онъ отлично зналъ Греческую и Арабскую литературу, и бывъ во всегъ подобенъ отцу; заслужилъ такую же любовь варваровъ. Солиманъ, куда ни являлся, вездѣ былъ признаваемъ княземъ, и слава его распространялась по всей Азіи. Онъ приказалъ перевести на Арабскій языкъ многія постановленія Византійскихъ императоровъ для употребленія ихъ въ Турецкомъ судѣ. ¹⁾ *Внутреннія возмущенія, произведенныя Латинцами въ Византійской Имперіи, доставили ему удобный случай покорить своей власти всѣ Византійскія сѣдлія провинціи, и однако ²⁾ онъ никогда не дѣлалъ несправедливости Христіанамъ, даже напротивъ, награждалъ ихъ и благодѣтельствовалъ имъ, и такимъ образомъ мало по малу расширялъ границы своего государства. У этого Солимана родился Эртогруль, отецъ Османа.» Магометъ II, завѣдатель Византіи, происходилъ въ шестомъ поколѣніи отъ Османа по прямой мужеской линіи.*

Мы не ищемъ и не можемъ искать фактической вѣрности въ этомъ преданіи: въ XII столѣтіи, слѣдовательно до Монгольскаго движенія, Турецкія племена были еще далеки отъ границъ Имперіи и едва ли была какая нибудь возможность сношенія съ ними для Византіи; наконецъ, Эртогруль, а не его отецъ Солиманъ-Сіахъ, получилъ въ первый разъ княжество въ Малой Азіи, и только Османъ, а не Эртогруль, началъ завоеваніе Византійскихъ провинцій. Все это, безспорно, анахронизмы; но за то съ другой стороны, съ какою историческою вѣрностью

¹⁾ Франци, стр. 71: δα τὰς συχνοτάς, ἀς ἐποίησαν οἱ Ἕλληες κατὰ τῆς Ρωμαιοῦ ἀρχῆς.

²⁾ Тамъ же: καὶ οὐδένα Χριστιανῶν ἀδικεῖν ποτὲ ἤθελεν, ἀλλὰ μᾶλλον τοὺς τυχόντας ὑποταγμένους αὐτῷ πολλὰς χάριτας καὶ εὐεργεσίας ἐποίησε καὶ ἐχαρίζετο.

отразилась въ этомъ преданіи задушевная мысль позднѣйшаго Византіица и испытанное имъ чувство: непремѣнно Латинецъ является въ преданіи виновникомъ ссоры дяди съ племянникомъ; потомъ опять Латинцы же виновники внутреннихъ смуть имперіи и потерь ея Азіятскихъ областей; съ другой стороны, Солиманъ, какъ бы въ противоположность Латинцамъ, изображается другомъ Христіанъ и восстановителемъ спокойствія. Пусть невѣренъ фактъ самого преданія, но какъ поразительно вѣрна идея, выраженная въ этомъ фактѣ. Византіецъ объяснялъ себѣ причину своего предпочтенія Турокъ Латинцамъ, и утѣшалъ себя вмѣстѣ съ тѣмъ въ горькой необходимости защищаться отъ врага врагомъ; онъ могъ думать, что по крайней мѣрѣ изъ двухъ золъ избрано меньшее.

Надобно не знать исторіи, или быть ослаблену эгоизмомъ, чтобы судить строго Византію и ея народъ, достойный слезъ участія, за ту послѣднюю мѣру, къ которой она прибѣгла для своего спасенія. Мы видѣли, Дука упрекалъ Грековъ въ ихъ союзѣ съ Турками и называлъ то послѣдствіемъ ихъ невѣжества и ереси; но слова Дуки вырывались подъ вліяніемъ его дружбы съ Латинцами, и онъ, какъ то случается часто, упрекалъ другихъ въ пристрастіи, не замѣчая того самъ, что его упреки были результатомъ его собственнаго пристрастія. Мышо не могъ понять, какимъ образомъ Греки не хотѣли откровенно соединиться съ Латинцами для изгнанія Турокъ. Но Византія, къ несчастію, на себѣ не разъ испытала, какой требуютъ отъ нея откровенности. Еще не прошло ста лѣтъ отъ изгнанія Латинцевъ изъ Константинополя, а въ Пелопоннесѣ и Моревѣ они на ея глазахъ продолжали еще господствовать. Конечно, нельзя не сознаться, что положеніе Византіи было весьма затруднительно: съ одной стороны, коварная политика Латинцевъ, извѣданная ею на опытъ; съ другой стороны, необузданное стремленіе дикаго и невѣрнаго племени къ завоеваніямъ. Византіицу предстоялъ тяжелый выборъ: подчиниться вліянію Франковъ или Турокъ. Въ первомъ случаѣ, подъ игомъ Франковъ, ему предстояла вѣрная смерть — истребленіе религіи, языка, независимости, однимъ словомъ, всего, что составляетъ высшую стихію жизни народа. Во второмъ случаѣ, подъ

игомъ Турокъ, и притомъ Турокъ XV столѣтїа, Грека ожидалъ, правда, тяжелый и быть можетъ продолжительный совъ. Отъ Турокъ, и опять напоминаемъ, отъ Турокъ XV столѣтїа, слѣдовательно враговъ, а не друзей Запада, Византія могла ожидать того, чего ей никогда не дали бы западные Христиане — мы разумѣемъ: свободы религіи; и надежды Грековъ, какъ окажется въ послѣдствїи, не обманулись; наконецъ, при игѣ Турецкомъ Византія могла скорѣе ожидать, нежели при игѣ католичества, что гнѣвъ Божїй не вѣченъ. Это послѣднее соображеніе весьма много утѣшало современниковъ паденїя Византіи. «Я слышалъ, говорить ¹⁾ Франца, что какъ въ древности Ассирійское царство было разрушено Вавилонянами, Вавилонское Персами, Персидское Македонянами, Македонское Римлянами, такъ и Римская имперїя (т. е. Византійская) будетъ разрушена Оттоманами; но и ²⁾ ихъ конецъ придетъ въ назначенное время.» Самъ народъ въ Византіи раздѣлялъ философско-историческіе взгляды своихъ ученыхъ на судьбу государства. Но народъ не любитъ отвлеченностей, и предметъ своего чувства, предметъ своей вѣры, облакаетъ въ видимые, осязаемые образы. Такъ и въ настоящемъ случаѣ онъ не ограничивался однимъ предчувствїемъ будущаго, основаннымъ на безпредѣльной увѣренности въ правосудїи Божїемъ, и назначилъ опредѣленный срокъ для своего ига. При взятїи города Турками въ народѣ ходила молва, что «ихъ ³⁾ царство будетъ продолжаться во всей силѣ и процвѣтанїи 309 лѣтъ, а потомъ для него настанетъ 56 лѣтъ опасныхъ и тяжелыхъ, такъ что все время и счастливаго и несчастнаго господства Магометанъ будетъ равняться 365 годамъ.» Странно было бы придавать какое нибудь практическое значеніе самимъ цифрамъ преданїя, но его содержаніе свидѣтельствуетъ о направленїи народной мысли, которое дала ей опять исторїя: народъ вездѣ и во всѣ времена пытается подобными способами проникать въ

¹⁾ Франца, стр. 314.

²⁾ Тамъ же: τὸ δὲ τέλος ταύτης (τῆς βασιλείας τῶν Ὀτμανλίδων) ἦξει ἐν τῷ προσήκοντι καὶ ὀρισμένῳ καιρῷ.

³⁾ Тамъ же, стр. 315.

туманную даль; мы замѣтили, что сага есть форма народной исторіи, а подобныя предсказанія можно назвать ея философією, и новѣйшій историкъ не пренебрегаетъ яя тѣмъ, ни другимъ.

И такъ, еще разъ повторимъ, Эллинизму въ XV столѣтіи предстоялъ печальный выборъ: смерть или сонъ! и онъ избралъ сонъ.

Вотъ послѣдній результатъ, къ которому мы пришли, говоря о положеніи Византіи, когда въ нее возвратился Французъ послѣ двухлѣтняго путешествія въ Иберію. Мы показали въ нашемъ очеркѣ ту перемѣну, которую онъ напечатлѣлъ въ городѣ, взволнованномъ новымъ появленіемъ Латинцевъ; мы спросили прошедшее и о происхожденіи ненависти Грековъ къ Латинамъ, и о причинахъ сближенія ихъ съ Турками. Изъ всего нами сказаннаго слѣдуетъ, что историческія отношенія Грековъ къ Туркамъ въ XV столѣтіи нисколько не походятъ на настоящія, и что господство послѣднихъ основывалось отнюдь не на одномъ правѣ завоеванія, какъ то должно заключить изъ современныхъ событій. Византія въ XV столѣтіи не имѣла лучшей опоры противъ притязаній Запада, какую она могла бы пріобрѣсти въ послѣдующія за тѣмъ столѣтія, и въ то время должна была обратиться даже къ Туркамъ. Ясно теперь, что Турки основывали свой успѣхъ, главнымъ образомъ, на защитѣ, которую они тогда представляли Византіи противъ Запада, и, мы увидимъ, первоначально, при завоеваніи столицы Константины, они были потому въ совершенно иныхъ отношеніяхъ къ Христіанамъ. Обязанные своимъ господствомъ ненависти Грековъ къ Латинамъ, Турки въ XV столѣтіи не могли притѣснять Христіанъ, а еще менѣе могли думать о вступленіи въ союзъ съ западными Христіанами для притѣсненія восточныхъ. Предѣлы нашего разсказа и его спеціальная цѣль не позволяютъ намъ подробно и обстоятельно изслѣдовать причины, произведшія перемѣну въ позднѣйшей политикѣ Оттоманской Порты. Скажемъ только одно, что эта перемѣна имѣетъ свои историческія основанія. Извѣстно, что еще въ XVI столѣтіи Турки начали играть свою роль въ системѣ политическаго равновѣсія, Сначала западныя государства направляли эту

систему другъ противъ друга; такъ, въ XVI столѣтїи, король Французскій, соперникъ императора Карла V, первый заключилъ союзъ съ Турками противъ Германіи для униженія Габсбургскаго дома; въ XVII столѣтїи Лудовикъ XIV употребилъ Турокъ съ тою же цѣлью. Обезпеченные, такимъ образомъ со стороны Запада, Турки увидѣли себя въ возможности выйти изъ того отношенія къ покоренной странѣ, въ которомъ они находились къ ней при началѣ своего господства. Когда же они убѣдились, что западная теорія политическаго равновѣсія признала ихъ существованіе даже необходимою для себя; то сдѣлались еще рѣшительнѣе въ своихъ внутреннихъ распоряженіяхъ, имѣя гарантію для своей безнаказанности. Избѣгая повторенія, мы не говоримъ о болѣе близкихъ къ намъ событіяхъ: они развились весьма послѣдовательно изъ предъидущихъ. Намъ остается теперь сказать еще нѣсколько словъ и о той перемѣнѣ, которая произошла въ Оттоманской Портѣ во время отсутствія Францы. Въ этомъ новомъ очеркѣ мы найдемъ вмѣстѣ съ тѣмъ прямой отвѣтъ на то, что привело Магомета II, какъ мы видѣли въ самомъ началѣ нашего разсказа, къ стѣнамъ Византіи. Было ли это результатомъ одной его кровожадности и необузданнаго стремленія къ завоеваніямъ, какъ то объясняется западными писателями, или и тѣ послѣднія кровавыя страницы Византійской исторіи были начертаны политикою тѣхъ же Латинцевъ, которые возмутили Византію внутри ея стѣнъ?

VIII.

Муратъ II не долго жилъ послѣ извѣстной намъ свадьбы своего сына Магомета: въ Декабрѣ 1450 года, слѣдовательно вскорѣ за отправленіемъ Францы въ Иберію, окончилось свадебное пиршество, а 2 Февраля 1451 года онъ умеръ въ Магнезиі, послѣ кратковременной болѣзни, безъ всякихъ мученій, въ награду за то, какъ замѣчаетъ *) современникъ, что онъ

*) Дука, стр. 228 и 229.

былъ другомъ челоѣчества и покровителемъ бѣдныхъ; за то, что онъ свято соблюдалъ договоры, хотя бы они были заключены съ Христіанами, и даже послѣ побѣды охотно соглашался на миръ.

На третій день послѣ смерти Мурата, 5 Февраля, прискакалъ вѣстникъ въ Лидію къ его сыну и наслѣднику Магомету II съ секретнымъ письмомъ отъ главнаго министра покойнаго султана, Галиль-Паши. Онъ ему совѣтовалъ: *) «осѣдлать крылатаго пегаса», и не теряя ни минуты, летѣть въ Адрианополь, потому что у Турокъ смерть султана всегда сопровождалась возстаніемъ черни и янычаръ. По этой причинѣ и смерть Мурата была скрыта, и самое извѣстіе о томъ отправлено было тайно. На первомъ шагу своей дѣятельности Магометъ II обнаружилъ и сильную волю и твердое благоразуміе. Для справедливой оцѣнки этой личности, въ ней должно отличать двѣ стороны: государственнаго челоѣка и Турецкаго султана. Магометъ II въ политикѣ и Магометъ II на конѣ предъ войскомъ — это два совершенно различные челоѣка. Латинцы и ихъ писатели любили разсматривать этого султана съ одной послѣдней стороны; у нихъ мы найдемъ много анекдотовъ изъ его жизни, гдѣ онъ представляется безчелоѣчнымъ тираномъ, челоѣкомъ дѣйствовавшимъ по внушенію одной кровожадности. Но эти писатели не щадили Магомета II во все не потому, что онъ былъ врагъ Христіанъ: это обстоятельство беспокоило ихъ мало; они въ немъ видѣли соперника себѣ въ завоеваніи Византіи, и притомъ счастливаго соперника — вотъ источникъ ихъ филиппики на Магомета. Потому и мы, оцѣнивая характеръ дѣятельности этого султана, будемъ имѣть въ виду эту особенную сторону отношеній Магомета, не какъ общаго врага Христіанъ, но какъ соперника Латинцевъ, чрезъ котораго они должны были перешагнуть для завоеванія Византіи. Впрочемъ рассказы о томъ, какъ Магометъ II, желая открыть похитителя дыни въ своемъ саду, приказалъ разрѣзать желудокъ четырнадцати пажамъ, какъ онъ

*) Лука, стр. 225.

отрубилъ голову рабу, чтобы показать одному знаменитому живописцу Джентилли Беллино: игру шейныхъ мускуловъ, и т. п.; всѣ эти рассказы опровергнуты тѣми изъ западныхъ писателей, которые отличались безпристрастіемъ, какъ напр. Гиббономъ. Вотъ что намъ извѣстно о Магометѣ II отъ его же современниковъ и притомъ знавшихъ его лично:

1) Магометъ II былъ сынъ христіанской рабыни; его матица, Сербская принцесса, была также ревностною Христіанкою. Эти два обстоятельства не остались безъ вліянія на его религіозныя убѣжденія: рассказываютъ, что онъ въ дружескихъ бесѣдахъ, говоря о лжепророкѣ Магометѣ, нерѣдко называлъ его разбойникомъ и обманщикомъ, но публично, предъ войскомъ, онъ являлся ревностнымъ почитателемъ Корана. 2) Магометъ получилъ прекрасное воспитаніе, и имѣлъ обширныя свѣдѣнія въ наукахъ, и особенно въ астрономіи; любимымъ его занятіемъ было чтеніе жизнеописаній Александра Великаго, Цезаря Октавія, Флавія, Константина Великаго, императора Θεодосія Испанца, и изученіе военнаго искусства; мы его и видѣли среди подобныхъ занятій, когда онъ предъ осадою Константинополя проводилъ за ними цѣлыя ночи. Умственному образованію Магомета много содѣйствовало его языкознаніе: кромѣ роднаго языка, онъ превосходно говорилъ на пяти языкахъ: на Греческомъ, Латинскомъ, Арабскомъ, Халдейскомъ и Персидскомъ. О политическихъ талантахъ, ясности ума и силѣ характера мы не скажемъ отъ себя ничего: въ своихъ дѣйствіяхъ онъ обнаруживаетъ все это несравненно яснѣе всякаго описанія.

3) Получивъ секретное извѣстіе о смерти отца, Магометъ II буквально исполнилъ совѣтъ Галиля: онъ сѣлъ немедленно на Арабскаго бѣгуна, и безъ свиты ускакалъ съ нѣсколькими тѣлохранителями. Окружавшимъ его въ то время вельможамъ онъ ска-

1) См. подробное описаніе жизни Магомета II у Кантемира, Спондана и др. При вступленіи на престолъ ему было не болѣе 21-го года, и слѣдовательно при вліяніи Византіи Магометъ II былъ 23 лѣтъ отъ роду.

2) Франца, стр. 92 и слѣд.

3) Дука, стр. 223.

заль коротко: «кто меня любить, за мной!»; Быстрота султанскаго коня не позволяла служителямъ слѣдовать за нимъ, и Магометъ II, по переѣздѣ въ Европу, принужденъ былъ ожидать ихъ два дня въ Галиполи. Между тѣмъ въ Адрианополѣ вспыхнулъ бунтъ янычаръ; но дѣятельность Галиля и неожиданное появленіе молодаго султана успокоили мятежниковъ. На слѣдующій день по прибытіи Магометъ II торжественно принималъ присягу, сидя на отцовскомъ престолѣ. Рядомъ съ трономъ стояли его собственные министры, визирь Сіахинъ и евнухъ Ибрагимъ; нѣсколько въ отдаленіи оставались министры покойнаго султана Галиль-Паша и Исаакъ-Паша. Магометъ II въ душѣ ненавидѣлъ ихъ обоихъ; онъ не могъ простить особенно Галилю того, что, по его совѣту, Муратъ II, отказавшись однажды отъ престола, снова возвратился на престолъ, а ¹⁾ хитростью Галиля оскорбленный юноша былъ обезоруженъ. Но власть Магомета II еще не укрѣпилась и онъ на этотъ разъ скрылъ свое негодованіе. Его умѣнье удерживать свой характеръ простиралось до того, что онъ даже подозвалъ своего министра Сіахина и сказалъ ему громко: ²⁾ «отчего визиря моего отца стали такъ далеко? позови ихъ, и скажи Галилю, чтобы онъ занялъ свое прежнее мѣсто, а Исаака пошли въ Прузу сопровождать тѣло отца.»

Дѣятельно занялся Магометъ сначала внутреннимъ устройствомъ государства, а потомъ приступилъ и къ внѣшнему его обезпеченію. Прежде всего была имъ принята лично казна отца, полная золота, серебра и драгоценныхъ камней, а потомъ Магометъ сосредоточилъ все свое вниманіе на преобразованіе войска и двора. Особенно для него были опасны янычары: ³⁾ Муратъ II ограничилъ ихъ права, и они думали воспользоваться молодостью новаго султана; но Магометъ смѣнилъ ихъ предводителя, а бунтовщиковъ наказалъ тѣлесно. Роскошь двора была также уничтожена: при Муратѣ на-

¹⁾ Лаоникъ Халкомонд., стр. 383.

²⁾ Дука, стр. 227.

³⁾ Тамъ же, стр. 230.

⁴⁾ Лаон. Халк., стр. 377 и слѣд.

значалось 7000 человекъ для присмотра за охотничьими ястребамъ и множество для собакъ; Магометъ II сократилъ это число, и оставилъ 100 для собакъ и 500 для ястребовъ; остальные были взяты въ военную службу. Желая предупредить самую возможность внутреннихъ смуть, онъ ¹⁾ приказалъ умертвить своего младшаго брата, и заплатилъ такимъ образомъ дань Турецкому обычаю, какъ султанъ: у Турокъ младшіе братья всегда доставляли недовольнымъ средства къ возмущенію. Таковы были первыя дѣйствія Магомета, гдѣ мы его видимъ то какъ государственнаго человека, то какъ султана.

Вышнія отношенія Турецкаго правительства, при вступленіи Магомета, не представляли большихъ выгодъ. Ему угрожали старыя враги отца Магомета, Латины на западѣ, а на востокѣ предводителя дикихъ толпищъ Азіи, еще не установившейся послѣ Монгольскаго нападенія. Всѣхъ болѣе изъ западныхъ враговъ былъ опасенъ Іоаннъ Гунніадъ Венгерскій, или, какъ его называли на востокѣ, Янко; въ Азіи же угрожалъ Туркамъ Караманъ, предводитель одной орды, кочевавшей близъ Малой Азіи и грозившей уничтожить всѣ Турекія завоеванія по ту сторону Босфора, подобно Тамерлану. Магометъ II, видя свою власть еще неупроченною, по выраженію ²⁾ Дуки, прикрылся, какъ волкъ, шкурою агнца. Онъ отправилъ съ величайшею почестью свою мачиху въ Сербію, опасаясь союза Георгія Сербскаго съ Венграмн; ласково принялъ его пословъ, прибывшихъ съ изъясненіемъ сожалѣнія о смерти Мурата II, и даже уступилъ для содержанія своей мачихи нѣсколько пограничныхъ крѣпостей. Съ самимъ Іоанномъ Гунніадомъ было заключено также ³⁾ перемиріе на три года. Но всего болѣе опасенъ для Турокъ былъ бы союзъ Византіи съ Латинами; однако Магометъ II, при началѣ своего правленія, не имѣлъ никакихъ причинъ подозрѣвать чего нибудь съ той стороны, тѣмъ болѣе, что первоначальная политика Констан-

1) Дука, стр. 230.

2) Дука, стр. 231.

3) Тамъ же, стр. 233.

тина XI, какъ деспота Византіи, была направлена противъ Латинъ. Мы видѣли, что Византійскій дворъ искалъ даже родственнаго союза съ Магометомъ II чрезъ бракъ императора съ мачихою султана; но вскорѣ Константинъ XI еще болѣе положительно доказалъ Магомету II, что его анти-Латинская политика не измѣнилась. ¹⁾ Въ Адрианополь прибыло посольство изъ Византіи съ поздравленіемъ; новый султанъ принялъ его съ большою почестью и предложилъ ему возобновить прежніе трактаты. Магометъ II ²⁾ клялся: 1) соблюдать вѣчный миръ и согласіе, какъ съ Византійскимъ господаремъ, Константиномъ, такъ и со всѣми принадлежащими ему городами и мѣстечками, и хранить неизмѣнно ту дружбу, которую питалъ его отецъ и къ императору Іоанну и къ господарю Константину; и 2) платить Византійской имперіи ежегодно 300,000 аспровъ ³⁾, 13,300 р. с., изъ годовыхъ доходовъ странъ, лежащихъ по Стримону (въ Македоніи). Эта послѣдняя сумма назначалась въ видѣ содержанія какого-то Турецкаго принца, изъ рода Османидовъ, укрывавшагося въ Константинополѣ. Изъ всего сказаннаго нами ясно слѣдуетъ, что смерть Мурата II и вступленіе на престолъ Магомета II нисколько не измѣнили отношеній Оттоманской Порты къ Византійской Имперіи. Но при всемъ томъ мы уже близки къ ихъ разрыву; и вопросъ объ этомъ разрывѣ требуетъ самаго тщательнаго изслѣдованія; на болѣе или менѣе правильномъ изображеніи послѣдующихъ дѣйствій Магомета II основывается и безпристрастное рѣшеніе вопроса о томъ, что могло такъ внезапно погубить Византію въ 1453 году, когда за два года передъ тѣмъ ничто не предвѣщало кровавой развязки для ея существованія.

¹⁾ Тамъ же, стр. 232.

²⁾ Дука, стр. 232 и слѣд. По свидѣтельству Лаоника Халковондила (с. 376), Магометъ II, по условію этого мира, уступилъ, или, лучше сказать, возвратилъ Византіи приморскій берегъ Азіи.

³⁾ См. подробности Bullialdi Notae, стр. 607. Тогдашнихъ 120 аспровъ серебра равнялось одному Испанскому піастру, и такъ 300000 аспровъ = 2500 піастровъ, что составляетъ, считая Испанскій піастръ въ 1 р. 33 к. с., 3,325 р. с. на наши деньги. Если же цѣнность монеты до открытія Америки превышала современную въ четыре раза, то дань Магомета II Византіи равнялась слишкомъ 13000 р. с.

IX.

Магометъ II, считая себя совершенно обезпеченнымъ на западѣ, обратилъ все свое вниманіе на востокъ, гдѣ продолжалъ по прежнему буйствовать Караманъ, и немедленно переправился въ Азію для войны съ нимъ. ¹⁾ Эта война заняла собою окончаніе 1451 и начало 1452 года. Караманъ, тѣснимый оружіемъ Магомета, принужденъ былъ удалиться въ горы, и не видя и тамъ для себя спасенія, отправилъ къ Магомету пословъ съ просьбою о мирѣ. Магометъ далекъ былъ отъ мира: ему предстояла возможность разъ на всегда уничтожить своего врага. При всемъ томъ однако, сверхъ всякаго чаянія самихъ пословъ, Магометъ согласился на миръ; вскорѣ объяснилась и причина такого миролюбія. Мы уже говорили выше подробно о той перемѣнѣ, которая произошла въ Византіи во время двухлѣтняго отсутствія Франціи; подъ влияніемъ ожившей Латинской партіи, среди придворныхъ интригъ, Константинъ измѣнилъ своему благоразумію и вступилъ въ сношенія съ Западомъ. Прибытіе Исидора Московскаго было уже окончательнымъ результатомъ этихъ сношеній. Перевѣсъ Латинской партіи, породивъ, внутри самой Византіи, народныя смятенія и борьбу Уніатовъ съ Православными, повлекъ за собою и измѣненіе отношеній ея къ Оттоманской Портѣ. Латинцы, не терпя изъ виду завоеванія имперіи, опасались Турокъ болѣе самой Византіи; Турки стояли имъ на дорогѣ къ достиженію цѣли. Вотъ потому-то Латинская партія и внушила Константину несчастную мысль, въ противность только что заключенному договору, воспользоваться войною Магомета II съ Караманомъ. Въ это же самое время, съ прибытіемъ Латинцевъ въ Константинополь, государь Византійскій вѣнчался императорскою короной; это произошло въ первой половинѣ 1452 года. По случаю своей коронаціи, Константинъ отправилъ пословъ въ Азію къ Магомету II съ двумя порученіями: ²⁾ во-первыхъ, съ изъ-

¹⁾ Дюка, стр. 233.

²⁾ Дюка, стр. 234.

вѣщеніемъ о принятіи имъ императорскаго титула, и во-вторыхъ, съ жалобой на неточный платежъ дани, обѣщанной по договору, на содержаніе Урхана. Мы ¹⁾ увидимъ, что это послѣднее обвиненіе было невкусно придуманнымъ предлогомъ, и что потому послы предъявили на дѣлѣ совершенно иныя требованія: они хотѣли во что бы то ни стало принудить Магомета къ войнѣ.

Когда Магометъ II узналъ о прибытіи Византійскихъ пословъ въ его лагерь, ему, кажется, было уже извѣстно въ точности содержаніе депешъ. По крайней мѣрѣ онъ приказалъ Галиль-Пашѣ, извѣстному своею привязанностью къ Грекамъ, выслушать грамоты пословъ. Послы объявили Галилю весьма откровенно свои настоящіе намѣренія: ²⁾ «Урханъ, говорили они, имѣетъ много приверженцевъ; онъ достигъ уже совершеннѣйшаго и вмѣстѣ съ вашимъ Магометомъ происходитъ отъ Османа; къ нему съ каждымъ днемъ стекаются отвсюду и привѣтствуютъ его своимъ господиномъ; а для награжденія своихъ друзей Урханъ не имѣетъ ничего и требуетъ денегъ у императора. Константинъ не можетъ удовлетворить его желаній, потому что и самъ не имѣетъ денегъ; потому выбирайте одно изъ двухъ, заключили послы: *или вы должны намъ платить двойную дань, или мы выпустимъ Урхана.*» О неисправности платежа установленной дани не было и помину, да и не могло быть, какъ то мы увидимъ ниже; требованіе пословъ, если выразить его короче, состояло въ томъ, чтобы Магометъ II увеличилъ содержаніе своего соперника для жалованья его же приверженцамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такое требованіе было внушено Латинцами, подъ вліяніемъ которыхъ въ то время находилась Византія; а еще менѣе можно сомнѣваться въ томъ, что это требованіе должно было погубить Византію.

Галиль-Паша, котораго не даромъ дальновидный Магометъ назначилъ для приѣма пословъ, не смотря на свою дружбу съ Греками, не смотря на жалованье, которое онъ получалъ отъ нихъ, съ ужасомъ и негодованіемъ восклик-

¹⁾ См. выше гл. X.

²⁾ Дуна, стр. 235.

нулъ: ¹⁾ «безумные Греки, я вижу вашу хитрость и понимаю ее. Откажитесь отъ вашихъ намѣреній, пока не поздно. Покойный султанъ былъ кроткаго и миролюбиваго характера; а этого вы еще, видно, не знаете. Если и теперь Византія уйдетъ отъ его рукъ, то я и тогда скажу, что, вѣрно, Богу угодно отложить на другое время наказаніе за ваше вѣроломство. Глупцы! еще двухъ дней не прошло, какъ вы клялись свято соблюдать договоры; еще чернила не успѣли засохнуть на вашемъ трактатѣ, а вотъ уже вы прошли всю Анатолію, и явились во Фригію, думая испугать насъ мечтами своего воображенія. Но мы вѣдь не дѣти, лишеныя сознанія и силы. Если вы можете сдѣлать что нибудь противъ насъ, дѣлайте! но знайте, что вамъ не будетъ удачи, и вмѣсто возвращенія потеряннаго, вы потеряете и то, что у васъ еще оставалось.» Къ несчастію, послы не приняли благоразумнаго совѣта и настаивали на своемъ, такъ что Галиль-Паша, при всей своей привязанности къ Грекамъ, долженъ былъ съ точностью довести о всемъ султану.

Магометъ II, выслушавъ отчетъ Галиля, закипѣлъ гнѣвомъ; ему уже представлялось, говорить ²⁾ Дука, какъ Византія призываютъ Латинцевъ, какъ они выпускаютъ Урхана; но онъ затаилъ свою досаду и немедленно приказалъ позвать къ себѣ пословъ Карамана. Сначала онъ говорилъ имъ строго, чтобы они не сочли его уступчивость слабостью, и потомъ, какъ бы смягчившись, даровалъ имъ миръ. Вслѣдъ за тѣмъ султанъ пожелалъ видѣть императорскихъ пословъ, и когда они явились къ нему, онъ отвѣчалъ имъ съ необыкновенною кротостью: ³⁾ «я скоро возвращусь въ Адрианополь; тамъ вы представьте мнѣ снова все, что угодно требовать отъ меня Его Величеству; я съ своей стороны готовъ удовлетворить ваши требованія.» Съ этими словами отпустилъ пословъ обратно.

¹⁾ Тамъ же, стр. 233 и слѣд.

²⁾ Дука, стр. 236.

³⁾ Тамъ же, стр. 237.

Вотъ наконецъ мы видимъ, что привело Магомета къ стѣнамъ Византіи; вотъ что было вторымъ результатомъ сношенія Константина съ Латинцами. До того времени Византія два года наслаждалась совершеннымъ внутреннимъ спокойствіемъ, и извнѣ господствовалъ миръ. Какъ только что Латинцы появились въ Константинополѣ, въ стѣнахъ его начали разыгрываться страшныя народныя сцены; а ко всему этому и извнѣ надобно было ожидать войны съ Турками, и войны послѣдней, на смерть. Но не будемъ строги, осуждая эту ошибку Константина; его жалоба *) Францу, въ концѣ 1452 года, ясно показываетъ, что онъ уже и самъ понималъ безнадежность своего положенія. Это былъ государь, достойный лучшаго трона и лучшихъ временъ. Любитъ то, что ему надлежало ненавидѣть, и ненавидѣть то, къ чему привязывали его обстоятельства — вотъ было назначеніе всей его жизни. Геройская смерть Константина скорѣе заставитъ уронить слезу участія, нежели вынудитъ горькій упрекъ за ошибку, въ которую вовлекли его невольню.

Съ другой стороны и Магометъ II, уязвленный до глубины души, хорошо понималъ, откуда былъ направленъ ударъ на него; онъ видѣлъ, что Греки въ этомъ дѣлѣ служатъ орудіемъ политики настоящихъ его враговъ — Латинцевъ. При его ясномъ взглядѣ на вещи нельзя было не понять, что дѣло идетъ вовсе не о независимости Византіи; что эта независимость есть одно громкое слово, маска, которою Латинцы прикрываютъ свои истинныя намѣренія. Магометъ II увидѣлъ, что вопросъ состоитъ не въ томъ: быть или не быть Византіи независимою? другое занимало Латинцевъ: кто долженъ владѣть Константинополемъ? они или Турки? а при такомъ вопросѣ Магометъ II хотѣлъ рѣшить его въ свою пользу. Его опытность и примѣръ прошедшаго убѣдили, что при миролюбивой и строгой честности Мурата II, кознямъ Латинцевъ не будетъ конца, что они вѣчно будутъ хлопотать о независимости Византіи, пока не овладѣютъ ею сами, и въ личныя защитниковъ Греческой независимости останутся претендентами

*) См. выше гл. III.

на овладѣніе Византіи. Магометъ II созналъ, что Латинцы ищутъ господства на востокъ, и слѣдовательно стремятся вмѣстѣ съ нимъ къ одной и той же цѣли, и потому рѣшился предупредить ихъ. Вотъ отъ того-то Магомету и не спалось съ тѣхъ поръ по цѣлымъ ночамъ, и онъ только и думалъ о томъ, какимъ бы образомъ достигнуть вѣрнѣе цѣли своей.

Но обратимся къ разсказу.

Х.

По возвращеніи изъ Азіи въ Адрианополь, Магометъ II не считалъ нужнымъ скрывать свое неудовольствіе, и немедленно *) послалъ въ Стримонскую область запрещеніе собирать дань для Византіи, а сборщиковъ, уже получившихъ дань за одинъ годъ, приказалъ выгнать. Но Магометъ II былъ еще далекъ отъ мысли о войнѣ съ Греками; онъ ненавидѣлъ однихъ Латинцевъ, и потому на первый разъ ограничился составленіемъ плана о лишеніи ихъ возможности являться въ Константинополь. До того времени сношенія Запада съ Константинополемъ происходило только моремъ по Босфору; съ суши нельзя было Латинцамъ проникнуть иначе, какъ чрезъ Турекію владѣнія. При такомъ положеніи дѣлъ, Магомету II слѣдовало только выстроить на берегу пролива съ обѣихъ его сторонъ крѣпости и не пропускать Латинскіе корабли въ Константинополь. На Азіятскомъ берегу Босфора такая крѣпость была уже построена его дѣдомъ, Магометомъ I; Магометъ II рѣшился противъ нея выстроить такую же на Европейскомъ берегу. Съ этою цѣлью онъ приказалъ со всего государства собрать плотниковъ, кузнецовъ и другихъ мастеровъ; приказано было заранѣе приготовить и всѣ нужные матеріалы, камни, дерево, известь и проч. Греки съ ужасомъ смотрѣли на всѣ эти приготовленія и отправили пословъ въ Адрианополь уже не съ

*) Дука, стр. 237.

цѣлью требовать двойной дани, но напротивъ того съ предложениемъ дани отъ себя. ¹⁾ «Твой дѣдъ, Магометъ I, говорилъ Султану послы, когда хотѣлъ востроить крѣпость на Азіатскомъ берегу, то просилъ на то дозволенія у Мануила II, и построилъ только съ его позволенія; а ты хочешь запретить Черное море и не пускать къ намъ Франковъ. Умоляемъ тебя, оставь твоё намѣреніе; мы сохранимъ съ тобою дружбу и заплатимъ тебѣ дань, какую пожелаешь.» Въ этихъ словахъ ясно обнаруживается все участіе, которое должны были принимать Латинцы въ послѣднемъ измѣненіи политики Византіи: послы не жалуются на притѣсненіе Турками Грековъ, но заботятся только о томъ, чтобы не были прерваны ихъ сношенія съ Франками. Съ другой стороны и отвѣтъ Магомета, какъ по Турецкимъ источникамъ, такъ и по Византійскимъ, обнаруживаетъ что и Турки не имѣли ничего противъ Византіи, но опасались однихъ Латинцевъ. Турецкій историкъ говоритъ, что ²⁾ «Магометъ II, по совѣту Галиля, послалъ нарочнаго къ императору просить позволенія выстроить крѣпость на берегу Европейскомъ. Константинъ, не смѣя противорѣчить желаніямъ султана, отвѣчалъ: мѣсто, которое желаетъ получить Шахъ, составляетъ часть владѣній Галаты, предмѣстья, находящагося въ рукахъ Франковъ; такимъ образомъ, продолжалъ императоръ, я не могу, не разсорившись съ ними, располагать тѣмъ мѣстомъ безъ ихъ согласія; а потому полагаю, что шахъ не можетъ сдѣлать ничего лучше, какъ отказаться отъ своего предпріятія. На это Магометъ отвѣчалъ: я хотѣлъ имѣть дозволеніе только вашего государя; но если это мѣсто принадлежитъ Франкамъ, то я не буду болѣе отлагать своего намѣренія; и отдалъ приказъ начать работу.»

Византійскій историкъ приводитъ этотъ отвѣтъ въ другой формѣ, изъ которой яснѣе видно, чего боялся Магометъ и для чего онъ думалъ строить эту крѣпость: ³⁾ «я не трону

¹⁾ Дукъ, стр. 238.

²⁾ Коджіа-ефенди, стр. 454.

³⁾ Дукъ, стр. 239 и слѣд.

вашего государства, говорилъ онъ, владѣнія котораго ограничиваются теперь одници городскими стѣнами; что же касается до крѣпости, которую я думаю строить, то вамъ императоръ мнѣ не можетъ запретить того: это мѣсто принадлежитъ мнѣ. Развѣ вы забыли, продолжалъ султанъ, въ какомъ печальномъ положеніи находился мой отецъ, Муратъ II, когда вамъ императоръ (Иоаннъ VI) заключилъ союзъ съ Венграми? Венгры напали на насъ съ суди, а Латины заняли Геллеспонтъ и не пускали отца мнѣ Азіи. Онъ поднялся выше, къ укрѣпленію, построенному моимъ дѣдомъ, и переправился на небольшихъ судахъ. Я былъ въ то время еще ребенкомъ и жилъ въ Адрианополѣ, когда Венгры напали на Варну; отецъ мой далъ послѣ того клятву построить на Европейскомъ берегу другую крѣпость. Онъ не имѣлъ на то времени, и я исполняю только его обѣтъ. Отчего же вы мнѣ это запрещаете? развѣ я не могу въ своихъ владѣніяхъ дѣлать то, что хочу? Идите и скажите вашему императору, что нынѣшній султанъ не похожъ на бывшаго, что онъ совершитъ то, чего не могли другіе, и что онъ хочетъ того, чего не хотѣли другіе. Я прикажу, заключилъ Магометъ, снять съ того съ живаго кожу, кто осмѣлится придти ко мнѣ съ посольствомъ по тому же самому предмету.»

Когда этотъ отвѣтъ пришелъ въ Константинополь, всѣ были поражены ужасомъ: *) «вотъ кому суждено завоевать и опустошить нашъ городъ! онъ поработитъ всѣхъ, ногами потопчетъ святыню, сравняетъ наши храмы съ землею, и по дорогамъ раскидаетъ святыя останки! горе намъ!» Но этотъ крикъ не былъ всеобщимъ: еще до начала послѣдней осады Византіи, Православные, тѣснимые Латинами, смотрѣли на храмъ Святой Софіи, гдѣ служилась католическая обѣдня, не какъ на святыню, но какъ на Еврейскую синагогу, или какъ на храмъ Аполлона. Въ Константинополѣ уже не было единоудія, и многіе предпочитали господство Турокъ Пализму.

*) Дука, стр. 241.

Пока Византійцы оставались въ такомъ недоумѣніи, Магометъ II ¹⁾ приказалъ отправиться на берега Пропонтиды и въ нѣсколькихъ верстахъ отъ столицы имперіи заложилъ предполагаемую крѣпость 26 Марта 1452 года. На покатоми берегу, близъ древней Фонеи, противъ Азіятской крѣпости, въ видѣ треугольника, возникъ въ теченіи какихъ нибудь четырехъ мѣсяцевъ ²⁾ Багазь-Кессень. Острый уголъ крѣпости былъ обращенъ къ морю, а основаніе этого треугольника — къ сушѣ. На каждомъ углу возвышалась огромная башня, обставленная пушками. Когда главная башня, обращенная къ морю, была готова, ³⁾ Магометъ II приказалъ собирать со всѣхъ проходящихъ судовъ дань, безъ различія и съ христіанскихъ и съ мусульманскихъ; если же кто ослушается, то стрѣлять. Вскорѣ сдѣланъ былъ и опытъ надъ однимъ Венеціанскимъ кораблемъ, который не хотѣлъ заплатить пошлины: отъ перваго выстрѣла онъ пошелъ ко дну. Во время построенія этой крѣпости, Греки дѣлали нѣсколько разъ вылазку въ намѣреніи воспрепятствовать этой работѣ; но ихъ небольшіе отряды были разбиваемы по частямъ, и въ Августѣ крѣпость была готова. Узнавъ объ этомъ, Константинъ приказалъ запереть городъ и еще разъ отправилъ къ султану пословъ: ⁴⁾ «такъ какъ ты желаешь болѣе войны, нежели мира, писалъ Константинъ, и я не могу тебя успокоить ни клятвами, ни повиновеніемъ, то пусть будетъ по твоему. Теперь я прибѣгаю къ Богу. Если и Онъ опредѣлитъ и предназначилъ предать мой городъ тебѣ, то кто можетъ тогда противорѣчить или противостоять. Если же Онъ внушитъ тебѣ миролюбивыя намѣренія, то я буду тому радъ. Я освобождаю тебя отъ всѣхъ договоровъ и клятвъ, и, запершись въ стѣнахъ города, буду защищать своихъ подданныхъ до послѣдней капли крови. Царствуй счастливо, пока Праведный Судья не призоветъ насъ обоихъ на судъ!» Съ этой минуты Константинъ

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ У Грековъ крѣпость называлась Пасхусівъ; у Митто, въ *Bibl. des Croisades*, т. III, Турецкое названіе ея переведено: *qui coupe le détroit, a Royou*, т. IV, стр. 411, переводитъ *coupe-tête*, головоуружь.

³⁾ Дука, стр. 248.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 243.

совершенно преобразился: въ его словахъ слышится отчаяніе человѣка, обманутаго въ своихъ надеждахъ. Мы увидимъ, какъ поступили съ нимъ Латины, которые и возбудили всю эту войну. Вотъ потому онъ и не упоминаетъ Латинцевъ, и въ своемъ письмѣ къ Магомету говорить только одно: я прибѣгаю къ Богу!»

На это письмо султанъ отвѣтилъ торжественнымъ ¹⁾ объявленіемъ войны, и, оставивъ гарнизонъ для охраненія Багазь-Кессенъ, въ концѣ августа 1452 г., возвратился въ Адрианополь. Напрасно Галиль-Паша старался склонить Магомеда II опять къ миру; но онъ ему на все это отвѣчалъ: ²⁾ «теперь уже близка зима; пусть она пройдетъ; а весною мы увидимъ, что дѣлать.» Мы видѣли, что Магомету удалось наконецъ склонить, по крайней мѣрѣ по наружности, и Галиля на свою сторону.

Вся зима прошла въ приготовленіяхъ съ обѣихъ сторонъ; и въ февралѣ 1453 года, какъ было уже нами рассказано выше, Магометъ II подвинулъ артиллерію къ стѣнамъ Византіи; а два мѣсяца спустя, 2 апрѣля, и все Турецкое войско обложило столицу имперіи. Мы хотѣли посмотрѣть, что въ то время происходило внутри стѣнъ осажденнаго города, и теперь уже намъ все это извѣстно: едва ли что можетъ сравниться съ положеніемъ Византіи, защищаемой 5000 гарнизона противъ 258000 войска, тѣмъ болѣе, что и эта горсть людей не была уже воодушевлена одною мыслью: Уніаты и ихъ друзья Латинцы громко порицали Православныхъ и патриотовъ, говоря, что наконецъ небесное правосудіе накажетъ ихъ за ересь; а эти въ отвѣтъ говорили: ³⁾ кого Богъ любить, того и наказуетъ», и не хотѣли сопротивляться своей судьбѣ. Ненависть ихъ къ Уніатамъ была такъ велика, что, по выраженію Дуки, ⁴⁾ «если бы самъ ангелъ слетѣлъ съ неба и сказалъ:

¹⁾ Тамъ же, стр. 246.

²⁾ Кодж.-еф., стр. 453.

³⁾ Франца, стр. 314.: καὶ πάντα γὰρ ὃν ἀγαπᾷ κύριος καὶ δεύει, μαστιγῆται δὲ ὑἱὸν ὃν παραδέχεται.

⁴⁾ Дука, стр. 209: καὶ γὰρ ἐν τῷ αὐτῷ περιστάσει εἰ ἄγγελος λατῆρχετο ἀπ' οὐρανοῦ ἐρωτᾷν ὑμᾶς καὶ δεχέσθε τὴν ἐνωσιν καὶ τὴν εἰρημικὴν καταστάσιν τῆς ἐκκλησίας, διώξω τοὺς ἐχθροὺς ἐκ τῆς πόλεως, οὐκ ἂν συνετίθεσθε.

я выгону Турокъ, но вы согласитесь на соединеніе Церквей (т. е. на подчиненіе Латинцамъ, сказали бы мы), то они и тогда бы не согласились.»

Не смотря однако на все это огромное неравенство силъ, не смотря на враждебное настроеніе умовъ этой горсти защитниковъ Византіи, она отстаивала свою независимость слишкомъ восемь недѣль, и, какъ пораженный левъ, была опасна противнику и своими послѣдними предсмертными содроганіями.

Но возвратимся въ давно уже оставленный нами лагерь Магомета II.

• СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Укрѣпленія Византіи и расположеніе Турецкихъ силъ. — Составъ Византійскаго гарнизона. — Бомбардированіе города и морская битва. — Стратегема Магомета II. — Соганъ-Паша и Галиль-Паша. — Приготовленія Турокъ къ штурму. — Послѣдняя ночь Византіи. — Начало штурма, и Юстиніанъ Длинный. — Востіе города, и смерть Константина XI. — Въѣздъ Магомета II въ Византію. — Судъ надъ Дукою Нотарою. — Избраніе патріарха, и первые отношенія Грековъ къ побѣдителямъ.

ХІ.

Турецкія войска обложили Византію въ одно и то же время и съ суши и съ моря; но расположеніе ихъ и дальнѣйшій ходъ самыхъ осадныхъ дѣйствій представится намъ несравненно нагляднѣе, если мы предварительно познакоимся съ внѣшнимъ очертаніемъ самаго города и его главнѣйшими укрѣпленіями. *) Нынѣшній Константинополь, по своимъ предѣламъ и внѣшнему положенію, мало отличается отъ прежней Византіи

*) Jos. v. Hammer: Constantinopolls und der Bosphores örtl. und geschichtl. besch. Pesth. 1822. т. I, стр. 61.

и городская черта почти осталась неподвижною со времени самой осады, исключая развѣ Галату, населенную по большей части христіанами, и, на сѣверъ отъ нея, Перу, мѣстопробываніе дипломатическаго корпуса.

*) Византія, какъ и нынѣшній Константинополь, занимала тупой уголь, образуемый Босфоромъ и Мраморнымъ моремъ. Золотой Рогъ разрѣзываетъ этотъ уголь на двѣ части: на собственный городъ, между моремъ и Рогомъ, и на предмѣстье Галату, между Рогомъ и проливомъ; послѣдняя была населена, со времени господства Палеологовъ, исключительно Генуезскими колонистами, и имѣла потому независимое, самостоятельное управленіе. Собственный городъ, расположенный на мысѣ, отдѣлялся отъ прочаго материка полукруглою стѣною, и представлялъ такимъ образомъ собою треугольникъ. На каждомъ изъ трехъ его угловъ находилось укрѣпленіе, цитадель: на оконечности мыса, смотрѣлъ въ море *Акрополь*, т. е. Кремль, извѣстный также подъ именемъ Мегадеметріона, по находившемуся въ немъ замку св. Димитрія; это было мѣсто древней языческой, Еллинской Византіи, гдѣ жилъ и Константинъ Великій, основатель Византіи христіанской; нынѣ на этомъ мѣстѣ помѣщаются зданія Серая. Далѣе, уголь, образуемый стѣною и Золотымъ Рогомъ, представлялъ второе укрѣпленіе, *Влахерна*; тамъ жили преимущественно послѣдніе императоры, и тамъ же потому былъ главный дворецъ Константина XI. Наконецъ, уголь стѣны и Мраморнаго моря представлялъ третье укрѣпленіе, *Анемась* или *Циклобюмъ*, нынѣ *Jedi Kulleler*, т. е. Семибашенный замокъ; у Грековъ онъ назывался также *Пентапиріонъ*, Пятибашенный замокъ.

Стѣны, окружавшія городъ со стороны материка, имѣли въ себѣ семеро воровъ: въ центрѣ ихъ находились *Романовскія* ворота, нынѣ *Тор-Каруссі*, т. е. Пушкарныя; такъ они были на-

¹⁾ См. въ концѣ «Планъ Византіи и осады ея Турками въ 1453 году.» При составленіи его мы руководились, кромѣ вышеуказаннаго сочиненія Гаммера, сочиненіемъ Du Cange: Constantinopolis Christiana. Lut. 1682; и переводомъ съ Англійскаго André Morellet: Constantinople ancienne et moderne, et description des côtes et îles de l'Archipel et de la Troade. Par. 1799. Имѣя въ виду специальную цѣль объяснить текстъ своего изслѣдованія, мы указали на нашемъ планѣ только тѣ мѣстности, которыя встрѣчаются въ самомъ текстѣ.

званы Турками, потому что противъ нихъ была сосредоточена главная часть Турецкой артиллеріи, во время осады города, и тамъ же была поставлена чудовищная пушка Урбана. Между Романовскими воротами и Золотымъ Рогомъ по порядку находились слѣдующіе ворота: 1) *Полиандровы* или *Миріандровы*, чрезъ которыя шла дорога въ Адріанополь, и потому Турки называли ихъ *Edrene-Karussi*, Адріановскіе ворота; 2) *Харсійскія*, получившіе названіе отъ своего строителя, ¹⁾ Харсія; нѣкоторые ²⁾ писатели называютъ ихъ *Калигарійскими*; нынѣ они извѣстны подъ именемъ *Egri-Karussi*, т. е. Кривые ворота; 3) ³⁾ *Ксилопорта*, т. е. Деревянные ворота, нынѣ *Naivan-Hissari*, т. е. Звѣриныя; такъ они названы были по находившемуся вблизи ихъ Кинегіону, т. е. звѣринцу. Съ другой стороны, между Романовскими воротами и Мраморнымъ моремъ было двое воротъ: 1) *Царскія* ворота, чрезъ которые шла дорога въ Селимбрію, почему Турки и называли ихъ *Selivgi-Karussi*, Селимбрскія ворота; и 2) *Золотыя* ворота, *Ogaia*, нынѣ заваленныя, какъ рассказываютъ, въ слѣдствіе народнаго преданія, по которому этими воротами должны войти христіане для освобожденія Византіи и изгнанія Турокъ изъ Европы. Подобныя же ворота имѣли и внутреннія укрѣпленія двухъ береговъ: на сторонѣ Мраморнаго моря было 7 воротъ, а на сторонѣ Золотаго Рога — 14 воротъ; такъ что Византія на всей своей окружности имѣла 28 воротъ.

При такомъ расположеніи осажденнаго города, Магометъ II могъ подступитъ къ нему, съ суши, только съ одной его стороны, которая была опоясана стѣною. Центръ Турецкаго лагеря, гдѣ находилась ставка Магомета II, расположился ⁴⁾ противъ Романовскихъ воротъ; тамъ же поставлена была, какъ мы за-

¹⁾ Леукилав., гл. 200.

²⁾ Леонардъ Хюсск.

³⁾ У Леукилав. они называются *Xylokerkon*.

⁴⁾ Франца, стр. 237. Но Дука помѣщаетъ палатку Магомета II у Харсійскихъ воротъ (стр. 263); вѣроятно, это есть одно его предположеніе, основанное на томъ, что близь Харсійскихъ воротъ Турии проникли въ городъ во время послѣдняго штурма. Урбановская пушка, сообщившая свое названіе Романовскимъ воротамъ, не оставляетъ сомнѣнія, что эти ворота составляли главный пунктъ.

иѣтили выше, и большая часть орудій, въ томъ числѣ и пушка Урбана. Остальные орудія были разставлены вдоль всей длины стѣны и ¹⁾ образовали собою 14 баттарей. Отъ ставки Магомета II до Золотаго Рога или до Деревянныхъ воротъ и м. Космидія простиралось лѣвое крыло Турецкой арміи; а на югъ до Мраморнаго моря и Золотыхъ воротъ — правое крыло. Кромѣ того, около укрѣпленій Галаты ²⁾ расположился отдѣльный отрядъ Турокъ, подъ начальствомъ пашы, родственника султана. Впрочемъ жители Галаты, еще до прибытія Турецкой арміи, ³⁾ отправили посольство въ Адрианополь съ обѣщаніемъ сохранить миръ; султанъ предложилъ имъ только не помогать Грекамъ, на что они и согласились. Хотя Дука и рассказываетъ, что Галатяне, не смотря на то, тайно помогали Византіи, но ⁴⁾ факты, какъ мы увидимъ, говорятъ совершенно противное. Правда, они опасались, что Магометъ II, по завоеваніи Византіи, можетъ сдѣлать нападеніе и на нихъ, и потому, въ видахъ собственной пользы, ⁵⁾ просили на всякій случай помощи у Генуезцевъ, и Генуезскій сенатъ имъ отвѣтилъ, что уже давно посланъ корабль съ 500 человекъ десанта для защиты ихъ колоній. Вотъ потому-то, вѣроятно, Турки, не смотря на дружбу съ Галатянами, поставили въ виду ихъ стѣны обсервационный корпусъ. ⁶⁾ Въ тотъ же самый день, когда прибыло сухопутное войско, у береговъ Мраморнаго моря, противъ Акрополя, показалась Турецкая эскадра (№ 1), состоявшая изъ 30 линейныхъ кораблей (τριήρεις) и 130 различныхъ судовъ. ⁷⁾ Двѣ недѣли спустя, около 15 апрѣля, подошла и другая эскадра (№ 2), изъ Чернаго моря, отъ Никомидіи, и отъ береговъ Азии, которая расположилась противъ Галаты; она состояла изъ 320 вымпеловъ, въ томъ числѣ линейныхъ кораблей было 18, фрегатовъ (διήρεις) 48, а остальные — каботажные суда (πλοῖα), съ боль-

1) Франца, стр. 239.

2) Тамъ же, стр. 237. Лаоникъ (стр. 383) называетъ пашу Соганомъ.

3) Дука, стр. 267.

4) См. ниже гл. XV.

5) Дука, стр. 265.

6) Франца, стр. 237.

7) Тамъ же, стр. 239.

шимъ десантомъ и военнымъ грузомъ. ¹⁾ На смотрѣ флота султанъ нашелъ, что вся его морская сила подѣ Византию простирается до 420 кораблей и прочихъ судовъ.

Далеко не такими средствами обладали Греки для обороны своего города отъ многочисленной арміи Турокъ и ихъ громаднаго флота.

ХИИ.

Константинъ XI, ²⁾ имѣя подѣ ружьемъ гарнизона 4973 человекъ, не надѣялся и не могъ надѣяться на успѣхъ въ борьбѣ съ такимъ могущественнымъ непріателемъ. Еще до начала осады, онъ пытался искать помощи у западной Европы; и пожертвованія, сдѣланныя имъ въ пользу католичества, и послѣдняя унія 12 декабря, казалось, давали ему полное на то право. Однако и на этотъ разъ Византийскій императоръ былъ обманутъ подобно своимъ предшественникамъ. Самъ Исидоръ Московскій, виновникъ уніи, преслѣдовалъ одиѣ личныя цѣли; онъ ³⁾ думалъ получить санъ патріарха; но, увидя, какъ выражается ⁴⁾ Дука, коварство и обманъ Грековъ, охладѣлъ къ главному дѣлу и не заботился о спасеніи Византии. Близжайшіе сосѣди, Галатскіе Генуезцы, поступили не менѣ коварно: они ⁵⁾ объявили себя нейтральными, а во время осады даже тайно помогали Туркамъ. Другіе сосѣди, ⁶⁾ Сербы, по желанію султана, содѣйствовали къ поддержанію мира его съ Венграми, какъ будто бы, прибавляетъ Франца, «они, несчастные, не знали, что если отрублена голова, то и прочіе члены лишаются жизни.» Многіе однако ⁷⁾ обвиняли Константина XI въ томъ, что

¹⁾ Тамъ же, стр. 240. Лаоникъ (стр. 384) считаетъ только 230 кораблей, и въ томъ числѣ большихъ 30.

²⁾ См. выше гл. II.

³⁾ Франца, стр. 325.

⁴⁾ Дука, стр. 253.

⁵⁾ См. выше гл. XI.

⁶⁾ Франца, стр. 323.

⁷⁾ Многіе и новѣйшіе писатели повторяютъ это обвиненіе; напр. Митто: *si l'histoire accuse l'indifference des peuples de l'Occident, que ne doit-elle pas dire de celle des Grecs pour leur propre défense etc. Hist. d. Crois., t. V, стр. 318.*

онъ самъ мало заботился о заключеніи союза съ отдаленными западными государствами; по крайней мѣрѣ, Франтца, какъ бы въ оправданіе императора, ¹⁾ говоритъ, что многіе факты остаются пока неизвѣстными никому, кромѣ его и Іоанна Кантакузена, и вслѣдъ за тѣмъ приводитъ въ доказательство нѣсколько событій, изъ которыхъ видно, что Константинъ XI употреблялъ всѣ мѣры для спасенія своего государства. Но западные христіане торговались съ Византіей о цѣнѣ ея избавленія, и запросы ихъ были таковы, что, въ случаѣ побѣды надъ Турками, Византію ожидало раздробленіе между государствами западной Европы. Самъ рыцарскій Гунніадъ Венгерскій ²⁾ просилъ впередъ за помощь противъ Турокъ уступки Салимбріи или Месамбріи, и Франтца собственноручно написалъ ему золотую буллу (граммату), которою уступалась Венграмъ Месамбрія. И не смотря на то, во время осады Византіи, ³⁾ Венгры ограничились отправленіемъ посольства въ лагерь Магомета II, и притомъ по совершенно постороннему дѣлу; а Венгерскій посолъ, въ противность всѣмъ народнымъ правамъ, помогалъ Туркамъ во время осады, такъ что, только благодаря совѣтамъ его, удалось Туркамъ сдѣлать первый проломъ въ стѣнахъ Византіи. ⁴⁾ Венеціанскій сенатъ рѣшительно отказался помогать Константину XI, по злобѣ на него дожа Франциска Фоскари за отказъ соединиться бракомъ съ его дочерью. Предвидя опасность, Константинъ, еще до начала осады, ⁵⁾ хотѣлъ отправить тайное посольство къ братьямъ въ Пелопоннесъ, а оттуда въ западную Европу, съ просьбою о помощи. Исполненіе этого порученія было ⁶⁾ возложено на Франтцу, котораго императоръ впередъ пожаловалъ великимъ логофетомъ, чтобы придать ему болѣе вѣсу при иностранныхъ дворахъ; но интриги придворныхъ и зависть замедлили отъѣздъ до того, что въ назначенный для сего день Магометъ уже окружилъ городъ, и выгнать было невозможно.

1) Франтца, стр. 327.

2) Тамъ же.

3) См. ниже, гл. XIII.

4) Франтца, стр. 323.

5) Франтца, стр. 233.

6) Тамъ же, стр. 232.

Францѣ суждено было остаться свидѣтелемъ осады, и ему-то мы обязаны обстоятельнымъ ея описаніемъ. Лишенный такимъ образомъ всякой надежды на официальную помощь Франковъ, Константинъ XI долженъ былъ обратиться къ волонтерамъ и наемникамъ. ¹⁾ Всѣ случившіеся въ то время купеческіе корабли въ гавани были задержаны съ цѣлью употребить ихъ для защиты города и за плату поступили въ службу къ императору; этою мѣрою въ распоряженіе Грековъ достались слѣдующіе корабли: 3 изъ Генуи, 1 изъ Испаніи, изъ Прованса . . . (цифра не разобрана въ манускриптѣ), съ острова Крита 3, изъ города Хандака 1, изъ Кидоніи 1, и 3 большихъ купеческихъ корабля, называемыхъ въ Италіи галеацами, изъ Венеціи. Кромѣ того, изъ Генуи ²⁾ явился наемникомъ Іоаннъ Длинный, по фамиліи Юстиніанъ (Джустиніани), на 2 корабляхъ; онъ привезъ съ собою множество машинъ и другихъ военныхъ снарядовъ; экипажъ его состоялъ изъ опытныхъ воиновъ. Константинъ XI принялъ его съ величайшею радостью, наградилъ впередъ званіемъ ³⁾ демарха (губернатора отдѣльной части города), вручилъ ему начальство надъ 300 воиновъ, и сверхъ того далъ ему ⁴⁾ грамоту на владѣніе островомъ Лемносомъ, въ случаѣ освобожденія Византіи отъ непріятеля. Повятно, что при такихъ обѣщаніяхъ, Юстиніанъ, во время осады, исключая послѣдняго дня, оказалъ чудеса храбрости и игралъ первую роль послѣ императора.

Такова была помощь, которую Византія успѣла пріобрѣсть на свой счетъ; и при всемъ томъ ⁵⁾ число этихъ наемниковъ не достигало 2000, такъ что вмѣстѣ съ ними весь гарнизонъ осажденнаго города состоялъ менѣе нежели изъ 7000 человекъ, а флотъ доходилъ до 15 кораблей.

Если для Магомета было трудно вмѣстить свое многочисленное войско на узкомъ пространствѣ, между Золотымъ Рогомъ и Мраморнымъ моремъ; то съ другой стороны Кон-

¹⁾ Дука, стр. 263; Франца, стр. 238.

²⁾ Дука, стр. 263; Франца, стр. 241.

³⁾ По словамъ Дуки (стр. 266) императоръ далъ ему званіе протостратора, т. е. главнокомандующаго; но послѣдующія событія это опровергаютъ.

⁴⁾ Дука, стр. 266.

⁵⁾ Франца, стр. 240.

стантину XI представлялось иное затрудненіе: растянуть горсть своихъ защитниковъ по линіи стѣнъ всего города, что ¹⁾ составляло въ окружности отъ 50 до 60 верстъ. Самое опасное мѣсто представляла стѣна между Рогомъ и моремъ; потому начальство надъ отрядами по этой линіи было ввѣрено самымъ опытнымъ лицамъ. ²⁾ Въ центрѣ, у Романовскихъ воротъ, на которые была сосредоточена главная сила Турокъ, расположенъ былъ отрядъ *Юстиніана*; на правомъ крылѣ, отъ Романовскихъ воротъ до Полиандровыхъ сражался отрядъ трехъ братьевъ: *Паала*, *Антонія* и *Тромла*; на этомъ пунктѣ Турки нѣсколько разъ врывались въ городъ, но были всегда отражаемы, и подвиги братьевъ, по словамъ Франтцы, заслуживаютъ вѣчной памяти потомства; далѣе, между Полиандровыми и Харсійскими воротами начальствовалъ *Теодоръ Каристійскій* и *Іоаннъ Нѣмецкій*, отличный артиллеристъ; наконецъ, отъ Харсійскихъ воротъ до Деревянныхъ расположенъ былъ отрядъ *Герокима* и *Леонарда Генуезскаго*. На лѣвомъ крылѣ, между Романовскими воротами и Царскими стоялъ *Теодоръ Палеологъ*, отличный математикъ, и оказавшій великую услугу въ послѣдній, рѣшительный моментъ приступа; самый отдаленный пунктъ, между Царскими и Золотыми воротами, былъ занятъ отрядомъ 200 стрѣлковъ, подъ начальствомъ *Мануила Генуезскаго*. Берегъ Золотаго Рога отъ Влахерны до Акрополя былъ защищенъ слѣдующимъ образомъ: сѣверный пунктъ берега занималъ отрядъ, подъ начальствомъ *Исидора*, изгнанника Московскаго и кардинала Польши; далѣе, до Петровскихъ воротъ (н. Petri-Carussi, въ части города, называемой Гапаг) стоялъ великій дука, *Лука Нотара*; за нимъ, до Золотыхъ воротъ (н. Balik-Basar Karussi, в. Рыбнаго рынка) расположены были *Критскіе стрѣлки*; наконецъ, Акрополь защищали отряды подъ начальствомъ Венеціанскаго бальи *Герокима Менота* и Каталонскаго консула *Петра Гульяна*, который стоялъ у Буколеона. Что же касается до берега Мраморнаго моря, то, не подвергаясь нападеніямъ Турокъ, онъ оставался безъ за-

¹⁾ По указанію Франтцы (стр. 238) окружность Византии равнялась 18 миліамъ (μίλια); а по словамъ Леоника (стр. 388) — 111 стадіямъ.

²⁾ Франтца, стр. 252 — 256.

питы. Внутри города, у церкви св. Апостоловъ (нынѣ мечеть Магомета II) стоялъ резервъ изъ 700 человекъ, подъ начальствомъ Димитрія Кантакузѣна и Никифора Палеолога, его зятя, съ тѣмъ, чтобы, находясь на одинаковомъ разстояніи отъ всѣхъ пунктовъ, поспѣвать на помощь всюду, гдѣ непріятель начнетъ одерживать перевѣсъ. ¹⁾ Самъ императоръ, вмѣстѣ съ Франтцею и Францискомъ Толедомъ, потомкомъ Алексѣя Комнена, объѣзжалъ и днемъ и ночью городскія стѣны и берегъ и распоряжался всѣмъ ходомъ дѣйствій. Наконецъ, ²⁾ флотъ Греческій стоялъ въ Золотомъ Рогѣ; онъ былъ защищаемъ желѣзными цѣпями, протянутыми близъ входа съ одного берега на другой, отъ Золотыхъ воротъ въ Галату; при тогдашнемъ состояніи морскаго искусства этой мѣры было достаточно, чтобы не впускать Турецкаго флота внутрь залива. Начальство надъ Греческою эскадрою было ввѣрено одному изъ наемныхъ предводителей, ³⁾ Антонию.

Предъ началомъ осады, на военномъ совѣтѣ, было ⁴⁾ положено держаться, какъ можно строже, оборонительнаго положенія; такъ какъ во время приступовъ всегда приходилось на одного Грека двадцать Турокъ, то для осажденныхъ было выгоднѣе сохранить одного христіанина, нежели убить десять непріятельскихъ воиновъ; и потому положено было не дѣлать вылазокъ; но, находясь въ безопасности, за стѣнами, вредить всѣми мѣрами непріятелю. Для достиженія послѣдней цѣли придуманы были новые приемы; такъ между прочимъ были изобрѣтены пули для пушекъ, величиною съ Гречкій орѣхъ (*Πουτιχά κάρυα*), то, что мы называемъ картечами, и въ зарядъ клали отъ 5 до 10 штукъ; такими пулями въ строю убивали двухъ или трехъ человекъ разомъ, и притомъ каждого отдѣльно.

¹⁾ Это распределеніе Греческаго гарнизона опровергаетъ извѣстіе Дуки (стр. 266) о томъ, что Юстиніанъ былъ главнокомандующимъ; онъ имѣлъ отдѣльный пунктъ, подобно другимъ, а общее распоряженіе принадлежало самому императору.

²⁾ Франтц, стр. 238. Срава. Дук., стр. 238; Лаон., стр. 384.

³⁾ Франтц, стр. 238.

⁴⁾ Дука, стр. 266.

Такимъ образомъ обѣ стороны, каждая по мѣрѣ силъ, приготовились, одна въ оборонѣ, другая къ нападенію. Между тѣмъ начались и самыя осадныя дѣйствія.

ХIII.

На слѣдующій день по прибытіи Турецкой арміи, ¹⁾ приказано было бомбардировать городъ съ суши; и отъ 3 до 15 апрѣля, въ теченіе почти двухъ недѣль, Турки, дѣйствуя съ 14-ти баттарей, не прекращали огня ни днемъ, ни ночью. Нельзя не упомянуть, говоря объ этомъ бомбардированіи, что здѣсь при осадѣ Византіи встрѣчается послѣдній значительный примѣръ совокупнаго дѣйствія древней артиллеріи съ новою: вмѣстѣ съ пушками, изобрѣтеніемъ новой артиллеріи, были употреблены противъ стѣнъ Византіи ²⁾ камнеметательныя машины и тараны, остатки артиллеріи древнихъ. Но результаты дѣйствія осадныхъ орудій далеко не соответствовали усиліямъ Турокъ: было выжжено нѣсколько загородныхъ дворцовъ и виллъ, находившихся близъ стѣнъ; самыя же стѣны нисколько не поколебались. Магометъ II впрочемъ мало обращалъ вниманія на эту неудачу; потому что онъ никакъ не хотѣлъ брать городъ приступомъ, надѣясь, что при малочисленности гарнизона, защитники будутъ утомлены однимъ постояннымъ бодрствованіемъ на стѣнахъ, такъ какъ огонь его артиллеріи не прекращался ни днемъ, ни ночью, и что наконецъ городъ сдастся безъ штурма. Но двухнедѣльное сопротивленіе поколебало его терпѣливость, тѣмъ болѣе, что онъ долженъ былъ испытать самъ большую неудачу: ³⁾ во время бомбардированія, чудовищную пушку Урбана, отъ нечистоты металла, а скорѣе отъ ужаснаго огня, разорвало, не смотря на всѣ предохранительныя мѣры, изобрѣтенныя мастеромъ: ⁴⁾ онъ,

¹⁾ Франца, стр. 238 и 239.

²⁾ ἐκ πετροβόλων, ἐλεφάντων, καὶ ἐλεβοστόμων, μπαλαιστρῶν τε καὶ τοῦτων ἐτέρων μηχανημάτων. Франца, стр. 239.

³⁾ Франца, стр. 239.

⁴⁾ Дука, стр. 273. Замѣчательно, что этотъ писатель не только не упоминаетъ о разрывѣ пушки Урбана, но даже прибавляетъ, что она и теперь (т. е. послѣ уже взятія Византіи) сохраняется для султана.

для предупрежденія взрыва пушки и для скорѣйшаго ея охлажденія придумалъ тотчасъ послѣ выстрѣла вымазывать внутренность ея масломъ. Но что болѣе всего должно было огорчить Магомета — при этомъ взрывѣ былъ убитъ и самъ мастеръ, не говоря о многихъ стоявшихъ близъ него. При такихъ неудачахъ и при стойкости Грековъ, султанъ рѣшился на приступъ и приказалъ усилить огонь на всѣхъ батареяхъ, и ¹⁾ отлить новую пушку, одного размѣра съ пушкою Урбана. Такимъ образомъ бомбардированіе продолжалось и во второй половинѣ апрѣля, пока наконецъ Туркамъ удалось сдѣлать въ нѣсколькихъ мѣстахъ значительный проломъ.

Однако и этотъ разъ Турки были обязаны успѣхомъ не своему искусству. Урбана не было въ живыхъ, а безъ него бомбардированіе пошло еще хуже. Но Туркамъ пособилъ одинъ счастливый для нихъ случай: ²⁾ вскорѣ послѣ начала осады, въ лагерь ихъ прибыло Венгерское посольство отъ Гунніада, который въ этомъ году передалъ верховную власть королю Владиславу, сыну императора Альбрехта, и извѣщалъ о томъ султана. Венгерскій посланникъ однако не ограничился одною своею миссіею; но, вопреки началамъ народнаго права, принялъ личное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ: замѣтивъ неловкость Турецкаго артиллериста, направлявшаго въ его присутствіи выстрѣлы, онъ присовѣтовалъ ему направить пушки такъ, чтобъ онѣ били въ три пункта, на разстояніи 5 или 6 футовъ одинъ отъ другаго, и притомъ такъ, чтобы эти пункты составляли собою треугольникъ. Дука оправдываетъ этотъ поступокъ посла народнымъ преданьемъ, которое утвердилось въ западной Европѣ со времени Турецкихъ войнъ, и которое показываетъ, какъ мало находила тогда Византія сочувствія себѣ на западѣ. Послѣ третьяго пораженія, Гунніадъ, увѣряетъ это преданіе, встрѣтилъ на обратномъ пути вдохновеннаго старца, который на его жалобы отвѣчалъ ему: ³⁾ «знай, мой сынъ, что христіане не успокоятся до тѣхъ поръ, пока не будутъ истреблены

¹⁾ Франца, стр. 239.

²⁾ Дука, стр. 273 и слѣд.

³⁾ Дука, стр. 276.

Греки; Византія должна быть разрушена Турками, и тогда только наставетъ предѣлъ бѣдствіямъ христіанъ.» Желая приблизить этотъ предѣлъ, продолжаетъ Дука, суевѣрный посланникъ далъ совѣтъ Турецкому артиллеристу для скорѣйшаго завоеванія города.

Выстрѣлы, направленные по совѣту Венгерскаго посла, были такъ мѣткі, что башня у Романовскихъ воротъ обвалилась, и въ образовавшійся чрезъ то проломъ осажденные и осаждавшіе увидѣли въ первый разъ другъ друга лицомъ къ лицу. Константинъ, полагая, что все погибло, немедленно ¹⁾ отправилъ пословъ къ Магомету II съ предложеніемъ ежегодной дани, по волѣ султана, съ тѣмъ, чтобы онъ снялъ осаду и возобновилъ миръ. Магометъ II отвѣчалъ: ²⁾ «миръ нельзя отступить: или я овладѣю городомъ, или городъ овладѣетъ мною живымъ или мертвымъ; если ты желаешь уступить мнѣ городъ добровольно, я тебѣ отдамъ Пелопоннезъ, а братья твои получаютъ другія области, и мы останемся друзьями; если же меня не впускаютъ добровольно, то я войду силою, предамъ смерти и тебя, и твоихъ вельможъ, а все прочее предамъ на разграбленіе войску.» Константинъ не принялъ условій, и Турки бросились къ пролому; но чтобы достигнуть его, нужно было прежде спуститься въ глубокій ровъ, выкопанный предъ стѣнами на всемъ ихъ пространствѣ и наполненный водою. Тогда Магометъ даетъ приказъ всему войску засыпать ровъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, набросавъ туда земли, каменьевъ, деревь и всего, что попадетъ подъ руку. ³⁾ Турки занялись этою работою съ такимъ рвеніемъ, что многіе тащили свои палатки и бросали ихъ въ ровъ; нѣкоторые доходили до такого самозабвенія, что схватывали своихъ же товарищей, болѣе слабыхъ, и бросали ихъ туда же; и несчастные тотчасъ были заваливаемы новыми грудами земли и деревьевъ. Цѣлый день трудилось Турецкое войско, засыпая ровъ подъ выстрѣлами непріятельской артиллеріи, и множество

¹⁾ Дука, стр. 276. Ср. Лаон., стр. 390: Магометъ требуетъ 100,000 золотыхъ монетъ.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Франца, стр. 242 и слѣд.

людей погибло. Къ вечеру работа была готова, такъ что на слѣдующій день можно было бы начать приступъ; но какъ велико было изумленіе осаждающихъ, когда утромъ они увидѣли всю свою работу уничтоженной. Греки успѣли ночью вытащить изъ рва и истребить все натасканное Турками, и ровъ представлялъ тѣ же затрудненія, какъ и прежде.

Неудача приступа убѣдила султана еще болѣе, что однимъ бомбардированіемъ, не прибѣгая къ ужасамъ штурма, нельзя взять городъ. Тогда, надѣясь обмануть бдительность осажденныхъ, ¹⁾ онъ задумалъ сдѣлать тайный проходъ подъ землею у Харсійскихъ воротъ, гдѣ стоялъ отрядъ Θεοδωρα Каристійскаго и Ιωάννη Нѣмецкаго. Военныя науки находились въ то время на такой низкой степени, что инженерами для этого дѣла были назначены лица, отличавшіяся вѣрностью глаза (ἀνδρες οἱ δουράμενοι ὀρθῶς ἰδεῖν); по ихъ нагляднымъ соображеніямъ приступали работники къ прорытію подземнаго прохода. Но Ιωάννης Нѣмецкій, узнавъ о замыслѣ Турокъ, подкопалъ мину подъ ихъ работу, и, наполнивъ ее Греческимъ огнемъ (μὲτὰ ὑγροῦ πυρός), взорвалъ на воздухъ, при чемъ погибло множество неприятелей. Турки воспользовались этою хитростью Ιωάννη и также подорвали одну изъ своихъ минъ, которая оставалась неизвѣстною Грекамъ: ничтожная и ветхая башня влетѣла на воздухъ; но Греки задѣлали проломъ и неприятель не получилъ никакой отъ того выгоды. Наконецъ, Магометъ II долженъ былъ и совсѣмъ оставить мысль о тайномъ проходѣ, потому что, какъ оказалось по словамъ тогдашнихъ старожилковъ, большая часть стѣнъ Византіи поставлена на гранитномъ грунтѣ, и слѣдовательно неприятель всегда встрѣтитъ подъ землею еще непроницаемую природную стѣну. И такъ слѣдовало изыскать новыя мѣры къ овладѣнію городомъ: бомбардированіе и мины не приводили къ желаемой цѣли. Тогда султанъ приказалъ построить невиданную до того времени подвижную башню огромнаго размѣра, и, вооруживъ ее, подкатить къ ²⁾ Романовскимъ воротамъ; ровъ былъ вторично засыпанъ, и башня, при-

¹⁾ Франца, стр. 244. Ср. Лаон. стр. 386.

²⁾ Франца, стр. 246.

близившись къ самымъ стѣнамъ, открыла убійственный огонь. Между тѣмъ настала ночь; Турки, какъ и прежде, отступили къ лагерю; командовавшій же отрядомъ у Романовскихъ воротъ, Юстиніанъ, вмѣстѣ съ императоромъ, сдѣлавъ вылазку въ самую полночь, очистилъ ровъ и поджегъ непріятельскую подвижную башню. Рано утромъ, когда ¹⁾ пѣтухъ пропѣлъ въ третій разъ, Турки, въ надеждѣ на свою башню, съ радостными криками возобновили приступъ; но къ ужасу увидѣли вторично, что отъ ихъ работы не осталось и слѣдовъ. Магометъ II пришелъ въ неописанное негодованіе; огорченный новою неудачею, онъ воскликнулъ: ²⁾ «еслибъ 30,000 пророковъ предсказали мнѣ, что невѣрные (т. е. Греки) поспѣютъ сдѣлать все это въ одну ночь, то я и тогда бы не повѣрилъ.»

Таковы были первыя осадныя дѣйствія Турокъ на сухоиъ пути до послѣднихъ чиселъ апрѣля, или до начала мая. Мы увидимъ, что и дѣйствія ихъ на морѣ, въ то же самое время, были не болѣе счастливы.

XIV.

Турецкій флотъ, подобно арміи, не смотря на свое превосходство, не дѣлалъ никакихъ попытокъ, въ теченіе всего апрѣля, къ нападенію на гавани, и ни мало не старался проникнуть въ Золотой Рогъ, огражденный цѣпами. Турки довольствовались блокированіемъ гаваней, имѣя приказаніе никого не впускать въ городъ и не выпускать оттуда. Между тѣмъ, при самомъ началѣ осады, ³⁾ въ первыхъ числахъ апрѣля, появилась близъ города христіанская эскадра, составленная изъ ⁴⁾ трехъ Генуезскихъ кораблей и одного императорскаго, шедшаго съ хлѣбомъ изъ ⁵⁾ Сициліи. Она не поспѣла до начала осады, потому что весь мартъ дулъ сѣверный вѣтеръ, который не позволялъ ей выйти

¹⁾ Тамъ же, стр. 247.: περί δὲ τρίτην ἀλεξτροφονίαν κ. τ. λ.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Дука, стр. 268. Ср. Франтц., стр. 247; Лаон., стр. 389 и слѣд.

⁴⁾ По словамъ Дуки: четыре корабля.

⁵⁾ По словамъ Дуки: изъ Пелопоннеса.

изъ Хиосской гавани. Въ началѣ апрѣля подулъ, наконецъ, вѣтеръ съ востока, и эскадра поспѣшила въ Византію. Предъ входомъ въ Золотой Рогъ, на высотѣ Акрополя, ее встрѣтили 150 Турецкихъ судовъ. Христіане думали пролетѣть на всѣхъ парусахъ прямо въ гавань, прежде нежели Турки приготовятся къ нападенію; но вѣтеръ вдругъ стихъ, и они должны были принять неравный бой. Турки дали сначала залпъ со всѣхъ своихъ судовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ пустили такую тучу стрѣлъ, что отъ множества ихъ, какъ замѣчаетъ ¹⁾ Дука весьма картинно, хотя быть можетъ и преувеличенно, нельзя было погружать весель въ воду. Находились ли христіанскіе корабли внѣ выстрѣла, или выстрѣлы были дурно направлены, но какъ бы то ни было, залпъ этотъ не нанесъ имъ никакого вреда. Тогда Турки, думая подавить непріятеля массою, бросились на abordажъ. Первый встрѣтился имъ императорскій корабль; но храбрость и присутствіе духа его командира ²⁾ Флантанелы заставили Турокъ такъ же скоро отступить, какъ быстро они напали; при чемъ два ихъ корабля сдались непріятелю. Во все это время Магометь II, сидя верхомъ на лошади, смотрѣлъ съ высоты берега на сраженіе; огорченный неудачными дѣйствіями своего флота, султанъ, прищпоривъ лошадь, ³⁾ бросился въ море, полагая въ горячности достигнуть мѣста сраженія вилавъ; и въ самомъ дѣлѣ корабли находились отъ берега не далѣе, какъ на полетъ камня. Моряки, понявъ это движеніе султана, возобновили нападеніе, но претерпѣли еще большій уронъ: нѣсколько Турецкихъ кораблей пошли ко дну, и, ⁴⁾ по свидѣтельству самихъ Турокъ, они въ этотъ день потеряли до 12,000 человѣкъ. Ночь прекратила сраженіе, и союзная эскадра, давъ знакъ воднять цѣпи, вошла благополучно въ Золотой Рогъ, ⁵⁾ не терявъ въ сраженіи ни одного человѣка; весьма немногіе были ранены, и изъ нихъ только двое или трое умерло, нѣсколько дней спустя.

¹⁾ Дука, стр. 269.

²⁾ Франца, стр. 248.

³⁾ Тамъ же, стр. 249; Дука, стр. 269.

⁴⁾ Франца, стр. 250.

⁵⁾ Тамъ же.

Гнѣву Магомета II не было предѣловъ. Онъ ¹⁾ приказалъ позвать къ себѣ командира своей эскадры (*ὁ μέγας χουρτσταυλος*), именемъ Палда, болгарскаго ренегата. Четверо тѣлохранителей сорвали съ него одежду и бросили его на землю; самъ султанъ, взявъ золотой жезлъ, ²⁾ вѣсомъ около 4 фунтовъ, далъ ему собственноручно 100 ударовъ, и только по просьбѣ своихъ приближенныхъ пощадилъ ему жизнь; но одинъ изъ янычаровъ, видя немилость султана къ прежнему своему командиру, въ отмщеніе за его несправедливость при раздѣлѣ добычи, бросилъ въ него камень и вышибъ ему глазъ.

Разсказанною нами битвой ограничили всѣ дѣйствія Турокъ на морѣ, въ теченіе апрѣля. Результатъ ея былъ такъ же печаленъ для Магомета II, какъ были неудачны всѣ его осадныя дѣйствія на сухомъ пути. Между тѣмъ наступилъ май мѣсяць.

XV.

Въ началѣ мая, султанъ, видя, что его предпріятіе несравненно труднѣе, нежели какъ оно казалось ему съ перваго раза, собралъ Диванъ и предоставилъ своимъ совѣтникамъ изыскать новыя мѣры къ овладѣнію городомъ. «Но напрасно, говорить ³⁾ Коджіа-Ефенди, бѣгуны мысли носили ихъ по степямъ размышленія»; они не могли придумать рѣшительно ничего. Тогда самъ Магометъ II, неутомимый въ изобрѣтеніяхъ, напалъ на новую и весьма оригинальную мысль. Заливъ Золотаго Рога, огражденный цѣпью, былъ недоступенъ для Турецкаго флота, такъ что все пространство его берега могло считаться обезпеченнымъ отъ нападений; проникнуть съ флотомъ въ Золотой Рогъ значило бы заставить Грековъ раздѣлить свои

¹⁾ Дука, стр. 270. У Леонарда Хіос. Палда названъ Балтоглозь, а у Лаоника — Пантоглезъ.

²⁾ Bullialdus въ своихъ Notae ad Ducae Historiam стр. 614 исправляетъ ошибку Дуки, а мы думаемъ — позднѣйшихъ переписчиковъ; по словамъ Дуки (с. 270, 4), этотъ жезлъ вѣсилъ 300 фунтовъ (*λίτραι πενταχόσιαι*), что не возможно было бы и поднять. Bullialdus предполагаетъ, что вмѣсто *λίτραι* надобно думать *δραχμαί*, и 300 драхмъ составлять почти 4 фунта.

³⁾ Biblioth. des Crois., т. III, стр. 460.

силы, до того времени сосредоточенныя главнымъ образомъ у стѣны. Но какъ проникнуть? Разорвать цѣпь и пробиться чрезъ Греческій флотъ Турки не считали возможнымъ; надобно было найти другое средство, — и Магометъ придумалъ этотъ новый путь.

Оконечность Золотога Рога простиралась далеко на сѣверъ за стѣнами какъ Византія, такъ и Галаты. Пользуясь такимъ географическимъ положеніемъ, султанъ рѣшился соединить конецъ Рога, лежавшій за чертою городскихъ укрѣпленій, съ Босфоромъ, гдѣ находилась Турецкая эскадра. Самый промежутокъ заключалъ въ себѣ 8 верстъ, или 2 часа обыкновенной ходьбы, и представлялъ холмистую поверхность. Самый простой способъ — прокопать каналъ, въ такой мѣстности стоилъ бы большаго труда и занялъ бы много времени. *) Магометъ рѣшился перетащить свои суда изъ Босфора въ Золотой Рогъ волокомъ. Съ этою цѣлью, ночью, въ нѣсколько часовъ, позади Галатскихъ укрѣпленій, была положена деревянная настилка, отъ залива Св. Устья, что близъ древняго Диплокіонія, или Двухъ Колоній, нынѣ *Betzihtachs*, до береговъ Золотога Рога, насупротивъ м. Космидія; самая дорога была предварительно выравнена, и на приготовленное такимъ образомъ полотно положены деревянные рельсы; для легкости хода послѣдніе были вымазаны масломъ и бычачьимъ жиромъ. На эти-то рельсы Магометъ приказалъ поставить суда, и при распущенныхъ парусахъ, съ пѣснями и музыкой потянулся цѣлый флотъ сухимъ путемъ. Рано утромъ, къ величайшему изумленію Грековъ, внутри городской черты плавали 80 непріятельскихъ кораблей. Франца, какъ будто опасаясь, что въ послѣдствіи не повѣрятъ его разсказу, приводитъ многіе примѣры подобной страгемы, и даже полагаетъ, что Магометъ II въ этомъ случаѣ подражалъ императору Октавіану Августу, который перетащилъ свои суда чрезъ Исэмійскій перешеекъ, потому что противный вѣтеръ не позволялъ ему обогнуть Пелопоннесъ. Мы въ своей исторіи знаемъ также одно преданіе объ Олегѣ, и притомъ относящееся къ той же самой мѣстности. Во всякомъ

*) Франца, стр. 251; Дук., стр. 270; Леукилав., кн. 15; Лавиик., стр. 387.

случаѣ появленіе Турецкаго флота въ Золотомъ Рогѣ, какъ бы оно ни совершилось, относится къ числу главныхъ причинъ послѣдовавшаго за тѣмъ паденія Византіи; такъ смотрѣли на то и ¹⁾ современники. Дѣйствительно съ этой поры Турки стали дѣйствовать не только на одну стѣну, со стороны сухаго пути, но распространили свои нападенія также и вдоль берега всего Рога, отъ Влахерны до Акрополя; Грекамъ тогда надобно было защищать вдвое большее пространство, и раздѣлить свои силы, и безъ того ничтожныя, на два пункта. Однако и Турки не вдругъ извлекли пользу изъ своего послѣдняго предпріятія: для дѣйствительнаго бомбардированія береговъ Рога оказалось немаловажное препятствіе въ мелководіи, и перевезенныя суда не могли подойти близко къ берегу. Тогда ²⁾ Магометъ приказалъ построить плотъ, шириною въ 50 и длиною въ 100 футовъ; на немъ была поставлена артиллерія, и съ этой-то пловучей батареи Турки начали обстрѣливать укрѣпленія Золотаго Рога.

Съ этого времени положеніе Византіи сдѣлалось безнадежнымъ; особенно когда ко всему этому присоединился недостатокъ въ деньгахъ, и распри Греческихъ предводителей съ наемными Латинцами, а съ другой стороны зависть и недоувѣренность самихъ Латинцевъ другъ къ другу, и особенно Венеціанъ и Генуезцевъ; это послѣднее обстоятельство было причиною всѣхъ послѣдующихъ неудачъ для Константина XI и ускорило самое паденіе города. Находясь въ такой крайности, ³⁾ императоръ думалъ поправить свои финансы превращеніемъ церковной утвари и драгоценностей въ монету, объявивъ притомъ, что если Богъ освободитъ городъ, то онъ возвратитъ храмамъ свой долгъ четверницею. Успокоивъ себя со стороны финансовъ, Константинъ XI обратилъ все свое вниманіе на то, чтобы найти средство удалить Турецкій флотъ изъ Золотаго Рога. Венеціане и Генуезцы, понимая, что такой подвигъ можетъ послужить къ

¹⁾ Дука, стр. 271. Коджіа-Ессенди мало сообщаетъ подробностей о перевозѣ судовъ; онъ приводитъ только одно преданіе, которое имѣло невыгодное вліяніе на состояніе умовъ въ Византіи, и по которому Византія будетъ завоевана только тогда, когда непріятельскій флотъ переплыветъ сушу.

²⁾ Франца, стр. 252.

³⁾ Тамъ же, стр. 236.

увеличенію вліянiя въ городѣ, оспаривали другъ у друга честь привести въ исполненіе мысль Константина; наконецъ на военномъ совѣтѣ былъ принятъ планъ Венеціянца Якова Кока. ¹⁾ По его распоряженію, Греки устроили три баркаса и на нихъ посадили 40 отборныхъ молодыхъ воиновъ; Кока снабдилъ ихъ зажигательными снарядами и ночью приказалъ подрастаться къ Турецкой флотиліи и ея плоту. Но это предпріятіе не удалось, какъ прибавляетъ ²⁾ Франца, «или за грѣхи наши, или по измѣнѣ какого нибудь раба, который предупѣдомилъ о всемъ Турокъ.» Какъ бы то ни было, но Турки встрѣтили эти баркасы жестокимъ огнемъ; одинъ изъ нихъ они потопили, а другіе два взяли въ плѣнъ; Грекамъ же удалось сжечь всего одинъ Турецкій корабль, а огонь, брошенный на плотъ, былъ немедленно потушенъ. На слѣдующее утро, Турки, въ виду города, умертвили своихъ плѣнныхъ, и ³⁾ Греки отомстили имъ только тѣмъ, что въ свою очередь, на стѣнахъ, въ глазахъ Турокъ, умертвили 260 плѣнныхъ непріятелей. Неудача Венеціанъ сдѣлала ихъ предметомъ насмѣшекъ Генуезцевъ, которые обвиняли ихъ громко въ незнаніи дѣла. Ихъ ссора превратилась бы въ открытое междоусобіе, еслибъ на то мѣсто не подоспѣлъ императоръ: ⁴⁾ «умоляю васъ, братья, сказалъ онъ съ свойственною ему кротостью, не нарушайте мира; съ насъ будетъ и виѣшней войны; не присоединяйте къ ней междоусобія!» Соперники помирились; но Генуезцы тѣмъ не менѣе хотѣли доказать на дѣлѣ, что истребленіе Турецкаго флота есть дѣло совершенно легкое. ⁵⁾ Юстиніанъ отправилъ ночью цѣлый корабль, снабженный всякаго рода машинами для истребленія непріятеля; но на этотъ разъ Турокъ предупредили Галатскіе Генуезцы и дали имъ знать о планѣ осажденныхъ. Турки снова встрѣтили неожиданно своихъ непріятелей огнемъ, и отъ перваго выстрѣла корабль ихъ пошелъ ко дну; при чемъ погибло до 150 лучшихъ матросовъ, какъ Греческихъ, такъ и Латинскихъ.

¹⁾ Тамъ же, стр. 257.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же, стр. 258.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Дука, стр. 277.

Неудачныя попытки Грековъ убѣдили однако султана въ необходимости поспѣшить истребленіемъ Греческаго флота, стоявшаго въ Золотомъ Рогѣ. Съ этою цѣлью онъ ¹⁾ построилъ весьма прочный мостъ на заливѣ отъ Кинегія на противоположный Галатскій берегъ; ширина этого моста позволяла идти фронтомъ въ пять человекъ. Вслѣдъ за тѣмъ была ²⁾ переведена часть артиллеріи на другую сторону и расположена близъ церкви св. Феодосія съ намѣреніемъ или выгнать Греческій флотъ изъ залива, или потопить его. ³⁾ Въ то время въ гавани стояли нейтральные Генуезскіе корабли, нагруженные товарами для отправленія въ Италію; одинъ изъ нихъ былъ пробитъ ядрами и потопленъ. Галатяне жаловались султану на его несправедливость и неблагодарность за услугу, оказанную ему недавно; но Магометъ II извинялся незнавіемъ, кому принадлежитъ корабль, и общалъ, по взятіи города, вознаградить ихъ за этотъ убытокъ. ⁴⁾ вмѣстѣ съ тѣмъ при этой канонадѣ былъ потопленъ и самый большой военный корабль Византійцевъ, стоявшій у цѣпи; остальные же бѣжали ближе къ берегу, рассчитывая укрыться подъ высотой зданій нейтральной Галаты; но султанъ не стѣснялся тѣмъ и приказалъ продолжать пальбу. Однако Турки такъ мало были искусны въ артиллерійскомъ дѣлѣ, что, дѣйствуя 130 орудіями съ береговой батареей, они не могли уже повредить ни одного корабля; даже не былъ убитъ ни одинъ человекъ, и только камень, отбитый отъ стѣны, убилъ какую-то женщину.

Все это происходило въ первой половинѣ мая, на морѣ: стратегема Магомета II не привела его пока къ желаемой цѣли; намѣреніе истребить флотъ было такъ же неудачно; наконецъ, осадныя дѣйствія на сухомъ пути, въ то же самое время, еще менѣе соответствовали ожиданіямъ султана.

Послѣ апрѣльскаго бомбардированія города, подкоповъ, подвижныхъ машинъ, Магометъ II, въ теченіе мая, долгое

1) Тамъ же, стр. 279.

2) Фривца, стр. 239.

3) Дука, стр. 278 и слѣд.

4) Фривца, стр. 239 и слѣд.

время оставался вѣрнымъ прежней системѣ осады, — медленнымъ изнуреніемъ довести непріятели до необходимости сдаться добровольно. Потому въ началѣ мая ¹⁾ приказано было возобновить прежнее бомбардированіе, которое и продолжалось непрерывно до 24 числа. На этотъ разъ, султанъ едва не достигъ своей цѣли: Византійскій гарнизонъ, не видя непріятели и занятый одними каменными работами при починкѣ проломовъ, сталъ мало по малу расходиться по домамъ, жалуясь при томъ на недостатокъ хлѣба и обвиняя императора въ упорствѣ. Это обстоятельство не укрылось отъ вниманія Турокъ, и они, замѣтивъ, что нѣкоторые посты оставлены безъ защиты, надѣялись овладѣть стѣнами безъ кровопролитія и уже приставляли къ нимъ лѣстницы; одна только распорядительность Константина, приказавшаго раздать весь хлѣбъ немущимъ, заставила недовольныхъ возвратиться и спасла Византію отъ гибели еще на нѣсколько дней. Турки еще разъ должны были отступить, и это сопротивленіе было для нихъ тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ они меньше его ожидали.

Такія неудачи и на морѣ, и на сухомъ пути, довели въ свою очередь Магомета II до отчаянія; степень этого отчаянія всего лучше можно видѣть изъ характера послѣдней мѣры, къ которой султанъ прибѣгнулъ для того, чтобы овладѣть городомъ безъ штурма. Послѣ семинедѣльной осады, имѣя огромное войско и большой флотъ, онъ ²⁾ отправилъ самъ посольство въ Византію къ императору съ предложеніемъ сдать городъ добровольно, сохранивъ притомъ личную свободу и богатства, и переселиться въ какое угодно мѣсто. Надобно согласиться, что это предложеніе было еще весьма выгодно для Константина, если принять въ соображеніе различіе между его силами и силами Магомета. Однако, не смотря на то, императоръ отвѣчалъ султану отрицательно, и притомъ такъ, какъ будто бы онъ одержалъ большую побѣду надъ Турками: ³⁾ если султанъ хочетъ заключить съ нами миръ, объявилъ императоръ, на усло-

¹⁾ Фронтца, стр. 260 и слѣд.

²⁾ Дука, стр. 279.

³⁾ Тамъ же, стр. 280.

вѣхъ своихъ предковъ, то мы будемъ за то благодарить Бога. Его предки всегда питали къ своимъ предшественникамъ сыновнее уваженіе: если ихъ постигало несчастье, они находили въ Византіи для себя новое отечество; притомъ никто изъ нихъ, враждуя съ Византіей, не былъ долговѣченъ. Мы готовы даже уступить тебѣ наши области, неправильно тобою присвоенныя; наложи на насъ и дань великую и тяжелую; приказывай; но, заключивъ миръ, удались. Побуждаемый жаждою добычи, ты и не предвидишь, что самъ въ послѣдствіи можешь сдѣлаться добычею другихъ. Сдать же городъ тебѣ, это и не въ моей власти, и не во власти кого либо изъ гражданъ; намъ дозволено только одно: продолжать умирать и не шадить своей жизни!»

Такой рѣшительный и твердый отвѣтъ ¹⁾ убѣдилъ султана окончательно, что овладѣть городомъ безъ штурма не возможно; и послѣ долгихъ колебаній, даже склоняясь наконецъ къ постыдному отступленію, Магометъ II, къ вечеру 24 мая, ²⁾ отдалъ приказъ арміи и флоту приготовиться къ послѣднему и общему нападенію, и назначилъ для того ночь съ 28 на 29 мая.

XVI.

Что же до тѣхъ поръ заставляло Магомета медлить и откладывать все далѣе и далѣе эту рѣшительную минуту? какимъ образомъ при своихъ средствахъ, послѣ потери столько времени и людей, дошелъ онъ до убѣжденія въ необходимости отступить? наконецъ, какъ объяснить, что ничтожный гарнизонъ могъ въ продолженіе семи недѣль сопротивляться усиліямъ многочисленной арміи и громаднаго флота? Все это вопросы, которые задастъ себѣ каждый, прочтя составленный нами журналъ осадныхъ дѣйствій Турокъ подъ Византіей. Неопытность Турокъ въ военномъ дѣлѣ не можетъ служить достаточнымъ объясненіемъ предложенныхъ нами вопросовъ, гдѣ дѣло идетъ

¹⁾ Коджіа-Беевди рассказываетъ, что еще послѣ неудачной морской битвы Магометъ хотѣлъ просить мира.

²⁾ Франца, стр. 262.

о борьбѣ почти 300-тысячнаго войска съ 7000 гарнизона; притомъ у Турокъ служили и тогда большею частью ренегаты, люди опытные и искусные, по крайней мѣрѣ на столько, на сколько было то возможно въ то время. Не уничтожая заслуги Византійцевъ и не унижая ихъ безпримѣрнаго мужества, мы можемъ сказать впередъ, что и самое это мужество могло быть ими показано только потому, что какія нибудь другія, болѣе важныя причины не позволяли Туркамъ подавить ихъ мгновенно. Посмотримъ, что происходило, въ продолженіе осады, внутри Турецкаго лагеря, а именно въ самомъ диванѣ Султана. Предварительное ознакомленіе съ этимъ вопросомъ для насъ тѣмъ болѣе необходимо, что, какъ мы увидимъ, и въ тотъ послѣдній штурмъ Турки взяли городъ не столько силою, сколько измѣною одного изъ наемныхъ предводителей.

Въ Турецкомъ лагерѣ Греки имѣли чрезвычайно много доброжелателей, и во главѣ ихъ стоялъ могущественный визирь Галиль-Паша, котораго боялся самъ султанъ, хотя и очень хорошо зналъ его расположеніе къ Византіи. Во все время осады, Галиль-Паша, съ одной стороны, ¹⁾ давалъ тайно знать императору о всѣхъ планахъ султана, съ другой стороны, не упускалъ ни одного случая, при всякой неудачѣ Турокъ, вооружать войско противъ Магомета II; даже наконецъ умѣлъ искусно внушать сомнѣніе самому султану и не забывалъ по временамъ пользоваться суевѣріемъ Турокъ, лишь бы только поколебать ихъ нравственную рѣшимость. Такъ не безъ его, конечно, старанія, былъ распущенъ ²⁾ слухъ, что идетъ Гунніадъ съ огромною арміею на помощь осажденнымъ; въ слѣдствіе того въ Турецкомъ войскѣ произошелъ ³⁾ ропотъ, и недовольные громко говорили, что Магометъ II будетъ причиною гибели всего ихъ рода, принуждая ихъ совершить невозможное. Но этимъ не кончились интриги партизановъ Византійскихъ въ Турецкомъ лагерѣ. ⁴⁾ На небѣ появилось сіяніе, кото-

¹⁾ См. ниже гл. XX.

²⁾ Франца, стр. 263.

³⁾ Тамъ же, стр. 264.

⁴⁾ Тамъ же.

рое горѣло всю ночь надъ Византіей; при суетѣри Турокъ не было ничего легче, какъ увѣрить ихъ въ дурномъ предзнаменованіи этого физическаго явленія. ¹⁾ Впрочемъ въ послѣдствіи этимъ же самымъ орудіемъ воспользовались и враги Византійской партіи для своихъ цѣлей, когда тотъ огненный столбъ появился не надъ городомъ, но въ отдаленіи, и рассыпавшись, вдругъ исчезъ. Но сначала Турки пали до того духомъ, что самъ султанъ невольно поколебался, и уже рѣшился, снявъ осаду, ²⁾ отступить. Находясь въ такомъ сомнѣніи, Магометъ II, не смотря на то, что штурмъ былъ уже объявленъ, не зналъ на что рѣшиться, и собралъ диванъ, за два дня до штурма, 27 мая. Въ этомъ диванѣ, Галиль-Паша, придавъ своему лицу печальное выраженіе, ³⁾ началъ еще болѣе устрашать султана, и безъ того поколебавшагося въ своей рѣшимости, побуждѣнъ западныхъ христіанъ, которые будто не только заставляютъ его снять осаду, но могутъ изгнать совершенно изъ Европы, и заключилъ свою рѣчь словами: ⁴⁾ «я давно уже тебѣ предсказывалъ результаты нашего предпріятія и часто потомъ повторялъ то же самое, но ты меня никогда не слушалъ; наконецъ теперь еще разъ умоляю: отступимъ, чтобъ не случилось съ нами чегонибудь хуже!» Едва окончилъ свою рѣчь Галиль-Паша, и уже султанъ видимо склонился на его сторону, какъ другой визирь, Соганъ-Паша, злѣйшій врагъ Галиля, обращается къ нему и начинаетъ опровергать доводы своего противника, доказывая всю неосновательность внушаемыхъ имъ опасеній на счетъ вмѣшательства западныхъ христіанъ. Его рѣчь рѣшила участь Византіи, и счастливымъ образомъ Франца сохранилъ намъ ея главное содержаніе:

⁵⁾ «Что тебя такъ встревожило, султанъ? воскликнулъ Соганъ-Паша; откуда твой страхъ, и что за мысли овладѣли тобой? да будетъ съ тобою алахъ? успокойся! или ты не вѣришь, что знаменіе небесное передаетъ тебѣ въ руки городъ? или

¹⁾ Тамъ же, стр. 266.

²⁾ Тамъ же, стр. 266.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 266.

⁵⁾ Франца, стр. 266 и слѣд.

ты не видишь, какъ многочисленно твое превосходно устроенное войско, и какое обиліе военныхъ снарядовъ? въ древности Александръ Македонскій не имѣлъ столько войска, какъ ты, ни твоего вооруженія, а онъ завоевалъ весь міръ! Что же касается до западныхъ союзниковъ Византіи, то я не вѣрю, и не думаю, чтобъ могъ явиться флотъ изъ Италіи, какъ то нѣкоторые говорятъ, и какъ то особенно старается утверждать мой собратъ, Галиль-Паша; ты самъ хорошо знаешь, раздробленность Итальянскихъ владѣній и владѣній другихъ западныхъ государствъ дѣлаетъ ихъ ничтожными, ¹⁾ и не позволяетъ имъ сохранять согласія между собою. Если западныя государства, послѣ многихъ трудовъ и продолжительныхъ переговоровъ, заключать между собою миръ, то не надолго, и клянусь, въ самое короткое время онъ опять разрушится; если они находятся въ союзѣ, то это имъ никогда не мѣшаетъ стараться другъ у друга отнять владѣнія, и потому они всегда заняты своими интригами, и болѣе всего боятся другъ друга. У нихъ, правда, много толкуютъ, разсуждаютъ, говорятъ, но весьма мало дѣйствуютъ; что опредѣлено вечеромъ, то утромъ непремѣнно отмѣняется. Еслижъ наконецъ и удастся имъ рѣшиться на что нибудь, то все еще медлятъ приступить къ самому дѣлу; послѣднее они употребляютъ всегда на то, чтобъ выиграть время. Но положимъ, они приступили къ какому нибудь дѣлу, и начали его, но и тутъ по разномыслию не могутъ правильно дѣйствовать. Особенно въ это же время (въ 1453 г.), какъ ты, султанъ, знаешь, у нихъ образовалась ²⁾ новая враждебная партія. И такъ, не заботясь о нихъ. Впрочемъ допустимъ, что и явится флотъ изъ Италіи; какую онъ можетъ представить намъ опасность, когда все ихъ войско не составляетъ не только половины, но и четверти нашей арміи? Потому, государь, не теряй надежды; намъ нѣтъ причины бояться опасности, если только ее не пошлетъ самъ аллахъ. Будь мужественъ и бодръ,

¹⁾ Продолжатель Баронія говоритъ, что для разсѣянія Турокъ и изгнанія ихъ въ Азію было бы достаточно однихъ погибшихъ въ междоусобныхъ браняхъ христіанъ.

²⁾ Вѣроятно Соганъ-Паша имѣлъ въ виду религіозныя секты, которыя, со времени Гусса, не прерывалась, приготовляли реформацию XVI столѣтія.

и прикажи по прежнему сегодня и завтра обстрѣливать городъ. Эта рѣчь такъ соотвѣтствовала задушевнымъ мыслямъ султана, что онъ вновь воодушевился, и приказалъ Согану ночью обойти солдатъ, и узнать ихъ настроеніе духа. Нѣтъ нужды договаривать, что ¹⁾ визирь принесъ самый удовлетворительный отвѣтъ, и султанъ повторилъ свой приказъ о послѣднемъ приступѣ.

Галиль-Паша, раздраженный неудачею, и покрытый стыдомъ, рѣшился и на этотъ разъ употребить всѣ мѣры для спасенія Византіи, ²⁾ и тайно далъ знать императору о всемъ случившемся у нихъ въ лагерѣ; убѣждалъ его не опасаться, сохранить присутствіе духа, и совѣтовалъ только разставить по стѣнамъ самую бдительную стражу. При такихъ обстоятельствахъ понятно, что Константинъ XI могъ дать смѣлый отвѣтъ султану на его предложеніе о сдачѣ города; отказъ императора былъ результатомъ не одной храбрости: императоръ имѣлъ и надежду на содѣйствіе своихъ приверженцевъ въ Турецкомъ лагерѣ, и основываясь на ней рѣшился на безпримѣрную въ исторіи борьбу. Съ другой стороны, и султанъ, при всей многочисленности войска, не могъ подавить однимъ ударомъ этой горсти храбрыхъ Грековъ, пока вліяніе Галиля противоборствовало всѣмъ его планамъ.

³⁾ Ночь съ 27 на 28 мая, потомъ весь слѣдующій день и послѣднюю ночь на 29 мая, обѣ стороны провели въ приготовленіяхъ, одна къ защитѣ, другая къ нападенію. По окончаніи военнаго совѣта, Магометъ II издалъ повелѣніе вечеромъ 27 мая на всю ночь развести огни, а слѣдующій день, 27 мая, провести въ посту и семикратныхъ омовеніяхъ; послѣ же того всѣ были собраны на общественную молитву. Дѣйствительно, ночью, безчисленные огни обозначили все пространство Турецкаго лагеря; такая же иллюминація сдѣлана была и на флотѣ, по всему протяженію отъ Галаты до Скутари, и море загорѣлось тысячею огней. Жители Византіи, съ перваго раза, поду-

¹⁾ Франца, стр. 268.

²⁾ Тамъ же, стр. 269.

³⁾ Дука, стр. 281. Сравни. Франца, стр. 269.

мали, что въ непріятельскомъ лагерѣ случился пожаръ, и съ радостью взбѣгали на стѣны, но увидѣвъ пляски и услышавъ пѣсни, несчастные скоро поняли и причину ихъ радости.

¹⁾ Къ вечеру 28 мая, Магометъ II приготовилъ армію и флотъ къ нападенію; сухопутное войско составило двѣ колонны, расположившіяся между Влахерною и Золотыми Воротами; въ центрѣ, противъ Романовскихъ воротъ, расположился самъ султанъ съ 10,000 янычаръ; правая колонна заключала въ себѣ 100 т. войска, а лѣвая—50 т.; позади арміи, въ соотвѣтственномъ порядкѣ была расположена кавалерія въ 100 т. всадниковъ. Флотъ стоялъ въ двухъ мѣстахъ: 80 кораблей стали въ Золотомъ Рогѣ, у Деревянныхъ воротъ, главныя же двѣ эскадры были растянуты на всемъ пространствѣ отъ Дипломація, мимо Акрополя, до пристани Вланки или Елевтерской (нынѣ Daudrascha-Carussi), что близъ Семибашеннаго Замка. Послѣ ужина, Магометъ II объѣхалъ все свое войско, и ободрялъ его къ битвѣ: ²⁾ «конечно, говорилъ онъ, многіе изъ насъ, по неизбѣжному закону битвы, падутъ; но пусть они помнятъ слова пророка въ Коранѣ: кто умретъ въ такое время, тотъ будетъ принимать яствы и питье въ раю съ Магометомъ, и возлежать съ гуріями, совершивъ благовонныя омовенія. Тѣхъ же, которые переживутъ побѣду, ожидаетъ двойное жалованье до конца ихъ жизни; послѣ взятія города я предаю вамъ его на три дня ³⁾ (исключая стѣнъ и зданій); всякаго рода добыча, золото, серебро, одежды, женщины—все это ваше!» Обрадованные такими обѣщаніями, солдаты единогласно отвѣчали въ знакъ одобренія: аллахъ, аллахъ! Мехметъ ресуль аллахъ!

XVII.

Современно другія сцены происходили въ ту же самую печальную ночь въ стѣнахъ Византіи. Видя всѣ приготовленія невѣрныхъ, и представляя себѣ ихъ многочисленность, — а по

¹⁾ Дука, стр. 282 и 283.

²⁾ Фравтца, стр. 270. Сравни. Лаон., стр. 394.

³⁾ Дука, стр. 281.

словамъ ¹⁾ Франтцы, въ день штурма приходилось на каждого христіанина болѣе, нежели 500 (!) Турокъ — осажденные могли возлагать надежду на одного Бога. ²⁾ Епископы, монахи и священники ходили съ дарами, хоругвями и образами вокругъ стѣнъ, и со слезами пѣли: *κύριε ἐλέησον*, Господи помилуй! При встрѣчахъ всѣ обнимали другъ друга, убѣждая храбро сражаться за вѣру и свободу отчизны. Между тѣмъ ³⁾ императоръ разставлялъ свой гарнизонъ, назначая мѣсто каждому отряду: 3000 человекъ, подъ начальствомъ Юстиніана, заняли постъ у Романовскихъ воротъ; при этомъ главномъ отрядѣ находился и самъ императоръ; — Лука Нотара съ 500 воиновъ долженъ былъ защищать Влахерну; на береговой линіи были растянуты 500 стрѣлковъ; кромѣ того разставлены были караулы по всѣмъ башнямъ. Такимъ образомъ, какъ видно, весь гарнизонъ, въ послѣдній день осады, состоялъ изъ 4000 человекъ съ небольшимъ; и слѣдовательно отъ начала осады погибло около 3000 человекъ. Но и въ этой горсти людей не было никакого согласія; особенно ненавидѣли другъ друга тѣ два лица, которымъ было ввѣрено главное начальство у стѣнъ — Юстиніанъ и Лука Нотара. ⁴⁾ Юстиніанъ, недовольствуясь тѣмъ, что онъ имѣлъ 3000 войска, между тѣмъ какъ Нотаръ было предоставлено только 500, потребовалъ кромѣ того, чтобы часть орудій была перевезена отъ Нотары къ нему, на томъ основаніи, что мѣсто защищаемое первымъ было болотисто. Но Великій Дука не согласился, и дѣло дошло между ними до явной ссоры. Императоръ едва успѣлъ ихъ помирить, указывая на общаго врага и умоляя дѣйствовать единодушно по крайней мѣрѣ въ эту послѣднюю минуту. Опасаясь повторенія подобныхъ сценъ, Константинъ XI, когда приготовления къ битвѣ были уже окончены, собралъ все войско и Грековъ, и Венеціанъ, и Генуезцевъ, и обратился къ нимъ съ рѣчью, стараясь возбудить ихъ къ дружному противоборству общему врагу.

¹⁾ Франтц, стр. 271.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Дука, стр. 283.

⁴⁾ Франтца, стр. 262.

*) «Архонты, демархи, стратеги, товарищи и вы, вѣрные и почтенные граждане! вотъ наступилъ и тотъ часъ, когда врагъ нашей вѣры рѣшился насъ подавить, и, какъ змѣя, излить свой ядъ на насъ, или пожрать, какъ левъ неукротимый. Заклинаю васъ, отстаивайте свою вѣру съ тою же твердостью, съ какою вы отстаивали ее до сихъ поръ. Вамъ поручаю этотъ славный и знаменитый градъ, нашу отчизну, царицу городовъ. Четыре священныя имени должны васъ побуждать предпочесть смерть самой жизни: вѣра и вѣрность, отечество, императоръ, помазанникъ Божій, наконецъ наши друзья и родные. Если же за грѣхи наши Богъ предастъ побѣду невѣрнымъ, то мы по крайней мѣрѣ умремъ за вѣру нашу, которую Христосъ запечатлѣлъ своею кровью. Какая польза, если кто весь міръ приобрѣтетъ, а душу свою погубить?

«Вотъ сегодня уже 57-й день, какъ враги давятъ насъ со всѣхъ сторонъ, и милостью Христа мы ихъ не разъ уже заставляли отступать отъ нашихъ стѣнъ съ безчестьемъ; пусть на ихъ сторонѣ сила, а за насъ Богъ, Господь и Спаситель нашъ». За этимъ Константинъ далъ совѣтъ, какъ нужно сражаться съ непріателемъ: «Во время битвы, говорилъ онъ, закрывайте голову плотящею щитомъ; въ правой рукѣ держите всегда мечъ наготовѣ; шишаки, латы и желѣзныя рубашки даютъ намъ большое преимущество, потому что непріатель ихъ не имѣетъ и не употребляетъ; кромѣ того не забывайте, что вы будете стоять за стѣной, а они открыты. Потому, друзья, не отчаивайтесь, и помните, что въ древности нѣсколько Карфагенскихъ слоновъ обратили въ бѣгство многочисленную конницу Римлянъ однимъ своимъ грознымъ видомъ; что же можемъ сдѣлать мы, одаренные разумомъ? не выше-ли мы животныхъ? Представляйте себѣ, что вы идете на охоту вепрей, и пусть невѣрные узнаютъ, что они будутъ сражаться не съ звѣрями, но съ потомками Грековъ и Римлянъ, ихъ властелиновъ. Вамъ извѣстно, что султанъ, врагъ нашей вѣры, безъ всякой причины нарушилъ миръ, и построилъ свою крѣпость для угнетенія насъ; опустошилъ наши поля, сжегъ сады и дома, нашихъ братьевъ умер-

*) Тамъ же, стр. 271 и слѣд.

твѣль или вѣдѣль въ плѣнь. Ему удалось также привязать къ себѣ и Галатянъ, которые торжествуютъ теперь свой союзъ съ Турками, забывъ, несчастные, басню о деревенскомъ мальчикѣ, который, приготовляясь сварить черепаху, сказалъ: глупое животное!....» и т. д. Наконецъ Константинъ напомнилъ своимъ воинамъ о происхожденіи Византіи, ея прежней славѣ и могуществѣ, и заключилъ свою рѣчь словами: «подумайте, братья и товарищи, о томъ, какимъ образомъ приобрѣсти свободу, вѣчную память и славу!»

Съ правой руки стоялъ отрядъ Венеціанъ, и потому Константинъ обратился и къ нимъ, умоляя ихъ вспомнить, какъ не разъ они обагрjali свои руки кровью невѣрныхъ: ¹⁾ «вы знаете, говорилъ императоръ, что этотъ городъ былъ всегда вашимъ вторымъ отечествомъ, и потому прошу васъ оставаться и въ эту трудную минуту друзьями, вѣрными союзниками и братьями». Наконецъ обратившись на лѣво, гдѣ стояли Генуезцы, онъ ²⁾ напомнилъ и имъ, что Византія столько же ихъ городъ, сколько и его, и просилъ и на этотъ разъ показать ту храбрость, съ какою они прежде защищали городъ отъ невѣрныхъ. Въ заключеніе императоръ обратился ко всѣмъ: ³⁾ «въ ваши руки передаю мой скипетръ, вотъ онъ: сохраните его! на небѣ васъ ждетъ лучезарная корона, а здѣсь на землѣ останется славная и вѣчная память о васъ!»

Единодушный кликъ: ⁴⁾ умремъ за вѣру и отчизну! былъ отвѣтомъ императору; Греки почувствовали львиную силу, по выраженію ⁵⁾ Францы, и, обвиняя другъ друга со слезами, думали уже не о дѣтяхъ, женахъ и вмуществѣ, но о той славной смерти, которую они готовились принять для спасенія отечества. Между тѣмъ императоръ отправился въ храмъ Св. Софiи, и, послѣ усердной молитвы, приобщился Св. Таинъ; его примѣру послѣдовали прочіе, и это продолжалось всю ночь. Послѣ того Константинъ поѣхалъ въ послѣдній разъ во дворецъ, и,

1) Франца, стр. 277.

2) Тамъ же, стр.

3) Тамъ же, стр. 278.

4) Тамъ же.

5) Тамъ же, стр. 279.

собравъ своихъ приближенныхъ, со слезами просилъ у нихъ прощенія. ¹⁾ «Кто опишетъ плачь и рыданія, восклицаетъ Франца, которыя раздались за тѣмъ по всему дворцу? и каменное сердце не удержалось бы отъ слезъ!» ²⁾ Выйдя изъ дворца, императоръ сѣлъ на лошадь, и поѣхалъ вдоль стѣнъ осматривать стражу: всѣ ворота были тщательно заперты, и никто не могъ ни войти, ни выйти. Когда свита подъѣхала къ Харсійскимъ воротамъ, пѣтухъ пропѣлъ въ первый разъ; императоръ взомель на башню и услышалъ подъ ней голоса и шумъ; это были Турки, приготовлявшіе осадныя орудія къ утру. Точно также все кишѣло и вдоль береговъ Золотога Рога: непріятельскіе корабли и плоты подтягивались къ стѣнамъ.

Наконецъ, ³⁾ при второмъ пѣніи пѣтуха, Турки, безъ всякаго сигнала, бросились ко рву, полѣзли на стѣны, и для Византіи настала послѣдняя минута.

XVIII.

⁴⁾ По приказанію султана, для перваго приступа были отобраны новобранцы, съ тѣмъ чтобы они утомили осажденныхъ, и облегчили бы тѣмъ взятіе города, при общемъ штурмѣ. Греки безъ труда отразили ихъ, и даже успѣли уничтожить у нихъ нѣсколько осадныхъ орудій; много при этомъ было убито. Но это было одно ложное нападеніе. ⁵⁾ «Съ разсвѣтомъ дня, когда на востокъ появилась заря, и стали гаснуть звѣзды», двинулась главная армія; трубы, рожки, тимпаны огласили воздухъ; и въ то же самое время со всѣхъ баттарей и судовъ открылась пальба. Приступъ продолжался два часа, и христіане видимо начали одерживать верхъ: корабли отодвинулись отъ берега, а на сухомъ пути многіе уже хотѣли отступить отъ стѣнъ для отдыха; ⁶⁾ но сзади стояли янычары и начали съчь ятаганми от-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же, стр. 280.

³⁾ *Περὶ δὲ δευτέρου ἀλεξτροφώνιου κ. τ. λ.* Франца, стр. 280.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 281.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 282.

ступавшихъ. Приступъ возобновился; и Турки, раздраженные неудачей, бросались съ отчаяніемъ на стѣны, становились другъ другу на плечи, и, случалось, что трое стояли одинъ на другомъ. Но и этотъ новый приступъ былъ не болѣе счастливымъ: ¹⁾ Теофиль Палеологъ и Димитрій Кантакузѣнъ не только отбили нападеніе, но обратили въ бѣгство Турокъ и сдѣлали счастливую вылазку. Торжествующій Константинъ объявилъ громогласно, что теперь онъ увѣренъ въ побѣдѣ. Дѣйствительно, Турки совершенно отступили отъ стѣнъ, и, казалось, Византія была спасена. Увѣренія Галиль-Паши, какъ нельзя болѣе, были справедливы и основательны; но онъ не могъ предвидѣть остальнаго.

Между тѣмъ какъ Турки поспѣшно отступали отъ стѣнъ и отстрѣливались отъ преслѣдовавшаго ихъ непріятеля, одна изъ стрѣлъ, пущенныхъ ими наудачу, ²⁾ ранила Юстиніана въ правую ногу. Не сказавъ ничего окружавшимъ, не назначивъ даже себѣ преемника, онъ внезапно оставляетъ важный постъ, ему вѣренный, и уходитъ для перевязки. Такое удаленіе начальника произвело всеобщее замѣшательство въ его отрядѣ. Императоръ, замѣтивъ это, бросился къ нему на встрѣчу съ словами: «братъ мой! что ты дѣлаешь? возвратись на свое мѣсто: рана не опасна; возвратись! теперь мы находимся въ крайности; городъ въ твоихъ рукахъ: отъ тебя зависитъ спасти его!» Но Юстиніанъ, ничего не отвѣчая, переѣхалъ въ Галату (гдѣ онъ въ послѣдствіи и умеръ, презираемый всѣми). Это-то обстоятельство должно было положить конецъ счастію и успѣхамъ Греческаго оружія. Впрочемъ оно не одинаково рассказывается у лѣтописцевъ; совершенно несогласно съ нашимъ описаніемъ представляетъ эту сцену Дука: не говоря о подробностяхъ, онъ выставляетъ самый поступокъ Юстиніана въ другомъ свѣтѣ, и конечно весьма выгодномъ. ³⁾ Раненный пулею въ нижнюю часть руки, говоритъ Дука, Юстиніанъ не могъ отъ боли оставаться на стѣнахъ, и сказалъ императору: «стой здѣсь твердо;

¹⁾ Тамъ же, стр. 283.

²⁾ Тамъ же, стр. 284 и слѣд. Сравни. Лаон., стр. 398.

³⁾ Дука, стр. 284.

я пойду на корабль перевязать рану, и тотчас сюда возвращусь!» Но если припомнить неудовольствія, которыя уже происходили между Лукою Нотарою и Юстиніаномъ, если припомнить всгдашнюю зависть и корыстолюбіе Латинцевъ, и представить себѣ, сколь они дожны были досадовать, увидѣвъ, что Теофілъ Палеологъ и Димитрій Кантакузѣнъ, природные Греки, своею храбростію спасали Византію; то должно сознаться, что поступокъ Юстиніана носитъ на себѣ характеръ не несчастнаго случая только, а скорѣе измѣны, примѣры которой въ то время были не рѣдки; и Галатскіе Генуезцы, заключившіе союзъ съ Турками, поступили нисколько не лучше Юстиніана. Всѣ историки единогласно называютъ этотъ поступокъ низкимъ, и только Дуна, не извѣстной своей привязанности къ Латинцамъ, старается защитить Юстиніана. Впрочемъ что касается причинъ, побудившихъ Юстиніана къ измѣнѣ, то можно сказать съ достовѣрностію, что измѣна его была скорѣе слѣдствіемъ зависти и ссоры съ Греками, но не подкупа со стороны Турокъ. Турки, не видя Юстиніана, полагали, что онъ убитъ, и на этомъ основаніи Турецкій историкъ, Коджіа-Ефенди, представляетъ еще разсказъ, несогласный ни съ однимъ изъ переданныхъ нами выше:

*) «Во время приступа, говоритъ Коджіа-Ефенди, хитрый генералъ Франковъ (Юстиніанъ) взошелъ на укрѣпленіе, чтобы отразить легіоны вѣрныхъ; въ эту минуту молодой мусульманинъ, ухватившись за веревку крѣпкой разсудительности, бросился, какъ наукъ, на стѣну, и поднявъ ятаганъ, подобный рогу народившейся луны, однимъ ударомъ выпустилъ ласточку души этого невѣрнаго изъ гнѣзда его чернаго тѣла». Во всякомъ случаѣ неожиданное удаленіе Юстиніана, по самому ничтожному поводу, погубило невозвратно Византію, и было послѣднею причиною катастрофы 29 Мая.

ХІХ.

Турки, замѣтивъ волненіе, послѣдовавшее за удаленіемъ Юстиніана, остановили свое отступленіе, и одинъ изъ янычаръ

*) Biblioth. des Crois., т. III, стр. 461.

исполинскаго роста, ¹⁾ Гассанъ, поднявъ надъ головою щитъ и размахивая ятаганомъ, въ сопровожденіи 30 своихъ товарищей, бросился къ стѣнѣ. Греки встрѣтили однако эту толпу камнями и стрѣлами, и 18 человекъ убили; но Гассанъ взошелъ *первымъ* на стѣну. Хотя вскорѣ онъ былъ убитъ въ новой схваткѣ, но послѣдовавшіе за нимъ янычары удержали свою позицію, обратили Греческій отрядъ въ бѣгство, и успѣли выкинуть на башнѣ магометанское знамя. Императоръ, увидя такое несчастье, бросился, въ сопровожденіи Франца Толеда и Теофила Палеолога, къ Романовскимъ воротамъ; но они могли только показать свою храбрость, потому что ²⁾ Павелъ и Тривлѣ, Итальянцы, увидѣвъ развѣвавшееся Турецкое знамя, были поражены такимъ страхомъ, что думали только о собственномъ спасеніи, а Критскіе стрѣлки, по договору съ Турками, немедленно удалились на корабли и отплыли отъ берега. Ихъ примѣру послѣдовали и прочіе, и многіе ворота были оставлены на произволъ непріятеля. ³⁾ Турки, задержанные императоромъ въ Романовскихъ воротахъ, овладѣли Керкопортою, и цѣлыми массами начали врываться въ городъ. Услышавъ объ этомъ новомъ вторженіи непріятеля, Константинъ потерялъ всякую надежду, и ниша уже одной смерти, съ отчаяніемъ воскликнулъ: ⁴⁾ «неужели не осталось ни одного христіанина, который бы отрубилъ мнѣ голову?» И это были послѣднія его слова: въ ту самую минуту одинъ непріятельскій воинъ ударилъ его въ лице, а другой нанесъ ему смертельную рану съ тыла; не узнавъ императора, они бросили его трупъ вмѣстѣ съ прочими тѣлами убитыхъ.

Такимъ образомъ, во вторникъ, 29 Мая 1453 г., два съ половиною часа спустя по восхожденіи солнца, слѣдовательно около 6 часовъ утра, Турки овладѣли Византіей, послѣ того какъ на ея стѣнахъ ⁵⁾ палъ, вблизи Романовскихъ воротъ, послѣдній ея

¹⁾ Франца, стр. 284 и слѣд.

²⁾ Франца, стр. 288.

³⁾ Дука, стр. 286.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 287.

⁵⁾ Лаоникъ (стр. 395) говоритъ, что императоръ, обращенный въ бѣгство, былъ раненъ въ плечо, и упавъ затѣмъ съ лошади, умеръ; Франца (стр. 287) говоритъ, что онъ былъ посланъ въ то время въ другую часть города, и потому не знаетъ подробностей смерти Константина. Коджіа-Боевди описываетъ это же

защитникъ, Константинъ XI Палеологъ, имѣя отъ роду съ небольшимъ 48 лѣтъ. За тѣмъ штурмъ окончился; начались битвы на улицахъ и тѣ сцены кровопролитія и грабежа, которыми обыкновенно сопровождается взятіе города варварами. Шестъ часовъ сряду, до полудня, продолжалось страшное кровопролитіе, а три дня потомъ Турки, на основаніи слова, даннаго султаномъ, предавались грабежу и всѣмъ неистовствамъ.

¹⁾ Овладевъ двумя воротами, Турки рассыпались толпами по Влахернѣ; и предавали смерти все встрѣчавшееся на пути. Янычары проникли далѣе, до Петровскихъ воротъ, и ограбили монастырь Предтечи; богатая его ризница была раздѣлена по жребію между похитителями. Отсюда они бросились въ частныя дома, и тамъ застали многихъ женщинъ еще спящими; предъ ними бѣжали толпами граждане, распространяя вѣсть о взятіи города. Сначала никто не хотѣлъ вѣрить ужасному слуху, но вскорѣ появленіе Турокъ уничтожило всякое сомнѣніе. Тогда всѣ, кто только могъ, бросились въ храмъ Св. Софіи: было ²⁾ преданіе, что въ случаѣ взятія Турками Византіи, сойдетъ съ неба ангелъ въ храмъ, и подастъ одному хилому и бѣдному человѣку мечъ со словами: возьми этотъ мечъ и защити Божій народъ! Но Турки, послѣдовавшіе за бѣгущими, ворвались въ храмъ и перевязали всѣхъ безъ сопротивленія. ³⁾ «Кто изобразить это бѣдствіе? восклицаетъ современникъ, кто опишетъ плачъ и крикъ дѣтей, слезы матерей, и рыданія отцевъ? тамъ одинъ Турокъ тащитъ за собою изъ храма монахиню, а другой, сильнѣйшій, вырываетъ у него эту добычу; въ другомъ мѣстѣ влекутъ женщину за косу, и грудь ея обнажена. Госпожа и служанка, господинъ и рабъ, связаны вмѣстѣ; архимандритъ прикованъ къ своему служкѣ; молодые люди связаны вмѣстѣ съ дѣвцами, которыхъ до того не смѣлъ коснуться солнечный

событіе слѣдующимъ образомъ: «Императоръ, встрѣтивъ мусульманъ, занимавшихся грабежамъ, убилъ многихъ изъ нихъ. Одинъ изъ тяжело раненыхъ, облитый своею же кровью, сдѣлавъ послѣднее усиліе и съ такимъ отчаяніемъ бросился на врага исламивша, что тотъ вылетѣлъ изъ золотаго сѣдла и распростерся на черной землѣ; цѣлый дождь ударовъ атагана посыпался на него».

¹⁾ Дука, стр. 288.

²⁾ Дука, стр. 289.

³⁾ Дука, стр. 291 и слѣд.

лучь, и которыхъ отецъ едва видѣлъ. Если кто оказывалъ сопротивление, того били безъ пощады: каждый, отведя своего плѣнника въ безопасное мѣсто, возвращался за добычею во второй и въ третій разъ». ¹⁾ Случилось, что въ день взятія Византіи праздновалась, какъ и празднуется до сихъ поръ, память Преп. Мученицы Феодосіи, и всѣ знатныя дамы еще на разсвѣтъ, не зная о взятіи города, отправились къ заутрени, одѣтыя въ дорогія платья; но, встрѣтивъ Турокъ, онѣ были ими схвачены и всѣ перевязаны.

²⁾ Между тѣмъ, какъ такія сцены происходили внутри города, у береговъ Золотога Рога Греческій флотъ, не зная о случившемся, храбро отразилъ приступъ непріятеля; но вскорѣ на стѣнахъ раздались крики Турокъ, и многіе христіане стали бросаться со стѣны въ море. Увидя то, Греческій флотъ палъ духомъ и отступилъ; Юстиніанъ, услышавъ о взятіи города, приказалъ дать своимъ сигналъ трубою къ отступленію. Лука Нотара также оставилъ свой постъ, и на дорогѣ къ дому попался въ плѣнъ; къ нему и къ его семейству была приставлена стража. За этимъ начались страшныя сцены и на берегу Золотога Рога: съ закрученными руками на спинѣ несчастные были увлекаемы въ плѣнъ; старцы и больные перебиты на мѣстѣ, а новорожденные брошены въ колодцы; немногіе спасшіеся на берегъ, ³⁾ женщины, дѣти, старцы, монахини, съ воплемъ простирали руки къ корабельщикамъ, и надрывали себѣ грудь крикомъ, прося ихъ принять на бортъ; но на то не было никакой возможности, и несчастные доставались въ руки побѣдителя. ⁴⁾ Жители Галаты, увидя происходившее на противоположномъ берегу, бросались на лодкахъ къ кораблямъ; но Магометъ II отправилъ къ нимъ възвѣстнаго съ убѣжденіемъ оставаться спокойными, и съ обѣщаніемъ возобновить съ ними договоръ Грековъ, и притомъ на выгоднѣйшихъ условіяхъ. Однако не всѣ повѣрили словамъ посланцаго; многіе убѣжали на корабли; остав-

¹⁾ Лука, стр. 293.

²⁾ Лука, стр. 294 и слѣд.

³⁾ Лука, стр. 296.

⁴⁾ Лука, стр. 296 и 297.

шіеся же поднесли султану торжественно ключи города. Къ полудню вся Византія была уже въ рукахъ Турокъ; жители ея были выведены за городскія стѣны, и, подобно стаду, загнаны въ рогатки.

Видъ взятаго города былъ ужасенъ; Франтца, предъ глазами котораго все это совершилось, и который, не избѣгнувъ общей участи, попался въ плѣнъ, описываетъ положеніе опустошенной Византіи самыми живыми красками:

1) «Во многихъ мѣстахъ, говоритъ онъ, не видать было земли подъ множествомъ груновъ; повсюду слышались крикъ и стenanія почтенныхъ матронъ и дѣвъ, посвятившихъ себя Богу; Турки извлекали ихъ за косы изъ храмовъ. Кто опишетъ раздававшійся при этомъ крикъ и плачь дѣтей, оскорбленіе святыни и прочіе ужасы? Здѣсь представлялась взорамъ божественная кровь Спасителя, разлитая по полу, и тѣло Его, разбросанное по угламъ; священные сосуды, переломанные, валялись повсюду; тамъ, — образа, украшенные золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями, были попираемы ногами, или употребляемы вмѣсто столовъ; священныя ризы, вытканныя шелкомъ и золотомъ, служили попонами лошадей, или клались подъ ноги, какъ ковры; многое и другое, что возмутило бы душу каждаго и исторгло слезу, совершилось въ этотъ день руками предтечей антихриста. О Христе, Царю! Твои премудрые пути сокрыты и несповѣдимы!

«Въ храмъ Премудрости Божіей, этомъ земномъ небѣ, престолъ славы Божіей, колесницѣ Херувимовъ, твореніи Божіихъ рукъ, свѣтѣ міра, въ этомъ храмѣ, на алтаряхъ бражничали Турки, и предавались неистовымъ страстямъ, окруженные женщинами, дѣвами и юношами. Кто не оплакиваетъ тебя, о священнѣйшій храмъ! вездѣ плачь и страданія, въ домахъ слезы, въ храмахъ стоны мужей, рыданія женщинъ, грабежи, плѣнъ, оскорбленія; нѣтъ ни одного угла, который бы не былъ ограбленъ. Господи, Христе, Царю! спаси отъ подобнаго бѣдствія всякую страну и всякій городъ, населенный христіанами!»

1) Франтца, стр. 288 и слѣд.

XX.

¹⁾ Въ полдень, когда прекратились убійства, Магометъ II, окруженный вельможами, въѣхалъ торжественно въ городъ; впереди него и за нимъ слѣдовали гѣлохранители. Когда свита подѣхала къ храму Св. Софiи, султанъ сошелъ съ лошадей, и войдя внутрь храма, долго имъ любовался. Въ это время какой-то Турокъ ломалъ въ храмѣ мраморный полъ; султанъ спросилъ его, за чѣмъ онъ это дѣлаетъ, и тотъ отвѣчалъ: по ревности къ вѣрѣ. Обнаживъ мечъ, Магометъ II ударилъ его такъ, что онъ упалъ къ ногамъ его полумертвый: «я позволилъ вамъ, закричалъ султанъ, брать плѣнныхъ и сокровища, а зданiя мои!» при этомъ онъ не могъ скрыть сожалѣнiя объ условiяхъ, которыя были имъ заключены съ войскомъ: такъ все до чиста было ограблено. За тѣмъ Магометъ призвалъ одного изъ муфтиевъ, и приказалъ на амвонѣ храма прочесть обычную молитву; чрезъ этотъ обрядъ христіанскій храмъ превратился въ мечеть.

²⁾ Выйдя отсюда, султанъ приказалъ привести къ себѣ Луку Нотару, Великаго Дуку; что и было немедленно исполнено. Распростершись предъ султаномъ, Лука поднесъ ему несмѣтные сокровища, такъ что самъ султанъ и вся его свита были поражены при видѣ такихъ богатствъ.

— Все это я сохранилъ для Вашего Величества, и теперь приношу вамъ въ даръ, умоляя васъ не презрѣть просьбы вашего раба.

Такъ говорилъ Лука Нотара, въ надеждѣ получить отъ султана свободу себѣ и своему семейству; но Магометъ II не хотѣлъ показать себя чѣмъ нибудь обязаннымъ человѣку, которому онъ не могъ вполне довѣриться, и искусно прикрылъ свое намѣренiе погубить Нотару великодушiемъ.

— ³⁾ И ты, полусобака, вскричалъ султанъ, ты, ничтожный человѣкъ, плутъ и лжець, имѣя такiя сокровища, не помогъ

¹⁾ Лука, стр. 298.

²⁾ Франца, стр. 291.

³⁾ Тамъ же, стр. 292.

твоему государю и императору, ни этому городу, твоей отчизнѣ! а теперь такую же ложью, которой ты преданъ съ молодыхъ лѣтъ, думаешь поколебать и меня, чтобы избѣгнуть наказанія; скажи мнѣ, безчестный человѣкъ, кто предалъ въ мои руки и твои богатства, и этотъ городъ?

— Богъ, отвѣчалъ Нотара.

— Если же Богъ мнѣ предалъ тебя и другихъ твоихъ соотечественниковъ, то что же ты еще, злодѣй, говоришь и хвалишься? за чѣмъ ты мнѣ не прислалъ всего этого, прежде нежели я объявилъ вамъ войну и взялъ городъ? Тогда, принявъ твой даръ, я пожалуй былъ бы обязанъ вознаградить тебя; а теперь не ты мнѣ это даешь, а Богъ.

¹⁾ Сказавъ это, раздраженный султанъ началъ упрекать Грековъ, въ лицѣ Л. Нотары, въ ихъ упорствѣ: «хорошо вы поступили, говорилъ онъ, не хотѣвъ сдать мнѣ городъ добровольно; подумай какъ велико теперь разореніе города; посмотри на это ужасное число убитыхъ, и на это множество плѣнныхъ!»

— Но, султанъ, отвѣчалъ Нотара, ни императоръ, ни я, не имѣли столько власти, чтобъ сдать тебѣ городъ; и особенно потому, что многіе изъ твоихъ сановниковъ совѣтовали намъ не отчаиваться и писали къ императору: не бойся! султанъ не можетъ овладѣть городомъ.

Магометъ II зналъ, замѣчаетъ при этомъ Дука, что все это было дѣломъ Галиль-Паши, котораго онъ давно уже ненавидѣлъ; но, услышавъ произнесенное имя императора, онъ какъ будто не обратилъ вниманія на послѣднія слова Нотары и тотчасъ спросилъ его: ²⁾ гдѣ императоръ? не успѣлъ ли онъ убѣжать на корабляхъ? Но Великій Дука не могъ дать ему удовлетворительнаго отвѣта: онъ не былъ свидѣтелемъ смерти Константина. Между тѣмъ одни отвѣчали султану, что императоръ убѣжалъ, другіе, что онъ скрывается въ городѣ, а третьи увѣряли, что онъ убитъ. Нѣкоторые даже, въ ожиданіи награды, объявили, что они собственноручно умертвили императора; но султанъ хотѣлъ непременно убѣдиться своими глазами и при-

¹⁾ Дука, стр. 299.

²⁾ Тамъ же, стр. 300.

казалъ отыскать его трупъ между тѣлами христіанъ и невѣрныхъ. ¹⁾ Многія головы убитыхъ были обмыты, но головы императора не нашли; нашли одно туловище, которое было узнано по императорскимъ поножьямъ, украшеннымъ золотыми орлами, какъ то могли носить одни коронованныя лица. Обрадованный этимъ извѣстіемъ, Магометъ II приказалъ отдать тѣло Константина XI христіанамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣлъ похоронить его съ соблюденіемъ религіозныхъ обрядовъ и съ оказаніемъ ему всѣхъ императорскихъ почестей. Такъ рассказываетъ это Франца, другъ Константина, который, безъ сомнѣнія, былъ при этомъ дѣлѣ, или, во всякомъ случаѣ, лучше зналъ происшедшее, нежели Дука, котораго дружба съ Франками располагала его ко всему, что въ послѣдствіи рассказывали противъ Магомета II. По его словамъ, ²⁾ султанъ приказалъ отсѣчь Константину голову и выставить на Августовской колоннѣ, близъ храма св. Софіи; съ тѣла же была снята кожа, набита и отправлена въ Персію (?), Аравію и другія Турецкія владѣнія, какъ побѣдный трофей.

На слѣдующій день Нотара былъ вторично призванъ султаномъ.

— ³⁾ Если ты, говорилъ Магометъ Великому Дукѣ, не хотѣлъ предложить императору своихъ богатствъ, то зачѣмъ ты не склонилъ его принять мое предложеніе сдать городъ безъ боя, съ тѣмъ, чтобы я его вознаградилъ другою областью? между нами тогда возстановилась бы дружба и мы избѣгли бы столь страшныхъ убійствъ.

— Это не моя вина, отвѣчалъ Нотара, но Венеціанцевъ и Галатскихъ Генуезцевъ, которые постоянно обѣщали императору прислать ему флотъ и войско.

— Ты умѣешь отговариваться, закричалъ Магометъ; но на этотъ разъ тебѣ твое лукавство не поможетъ.

По приказанію султана, два сына Луки Нотары, а за ними и онъ самъ, были казнены; такую же участь имѣли многіе

¹⁾ Франца, стр. 290 и слѣд.

²⁾ Дука, стр. 300.

³⁾ Франца, стр. 292 и слѣд.

Франкскіе предводители, Венеціане и Каталонцы; спасся ¹⁾ одинъ Контарини, купивъ ходатайство у Соганъ-Паши. Вмѣстѣ съ ними былъ казненъ и ²⁾ Галиль-Паша, за свою дружбу съ Греками и за свои сношенія съ ними; смерть его произвела всеобщую печаль, потому что онъ былъ всегда любимъ всѣми и славился какъ лучший совѣтникъ султана въ диванѣ.

Нѣтъ нужды прибавлять, что всѣ эти извѣстія о первыхъ распоряженіяхъ Магомета II имѣютъ и другую редакцію въ сказаніи Дуки; особенно замѣчательнъ его рассказъ о судѣ и казни Луки Нотары, хотя на этотъ разъ и самъ Дука какъ бы сомнѣвается въ своихъ словахъ, и потому начинаетъ свой рассказъ оговоркой: *ѣтсроу дѣ фактѣ*, т. е. другіе же рассказы-ваютъ и т. д.

XXI.

³⁾ Другіе же рассказываютъ, пишетъ Дука, что въ башнѣ, которую охраняли Франки, укрылся и Лука Нотара съ Орханомъ (извѣстный намъ соперникъ Магомета II); но, не имѣя силъ къ сопротивленію, они оба сдались Туркамъ, вмѣстѣ съ другими многими вельможами. Въ числѣ плѣнныхъ, рассказываютъ, былъ монахъ, у котораго Орханъ взялъ платье и передѣлся въ него. Въ этомъ новомъ костюмѣ ему удалось пролѣзть въ бойницу и убѣжать за городскія стѣны; но тамъ его снова схватили матросы и вмѣстѣ съ другими плѣнными отвели съ собою на корабли, куда были приведены и плѣнники, захваченные въ башнѣ. Одинъ изъ этихъ плѣнниковъ, родомъ Грекъ, желая получить свободу, объявилъ капитану корабля, что онъ можетъ выдать ему Орхана и Луку Нотару. Капитанъ

¹⁾ Исидоръ Московскій попался въ плѣнъ, и его продали въ Галатѣ; но онъ успѣлъ убѣжать и спасся въ Пелопоннесѣ (Лаон., стр. 390). При этомъ Лаоникъ прибавляетъ, что Магометъ его умертвилъ бы непременно, еслибъ, по ошибкѣ, не считалъ его уже убитымъ во время приступа.

²⁾ Подробное описаніе суда надъ Галилемъ находится у Лаоника, стр. 403 и слѣд. По его словамъ, Галиль-Паша былъ казненъ въ послѣдствіи, по возвращеніи султана въ Адрианополь.

³⁾ Дука, стр. 301 — 303. Его рассказъ сокращенъ у Лаоника, стр. 398, 401 и слѣд.

покаялся освободить его изъ плѣна за такую услугу, и по указанію его ¹⁾ Орханъ былъ немедленно обезглавленъ, а Лука Нотара былъ отправленъ къ султану, находившемуся тогда въ Космидіѣ. Къ султану была послана и голова Орхана. Корабельщикъ получилъ за свою услугу большую награду; Нотара же, по прибытіи, былъ позванъ къ Магомету II. Султанъ просилъ его сѣсть, и тотчасъ отправилъ въ лагерь и на корабли отыскать между плѣнными его жену и дѣтей; заплативъ за каждого изъ нихъ 1000 аспровъ ²⁾ (на наши деньги около 450 р. с.) выкупу, онъ приказалъ отпустить ихъ домой. Между тѣмъ Лукъ Нотаръ были даны большія обѣщанія: «я хочу, говорилъ Магометъ, вручить тебѣ управленіе городомъ и наградить тебя бѣльшими почестями, нежели какія оказывались тебѣ въ императорскомъ дворцѣ; не отчаявайся!» Поблагодаривъ султана и облобызавъ его руку, Нотара отправился домой. Отъ него султанъ узналъ имена прочихъ придворныхъ и сановниковъ и записалъ ихъ; всѣ они были отысканы въ лагерь и на флотѣ, и выкупленные, каждый за 1000 аспровъ, собраны въ одно мѣсто.»

«Въ слѣдующій день послѣ того чернаго дня, когда былъ истребленъ родъ нашъ, султанъ вступилъ въ городъ и отправился прямо къ Великому Лукъ. Лука Нотара вышелъ къ нему на встрѣчу и принялъ его съ великою почестью. Въ то время жена его была больна; но султанъ, какъ волкъ подъ шкурою агнца, отправился навѣстить больную и сказалъ ей: «здравствуй, матушка! дай Богъ, чтобъ тебѣ не повредили печальныя происшествія этихъ дней; нечего дѣлать! должно повиноваться волѣ Провидѣнія; я тебя вознагражу за утраченное, дамъ тебѣ больше, нежели что ты потеряла; а теперь заботься о томъ, чтобы выздоровѣть.» Она его поблагодарила за милость, и Магометъ, выйдя отъ Нотары, продолжалъ осматривать городъ. Опустошеніе было такъ велико, что въ Византіи нигдѣ не было слышно ни человѣческаго голоса, ни крика птицы, ни другаго животнаго.»

¹⁾ По словамъ Лаоника, стр. 398, Орханъ бросился съ башни и разбился до смерти.

²⁾ См. выше гл. VIII.

«Тиранъ, осмотрѣвъ большую часть города, устроилъ въ сосѣдномъ мѣстѣ съ дворцемъ пиръ, и пресыщенный виномъ, позвалъ къ себѣ евнуха и сказалъ ему: «пойди къ Великому Дуку и объяви ему, что султанъ повелѣваетъ прислать на пиршество младшаго его сына» (онъ былъ весьма хорошъ собою и имѣлъ 14 лѣтъ отъ роду). Услышавъ то, Нотара пришелъ въ негодованіе и съ измѣнившимся отъ гнѣва лицомъ сказалъ евнуху: «у насъ нѣтъ обычая отдавать своихъ дѣтей на поруганіе; лучше пусть султанъ пришлетъ палача отрубить мнѣ голову.» Напрасно евнухъ совѣтовалъ ему не раздражать властелина; Лука Нотара рѣшительно отказался повиноваться и отвѣчалъ: если тебѣ приказано взять его, то возьми, а добровольно я тебѣ сына не отдамъ.» Евнухъ возвратился съ этимъ отвѣтомъ къ султану. Магометъ, раздраженный отказомъ, приказалъ силою привести юношу, а палачъ долженъ былъ схватить самого Нотару и прочихъ его дѣтей. Узнавъ о новой волѣ султана, Нотара обнялъ жену, дѣтей, и послѣдовалъ за палачемъ, въ сопровожденіи старшаго сына и зятя Кантакузѣна. Меньшой сынъ былъ немедленно представленъ султану, а всѣ прочіе оставались внизу, у входа во дворецъ, пока вышло приказаніе обезглавить ихъ. Недалеко отъ дворца избрано было мѣсто для казни. Одинъ изъ сыновей Дуки, при видѣ приготовленій къ казни, заплакалъ; тогда отецъ сталъ ободрять его и старался возбудить въ немъ твердость духа: «дѣти, говорилъ онъ, вы видѣли, какъ вчера, въ одно мгновеніе, погибли всѣ неисчерпаемыя богатства наши и громкая слава, которою мы сіяли во всемъ христіанскомъ мірѣ; отъ всего этого намъ ничего не осталось, только жизнь; а жизнь, вы знаете, дается на время: рано или поздно мы должны разстаться съ ней. И спрашиваю васъ: въ какомъ положеніи теперь наша жизнь? Лишенные почестей, богатства, презираемые всѣми, станемъ ли мы влачить наше существованіе, ожидая, чтобъ смерть избавила насъ отъ этого тяжелаго бремени? Гдѣ нашъ императоръ? Развѣ не онъ убитъ вчера? Гдѣ мой тестъ и твой отецъ, великій маршалъ? говорилъ онъ, обращаясь къ Кантакузѣну. Гдѣ Палологъ и главнокомандующій съ его дѣтьми? Развѣ они не убиты вчера? О, если бы мы раздѣлили ихъ участь! Но чтожъ? намъ

судьба посылаетъ этотъ счастливый случай сегодня. Во имя Того, Кто умеръ за насъ, былъ распятъ и воскресъ, умремъ и мы, чтобы вкусить Его благодать.» Такъ бесѣдовалъ Нотара съ дѣтьми, и они, воодушевленные его словами, стали смотрѣть смѣлѣе въ глаза смерти. «Начни съ дѣтей!» сказалъ Великій Дука палачу; и съ его словами: «справеденъ Ты, Господи!» палачъ отсѣкъ головы дѣтямъ. Тогда, попросивъ дозволенія помолиться въ ближайшей часовнѣ, и послѣ молитвы взглянувъ еще разъ на тѣла, еще трепещущія, своихъ дѣтей, Нотара легъ на плаху и голова его отлетѣла.»

При такомъ противорѣчій источниковъ о процессѣ Нотары, мы можемъ сказать съ достовѣрностью только одно, что Великій Дука былъ казненъ вмѣстѣ съ прочими; но если свидѣтельство очевидца имѣетъ преимущество предъ свидѣтельствомъ лица, писавшаго по слухамъ, то должно, вѣря разсказу Франциса, заключить, что эта казнь была политическимъ актомъ, а не результатомъ ослабленной страсти властителя Турокъ, какъ то имѣлъ въ виду представить Дука. Изъ разговора Магомета съ Нотарою даже можно заключить, что султанъ имѣлъ нѣкоторыя основанія думать, что поведеніе Великаго Дуки въ отношеніи къ нему было двусмысленно. Магометъ II подозрѣвалъ его въ двойной измѣнѣ, и подозрѣнія эти были справедливы. По крайней мѣрѣ извѣстно, что Дука Нотара ¹⁾ переправилъ значительную часть богатствъ въ Италію; а наконецъ онъ былъ въ явномъ сношеніи съ Латинами, и, получивъ дозволеніе жить въ городѣ, ²⁾ не скрывалъ своихъ надеждъ на прибытіе помощи изъ Италіи, и притомъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Это послѣднее извѣстіе лучше всего объясняетъ причины, побудившія Магомета II предать казни того, кто, во время осады, показалъ такую ненависть къ Латинамъ и расположеніе къ Туркамъ.

Галата раздѣлила судьбу Нотары, въ слѣдствіе той же двусмысленности отношеній. ³⁾ Въ пятый день по завоеваніи го-

¹⁾ Лаоник. Халконд., стр. 403.

²⁾ Тамъ же, стр. 401.

³⁾ Дука, стр. 312 и слѣд.

рода, Магометъ занялъ и колоніи Генуезцевъ. Дома бѣжавшихъ были описаны. Давъ три мѣсяца сроку для возвращенія хозяевъ, султанъ, по истеченіи этого времени, конфисковалъ все ихъ имущество. Стѣны Галаты, отдѣлявшія ее отъ материка, были разрушены; остались одни укрѣпленія гавани. Всѣ эти распоряженія были вызваны тѣмъ же ¹⁾ опасеніемъ сношеній жителей Галаты съ западными христіанами.

XXII.

²⁾ «Въ третій день, говоритъ Коджіа-Еофенди, глашатаи Высокой Порты возвѣстили волю султана, непреложную какъ судьба: повелѣвалось солдатамъ прекратить грабежи, никому не дѣлать зла и жить спокойно. Такая высочайшая воля была исполнена немедленно: мечи возвратились въ ножны и луки пошѣстились въ углу отдохновенія.» Но, возвращая внѣшнее спокойствіе народа, Магометъ вмѣстѣ съ тѣмъ не забывалъ, что на немъ лежала и другая обязанность, другое условіе, при которомъ только и возможно было ему завоевать Византію и удержать ее на будущее время. Намъ извѣстно, что въ городѣ было много его приверженцевъ, которые предпочитали его Турецкое Латинскому, и Магомету II должно было оправдать ихъ ожиданія. Всѣ первыя распоряженія султана вытекали прямо изъ этого побужденія; въ нихъ онъ является не завоевателемъ, но благоразумнымъ политикомъ, который и въ минуту своего торжества и высшаго могущества ясно сознавалъ тайну Турецкаго господства, и условія, при соблюденіи которыхъ оно можетъ быть терпимо христіанскою Европой. Притомъ характеръ этихъ распоряженій объяснить намъ, почему Греки всегда предпочитали господство Турокъ господству Латинцевъ: стоитъ сравнить для того поступки Латинцевъ, когда имъ удавалось или завоевать Византію, или по крайней мѣрѣ имѣть на нее вліяніе, съ тѣмъ, что было совершено Магометомъ II.

¹⁾ Лаон., стр. 401.

²⁾ Biblioth. des Croisad., т. III, стр. 465.

¹⁾ «На третій день по завоеваніи города, рассказываетъ Франтца, султанъ радостно праздновалъ триумфъ одержанной побѣды, и вмѣстѣ съ тѣмъ издалъ указъ: чтобы всѣ знатные и бѣдные, укрывавшіеся до того времени въ неизвѣстныхъ мѣстахъ города, вышли и пользовались *полною свободою и неприкосновенностью* (*καὶ ἐλευθεροὶ καὶ ἀνενόχλητοι ὄσιν*); равно чтобы и тѣ, которые оставили городъ по страху, во время осады, возвратились въ свои дома и жили бы по прежнему, *сохраняя свою религію и обычаи* (*καὶ βίβναι ἕκαστον κατὰ τὴν τάξιν καὶ θρησκείαν αὐτοῦ*).» Такимъ образомъ Греки, при началѣ Турецкаго господства, получили отъ побѣдителя то, чего они не могли прежде никогда получить отъ западныхъ христіанъ — свободу религіи. Латинскіе крестоносцы, по завоеваніи Византіи, поставили въ ней патріархомъ одного изъ своихъ, Моросини; не за долго предъ осадюю они думали возвысить въ этотъ санъ латинизированнаго Исидора. Иначе поступилъ Магометъ II и въ этомъ случаѣ. ²⁾ Онъ приказалъ избрать патріарха «по постановленіямъ Церкви» (*ὡς σύνηθες ἦν κατὰ τὴν τάξιν αὐτῶν*); въ слѣдствіе чего епископы, случившіеся на то время въ городѣ, и нѣкоторые изъ духовенства и народа выбрали Георгія Схоларія и назначили патріархомъ, наименовавъ его Геннадіемъ. Замѣчательна уже самая личность избраннаго патріарха: это былъ, какъ мы видѣли, ревностный защитникъ православія и отъявленный врагъ католичества. Никого лучше и не могли желать Турки, понимавшіе свое историческое значеніе — спасти Грецію отъ притязаній католическаго запада. Франтца описываетъ подробно и самое посвященіе Геннадія, перваго патріарха подъ Турецкимъ господствомъ Византіи, и тѣ отношенія, въ которыхъ онъ находился къ султану:

³⁾ «Магометъ II, какъ властитель города, говоритъ историкъ, хотѣлъ во всемъ подражать христіанскимъ императорамъ: онъ пригласилъ избраннаго патріарха Геннадія къ своему столу, и разсуждая съ нимъ, много разспрашивалъ о христіанской ре-

1) Франтца, стр. 304.

2) Тамъ же.

3) Тамъ же, стр. 306 и 307.

лиги. Султанъ встрѣтилъ Геннадія съ величайшею почестью, бесѣдовалъ съ нимъ о многомъ и далъ ему большія обѣщанія. Когда настало время патриарху удалиться, султанъ предложилъ ему, по обычаю христіанскихъ императоровъ, драгоценный подарокъ, убѣждая принять его; потомъ проводилъ патриарха, не смотря на его отговорки, до самаго выхода изъ дворца, приказалъ ему при себѣ сѣсть на лошадь, убранную заранѣе по принятымъ обычаямъ, и повелѣлъ всѣмъ своимъ первокласснымъ вельможамъ провожать патриарха. Они его сопровождали пѣшкомъ до самаго храма Апостоловъ, одни предшествуя ему, другіе идя за нимъ. Султанъ подарилъ этотъ храмъ патриаршему престолу.» Вскорѣ послѣ того патриархъ получилъ и грамоту за подписью султана, которою повелѣвалось «не притѣснять его, ни оскорблять, но предоставлялось ему жить свободно, не опасаясь никакой неприязни, и притомъ съ освобожденіемъ отъ всякихъ податей и налоговъ; и эти права, заключаема грамота, распространяются какъ на нынѣшняго патриарха, такъ и на всѣхъ его преемниковъ во вѣки вѣковъ, и также на всѣхъ подчиненныхъ епископовъ»^{*)}).

Такъ пала Восточная Римская Имперія, и таковы были первые три дня Турецкаго господства въ Византіи.

^{*)} Ἐδωκε (ὁ ἀμνηρᾶς) δὲ καὶ προσταγμάτα ἐγγράφως τῷ πατριάρχῃ μετ' ἐξουσίας βασιλικῆς ὑπογεγραμμένης κατὰθεν ἵνα μηδεὶς αὐτὸν ἐνοχλήσῃ ἢ ἀντιτείνῃ ἀλλὰ εἶναι αὐτὸν ἀνάιτητον καὶ ἀφορολόγητον καὶ ἀδιασείστον τε ἀπὸ παντὸς ἐναγίου, καὶ τέλους καὶ δώσεως ἐλεύθερος ἔσῃται αὐτὸς καὶ οἱ μετ' αὐτὸν πατριάρχαι εἰς τὸν αἰῶνα, ὁμοίως καὶ πάντες οἱ ὑποτεταγμένοι αὐτῷ ἀρχιερεῖς. Франтца, стр. 308.

О ЯЗЫКОЗНАНІИ

ВЪ ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

(М. И. СУХОМЛИНОВА).

Высокое значеніе языка, какъ предмета изслѣдованія и наблюденій, единодушно признаваемое учеными, подтверждается и самою исторіею народной образованности. Языкъ остается неизмѣнно однимъ изъ предметовъ, привлекающихъ къ себѣ любознательность при различныхъ степеняхъ развитія науки у народа. Даже въ числѣ древнѣйшихъ памятниковъ ея у нѣкоторыхъ народовъ встрѣчаются и замѣчанія о языкѣ, болѣе или менѣе значительныя, въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Исторія Русской образованности представляетъ съ своей стороны нѣсколько любопытныхъ въ этомъ отношеніи фактовъ.

По убѣжденію предковъ нашихъ, языкъ есть высокій даръ человѣку, неизмѣримо возвышающій его надъ «безсловесными», какъ издревле назывались у насъ животныя неразумныя, въ отличіе отъ человѣка, существа мыслящаго и говорящаго. Хотя и другія животныя владѣютъ способностью издавать звуки; но языкъ, по свидѣтельству нашихъ древнихъ памятниковъ, есть знакъ единственно человѣческой природы, указывающій въ въ человѣкѣ избранника Божія, любимое созданіе Творческой

Силы: «Якоже и коневн рзание, и псоу брехание, и волови рютье, и лютому звери риканье дано есть, да то ихъ знаменье есть: такоже и человекю слово, да его то знаменье. Тоже его градъ, тоже его сила, тоже оружье, тоже и стѣна. Съ животенъ боголюбенъ кромѣ всѣхъ животовъ симъ почтенъ есть¹⁾. Въ нѣкоторыхъ памятникахъ нашей древней словесности такъ обозначается отличие человека отъ другихъ существъ небесныхъ и земныхъ: «Члвкв созда Бгъ между англь и скота: кромѣ англь гдѣвомъ и похотию, а кромѣ скота словомъ и смысломъ²⁾. То есть, физическія движенія удаляютъ человека отъ природы ангельской, а слово и мысль возвышаютъ его надъ міромъ животныхъ.

Чистота и правильность языка считалась залогомъ чистоты и правильности религіозныхъ вѣрованій; соблюденіе законовъ языка вмѣнялось въ необходимую потребность сочиненію, излагавшему истины Вѣры. Въ языкѣ видѣли выраженіе внутренней жизни, мысли и чувства человека; языкомъ — вѣрили твердо — говорила душа. Еще въ XI столѣтіи выраженіе псалма: «Пойте Богу нашему въ гуслихъ», понимали такъ: «въ гуслихъ, т. е. съ душою. Гусли есть душа, а цѣвница языкъ: ибо безъ него не можетъ говорить душа³⁾. Языкъ почитаемъ былъ необходимымъ и совершеннѣйшимъ орудіемъ ума. Умъ приводитъ въ движеніе языкъ, какъ художникъ приводитъ въ движеніе музыкальное орудіе: — подобная мысль выражается въ другомъ объясненіи того же псалма, извѣстномъ также съ весьма давняго времени въ Славянскомъ переводѣ⁴⁾. Слово и мысль признаваемы были нераздѣльными въ человекѣ. Сознаніе этой истины

¹⁾ Рукопись «Пчела», гл. 13 — о ученіи и о бесѣдѣ; списк. XIV — XV в.

²⁾ Описаніе рукописей Гумилев. Музеума, *Востоковед*, стр. 236 и 238.

³⁾ Рукописное отрывокъ изъ Псалтыри съ толкованіемъ, XI в.; въ бышецк. Погудяск. книгохранилищѣ. Цс. 97, 5: «Пойте Богу нашему въ гуслихъ: съ душемъ спречъ гласи бо душа есть а цѣвница языкъ. безъ него бо душа не можетъ гаяти.» Толкованіе приписывается св. Афанасію, архіепископу Александрійскому.

⁴⁾ Псалтырь съ толкованіемъ Θεодорита, епископа Кирскаго. Ргпс XV в. въ Руманц. музеумѣ, № 334, по описан. Востокова. «Творца же и мы словесны гласи — наша телеса; струнъ мѣсто — зубы; въ мѣди же мѣсто — оустнами; всакого бо язычца быструе языкъ, движимъ състроенъ глас творить. Движетъ жъ языкомъ оумъ, маломе гласникъ строителъ движеніе его творя» (л. 172 об.).

восходить къ глубокой древности, къ первымъ началамъ нашей образованности. Съ особенною убѣдительною и силою выражено оно св. Іосифомъ, нашимъ древнимъ мыслителемъ, прославившимся своими сочиненіями противъ еретиковъ, которые, по замѣчанію одного изъ новыхъ ученыхъ, имѣютъ значеніе въ развитіи нашей умственной жизни, какъ представители преимущественно раціональнаго направленія¹⁾. Доводы св. Іосифа отличаются удивительною послѣдовательностью и здравомысліемъ. Таинственное отношеніе Лиць Святой Троицы онъ сравниваетъ со взаимнымъ отношеніемъ слова и выражаемой словомъ мысли. Три Лица Святой Троицы, одного и того же естества и существа, говоритъ авторъ; но Отець не рождаетъ, Сынъ рождается отъ Отца, какъ свѣтъ отъ солнца, какъ слово отъ ума²⁾. Такъ какъ душа и языкъ, мысль и слово тѣсно связаны между собою, то и вѣрнѣйшій путь дѣйствовать на душу заключается въ языкѣ: «мечъ язвить тѣло, а слово — умъ», говорится въ одномъ древне-Русскомъ произведеніи, извѣстномъ въ спискѣ XIV вѣка³⁾.

Подобное же понятіе о высокомъ назначеніи слова обнаруживается въ названіи его зеркаломъ души: «слово подобно есть зеркалу: якоже тѣмъ образъ телесныи и личныи являється, такоже и бесѣдою душевныи образъ образуемъ назнаменуется.... Слово одѣваетъ душу образомъ»⁴⁾.

Слово чтли какъ святыню и вѣрили въ него какъ въ благодатнаго вѣстника: «ластовици типиноу намъ проповѣдаютъ весною, а моудрая словеса безпечалье.» Поэтому словомъ должно было пользоваться съ уваженіемъ, а не употреблять его попусту: «Оудобъ есть камень въсоуде поустити, нежели слово

¹⁾ Ученый Заласки, изд. Каванск. Университ., 1843, кн. III, В. Григорьевича: Опытъ изложенія литературы Словенъ въ ея главнѣйшихъ эпохахъ, стр. 121.

²⁾ Рпись Руманц. Муз. № 204. 1-е Слово св. Іосифа Волоколамскаго на Новгородскихъ еретиковъ: «въкоупѣ бо Сѣдъ и Сизъ и Стми Дхъ; но Сѣдъ оубо и вероженъ, Сизъ же и рожденіе Сѣче, яко ѿ слнца свѣтъ, и ѿ оума слово; Дхъ же Стми и исхмжденіе Сѣче» (л. 16 об.).

³⁾ Златая чашъ — рпись Троицко-Сергіевой Лавры: «мечъ язвить тѣло, а слово оумъ, и жестко слово ражаетъ ярость; зло бо жестъ невинноватому неправое слово л. 56).

⁴⁾ Сборникъ «Пчела», гл. 15.

праздно.» Нельзя было не дорожить словомъ, когда, однажды сказавшись, оно уже не можетъ быть возвращено сказавшему: — эту мысль одинаковымъ сравненіемъ выразила и устная и письменная словесность наша. Въ древней рукописи читаемъ: «ви итицы оупоушены скоро можеша опать яти, ни слова изъ оустъ вылетѣвъшь възвратити ти можеша и яти» (Пчела, гл. 20). «Слово не воробей — говоритъ пословица — вылетитъ, не поймашь.» Другая пословица говоритъ: «Слово выпустишь, такъ и виломъ не втащишь »).

Замѣчательно, что одно и то же выраженіе употреблялось и объ исхожденіи души изъ тѣла и о произнесеніи слова, исходящаго изъ глубины души. Понятія: «испустить духъ» и «вымолвить слово», на поэтическомъ языкѣ Русскомъ XII вѣка выражались такъ: «выронить жемчужную душу», «выронить золотое слово.» Въ Словѣ о полку Игоревѣ говорится о князѣ Изяславѣ Васильковичѣ: «единъ же *изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла*», а о Святославѣ: «Тогда Великіи Святславъ *изрони злато слово* слезами смѣшено и рече: о моя сыновчя» и пр.

Выразивъ уваженіе свое къ языку признаніемъ его неразрывнаго родства съ мыслью, предки наши оставили много слѣдовъ и того, что умственная дѣятельность ихъ обращалась къ языку, къ наблюденью его свойствъ и особенностей. Слѣды эти частью только мелькаютъ въ массѣ фактовъ, относящихся къ другимъ предметамъ, занимавшимъ мысль или воображеніе нашихъ древнихъ писателей; частью же видимы ясно, отчетливо, обнаруживаясь цѣлымъ рядомъ произведеній, исключительно посвященныхъ языку. Изъ числа первыхъ можно вспомнить о замѣчательномъ мнѣніи касательно внутренняго смысла, заключеннаго въ именахъ. Это мнѣніе имѣло множество представителей, начиная съ Платона и Аристотеля въ древность, номиналистовъ и реалистовъ въ средніе вѣка, и потомъ съ достопамятнаго Санкція (Franciscus Sanctius) въ XVI в. до Куръ-де-Жебелена и другихъ филологовъ XVIII столѣтія. Много занимались въ Европѣ вопросомъ о томъ, какимъ образомъ предметы получили названія, по одной ли случайности или по не-

*) Русскія пословицы и притчи, изд. Свєгиревыхъ, 1848, стр. 373 — 374.

обходимой, причинѣ, усложняемой самою сущностью предметовъ. Люди ученые и люди съ однимъ только здравымъ смысломъ и склонностью къ размышленію высказывали свои мнѣнія объ этомъ вопросѣ. Какого же мнѣнія держались наши древніе книжники? За неизмѣнимъ опредѣленныхъ указаній намъ остается искать по крайней мѣрѣ намековъ, и, если встрѣтятся подобныя намеки, не оставлять ихъ совершенно безъ вниманія. Такъ можно прамѣтить, что лѣтописцы иногда въ названіи лица извѣстнымъ именемъ видѣли какъ бы не одинъ слѣпой случай, а нѣчто болѣе: замѣчали соотвѣтствіе между именемъ и характеромъ носившаго это имя. Несторъ говоритъ въ Жизнеописаніи св. Феодосія, что когда новорожденного принесли по обычаю къ священнику для нареченія имени, то «прозвутерь же видѣвъ дѣтища, сердечными очима прозрѣ еже о немъ, яко хощеть измлада *Богу датися, Федосьемъ* того нарѣцаеть.» Слѣдовательно Несторъ понималъ значеніе Греческаго слова Θεοδόσιος, составленнаго изъ двухъ словъ: Θεός (Богъ) и δίδωμι (даю). А чтобы понимать, онъ долженъ былъ или знать Греческій языкъ, или имѣть подъ рукою Славянское объясненіе иностранныхъ словъ; въ послѣднемъ случаѣ является новое доказательство, что словарные опыты возникаютъ у насъ или у нашихъ соплеменниковъ — равнѣ XI столѣтія. Описывая погребеніе Романа Ростиславича, сконч. 1180 г., лѣтописецъ влагаетъ въ уста плачущихъ надъ гробомъ слѣдующую похвалу достойному князю: «Царю мой благый, кроткій, смиренный, правдивый! — говоритъ княгиня — *воистину тебѣ нарчено имя Романъ*, всею добродѣтелию съимъ подобенъ ему, многія досады прія отъ Смолнянъ, и не видѣ ты, господине, николи же противу ихъ злу котораго зла въздающа, но на Бозѣ вся покладывая провожаше»^{*)}. Это же самое причитанье буквально повторяется, также устами княгини, при извѣстіи подъ 1288 г. о кончинѣ Владиміра Васильковича, имѣвшаго христіанское имя Ивана: «Царю мой благый, кроткій, смиренный, правдивый! *воистину нарчено бысть тебѣ имя во крещеніи Иванъ*, всею добродѣтелию подобенъ есъ ему: многыя досады пріимъ отъ своихъ сродникъ, не ви-

*) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, т. 2, стр. 123.

дѣлъ ты, господино мой, николи же противу ихъ злу ни котораго же зла воздающа, но на Божѣ вся покладывая про-
вожаше»¹⁾. За повѣствованіемъ объ убіеніи Святополкомъ кня-
зей Бориса и Глѣба слѣдуетъ въ паремийникѣ замѣчаніе, что
Святополкъ несправедливо носитъ имя, коего недостойнъ убійца.
«Сего бо кровь и до кончины вѣка не престаесть вопиющи къ Богу
на беззаконнаго и гордаго *Святополка*, паче же рѣку *Полянополка*,
безъглавнаго звѣри»²⁾. Такимъ же образомъ въ одной рукописи
XVI в. разлагается имя *Богумиль*: «Въ земли Българстѣи бысть
попъ, именовъ *Богумиль*, а по истинѣ рещи *Богу-не-милъ*»³⁾.
Въ послѣдствіи отыскываніе смысла имени обратилось въ лите-
ратурный обычай. Въ исторіи дьяка Грибоѣдова, компилиро-
вавшего Степенныя Книги и Лѣтопись Палицына, указывается
на царственное призваніе св. Владиміра, выразившееся и въ язы-
ческомъ его имени — Владиміръ (владыка міра) и въ христиан-
скомъ — Василій (*βασιλεύς* — царь). О великомъ князѣ Ярославѣ
Грибоѣдовъ говоритъ: «Ярославъ, во святомъ крещеніи *Георгій*;
якоже убо толкуется сіе имя *Божіе дѣло*: *воистину убо Божіе
дѣло* есть сій богоподражательный сынъ и наслѣдникъ равно-
апостольнаго князя Владиміра Святаго»⁴⁾. Совершенно то же
желаніе видѣть сокровенный смыслъ въ именахъ, какъ бы пред-
назначеніе, замѣтно и въ писателяхъ, обогащавшихъ литературу
народовъ намъ соплеменныхъ. Жизнеописатель св. Станислава
признаетъ въ трудѣ своемъ, относящемся къ XIII вѣку, что уже
самое имя Станислава означаетъ, что онъ избранникъ Божій.
Авторъ производитъ имя *Stanislaus* отъ *stans laus*, или *inmans
laudi*, или *statio laudis*: *stetit enim vir Dei Stanislaus in laude Dei
prorensius et laus Dei in ore ejus, qui ex omni corde laudavit
Deum, qui fecit eum*»⁵⁾.

Стремленіе осмыслить слова повело къ объясненію ихъ зна-
ченія, большею частью весьма наивному. Этимологическія наивные

¹⁾ Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, т. II, стр. 220.

²⁾ Іоаннъ, визархъ Болгарскій; послѣд. *Калейдосича*, стр. 100.

³⁾ Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, т. I, Приложенія, стр. 253.

⁴⁾ Исторія Грибоѣдова. Ряз. Рум. Муз. № 83.

⁵⁾ *Vita S. Stanislai*, ed. *Bandtkie*. Varsaviae, 1824. (При хроникѣ Мартина Галла).

ста Тредьяковскаго и Сумарокова имѣютъ зародились свой умъ въ XI вѣкѣ. Описывая единеборство Русскаго отрока съ Печенѣжникомъ при Владимірѣ, Несторъ такъ объясняетъ происхожденіе собственнаго имени города: «Размѣривше жеки обѣма полкома, пустиша я къ собѣ, и ястася, почастася крѣпко держати, и удави Печенѣжана въ руку до смерти и удари имъ о землю; и кликнуша, и Печенѣжъ побѣгоша, и Русь погнаша на нихъ съкуше, и прогнаша я. Володимерь же радъ быти, заложы городъ на бродѣ томъ и нарече и *Перяслаавъ*, заре *перяславу* отрокъ отъ»¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ встрѣчается у Нестора такое разложеніе собственнаго имени народа: «Срациши отъ Иаманда творятъся *Сарими*, и прозаша имена собѣ *Саракыне*, рекше: *Сарикъ есмь*»²⁾. Густинская лѣтопись упоминаетъ о различныхъ производствѣхъ нашего народнаго имени: «Но откуда взята сему славному народу сіе именованіе *Русь*, лѣтописци различнѣ повѣдають. Едины глаголють, яко отъ *Росса* князя полуношнаго; иныи отъ рѣки глаголемыя *Рось*; иныи отъ *русма* власовъ, понеже въ сей странѣ изъ синевыми власы мнози обрѣтаются; *конечныи* же глаголють, яко отъ *розълія Россія* именуется.» Помирившись съ производствомъ имени *Россія* отъ *розълія*, лѣтописецъ при исчисленіи именъ, подь конми являлись Славяне въ исторіи, даетъ такой толкъ одному изъ нихъ — Роксоланы: *Роксоланы*, акибы *Русь* и *Аляны*³⁾.

Всѣ приведенные факты не болѣе, какъ намеки, отрывочныя замѣтки; собственно же къ памятникамъ филологической дѣятельности въ древній періодъ нашей словесности принадлежатъ грамматики и такъ называемые азбуковники, словари. Первые занимаются свойствами одного, общедоступнаго для Русскихъ языка. Рукописныхъ грамматикъ извѣстно значительное количество, и всѣ онѣ могутъ быть подведены подъ два главные отдѣла, соотвѣтствующіе двумъ редакціямъ: до появленія печатныхъ грамматикъ Зизанія и Смотрицаго, и послѣ ихъ

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 53.

2) Тамъ же, I, 99.

3) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, т. II: Густинская лѣтопись, стр. 226.

появленія. Въ составъ азбуковниковъ вошло множество словъ и понятій иностранныхъ, и въ этомъ отношеніи они представляютъ весьма любопытное литературное явленіе. Кромѣ того; азбуковники любопытны и по разнообразію своего содержанія, представляя обильную пищу для современныхъ имъ читателей и служа однимъ изъ давнихъ образцовъ энциклопедическихъ сочиненій въ Европѣ. Нѣкоторые изъ списковъ носятъ такое заглавіе: «Алфавитъ книга премудрая имѣя въ себѣ 24 языка.» Въ число двадцати четырехъ входятъ болѣею частію слѣдующіе языки: Арабскій, Армянскій, Греческій, Еврейскій, Еллинскій, Египетскій, Жидовскій, Иверскій, Индійскій, Латвискій, Литовскій, Македонскій, Мидскій, Пермскій, Персидскій, Римскій, Русскій, Сербскій, Сирскій, Скиескій, Словенскій, Татарскій, Ханаанскій, Чешскій, и др. Смѣсь и невѣрность въ исчисленіи очевидны; но онѣ находятся не только въ Русскихъ, но и во всѣхъ другихъ филологическихъ сочиненіяхъ XVI вѣка. Довольно указать на трудъ Конрада Гесснера, бывшаго корреспондентомъ современной ему Европейской учености. Я имѣю въ виду Гесснеровъ — *Mithridates, de differentiis linguarum, tum veterum, tum quae hodie apud diversas nationes in toto orbe terrarum in usu sunt, observationes*. Tiguri. 1555. Въ этомъ сборникѣ языки областей, государствъ и частей свѣта перемѣшаны между собою: подрѣзіе одного изъ нарѣчій Славянскихъ — *Кашубское* стоитъ рядомъ съ языкомъ цѣлаго племени въ Европѣ — *Кельтскимъ*; языки Московскій, Мозамбикскій, Каппадокійскій, Лаконскій, Халдейскій и т. д. слѣдуютъ одинъ за другимъ по одному азбучному порядку. Въ отдѣлѣ каждаго языка сообщаются извѣстія о народѣ вообще, употребляющемъ этотъ языкъ, въ родѣ слѣдующихъ о народѣ Русскомъ: Русскіе не занимаются медициной (*rationalis medicina*) и астрологіей (*sideralis scientia*); имѣютъ отечественныя лѣтописи; кромѣ лѣтописей удерживаютъ воспоминаніе объ Александрѣ Македонскомъ, Римскихъ цезаряхъ, Антоніѣ и Клеопатрѣ, и т. п. Будучи сборниками энциклопедическими, и наши алфавиты знакомли читателей съ бытомъ народа, географіей, исторіей. При словѣ Вретанія сказано: «островъ великъ, въ длину 1000, а въ ширину 300 верстъ, а живутъ въ немъ чловѣцы два рода, Каледоне и Меате, гра-

дошъ и жилище не имуть, но пребываютъ въ горахъ и поляхъ пустыхъ, нази и необуveni, земли не дѣлають, но питаются паствою воловъ и овецѣмъ; и мн. др. При имени *Еликуръ*: «воллогоу еллинскій вельми честенъ, того ради вси учащїеся у него епикурѣ философы нарицахуся; *Аристофанъ* — пѣснотворецъ еллинскій», и т. п. Собственно филологическая сторона нашихъ азбуковниковъ состоитъ въ объясненїи, болѣе или менѣе удачномъ, многихъ иностранныхъ словъ; вошедшихъ въ письменный Русскій языкъ. Такъ слово *архїепископъ* объясняется: «начало посетителемъ»: по-Гречески *архъ*, а по-Русски *начало*; по-Гречески *епископъ*, а по-Русски *посетитель*.» За этии слѣдуетъ историческое объясненїе: «Святїи бо Христовы апостоли поставляху епископовъ по градомъ да укрѣпляютъ вѣрныхъ и да посѣщаютъ ихъ, рекше *назирають*, добре ли Христіане вѣру хранять.... *Вислія* — слово Греческое; *стихарь* — Греческое; *корона* — Еврейское — *даръ*; *костель* — Латинское; *коллациа* — Латинское, по-Русски — *причастїе*; *кодексъ* нарицется книга, содержащая въ себѣ многїя книги, подобно Библіи; *астысучи* (Чешское) бѣлъ или чистъ; *омязе* (Сербское) — боаре; *емтасть* (Сербское) — путь мимоидя въ дому чьемъ почїеть или колико дней пребудеть, и то нарицется *емпанїе*; *астролози* — звѣздословцы, *астрономы* — звѣздохаконники, *астрономїа* — звѣздохаконїе», и т. д. Не имѣя въ настоящемъ случаѣ въ виду изслѣдованїа о двухъ первенцахъ нашей филологїи, ограничиваюсь замѣчанїемъ, что какого бы рода и значенїя ни были первыя начала филологическихъ трудовъ въ Россїи, во всякомъ случаѣ возможенъ вопросъ о связи, въ которой они находились съ современнымъ имъ состоянїемъ языкованїа. Практика всегда въ связи съ теорїей; и матеріалъ, накопленный посредствомъ знакомства съ иностранными языками и изученїа языка отечественнаго, могъ имѣть нѣкоторое вліяніе на характеръ первыхъ филологическихъ опытовъ. Вотъ одна изъ причинъ, побудившая насъ представить обзоръ круга языкованїа въ древней Россїи. Другая же и главнѣйшая причина нашего выбора заключается въ томъ, что состоянїе языкованїа у народа служитъ однимъ изъ выраженїи его образованности, и поэтому входитъ, какъ черта, въ исторїю внутренняго быта народа. Изслѣдованїе

круга и характера языкознанія можетъ познакомить и съ политическимъ бытомъ народа и съ направлениемъ его образованности. Знаніе языковъ приобрѣтается двумя путями: практическимъ, отъ навыка, посредствомъ сношеній съ иностранными народами, или теоретически, изученіемъ языка съ извѣстною цѣлью. Въ первомъ случаѣ факты языкованія суть вмѣстѣ съ тѣмъ и факты сношеній съ иностранцами, матеріалъ для политической исторіи народа; во второмъ она опредѣляютъ нравственные интересы народа, особенности его умственной жизни. Языкъ принимаетъ въ себя живые слѣды народной образованности. Самый выборъ извѣстнаго языка, какъ орудія образованности, указываетъ уже на ея характеръ. Оставаясь же въ теченіе продолжительныхъ періодовъ орудіемъ литературы, языкъ проникается ея направлениемъ до такой степени, что образуетъ съ нею одно нераздѣльное цѣлое, которое и наблюдать необходимо въ его совокупности. Руководствуясь этимъ убѣжденіемъ, приступаемъ къ разсмотрѣнію избраннаго предмета, не стараясь строить произвольную систему, неопирающуюся на фактахъ, а желая основывать свои выводы на положительныхъ свидѣтельствахъ отечественной старины. Въ порядкѣ изложенія постараемся также не измѣнить пути, указываемаго самимъ предметомъ. Въ древней Россіи языкованіе имѣло и практическое и теоретическое направленіе. Знакомство съ нѣкоторыми языками было слѣдствіемъ необходимости и легкости узнавать говоръ народа, съ которымъ предки наши бывали въ соприкосновеніи. Иные же языки изучались какъ средство для цѣлей высшихъ: то какъ проводники религиозныхъ убѣжденій, то какъ условіе образованности. Сообразно съ характеромъ, который принимало знаніе языковъ, предлагаемъ обзоръ наше въ нѣсколькихъ отдѣлахъ, связанныхъ между собою единствомъ главнаго предмета.

Знакомство съ иностранными языками въ древней Россіи приобрѣталось прежде всего въ слѣдствіе сношеній съ иностранными народами. Поэтому хотя вкратцѣ упомянемъ объ историческихъ свидѣтельствахъ касательно сношеній нашихъ съ иностранцами въ теченіе древняго періода, и потомъ перейдемъ къ обзорѣню историческихъ же свидѣтельствъ объ орудіи этихъ сношеній — языкѣ.

Русь съ древнѣйшихъ временъ была въ разнообразномъ соприкосновеніи и съ чужеземными сосѣдами и съ народами отдаленными, обитавшими въ трехъ частяхъ свѣта: Европѣ, Азій и Африкѣ. Постоянныя путешествія Русскихъ въ чужіе края и пребываніе иностранцевъ въ Россію образовали у предковъ нашихъ мысль о повсюдной извѣстности нашего отечества. Русскій писатель XI вѣка, М. Иларіонъ, говоритъ о древнихъ князьяхъ (Игорѣ, Святославѣ, Владимірѣ): «не въ худѣ бо иже въ невѣдоми земли владычествоваша, но въ Русской, лже видома и слышима есть еслыи концы земля»). Изъ народовъ ближайшихъ къ Руси, частью и обитавшихъ въ ея предѣлахъ, древнія лѣтописи называютъ слѣдующіе: Печенѣгы, Касоги, Козары, Чудь, Ятвягы, Литва, Ямь, Торкы, Половцы, Голяди, Торкъмени, Хвалиси, Кумани (рекше Половци), Югра, Печера, Самоля. Еще Несторъ, говоря въ началѣ своего повѣствованія о племенахъ Славянскихъ, называетъ данниками Руси слѣдующіе народы: Чудь, Мерю, Вель, Мурому, Черемисъ, Мордву, Пермь, Печеру, Ямь, Литву, Зимоголу, Корсь, Норову, Либь, замѣчая, что «си суть свой языкъ имуща.» Изъ народовъ болѣе отдаленныхъ отъ Руси и рѣже проникавшихъ въ ея предѣлы, древніе памятники письменности нашей сохранили имена Поляковъ, Чеховъ, Венгровъ, Литовцевъ, Болгаръ, Нѣмцевъ, Грековъ, Венеціанъ и другихъ. Несторъ упоминаетъ уже о сношеніяхъ съ Ляхами, Мазовшанами, Литвою, Чехами, Уграми, Нѣмцами; на югѣ съ Болгарами и Греками.

Именами народовъ называются въ лѣтописи и обитаемыя ими страны; Болгары, Ляхи, Греки значило Болгарія, Польша, Греція и пр.: въ 1024 г. былъ голодъ въ Суздальской странѣ

*) Прибавленіе къ твореніямъ Св. Отцовъ, ч. II, 1844, стр. 339.

и «идоша по Волзѣ вси людье въ Болгары и привезоша житю и тако ожина»; въ 1159 г.: «иде Изяславъ къ Вятчѣ»; встрѣчаются выраженія: «не води Ляховъ Кмеву», «ая Гръки и ая у нихъ имъне», и вмѣстѣ «приде Ярополкъ изъ Ляховъ», «приде Олегъ изъ Грекъ»¹⁾ и т. п. Чехи упоминаются не только въ поговорочномъ выраженіи о Святополкѣ «прибѣжа въ пустыню межю Ляхы и Чехи»; но и въ смыслѣ несомнѣннаго историческаго факта; въ 1076 г. Володимиръ Всеволодовичъ и Олегъ Святославичъ ходили «Ляхомъ въ помечь на Чехы.» «Нѣмцы» въ лѣтописи XI в. употреблялось въ смыслѣ Нѣмецкой Имперіи, какъ можно судить по тому, что о посольствѣ Нѣмецкаго императора Генриха IV въ 1075 г. въ Россію сказано: «придоша сн изъ Нѣмцѣ», которымъ Святославъ показывалъ, величаясь, множество золота и серебра и паволокъ; но они сказали: «сеши въ что же есть, се бо лежитъ мертво; сего суть иметье луче, мужи бо ся допшуть и болше сего»²⁾. Кромѣ названія отдѣльнаго народа, слово «Нѣмцы» имѣло преимущественно общій смыслъ, означая всѣхъ иностранцевъ безъ опредѣленія народности. Глубокою древностью отзываются слова лѣтописца: «Югра же людье есть языкъ мала»; значеніе это удержалось и въ позднѣйшія времена; такъ въ нашихъ старинныхъ космографіяхъ и ландкартахъ говорится объ Америкѣ, что она «изыскана отъ Шпанскихъ и Французскихъ Нѣмцѣ»³⁾. Особенно часто древняя лѣтопись вспоминаетъ имя Грековъ, ибо древняя Русь была въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ Греціею. Съ Греками Русскіе имѣли переговоры еще до водворенія въ Русской землѣ Христовой вѣры, какъ можно заключить и изъ договоровъ Олега и Игоря и по лѣтописнымъ извѣстіямъ въ родѣ слѣдующей бесѣды Русскаго посла съ Греками въ 971 году: «Святославъ посла къ Грекомъ, глаголя: «хочю на вы ити, взяти градъ вашъ, яко и сей (Переяславецъ)», и рѣша Гръци: «мы недужни противу вамъ стати, но возми дань на насъ, и на дружину свою,

¹⁾ Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 64, 74, 88.

²⁾ Тамъ же, I, 85. Ср. Исторія Государства Россійскаго, Карамзина, т. II, стр. 85 — 86, изд. Смирдина 1831.

³⁾ Ср. *Полезаго*: О географическихъ свѣдѣніяхъ древнихъ Россіянъ, въ «Очеркахъ Русской литературы», ч. 2, стр. 426, и т. п.

и повѣзете ны колько вась, да в дамы по числу на главы, и рече имъ Святославъ: «естъ насъ 20 тысящъ», и прирече 10 тысящъ¹⁾. Въ послѣдствіи связь Руса съ Греціею была преимущественно религіозная. Та же религіозная цѣль обнаруживается и въ древнѣйшихъ сношеніяхъ нашихъ съ другими частями свѣта: по свидѣтельству лѣтописей, св. Владиміръ посылалъ пословъ въ Іерусалимъ, Египеть и другія страны, служившія нѣкогда мѣстопребываніемъ великихъ христіанскихъ подвижниковъ. Въ Степенной Книгѣ говорится, что св. Владиміръ «послаше гостей и пословъ своихъ, идѣже есть благочестивая вѣра Христіанская, во Іерусалимъ же и во Египеть, да и тамо увѣсть богоугодныхъ мужей пребываніе и церковное благолѣніе; ниѣхъ же въ Римъ послаше, другихъ же и въ Вавилонъ, не яко Латинскихъ и Ассирійскихъ законъ всыгнулъ, но обычаевъ коеяждо Земли соглядая, да отъ всѣхъ разумно будетъ ему»²⁾. Съ другой стороны путешественники изъ Египта, Сиріи и другихъ восточныхъ странъ часто посѣщали Русскую землю, вѣроятно въ слѣдствіе преслѣдованія христіанъ магометанами, достигшаго крайней лютости въ концѣ X и началѣ XI столѣтія³⁾. Кромѣ религіозныхъ, были у насъ сношенія и политическія и торговля со многими иностранными народами. Извѣстны брачныя союзы древнихъ князей нашихъ: еще Святославъ женилъ сына своего Ярополка на Гречанкѣ «красоты ради лица ея», замѣчаетъ лѣтописецъ, вспоминая о прекрасной «Грекинѣ» подъ 977 годомъ⁴⁾; но она выдана замужъ ранѣе, ибо лѣтопись говоритъ ясно: «бѣ бо привелъ отецъ его *Святославъ* и *вда* ю за

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 29.

2) Книга Степенная, 1775, ч. I, стр. 170; то же извѣстіе въ «Русской лѣтописи» по Никонову списку, 1767, ч. I, стр. 111; то же у Тавтшева въ Исторіи подъ 1001 годомъ. Это свидѣтельство нашихъ подвѣйшихъ лѣтописей признаетъ достойнымъ вѣроятія авторъ ученаго изслѣдованія о Церкви Русской при св. Владимірѣ, помѣщеннаго въ Христіанскомъ Читаніи за 1853 годъ.

3) Христіанское Читаніе. 1853. Іюль. Церковь Русская во дни св. Владиміра и Ярослава (окаячадіе), стр. 474 — 475. Въ подтвержденіе сказаннаго приведено въ этой статьѣ свидѣтельство древняго жизнеописанія препод. Θεοδοσία: «и се придоша странники въ градъ той.... и въпроси ихъ (Θεοδοσίῳ), отгуду суть и како градуть; оубиъ же рекиши, яко отъ святыхъ мѣсть есмь, и аще Богу волашу, воспять хоцемъ шти.»

4) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 32.

Ярославъ, а Святославъ умеръ въ 972 г.. Сыновья Ярослава, внуки Владимира св., были женаты: Изяславъ на сестрѣ Казимира Польскаго; Всеволодъ на Греческой царевнѣ; дочери Ярослава были замужемъ: Анна за Французскимъ королемъ Генрихомъ I, Анастасія за Венгерскимъ королемъ Андреемъ I; Нѣмецкій императоръ Генрихъ IV былъ женатъ, какъ полагаетъ Карамзинъ, на Аннѣ или Янкѣ, одной изъ дочерей Всеволода: летописецъ западный, не называя ея имени, говоритъ только: *imperator duxit filiam regis Russorum*, и передаетъ при этомъ любовитный рассказъ о цѣломудрїи Русской княжны¹⁾. Но если извѣстія о бракахъ владѣтельныхъ особъ и кажутся нѣкоторымъ не вполне убѣдительными касательно вліянія ихъ на сношенія ихъ между подданными²⁾; то мы имѣемъ положительныя, восходящія къ XII вѣку, свидѣтельства о томъ, что сношенія съ иностранцами не ограничивались княжескими семействами, а производились между самими народами. Когда Святославъ, отецъ Игоря Сѣверскаго, разгромилъ землю Поло-

¹⁾ О брачныхъ союзахъ княжескихъ въ древней Руси см. Карамзина Исторія Государства Россійскаго, т. I, стр. 34 — 38, изд. Смирдина, 1831, и примѣчанія ко 2-му тому: 40 — 48 и 157. Также Погодина: Исслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской исторіи, т. III, 1846, стр. 95 — 99.

²⁾ Г. Погодинъ (Исслѣдованія и пр., т. III, стр. 97) замѣчаетъ, что нѣкоторые изъ сихъ извѣстій (о княжескихъ бракахъ) должны быть еще подвергнуты критикѣ, и имѣютъ нужду или въ подтвержденіяхъ, или въ поясненіяхъ, ... свидѣтельства важны, а возраженія натянуты.» Сисмонди, признавая достовѣрность извѣстій о бракѣ Русской княжны Анны съ Французскимъ королемъ Генрихомъ I, ищетъ въ немъ доказательство именно того, что Русь не имѣла рѣшительно никакихъ сношеній съ западною Европою. Въ своей «Histoire des Français» Сисмонди говоритъ: «Il paraît qu'il (т. е. Ярославъ) fit offrir sa fille à l'empereur Henri I (1043). Cette négociation révéla cependant à la France l'existence, non seulement de la princesse Anne, mais même des Russes, dont il est probable que la cour de Henri I n'avait encore jamais entendu parler. Ce roi découragé par la perte des deux premières princesses, qui ne lui avaient point donné des fils, sentant qu'il avançoit en âge, et attribuant leur mort prématurée à un jugement du ciel, parce que, sans s'en douter, il s'était peut-être apparenté avec elles dans quelqu'un des degrés prohibés par les lois canoniques, résolut de chercher une femme si loin de lui, qu'il fût bien sûr de n'avoir avec elle aucune sorte de parenté.» Histoire des Français par Simonde de Sismondi. 1823, т. IV, стр. 265 — 267. Карамзинъ также объясняетъ выборъ Генриха I боязнью подпасть осужденію папы за кровосмѣшеніе съ родственницей, хотя бы самую далекою: будучи свойственникомъ государей сосѣдственныхъ, Генрихъ искалъ себѣ невесты въ странѣ отдаленной. Карамзинъ въ этомъ слѣдовалъ мнѣнію Лавка въ его «Memoire sur les anciennes relations de la France avec la Russie.» См. Карамзина Исторія Государства Россійскаго, изд. 1851, т. II, стр. 36 и примѣчаніе 42.

вѣдкую, и саяъ Коблятъ живѣлъ во дворцѣ Святослава, тогда, по выраженію Слова о полку Игоревѣ, «ту Нѣмци и Венадци, ту Греци и Мѣрава поютъ славу Святъславлю»: изъ этихъ народовъ Русскіе узнали Венеціанъ впервые во время вѣстовыхъ походовъ¹⁾. Въ высшей степени замѣлательно свидѣтельство древѣйшаго лѣтописца Польскаго Мартина Галла; оно показываетъ, что Русскій народъ издревле находилъ въ сношеніяхъ съ другими Европейскими народами и эти сношенія служили даже поводомъ для знакомства Европейцевъ съ нашими западными соплеменниками: Мартинъ Галль счелъ нужнымъ въ началѣ своей хроники сдѣлать краткій статистическій очеркъ Польши, потому что, говоря его собственными словами, «*regio Polonorum ab itineribus peregrinorum est remota, et nisi transiuntibus in Russiam pro mercimoniis paucis nota*»²⁾. Эти путники въ Россію, очевидно, были западные Европейцы, а цѣль ихъ путешествія, торговли, указываетъ ихъ непосредственное сношеніе съ массою народа. Только это Монгольское раздѣленіе на время Россію съ остальною Европою; но съ ослабленіемъ его снова возникаютъ разнообразныя сношенія нвоземныя: по свидѣтельству лѣтописи, въ 1489 году, въ теченіе одного мѣсяца, были отправлены посольства во многія страны на западъ и югъ Европы. Въ мартѣ 1499 года пришелъ посольство къ великому князю на Москву отъ Шамахѣйскаго государя, отъ Махмуда салтана, и посольство правилъ о любви. Того же мѣсяца марта послалъ князь великій посольствомъ Дмитрея Иванова сына Ралева Грека да Митрофана Фѣдорова сына Карачарова за море до Италійскихъ странъ о своихъ потребахъ; да съ ними же вмѣстѣ послалъ Михайла Погожего посольствомъ въ Краковъ къ Албрехту королю Полскому, а изъ Кракова послы поидеша къ Угорьскому королю Владиславу, а оттолѣ въ Венецію. Того же мѣсяца марта послалъ князь великій въ Царьгородъ къ Баазитъ салтану съ грамоты Олешу Голохвастова. Того же лѣта, іюня 1, послалъ князь вели-

1) Карамзинъ, Исторія Государства Россійскаго, т. III, примѣч. 352. Русскія достопамятности, часть III, стр. 110.

2) Martini Galli Chronicon, ed. Bandtke. Varsoy. 1824, стр. 13—14.

кый посолствомъ на подводахъ въ Литву Третьяка Висилья Доматова»¹⁾).

Всѣ эти разнообразныя сношенія заставляютъ необходимо допустить существованіе способовъ взаимнаго сообщенія. Эти способы опредѣлялись характеромъ и продолжительностью сношеній, а также и степенью образованности иностраннаго народа: съ народами незначительными, столкновенія съ конями были рѣдки и только случайны, довольствовались нѣмымъ объясненіемъ посредствомъ жестовъ; съ иными народами совѣщались при помощи переводчиковъ, толмачей; съ нѣкоторыми объяснялись на ихъ языкѣ. Такъ на сѣверѣ жилъ народъ Югра, и одинъ Новгородецъ сказывалъ предод. Нестору, что отрокъ его ходилъ въ Югру. Югра же людье есть языкъ нѣмъ, и сѣдять съ Самоядью на полунощныхъ странахъ. Югра же рекоша отроку: сужь горы зайдуче луку моря, имъ же высота ако до небесе, и въ горахъ тѣхъ клнчь великъ и говоръ, и сѣкутъ гору, хотяще высѣтися; и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвятъ, и есть *не разумѣти языку ити*, но кажутъ на желѣзо и *помавають рукою, просяще желѣза*; и аще кто дать имъ ножъ ли, ли сѣкиру, дають скорою противу»²⁾). Весьма естественно, что къ подобному разговору тѣлодвиженіями прибѣгали иногда въ древней Руси, какъ должны были прибѣгать къ нему всѣ Европейскіе путешественники при первой встрѣчѣ съ народами дикими; но само собою разумѣется, что такой способъ объясненія слишкомъ недостаточенъ и возможенъ только на первыхъ порахъ знакомства съ чужеземнымъ народомъ, скоро уступая мѣсто сообщенію посредствомъ языка. Число знающихъ языки иностранныхъ народовъ зависѣло отъ круга сношеній съ этими народами; оно было значительно, если иностранцы сносились со всею массою народа, и было невелико, если связи касались только высшаго сословія; въ этомъ случаѣ число знатоковъ огранивалось переводчиками съ разныхъ иностранныхъ языковъ. Между переводчиками были и природные Русскіе, и нѣкоторые

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, т. VI, 1833. Софійская первая лѣтопись, стр. 43.

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 107.

изъ нихъ обладали знаніемъ чужихъ языковъ въ совершенствѣ, какъ можно заключить по ихъ назначенію къ дѣламъ дипломатическимъ. Если молчаніе лѣтописи о переводчикахъ считать доказательствомъ, что ихъ дѣйствительно не было, то значить наши послы въ XV вѣкѣ владѣли языками тѣхъ народовъ, къ которымъ были отправлены; а эти послы, Похожей, Голохвастовъ, Третьякъ и др., были безъ сомнѣнія Русскіе. Также Русскіе были «толмачи Власій и Митя», о которыхъ упоминаетъ Максимъ Грекъ, и которымъ онъ переводилъ съ Греческаго на Латинскій, а они съ Латинскаго на Славянскій¹⁾. Въ началѣ XVI в. Русскій *Дмитрій Щербатовъ* былъ употребляемъ для переговоровъ, ибо зналъ Нѣмецкій языкъ по свидѣтельству самого посланника Нѣмцаго. Въ статейномъ спискѣ читаемъ, что въ 1505 году іюня 16 намѣстники прислали изъ Новгорода къ Іоанну III Васильевичу грамоты Нѣмецкаго посла, полученныя изъ Ивангорода отъ князя Константина Ушатаго, сообщившаго о нихъ слѣдующее: «Здѣсь прислалъ ко мнѣ Юштъ Римскаго короля Цесаря да Испанскаго посолъ, чтобы азъ выслалъ къ нему сына боярскаго, да съ нимъ *Дмитріа Щербатова* на рѣку; а *Дмитрій* языку нашему умѣетъ и меня знаетъ, а язъ тутю жъ буду на рѣкѣ, да и грамоты дамъ ко государемъ Рускимъ царемъ»²⁾ и пр.

Фабри, извѣстный богословъ своего времени, по порученію короля Фердинанда, имѣлъ въ Тюбингенѣ переговоры съ Русскими послами, возвращавшимися изъ Испаніи въ 1525 году. Онъ спрашивалъ ихъ о нравахъ и обычаяхъ Русскихъ и въ особенности о религіи; разговоръ происходилъ при помощи переводчика, родомъ Русскаго, знавшаго по-Нѣмецки и по-Латыни³⁾.

1) Карамзинъ Исторія Госуд. Росс., т. VII, примѣч. 340. — Москвитинъ, 1842, № II, статья «Максимъ Грекъ», стр. 47.

2) Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными, т. I, 1851, стр. 125 — 126.

3) См. Regum Moscoviticarum auctores varii. Francofurti. 1600. Moscovitarum juxta mare glaciale religio, a D. Joanne Fabri aedita. Стр. 130 — 131. Въ началѣ своего сочиненія Фабри говоритъ, что свѣдѣнія о Россіи онъ почерпнулъ изъ разговоровъ съ Русскими, и это было ему довольно легко, потому что, говоря его собственными словами, «interprete utebantur ipsi, qui cum et natus Moscovita esset, praeter suam vernaculam linguam et Germanice et Latine modicriter callebat.»

При посольствѣ, отправленномъ въ Венецію въ 1656 году, переводчикомъ былъ природный Русскій, Тимошей Топоровскій, знавшій Италіянскій языкъ.¹⁾ Природные же Русскіе были переводчики при сношеніяхъ съ Нѣмецкою Имперіею; таковы: толмачъ Ивашко Давыдовъ, толмачъ Истома Малый, и др.²⁾

При посольскомъ приказѣ состояло у насъ значительное число переводчиковъ для перевода съ Греческаго, Латинскаго, Нѣмецкаго, Шведскаго, Польскаго, Татарскаго и другихъ языковъ. Вотъ любопытное свидѣтельство Кошихина о дѣятельности нашихъ переводчиковъ: «Для переводу и толмачества переводчиковъ Латинскаго, Свѣйскаго, Нѣмецкаго, Греческаго, Польскаго, Татарскаго, и иныхъ языковъ, съ 50 человекъ, толмачевъ 70 человекъ. А бываетъ тѣмъ переводчикомъ на Москвѣ работа по вся дни, когда прилучатся изъ окрестныхъ государствъ всякіе дѣла, также *старые письма и книги для испытанія велѣтъ имъ переводити*, кто каковъ къ переводу добръ, и по тому и жалованье имъ дается; а переводятъ сидячи въ Приказѣ, а на дворы имъ самимъ переводити не даютъ, потому что опасаются всякіе порухы отъ пожарнаго времени и иные причины»³⁾.

Но и безъ толмачей могли обходиться предки наши, и не только въ XVII столѣтіи, но даже и въ древнія времена. Несомнѣннымъ доказательствомъ этому служитъ драгоцѣнное извѣстіе о Русскомъ князѣ XI столѣтія, владѣвшемъ пятью иностранными языками. Еще древнѣе преданіе о бесѣдѣ съ иностранцами князя, имя котораго заветно и для нашей исторіи, начиная съ лѣтописи Нестора, и для нашей народной поэзіи. Я говорю о св. Владимірѣ и его разговорахъ съ проповѣдниками четырехъ религій. Это преданіе подвергалось суду нашихъ историковъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, что показываетъ немаловажность его историческаго значенія; собственно же для нашей цѣли онъ имѣетъ особый интересъ, какъ одинъ изъ древнѣйшихъ образцовъ бесѣды Русскихъ съ иностранцами. Поэтому мы коснемся замѣчательнаго преданія старины, упомянувъ пред-

1) Русскій историческій сборникъ, т. III, книжка 4, стр. 325.

2) Памятники дипломатическихъ сношеній, III, 126 и др.

3) О Россіи въ царствованіи Алексія Михайловича, Кошкинъ, 1840, стр. 68.

верительно о мѣнѣхъ о немъ нашихъ ученыхъ. Карамзинъ считалъ прибытіе миссіонеровъ случаемъ вѣроятнымъ, а разговоръ съ ними какъ бы изобрѣвеніемъ самого лѣтописца, хотя и близкимъ къ истинѣ, какъ можно судить по слѣдующему отзыву: «лѣтописецъ нашъ *угадывалъ* какимъ образомъ проповѣдники Вѣры *долженствовали* говорить съ Владиміромъ»¹⁾. Полевой, всегда рѣшительный въ своихъ приговорахъ, называетъ все повѣствованіе о вѣропроповѣдникахъ не болѣе, какъ «поэмою въ родѣ духовныхъ мистерій»²⁾. Г. Погодинъ, не раздѣляя мнѣнія Полеваго, находитъ однако же подлежащими еще критикѣ «нѣкоторыя извѣстія въ Несторовомъ описаніи принятія Христіанской вѣры Владиміромъ, которое очень естественно должно было сдѣлаться предметомъ самыхъ частыхъ и любимыхъ разсказовъ народныхъ, какъ въ послѣдствіи предметомъ *эпопеи* Какъ всѣ они (миссіонеры) понимали другъ друга, неужели всѣ послы приходили съ переводчиками?»³⁾ Эти недоумѣнія ученый авторъ Исторіи Христіанства въ Россіи разрѣшаетъ слѣдующимъ образомъ: «Съ береговъ Волги могли явдти посланцы природныя Славяне, какъ извѣстно, находившіеся въ составѣ Болгарскаго народа, или и коренныя Болгаре, но довольно знакомые съ языкомъ Славянскимъ отъ непрестанныхъ сношеній съ своими сообитателями — Славянами; Евреи Хазарскіе, производившіе цѣлыя вѣки торговлю въ Кіевѣ, могли и сами нѣсколько изучить языкъ нашъ, могли имѣть и переводчиковъ; Римскій миссіонеръ, еще до того проповѣдывавшій въ Россіи, навѣрно, понималъ сколько нибудь языкъ народа, которому проповѣдывалъ, или, уже безъ сомнѣнія, запасся переводчикомъ; наконецъ философъ Греческій всего скорѣе могъ быть изъ Болгаръ или другихъ племенъ Славянскихъ, обитавшихъ въ Греціи: найти такого проповѣдника Грекамъ было очень легко, а послать — требовало благоразуміе и желаніе себѣ успѣха. И этотъ успѣхъ, дѣйствительно увѣнчавшій

1) Исторія Государства Россійскаго, т. I, стр. 211 и 212. Слово «угадывалъ» напечатано курсивомъ въ самомъ подлинникѣ.

2) Полеваго Исторія Русскаго народа, I, 214.

3) Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской исторіи, М. Погодина, т. I, стр. 189 — 191.

проповѣдь философа, не зависѣлъ ли частію и отъ того, что благовѣстникъ, владѣя въ совершенствѣ Славянскимъ языкомъ, весьма ясно нанечаталъ въ умъ и сердца нашего великаго князя истины Христіанства?»¹⁾ Такъ объяснялось извѣстіе, просто и вѣрно записанное Несторомъ подъ 986 годомъ: «придоша Болъгары вѣры Бохъмичѣ... потомъ же придоша Нѣмци... се слышавше Жидове Козарьстїи придоша... посемъ же при-слаша Гръци къ Володимѣру философа»²⁾ и т. д. Все повѣствованіе лѣтописи о прибытіи и совѣщаніяхъ пословъ отличается простотою и правдивостію. Несторъ видимо желалъ передать событіе въ возможной точности; для этой цѣли онъ приводитъ подробно ученіе Вѣры, предложенное Греческимъ философомъ; весьма естественно въ умномъ князѣ желаніе подробнѣе познакомиться съ догматами Вѣры, къ коей зарождалось въ немъ сочувствіе; еще необходимѣе было для миссіонера объяснить эти догматы. Несторъ зналъ подробности совѣщаній и съ другими миссіонерами, но записалъ только черты наиболѣе характеристическія, признавая противнымъ религіозному чувству и даже приличію долго останавливаться на ученіяхъ ложныхъ и соблазнительныхъ: особенности религїи Папистовъ и Евреевъ указаны въ нѣсколькихъ словахъ, и также немного говорится о вѣрѣ Болгарской, съ замѣчаніемъ, что проповѣдникомъ ея предложена была «и ина многа лєсть, ея же не лѣзъ писати срама ради.» Въ преданїи, записанномъ Несторомъ, видна близость его по формѣ съ легендою, жившею въ его время въ памяти и устахъ народа; въ лѣтописномъ извѣстїи удержанъ колоритъ живаго разсказа: такъ, когда сказали Владиміру о поклонникахъ Бохмита, что они «омываютъ оходы своя и по брадѣ мажются, такоже и жены ихъ творять ту же скверну и иво пуще: си слышавъ Володимѣръ, плюну на землю, рекъ: нечисто есть дѣло»³⁾.

¹⁾ Исторія Христіанства въ Россїи до Равноапостольнаго Князя Владиміра. Соч. архимандрита Макарія. Спб., 1846, стр. 348.

²⁾ Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 36 и слѣд.

³⁾ Ср. въ былинѣ: «Старъ боярникъ о Владимірѣ:

А плюнулъ князь, да и прочь пошелъ:

«Глупая княгиня, неразумная!

У тя волосы долги, умъ коротокъ;

Называешь ты богатыря женщиною....»

(Древнія Россійскія стихотворенія. М., 1818, стр. 129).

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Несторъ не могъ позволить себѣ произволъ и умышленное уклоненіе отъ дѣйствительнаго факта въ извѣстіи о такомъ событіи, въ которомъ самъ онъ видѣлъ залогъ спасенія Русской земли; извѣстіе, что въ Кіевъ приходили вѣропроповѣдники и *бесѣдовали* со Владиміромъ должно признать достовѣрнымъ, переданнымъ лѣтописью съ точностью. Но въ чемъ состояла эта точность: въ буквальной ли передачѣ совѣщаній или только въ вѣрномъ удержаніи мысли, выраженной авторомъ по-своему? Вопросъ этотъ въ рѣшеніи своемъ съ точки зрѣнія лингвистической сливается съ вопросомъ о значеніи разговорной формы, весьма обычной въ нашихъ лѣтописяхъ. Обыкновенно объясняли ее желаніемъ Нестора придать разсказу своему драматическую форму по образцу библейскому^{*)}; но такое желаніе предполагаетъ нѣкоторую искусственность, несогласную съ общимъ характеромъ простоты, отличающимъ лѣтописное повѣствованіе, и не справедливѣе ли видѣть въ этой формѣ не иное что, какъ синтаксическую особенность Русскаго языка въ древній періодъ его исторіи.

Всякій разговоръ естественно происходитъ такимъ образомъ, что слова одного разговаривающаго лица смѣняются словами другаго. Поэтому самый простой способъ передачи разговора будетъ состоять въ томъ, чтобы приводить попеременно слова собесѣдниковъ. Такая форма разговора весьма обычна въ народныхъ преданіяхъ: она же удержана и Несторомъ при сообщеніи народныхъ преданій. Но писатель, подчиняющійся синтаксису, болѣе утонченному, изъ отдѣльныхъ фразъ разговора образуетъ стройный періодъ съ предложеніями главными и придаточными, и всю мысль выражаетъ отъ своего лица; если же приводитъ чужія слова, то старается передать ихъ въ характеристическомъ видѣ. При этихъ условіяхъ возникаетъ драматическая форма. Она есть форма искусственная и состоитъ скорѣе въ приведеніи не короткихъ фразъ, а цѣлыхъ рѣчей.

*) Несторъ, Русскія лѣтописи на древно-Славянскомъ языкѣ, сличенныя, переведенныя и объясненныя *Шлецеромъ*, перев. *Языкова*, I, Кд: «Слогъ повѣствованія Нестора не похожъ на Византійскій, но на библейскій: онъ заставляетъ дѣйствующихъ лицъ говорить самихъ, точно какъ въ историческихъ книгахъ древняго завѣта.»

влагаемыхъ въ уста изображаемыхъ лицъ. Что Несторъ далекъ былъ отъ искусственности, очевидно изъ самаго способа передачи имъ разговора :

«Рече Володимеръ (Жидамъ): что есть законъ вашъ? Они же рѣша: обрѣзатися, свинины не ясти, ни зайчины, субботу хранити. Онъ же рече: то гдѣ есть земля ваша? Они же рѣша: въ Ерусалимѣ. Онъ же рече: то тамо ли есть? Они же рѣша: разгнѣвася Богъ на отци наши и расточи ны по странамъ» и т. д. Это мѣсто Карамзинъ, сообразно современному синтаксису Русскаго языка, передалъ посредствомъ предложений главныхъ и придаточныхъ такимъ образомъ: «Выслушавъ Иудеевъ, Владиміръ спросилъ, гдѣ ихъ отечество? Въ Иерусалимѣ, отвѣтствовали проповѣдники, но Богъ во гнѣвъ Своимъ расточилъ насъ по землямъ чуждымъ»⁷⁾. И тотъ и другой способъ передачи принадлежитъ лично авторамъ, завися отъ современныхъ имъ синтаксическихъ условій языка, отъ степени усвоенія имъ періодическаго теченія рѣчи.

Нельзя допустить, чтобы Несторъ вѣрилъ, что именно такими словами говорили послы съ Владиміромъ, какъ могъ вѣрить этому народъ, рассказывая преданіе. Это возможно было бы тогда только, если бы Несторъ записалъ преданіе, нисколько не подумавши о томъ, что память народная не могла сохранить его въ буквальнѣйшей точности. Но такую необдуманность едва ли допустить въ Несторѣ тотъ, кто наблюдалъ характеръ его, какъ писателя. Тѣмъ не менѣе разговоръ происходилъ дѣйствительно, и невольно возникаетъ вопросъ, на какомъ языкѣ происходилъ онъ и были ли при этомъ переводчики? Судя по разсказу летописному, можно съ одинаковымъ правомъ полагать, что или всѣ послы говорили по-Русски, или Владиміръ съ нѣкоторыми изъ нихъ, если не со всѣми, говорилъ на ихъ языкѣ. Одно изъ двухъ необходимо, и притомъ, какъ трудно допустить, чтобы Владиміръ изучалъ предварительно языки именно тѣхъ народовъ, которые неожиданно прислали къ нему миссіонеровъ, такъ не возможно и то, чтобы послы четырехъ иностранныхъ народовъ выучились Русскому языку вдругъ въ одинъ и тотъ же

⁷⁾ Исторія Государства Россійскаго, I, стр. 211 — 212.

короткій срокъ. Одно заключеніе кажется самымъ естественнымъ: оно состоитъ въ томъ, что послы, а можетъ быть отчасти и Владиміръ, знали задолго до 986 года тотъ иностраннѣй языкъ, которымъ каждый говорилъ въ совѣщаніяхъ, и познакомились съ этимъ языкомъ не по случаю предстоявшей миссіи, а въ слѣдствіе другихъ причинъ, и всего естественнѣе, въ слѣдствіе взаимныхъ сношеній Русскихъ съ четырьмя другими народами. Поэтому не будетъ ни сколько произвольнымъ заключеніе, что Русскіе въ X столѣтіи имѣли сношенія съ Болгарами, Нѣмцами, Евреями, Греками, и какъ сношенія съ иностранцами требуютъ знанія иностранныхъ языковъ, то слѣдовательно въ X вѣкѣ между Болгарами, Нѣмцами, Евреями и Греками были знавшіе Русскій языкъ; съ другой стороны и между Русскими были знавшіе Болгарскій, Нѣмецкій, Еврейскій и Греческій языки. Такой выводъ опредѣляетъ, какъ полагаемъ, значеніе Несторова извѣстія для исторіи языкознанія въ Россіи. Что касается до переводчиковъ, то, основываясь на прямомъ свидѣтельствѣ лѣтописи, слѣдуетъ принять, что или Владиміръ говорилъ безъ переводчиковъ, или всѣ другіе разговоры Русскихъ съ иностранцами, приводимые въ лѣтописи, проходили черезъ переводчиковъ; но противъ послѣдняго положенія говорятъ многіе примѣры непосредственнаго объясненія, подобно разговорамъ съ князьями Касожскимъ и Печенѣжскимъ; первое же тѣмъ вѣрогнѣе, что назначеніе въ переводчики предполагаетъ въ назначаемомъ нѣкоторую образованность и познанія, которыя легко могли доставить ему и самое званіе миссіонера.

Мы остановились съ подробностью на достопамятномъ преданіи по той причинѣ, что при разсмотрѣніи почти каждаго вопроса въ народныхъ древностяхъ нельзя упускать изъ виду повѣрій и преданій, которыя всегда удерживаютъ вѣрныя черты прошедшаго, чуждаясь всякой неправды, по убѣжденію современныхъ изслѣдователей народной словесности*).

*) Ср. Deutsche Sagen. Herausgegeben von den Brüdern Grimm. - Berlin, 1816, стр. X: Die Lüge ist falsch und böse; was aus ihr herkommt, muss es auch seyn. In den Sagen und Liedern des Volks haben wir noch keine gefunden: es lässt ihren Inhalt, wie er ist und wie es ihn weisst.

Тѣмъ менѣе могли мы оставить его безъ вниманія, что данныхъ для исторіи языкованія въ древней Руси весьма немного. Иныя скрываются въ преданія глубокой древности, записанномъ людьми книжными; другія разсѣяны по сочиненіямъ о Россіи иностранныхъ путешественниковъ, изъ коихъ очень немногіе обращали должное вниманіе на бытъ Русскій и тѣмъ приобрѣли право на довѣріе; еще менѣе положительныхъ указаній отечественныхъ лѣтописей.

Древнѣйшее изъ историческихъ извѣстій принадлежитъ Владиміру Мономаху и относится къ отцу его Всеволоду Ярославичу (1078 — 1093). Въ своемъ «Поученіи» Владиміръ Мономахъ говоритъ: «его же умѣючи, того не забывайте добраго, а его же не умѣючи, а тому ся учите; якоже бо отецъ мой, дома сѣдя, *изумляше 5 языкъ*: въ томъ бо честь есть отъ инѣхъ земель»¹⁾. Еще въ XVIII столѣтіи высказано мнѣніе о языкахъ, которыми владѣлъ Всеволодъ. Издатель Поученія Мономахова графъ Мусинъ-Пушкинъ полагалъ, что эти языки были: 1) *Греческій*, по причинѣ торговыхъ и религіозныхъ сношеній съ Греками, изъ коихъ многіе жили въ Кіевѣ домами; 2) *Латинскій*, «по причинѣ *всеобщаго* его въ то время употребленія, почему многіе князи Русскіе ему обучались»; 3) *Нѣмецкій*, потому что много Нѣмцевъ было въ Русской службѣ; 4) *Венгерскій*, по сосѣдству и частому сношенію, и 5) *Половецкій*, по ближайшему сосѣдству и непрерывному сношенію; если же не эти языки, то или *Болгарскій* (Болгарь Волжскихъ), *Козарскій* или *Торческій*, *Язскій*, *Касожскій* и *Обезской*, или же *Польскій*, *Литовскій*, *Карельскій*, *Финскій* и т. д.²⁾ Карамзинъ склоняется къ первой догадкѣ Мусина-Пушкина, ограничивая число иностранныхъ языковъ четырьмя: «вѣроятно *Греческій*, *Скандинавскій*, *Половецкій* и *Венгерскій*, кромѣ Русскаго»³⁾. За отсутствіемъ положительныхъ указаній, возможны только предположенія, болѣе или менѣе близкія къ истинѣ. Такъ можно допустить, что въ числѣ пяти языковъ былъ непременно Греческій, знакомый Русскимъ

¹⁾ Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 102.

²⁾ Духовная Великаго Князя Владиміра. Спб., 1792, стр. 27 — 28.

³⁾ Исторія Государства Россійскаго, II, прилѣжч. 233.

съ древнѣйшихъ временъ; остальные четыре языка были скорѣе западные, нежели восточные и сѣверные, т. е. народовъ сопредѣльныхъ Руси на сѣверѣ и востокѣ, потому что знаніе Нѣмецкаго или Венгерскаго болѣе могло доставить «чести отъ ивѣхъ земля», нежели знаніе какого-нибудь Печерскаго или Самоѣдскаго. Притомъ Греческому и отчасти западнымъ языкамъ, имѣвшимъ нѣкоторые письменные памятники, удобнѣе было выучиться «дома сѣдя», нежели языкамъ нашихъ сосѣдей, вовсе чуждымъ письменности и извѣстнымъ намъ въ слѣдствіе одного близкаго сосѣдства и торговыхъ сдѣлокъ, т. е. по живому только употребленію. Какъ бы то ни было, знаніе пяти языковъ представляетъ явленіе необыкновенное въ Европѣ XI вѣка, да и въ позднѣйшихъ вѣкахъ оно возбуждало общее удивленіе, высказавшееся въ преданіи о Нѣмецкомъ Императорѣ Карлѣ IV, владѣвшемъ, подобно Всеволоду, пятью языками; знаніе пяти языковъ ставили въ особенную заслугу Европейскіе ученые даже XVI и XVII столѣтія¹⁾. Мономахъ совѣтуетъ подражать примѣру даровитаго Всеволода, и благой совѣтъ могъ по дѣйствовать не только на сыновей автора, но и на другихъ читателей его Поученія, коихъ онъ надѣялся имѣть, какъ видно изъ словъ его: «да дѣти мои или имъ кто, слышавъ сию грамотицю, не посмѣйтеся»²⁾. Само собою разумѣется, что счастливый даръ къ изученію языковъ, какимъ обладалъ Всеволодъ, могъ встрѣчаться только изрѣдка; несравненно же чаще бывали примѣры знакомства съ однимъ какимъ-либо иностраннымъ языкомъ. Это знакомство условливалось прежде всего мѣстобываніемъ и образомъ жизни лица. Изученіе языковъ, зависѣвшее отъ внѣшнихъ причинъ — географическаго положенія или торговли, ограничивалось по большей части разговорнымъ употребленіемъ, бывши распространено между массами народа; при сношеніяхъ болѣе рѣдкихъ знаніе иностранныхъ языковъ оставалось на долю классу наиболѣе образованному.

¹⁾ *Thresor de l'histoire des langues de cest univers, par Claude Duret. Seconde édition. 1619, p. 963: «entre les Cretiens Origène Alexandrin a esté un des plus excellent en la cognoissance des langues pour en sçavoir cinq parfaitement: l'Hebraïque, Syriaque, Egyptienne, Grecque et Latine.»*

²⁾ Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 100.

Въ большей или меньшей степени извѣстны были въ древней Руси въ слѣдствіе разнородныхъ сношеній языки племенъ, обитавшихъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи и названныхъ нами выше, и тѣхъ народовъ западной Европы, съ коими существовали у насъ политическія и торговыя связи, какъ то: Скандинавовъ, Нѣмцевъ, Венгровъ, Поляковъ и т. п. Лѣтопись сообщаетъ извѣстія о сношеніяхъ съ этими народами, и притомъ такого рода, что необходимо допустить полное взаимное пониманіе обѣихъ сторонъ, а оно возможно только при объясненіи посредствомъ слова, устнымъ или письменномъ.

Всѣ разговоры Русскихъ съ иностранцами, записанные древнею лѣтописью, носятъ характеръ живой, устной бесѣды: довольно вспомнить объясненіе Прѣтicha съ княземъ Печенѣжскимъ или Мстислава съ княземъ Касожскимъ. На вопросъ: «а ты князь ли еси»? Прѣтичъ отвѣчалъ: «азъ есмь мужь его, и пришелъ есмь въ сторожѣхъ, по мнѣ идетъ полкъ со княземъ безъ числа множество.» Рече князь Печенѣжскій къ Прѣтичю: «буди ми другъ»; онъ же рече: «такъ створю.» И подаста руки межю собою» и помѣнялись дарами. Князь Касожскій Редеда обратился къ Мстиславу съ слѣдующими словами: «что ради губивъ дружину межю собою? но съидевъ са сама бороть; да аще одолѣши ты, то возмеша имѣнье мое, и жену мою, и дѣти моѣ, и землю мою; аще ли азъ одолѣю, то вѣзму твое все», и рече Мстиславъ: «такъ буди». И рече Редеда ко Мстиславу: «не оружемъ ся бьевъ, но борьбою», и ястася бороти крѣпко¹⁾.

Если подобныя извѣстія историческая критика считаетъ не болѣе, какъ народными сагами, то тѣмъ не менѣе въ основаніи ихъ лежитъ дѣйствительное событіе. Во всемъ разказѣ о сношеніи Прѣтicha съ Печенѣжскомъ историки находятъ вѣрнымъ только то, что Печенѣги осаждали Кіевъ, однакожь безъ успѣха²⁾. Съ такою же справедливостью можно сказать, что во всемъ разговорѣ Русскаго вождя съ Печенѣжскимъ вѣрно только то, что Русскіе и Печенѣги могли и должны были говорить

¹⁾ Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 28 и 63.

²⁾ Исслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской исторіи, Погодина, т. I, стр. 181 — 184.

другъ съ другомъ, часто приходя въ столкновеніе. То же должно допустить и о другихъ инородцахъ, память о которыхъ сохранилась въ лѣтописи въ видѣ народнаго преданія, саги. На какомъ же языкѣ объяснялись собесѣдники? Русскіе ли говорили языкомъ своихъ сосѣдей, или наоборотъ, всѣ инородцы говорили по-Русски, и такимъ образомъ отдѣльные ручьи сливались въ Русскомъ морѣ, по выраженію поэта? Хотя очевидный перевѣсъ Руси и во внѣшнемъ и въ нравственномъ отношеніи надъ своими сосѣдями даетъ второму предположенію болѣе вѣроятности, однако исторія представляетъ не одно доказательство тому, что при столкновеніи народовъ, побѣдителя и побѣжденнаго, сильнаго и слабого, происходитъ до известной степени обоюдная уступка, мѣна понятій, обычаевъ, вѣрованій и ихъ существеннаго выраженія — языка. Еще отъ десятаго столѣтія мы имѣемъ извѣстіе о Русскомъ, знавшемъ Печенѣжскій языкъ: когда Печенѣги въ 968 г. осадили Кіевъ, одинъ отрокъ прошелъ съ уздою сквозь непріятельскій станъ «бѣ бо умѣя Печенѣжски и мяхуть и своего»¹⁾. Если были знатоки языка народа враждебнаго, то тѣмъ скорѣе и въ большемъ числѣ могли быть знатоки языка мирныхъ сосѣдей, — и дѣйствительно были: такъ, напримѣръ, еще въ XIII и XIV вѣкахъ въ Великомъ Устюгѣ былъ въ общемъ употребленіи по торговымъ дѣламъ языкъ Зырянскій²⁾, и т. п.

Продолжительнѣе, нежели съ Половцами и Печенѣгами, были, къ сожалѣнію, связи наши съ Монголами. Во все время нашего угнетенія бывали между Русскими знатоки языка угнетателей. Уже въ началѣ ига посолъ папскій Плато-Карпини нашелъ у Батыя одного Суздальца (Russien de Susdal), бывшаго толмачемъ при сынѣ князя Ярослава (duc Jeroslaus)³⁾. Кромѣ свидѣтельствъ о частныхъ лицахъ, знавшихъ монгольскій языкъ, мы имѣемъ любопытный памятникъ письменный — ярлыки монгольскихъ хановъ. Они издаваемы были нѣсколько

¹⁾ Полное собраніе Русскихъ летописей, т. I, стр. 28.

²⁾ Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина, 1827, т. II, стр. 231.

³⁾ Собраніе путешествій въ Татаранъ и другія восточныя народы въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ, изд. Д. Языковъ, 1825, стр. 214 — 215.

разъ и иногда встѣчаются въ рукописяхъ *). Извѣстные доселѣ ярлыки въ спискахъ XV — XVI в. по всей вѣроятности списаны съ переводовъ древнѣйшихъ. Независимо отъ важности для историческихъ изслѣдованій, ярлыки любопытны и въ филологическомъ отношеніи, какъ одинъ изъ древнѣйшихъ въ Европѣ образецъ перевода съ языка приставочнаго (agglutinierende) на языкъ флексивный (flexivische). Благодаря отчетливому труду нашего оріенталиста г. Григорьева, можно судить о характерѣ перевода. Языкъ ярлыковъ проникнутъ вліяніемъ Монгольскаго синтаксиса, которое рѣзко выражается двумя особенностями. Во-первыхъ, вмѣсто союзовъ *что* и *чтобы*, которыхъ нѣтъ въ Монгольскомъ, употребляется дикая, въ подобномъ значеніи, для Русскаго языка форма дѣпричастія отъ глагола *говорить*, *молвить*, въ настоящемъ времени или въ прошедшемъ. Во-вторыхъ, второстепенныя части предложенія, которыя по свойству нашего языка ставятся послѣ главныхъ, въ ярлыкахъ поставлены наоборотъ. Вмѣсто такой фразы: «и мы повелѣли, *чтобы* было по прежнему» въ ярлыкѣ Узбека митрополиту Петру: «какъ то было прежде насъ, такъ *моля*, и наше слово оставило.» Вмѣсто: «*Царь пожаловалъ митрополита Θεогноста, далъ ему ярлыкъ съ алою татюю*, на томъ основаніи, *что* поповскій чинъ и тѣ, которые зовутся богомольцами, съ давнихъ добрыхъ временъ и доселѣ, не должны платить никакихъ пошлынъ, ибо они молятся за насъ самому Богу и воздають молитвы за племя наше въ родъ и родъ» — въ ярлыкѣ Тайдулы: «Отъ давныхъ добрыхъ

*) Они нацаны въ древней Россійской Библиографіи, ч. VI, 2-е изд., 1788; въ Суздальской летописи, изд. Львовымъ, 1799; въ Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, 2 том. — Въ рукописи я видѣлъ въ Сборникѣ XV в. Троицко-Сергіевой Лавры, № 43, л. 174—190; здѣсь есть приписка, помѣщенная у Новикова съ незначительными отлччленіи. У Новикова: «иныхъ не възмогахомъ превести, занеже неудобъ познаваемо рѣчию писана быша, ниже пакъ ихъ именованомъ, здѣ довольно бысть, и се разумныи къ наказанію, еже отъ Сарацинъ требованіе милости отъ Бога, и къ церкви Божіей милости и молитвы, неже правда Христіанская неразумнѣющихъ по истинѣ Бога; но ослѣпленныхъ суетою ибра сего, еже преобидѣти святыя церкви и дома ихъ.» Въ списокѣ Лаврскомъ то же самое мѣсто нѣсколько сокращено: «иныхъ не възмогахомъ превести зане неудобъ познаваемо рѣчию писана быша, ниже пакъ именованомъ здѣ, довольно бо есть пакъ наказаніе отъ Сарацинъ и еже правда Христіанская неразумнѣющихъ по истинѣ Бога, но ослѣпленныхъ суетою, еже преобидѣти стымъ церкви и дома ихъ.»

временъ и доселѣ, что зовутся богомольцы и весь поповскій чинъ, тѣмъ не надобѣ ни которые пошрины: занеже самому Богу молятся за насъ и за наше племя въ родъ и родъ, и молитву воздаютъ, такъ *моля, Θεογνωστα митрополита царь пожаловалъ, со алою тамою ярлыкъ далъ.*» Какъ въ синтаксисѣ много монголизмовъ, такъ въ слогѣ ярлыковъ много руссизмовъ, выражающихъ понятія христіанскія. Слова ярлыка: «да будетъ тому худо», переводчикъ замѣнилъ словами: «во грѣсѣхъ да будетъ»; къ началу ярлыка: «Вышняго Бога силою» прибавилъ: «и вышняя Троицы волею», и пр. ¹⁾ Подобныя руссизмы весьма естественны въ опытѣ, относящемся къ періоду литературы, въ которомъ не считалось необходимою наблюдать тонкое отличіе въ способѣ выраженія описываемыхъ лицъ. Въ памятникахъ XIV или XV вѣка какой нибудь Мамай, говоря о предметахъ христіанскаго міра, употребляетъ выраженія христіанскія, и тотъ же самый Мамай о своихъ собратахъ отзывается такими укоризненными словами, какими могли говорить о нихъ только враги ихъ — христіане. Въ сказаніи о побойщѣ на Дону приводится слѣдующее воззваніе Мамай: «спондемъ на Русьскую землю, церкви Божія попадимъ огнемъ, законъ ихъ погубимъ, а кровь христіанскую пролиемъ.» Въ томъ же сказаніи говорится, что Мамай, услышавъ о приходѣ князя Дмитрія, «рече княземъ своимъ *темнымъ*: двинемся всею силою моею *темною* и станемъ у Дону», и мн. др. ²⁾

Собственно для способа объясненія предковъ нашихъ съ народами западной Европы также нѣтъ положительныхъ указаній въ лѣтописяхъ. Лѣтописцы болѣе старались сообщить то, о чемъ бывали совѣщанія у насъ съ иностранцами, нежели то, на какомъ языкѣ происходили они. Изъ западныхъ народовъ, кромѣ соплеменныхъ намъ Чеховъ и Поляковъ, древніе памятники чаще другихъ упоминаютъ Венгерцевъ, Шведовъ, Нѣмцевъ. Многіе Венгерцы избирали Русь мѣстомъ жительства. У князя Бориса слугою и любимцемъ былъ Венгерець по имени Георгій. Въ стѣнахъ древней Русской обители подвизался Вен-

¹⁾ О достовѣрности ханскихъ ярлыковъ, В. Григорьева, Москва, 1842, стр. 98 — 105.

²⁾ Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, VI, стр. 90 и 93.

гереть, известный под именем Моисея Угрина. Сношенія Венгровъ съ Русью имѣли такія причины и характеръ, что обойтись безъ словеснаго сообщенія было не возможно. Короли Венгерскіе дѣятельно слѣдили за событіями Руси, часто вступали въ переговоры съ нашими князьями, искали приверженцевъ себѣ между Русскими. Такъ король Венгерскій Бела старался вступить въ союзъ съ княземъ Галицкимъ Данииломъ, и для этой цѣли искалъ содѣйствія митрополита Кирилла II, убѣдивъ его отправиться въ Грецію черезъ Венгрію, и т. п. Сношенія со Шведами всѣ такого рода, что для нихъ необходимо было знаніе языка, на коемъ обѣ стороны предъявляли свои желанія. Лѣтописи говорятъ о *совѣщаніяхъ* Русскихъ со Шведами на сѣздахъ, назначаемыхъ съ различными цѣлями. Между другими находится извѣстіе, показывающее, что въ половинѣ XIV вѣка Шведы желали даже имѣть богословскій диспутъ съ Русскими, подобно тому, какъ спустя почти четыре вѣка желали этого богословы Сорбонскіе. Новгородская лѣтопись говоритъ, что Магнусъ, король Свѣйской земли, прислалъ къ Новгородцамъ съ такимъ предложеніемъ: пошлите на сѣздъ своихъ философовъ (sic), а я пошлю своихъ, чтобы *переговорили* о Вѣрѣ. Я хочу слышать, какая вѣра будетъ лучше; если ваша, то я пойду въ вашу; если наша, то вы идите въ нашу; и «будемъ вси за единъ человекъ.» Тогда владыка Новгородскій, посадникъ, тысяцкой и всѣ Новгородцы по совѣщаніи отвѣчали Магнусу: если хочешь узнать, какая вѣра лучше, пошли въ Цареградъ къ патриарху, ибо мы отъ Грековъ приняли вѣру, и не желаемъ спорить о ней съ тобою, а «чья будетъ обида между нами», о томъ шлемъ къ тебѣ на сѣздъ, и послали Новгородцы Аврама тысяцкаго, Кузму Твердислава и иныхъ бояръ^{*)}. Если предлагали преніе о вѣрѣ, значитъ были увѣрены, что есть знатоки языка, избираемаго для преній, а отправленіе Новгородцевъ на сѣздъ показываетъ, что переговоры между Русскими и Шведами были обычны.

Подобно Шведамъ, лѣтописи упоминаютъ о ихъ соплеменникахъ, Нѣмцахъ, часто имѣвшихъ переговоры съ Русскими; но

^{*)} Полное собраніе Русскихъ лѣтописей; III: Новгородск. 1-я лѣта, стр. 83.

о языкѣ ихъ также нѣтъ опредѣлительныхъ свидѣтельствъ. Еще въ первой половинѣ XIII вѣка Русскіе заключали договоры съ Нѣмцами. Смоленскій князь отправилъ пословъ своихъ въ Ригу и Готландію, и цѣлью посольства было: «утверживати миръ, а разлюбые на сторону отверечи, которое было межѣ Нѣмци и Смолняны», чтобы добросердье стояло до вѣка, а князю любо было бы, и Смолнянамъ, и Рижанамъ, и *естьмъ Нѣмцимъ, ходяцимъ по Восточному морю* (Ost-See — Балтійскому морю). Въ договорѣ Русину вмѣнено въ обязанность имѣть свидѣтелей при рѣшеніи спорнаго дѣла, и дозволено идти на *общій судъ* — въ Ригѣ и на Готскомъ берегу¹⁾. Съ XIII вѣка сношенія съ Нѣмцами не прекращались. Эти сношенія вовсе не были случайными, а напротивъ того могли содѣйствовать даже знакомству иностранцевъ со внутреннимъ бытомъ Россіи. Такъ, между прочимъ, Нѣмцы хорошо знали народную любовь Русскихъ къ гаданьямъ, и рѣшились избрать ее политическою мѣрою. Когда царь Иванъ Васильевичъ возвратился съ похода, говорить лѣтопись, тогда пришли Нѣмцы, собравшись изъ заморья, и Литва изъ Польши; къ царю прислали Нѣмца, лютаго волхва Елисея, и «бысть ему любимъ, въ приближеніи . . . на Рускихъ людей царю возложи свѣрѣство, а къ Нѣмцамъ на любовь преложи.» Безбожные узнали своими гаданіями, что имъ быть бы разоренными до конца, и прислали злаго еретика, ибо «Рускіе люди прелестни и падки на волхвованіе»²⁾. Это извѣстіе относится уже къ XVI вѣку, и въ этомъ только столѣтіи является точное свидѣтельство о томъ, что переговоры съ Нѣмцами происходили иногда и безъ переводчиковъ. Отсюда можно сдѣлать заключеніе и о времени предшествовавшемъ, о промежуткѣ съ XIII по XVI столѣтіе. Любопытное указаніе принадлежитъ иностранному путешественнику. Въ описаніи путешествія Ганса Кобендла (Hans Kobenzl von Proseg) и Принтца (Daniel Printz von Buchau), пословъ императора Нѣмецкаго Максимилиана II, говорится о данной имъ аудіенціи: послы получили отвѣтъ (25 января 1576 г.) касательно цѣли своего посольства отъ великокняжескихъ со-

¹⁾ Русскія достопамятности, часть II, стр. 248 — 273.

²⁾ Полное собраніе Русскихъ лѣтописей; IV: Псковская 1-я лѣпись, стр. 318.

вѣтниковъ (дьяковъ), съ которыми они объяснялись частью при помощи переводчиковъ, частью *непосредственно*¹⁾. На другой день также происходило совѣщаніе пословъ съ боярами. Какой языкъ употребляли *отчасти* при совѣщаніяхъ, Принцъ не говоритъ; но есть вѣроятность полагать, что Нѣмецкій, а не Русскій. Хотя Принцъ, какъ житель Богеміи, и могъ достаточно понимать Русскій языкъ, а Кобенцль и писалъ даже на одномъ изъ Славянскихъ варѣчій, какъ видно изъ описанія путешествія, составленнаго имъ для друга своего Николая Дранковича на Иллирскомъ или Кротскомъ языкѣ (*lingua Illyrica seu Sclavonica*); однако постоянное присутствіе толмачей при этихъ послахъ показываетъ, что имъ трудно было объясняться непосредственно на Русскомъ языкѣ. Намѣреніе же Іоанна IV ввести преподаваніе Нѣмецкаго языка въ Русскихъ училищахъ, о которомъ скажемъ ниже, и дѣятельныя сношенія съ Германіею указываютъ на возможность переговоровъ съ Русскими на Нѣмецкомъ языкѣ²⁾.

Исчислять всѣ историческія свидѣтельства о сношеніяхъ нашихъ съ иностранцами было бы несообразно съ нашею цѣлью; но слпченіе этихъ свидѣтельствъ, въ самомъ значительномъ объемѣ, ведетъ къ тому результату, что древняя Русь представляла довольно обширное поле для знакомства съ иностранными языками.

При этомъ нельзя не замѣтить различія, представляемаго двумя половинами Европы: между тѣмъ какъ одна изъ нихъ, именно Россія, совмѣщала въ себѣ разноплеменныхъ обитателей, постоянныхъ или только временныхъ, другая населена была народами преимущественно одного Кельто-Нѣмецкаго племени; какъ исключеніе явилось между ними племя Чудское, не родственное имъ ни по крови, ни по языку; но эти же самыя Угры или Мадьяры черезъ Русь проходили на западъ и со-

¹⁾ Kritisch-literärische Uebersicht der Reisenden in Russland, von Adelung. I, 306. Аделунгъ приводитъ мѣста изъ путешествія по рукописямъ, хранящимся въ Вѣнѣ. Въ нихъ сказано, что послы говорили съ нашими дьяками *«thails durch die dollmätschen, die gleichwohl sehr vngeschikht vnd vntauglich Leüth seyn, vnd thails selbst mündlich.»*

²⁾ Kritisch-literärische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700 von Adelung, I, 293 — 294.

племенники ихъ остались нашими вѣчными сосѣдями на сѣверо-западѣ; слѣдовательно у Русскихъ было и больше причинъ и больше случаевъ къ знакомству съ языками различныхъ народовъ, съ коими необходимо было объясняться. Въ остальной же Европѣ ни одинъ народъ, кажется, не имѣлъ такихъ разнородныхъ сношеній, и потому, естественно, не располагалъ такими средствами къ узванію иностранныхъ языковъ. Не смотря на то, что Русь отсюду открыта была чуждому влиянію, которое могло бы отразиться и въ языкѣ, это влияние не проникло въ глубину народнаго быта; оно не заставило забыть и языкъ Русскій, который оставался постоянно господствующимъ для всѣхъ классовъ Русскаго народа во всѣ періоды нашей древней исторіи. Совершенно противоположное явленіе видимъ въ западной Европѣ: немного иностранныхъ языковъ повѣстно было каждому изъ ея народовъ, и изъ этихъ немногихъ одинъ оказываетъ влияние до того рѣшительное, что въ нѣкоторыхъ странахъ вовсе вытѣсняетъ даже родной языкъ изъ общаго употребленія, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ классахъ. Этотъ чужой языкъ, господствовавшій въ средніе вѣка и позднѣе на противоположныхъ концахъ западной половины Европы, былъ языкъ Французскій. Онъ проникалъ не только въ соплеменную Францію Португалію, но и въ Польшу и даже въ Венгрію вмѣстѣ съ востшествіемъ на престолъ этихъ земель принцевъ Французскаго происхожденія; онъ былъ распространенъ и въ Швейцаріи, и въ Бельгіи, и въ Королевствѣ Обѣихъ Сицилій, и въ Греціи *). Особенно любопытно преобладаніе Французскаго языка у народовъ, рѣзко отличающихся отъ Французовъ по условіямъ своего быта и характеру, именно у Англичанъ и Нѣмцевъ. Въ Англіи Французское влияние, начавшись съ XI вѣка, съ эпохи Вильгельма Завоевателя, дѣйствовало на языкъ до того сильно, что, по замѣчанію извѣстнаго лингвиста Фукса, оно проникло весь составъ языка, обнаруживаясь и въ произношеніи, и въ словообразованіи, и въ самомъ расположеніи словъ. Хотя съ 1362 года Англійскій языкъ признанъ админи-

*) *Origine et formation de la langue française, par A. de Chevallet. I partie. Paris. 1853. Prolégomènes. p. 39 — 40.*

стративныиъ, однако и до сихъ поръ въ языкѣ Англійской администраціи сохраняются слѣды Французскаго вліянія; такъ королевское утвержденіе выражается словами: *La Reuve le voet (veut)* и т. п. Въ Германіи еще въ XIII столѣтіи Французскій языкъ сдѣлался языкомъ образованности и воспитанія: въ высшихъ кругахъ общества преподаваніи дѣтямъ учебныхъ предметовъ происходило на Французскомъ языкѣ и само воспитаніе вѣрнее было преимущественно Французамъ^{*)}. И такъ Германія XIII вѣка представляла въ отношеніи условій образованности то же самое явленіе, какое обнаруживается въ Россіи въ XVIII столѣтіи и противъ котораго постоянно дѣйствовала у насъ литература въ лицѣ своихъ достойнѣйшихъ представителей, весьма несходныхъ между собою по духу и значенію своей литературной дѣятельности, но сходившихся въ одной идеѣ — въ признаніи существенныхъ правъ народности въ дѣлѣ общественнаго образованія, словесности и языка.

Знакомясь дома съ языками иностранцевъ, издавна посѣщавшихъ гостепріимную Россію, предки наши и сами предпринимали отдаленныя путешествія, слѣдствіемъ коихъ было, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ, и знакомство съ языкомъ посѣщаемой страны. Многіе изъ нашихъ путешественниковъ описывали свой путь, и любопытныя записки путешествій хранятся въ значительномъ количествѣ списковъ; пятнадцать изъ нихъ изданы г. Сахаровымъ во второмъ томѣ «Сказаній Русскаго народа», подъ названіемъ: «Путешествія Русскихъ людей»; къ нимъ присоединена и легенда о путешествіи Полоцкой княжны Евфросиніи въ XII вѣкѣ. Изъ этого числа восемь путешествій совершено въ Іерусалимъ, три въ Константинополь, два

^{*)} *Adenès le Roi* (род. 1240) въ своемъ стихотвореніи *Berte aux grands pieds* говоритъ:

Tout droit à celui temps que je ci vous devis
 Avoit une coustume ens le Tyois pais
 Que tout li grant seigneur, li conte e li marchis
 Avoient, entour aus, gent françoise tous-dis
 Pour aprendre françois leur filles et leur fils, etc.

См. *Die Romanischen Sprachen in ihrem Verhältnisse zum Lateinischen* von August Fuchs. Halle. 1849. стр. 107—109.

въ Китай, одно въ Индію и одно въ Италію. Цѣль первыхъ чисто религіозная, и потому особенное вниманіе обращено въ нихъ на описаніе мѣстностей, ознаменованныхъ священными для христіанства воспоминаніями, и тѣхъ явленій, которыя наиболѣе поражаютъ набожное чувство паломниковъ, какъ то: чудесное свѣщенствіе «святаго свѣта» и т. п. Другое значеніе для путешественниковъ имѣли такія страны, какъ Индія или Китай; не давая пищи религіозному настроенію, онѣ возбуждали интересъ новостью и оригинальностью быта своихъ жителей, устройствомъ городовъ и селъ, самою внѣшнею природою. Все это въ равной степени привлекало вниманіе нашихъ путешественниковъ, какъ видно по ихъ путевымъ замѣткамъ, въ коихъ упоминается одно за другимъ, и о мѣстоположеніи города, и объ одеждѣ жителей, и о свѣстныхъ принасахъ, и о рѣдкихъ животныхъ, и т. п. Въ этой пестрой смѣси впечатлѣній попадаются замѣтки и о языкѣ видѣнныхъ народовъ; но большую часть онѣ состоятъ изъ нѣсколькихъ словъ, въ родѣ слѣдующихъ, въ путешествіи Байкова въ XVII столѣтіи: «а у Мунгальскихъ людей языкъ съ Калмыками одинъ, а Тайши у нихъ многіе... отъ Иртыша до Мунгальскихъ людей степью межъ горъ ходу два дня; степь голая; ни воды, ни корму нѣтъ; а прошедь то мѣсто живутъ Мунгальцы, людишки добръ худы; а житіе ихъ самое нужное»; или «а въ томъ Китайскомъ городѣ Каколотанѣ живутъ Тубейцы: языкъ у нихъ *Мунгальскій*» и проч.¹⁾ Всѣхъ богаче извѣстіями о языкѣ отдаленнаго народа путешествіе Тверянина Аванасія Никитина²⁾, прибывшаго въ Индію въ

1) Сказанія Русскаго народа, собранныя И. Сахаровымъ, т. II, 1849, книга 8, стр. 127 и 128.

2) Путешествіе Никитина описано Карамзинскимъ, который и помѣстилъ въ прилѣжаніи 629 къ VI тому своей исторіи начало путешествія по рукописи «для прилѣжанія въ слогъ» и краткое извлеченіе «другими словами»; т. е. современнымъ Русскимъ языкомъ. Оно напечатано вполнѣ въ «Соединенномъ Временникѣ», издаванномъ Строевымъ, т. II, стр. 145 — 164; въ «Сказаніяхъ Русскаго народа», Сахарова, т. II, кн. 8, стр. 171 — 179; наконецъ въ VI томѣ «Полнаго собранія Русскихъ лѣтописей», 1853, стр. 380 — 384. Иностранныя слова въ путешествіи объяснены были также нѣсколько разъ: въ изданіи Сахарова помѣщены объясненія академика Френа; въ Библиотекѣ Глазгоускаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ есть экземпляръ Соединеннаго Временника съ объясненіями Ярцова; объясненія, находящіяся въ VI томѣ лѣтописей, принадлежатъ профессору С. Петербургскаго университета Казембу. Этими послѣдними пользуется нынѣ въ своихъ изданіяхъ.

1468 году, за тридцать лѣтъ до Васко де Гама, и сообщившаго Русскимъ читателямъ свѣдѣнія о далекомъ краѣ гораздо ранѣе, нежели познакомились съ нимъ западные Европейцы. Этимъ знакомствомъ обязаны они Португальцамъ, распространившимъ въ Европѣ свѣдѣнія объ Индіи уже въ XVI вѣкѣ. Извѣстія, сообщенныя Никитинимъ, заключаются въ отдѣльныхъ словахъ и въ цѣлыхъ фразахъ языка Индійскаго, каковымъ онъ былъ въ XV столѣтіи, когда, сохраняя кое-какіе слѣды своего первообраза, Савскрита, онъ былъ подавленъ вліяніемъ Арабскимъ, Персидскимъ и въ особенности Татарскимъ. Слова и фразы иностранныя стоятъ у Никитина рядомъ съ Русскими, а не составляютъ отдѣльнаго сборника, коего первый и незначительный образецъ явился въ Европѣ гораздо позднѣе: его составилъ спутникъ Магеллана, Пижафетта. Замѣчательно, что, приводя иностранныя выраженія, Никитинъ удерживаетъ Русскія именованія и частицы. Многія Индійскія реченія записаны имъ, по мнѣнію знатоковъ, «довольно вѣрно»; встрѣчающіяся же невѣрности рѣшительно неизбежны при всѣхъ опытахъ подобнаго рода. Въмѣсто *киларсенъ* у Никитина записано *киларсенекъ*, вмѣсто *Мохаммедъ дини* — *Маметдени*, вмѣсто *селая миконедъ* — *сулая микунтъ*, и проч.; но множество примѣровъ доказываютъ, какъ трудно уловить въ точности звуки чужаго языка при произношеніи, и лучшимъ оправданіемъ нашему путешественнику служатъ попытки всѣхъ другихъ Европейскихъ путешественниковъ: одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ между ними, Кукъ, утверждаетъ, что рѣдко удавалось двумъ его спутникамъ записать одними и тѣми же буквами, не только гласными, но даже и согласными, одно и то же слово, произносимое обитателями Полинезіи. Никитинъ говоритъ между прочимъ о брошенныхъ дѣтяхъ жителей Индостана, порода которыхъ, какъ кажется, доставила имъ прозваніе обезьянъ^{*)}: «ины Гондустанци тѣхъ

^{*)} Нашъ путешественникъ называетъ ихъ положительно обезьянами; но по его же описанію видно, что дѣло идетъ о людяхъ, а вовсе не о животныхъ «А обезьяны то тѣ — говоритъ онъ — живутъ по лѣсу, да у нихъ есть иная обезьянскій, да ходитъ ратию своею, да кто ихъ знаетъ и они ся жалуютъ клязю своему, и онъ посылаетъ на того свою рать, и они приходятъ на градъ и дворы разволяютъ и людей побьютъ; а рати ихъ сказываютъ весьма много, и лзыны имъ есть свои, а дѣтей родятъ много; да которой родится не въ отца, не въ матери,

знаютъ да учать ихъ всякому рукодѣлю, а вныхъ продаютъ ночи, чтобы възядъ не знали побѣжати, а вныхъ учать базы миканетъ», и здѣсь цѣлую Персидскую фразу: *базы миканетъ*, что значить *играетъ, танцуетъ* и т. п., нашъ путешественникъ принялъ за одно существительное имя *базы*, т. е. *игра*. Принятіе цѣлаго предложенія за одно слово весьма легко могло бы случиться при усиленной даже заботливости автора о вѣрной передачѣ иностранныхъ словъ, чему доказательствомъ служатъ также примѣры другихъ, позднѣйшихъ Европейскихъ путешественниковъ, которые весьма часто впадали въ ту же невольную ошибку: если они, желая узнать отъ дикаря, какъ на его языкѣ слово *ходить*, указывали на ходившаго, то получали въ отвѣтъ: *онъ ходитъ*; если же для этого сами начинали ходить, то дикарь говорилъ: *ты ходишь* и т. д.^{*)} Словомъ, нельзя, нежеться, не согласиться, что нашъ путешественникъ XV вѣка познакомился съ языкомъ Индостана по крайней мѣрѣ на столько, на сколько можно было познакомиться любознательному человѣку, прибывшему въ неизвѣстную страну совершенно съ другими цѣлями и притомъ не на долгое время.

ниа гѣхъ мечють по дорогамъ» (стр. 335). Повѣрье о народѣ-обезьянахъ могло сохраниться въ Индіи въ XV вѣкѣ, восходя къ глубокой древности. Въ Рамаянѣ разсказывается о дружбѣ Рамы съ Гануманомъ, «княземъ обезьянъ, гѣснымъ человекомъ», и о союзѣ, заключенномъ на священной горѣ между Рамою и Сугривою, другимъ княземъ обезьянъ, великодушнымъ гѣснымъ человекомъ. Одинъ Французскій писатель, сообщая любопытныя свѣдѣнія о бытѣ и литературѣ Негровъ, говорить: «Les livres sacrés du brahmanisme racontent que Rama, après avoir vaincu en bataille rangée le peuple singe, l'expulsa du continent et lui abandonna par un solennel traité une partie de l'île de Ceylan. Il ne serait pas impossible que ces singes guerriers et diplomates soient tout simplement les nègres (Les moeurs et la littérature nègres, par Gustave d'Alainx. Revue des deux mondes. 1832. Tome XIV. 4 livraisons). Источникомъ преданія о загадочномъ народѣ могъ послужить самый видъ черныхъ людей извѣстнаго племени, который тѣмъ живѣе могъ дѣйствовать на воображеніе народа, и породить цѣлый рой чудесныхъ разсказовъ. Вирей предполагалъ средство Готтентотовъ съ панацами, породю обезьянъ; въ XVIII вѣкѣ разсуждали серьезно о возможности перехода изъ обезьяны въ человека и обратно, а у Деламетри встрѣчается наивная догадка, что продолговатая форма носа у человѣка зависитъ отъ того, что люди произошли отъ породы обезьянъ, подверженной насморку.

*) Balbi, Atlas ethnographique du globe. Introduction. Discours préliminaire. р. СIII — CIV etc.

Если не многимъ обстоятельства дозволяли, но торговымиъ видами и еще жене по одному любопытству, предпринимать далекія путешествія, и, живя на чужбинѣ, узнавать чужіе языки, то внутри Россіи было много замѣчательныхъ людей, обрекавшихъ себя на подвиги миссіонеровъ, и съ этою цѣлю изучавшихъ языкъ народа, какъ единственный и вѣрный проводникъ убѣжденій. Исторія не богата извѣстіями о трудахъ этихъ достопамятныхъ подвижниковъ; но и сохранившіяся извѣстія показываютъ, что мысль о подвореніи истинной Вѣры одушевляла постоянно многіе умы въ древней Руси, и средства, употреблявшіяся нашими миссіонерами, были воицѣ достойны и людей истинно образованныхъ, и самой святости дѣла: на это мы имѣемъ доказательства неоспоримыя. Начиная съ X столѣтія, съ крещенія Руси при св. Владимірѣ, отъ каждаго вѣка осталось нѣсколько именъ или подвиговъ этого рода, записанныхъ современниками. Между распространителями Вѣры были и люди облеченные свѣтскою властію, какъ было это и въ западной Европѣ; но по большей части лица духовныя трудились на этомъ поприщѣ. Въ XII вѣкѣ преп. Герасимъ изъ Кіева переселился на далекій сѣверъ, основалъ обитель близъ торговаго мѣстечка Вологды и тридцать лѣтъ проповѣдывалъ христіанскую Вѣру¹⁾. Въ XIII вѣкѣ миссіонеры наши подчинили своему вліянію даже нѣкоторыхъ изъ Монголовъ, и, какъ видно, довольно скоро послѣ грознаго нашествія; ибо въ 1261 году образовалась въ ордѣ епархія и нашъ митрополитъ Кириллъ II поставилъ епископа въ ханской столицѣ, Сараѣ²⁾. Въ XIV вѣкѣ знаменитый Пермскій епископъ св. Стефанъ просвѣтилъ жителей Пермской области, изобрѣлъ имъ письмена и перевелъ на ихъ языкъ чтенія язъ Евангелія и Апостола, Псалтырь, Пареміи. Въ XVI вѣкѣ архимандритъ Феодоритъ, тотъ самый, который привезъ изъ Константинополя благословеніе Юванну IV на принатіе титула царя, обратилъ въ христіанство Лапландцевъ (до рѣки Туломы), также изобрѣлъ письмена и перевелъ на Лапландскій языкъ

¹⁾ Исторія Русской Церкви. Періодъ первый. Харьковъ, 1849, стр. 37 — 38.

²⁾ Прибавленія къ твореніямъ Святыхъ Отцевъ. Часть I. Москва, 1843, стр. 419.

Баваріе^{*)}). И много другихъ дѣятелей можно присоединить къ этому числу. Изъ нихъ нѣкоторые обращая народы соплеменные, слѣдовательно обходились безъ изученія иностраннаго языка: такъ на своемъ родномъ языкѣ св. Кукша могъ проповѣдывать у нашихъ соплеменниковъ Вятичей, которые происходили «отъ Ляховъ», по замѣчанію Нестора; но многимъ необходимо было изучать языкъ просвѣщаемого народа для успѣшнаго достиженія своей цѣли. Миссіонеры наши не только поставили себѣ въ обязанность это изученіе, но и вообще приготовлялись къ своему дѣлу съ такимъ усердіемъ, такими просвѣщенными трудами, которые удовлетворяютъ самымъ взыскательнымъ требованіямъ образованности гораздо позднѣйшей. Доказательствомъ служатъ исторія св. Стефана, охранившаяся, по счастью, съ нѣкоторыми подробностями, въ извѣстн. современномъ описываемому лицу. Готовясь къ своему подвигу, св. Стефанъ прежде всего глубоко изучалъ Священное Писаніе; потомъ, не довольствуясь Славянскимъ переводомъ, принялся за изученіе Греческаго языка; вмѣстѣ съ тѣмъ съ особеннымъ вниманіемъ выискалъ въ свойства знакомаго ему на родинѣ языка Зырянъ, чтобы надлежащимъ образомъ передать на немъ истины святой Вѣры. Вооружившись такимъ запасомъ знаний, онъ перевелъ на Зырянскій языкъ все, что нужно было для успѣшнаго начала проповѣди, и при переводѣ руководствовался постоянно и Славянскимъ и Греческимъ текстами. По окончаніи всѣхъ этихъ предварительныхъ работъ, св. Стефанъ отправился, какъ миссіонеръ, къ мѣсту избраннаго служенія. Лучшаго приготовленія нельзя требовать отъ миссіонера какого бы то ни было вѣка, какъ нельзя требовать и лучшихъ мѣръ во все время проповѣди. У св. Стефана она отличалась въ полномъ смыслѣ слова духомъ вѣры и любви, и ознаменована учрежденіями, дѣлающими честь его уму и образованности: онъ заводилъ для дѣтей Зырянъ училища, взрослымъ раздавалъ, по строгому выбору, духовныя должности, такъ что въ основанной имъ обители при немъ и нѣсколько столѣтій послѣ его смерти

^{*)} Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина; т. II, 1827, стр. 281.

совершалось богослужение на туземномъ языкѣ¹⁾. Немалую роль играли при этомъ другіе миссіонеры и другія мѣры, принимаемыя ими, въ особенности лишеніе обращаемыхъ народовъ права приносить Богу лучшую жертву — слагать хвалу Ему на родномъ языкѣ.... Для сотрудниковъ своихъ св. Стефанъ основалъ цѣлую обитель²⁾, разсадникъ Русскихъ миссіонеровъ, которому, быть можетъ, только географическое положеніе помѣшало приобрести извѣстность и почетъ въ исторіи обще-Европейской пропаганды, составляющей одну изъ важнѣйшихъ вѣтвей въ исторіи Европейской образованности. Не имѣя, къ сожалѣнію, столь же подробныхъ извѣстій о другихъ нашихъ европроповѣдникахъ, мы ограничиваемся замѣчаніемъ, что просвѣщенная ревность всегда отличала ихъ подвиги, которые они предпринимали съ рѣдкимъ самоотверженіемъ, безъ всякихъ эгонистическихъ расчетовъ, съ однимъ глубокимъ убѣжденіемъ въ святости подвига и его правотѣ передъ Небомъ: въ этомъ удостовѣряетъ насъ свидѣтельство одного изъ самыхъ основательныхъ между иностранцами знатоковъ древне-Русскаго быта, писателя въ высшей степени безпристрастнаго³⁾.

Кромѣ языковъ, знакомыхъ предкамъ нашимъ по международнымъ сношеніямъ или изучаемыхъ дѣятельными миссіонерами, были языки, знаніе которыхъ служило признакомъ образованности, не будучи въ зависимости отъ какихъ либо внѣшнихъ условій, способствовавшихъ узнавать чужой языкъ, такъ сказать, нечувствительно. Такое значеніе имѣли въ древне-

¹⁾ Исторія Русской Церкви. Періодъ второй. Москва, 1880, стр. 45 — 49.

²⁾ Словарь историческій о Святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви. Спб., 1836, стр. 255.

³⁾ Герберштейнъ въ сочиненіи своемъ «*Rerum Moscoviticarum commentarii*» (Basileae, 1571, стр. 43) говоритъ: *Religionum praecipua cura existit, ut quoslibet homines ad fidem suam perducant. Monachi heremitae bonam jam olim idololatrarum partem, diu multumque apud illos verbum Dei seminantes, ad fidem Christi pertraxerunt. Proficiscuntur etiamnum ad varias regiones Septentrionem versus et Orientem sitas, quo non nisi maximis laboribus, famae ac vitae periculo perveniunt, neque inde aliquid commodi sperant, nec petunt: quin huc unicum spectant, ut rem gratam Deo facere, et animas multorum devio errore abductas (forte aliquando doctrinam Christi confirmantes) in viam rectam revocare, ac eos Christo lucrificare queant.*

Русской образованности языки Греческій, Латинскій и отечественный — Русскій.

Самое раннее извѣстіе, приписывающее нѣкоторымъ изъ Русскихъ князей знаніе Греческаго и Латинскаго языковъ, относится къ XII вѣку. Это знаніе встрѣчалось преимущественно въ родѣ Владиміра Мономаха. Такъ о внукѣ его великомъ князѣ Михаилѣ Юрьевичѣ имѣемъ извѣстіе, что «онъ весьма изученъ былъ писанію, съ Греки и Латины говорилъ ихъ языкомъ, яко Русскимъ»¹⁾. Правнукъ Владиміра Мономаха князь Романъ Ростиславичъ былъ «вельми ученъ всякихъ наукъ, и ко ученію многихъ людей понуждалъ, устраивая то училища, и учителей, Грековъ и Латинистовъ, своею казною содержалъ, и не хотѣлъ имѣть священниковъ неученыхъ, и такъ на оное имѣніе свое истощилъ, что на погребеніе его принуждены были Смоленяне сребро и куны давать по изволенію каждаго, и какъ народъ всѣ его любилъ, то собрали такое множество, что болѣе было, нежели въ годъ князю приходило»²⁾. Изъ такого свидѣтельства можно заключать, что любовь къ просвѣщенію находила въ XII вѣкѣ общее сочувствіе, а заключеніе должно основываться на достовѣрности свидѣтельства. Эти и подобныя извѣстія находятся въ *святской летописи*, по названію самого автора, составленной Татищевымъ, который приводитъ кромѣ того и нѣсколько данныхъ для исторіи Русской образованности, упоминая объ училищахъ и библіотекахъ въ древней Руси. Хотя свидѣтельство Татищева никоимъ образомъ не можетъ равняться по историческому значенію со свидѣтельствомъ Нестора, однако самый способъ составленія сводной *лѣтописи* Татищевымъ возбуждаетъ довѣріе къ новымъ указаніямъ, встрѣчающимся на ея страницахъ. При составленіи своего труда авторъ принялъ за правило «писать тѣмъ порядкомъ и нарѣчіемъ, каковыи въ *древнихъ* (рукописяхъ) находятся, собирая изъ всѣхъ полнѣйшее и обстоятельнѣйшее въ порядокъ лѣтъ, какъ они написали, не перемѣняя, ни убавляя изъ нихъ ничего, кромѣ ненадлежащаго къ *святской лѣтописи*, яко житія

1) Татищева Исторія Россійская, часть III, стр. 220.

2) Тамъ же, III, 238 — 239.

Святыхъ, чудеса, явленія, и проч., которыя въ книгахъ церковныхъ обильнѣе находятся, но и тѣ по порядку нѣкоторыя на концѣ приложилъ; такожъ *ничего не прибавлялъ, разве необходимо нужное для выразительнаго слова положить, и то отличилъ амьстительною* ¹⁾). Въ XVIII вѣкѣ, когда, по выраженію Шлецера, сборникъ Татищева былъ оракуломъ всѣхъ читателей лѣтописей, и въ началѣ настоящаго столѣтія, до самаго Карамзина, не сомнѣвались въ истинѣ лѣтописныхъ извѣстій, сообщенныхъ Татищевымъ. Это видно, по отношенію къ занимающему насъ вопросу, и изъ мнѣнія Мусина-Пушкина о всеобщемъ употребленіи въ древней Руси Латинскаго языка, и изъ указаний въ другихъ сочиненіяхъ, между которыми обращаетъ на себя вниманіе «Краткая Россійская Исторія, изданная въ пользу народныхъ училищъ Россійской Имперіи, 1799 года.» Этотъ учебникъ замѣчательнъ по весьма выгодному о немъ мнѣнію Шлецера, который замѣствовалъ изъ него и сдѣлалъ доступными западно-Европейскимъ ученымъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ чертахъ древне-Русской образованности. Передавая вкраткѣ содержаніе учебника въ Геттингенскихъ ученыхъ вѣдомостяхъ, Шлецеръ замѣчаетъ, что авторъ дѣлаетъ извѣстнымъ многое, что доселѣ хранилось еще въ рукописныхъ лѣтописяхъ; что его историческая метода вполнѣ современна; что каждый изъ пяти періодовъ разсматриваетъ онъ въ двухъ отдѣленіяхъ, изъ которыхъ одно посвящается обзорнѣю *внутреннему* состоянію государства. При очеркѣ содержанія втораго періода, отъ Рюрика до нашествія Татаръ, Шлецеръ говоритъ, что въ этомъ періодѣ образованность на Руси была на высшей степени, нежели можно было бы ожидать: были князья, знавшіе Греческій и другіе языки; было училище въ Смоленскѣ, въ которомъ преподавались Греческій и Латинскій языки; была бібліотека, состоявшая болѣе нежели изъ тысячи греческихъ книгъ ²⁾, и пр. Такимъ обра-

¹⁾ Татищева, Исторія Россійская, I, 1768, Предъизвѣщеніе стр. xxiv—xxv.

²⁾ Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen, 1801, на стр. 344—350; ижемень очеркъ содержанія «краткой Россійской исторіи», въ которомъ говорится: Der ungenannte Verfasser erzählt aus diesen Zeiten (852—1462) vieles, was nur noch in ungedruckten Annalen Hegl's Setzt historische Manier ist ganz modern... Grösser war in diesem, sonst wildem, Zeitraume die Cultur, als man erwartet. Für-

вомъ даже въ началѣ XIX вѣка критика, въ лицѣ Шлецера, не отвергала свидѣтельства позднѣйшихъ лѣтописей. Но Карамзинъ рѣшительно не признаетъ ихъ достовѣрными, и все то, чего нѣтъ въ древнѣйшихъ спискахъ лѣтописи, называетъ просто выдумкою Татищева. Въ повѣствованіи о названномъ нами князѣ Михаилѣ Юрьевичѣ Карамзинъ считаетъ прибавленіемъ Татищева, что этотъ «слабкій князь былъ малъ, сухъ, имѣлъ длинную бороду, кудрявые волосы, кривой носъ, говорилъ языкомъ Латинскимъ и Греческимъ и никогда не хотѣлъ спорить о вѣрѣ»). Какому же изъ свидѣтельствъ двухъ историковъ принадлежитъ право истины, и какъ разрѣшить ихъ противорѣчіе? Путь къ этому рѣшенію и тою и другою стороною указанъ одинъ и тотъ же: и Татищевъ основываетъ справедливость своихъ показаній на «древнихъ манускриптахъ», и на древнія же лѣтописи опирается возраженіе Карамзина; слѣдовательно къ нимъ и необходимо обратиться. Въ древнѣйшихъ спискахъ лѣтописей нашихъ находимъ слѣдующія извѣстія, соответствующія двумъ, приведеннымъ нами выше: въ Ипатіевской годъ 1180 годомъ: «спреставижеся князь Романъ, сынъ Ростиславль, внукъ великаго князя Мстислава... сій же благовѣрный князь Романъ бѣ возрастомъ высокъ, плечима великъ, лицомъ красенъ и всею добродѣтелью украшенъ, смѣренъ, кротокъ, незлобивъ, правдивъ, любовь имѣаше ко всемъ и къ братья своей истинную, нелицемѣрную, страха Божія наполенъ, нищая милуд, монастырѣ набдя; и созда церковь камему святого Юана, и украсивъ ю всякимъ строенемъ церковнымъ и иконы, златомъ и фиништомъ украшены, память сдѣвая роду своему, наче же и

sten, die Griechisch und andere Sprachen verstehen, die am 1180 in Smolensk eine Schule anlegen, in welcher griechisch und latein gelehrt wird, die dieser Schule ihre, aus mehr als 1000, lauter griechischen Bücher bestehende, Bibliothek vermachten и пр. Этотъ неизвѣстный составитель былъ, по указанію Сопикова, *Тимовой Киріакъ* (см. *Сопикова Опытъ Россійской библиографіи*, часть III, стр. 229). Странно, что Шлецеръ автору Учебника приписываетъ всѣ открытія, очевидно заимствованныя у Татищева, отзываясь о послѣднемъ только въ подобныхъ выраженіяхъ: «не льзя думать, чтобы его трудъ былъ вовсе бесполезенъ (выключая I части о Сяконгъ и Сарматахъ и пр.), хотя онъ и совершенно былъ неученъ, не зналъ ни слова полатыни и даже не разумѣлъ ни одного изъ новѣйшихъ языковъ, выключая Нѣмецкаго». Несторъ, перекл. Языкова, I, 100.

*) Исторія Государства Россійскаго, т. III, примѣч. 44 въ концѣ.

души своей оставленіе грѣховъ прося; и приложися къ дѣдомъ своимъ и отцемъ своимъ, и отдавъ общій свой долгъ, его же нѣсть убѣжати всякому роженому»¹⁾. Въ Лаврентьевскомъ спискѣ подъ 1177 годомъ сказано только: «преставися благовѣрный и христіюлюбивый князь Михалко, сынъ Гюргевъ, внукъ Мономаха Володимера, въ субботу, заходящую солнцю, іюня мѣсяца въ 20 день, на память святаго отца Меодѣя; и положиша и у святое Богородици Золотоверхое въ Володимери, юже бѣ создалъ братъ его Андрѣй»²⁾. Сравнивая эти извѣстія съ тѣми, которыя приведены у Татищева, легко замѣчаешь ихъ несходство и также легко склоняешься къ мысли, не есть ли все то, чего недостаетъ въ древней лѣтописи, произвольное дополненіе позднѣйшаго составителя? Но здѣсь рождается вопросъ: въ какой мѣрѣ можно руководствоваться авторитетомъ древней лѣтописи? Все сообщаемое ею принадлежитъ, безспорно, къ числу достовѣрнѣйшихъ сказаній, уцѣлѣвшихъ отъ древности; но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что молчаніе ея о какомъ либо событіи даетъ намъ право заключать, что этого событія не было на самомъ дѣлѣ. Иначе, основываясь на томъ, что въ древней лѣтописи годы 998 и 999 оставлены безъ означенія событій, а подъ 1001 годомъ записано только: «преставися Изяславъ, сынъ Володимеръ», намъ пришлось бы заключить, что въ 1001 г. только и случилось, что умеръ Изяславъ Владиміровичъ, а въ 998 и 999 вовсе ничего не было въ Русской землѣ. Такой выводъ слишкомъ наивенъ; вѣрвый же выводъ состоитъ въ томъ, что въ теченіе трехъ лѣтъ, кромѣ смерти князя Изяслава, не произошло ничего такого, что лѣтописецъ, по своему взгляду на вещи, считалъ бы особенно замѣчательнымъ и необходимымъ для помѣщенія въ лѣтопись сообразно съ ея общимъ характеромъ. Отсюда прямой переходъ и къ заключенію о разсматриваемомъ нами вопросѣ. Съ такимъ же правомъ мы можемъ заключить, что древній лѣтописецъ потому не упомянулъ о знаніи нашими князьями древнихъ языковъ, что не считалъ этого обстоятельства особенно замѣчательнымъ, а извѣстія

¹⁾ Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, т. II, стр. 123.

²⁾ Тамъ же, I, 161.

о немъ вполне сообразнымъ съ цѣлью своего труда. Не вдаваясь въ предположенія, почему подобное явленіе могло казаться незамѣчательнымъ, скажемъ только, что лѣтописецъ XII вѣка могъ руководствоваться совершенно тѣмъ же основаніемъ, какъ и преп. Несторъ, неупомянувшій о знаніи пяти языковъ Всеволодомъ при исчисленіи разнообразныхъ достоинствъ этого князя. Вотъ что говоритъ преп. Несторъ при извѣстіи о кончинѣ Всеволода Ярославича, подъ 1193 годомъ: «сїй бо благовѣрный князь Всеволодъ бѣ издѣтска боголюбивъ, любя правду, набдя убогихъ, въздая честь епископомъ и презвύτεромъ, излиха же любяше черноризци, подаеше требованье имъ; бѣ же и самъ въздержася отъ пьянства и отъ покотия»^{*)}. Отзвѣвъ Нестора о Всеволодѣ напоминаетъ отзвѣвъ позднѣйшаго лѣтописца о Романѣ Ростиславичѣ. Не смотря на то, что Несторъ пропустилъ весьма важное, съ современной намъ точки зрѣнія, извѣстіе объ образованности Русскаго князя въ XI столѣтіи, свидѣтельство о ней поученія Мономахова нисколько не теряетъ своей достовѣрности.

Такимъ образомъ авторитетъ древней лѣтописи имѣетъ въ настоящемъ случаѣ только отрицательное значеніе: не доказывая дѣйствительности, лѣтопись не отвергаетъ возможности знанія извѣстными князьями древнихъ языковъ. Но та же самая лѣтопись, не называя именъ, сообщаетъ извѣстія, доказывающія, что были въ древней Руси знатоки Греческаго языка. Изученіе его вызываемо было и требованіями религіозными, и характеромъ образованности, проникнутой религіознымъ началомъ, и безпрестанными сношеніями съ Греціею по причинамъ весьма разнообразнымъ. Знаніе же Латинскаго языка было слѣдствіемъ сношеній съ западною Европою, въ которой онъ былъ языкомъ Вѣры и становился мало по малу языкомъ образованности. Чѣмъ болѣе образованность Русская приближалась съ западно-Европейскою, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе становилось расположеніе къ языку Латинскому: поэтому цвѣтущая пора для него настала у насъ въ XVI и особенно въ XVII столѣтіи. Въ вѣкахъ же предшествующихъ число знатоковъ Греческаго язы-

^{*)} Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 92.

ка, по всей вѣроятности, значительно превышало число знатоковъ Латинскаго. Еще въ первой половинѣ XI столѣтія совокупно трудились многіе изъ Русскихъ надъ переводомъ книгъ съ Греческаго языка. Князь Ярославъ, свидѣтельствуемъ лѣтописью, «собра писецѣ многи, и предаша отъ Грекъ на Словѣнское писмо, и списаша кнѣги многи»^{*)}). Въ XII вѣкѣ еще сильнѣе обнаруживается вліяніе Византійское на нашу письменную словесность, и это вліяніе естественно условливалось знаніемъ языка произведеній, переводимыхъ на Русь людьми любознательными. Мы имѣемъ цѣлый рядъ поученій Кирилла Туровскаго, доказывающихъ въ авторѣ знакомство съ Греческой литературой, именно съ твореніями Греческихъ христіанскихъ ораторовъ. Вообще сочувствіе наше въ древнюю эпоху къ литературѣ христіанской Греціи имѣетъ за себя много доказательствъ и признано наукою еще со времени Шлепера.

Въ XIII вѣкѣ отношенія наши къ Греціи оставались тѣ же самыя. Представители духовенства, митрополиты Русскіе, были или родомъ Греки, какъ напр. Кирилль I-й и Максимъ, перенесшій митрополію изъ Кіева во Владиміръ, или получали въ Греціи утвержденіе въ своемъ званіи, какъ Кирилль II, утвержденный въ Никее. Не только высшіе іерархи, но и другіе образованные люди того времени, искали пищи для своей любознательности преимущественно въ произведеніяхъ Греческой духовной литературы. Люди же образованные и любознательные были тогда въ Русской землѣ, и лѣтопись сохранила намъ нѣкоторыя изъ нихъ, принадлежавшихъ какъ къ духовному, такъ и къ свѣтскому сословію. О князѣ Константиѣ Всеволодовичѣ говорится, что онъ усердно заботился о созданіи прекрасныхъ Божіихъ церквей, много ихъ создалъ по своей области, исполняя ихъ книгами и всякими украшеніями. Ясно, что потребно было значительное количество книгъ, чтобы надѣлать ими многія церкви. Татищевъ и Шлеперъ допускали, что ихъ было болѣе 1000; другіе же число книгъ считали преувеличеннымъ даже въ показаніяхъ лѣтописныхъ. Такъ Поле-

^{*)} Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I. 63.

вой говорить: лѣтописцы явно преувеличиваютъ число книгъ, переведенныхъ на Славянскій языкъ при Ярославѣ и его преемникахъ. Читая, что *книгами были калѣны исполнены*, вспомнимъ слѣдующее: кто изъ простолюдиновъ нынѣ не удивляется, видя на полкѣ десятка три, четыре книгъ? Такъ думали и на Западѣ въ X и XI вѣкахъ. Библиотека Кройландскаго аббатства въ Англіи славилась за чудо, а въ ней было всего 300 томовъ¹⁾. Въ приговорѣ Полеваго всего счастливѣе мысль о сближеніи явленій древне-Русской жизни съ подобными явленіями въ жизни другихъ Европейскихъ народовъ; но сравненіе лѣтописцевъ съ простолюдинами отзывается поверхностнымъ взглядомъ на значеніе лѣтописца, какъ извѣстнаго рода дѣятеля во внутренней жизни народа въ древнѣйшій періодъ ея развитія. Лѣтописецъ, во многомъ сочувствуя народу, старину котораго спасалъ отъ забвенія, умѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ указывать смыслъ въ событіяхъ, производившихъ на массы безотчетное впечатлѣніе. Довѣряя вмѣстѣ со всѣми таинственному преданью, онъ объяснялъ его сличеніемъ съ повѣствованіями историческими. Возвышаясь образованностью надъ простолюдинами и трудясь надъ книжнымъ дѣломъ часто совокупными силами, лѣтописцы легко могли привыкнуть къ виду большой массы книгъ, чтобы не удивляться, замѣтивъ ихъ три или четыре десятка. Что въ настоящемъ случаѣ было ихъ несравненно болѣе, очевидно изъ праматаго свидѣтельства лѣтописи, сомнѣваться въ которомъ было бы и неосновательно и несвоевременно. «Великій князь Константинъ, правнукъ Володимира Мономаха — говорить лѣтопись — многи церкви созда по своей власти, въображая чюдными въображеніи святыхъ иконъ, исполняя книгами и всякими украшеніи»²⁾. Если ограничить число книгъ необходимыми для богослуженія, то для нѣсколькихъ церквей окажется ихъ довольно много; но будетъ еще болѣе, если присоединить къ нимъ переводы св. отцевъ, основываясь на томъ, что они сохранились въ большомъ количествѣ списковъ. Масса книгъ всего скорѣе могла увеличиваться новыми переводами съ Грече-

¹⁾ Полеваго, *Исторія Русскаго народа*, т. II, стр. 219, примѣч. 228.

²⁾ Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 187.

окаго¹⁾. Самое же назначеніе ихъ — въ храмы, указывають на ихъ содержаніе и языкъ: по содержанію онѣ должны были быть произведенія религиозныя, а по языку — Славянскія, чтобы могли употребляться для богослуженія, общественной молитвы и назиданія.

Въ томъ же вѣкѣ славился просвѣщенною ревностью къ храмамъ Божиимъ князь Владиміръ Васильковичъ. Онъ и соорудилъ новыя церкви, и обогащалъ прежнія драгоценными вкладами, состоявшими преимущественно изъ книгъ. Въ епископію Перемышльскую онъ далъ Евангеліе, имъ самимъ списанное; въ монастырь свой онъ далъ Апостолъ, списанный также собственноручно, и кромѣ того положилъ туда молитвенникъ и сборникъ великій отца своего. Въ Бѣльскѣ онъ «устроилъ церковь иконами и книгами», а новосозданному храму въ Любомлѣ принесъ въ даръ: Евангеліе, Апостолъ, прологи, житія святыхъ отцевъ и дѣлія вѣнчавшихся кровію мучениковъ, 12 миней, тріоди, октоихъ, ирмологіонъ, служебникъ св. Георгію, молитвы вечернія и утреннія и т. д. И все это вновь списано по его распоряженію, а не взято изъ древнихъ книгохранилищъ²⁾. Сборникъ, отданный монастырю, также какъ и другой сборникъ, положенный въ церковь новаго города Каменца, заключалъ въ себѣ, какъ полагаетъ современный намъ историкъ Русской

¹⁾ Въ сводной лѣтописи Татищева именно этому обстоятельству приписывается умовеніе князя при Константинѣ Всеволодовичѣ, который «великій былъ охотникъ къ чтанію книгъ, и наученъ былъ многими науками; того ради имѣлъ при себѣ и людей ученыхъ, многіе древніе книги Греческіе цѣною высокою купилъ, и велѣлъ переводить на Русскій языкъ, многія дѣла древнихъ князей собралъ и самъ писалъ, такожъ и другіе съ нимъ трудился. Онъ имѣлъ однихъ Греческихъ книгъ болѣе 1000, которыя частію покупалъ, частію патриархи, въдавъ его любомудріе, въ даръ присылали» (Исторія Татищева, III, 461). Карамзинъ все это считалъ вымысломъ Татищева (Исторія Государства Россійскаго, т. III, прилѣж. 179). Но у Карамзина въ выпискѣ изъ лѣтописи не приведено указанное нами мѣсто о снабженіи церкви книгами, а это снабженіе — фактъ, засвидѣтельствованный древнею лѣтописью, и самый списокъ ея не позже XIV вѣка.

²⁾ Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, II, 222 — 223: «въ монастырь свой Апостолы да евангеліе опракошь, и апостолъ самъ списавъ... и молитвенникъ да. Въ епископію Перемышльскую да евангеліе опракошь, окованно серебромъ съ жемчугомъ, самъ же списавъ блже.... Создалъ же и церкви многы: въ Любомлѣ же постави церковь каменну... евангеліе списа опракошь, прологы списа 12 миней, миней 12 списа, списа же и служебникъ Святому Георгію, и молитвы вечернія и утренія списа».

Царкви, отеческія сочиненія, которыя продолжали переводить и при Монголахъ¹⁾.

Въ первой половинѣ XIII столѣтія была также богатая библіотека въ Ростовѣ, у тамошняго епископа. Лѣтописецъ повѣствуетъ, что въ 1229 году епископъ Ростовскій Кирилль оставилъ свою епископію, будучи изнуренъ внутреннею болѣзью; къ этому присоединилось несчастное для него окончаніе одного тяжёлаго дѣла: его приговорили по суду къ лишенію всего состоянія. А онъ былъ «богатъ зѣло, кунами и селы, и всёмъ товаромъ, и книгами, и просто рещи такъ бѣ богатъ всёмъ, такъ ни единъ епископъ бывъ въ Суждальскій области»²⁾. Слѣдовательно изобиліе книгъ, библіотеки, были одною изъ принадлежностей быта Русскихъ богачей въ XIII столѣтіи. Кромѣ книгъ Русскихъ, въ составъ библіотекъ, какъ открылось въ XVI вѣкѣ, входили и книги Греческія, а чтобы пользоваться ими, необходимо было знаніе Греческаго языка. Если же большинство читателей довольствовалось переводами, то знаніе греческаго языка остается прямою потребностью для переводчиковъ, и хотя при этомъ условіи уменьшается количество знавшихъ по-Гречески, за то возвышается качество самого знанія: ибо для перевода съ иностраннаго языка потребно гораздо болѣе предварительнаго изученія, нежели просто для чтенія на этомъ языкѣ.

Хотя не въ такой степени, какъ Греческій, однакоже былъ извѣстенъ въ XIII-мъ столѣтіи и Латинскій языкъ. Если папскіе легаты вели переговоры съ Русскими князьями, бесѣдовали съ Русскими епископами, не зная ни слова по-Русски, то разговоръ всего скорѣе могъ идти по-Латыни, ибо Латинскій языкъ скорѣе могъ быть понимаемъ на Руси, нежели родной легатамъ — Итальянскій. А такіе переговоры бывали въ XIII вѣкѣ. Пано-Карпини рассказываетъ, что во время пребыванія ихъ посольства у Василька, князя Владимірскаго-Волынскаго, этотъ князь собралъ, по ихъ просьбѣ, своихъ епископовъ, которыми прочли они папскую грамоту, увѣщавшую ихъ соединить-

¹⁾ Исторія Русской Церкви. Періодъ II. 1880, стр. 62.

²⁾ Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 192.

ся съ Римскою церковью. «Мы съ своей стороны также — прибавляет Плато-Карпини — убѣждали къ тому какъ князя (Dusem), такъ епископовъ и прочихъ. Но такъ какъ тутъ не было Давиѣла, брата Василькова, который поѣхалъ къ Батыю, то они и не могли дать намъ рѣшительнаго отвѣта.» Этотъ же путешественникъ сознается въ незнаніи Русскаго языка людьми, подвластными папѣ. На вопросъ хана: «есть ли у папы люди, кои разумѣли бы Русскую грамоту?», послы отвѣчали положительно: «у насъ такихъ людей нѣтъ». ¹⁾

XIV вѣкъ по своему историческому значенію не представляетъ рѣзкаго отличія отъ вѣковъ предшествовавшихъ. Всѣ условія быта остались тѣже самыя, и потому тѣже черты сохранила и народная образованность. Только продолжительное иго замѣтно стѣснило ее и препятствовало приносить тѣ плоды, конхъ должно было ожидать по прекрасной зарѣ ея въ XI и XII вѣкахъ, какъ признаютъ даже иностранные ученые. ²⁾ Литература наша по прежнему обогащалась переводами съ Греческаго, и Русскіе изучали Греческій языкъ и въ самой Россіи, и въ предѣлахъ отечества. Въ Греціи образовалось какъ бы небольшое общество для перевода книгъ на Русскій языкъ. Русскій путешественникъ XIV вѣка передаетъ свою радость при встрѣчѣ «своихъ Новгородцевъ», которые пропали-было безъ вѣсти и съ которыми не думалъ никогда уже встрѣтиться; они сказали ему, что «живутъ тутъ, списаючи въ монастырѣ Студійскомъ отъ книгъ священнаго писанія». ³⁾ Степенная книга свидѣтельствуетъ, что митрополитъ Кипріанъ время пребыванія въ своемъ подмосковномъ селѣ посвящалъ занятіямъ литературою. Плодомъ этихъ занятій были и собственные его сочиненія и многія не-

¹⁾ Путешествія къ Татарамъ, изд. Языковскихъ, стр. 8 и 54.

²⁾ Замѣчательно, между прочимъ, отзывъ Фридриха Шлегеля. См. его Исторію древней и новой литературы. II, 47: «Между Славянскими націями Россія въ средніе вѣка имѣла равно уже своихъ національныхъ бытописателей на отечественномъ языкѣ — преимущество неопровержимое и доказательство неопровержимое начинанія умственной національной образованности, которая до опустошеній, причиненныхъ Монголами, долженствовала быть болѣе общою и распространенною въ Россіи. Процвѣтаніе торговли, старинныя связи съ Константинополемъ и другія историческія обстоятельства дѣлають это весьма вѣроятнымъ.»

³⁾ Сахарова, Сказанія Русскаго Народа. Т. II, книга 8, стр. 54.

реводы съ Греческаго. ¹⁾ Другой писатель нашъ, митрополитъ Алексѣй въ бытность свою въ Константинополѣ *перевелъ съ Греческаго* снова все Евангеліе, и переводъ его чрезвычайно близокъ къ подлиннику. ²⁾

Начало XV столѣтія въ отношеніи къ литературной дѣятельности было продолженіемъ XIV-го. Многіе писатели стоятъ на рубежѣ этихъ двухъ столѣтій, связывая ихъ рядомъ произведеній, въ которыхъ постоянно обнаруживается вліяніе Византіи. Творенія духовныя, труды Отцевъ Церкви составляютъ наибольшую долю тогдашней переводной словесности. Кромѣ того переводились и произведенія другаго рода. Въ началѣ XV, а можетъ быть и въ XIV в., переведена прозою съ Греческаго поэма Георгія Писиды: О миротвореніи. Вѣроятно стихотворный размѣръ, кромѣ другихъ обстоятельствъ, былъ причиною, что эта поэма такъ не скоро нашла себѣ переводчика въ Россіи: она написана въ VII вѣкѣ. Обыкновенно же переводы наши не отдѣлялись отъ своихъ подлинниковъ такимъ продолжительнымъ временемъ. Поэма произвела при появленіи своемъ въ Русскомъ переводѣ весьма пріятное впечатлѣніе на читателей, какъ можно судить по тому, что о ней упомянуто даже въ лѣтописи. Любопытенъ способъ упоминанія, показывающій, какое значеніе лѣтописцы придавали литературнымъ трудамъ въ кругу другихъ явленій народной жизни. «Тоя же зимы (1385) — сказано въ сводной лѣтописи Татищева — посадники Новгородскіе учиниша вече по старому обычаю. . . . Тоя же зимы князь Михайло Александровичъ Тверскій женилъ сына своего князя Василья. . . . Того же лѣта переведено бысть слово святаго и премудраго Георгія Писиды, еже есть похвала къ Богу о сотвореніи всея твари.» ³⁾ Подобнымъ же образомъ, въ ряду самыхъ разнохарактерныхъ происшествій, отмѣчали и западные лѣтописцы появленіе литературныхъ произведеній. Въ лѣтописяхъ

¹⁾ Степенная Книга. I, 538: «Пребывая въ своемъ селѣ на Голенищевѣ, между двою рѣкѣ, Сѣтуни и Раменки, идѣже... и книги своею рукою писаше, и многія святаѣ книги съ Греческаго языка на Русскій языкъ преложи» и т. д.

²⁾ Онъ хранится въ Чудовѣ монастырѣ. См. Исторія русской церкви. II, 56.— Возглашеніе къ читателямъ при Новомъ Заветѣ на Славянск. и Русскомъ яз. М. 1822. стр. IV.

³⁾ Татищева, Россійская Исторія. IV, 313.

Фульдскихъ читаемъ: *Hludowicus Abodritos defectionem molientes bello perdomuit, occiso rege eorum, Gotzomiuzli, terramque illorum et populum sibi divinctus subjugatum per duces ordinavit. Rhabanus quoque, sophista et sui temporis poetarum nulli secundus, librum, quem de laude sanctae crucis Christi, figurarum varietate distinctum, difficile et mirando poemate composuit*, и т. п.¹⁾

Въ XV столѣтїи возникаетъ новая и живая связь съ Византією; къ намъ переселяются многіе изъ ея жителей и приносятъ нѣкоторые Греческіе обычаи: уже не одни только религіозные интересы сближаютъ Россію съ Грецією. Пока существовало только духовное единство, писатели наши съ полнымъ сочувствіемъ вписывали въ свои лѣтописи событія византійскія; но какъ скоро чужое вліяніе коснулось другихъ сторонъ жизни, лѣтописцы замѣтили, что «земля наша замѣшалася и старыя обычаи переставились». ²⁾ Сближеніе наше съ Византією, усилившееся по взятїи Константинополя Турками, переселеніе къ намъ Грековъ, повлекло за собою, вѣроятно, и распространеніе въ извѣстной мѣрѣ Греческаго языка. Онъ не слѣдался у насъ господствующимъ ни въ какомъ классѣ общества; но познакомиться съ нимъ представлялось весьма много средствъ, коими, безъ сомнѣнія, и пользовались въ большей или меньшей степени.

Что же касается до Латинскаго языка, то знатоковъ его было, по видимому, немного; особенную нужду чувствовали въ нихъ для сношеній съ иностранными державами, ибо латинскій языкъ былъ тогда дипломатическимъ, и въ дѣлахъ дипломатическихъ употреблялись довольно часто новоприбывшіе Греки. Лѣтописи упоминаютъ неоднократно о назначенїи Грековъ въ посольство къ иностраннымъ дворамъ, а исторіографъ признаетъ, что прибытіе Грековъ съ царевною Софією было особенно полезно для Россіи по ихъ знаніямъ въ Латинскомъ языкѣ, необходимомъ для внѣшнихъ государственныхъ дѣлъ. ³⁾ Но въ самомъ началѣ слѣдующаго столѣтїя упоминаются уже, какъ

¹⁾ *Monumenta Germaniae historica, edidit Pertz. Annalium Fuldensium pars II app. 844.*

²⁾ Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды, Снегирева. I, 35 — 36.

³⁾ *Исторія Государства Россійскаго. Изд. шестое. 1852. Т. VI, стр. 71.*

увидимъ, природные Русскіе, говорящіе по Латыни съ иностранными Монархами.

Въ XVI вѣкѣ повторяется отчасти тоже самое явленіе, которымъ такъ памятенъ XI вѣкѣ въ исторіи Русской образованности. Литературное движеніе, начавшееся въ XI столѣтіи въ Кіевѣ, обнаруживается теперь въ Москвѣ; предпринимаются новые переводы съ Греческаго, а прежніе подвергнуты строгому пересмотру и исправленію. Душою литературной дѣятельности былъ Максимъ Грекъ, извѣстный какъ своими знаніями и трудами, такъ и своими несчастіями. Онъ приступилъ къ своему дѣлу съ превосходнымъ по тому времени филологическимъ приготовленіемъ; не только переводъ, самый текстъ былъ во многихъ мѣстахъ исправляемъ основательнымъ знатокомъ Греческаго языка. Сочувствіе къ важному труду нашелъ Максимъ Грекъ въ людяхъ образованныхъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ. Между послѣдними нельзя забыть князя Курбскаго, Русскаго писателя, знавшаго Греческій языкъ, что доказывается его переводами съ Греческаго, изъ твореній Іоанна Златоуста и историка Евсевія.¹⁾ Курбскій, по собственному его свидѣтельству, участвовалъ въ переводѣ книгъ отеческихъ, предпринятомъ Максимомъ Грекомъ. Явленіемъ этого перевода придаетъ новая черта древнерусской образованности, опредѣляющая взглядъ предковъ нашихъ на изложеніе истинъ Вѣры языкомъ общепонятнымъ. Давно уже, говоритъ Курбскій, паписты желали имѣть Греческія книги и просили ихъ «на перепись»; даже предлагали за нихъ большую сумму: иные говорятъ, что за каждый листъ назначали они по «червоному златому», другіе, по «корунѣ, яжъ по три златыхъ червоныхъ важить». Теперь же, продолжаетъ Курбскій, «безъ всякіе цѣны даромъ преведенна не малая часть отъ нихъ, на нашъ языкъ Словенскій, ово Максимомъ Философомъ и Селиваномъ, ученикомъ его, ово мною мною *испрѣшныи* съ помощники моими, учеными мужами, искусными толковники въ Римской бесѣдѣ.»²⁾ Готовясь къ переводамъ съ

¹⁾ Сказанія князя Курбскаго. Н. Устрялова. 1852. стр. XXXIII.

²⁾ Жизнь князя А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. Лгты, изд. Кіевскою Комиссіею. Т. II, стр. 308 — 309.

Греческаго языка, говорить Курбскій, «склоняхъ спадки (казузы), и роды и образцы и часы, и иные грамматическіе чины не-отмѣненны и истинны; такъ и разума нигдѣжъ разлѣхъ, бо пресстерехся того со великимъ трудомъ и прилежаніемъ. Также и знаки книжнымъ обычаемъ поставляхъ.»¹⁾

О знакомствѣ съ Латинскимъ языкомъ сохранилось нѣсколько указаній въ статейныхъ спискахъ. Изъ нихъ извѣстно, что въ 1518 году отправлены къ императору Максимилиану посолъ Владиміръ Племянниковъ и толмачъ Истома малый, и Императоръ лично объяснялся съ ними по-Латыни. Въ статейномъ списокѣ говорится: «Максимилианъ, избранный Цесарь, всталъ и съ мѣста сступилъ и призвалъ къ себѣ Володимера и Истома, говорилъ самъ *по-лаужыски*, снявъ шапку». Здѣсь же приводятся слова собесѣдниковъ.²⁾ Должно полагать, что число знавшихъ по-Латыни увеличилось въ XVI столѣтіи въ сравненіи съ вѣками предъидущими по причинѣ постоянно усиливавшихся сношеній нашихъ съ западными государствами Европы. Самая потребность изученія Латинскаго языка чувствовалась довольно сильно, какъ можно заключить, между прочимъ, изъ того, что Іоаннъ IV признавалъ необходимымъ учредить въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ училища, въ коихъ преподавался бы Латинскій языкъ. Намѣреніе свое высказалъ Іоаннъ IV въ замѣчательной рѣчи, обращенной къ двумъ плѣннымъ Ливонцамъ, взысканнымъ его милостями и довѣріемъ. «Императоръ Римскій Фердинандъ, — говорилъ Іоаннъ, — предлагая мнѣ свою любовь и братское расположеніе, требовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы я возвратилъ Ливонію рыцарямъ Тевтонскаго ордена. Я съ своей стороны не отказываюсь рѣшительно отъ переговоровъ по этому дѣлу; ибо произходя изъ славнаго рода Баварскихъ герцоговъ, легко могу склониться на убѣжденія уступать Ливонію, на извѣстныхъ условіяхъ, одному изъ моихъ родственниковъ. Когда же это случится, то вслѣдствіи буду настаивать на томъ, чтобы въ городахъ моихъ, Псковѣ и Новгородѣ, открыты были училища и въ нихъ учили бы Русское

¹⁾ Тамъ же, II, 312.

²⁾ Памятники дипломатич. сношеній древней Россіи. Т. I, 346 — 347.

юношество Латинскому и Нѣмецкому языкамъ.¹⁾ Въ XVI-мъ же столѣтїи одинъ изъ извѣстнѣйшихъ полководцевъ нашихъ, князь Курбскій, отличался кромѣ воинскихъ дарованій и способностью и охотою къ изученію иностранныхъ языковъ. Курбскій владѣлъ, какъ извѣстно, четырьмя языками: Русскимъ, Польскимъ, Греческимъ и Латинскимъ. Это изученіе было однимъ изъ любимыхъ занятій, которому онъ предавался съ особеннымъ усердіемъ, какъ видно изъ его собственнаго свидѣтельства о занятіяхъ языкомъ Латинскимъ. «Я не мало дѣтъ — пишеть Курбскій — изурихъ по силѣ моея уже въ сѣдинахъ, оо многими труды пріучахся языку Римскому.»²⁾

XVII столѣтіе соединяетъ древнюю Россію съ новою. Сближалась во многомъ съ вѣками предшествовавшими, XVII вѣкъ нѣкоторыми чертами обнаруживаетъ иной характеръ, начало того умственнаго движенія, которое развилось въ послѣдующемъ столѣтїи. Постепенный переходъ изъ древняго быта въ новый ясно выразился въ постепенно измѣнявшемся направленіи образованности. Въ разсматриваемый нами періодъ южное вліяніе нѣземное соединяется съ западнымъ, дѣйствующимъ все сильнѣе и сильнѣе. Связь съ югомъ Европы, съ Греціею, ограничивается цѣлями религиозными, какъ было до исхода почти XV вѣка. Литература наша обогащается переводами, принадлежащими къ одной категорїи съ прежними по духу и выбору предметовъ: одинъ Епифаній Славинецкій (ум. 1676) оставилъ много переводовъ съ Греческаго, изъ коихъ особенно замѣчательнъ переводъ Св. Писанія, и т. п. Греческій языкъ считался въ XVII столѣтїи условіемъ образованности и необходимымъ предметомъ преподаванія въ Русскихъ училищахъ, открывае-

¹⁾ *Scriptores rerum Livonicarum. H., 1848. Moscoviae ortus et progressus, auctore Daniele Printz a Buschan, стр. 702: «Cum vero sacratissimus Romanorum Imperator Ferdinandus per litteras amicitiam et fraternam benevolentiam suam mihi obtulerit, et praeterea postularit, ut Livoniam Germanicae militiae equitibus restituerem, non equidem abnuo, ut hisce de rebus inter nos transigatur. Cum enim originem meam ex incluta Bavarorum ducum familia habeam, facile mihi persuaderi patiar, ut uni cognatorum meorum Livoniam certis conditionibus concedam. Quod si factum fuerit, in eam rem incumbam, ut in urbibus meis Plescovia et Novogardia Indi literarii aperiantur, in quibus juventus Ruthenica in lingua latina et germanica instituat.*

²⁾ Сказанія князя Курбскаго. 1842. стр. XXIV.

мыхъ въ значительномъ количествѣ и по благословенію православныхъ Греческихъ патриарховъ. Вмѣстѣ съ Греческимъ быстро распространяется языкъ Латинскій: онъ становится даже языкомъ образованности, хотя не въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, какъ было то на западѣ. Въ Славяно-Греко-Латинской Академіи, учрежденной въ Москвѣ, преподаваніе происходило на Греческомъ и Латинскомъ языкахъ: грамматика и пѣтушка преподавались по-Гречески, а логика, риторика и физика по-Гречески и по-Латыни. Курсъ древнихъ языковъ былъ преимущественно практическій, воспитанниковъ постоянно упражняли въ разговорѣ на этихъ языкахъ, и черезъ три года по открытіи заведенія ученики могли уже *говорить* по-Гречески и по-Латыни и перевели нѣсколько книгъ съ Греческаго и съ Латинскаго.¹⁾

Такъ было въ Москвѣ во второй половинѣ XVII-го столѣтія; но въ началѣ его, изученіе древнихъ языковъ далеко не въ одинаковой степени распространялось въ сѣверной и южной половинѣ Россіи. Извѣстный путешественникъ, Олеарій, придворный математикъ и бібліотекаръ герцога Голштейнъ-Готторпскаго, посѣщавшій сѣверную Россію въ 1633 и 1636 годахъ, упоминаетъ въ своемъ путешествіи о совершенномъ незнаніи Русскими Греческаго и Латинскаго языковъ. «Уже по тому одному, говоритъ онъ, что Русскіе въ своихъ школахъ учатся только Русскому языку, да много что Славянскому, никто изъ нихъ, будь онъ духовнаго или свѣтскаго званія, высшаго или низшаго сословія, не понимаетъ ни слова ни по-Гречески, ни по-Латыни.»²⁾ Хотя слова Олеарія нельзя принимать въ буквальномъ смыслѣ, однако самая возможность такого рѣшительнаго, но не вѣрнаго, приговора у писателя, подобнаго Олеарію, показываетъ, что знаніе древнихъ языковъ вовсе не процвѣтало въ той части Россіи, которую удалось ви-

¹⁾ Прибавленія къ Творенію Св. Отцевъ въ Русскомъ переводѣ. 1832. Часть XI. стр. 73. Начало Славяно-Греко-Латинской Академіи.

²⁾ Vermehrte Moscovitische und Persianische Reisebeschreibung zum andern mahl herausgegeben durch Adam Olearius. Schleswig. Im Jahr 1666, стр. 280: «Sonst weil die Russen in ihren Schulen nicht mehr als ihre und suffs höchste Slavonische Sprache schreiben und lesen lernen, verstehet auch kein Russe, er sey Geistlich oder Weltlich, hohes oder niedriges Standes Personen, nicht ein Wort weder griechisch noch lateinisch.»

дѣтъ Нѣмецкому путешественнику. Какъ писатель, Олеарій отличается вообще безпристрастіемъ. Безпристрастіе его выражается въ той откровенности, съ какою онъ говоритъ какъ о дурныхъ, такъ и о хорошихъ свойствахъ Русскаго народа. Отрицая знаніе древнихъ языковъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ у Русскихъ даръ къ изученію иностранныхъ языковъ и вообще способность и расположеніе ко всякаго рода умственной дѣятельности. «Изъ Русскихъ, продолжаетъ онъ, многіе способны заниматься науками; между ними есть люди съ острыми дарованіями, соединяющіе свѣтлый умъ съ счастливою памятью. Теперешній думный дѣякъ посольскаго приказа, Алмазь Ивановичъ,¹⁾ еще въ молодыхъ лѣтахъ былъ однажды въ Персіи и въ Турціи, и въ короткое время до того усвоилъ языки Персидскій и Турецкій, что можетъ объясняться на нихъ безъ помощи переводчика.»²⁾ Свидѣтельства Олеарія имѣютъ преимущество достовѣрности въ сравненіи съ извѣстіями многихъ другихъ путешественниковъ. Онъ былъ человекъ съ большими свѣдѣніями, матеріалы для труда своего собиралъ съ неутомимымъ усердіемъ и величайшею осторожностью въ выборѣ источниковъ, а потому трудъ его признается учеными весьма цѣннымъ пособіемъ для изученія Русской старины.³⁾ При счастливой способности къ изученію языковъ Русскимъ легко было избѣгать замѣчательнаго Олеаріемъ недостатка въ образованіи. Дѣйствительно, въ томъ же вѣкѣ занятіе древними языками стало распространяться болѣе и болѣе. Другой иностранецъ, бывшій въ Россіи во второй половинѣ XVII столѣтія, Генрихъ Лудольфъ, встречалъ уже между Русскими людьми, знавшихъ по-Латыни. Лу-

¹⁾ Алмазь Ивановичъ—думный дѣякъ посольскаго приказа при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Службу свою началъ 1640 г., умеръ 1669 г. Настоящее его имя было Ерофей; прозвище Алмазь, эмблема твердости, получилъ, какъ полагаютъ, по своимъ превосходнымъ качествамъ.

²⁾ Olearius: Reisebeschreibung, стр. 281: «Es fehlet ihnen (den Russen) nicht an guten Köpfen zu lernen. Man findet unter ihnen seine Ingenia, welche mit gutem Verstand und Gedächtniss begabet. Der jetzige Reichs-Canceler in der Gesandten Cancelei Almas Iwanowitz, ist in seiner Jugend einsten in Persien und Türckeyen gewesen hat ihre Sprachen im kurzter Zeit also begriffen, dass er jetzt mit selbiger Nationen ohne Dolmetsch reden kan.

³⁾ Adclung: Kritisch-literarische Uebersicht der Reisenden in Russland. 1846, Band II, 299 — 300.

дольше замѣчаетъ, что нѣкоторые изъ Русскихъ занимаются Латинскимъ и Нѣмецкимъ языками, и при томъ въ Москвѣ открыто училище, въ которомъ преподаются языки Греческій и Латинскій.¹⁾ Написавши Русскую Грамматику, Лудольфъ посвятилъ ее князю Борису Алексѣевичу Голицыну, которому, по словамъ автора, знаніе Латинскаго языка отырыло путь къ объясненію съ иностранцами. Известно, что кн. Б. А. Голицынъ, (1641 — 1713), бывший дядькою Петра Великаго, говорилъ и по-Латыни и по-Гречески.²⁾ Дѣти Царя Алексѣя Михайловича учились по-Латыни у Симеона Полоцкаго.³⁾

Между тѣмъ какъ въ сѣверной половинѣ Россіи незнаніе древнихъ языковъ обратило на себя вниманіе иностранца, въ южной взумляло не иностранцевъ, а природныхъ Русскихъ употребленіе ихъ соотечественниками чужаго, непонятнаго языка. Я говорю о Латинскомъ языкѣ и его общемъ употребленіи въ училищахъ южнаго края Россіи. Тамъ онъ сдѣлался въ полномъ смыслѣ слова языкомъ воспитанія, и это обстоятельство весьма важно въ томъ отношеніи, что убѣдительно доказываетъ близкую связь нашу съ европейскимъ западомъ еще въ теченіе XVII вѣка. Преобладаніе Латинскаго языка, обнаружившееся въ русскихъ училищахъ, есть общая черта европейской образованности того времени. Люди, стоявшіе во главѣ образованнаго общества, представители современнаго имъ просвѣщенія воспитывались сами и утверждали необходимость воспитанія при сильномъ вліяніи Латинскаго языка, на коемъ передавались всѣ познанія, различныхъ родовъ и съ различными цѣлями, отъ элементарныхъ до самыхъ высокихъ и отвлеченныхъ. Изъ множества свидѣтельствъ о взглядѣ на воспитаніе и ученость, господствовавшемъ нѣкогда во всей Европѣ, укажу на два, при-

1) См. *Grammatica Russica*. Oxonii. 1696. Praefatio. «Russos etiam nonnullos linguae latinae et germanicae studiosos inveni. Imo patriarchali auctoritate schola erecta est Moscoviae, ubi graeci ludimagistri linguam latinam et graecam docent, ita ut fundamentali Russiae legi disciplinae et studia non adveniant, sicuti a nonnullis traditum est.

2) Словарь достопамятныхъ людей Русской земли, составл. Д. Вакимычъ-Каленикомъ. Часть 2, стр. 51.

3) Ср. отатки Соловьева о Миллерѣ. *Современникъ*. 1884. № X., стр. 143. примѣч. 48.

надлежащимъ лицамъ, весьма замѣчательнымъ въ исторіи европейскаго просвѣщенія. Сравненіе этихъ свидѣтельствъ съ современнымъ имъ образомъ воспитанія у насъ покажетъ, что многія черты его въ Россіи и въ другихъ странахъ Европы представляють между собою разительное сходство. Монтень, знаменитый Французскій писатель XVI вѣка, самъ рассказываетъ о своемъ воспитаніи въ своихъ «Essais», которые до сихъ поръ считаются учеными Франціи классическимъ произведеніемъ ихъ литературы въ родѣ нравственно-философскомъ. Монтень говоритъ, что отецъ его употреблялъ всѣ усилія, чтобы дать ему самое лучшее, по понятіямъ того времени, воспитаніе. Съ этою цѣлью онъ обращался къ совѣту людей просвѣщенныхъ и глубоко-мысленныхъ, и общее мнѣніе было то, что если Европейцы XVI вѣка не могутъ достигнуть величія духа и глубины познаній древнихъ Грековъ и Римлянъ, то единственная причина заключается въ медленности и усиліяхъ при изученіи языковъ, знаніе которыхъ не стоило древнимъ ни малѣйшаго труда. Не желая отстать отъ вѣка, отецъ Монтеня послѣдовалъ общему мнѣнію: отдалъ сына еще груднымъ ребенкомъ на руки гувернеру, Нѣмцу, не знавшему ни слова по-Французски, но отлично говорившему по-Латыни; при гувернерѣ было еще два помощника, которымъ вѣнено въ обязанность говорить съ молодымъ Монтенемъ не иначе, какъ по-Латыни. Первые слова, слышныя имъ въ колыбели, были Латинскія, первые слова, произнесенныя имъ самимъ, были также Латинскія. На седьмомъ году возраста онъ также точно ничего не слыхивалъ о своемъ родномъ языкѣ, какъ и о какомъ-нибудь Арабскомъ. Не только воспитатели, но все семейство Монтеня, отецъ, мать, даже слуги говорили по-Латыни. Отецъ и мать, благодаря воспитанію сына, сами приобрѣли нѣкоторыя свѣдѣнія въ Латинскомъ языкѣ, а лакеямъ и горничнымъ отданъ былъ строгій приказъ произносить въ присутствіи воспитанника только тѣ слова и фразы, которыя заставляли ихъ заучивать по-Латыни каждый разъ передъ бесѣдою съ ихъ будущимъ владѣльцемъ. *)

Ученый XVII столѣтія, Давидъ Моргофъ, въ сочиненіи сво-

*) Les Essais de Michel seigneur de Montaigne. Paris, 1723, t. I, p. 160 — 170.

емъ «Polyhistor», любопытномъ намятникѣ тогдашнихъ понятій объ исторіи литературы, какъ наукѣ,¹⁾ посвящаетъ особую главу разсмотрѣнію методы преподаванія древнихъ языковъ — *De methodo in linguis, latina graecique et graeca, discendis tenenda*. Въ ней онъ приводитъ нѣсколько примѣровъ удивительныхъ успѣховъ въ разговорномъ употребленіи языка Латинскаго. Между прочимъ рассказываетъ, что въ Парижъ привозили четырехлѣтнее дитя, превосходно говорившее по-Латыни и до того возбуждавшее общее вниманіе, что его, какъ диковинку, представляли даже королю. Это дитя не только быстро объяснялось по-Латыни, но и при самомъ бѣгломъ разговорѣ соблюдало всѣ грамматическія правила до малѣйшихъ тонкостей, никогда не дѣлая ошибки ни въ склоненіяхъ, ни въ спряженіяхъ, ни въ синтаксисѣ. Если говорили при дитяти: *ubi ibis a prandio?* или *conscondere in equo*, оно сейчасъ же поправляло: *quo ibis, conscondere in equum*, и т. п. Основываясь на подобныхъ примѣрахъ, показывающихъ, какъ полагали, что разговорная метода я легче и полнѣе знакомитъ съ чужимъ языкомъ, Моргофъ, какъ и его современники, признавалъ ее наиболѣе полезною и существенно необходимою. Онъ говоритъ положительно, что многіе раздѣляютъ убѣжденіе, что Латинскій языкъ несравненно лучше изучать изъ живаго разговора, нежели изъ книгъ и грамматическихъ учебниковъ. Въ сочиненіи Моргофа упоминается о любопытномъ предложеніи одного писателя Французскому королю учредить цѣлое общество Латинское (*civitas latina*), въ коемъ бы всѣ безъ исключенія говорили по-Латыни. Моргофъ съ своей стороны находитъ существованіе подобнаго общества весьма возможнымъ, и полагаетъ, что не болѣе 20 лѣтъ нужно для того, чтобы всѣ члены его, даже ремесленники, объяснялись между собою совершенно свободно по-Латыни.²⁾

¹⁾ Энциклопедическій характеръ, отличающій всѣ проваденія учености, не достигшей еще полнаго, отчетливаго опредѣленія сферы каждой науки, выражается въ самомъ названіи труда Моргофа: *Polyhistor, sive de notitia auctorum et rerum commentarii, quibus praeterea varia ad omnes disciplinas consilia et subsidia proponuntur*.

²⁾ *Danielis Georgi Morhofii Polyhistor. Lubecae. 1698. Editio secunda. «In eam cogitationem multi venerunt, ut linguam Latinam e conversatione cum latine loquentibus potius, quam e Grammaticis praecceptis et lectione, addiscendam suase-*

Тѣже вопросы о воспитаніи, которые занимали собою лучшіе умы въ Европѣ XVI и XVII в. были предметомъ разсужденія и въ Россіи. При открытіи училищъ опредѣляли, какую науку преподавать на какомъ языкѣ, и, подобному тому, какъ въ западной Европѣ, общее мнѣніе людей образованныхъ отдавало преимущество языку Латинскому, въ изученіи коего принято также исключительно практическое направленіе. Въ подтвержденіе этого довольно вспомнить объ учебномъ заведеніи, имѣющемъ такое важное значеніе въ исторіи Русской образованности XVII вѣка, объ Академіи Кіевской. Въ ней, особенно въ періодъ съ 1631 по 1701 годъ, знаніе Латинскаго языка было въ высшей степени распространено. Онъ былъ и языкомъ науки и языкомъ разговорнымъ. На немъ преподавались всѣ учебные предметы, кромѣ катихизиса и Славянскаго грамматики. По-Латыни же обязаны были говорить воспитанники въ классахъ и внѣ классовъ, дома и на улицѣ, всюду, гдѣ только приходилось имъ встрѣчаться. За ошибку въ Латинскомъ языкѣ или за одно слово, сказанное по-Русски, виновный подвергался самому строгому взысканію. «Можно представить себѣ, говоритъ историкъ Кіевской Академіи, чѣмъ могло казаться сословіе учащихся, коихъ число вѣрѣдко простиралось отъ 800 до 1000 и болѣе, съ своимъ незнакомымъ языкомъ, для простыхъ гражданъ Кіевскихъ. Въ продолженіе ста пятидесяти лѣтъ это былъ, можно сказать, какой-то особенный народъ посреди народа Русскаго, Русскій по духу и по всему, но не Русскій по слову.»^{*)} Многіе духовные наши писатели, образовавшіеся въ XVII столѣтіи, писали свои сочиненія на Латинскомъ языкѣ. Его вліяніе простиралось всюду, на всѣ роды и виды литературы; оно проникало и въ обыкновенную переписку, не назначаемую для печати, по дѣламъ общественнымъ и даже домашнимъ. Люди образованные любили красить слогъ своихъ писемъ словами и выраженіями Латинскими, которыя, отъ смѣси ихъ съ Русско-Польскими

rinta» (стр. 416). «Non inepte autor ille Regi Galliae suadet, ut talem aliquam Civitatem Latinam instituat, qua sola conversatione Latinam linguam doceantur pueri. Ego sane ipsi plane adstipulor et credo intra 20 annos extrui talem societatem posse, qua omnes etiam opifices latine loquantur» (стр. 420 — 421).

*) Исторія Кіевской Академіи, іеромонаха Макарія Булгакова. 1843. стр. 75 — 76 и 13.

словами и оборотами, придавали слогу самую нехудожественную пестроту. Она и по своему источнику и по способу проявления, весьма близка къ позднѣйшему искаженію Русской рѣчи происшедшему, по выраженію извѣстнаго писателя, отъ сибѣи «Французскаго съ Нижегородскимъ». Одинъ изъ ученыхъ XVII вѣка въ подобныхъ выраженіяхъ переписывался съ гетманомъ Мазепою: «Не маеть быти той соборъ pro legitima Synodo.... Старалемся тыи письма переслати вельможности вашей, але не могли смо на скоромъ часѣ достати. De forma vero consecrationis sacrosanctae eucharistiae не было въ тамъ-томъ (Польск. *tamten*) листѣ жадной взмѣнки и по сей часѣ не маеть. Заслынали смо почасті, же коло того мудрствуютъ оныи Греческіи, чили Греко-Латинскіи учителя на Москвѣ; алѣ до насѣ *zevio haec questio non regvenit*, а мы якоже научихомся отъ отецъ нашихъ, тако исповѣдуемъ.»¹⁾ Такая страсть къ Латинскому языку всего вѣрнѣе объясняется сочувствіемъ предковъ нашихъ къ западно-европейской образованности.²⁾ Метода преподаванія въ Кіевской Академіи и характеръ учебниковъ не остались безъ слѣда въ исторіи нашей теоретической литературы. Литературныя понятія, высказываемыя отъ времени до времени извѣстными писателями XVIII вѣка, напоминаютъ во многомъ теорію, принимаемую учеными Кіевской Академіи. Самая форма — языкъ преподаванія упорно держался въ нѣкоторыхъ училищахъ, стремившихся подражать своему первообразу. Вѣроятно это же процвѣтаніе Латинскаго языка въ *духовномъ* училищѣ Кіева послужило

¹⁾ Письмо Кіевопечерскаго архимандрита Варлаама Ясинскаго къ Мазепѣ отъ 26 іюля 1688 г. Оно напечатано въ сочиненіи: «Св. Дмитрій, митрополитъ Ростовскій. М. 1849.», изд. Московск. Духовн. Акад. — Латинизмы Ясинскаго также дико для Русскаго языка, какъ и галлицизмы литераторовъ XVIII вѣка, пытавшихся писать подобнымъ слогомъ: «саманта моя сдѣлала мнѣ неспедилите, а я а ку сюръ противъ ривала своего буду реванжироваться», и т. д. Ср. Сужарова. Сочиненія. Ч. IX, стр. 244 и слѣд.

²⁾ Исторія Кіевской Академіи, іеромонаха Макарія Булгакова. 1843. стр. 76. Патріархъ Паскій въ гранатѣ своей говоритъ, что Латинскій языкъ нуженъ Русскимъ потому, что они живутъ между Латинами. Сильвестръ Коссовъ доказываетъ необходимость его Русскимъ для сообщенія на сейнахъ, куда обязаны были являться жившіе подъ Польскимъ владѣніемъ. Но авторъ Исторіи Академіи весьма справедливо признаетъ главной причиною возвышенія Латинскаго языка въ Кіевской Коллегіи то, что уваженіе къ Латинскому языку было тогда общее не только европейскія училища, и отличное знаніе его почиталось необходимымъ потребностью образованнаго человѣка.

ло источникомъ одному изъ общественныхъ предразсудковъ у насъ въ XVIII вѣкѣ, состоявшему въ томъ, что учиться Латинскому языку считали необходимымъ только для того, кто назначалъ себя въ духовное званіе. *) Предразсудокъ этотъ самъ по себѣ можетъ казаться страннымъ для народа, который никогда не принималъ католичества, и у котораго духовенство вообще не нуждалось въ Латинскомъ языкѣ для богослуженія.

Отъ языковъ древняго міра обращаемся къ языку отечественному, знаніе коего составляло, какъ мы сказали, прямую потребность древне-Русской образованности. Здѣсь прежде всего привлекаетъ вниманіе непрерывная послѣдовательность въ употребленіи, устномъ и письменномъ, предками нашими своего роднаго языка. Всѣ оригинальныя произведенія писались исключительно по-Русски до XVI и XVII в., когда Русскіе авторы писали и по-Русски, и по-Латыши, и по-Польски. Въ древній же періодъ литературнымъ языкомъ постоянно оставался Русскій; даже иностранцы, жившіе и писавшіе въ Россіи, выбирали Русскій языкъ орудіемъ своей литературной дѣятельности, начиная отъ митрополита Никифора въ XII вѣкѣ и до Максима Грека. Самые переводы, столь многочисленныя въ древней нашей литературѣ, подтверждая знакомство съ языкомъ подлинника, доказываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ общее стремленіе читать на своемъ языкѣ произведенія, наиболѣе удовлетворяющія вкусу того времени. Переводы ходили во множествѣ списковъ, а это одно говорить уже о большомъ числѣ читателей, и

*) Предубѣжденіе касательно Латинскаго языка замѣчено и литературою, принимающею въ себя многія живыя черты современности. Въ комедіи Фонъ-Визина «Выборъ губернатора» происходитъ между дѣйствующими лицами слѣдующій разговоръ:

Князь: Чему жъ вы сына моего учить хотѣли? Какимъ чужестраннымъ языкамъ?

Нельстонецъ: Начну съ Латинскаго.

Княгиня: Да развѣ ему попомъ быть?

Нельстонецъ: А развѣ Латинскій языкъ для попомъ только годенъ?

Князь: Я не знаю, для чего сыну княжескому учиться по-Латыни.

(Дѣйствіе 3, явленіе 3.)

всѣ идеи, получаемыя ими при чтеніи, являлись въ формѣ знакомой имъ рѣчи, были выражены языкомъ понятнымъ. Тоже самое извѣстіе лѣтописи, которое мы привели выше (П. с. р. лпсей I, 65), о переводѣ книгъ съ Греческаго языка, показываетъ, что большинство читателей пользовалось ими въ Русскомъ переводѣ: «и списаша книги многы, и сниска имиже *поучащеса* вѣрнии людье, *наслаждаются* ученья божественнаго». Слѣдовательно и урокъ и наслажденіе находили въ чтеніи преимущественно на родномъ языкѣ; на немъ же подавали благой совѣтъ и утѣшеніе, возбуждали надежду, сообщали познанія. Любовь къ родному слову поддерживалась расположеніемъ къ умственному труду, къ «ученью книжному», по выраженію лѣтописи. Тѣмъ сильнѣе была взаимная связь мысли и слова, что прибрѣтенныя кѣмъ-либо свѣдѣнія не оставались въ немъ безплодными, а составляли, такъ сказать, общее достояніе его современниковъ, прибрѣгавшихъ къ совѣту людей извѣстныхъ по начитанности и готовыхъ дѣлиться своими знаніями и опытностью. Въ концѣ X столѣтія сдѣлана у насъ первая и рѣшительная попытка водворить ученіе книжное, и не смотря на то, что ее встрѣтили со слезами люди стараго поколѣнія, въ поколѣніи новомъ она нашла живое и дѣятельное сочувствіе. Въ этомъ удостовѣряетъ насъ свидѣтельство Русскаго писателя XI вѣка, митрополита Иларіона, воспитанника, по всей вѣроятности, того училища, которое открыто въ Кіевѣ при Св. Владимірѣ. Въ высшей степени замѣчательно слѣдующее обращеніе Иларіона къ своимъ слушателямъ или читателямъ: «излагать въ семъ писаніи проповѣдь Пророковъ о Христѣ и ученіе Апостоловъ о будущемъ вѣкѣ было бы излишне и кловилось бы къ тщеславію. Ибо, что писано въ другихъ книгахъ и вамъ уже извѣстно, о томъ предлагать здѣсь было бы признакомъ дерзости и славолюбія. Мы пишемъ не для незнающихъ, а для насытившихся съ избыткомъ книжною сладостію.»^{*)} Если уже въ XI вѣкѣ были между Рус-

^{*)} Прибавл. къ твореніямъ Св. Отцевъ. Часть 2. 1844. «А еже поминати въ писаніи семъ и пророческая проповѣданія о Христѣ, и Апостольская ученія о будущемъ вѣкѣ, то излиха есть и на тщеславіе скланилася. Иже бо въ нѣхъ книгахъ писано и вамъ вѣдомо, тѣи здѣ положить, то дрзости образъ есть и славохотю. Не къ невѣдущимъ бо пишемъ, но презлиха насытившися сладости книжныя.» стр. 225 и 257—258.

скими люди, до того начитанные, что для бесѣды съ ними требовалось строгаго выбора предметовъ, которые могли бы дѣйствовать на нихъ и новостью и убѣдительною, то еще большихъ успѣховъ можно было ожидать отъ вѣковъ послѣдующихъ, когда ученіе книжное входило все болѣе и болѣе въ потребность народнаго быта. Прочитавъ Иларіона, невольно вѣришь задушевности словъ другаго древняго писателя Русскаго, Кирилла Туровскаго: «сладко медвенъ сотъ и добро есть сахаръ, обоюгоме добрѣ книжный разумъ.» *) Какъ Иларіонъ и Кириллъ передавали соотечественникамъ свои убѣжденія на родномъ языкѣ, такъ поступали и всѣ послѣдующіе писатели и вообще люди образованные. Но какъ понимать эту образованность, орудіемъ которой былъ нашъ языкъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, и которая неизбѣжно должна была положить печать свою на его историческую судьбу? Къ чему она стремилась и въ чемъ сосредоточивались ея интересы? Источникомъ ея служило Св. Писаніе, изъ него заимствовала и имъ подкрѣпляла она свои убѣжденія; представители ея смотрѣли на жизнь и людей преимущественно съ религіозной точки зрѣнія. Какое же значеніе имѣеть подобная образованность? . . . Не считая себя въ правѣ произнести рѣшительный приговоръ въ столь важномъ вопросѣ, мы ограничимся замѣчаніемъ, что характеръ древнерусской образованности соотвѣтствуетъ характеру общеевропейской образованности въ средніе вѣка. Значеніе послѣдней въ нравственномъ развитіи народовъ опредѣлительно указано Гизо въ его исторіи Европейской цивилизации. «Умственное и нравственное развитіе Европы, говоритъ этотъ писатель, есть въ сущности богословское (théologique). Пробѣгите исторію съ V и до XVI вѣка: Богословіе (théologie) правитъ мыслию человѣческою, всѣ мнѣнія носятъ печать богословія; вопросы философскіе, политическіе, историческіе разсматриваются постоянно съ точки зрѣнія богословской. Богословскій духъ былъ, такъ сказать, кровію, которая текла въ жилахъ Европейскаго міра. И это вліяніе было благодѣтельно. Оно не только поддержало и оплодотворило умственное движеніе въ Европѣ; но система ученія и началъ, во

*) Памятники Россійской Словесности XII вѣка. стр. 133.

имя конхъ оно дѣйствовало, неизмѣримо превышало все то, что когда-либо извѣстно было древнему міру. Въ немъ, въ этомъ вліяніи, былъ залогъ движенія и успѣховъ.»¹⁾ То, что сознано и объяснено современной наукою, таилось, какъ безотчетное предчувствіе истины, въ убѣжденіи средневѣковыхъ Европейцевъ. Еще въ XII в. говорили въ Еероѣ: «на сколько люди вообще превосходятъ безсловесныхъ, на столько люди книжные свѣтскихъ.»²⁾ Слѣдовательно понятія: люди книжные (*les lettrés*) и люди духовнаго званія были тождественны. Въ этомъ всего яснѣе выражается и духъ средневѣковой литературы и понятіе о призваніи исключительно духовнаго сословія къ занятіямъ литературнымъ. Различеніе, хотя не столь рѣзкое, духовныхъ отъ мірянъ по степени образованности замѣчается и у насъ, какъ можно судить по названію *въжа*, усвоеннаго духовнымъ въ отличіе отъ людей некнижныхъ, называемыхъ *невѣжами*. Въ одномъ изъ поученій, помѣщенныхъ въ «Златой Цѣпи» говорится о страшной отвѣтственности приступающихъ къ св. причащенію державитѣль на кого-либо: «Аще ли есть *въжа* али невѣжа, рекше дьякъ или чтець, или чернецъ или ерѣи, ѿ горе и горе такому и прагорѣе всѣ грѣшныхъ» (л. 76 об.—77 об.) Въ другомъ спискѣ поученія это мѣсто читается такъ: «аще ли невѣжа есть, или попъ, или епкъ, или чернецъ, или діакъ — ѿ горѣ такому.»³⁾ Здѣсь понятіе *невѣжа* противопоставляется понятіямъ: попъ, епископъ, чернецъ, дьякъ; въ первомъ случаѣ *рекше* очевидно относится къ *въжа*, а слово невѣжа оставлено безъ поясненія, имѣя одинаковый смыслъ съ словомъ *простецъ*, *простая чада*, и т. п. Въ той же рукописи, въ словѣ Христолюбца, указывается положительно, кому принадлежитъ названіе *въжа*: «не токмо же то творать невѣжи, но и *въжи*: *попове* и *книжници*.» — Что касается до призванія духовныхъ лицъ къ дѣлу книжному, къ просвѣщенію, то мысль объ этомъ была у насъ въ древности господствовавшая. Книга была необходимо принадлежностью быта духовнаго лица. Даже строгія аскетическія

¹⁾ Guizot, Histoire de la civilisation en Europe. 6 leçon. 1831, стр. 181 — 182.

²⁾ Эти слова принадлежатъ Николаю Клервоскому (Nicolas de Clairvaux), ученику и секретарю Св. Бернарда, умершему въ 1180 году.

³⁾ Сборникъ XVI в. въ Троице-Сергіевой Лаврѣ. № 39, л. 43—44.

правила, предписывавшія совершенную нищету, не только дозволяли, но даже ставили въ обязанность инокамъ имѣть книги. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ требованіе нищеты простиралось до такой степени, что никто изъ монаховъ не имѣлъ права держать въ келіи ничего, ни даже хлѣба и воды; но книги были и должны были быть у всѣхъ и каждаго. Въ жизнеописаніи Св. Кирилла Бѣлозерскаго сказано, что онъ «в келіи ничто же не веляше имѣти, ниже своимъ звати... хлѣбъ же или вода или вино что каково в келіи никакоже обрѣташа, кромѣ еже руки умыти. *Аще ли кто к кому прити случишеся, ничтоже баше въ келіи видѣти, развѣ иконы и книги.*»¹⁾ Если обратить вниманіе на подобныя факты и принять въ соображеніе общую судьбу Европейской образованности, то въ надлежащемъ свѣтѣ явится вопросъ о направленіи древнерусской письменной словесности и о томъ, что представляли ея были преимущественно лица духовныя.

Впрочемъ мы коснулись вопроса объ образованности только по связи его съ выраженіемъ усвоенныхъ ею идей на извѣстномъ, общедоступномъ языкѣ. Въ этомъ отношеніи замѣчательно, что при извѣстіи о человѣкѣ образованномъ, въ лѣтописи обыкновенно упоминается о его поучительныхъ *бесѣдахъ* въ кругу людей, дорожившихъ разумнымъ словомъ. О митрополитѣ Іоаннѣ говорится: «бысть мужъ *зытръ книзамъ и ученю, ласковъ же ко всякому богату и убогу, книгами святыми утѣшая печальныя*». О Ростовскомъ епископѣ Пахоміѣ: «бѣ избранникъ Божій, *ласковъ ко всякому убогому, исполненъ книжнаго ученья, всѣми дѣлы утѣшая печальныя*»,²⁾ и т. д., и т. д. Подобныя извѣстія указываютъ на образъ пониманія предками нашими достоинства и назначенія знаній. Едва ли мы подвергнемъ себя упреку въ произвольномъ примѣненіи, если скажемъ, что во взглядѣ на нравственно религиозное образованіе, господствовавшемъ въ древней Руси, представляется сходство съ воззрѣніемъ одного изъ великихъ христіанскихъ мыслителей, на творенія коего не ссылался рѣдкій изъ древнихъ писателей нашихъ.

¹⁾ Сборникъ Троицко-Сергіевой Лавры. № 31, л. 297 об.

²⁾ Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 89 и 183—187.

«Когда я молюсь на незнакомомъ языкѣ, говоритъ онъ, то хотя духъ мой и молится, но умъ остается безъ плода. Лучше хочу сказать пять словъ, чтобъ и *другихъ наставить*, нежели тьму словъ на *незнакомомъ языкѣ.*»¹⁾ — Характеръ знаній въ древній періодъ нашего быта былъ одинъ и тотъ же и для духовнаго сословія и для свѣтскаго, и для высшаго и нисшаго классовъ, и для обонхъ половъ. И всюду равно употреблялся одинъ и тотъ же языкъ, бывшій единственнымъ выразителемъ мысли для всѣхъ и каждаго. О просвѣщеніи и дарованіяхъ свѣтскихъ людей лѣтописцы отзываются почти въ такихъ же выраженіяхъ, какъ и о лицахъ духовныхъ. Всѣ отзывы ихъ въ родѣ слѣдующаго о князѣ Василькѣ: «бѣ же *сердцемъ легокъ*, до бояръ *ласковъ*; мужество и умъ въ немъ живяше, правда же и истина съ нимъ ходяста; бѣ бо *всему хитръ и гораздо умья*» и пр.²⁾ Люди высшаго класса, сильные міра сего «прилежно требуютъ княжнаго почитанія», говоритъ Кириллъ Туровскій, и онъ же занятіе книжнымъ дѣломъ вмѣняетъ въ обязанность всѣмъ сословіямъ безъ исключенія: «молю вы, потщитесь прилежно почитати святыя книги». ³⁾ Какъ ни скудны извѣстія объ участи женщинъ въ общественномъ развитіи древней Руси; но и по нѣкоторымъ замѣткамъ, сообщеннымъ вскользь, видно, что условія образованности были одинаковыя для женщинъ, какъ и для мужчинъ. О княжнѣ Евфросиніи Полоцкой сохранилось

¹⁾ 1-е посл. къ Коринтянамъ. XIV, 14 и 19. — О сочувствіи предковъ нашихъ къ произведеніямъ апостола Павла свидѣлствуетъ одинъ изъ духовныхъ писателей нашихъ XV вѣка. «Егда въ святѣй церкви, говоритъ митрополитъ Феодосій, начнется о Павлѣ бесѣда, яко отсюду, яко же пчелы на събраніе цвѣтовъ отсюду, стичются иже надъ властью, иже подъ властью, богатіи и нищци, мудріи и немудріи, многоученіи и малоученіи, съ просители готовословци, иже въ видѣнн и дѣванн, иже высокаго священника сана, иже вночьскаго чина мужіе и жены, всякъ възрастъ, вси чюдятся мужа премудрости.» Признаніе ученія великаго апостола къ духовнымъ нуждамъ всѣмъ и каждаго, и вмѣствъ съ тѣмъ его непостижимая глубина изображаются весьма нагляднымъ сравненіемъ. «Яко же глубока нѣкая вода — продолжаетъ нашъ писатель — всѣмъ на всяку потребу предлежитъ, еже пити, еже варити, еже изъмыватися, еже сады напаяти, еже плавати, еже рыбы ловити, глубина же тоя никомуже вѣдома есть. Тако и Павловы словеса всякому виду добродѣтели слышавшихъ учить, высоту же и разумомъ всѣхъ преѣходя.» (Рпсь XV в., принадл. г. Ундольскому. См. Извѣстія 2-го Отдѣлен. Академіи Наукъ. Т. 2. 1853. стр. 327.)

²⁾ Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, 199.

³⁾ Памятникомъ Россійской Словесности XII вѣка. стр. 132—133.

преданіе, что она нѣсколько времени жила при церкви и занималась списываніемъ книгъ, какъ занимались имъ и многіе епископы и князья. Княгиня Верхуслава, дочь Всеволода III, принимала самое живое участіе въ судьбѣ двухъ современныхъ ей писателей, Симона и Поликарпа,¹⁾ а это показываетъ сочувствіе княгини къ ихъ литературной дѣятельности. Женщина воспитывала князя Михаила Ярославича Тверскаго, и въ данномъ ему образованіи естественно выразился вкусъ воспитательницы. Михаилъ Ярославичъ былъ сынъ великой княгини Ксеніи, и премудрая мать, говоритъ лѣтописецъ, воспитала его въ страхѣ Господнемъ, «и научи святымъ книгамъ и всякой премудрости». ²⁾ Святыя книги являются у насъ на общепонятномъ языкѣ еще со временъ Св. Владиміра, а потому на этомъ языкѣ преподавалась и «всякая книжная премудрость». Не только исторія, даже поэзія народная сохранила воспоминаніе о томъ, что когда то всѣ Русскіе дѣлились мыслию и чувствомъ только на родномъ языкѣ. Въ одной изъ былинъ про времена Владиміра разсказывается о его желаніи найти себѣ невѣсту. Владиміръ былъ идеаломъ народной поэзіи, и выборъ его долженъ былъ отвѣчать его высокими достоинствамъ, по понятію о нихъ народа. Требованія свои Владиміръ выражаетъ въ былинѣ такъ:³⁾

вы ищите мнѣ невѣстужку хорошую,
 вы хорошую и пригожую,
 што бѣ лицомъ красна и умомъ сверства,
 што бѣ умѣла Рускую грамату
 и четью-пѣтью церковному,
 што бы было ково назвать вамъ матушкой,
 ввеличать бы государыней.

И князю нашли невѣсту, «что и Русскую умѣетъ больно грамоту, и четью-пѣтью горазда церковному». Въ этихъ словахъ, удержанныхъ памятью народа, мы въ правѣ видѣть черту минув-

¹⁾ Въ посланіи къ Поликарпу, по рукописи синодальн. библ. № 163, Симонъ говоритъ: «писать же ми книги (письмо) княгиня Ростиславля, Верхуслава: аще ми и тысяща сребра расточити тебе ради и Поликарпа ради». Ср. Истор. Государства Россійскаго. III, примѣч. 171.

²⁾ Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. V, 207.

³⁾ Памятники и образцы народнаго языка и словесности, издаваемые при Императорскомъ Училищномъ Управленіи. Томъ I, стр. 82.

наго быта, по крайней мѣрѣ въ той степени, въ какой, напри-
мѣръ, можемъ судить о требованіяхъ свѣтской образованности
въ началѣ XIX вѣка по отзыву Пушкина о своемъ героѣ: «онъ
по-Французски совершенно могъ изъясняться и писалъ», и т. п.

Всѣ приведенные мною факты указываютъ на употребленіе
людьми образованными общепонятнаго языка. Виѣсть съ тѣмъ
указывается нѣкоторая связь его, какъ орудія знавіи, съ чтені-
емъ святыхъ книгъ, а какъ Св. Писаніе переведено на Церков-
но-Славянскій языкъ, то возникаетъ вопросъ объ отношеніи
этого языка къ Русскому. Рѣшеніемъ его объяснится и то, ка-
кое участіе имѣлъ собственно Русскій языкъ въ судьбахъ нашей
древней образованности. Мнѣнія о Церковно-Славянскомъ и
Русскомъ языкахъ, существующія и существовавшія въ нашей
литературѣ, довольно разнообразны. Нѣкоторые считали Слав-
янскій языкъ единственнымъ языкомъ нашей древней литера-
туры; употреблявшимся на счетъ Русскаго не только книжнаго,
но даже и разговорнаго. Другое, не столь рѣшительное, мнѣніе
ставало эти языки въ отношеніе не подчиненности, а взаимнаго
дѣйствія, оставляя за церковнымъ преимущество языка пись-
меннаго, и полагая, что Русскій хранился только въ разговорѣ
и пѣснѣ. Наконецъ Русскому языку возвращены его права, хо-
тя и не отвергнуто его близкое соотношеніе съ Церковно-Слав-
янскимъ. Было нѣкогда въ ходу такого рода мнѣніе: Греки,
переводя священныя книги на Русскій языкъ, образовали его
по грамматикѣ и синтаксису своего древняго классическаго язы-
ка, и составили книжный или церковный языкъ. Духовенство
и высшій классъ народа употребляли книжно-Славянскій языкъ
не только въ письмѣ, но и въ разговорахъ, по крайней мѣрѣ до
вѣры относящихся; простолюдины подражали сямъ двумъ выс-
шимъ государственнымъ сословіямъ.⁷⁾ Въ другомъ свѣтѣ дол-
женъ былъ явиться вопросъ, когда древній языкъ нашъ под-
вергли основательному изученію, въ особенности когда утвер-
дилось историческое направленіе, такъ превосходно начатое
Востоковымъ, и изученіе Славянскихъ нарѣчій положило твер-
дую основу Русской филологіи. Самостоятельность двухъ род-

⁷⁾ О подлинности Слова о Полку Игоревѣ. С. Руссова. 1834. стр. 6 — 7.

ственныхъ языковъ перестала возбуждать сомнѣніе. Впрочемъ нѣкоторые изъ филологовъ остаются при мысли, что памятники Русскаго языка являются никакъ не ранѣе XIII столѣтія; всѣ же предшествовавшія произведенія Русской литературы писаны по Церковно-Славянски. ¹⁾ Почти въ одно время съ этимъ мнѣніемъ высказано другое, совершенно-противоположное, по которому не только наши лѣтописи, или Русская Правда, или Слово о Полку Игоревѣ, но и творенія Кирилла Туровскаго входят не только въ исторію Русской словесности, но и въ исторію Русскаго языка. ²⁾ Въ филологическомъ изслѣдованіи, налагающемъ историческій ходъ Русскаго языка въ связи съ нарѣчіями соплеменными, признается несомнѣннымъ, что до XIII вѣка языкъ произведеній духовныхъ, языкъ лѣтописей и языкъ администраціи былъ одинъ и тотъ же, и уже въ XIV вѣкѣ языкъ свѣтскихъ грамотъ и лѣтописей примѣтно отдался отъ языка сочиненій духовныхъ. ³⁾ Одинъ изъ достойнѣйшихъ представителей современной филологіи, посвятившій свою дѣятельность преимущественно изслѣдованію Церковно-Славянскаго языка, высказалъ слѣдующее убѣжденіе: «Несправедливо было бы утверждать, что каждая старая форма есть форма Церковно-Словянская, потому именно, что она не находится въ Русскомъ языкѣ. Понятіе, слѣдственно, о вліяніи Церковно-Словянскаго языка на Русскій смѣшиваетъ два начала — Древне-Словянскій и Древній Русскій и едва ли не будетъ справедливѣе признать въ развитіи языка нашего, вмѣсто вліянія Церковно-Словянскаго языка, постепенное исчезаніе старыхъ и возниканіе новыхъ формъ.» Далѣе авторъ дѣлаетъ замѣчаніе о связи Церковно-Славянскаго языка съ судьбами нашей образованности. «Въ исторіи нашего просвѣщенія — говорить онъ — не столько важенъ вопросъ о вліяніи Церковно-Словянскаго языка на Русскій, сколько обратно вліяніе Русскаго на Церковно-Словянскій. Внесенный вмѣстѣ съ св. книгами, онъ примѣнялся къ

¹⁾ Ломоносовъ въ исторіи Русской литературы и Русскаго языка. *К. Аксакова*. стр. 161 и др. Положеніе VI.

²⁾ Объ элементахъ и формахъ Славяно-Русскаго языка. *М. Каткова*. стр. 216 — 217.

³⁾ Мысли объ исторіи Русскаго языка. *М. Срезневскаго*. стр. 95 — 96.

народному выговору, упрощавалъ свой составъ, но не принимая въ себя ничего, что рознить Русскія нарѣчія, усвоилъ то, что ихъ соединяетъ. Дѣйствительно въ немъ есть много Русскаго, но ничего Мало-Россійскаго, ничего Велико-Русскаго, ничего Бѣло-Русскаго. Онъ былъ связью племень, нарѣчій, былъ символомъ единства Россіи.»¹⁾

Не входя въ неумѣстное въ настоящемъ случаѣ разсмотрѣніе съ точки зрѣнія современной филологіи вопроса о взаимномъ вліяніи Церковно-Славянскаго и Русскаго языковъ, мы желали бы указать, какъ сами древніе писатели наши понимали свойства литературнаго языка. По всѣмъ соображеніямъ Русскій языкъ и Славянскій не представлялись въ сознаніи предковъ нашихъ двумя различными языками. Еще Несторъ говоритъ, что «Славянскій народъ и Русскій одинъ и тотъ же, и прозванъ Русскимъ отъ Варяговъ; Поляне получили особое названіе, потому что жили въ поляхъ, рѣчь же, языкъ ихъ былъ тотъ же Славянскій.»²⁾ Слѣдовательно, онъ признаетъ, что слова Славянскій и Русскій значатъ тоже самое, только первое слово — наше туземное, послѣднее — пришлое, варяжское. Есть извѣстіе, что Св. Константинъ, первоучитель Славянскій, нашелъ въ городѣ Корсуни Евангеліе и Псалтирь «росьскы писменъ писано» и челоувѣка говорившаго по-Русски.³⁾ Несторъ же говоритъ, что при Ярославі переводили «отъ Грекъ на словѣнское письмо»: по всей вѣроятности языкъ обоихъ переводовъ принадлежалъ одному и тому же Славянскому племени. Со времени Нестора и въ послѣдующіе вѣка слова Русскій и Славянскій употреблялись одно вмѣсто другаго. Максимъ Грекъ, дѣлая замѣчанія о правильнѣйшемъ переводѣ Св. Писанія и обвиняя позднѣйшихъ книжниковъ, отдаетъ справедливость древнѣйшимъ «приснопамятнымъ преводникомъ святыхъ писаній отъ Греческаго языка на Рускыи».⁴⁾ Въ старинныхъ «азбуковникахъ» читаемъ: «въ нашихъ Словенскаго языка книгахъ многи рѣчи намъ Славяномъ неудобъ

¹⁾ Статья, касающаяся древняго Славянскаго языка. В. Григоревича. Казань. 1852. стр. 14 — 15.

²⁾ Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, 12.

³⁾ Вѣкъ Болгарскаго царя Симеона, соч. С. Палаузова. стр. 64.

⁴⁾ Въ словѣ «о исправленіи книжномъ».

разумни обретаются, ихъ же не удовольшиася или не потщашася на Руски языкъ преложити». Редакція этихъ словарей относится въ XVI и XVII в., и къ употребленію словъ: *Русскій* и *Славянскій* нѣтъ разницы отъ памятниковъ XI вѣка. Тождество языковъ Славянскаго и Русскаго признавалось не только Русскими, но и другими Славянами. Въ Сербіи было въ XV столѣтіи мнѣніе, что Св. Писаніе первоначально переведено на «Русскій тончайшій» языкъ. *) Но если не было разницы въ названіи, то, быть можетъ, въ самомъ употребленіи люди книжные съ *намыретею* избирали языкъ церковный, писали по-Церковно-Славянски, между тѣмъ какъ массы говорили по-Русски. Такое мнѣніе, какъ извѣстно, не новость въ нашей литературѣ. Что между Русскими авторами были писавшіе по-Церковно-Славянски, это не подлежитъ сомнѣнію. Исторія Церковнаго языка тѣсно связана съ исторіею Русской письменности; различные періоды Церковно-Славянскаго языка имѣли въ Россіи представителей. Но мы имѣемъ здѣсь въ виду большинство писателей и ихъ личный взглядъ на языкъ, которымъ они писали. Насколько можно уловить этотъ взглядъ въ древнихъ памятникахъ, онъ показываетъ намъ, что исключительное употребленіе церковнаго языка на счетъ Русскаго вовсе не входило въ намѣреніе нашихъ древнихъ писателей. Занимаясь трудомъ литературнымъ, они далеки были отъ мысли придать языку изысканную форму, непохожую на ту, которая являлась неволью, по самому духу языка, въ живомъ говорѣ народа. Самое направленіе литературы преимущественно *поучительное* и связанная съ нимъ необходимость быть общепонятнымъ предохраняла писателей отъ исключительности. Желаніе объяснить каковую-либо истину или событіе составляло одно изъ условій, а весьма часто и главную цѣль литературнаго труда. При этой цѣли нельзя было не стараться передать мысль въ формѣ наиболѣе общедоступной, и стремленіе къ общедоступности выраженія замѣчаемъ дѣйствительно у многихъ изъ нашихъ писателей. Если слово, употребленное въ поученіи, считали не для всѣхъ понятнымъ, то вслѣдъ за нимъ предлагали и объясненіе. Въ

*) Статьи, касающіяся древняго Славянскаго языка. В. Григоревича. стр. 11.

словѣ о страхѣ Божиѣмъ за увѣщаніемъ: «потщимся вѣчныхъ избыти мукъ *лицемѣрною* любовію» слѣдуетъ объясненіе: «Сне же *лицемѣрство* нарицается, вже богатыхъ дѣла стыдятся, аще неправду дѣютъ, а сироты озлобляти.»^{*)} Въ поученіи, помѣщенномъ въ Златой Цѣпи (л. 43 об. — 45) такъ объясняется слово *братъ*: «Миръ держите не только съ любовники, но и со *брати* своими: вѣдомо же свои *брати* намъ то сугъ, аще ли кто кому сна (= сына) или братъ зарѣзалъ» и т. п. Тѣмъ не менѣе, такъ называемые, книжный и разговорный языки представляли между собою явственное различіе. Оно завистло отъ характера современной образованности и ея выразительницы — литературы. Сосредоточиваясь на предметахъ религіозныхъ, мысль писателя оставалась въ высшей сферѣ умственной дѣятельности, была иначе настроена, нежели мысль человѣка, думавшаго о житейскомъ благосостояніи, или о борьбѣ и добычѣ, о пиряхъ, и т. п. Различіе въ настроеніи мысли не могло не обнаружиться въ различіи слова, и дѣйствительно выразилось, но только не употребленіемъ двухъ различныхъ, хотя и соплеменныхъ языковъ, а въ образованіи двоякаго слога одного и того же языка. Что такое явленіе было рѣшительно неизбѣжно въ исторіи нашего языка, всего лучше доказывается многими новѣйшими попытками сдѣлать народныя нарѣчія литературными. Чѣмъ болѣе авторы переходили въ область предметовъ отвлеченныхъ, тѣмъ болѣе ихъ книжный слогъ отходилъ отъ разговорнаго. Что же касается до древнихъ нашихъ писателей, то они имѣли свои понятія о красотѣ и приличіи слога, и, руководствуясь ими, заботились о достоинствѣ образовъ и выраженій, не допуская ничего плоскаго и тривіальнаго. Выборъ ихъ, часто довольно строгій, имѣлъ одну цѣль — сохранить въ выраженіи достоинство выражаемой идеи. Въ подтвержденіе словъ нашихъ приведемъ доказательства, представляемые произведеніями древнихъ нашихъ писателей. Изъ нихъ одинъ принадлежитъ почти къ началу нашей древней словесности, другой завершаетъ ее своими твореніями. Съ намѣреніемъ

^{*)} Златоустъ. Рукопись Московской Духовной Академіи, XVI в., полуустав. л. 34.

выбираемъ два крайніе предѣла, чтобъ очевидно было сходство во взглядѣ на разсматриваемый предметъ до самаго исхода древняго періода. Достопамятный витія нашъ XII вѣка, Кирилль Туровскій, бесѣдуя о взаимномъ отношеніи души и тѣла, видимо стремился такой высокой предметъ объяснить самымъ доступнымъ образомъ. Но здѣсь встрѣтилось ему затрудненіе. Высокость идеи требовала избѣгать напоминанія о предметахъ ежедневнаго быта, между коими есть и тривіальные. Существенная же цѣль бесѣды, сообщеніе идеи слушателямъ, заставляла прибѣгать именно къ этимъ предметамъ. Нашъ авторъ уступилъ послѣднему требованію, провелъ по всему слову образъ, взятый изъ ежедневной жизни, и только просилъ простить ему этотъ образъ, чѣмъ и выразилось его уваженіе къ идеѣ. Его литературные приемы весьма любопытны, какъ черта вѣка. Онъ сравниваетъ душу и тѣло, различнымъ образомъ подвигающіе чело- вѣка на грѣхъ, съ хромымъ и слѣпымъ, приставленными къ саду для береженія плодовъ, и склоняющими другъ друга къ нарушенію данной имъ обязанности. «Однажды, говоритъ онъ, слѣпой спросилъ у хромого: что за пріятный запахъ долетаетъ ко мнѣ? Хромой отвѣчалъ: много прекрасныхъ плодовъ у господина нашего: сладость вкуса ихъ нельзя и рассказать словами. Но онъ себя на умѣ: приставилъ тебя слѣпаго, а меня хромого, чтобы мы не могли пойти и насытиться «благынъ» его. Слепой ему въ отвѣтъ: за чѣмъ же ты прежде не сказалъ мнѣ объ этомъ, и мы похитили бы данное въ наше распоряженіе. Хоть я и слѣпъ; но имѣю ноги и силу, могу понести тебя и другую пошу.... Если меня спроситъ господинъ о покражѣ, я скажу: ты же знаешь, что я слѣпъ; если тебя, скажи: я хромой и не могу туда дойти. И такъ перехитримъ своего господина и получимъ свою плату. Хромой съѣлъ на слѣпаго, пришли и обокрали все, что было внутри.» Сказавши это, авторъ счелъ нужнымъ обратиться къ слушателямъ съ слѣдующимъ извиненіемъ: «не обвиняйте меня, братія, въ грубомъ способѣ, какимъ объясняю я Св. Писаніе. Какъ птица, когда ноги ея завязали, не можетъ взлетѣть на высоту воздушную, такъ и мнѣ, увязшему въ тѣлесныхъ похотяхъ, невозможно бесѣдовать о духовномъ: не слагаются слова грѣшника, не имѣя влаги Св. Ду-

ха.»^{*)} Эта оговорка доказывает, что ораторъ былъ самъ нѣсколь-
ко озадаченъ употребленнымъ имъ сравненіемъ. Его смутила, ви-
димо, не тривіальность словъ, а тривіальность самой картины: во-
ображенію представился видъ калѣнки, сѣвшаго верхомъ на слѣп-
ца. Слѣдовательно не слово, а предметъ казался неприличнымъ,
и предметами-то собственно, а не словами оскорблялся вкусъ и
позднѣйшихъ писателей. Но такъ какъ предметъ и его названіе
тѣсно связаны между собою, то мало по малу замѣненіе словъ об-
щепародныхъ Церковно-Славянскими входило въ обычай, уси-
лавшійся къ концу древняго періода. Что этотъ обычай не ско-
ро вытѣснилъ древнее употребленіе, доказываетъ примѣръ пи-
сателя, заключающаго, какъ мы сказали, рядъ древнихъ писа-
телей нашихъ. Я говорю о Св. Димитріѣ (1651 — 1709). Въ
розыскѣ о Брынскомъ расколѣ, онъ высказываетъ въ предисло-
віи свои понятія о различіи слога по разности предметовъ. Ав-
торъ проситъ читателей не удивляться въ его книгѣ *просторь-
чю и некрасному сочиненію*, оправдывая себя тѣмъ, что писалъ
для *самыхъ препростыхъ* людей. При этомъ указываетъ на при-
мѣръ Златоуста и самого Спасителя. Одинъ разъ, говоритъ онъ,
когда Златоустъ училъ въ церкви, женщина воззвала къ нему:
учитель духовный! глубоко колодезь твоего ученія, а верви ума мо-
его слишкомъ коротки, чтобы почерпнуть изъ такого глубокаго
колодезя. Съ тѣхъ поръ ораторъ отложилъ *риторствованіе* и дер-
жался *просторьчя*. Самъ Христосъ, бесѣдуя съ людьми книж-
ными простиралъ къ нимъ слова, исполненные божественной
премудрости, приводя свидѣтельство отъ книгъ пророческихъ; про-
стому же народу говорилъ простыми притчами: царство небес-
ное уподоблялъ челоуѣку, сѣявшему на селѣ, и купцу, и зерну
горчичному, и квасу, который женщина скрыла въ трехъ мѣ-

*) Памятники Россійской Словесности XII в. «Сядиша же има етеро время,
рече слѣпецъ къ хромцю: что се убо благоуханіе навутрююду вратъ полетаеть
на мя? Отвѣща хромць: многа благаа господина наю внутрь сѣтъ, вхъ же вкуше-
ніа неизреченна сладость; но повеже премудръ есть наю господина, и посади тебе
слѣца, мене же хромаго, и не можевъ никоже тѣхъ донти, и насытитица бла-
гынъ. Отвѣща слѣпецъ: да почто сего нѣси ми повѣдалъ прежде, да быховъ не
жадала, нъ къ сннъ давыиъ намъ въ область, да она быхомъ собѣ въсхитили?
Аще бо азъ слѣцъ есмь, но имамъ ногъ и силенъ есмь, могій носити тебе и бре-
мя... И тако упремудривъ господина наю... Въсѣлъ же хромць на слѣщца, и до-
шедша оградоста вся внутрениа благаа господина своего. Но не своюита, братіе,

рахъ муки, и т. п. (Матѣ. XIII, 3 — 50).) Слѣдовательно, по мнѣнію Св. Димитрія, достоинство слога состоитъ въ заимствованіи образовъ изъ Св. Писанія; въ простомъ же слогѣ образы берутся изъ ежедневнаго быта, отъ предметовъ самыхъ обыкновенныхъ и незначительныхъ. И такъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ почти одинаково понимались условія литературнаго языка. Разница только та, что Кириллъ Туровскій употребляемый имъ образъ выраженія признавалъ обычнымъ, лично ему принадлежащимъ, а Св. Димитрій допускаетъ его только для людей непросвѣщенныхъ. Св. Димитрій составляетъ во многомъ исключеніе изъ круга современныхъ ему авторовъ, сближаясь въ своихъ произведеніяхъ съ духомъ древней Русской словесности. Другіе же писатели XVII вѣка слѣдовали иному направленію. Литература становилась все болѣе искусственною, а вмѣстѣ измѣнялся и слогъ. То, что было прежде простою потребностію приличія слога, какъ бы ни понимали его авторы, перешло въ XVII в. въ вычурность и претензію на шегольство. Могло случиться, что иные книжники, и въ письмѣ и отчасти даже въ живомъ разговорѣ, стали гнущаться не тривіальнымъ образомъ, а самимъ словомъ, если оно ходило въ общемъ употребленіи народа. Тогда-то отгѣнки слога одного и того же языка переродились въ сознаніи употреблявшихъ его какъ бы въ два особенные языка. По крайней мѣрѣ къ такому заключенію ведетъ свидѣтельство филолога Лудольфа, автора Русской грамматики. Онъ утверждаетъ положительно, что Русскіе отличаютъ собственно Русскій языкъ (*lingua Russica*) отъ языка Славянскаго (*lingua Slavonica*). Лудольфъ говоритъ, что у Русскихъ Славянскій языкъ есть языкъ богослуженія и церковныхъ книгъ; кромѣ того безъ помощи его нельзя ни писать, ни рассуждать о пред-

на мою грубость, вельпо (т. е. некрасиво, неискусно, невязло) образъ писанія поставляющю ми, акоже и по ногу вязаща птица вѣсть мощно възлетѣти на аерскую высоту, сиче и мнѣ, въ тѣлесныхъ вязашему похотехъ, не възможно о духовныхъ бесѣдовати, не слагаетьбося грѣшничя словеса, не имуща млагы Святаго Духа.» стр. 139—141. Въ самомъ языкѣ, даже судя по этому краткому отрывку, много руссизмовъ: не говоря о формахъ, общахъ древне-Русскому языку съ Церковно-Славянскимъ, какъ неопредѣленное заключеніе на и, двойственное число и т. п.: *домни, можеея* и проч., много чистыхъ руссизмовъ: *собь, храмцо, жада-ти* и проч.

*) Розыскъ о раскопачической Врынской вѣрѣ. 1709. стр. 2 в слѣд.

метахъ учености и познаний, и чѣмъ ученѣе кто хочетъ прослыть, тѣмъ больше славянизмомъ употребляетъ и въ рѣчи и въ письмѣ. Въ обыкновенномъ же разговорѣ никто не употребляетъ Славянскаго языка, да и названій многихъ вещей, необходимыхъ въ ежедневномъ быту, нѣтъ въ Славянскихъ книгахъ. Даже подсмѣиваются надъ тѣмъ, кто черезчуръ любитъ красить обыкновенную рѣчь славянизмами, такъ что у Русскихъ есть поговорка: «говорить должно по-Русски, а писать по-Славянски» — loquendum est Russice et scribendum est Slavonice.¹⁾ Свидѣтельство Лудольфа относится къ концу XVII вѣка, и подтверждается свидѣтельствомъ Русскаго писателя, образовавшагося въ самомъ началѣ XVIII в., именно Тредьяковскаго (род. 1703). Въ «Бздѣ на островъ Любви», переведенной имъ, когда онъ былъ еще студентомъ, Тредьяковскій говоритъ, обращаясь къ читателю: «На меня, прошу васъ покорно, не изволте погнѣваться, *(буде вы еще глубокословныя держитесь славенщины)* что я оную не Славенскимъ языкомъ перевелъ, но почти самымъ простымъ Русскимъ словомъ, то есть каковымъ мы межъ собой говоримъ.» Самая важная причина этому состояла въ томъ, что «языкъ Словенскон, продолжаетъ авторъ, нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего *не только я имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всѣми*: но за то у всѣхъ я прошу прошенія, при которыхъ я съ глупословіемъ моимъ Славенскимъ особымъ *рѣчеточиемъ* хотѣлъ себя показывать.»²⁾ Слова Тредьяковскаго

¹⁾ Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russica. Oxonii. 1696. «Ideo autem Russis cognitio linguae Slavonicae necessaria est, cum apud ipsos non tantum S. Biblia et reliqui libri impressi, quibus sacra peraguntur, Slavonico idiomate solummodo extent, verum etiam de materiis eruditionem vel scientias spectantibus neque scribere neque disserere liceat, nisi lingua Slavonica in usum advocetur. Quamobrem quo quis doctior caeteris reputari vult, eo plus Slavonici sermonibus et scripturae immiscet, licet nonnulli ridere illos soleant, qui in communi sermone Slavonica nimium affectant... Sed sicuti nemo erudite scribere vel disserere potest inter Russos sine ope Slavonicae linguae, ita e contrario nemo domestica et familiaria negotia sola lingua Slavonica expediet, nomina enim plurimarum rerum communium, quarum in vita quotidiana usus est, non extant in libris, e quibus lingua Slavonica haurienda est.» Praefatio. Лудольфъ замѣчаетъ, что только одна книга напечатана на народномъ языкѣ (vulgar dialecto), именно Уложение; но и тамъ нѣкоторые обороты составлены по Славянской грамматикѣ. Изъ писателей всѣхъ болѣе, по его мнѣнію, воздерживается отъ славянизмовъ Симеонъ Полоцкій, но не смотря на то въ сущности у него все Славянское — omnia sunt Slavonica.

²⁾ Сочиненія Тредьяковскаго, изд. Смирдина. 1849. Т. III, стр. 649 — 650.

показываютъ, что и самъ онъ говорилъ по-Славянски, а также, судя по выраженію: «если вы еще держитееъ славенщизны», что въ его время были еще люди, для которыхъ имѣла значеніе приведенная Лудольфомъ поговорка о языкахъ Славянскомъ и Русскомъ. Такое разъединеніе двухъ элементовъ Русскаго языка является уже въ позднѣйшую, переходную эпоху, но оно было чуждо древнему періоду.

• Даже въ XVII столѣтіи произведенія писателей просвѣщенныхъ отличались отъ произведеній авторовъ, неполучившихъ образованія, не столько особенностями языка, сколько высотой и направленіемъ мысли, не вполне доступными для людей необразованныхъ. Въ этомъ отношеніи весьма любопытнымъ памятникомъ служитъ опытъ нашего литератора самоучки писать простымъ и общедоступнымъ языкомъ въ противоположность цвѣтистому краснорѣчію извѣстнѣйшаго стилиста того времени — Симеона Полоцкаго. Взявъ за образецъ «Обѣдъ душевный» и «Вечерю душевную» этого оратора, одинъ священникъ «на Орлѣ городкѣ», Пермской губерніи, составилъ (около 1684 г.) рядъ поученій подъ названіемъ *Статирѣ*. Кромѣ идеи и плана сочиненія, авторъ заимствовалъ у С. Полоцкаго много отдѣльных мѣстъ въ «словахъ», и способъ передачи этихъ мѣстъ тѣмъ любопытнѣе, что, по свидѣтельству автора, *слогъ* С. Полоцкаго былъ невразумителенъ простымъ людямъ: «Обѣдъ же и Вечерю отца Симеона П. слогъ, тая простѣйшимъ людямъ за высоту словесъ тяжка бысть слышати.» Поэтому въ *Статирѣ* можно бы ожидать совершенно другихъ словъ и оборотовъ при выраженіи мысли, заимствованной изъ сочиненій Полоцкаго. Но на дѣлѣ выходитъ иное: представимъ фактическія доказательства. Въ *Словѣ* въ недѣлю 3-ю по Пасхѣ читаемъ въ *Статирѣ*: «Нѣсть живаго с мртными (= мертвыми), нѣсть во гробѣ истощившаго гробы, нѣсть во тли нетлѣннаго, воста животь огь гроба; но престаните отъ слезъ и примите радость, и возвратитесь вспять, и рцйте оученикомъ и Петрови, да идутъ въ Галилею и тамо Его оузрять, якоже прежде рече имъ.» *) У Симеона Полоцкаго

*) *Статирѣ*, рукопись Румянцеваго музея, № 411, по описанію Востокова; л. 39 об. — 40.

въ «Объдѣ душевномъ» тоже самое выражено слѣдующимъ образомъ: «Нѣсть живый съ мертвыми. Нѣсть во гробѣ испраздненный гробы. Нѣсть во тли нетлѣнный, воста животь отъ гроба.... Радуйтеса, идите возвѣстите братиѣ моеи, да идуть въ Галилею, и тамо мя видятъ.»¹⁾ Приведенныя слова начинаютъ и оканчиваютъ повѣствованіе, занимающее три страницы. Выраженія въ проповѣди С. Полоцкаго, опущенныя нашимъ Пермскимъ авторомъ, составляютъ распространіе той же самой мысли, т. е. что Спаситель воскресъ. Распространенія имѣютъ видъ риторическихъ фигуръ: единоначатія, обращенія и т. п.: «*Воста* первенецъ изъ мертвыхъ, яко женихъ отъ чертога. *Воста* яко спя Господь и воскресе, спасая родъ человѣческій. *Воста*, да и мы востанемъ отъ грѣха во спасеніе, и во животь отъ смерти» и т. д., или: «плачють и миро приносятъ; плачють не цѣны мира тщеть» и пр. — Въ словѣ въ недѣлю 4-ю по Пасхѣ въ Статирѣ: «Можаше и сей помыслити в себѣ сице: кто есть сей, вопрошай мя: хоцеши ли цѣль быти, вѣсть, яко болный ничтоже желаетъ паче здравія, ничтоже любитъ паче целости тѣлесныя, видитъ мя бѣдна, расслабленна, неимуща никогоже помогающа, и толико лѣтъ присѣжу здѣ не иныя ради вины, точию здравіе получу отъ воды, обаче вопрошаетъ мя: хоцеши ли цѣль быти? Не оутѣшити мою бѣдность сей приде, но токмо поругатимиса окаянному. Но ничтоже сего помысли, ниже что мало показа въ себѣ нетерпѣнія.»²⁾ Въ словѣ въ ту же недѣлю у Симеона Полоцкаго: «Можаше бо в себѣ помыслити сице: кто сей есть, вопрошай мя: хоцеши ли цѣль быти; вѣсть, яко больнымъ ничтоже есть желательнѣе здравія, ничтоже любительнѣе цѣлости: видитъ мя бѣдна, расслабленна, неимуща доброты и движенія, прилежаща купѣли не иныя вины ради, точию да цѣлость получу воды возмушеніемъ, обаче вопрошаетъ мя: хоцеши ли цѣль быти; не оутѣшити мя бѣднаго сей приде, но поругатиса окаянному. Сице же мысля, можаше поне возроптати на вопросивша: обаче ничтоже онъ свцево помысли, и ни мала знаменія показа по

¹⁾ Книга Объдѣ душевнѣй, Симеона Полоцкаго, напечат. въ Москвѣ 1681 г., л. 28 об. — 30.

²⁾ Рукопись «Статиря», л. 47.

себѣ нетерпѣнія»¹⁾). Въ свою очередь, авторъ позволялъ себѣ иногда прибавить два-три выраженія къ оригиналу. Такъ въ 1-мъ Словѣ въ день Вознесенія Симеонъ Полоцкій говоритъ отъ лица «оставленныхъ»: «Отче, оучителю и Господи, вскую ны тако сиры оставляеши, яко овцы посредѣ волкъ безъ пастыря, и яко корабль посредѣ моря безъ кормчія»²⁾). Соответствующее мѣсто въ Статирѣ: «О оучителю нашъ и Господи, вскую ны сиры оставляеши, яко овцы посредѣ волковъ бес пастыря; яко голуби посредѣ растерзательныхъ ястребовъ, и яко корабль посредѣ свирѣпаго моря на разбитіе волнамъ горopodobнымъ безъ кормчія, и яко виноградъ зеленый бес стража на потоптаніе онагромъ и осломъ дивіимъ»³⁾). Такого же рода, какъ приведенныя нами, и всѣ другія заимствованія автора Статира изъ твореній Симеона Полоцкаго. Изъ сличенія мѣстъ заимствованныхъ съ другими мѣстами оригинала оказывается, что позднѣйшій составитель поученій выбиралъ изъ своего образца только то, что считалъ понятнымъ всѣмъ и каждому, оставляя нетронутыми мысли отвлеченныя и положенія замысловатыя. Видно, что не слова и даже не сочетаніе словъ у С. Полоцкаго были чужды его подражателю, а предметы, выраженные этими словами. Различіе въ предметахъ, доступныхъ сознанію и сочувствію обонхъ писателей, опредѣлялось различіемъ ихъ въ степени образованія. Житель малоизвѣстнаго уголка Россіи, человекъ, который, по собственному признанію, и не слышалъ какъ учатся грамматикѣ, а философія и въ глаза не видѣлъ⁴⁾, не могъ соперничать съ ораторомъ столицы, питомцемъ академій и воспитателемъ Наслѣдника Престола, ученымъ, обладавшимъ обширными свѣдѣніями и любившимъ приводить своимъ слушателямъ не только слова Св. Писанія и Отцевъ Церкви, но и миѣнія Демосѣена,

1) Обѣдъ душевный, л. 44 — 44 об.

2) Тамъ же, л. 72.

3) Статиръ, л. 77 — 77 об.

4) «Окромѣ буквы, часослова и псалтыри ничтоже учих, и то несовершенно, граматикѣ же ниже слышах, како ея навывають, а зря ея аю илюзымчя ни зрится, риторикѣ же ни мало покусихса, а философію ниже очима видахъ, мудрыхъ же мужей ниже гдѣ на пути в лице вѣрѣтохъ». Статиръ. Предисловіе къ читателю, л. 6 об.

Гераклита и другихъ представителей образованности древняго міра.

Примѣръ замѣчательнаго Пермскаго литератора показываетъ, что и въ концѣ древняго періода нашей словесности, какъ и въ его началѣ, литературныя произведенія различались между собою, въ понятіи ихъ современниковъ, болѣе предметами и цѣлью, нежели языкомъ въ собственномъ смыслѣ. Языкъ же, по своему составу, по словамъ и ихъ соединенію въ ходѣ рѣчи, оставался всегда общедоступнымъ, не препятствуя разумѣнію мысли, если мысль была такого рода, что для усвоенія ея требовалось одного только знанія языка.

Все сказанное приводитъ къ заключенію, что литературный языкъ въ древней Руси находился въ прямомъ соотвѣтствіи съ характеромъ самой литературы и съ образованностію народа, и служилъ залогомъ его народности. Ни одинъ классъ народа, ни одинъ кругъ класса не измѣнялъ родному слову. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что, говоря вообще, Русскіе были довольно знакомы съ языками иностранными. Знаніе языковъ условливалось четырьмя обстоятельствами: международными сношеніями, путешествіями, распространеніемъ Вѣры и требованіемъ образованности. Сносась со многими народами, близкими и отдаленными, Русскіе, по всей вѣроятности, были знакомы съ иностранными языками болѣе, нежели другіе Европейцы. Это знакомство принадлежало всемъ классамъ безъ исключенія, и приобреталось навывкомъ, безъ опредѣленной наукою методы. Хотя простое знакомство съ иностранными языками никакъ не можетъ идти въ сравненіе съ основательнымъ, систематическимъ изученіемъ языковъ, однако и оно не почитается современными филологами за фактъ совершенно ничтожный въ умственной жизни народа). Значительно менѣе было число узнававшихъ чужіе

*) Cp. Ueber die Stellung der vergleichenden Sprachwissenschaft in mersprachigen Ländern, von Schleicher, Prag, 1871, стр. 13: «Die Vertrautheit mit uns im täglichen Verkehr lebendig entgegenstehenden Sprachen ist ein ungleich grössere»

языки въ путешествіяхъ. Этотъ недостатокъ замѣнился изученіемъ языковъ нашими миссіонерами, которыми нельзя не отдать полной справедливости: свѣдѣнія, приобретаемыя ими, были продолжительныя, извѣстія о чужихъ языкахъ точныя. Озаряя свѣтомъ народы невѣрные, Русскіе въ свою очередь принимали просвѣщеніе, развившеся на югѣ Европы гораздо ранѣе, нежели на востокѣ и западѣ ея. Сочувствуя южно-Европейской образованности, они изучали языкъ Греческій; свойства его были предметомъ особеннаго вниманія, какимъ пользовались и произведенія, писанныя на этомъ языкѣ. Зная Греческій языкъ, предки наши не были равнодушны и къ его обычному спутнику въ исторіи просвѣщенія Европейскихъ народовъ — языку Латинскому. Но всѣхъ выше цѣннѣйшій и постоянно употребляемый былъ родной языкъ. На немъ раздавалась пѣсня и дѣлалось преданіе старины; отъ колыбели и до могилы родныя звуки окружали Русскаго человѣка. Цыганскій же, общедоступный языкъ оставался незамѣненнымъ орудіемъ и выраженіемъ образованности.

Въ предложенномъ очеркѣ мы старались представить въ совокупности данныя, которыми можетъ быть объяснено нѣсколько чертъ нашего минувшаго быта. Сообразно съ условіями «очерка», мы должны были приводить факты наиболѣе характеристическіе, будучи убѣждены, что пополненію фактами какихъ бы то ни было свѣдѣній нельзя назначить предѣлы. Намъ остается желать, чтобы неназванные нами факты служили не опроверженіемъ высказанныхъ въ очеркѣ мыслей, а подкрѣпили бы ихъ новыми доказательствами.

als die, welche wir uns in der schule erwerben bei sprachen, die im späteren leben nur verhältnissmässig seltener in rede und schrift zur anwendung kommen. schreiben wir mit recht der erlernung mererer sprachen einen geistesbildenden einfluss zu, so wird da jene eigenthümliche geistsgewantheit, die bei dem gebrauche fremder sprachen erforderlich ist, in ungleich höherem masse erworben, wo in zwei sprachen gelebt wird, als da, wo sprachen in der schule erlernt werden.»

Самымъ вѣрнымъ путемъ къ избранной цѣли считали мы изученіе фактовъ, сохранившихся отъ той эпохи, когда быть, привлекающій къ себѣ въ наше время вниманіе науки, возбуждалъ не желаніе изслѣдовать его и объяснять, а живое сочувствіе людей, для которыхъ онъ былъ дѣйствительностью. Тѣмъ безпристрастнѣе свидѣтельства ихъ о томъ, изъ чего не желали извлекать какой либо идеи или теоріи, а что высказывалось невольно, по врожденному стремленію человѣка высказать то, что лежитъ у него на душѣ, надъ чѣмъ приходилось ему позадуматься, или что передать другимъ требовала его совѣсть. Поэтому мы признавали необходимымъ обращаться всегда къ несомнѣнному свидѣтельству фактовъ, и по возможности брать изъ нихъ только то, что они дѣйствительно даютъ. Мы рѣшительно далеки были отъ желанія дать просторъ заранѣе мелькнувшей идеѣ, и еще далѣе — чувству. Съ одною мыслью не могли мы разстаться въ теченіе всего труда, съ мыслью — ближе узнать то, что «было и былью по-росло», по прекрасному выраженію народной поэзии, которая вмѣстѣ съ тѣмъ сознаетъ, что то, «что будетъ, будетъ не по старому, а по новому»^{*)}.

^{*)} Русскія народныя сказки, изд. Сахаровымъ, 1841, стр. 95.

ПАМЯТНИКИ ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ,

ИХЪ СПИСКИ, ЧТЕНІЯ И ОБЪЯСНЕНІЯ.

ПОСЛАНИЕ

МИТРОПОЛИТА ІОАННА II.

(ПРИГОТОВЛЕНО КЪ ИЗДАВІЮ В. И. ГРИГОРОВИЧЕМЪ).

Посланіе Митрополита Іоанна къ Папѣ Клименту III, изданное Калайдовичемъ въ числѣ памятниковъ XII столѣтія, обратило уже на себя по многимъ поводамъ вниманіе ученыхъ¹⁾. Кротость выраженій, обращаемыхъ къ первосвященнику. Запада, ясность и выборъ спорныхъ пунктовъ и основательности доводовъ, дѣлая это посланіе поучительнѣйшимъ памятникомъ древности, раскрываютъ вмѣстѣ высокое значеніе православнаго іерарха, призваннаго охранять Славяно-Русскую паству отъ притязаній, пагубное вліяніе которыхъ на Славянскую народность обнаружила исторія. Важный по содержанію этотъ памятникъ не совсѣмъ вѣрно относимъ былъ къ XII столѣтію и къ митрополиту Іоанну IV. Профессоръ К. А. Неволлинъ первый, сообразивъ историческія данныя, навелъ на подлинное отношеніе сего Посланія. Въ изслѣдованіи достойнаго ученаго приведены весьма основательные доводы тому, что это Посланіе, обращенное къ Клименту III, не могло быть писано другимъ Митрополитомъ, кромѣ Іоанна II. Эти доводы, кажется мнѣ, находятъ подтвержденіе въ самомъ Греческомъ текстѣ его. Именно въ самомъ началѣ Греческаго текста²⁾ упомянуто о не-

¹⁾ См. Н. Руднева, О ересьяхъ и расколахъ въ Русской Церкви. Москва, 1895 г., стр. 235. — Записки Профессора К. А. Неволлина о Митрополитѣ Іоаннѣ II, въ Извѣстіяхъ Академіи Наукъ, томъ II, стр. 93—101.

²⁾ См. прилѣжаніе 7-е.

благочестивыхъ поступкахъ предшествовавшихъ папъ и объ умѣренности новаго папы. Это упоминовеніе какъ нельзя лучше относится къ Льву IX и Григорию VII, притязанія которыхъ окончательно нарушили единство Церкви и всего болѣе повредили Славянамъ. Если притомъ сообразить, что императоръ Генрихъ IV былъ въ родствѣ и сношеніяхъ съ Русскими князьями ³⁾, то не безъ основанія будетъ предположеніе, что поставленный имъ въ папы архіепископъ Равенскій Wibertus подъ именемъ Климента III (1080 — 1100) могъ обращаться къ іерархамъ Русской Церкви. Нельзя также пропустить безъ вниманія и того обстоятельства, что тотъ же папа искалъ приверженцевъ въ Чехіи и Польнѣ ⁴⁾. Посланіе слѣдственно Іоанна, отличавшаго умѣренность сего папы въ сравненіи съ предшественниками его, могло быть внушено обстоятельствами Западной Церкви, возникшими въ слѣдствіе борьбы Генриха IV съ Генрихомъ VII. Поэтому надпись его въ Греческомъ текстѣ есть лучшее указаніе на время сочиненія.

Приготовляя къ издавію Греческій текстъ и древній Русскій его переводъ, нахожу необходимымъ предварительно сдѣлать нѣсколько объясненій. Греческій текстъ заимствованъ изъ рукописи, которая кажется имъ древнѣе всѣхъ извѣстныхъ ⁵⁾. Она на пергаментѣ въ 8-ю долю и принадлежала прежде Святогорскому Иверскому монастырю. Думаю, что она ранѣе XIII столѣтія. Русскій переводъ Посланія сдѣланъ, кажется, позже; но крайней мѣрѣ древнѣйшая его рукопись XIV столѣтія носитъ ясныя тогда признаки. Печатавъ этотъ переводъ, полагаю, что сдѣлалъ его ясное, сообразуясь съ Греческимъ текстомъ. Именно: въ скобкахъ поставилъ я слова или лишнія, или пропущенныя противъ Греческаго текста; значительныя пропуски обозначалъ

³⁾ См. Карамзинъ И. Г. Р., изд. 1818 г., т. II, стр. 102, и примѣч. 157-а.

⁴⁾ См. Phil. Jaffé Regesta Pontificum ab condita Roma usque ad ann. MCXCVIII. p. Chr. Berolini. 1851. — Wibertus (Clemens III antipapa 1080. 1100). Ego suomenia 1086 года съ Вратиславомъ, Чешскимъ королемъ.

⁵⁾ См. Jacobi Morelli Bibliothecae Regiae D. M. Venetiarum Custodis Bibliotheca Manuscripta Graeca et Latina. Bosuni, MDCCCII, p. 103. — Codex chartaceus, sec. XV, in 4°. — Ioannis Mitropolitae Russiae Epistola ad Clementem IV, ut videtur, scripta de differentia dogmatum fidei Russos et Latinos, est etiam in codicibus Regiis Parisiensibus, in Caesareo Vindobonensi aliisque. — Рукопись Синодальной Библиотеки XIV на клоч. бумагѣ. О прочихъ рукописяхъ см. выпускъ изъ Гарлесса въ Извѣстіяхъ Акад. 1833 г., лист. 7.

⁶⁾ См. Ad. de Starzewski Historiae Ruthenicae Scriptores exteri, saec. XVI. vol. I, стр. 22, 23.

⁷⁾ Памятники Россійской Словесности XII вѣка, стр. 209 — 218.

знакомъ — ; наконецъ, размѣстивъ нѣсколько иначе знаки препинанія, я внесъ въ текстъ нѣсколько вариантовъ, изъ тѣхъ, которые Калайдовичъ привелъ на поляхъ книги. Всѣ эти измѣненія объяснены въ примѣчаніяхъ. Сверхъ того, для болѣе точнаго опредѣленія Русскаго текста приведены чтенія изъ Латинскаго перевода Герберштейна, который, какъ изъ сего явствуетъ, имѣлъ предъ собою только Русскій переводъ.

Главное измѣненіе, которое я позволилъ себѣ сдѣлать, касается орографіи Русскаго перевода. Калайдовичъ, напечатавъ его гражданскими буквами, сдѣлалъ ее крайне сбивчивою. Чтобы приблизительно вѣрно возстановить ее, я привелъ въ основаніе орографію церковныхъ памятниковъ Русской рецензій. Сообразно съ этимъ я ставилъ ѡ въ корняхъ и приставкахъ вездѣ; кромѣ окончанія на (ша); это ѡ однакожь замѣняетъ ѡ и въ древнихъ рукописей; ѡ замѣняетъ всѣ прочія ѡ, соответственно древнему Славянскому языку; вмѣсто оу ставилъ у, а вмѣсто ѡ букву и послѣ г, к, х (кромѣ нѣкоторыхъ словъ), ѡ ставилъ въ 3-хъ лицахъ настоящаго времени и наконецъ соблюдалъ порядокъ ѡ, ѡу, ѡи вмѣсто ѡи, ѡу, ѡи.

Возстановивъ такимъ образомъ орографію сего памятника такъ, какъ этого требовала современная ему Русская рецензія церковныхъ памятниковъ, кажется мнѣ, я сдѣлалъ въ немъ перемѣнъ не болѣе чѣмъ Калайдовичъ, введшій неволью однимъ примѣненіемъ гражданскихъ буквъ много непоследовательности. Слѣдуя сему образу писанія, руководствуюсь особенно тѣмъ мнѣніемъ, что Русская рецензія, судя по главнымъ ея признакамъ, образовалась изъ древнѣйшей и, слѣдственно послѣ нея, древнѣе Болгарскихъ, обозначенныхъ мною ѡ и ѡ в Сербской, которой характеръ есть ѡ. Ея возниканіе восходитъ до начала XI столѣтія. Если это оправдается, то изслѣдованіе церковныхъ памятниковъ Русской рецензій грамматическое и лексикальное должно составить особый отдѣлъ въ исторіи Церковно-Славянскаго языка, объѣдающий, какъ мнѣ кажется, обильные предметы для наблюдательности.

Заключая предварительныя замѣчанія, я полагаю, что тщательное разсмотрѣніе текста, приведши меня къ болѣе удовлетворительному объясненію нѣсколько темнаго перевода, будетъ благосклонно замѣчено тѣмъ, которые считаютъ изданіе отечественныхъ памятниковъ въ числѣ первыхъ задачъ Славянской филологіи.

Τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου Μητροπολίτου
Ῥωσίας πρὸς Κλήμεντα Πάπαν Ῥώμης.

Ἀπεδεξάμην τὴν ἐν Κυρίῳ ἀγάπην σου, ὃ τοῦ Θεοῦ ὡς ἀληθῶς ἄνθρωπε, καὶ τῆς καθολικῆς ἀξιε καθέδρας καὶ κλησεως, ὅτι καίτοι πόρῳ καθήμενος τῆς ἡμετέρας εὐτελείας καὶ χθαμαλότητος τοῖς ἀγάπης πτεροῖς φθάνεις ἄχρις ἡμῶν καὶ προσαγορεύεις γνησίως καὶ φιλικῶς καὶ ὑπερούχῃ πνευματικῶς, καὶ τὰ τῆς ἡμετέρας πίστεως τῆς ἀνωμήτου καὶ ὀρθοδόξου διδάγματα ὑπεραποδέχη καὶ ἐκθειάζεις, ὡς ἱερός ἀνὴρ καὶ τὰ πάντα τίμιος καὶ ἐνάρετος ἐπίσκοπος τῆς σης ἱερότητος ἀπήγγειλε καὶ σαφῶς ἡμῖν διετράνωσεν. Ἐπεὶ οὖν οὕτως ταῦτα καὶ τοιοῦτος ἡμῖν ἐκ Θεοῦ προεβλήθη ἀρχιερέυς οὐ κατὰ τοὺς μικρὸν ἔμπροσθεν αὐτόθι ἀρχιερατεύσαντας παραχάκτητα τῆς ἀληθείας, καὶ κιβδηλεύοντας τὴν εὐσέβειαν, διὰ τοῦτο κ' ἄγω ὃ τὰ πάντα ἐλάχιστος προσαγορεύω σου τὴν ἱερὰν κεφαλὴν καὶ νοερῶς ἀντισπάζομαι καὶ εἰς μοι μάλα χαίρων καὶ πρὸς τῆς ἀνωθεν ὑπερτάτου παντοδυναμίου χειρὸς φυλαττόμενος πάντοτε, καὶ δῶη ὃ φιλοικτίρμων καὶ ἐυδιάλακτος καὶ ἐλεήμων Θεὸς ἐπιδιόρθωσιν δέξασθαι τὰ μεταξὺ ἡμῶν καὶ ὑμῶν. Οὐκ οἶδομεν καὶ ὅπως ἀναφίεντα καὶ ἀνακίφρατα σκάνδαλα καὶ κολύματα τῆς θείας ὁδοῦ, ὡπως καὶ τίνα τρόπον οὐ μίχρη νῦν διόρθωσιν εἴληψε καὶ πάνυ θαναμάζω. Οὐκ οἶδα γὰρ ποῖος δαίμων πονηρόστε καὶ βάσκανος ἀληθείας ἐχθρὸς καὶ εὐσεβείας πολέμιος τὰ τοιαῦτα ἐκαινοτόμησε καὶ τὴν ἀδελφικὴν ἡμῶν ἀγάπην καὶ σύμπνοιαν τῆς ὅλης ἀπέρρηξε τῶν χριστιανῶν ὁμηγύρεως. Οὗτο καθόλου φημί, χριστιανούς γὰρ ὑμᾶς Θεοῦ χάριτι ἀνωθεν ἴσμεν καὶ ἐν πολλοῖς λίαν ἀποδεχόμεθα, ἀλλ' ὅτι

μη συμφέρεσθαι κατὰ πάντα ἡμῖν ἀλλ' ἐν τισιν ἀποσχίζεσθαι σκόπει δε οὕτως. Ἐπτά πάσαι ἁγίαι καὶ οἰκουμενικαὶ σύνοδοι παρὰ πάντων ἀνωμολόγηται, υφ' ὧν ἡ εὐσεβῆς καὶ ὀρθόδοξος ἡμῶν τῶν χριστιανῶν πίστις καὶ ἡρευνήθη καὶ ἐδιδάχθη τὸ στερέωμα καὶ τὸ κύρος μετὰ πάσης πληροφορίας καὶ αποδείξεως ἤληφεν ἀναμφιλέκτως καὶ καθαρῶς. Καὶ αὐταὶ ἦσιν αἱ ἑπτὰ τῆς τοῦ Θεοῦ λόγου σοφίας στύλοι ἐφ' αἷς τῶν ἑαυτῆς ἁγίων οἶκον, τὴν καθολικὴν καὶ οἰκουμενικὴν ἐκκλησίαν καλῶς ἰδομήσατο. Ταύταις ταῖς ἱεραῖς ἀγίαις καὶ οἰκουμενικαῖς ἑπτὰ συνόδοις πάντες οἱ πρόεδροι καὶ διάδοχοι τῆς ταῦ κορυφαίου Πέτρου καθέδρας ὁμοφρόνως ἐπηκολούθησαν καὶ ὁμοφώνως συνήνεσαν, οἱ μὲν αὐτοπρόσωποι παρόντες καὶ συναίνουντες τοῖς πραττομένοις καὶ τοῖς λεγομένοις συμμαριζόμενα, οἱ δὲ τούτους οἰκειστάτους καὶ ὁμοδόξους αὐτοῖς ἀποστέλλοντες καὶ συμπράττοντες καὶ πάντων ἀπλῶς ἐκ τῆς ἀποστολικῆς θείας καθέδρας βεβαίως ἐπισφραγιζοντες. Συνήνεσαν οὖν ἐν μὲν τῇ πρώτῃ ἀγία καὶ οἰκουμενικῇ συνόδῳ Σίλβεστρος, ἐν τῇ δευτέρῃ Δάμασος, ἐν τῇ τρίτῃ Κελεστίνος, τῆς δὲ τετάρτης ἀγίας καὶ οἰκουμενικῆς συνόδου ὁ ἀγιώτατος καὶ ἀοιδιμος πάπας Λεων ὑπῆρχετο στήριγμα καὶ τὴν τοῦτου ἀγίαν καὶ σοφοτάτην ἐπιστολὴν ἦν πρὸς Φλαβιανὸν ἐποίησατο, στήλην ὀρθοδοξίας ἀνόμασαν ἅπαντες ὅσοι κατὰ τὸν χρόνον ἐκείνον ἐν τῇ συνόδῳ διέλαμπον, ἐν δὲ τῇ πέμπτῃ παρῆν ὁ Βιγίλιος, ἐν δὲ τῇ ἕκτῃ Ἀγάθων συνήνεσαν ἀνὴρ τίμιος καὶ τὰ θεῖα σοφός, ἐν δὲ τῇ ἑβδόμῃ ἀγία καὶ οἰκουμενικῇ συνόδῳ ὁ ἀγιώτατος πάπας Ἀδριάνος συναίνει καὶ φθέγγεται διὰ τῶν ἀποσταλέντων παρ' αὐτοῦ ἀγίων καὶ θεοφορῶν ἀνδρῶν Πέτρου πρωτοπρεσβυτέρου καὶ καθηγουμένου τῆς ἀγίου Σαββα μονῆς τῆς κατὰ Ῥώμην διακειμένης. Τούτων σὺν οὕτως ἐχόντων, πόθεν τὸ σχίσμα καὶ ὁ διασπασμὸς ὁ ἐν μέσῳ γεγένηται, τις ὅς τὰ τοιαῦτα καὶ τηλικαῦτα ζιζάνια πρῶτος τῇ Ῥώμῃ ἐπέσπειρε. Πολλὰ γὰρ εἰσὶν ἃ παρ' ἡμῶν τόλματα καὶ πράττεται, ἐξῶν ὀλίγα τινὰ ἐγράψαμεν τῇ ἀγάπῃ σου. Πρῶτον μὲν οὖν τὴν τοῦ

σαββάτου νηστείαν ἐκθεσμως τελείτε, ἐπει τὰ τὴν τῶν νηστείων πρώτην ἐβδομάδα τῆς ἕλλης νηστείας ἀποτεμοντες καὶ περικόψωντες εἰς γαλακτοποσίας καὶ τυροῦ τροφήν καὶ τὴν τῶν ὁμοίων ἀδδηραγία τους λαους καθέλκετε καὶ τοῦς νομίμω γάμω γυναιξὶ συνοικοῦντας ἱερεῖς ἀποστρέψετε καὶ μυσέτεσθαι, τοὺς ἀπὸ πρεσβυτέρων μύρω χρισθέντας ἀμυρῖξιν ἀνθὶς τολμάτε ὡς οὐκ ἔξον ἱερῶσι ἀλλ' ἐπισκόπον τοῦτο ποιεῖν, ἐπιλεγείη — τὸ τῶν ἀζύμων, ὁ φανερῶς ἐστὶ τῆς Ἰουδαϊκῆς λατρείας καὶ πίστεως· ἀλλ' ὁ γε πάντων ἐστὶ τῶν κακῶν καὶ κορυφή καὶ εἰς τοῦτο ἀνεληλύθατε πρὸς γὰρ τοῖς εἰρημένοις ἀτοπήμασι καὶ τὸ ἱερὸν καὶ ἅγιον σύμβολον ὃ πᾶσι τοῖς συνοδικοῖς καὶ οἰκουμενικοῖς ψιφόσμασιν ἄμαχον ἔχει τὴν ἰσχυρὴν καὶ τὸ κράτος, ἡμεῖς καὶ τοῦτον οδένειν ἐπεχειρήσατε τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον οὐκ ἐκ τοῦ Πατρὸς μόνον ἀλλὰ καὶ ἐκ τοῦ Υἱοῦ ἐκπορεύεσθαι καταλογίσαντες. Ταῦτα καὶ πλείω τούτων πολλῆς τῆς μερίμνης καὶ διορθώσεως χρῆζουσι καὶ χρῆ τὴν συνειρότητα πρὸς τὸν τῆς Κωνσταντινουπόλεως ἀγιώτατον πατριάρχην καὶ σύμαδελφὸν κατὰ πνεῦμα ἐπιστελαὶ καὶ πύσαν σπουδὴν εἰς σενέγκασθε ὡς τελυθῆναι τὰ σκανδαλα καὶ εἰς μιαν ἡμᾶς ἔνωσιν γενέσθαι καὶ συμφωνίαν πνευματικὴν, καθὼς καὶ ὁ μακάριος Παῦλος παρανεῖ λέγων· παρακαλῶ δὲ ὑμῖς ἀδελφοὶ διὰ τοῦ ὀνόματος τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ἵνα τὸ αὐτο λέγητε καὶ ὁμολογῆτε πάντες καὶ μὴ ἦ ἐν ὑμῖν σχίσματα ἥτις δὲ κατηρτισμένοι ἐν τῷ αὐτῷ νοῦ καὶ ἐν τηαυτῇ γνώμῃ. Ἐξ δὲ οὐκ ἔστι τῶν ἐγκλημάτων τοσαῦτα γὰρ τέως, ἐκ πλείονων ἔν περ ἠκούσαμεν ἐν τῷ πρὸς σε γράμματι ἐσημάνωμεν, ἅν πρώτως δέχη καὶ πρῶτος καὶ μετ' ἐπιεικείας ἐπιεικῶς, ὑστερόν καὶ περὶ τῶν ἄλλων διαληφόμεθα. Εἰ γὰρ ταῦθ' οὕτως ἔχει καθάπερ ἠκούσαμεν, ὃ ἱερε παπα, ἀκριβῶς ἴσθι καὶ πέπεισο ὅτι οἱ τῶν ἁγίων ἀποστόλων κανόνοι ἔτι δε καὶ οἱ τῶν ἁγίων καὶ οἰκουμενικῶν συνοδοὶ, αἷς ἀρχαῖοι τῆς παλαιᾶς Ῥώμης πατριάρχαι συνήνεσαν, παραβαίνον παρ' ὑμῶν ὡς αὐτικα λεχθήσεται. Κείσθω δὲ πρῶτον τὸ τῆς νηστείας τοῦ σαββά-

του ἀμάρτημα· καὶ γὰρ ὁ τῶν ἁγίων ἀποστόλων τέταρτος καὶ ἐξηκοστός κανὼν τοῖς ἐν τοῖς σάββασι νηστεῖαν ἐπιτηδύωντας οὕτω φη· Ἔιστις κληρικὸς εἰρεθῆ τὴν κυριακὴν ἡμέραν νηστεύων καὶ τὸ σάββατον, πληρ τοῦ ἑνὸς μόνου, καθαιρείσθω, εἰ δὲ λαϊκὸς εἴη ἀφορίζεσθω. Ἀλλὰ μὴ καὶ τὸ δευτερον αἰτίμα τῆς τῶν ιακωβιτῶν καὶ ἀρμένιων νηστεύων αἰρεσιως καὶ τῶν ὀρθοδόξων Χριστιανῶν τελείως ἀπόβλητον, λέγω δὴ τὸ τυρὸν ἐσθίειν καὶ ὄμω ρωρεῖν καὶ γαλα πινεω ἐν τῇ ἁγίᾳ καὶ μεγάλῃ τεσσαρακοστῇ, τίς γὰρ ἀν χριστιανὸς τιοῦτον τολμησῶν ἢ ὄλωσ ἐνδυμηδέη, καὶ γὰρ καὶ τοῦτο τῶν εὐσεβῶν ἀπόβλητον. καὶ ἀναγνώδι κανόνα ἕκτον καὶ πενηκοστὸν τῆς ἁγίας καὶ οἰκουμενικῆς ᾧ συνόδου, ταῦτη δὲ ἀγάθων ὁ ὑμέτερος πάπας συνήνεσεν, ἀκουε τοίνυν τοῦ κανόνος αὐτοῦ· ὡσαύτως μεμνηθήκαμεν καὶ ἐν τῇ τῶν ἀρμενίων χώρα καὶ ἐν ἑτέροις τόποις ἐν τοῖς σαββασι καὶ ἐν ταῖς κυριακαῖς τῆς ἁγίας τεσσαρακοστῆς τῶν νηστεύων ἡμεραις ὡς καὶ τυρὸν ἐσθίειν τινός. ἔδοξε τοίνυν καὶ τοῦτο ὡς τὴν κατὰ πάσαν οἰκουμένην τῷ Θεοῦ ἐκκλησίαν μὴ κατακολουθοῦσαν τάξει τὴν νηστεῖαν ἐπιταττειν καὶ ἀπέχεσθαι ὡσπερ θυτοῦ παντοίου οὕτω δὴ καὶ ὄμω καὶ τυροῦ, ἃ κάρπος εἰσι καὶ γενήματα τῶν, ὧν ἀπέχεόμεθα εἰ δὲ μὴ ταῦτο παρφυλαττειν, εἰμην κληρικοὶ εἴεν κωδάρεισθωσαν, εἰ δὲ λαϊκοὶ ἀφορίζεσθωσαν. Τρίτον ἐγκλημα τὸ περὶ τῶν ἱερέων ἐστίν, ὅτι βδελύττεσθα τὸ ἀποχειρὸς τούτων κοινωνίας μεταλαμβάνειν. ἀκουε τοίνυν τί καὶ περὶ τούτου τοῦ κεφαλαίου λέγει ἡ ἁγία καὶ ἐνσεβῆς σύνοδος τῶν ἐν Τάγρᾳ συνελλυθῶτων ἁγίων καὶ θεοφόρων πατέρων. περιέχεται τοίνυν ἐν τῷ τετάρτῳ κανόνι καὶ θεσπίσματος τῶν τοιούτων ταῦτα. Εἰ τις διακρίνοι τὸ παρὰ πρεσβυτέρου γεραμηκότος ὡς μὴ χρῆναι λειτουργήσαντος αὐτοῦ προσφωρᾶς μεταλαμβάνειν, ἀνόθεμα ἔστω. ὡσαυτως δὲ καὶ εἴ τις πρεσβύτερος ἢ διάκονος ἢ ὄλωσ τοῦ καταλόγου τοῦ ἐκκλησιαστικοῦ, ἢ ἕκτη σύνοδος λέγει τὴν ἑαυτοῦ γυναῖκα προσφῶσει ἑυλαβεως ἐκβάλλει ἀφορίζεσθω, ἐπιμενων δὲ, καθαι-

ρίξθο. Τεταρτον ἀμάρτημα ὁ ἀναμυρισμὸς τῶν ἤδη βα-
 βαπτισμένων καὶ μερωρισμένων, πῶς γὰρ καὶ τοῦτο οὐ κα-
 τοπον τοῦ ἱεροῦ συμβόλου τῆς πίστεως πάντοτε καὶ παντα-
 χοῦ καὶ παρ' ἐκάστου τῶν πιστῶν οὕτως ἐκφωνουμένου καὶ
 λεγομένου ὁμολογῶ ἐν βαπτισμα εἰς ἄφεσιν ἀμαρτιῶν· εἰ
 οὖν ἐν βάπτισμα ἐστὶ καὶ ἐν ἀρα μύρον ἅγιον ἐπὶ τῷ αὐτῷ
 ὑπάρχει βαπτίσματι οὐ διη ρημένῳ καὶ ἐν ἑτέρῳ καιρῷ ἀλλ'
 ἐν αὐτῷ μετὰ τῶν ἱερεῶν ὁμοίως καὶ τῶν ἐπισκόπων ἐπιτε-
 λουμένον. Πέμπτον ἀτόπημα ὑμῶν το τῶν ἄζυμων ὁ ἐκ
 πολλῶν αἰρέσεων τὴν ἄρχην καὶ τὴν ῥίζαν ὡς ἀποδείξομεν
 εἴληφεν· ἀλλ' ἐπειδὴ τοῦτο τὸ Ζήτημα πολλῶν λόγων καὶ
 ἀποδείξεων ὑπάρχει δεόμενον, ἐν ἑτέρῳ καιρῷ σοι περὶ τοῦτου
 διαλεξόμεθα· νῦν δὲ τοσοῦτον λέγομεν μόνον ὅτι τὰ ἄζυμα
 τοῖς ἔβραίοις ἐπιτελεῖται εἰς ἀνάμνησιν τῆς ἐξ αἰγύπτου φυ-
 γῆς· ἡμεῖς δὲ σπέρμα χριστιανῶν ἐσμὲν καὶ οὐδενὶ δεδου-
 λεύκαμεν πάποτε αἰγυπτίων τυράννῳ· ἀλλὰ καὶ τοιαύτας
 ἰουδαϊκὰς παρατηρήσεις, σαββατισμοὺς λέγω, καὶ ἄζυμα καὶ
 περιτομὴν περιφρονεῖν ἐκελεύσθημεν· καὶ ὁ φυλάτιων ἐν τῶν
 τοιούτων, ὡς φηὶ ὁ θεὸς ἀπόστολος ὀφειλέτης ἐστὶν ὅλον
 τῶν νόμον πληρῶσαι τὸν ἰουδαϊκόν· Τοῦ αὐτοῦ πάλιν ἀπο-
 στόλου λεγοῦτος Παῦλου ἀδελφοὶ ἐγὼ παρέλαβον ἀπὸ τοῦ
 « κυρίου ὁ καὶ παρέδωκα ὑμῖν, ὁ γὰρ κύριος τῇ νυκτὶ ἧ πα-
 ρεδίδετο λαβῶν ἄρτον ἐυλογήσας ἁγιάσας κλάσμα ἔδωκε
 « τοῖς ἁγίοις αὐτοῦ μαθηταῖς καὶ ἀποστόλοις. εἰπὼν λάβετε
 « φάγετε· πρόσχει τῷ ῥήματι οὐκ εἰπελαβὼν ἄζυμον ἀλλὰ
 ἄρτον ἐπεὶ κατὰ τὸν καιρὸν ἐκείνον οὐδὲ ἄζυμον ἦν
 οὐδὲ πάσχα ἐπετελεῖτο, οὐδὲ αὐτὸς ἤσθη τότε τὸ νομικὸν
 πάσχα ἵνα ἄζυμον δώσῃ τοῖς μαθηταῖς, καὶ δῆλον ἐντεν-
 θεν· τὸ μὲν γὰρ πάσχα τὸ ἰουδαϊκὸν ἱσταμένων ἐπετελεῖτο.
 περὶ αὐτοῦ δὲ φηὶ ἡ γραφὴ ὅτι ἀνέκειτο μετὰ τῶν δώδεκα
 καὶ περὶ τοῦ μαθητοῦ ὅς καὶ ἀνέπεσεν τῷ δειπνῶ ἐπὶ τὸ
 στῆθος αὐτοῦ καὶ αὐτὸς δὲ φη. ἐπιθυμία ἐπεθύμησα τοῦτο
 τὸ πάσχα φαγεῖν μεθ' ὑμῶν, ποιὸν λέγω; τὴν του καιροῦ
 μυστηρίου παραδοσιν. τὸ γὰρ ἰουδαϊκὸν πάσχα πάντα τὸν

ἔμπροσθεν χρόνον ἤσθιεν αὐτός καὶ οἱ μεθῆται, πως οὖν ἐπεθύμησεν ὅπερ ἤσθιεν· πῶς δὲ ἔλεγε τοῦτο, ἐν τῷ γὰρ εἶπεν τοῦτο ἄλλο ὄν ἐκείνο τὸ ἰουδαϊκὸν ἐδήλωσε. Καὶ πάλιν τοῦτο· ποιεῖτε εἰς τὴν ἐμὴν ἀνάμνησιν, οὐκ εἶπεν ἐκείνο τῶν ἔβραίων τὰ ἄζυμα, ἀλλὰ τοῦτον τὸν ἄρτον ὃν δέδωκα ὑμῖν· ὅτι δὲ ἄρτος ἦν ἀληθῶς καὶ οὐκ ἄζυμον σαφῶς ἀποδέδεικται. Ἀλλὰ καὶ περὶ τοῦ Ἰουδα φη· ὃ βάψας τὸ ψωμίον ἐπίδωσω, αὐτός ἐστιν ὁ παραδίδους με. Ἐἶδε λέγετε διὰ τοῦτο ἄζυμον ἐπιτελεῖν διὰ τὸ ἀμιγῆς ἐν ὕλου πάντος καὶ καθαρὸν τῆς θεότητος, λανθάνεται εἰς τὴν αἵρεσιν ἐμκιπτοντες τῶν ἀρχαίων αἰρετικῶν οὐάλεντος καὶ μάνεντος ἔτι δὲ ἀπολιναρίου τοῦ λαοδικεῦ καὶ Παύλου τοῦ σύρου τοῦ σαμοσατείως Εὐτυχούς Διοσκόρου, Σεβήρου, τῶν ἐπὶ τῆς ἀγίας ἔκτης συνόδου ἀναφέντων μονοθελήτων Σεργίου, Παύλου, Πύρρου καὶ τῶν σὺν αὐτοῖς. Ἐν τούτοις γὰρ ἅπασιν ὁμοίως ἐμπνευσεν ὁ διάβολος καὶ πάντων σχεδὸν ἡ αἵρεσις μία ἀρνούμενων τὴν τελείαν ἐκκαθάρτησιν καὶ καθ' ὑπόστασιν ἕνωσιν τοῦ ἐνὸς Σοτήρος Χριστοῦ τοῦ ἀληθινοῦ θεοῦ ἡμῶν. Ἀλλὰ περὶ μὲν τούτων ὡς ἔφημεν, ἂν καὶ σὺ βουλευτὸν ἦ καὶ θεῶ ἀρεστὸν ἐν ἐτέρῳ καὶ πλατύτερον λέξομεν, εἰ τὸ ζῆν ἡμῖν ἐν τῷ δὲ τῷ βιω παρέχει ὁ τῆς ζωῆς χωρηγός. Νῦν δὲ καὶ ἐπὶ τὸ ζ κεφαλῶν ἐλθῶμεν τοῦτο δὲ ἦν ἡ περὶ τοῦ ἁγίου Πνεύματος βλασφημία, ὅτι λέγετε: πιστεύομεν εἰς πατέρα καὶ Ἰῶν καὶ τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον τὸ ἐκ τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Ἰῶ ἐκπορευόμενον. Θαυμαστὸν γὰρ ἢ μᾶλλον εἰπεῖν φοβερόν πῶς ἐτολμήσατε αὐτῶν ἐκείνων τῶν τῆ ἀγίων πατέρων καὶ τῶν ἐκτοτε οἰκουμενικῶν ἀγίων συνόδων τὴν πίσιν μεταποιῆσαι, ἥτις ἀπὸ περάτων ἕως πέρατων τῆς οἰκουμένης ἐν πάσαις ταῖς τῶν χριστιανῶν ἐκκλησίαις ὁμοφώνως αἰθεταί, λέγοντων· πισύνομεν καὶ εἰς τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον αὐτὸ κύριον καὶ ζωποιόν τὸ ἐκ τοῦ Πατρὸς ἐκπορευόμενον αὐτὸ σὺν Πατρὶ καὶ Ἰῶ σὺνπροσκυνοῦμενον καὶ σὺνδοξαζόμενον. Διὰ τι οὖν οὐ λέγεται καὶ ὑμεῖς οὕτως ὡς πάντες οἱ χριστιανοί, ἀλλὰ προσθήκας ἐπινοεῖτε καὶ νέας διδασκα-

« λίας ἡμῖν εἰσάγετε, τοῦ ἀποστόλου λέγοντος, εἴτις εὐαγγελί-
 « λίζεται παρ' οὗ παρελαβετε, ἀνάθεμα ἔστω, ὅπερ μὴ γέ-
 « νοιτο ἀκούσαι ὑμᾶς· φοβερὸν γὰρ ἀληθῶς τὸ ἰῶτα ἐν ἡμίαν
 « κεραίαν ἢ συλλαβὴν ἐξαλλάττειν καὶ μεταποιεῖν τῆς θείας
 « γραφῆς. Ἡ οὖν οἶδατε ὅτι τὸ τοιοῦτον μέγα σκάνδαλον
 ἴσθιν δοκεῖτε γὰρ δύο αἰτίαι καὶ ἀρχαί δύο ἐπὶ τοῦ ἁγίου
 Πνεύματος εἰσάγειν, ὑπάβιβαζοντες αὐτοῦ τὴν ἀξίαν καὶ κα-
 θαροῦντες, καὶ εἰς τὴν μακεδονίου τοῦ πνευματομάχου
 αἵρεσιν κινδυνεύοντες ἐμπεσεῖν, ὅπερ ἀπίη. Παρακαλῶ οὖν
 καὶ δέομαι καὶ προσπίπτω τοῖς ἱεροῖς ἰγχεσι σοῦ διαναστή-
 ναι καὶ περὶ τούτων ἀπάντων ἐξαιρέτως δὲ περὶ τῶν ἀζύμων
 καὶ περὶ τοῦ παρόντος ζητήματος, ὅτι τὰ μὲν περὶ τὴν
 ἁγίαν κοινανίαν τὸ δὲ περὶ τὴν τὴν ὀρθὴν πίστιν ἔχει τὸν
 κίνδυνον. Ἐβουλόμην καὶ περὶ τῶν πνευμάτων καὶ τῶν ἀκα-
 θάρτων ζώων γράψαι σοὶ καὶ περὶ τῶν μονάχων τῶν
 ἐσθιόντων τὰ κρέα, ἀλλὰ ταῦτα εἰς ὕστερον καὶ τὰ ὅμοια
 ταυτοῖς ἄπειρ, διὰ θεός, καὶ τὰ μείζονα διορθώσητε. Σὺ δὲ
 συγγράψαι μοι διὰ τὸν κυρίου ἐξ ἀγάπης πολλῆς τὰ τοιαῦτα
 συγγράψαι. Καὶ εἰ ἀληθῶς, ὡς ἠκοῦσαμεν, παρ' ὑμῖν
 πράττεται ταῦτα ἐρευνᾶτε τὰς γραφὰς καὶ εὐρὴ ὄψητε τὰ
 τοιαῦτα πάντα θεόμενα διορθώσεως. Καὶ παρακαλῶ τὴν ἐν
 κύριῳ ἀγάπην σοῦ ἐν πρώτοις μὲν, εἰ κελύσεις, γράψαι πρὸς
 τὸν ἀγιώτατον πατριάρχην ἡμῶν τὸν κωνσταντινουπόλεως
 καὶ τοὺς ἐκεῖσε ἀγιοτάτους μητροπολίτας, οἱ λόγον ζωῆς
 ἐπέχουσι ὡς φρονηθεὶς ἐν τῷ κόσμῳ λάμποντες καὶ δυνατοὶ
 εἰσι θεοῦ χάριτι τὰ τοιαῦτα καὶ συζητεῖν σοὶ καὶ διορ-
 θοῦσθαι· ἔπειτα δὲ εἰ ἀρεστὸν ἔστι σοὶ ἐνυστέρω γραφεῖς
 καὶ τῷ ελαχιστοτέρῳ πάντων ἐμοί. Προσαγορεύω σοῦ τὴν ἐν
 Κύριῳ ἀγάπην ἐγὼ Ἰωάννης, ἐλάχιστος μητροπολίτης Ῥωσίας
 καὶ πάντα τὸν ὑπὸ σε κλήρον τε καὶ λαόν, προσαγορεύουσι
 ὑμᾶς μεθ' ὑμῶν καὶ οἱ συν ἡμῖν ἀγιώτατοι καὶ θεοφιλέστατοι
 μητροπολίται πάντες καὶ καθηγουμένοι καὶ ὁ σὺν ἡμῖν
 εὐσεβὴς κληρὸς τε καὶ λαός.

ОТЪ ІОАННА МИТРОПОЛИТА РУССКАГО КЪ КЛИМЕНТУ ПАПЕЖУ РИМЬСКОМУ.

Възлюбихъ о Господи ¹⁾, любовь твою, человекѣ Божіи, и апостольскаго ²⁾ достойне сѣданыи и званыи, яко, и далече сѣда нашаа худости и смѣренныа, любовными крылы постигаеши до насъ и цѣлуеши ны яко своя ³⁾ любезно и молиши(са) ⁴⁾ духовнѣ и нашу вѣру истинную и православную юже приимъ чюдншися ⁵⁾, якоже ⁶⁾ епископъ вашего священства възвѣсти намъ. Понеже си тако и таковѣи ту священникъ бысть ⁷⁾ — ... сего ради худѣи азъ цѣлую та и честную главу и рамиѣ противу та цѣлую, и буди ми вельми радуеся и отъ вышнихъ и божественныхъ руки покрываемъ, и дан же благіи и милостивѣи Богъ при тобѣ

1) възлюбихъ — ἀπεδέξαμην, dilexi Нгв. вм. възпріахъ; о Господи, ἐν κυρίῳ; въ изданіи Калайдовича о пропущено.

2) апостольскаго — καθελαίκτης apostolica Нгв.

3) яко своя — ὑψησίως sicuti tuos Нгв.

4) молишися — ὑπερώχθη.

5) и нашу вѣру — чюдншися: мѣсто это не понималъ, кажется, уже Герберштейнъ, ибо перевелъ specialiter interrogas. По сличенію съ текстомъ Греческимъ выходитъ такъ: и нашаа непорочныа и православныа вѣры догматы приемиши и обожаеши. Юже приимъ произошло, вѣроятно, отъ смѣшенія ἕκταρ съ ὑπερ — ἀποδέχης.

6) якоже — възвѣсти намъ у Герберштейна такъ же. Сообразно съ Греческимъ текстомъ должно быть: якоже сватыи и всесчетеныи добродѣтелии мужъ твоего священства.

7) Понеже си тако и таковѣи ту священникъ бысть. И Герберштейнъ почти также понималъ эти слова. При сличеніи съ Греческимъ подлинникомъ, оказывается, что смыслъ этихъ словъ долженъ быть другой, и что тутъ пропущено важное для поясненія Посланія мѣсто. Возстановивъ смыслъ и пропуски, читаю: Понеже си тако и таковѣи ты намъ Богомъ данъ архіерей не яко ниже мало прѣже священствовавшии не подобно истинѣи и противно благочестію.

и при твоихъ духовныхъ исправитиса посредѣ васъ и насъ. И не вѣдъ откуда възникоша соблазни и възбраненъе божественнаго пути, иже что ради и како не исправинаса зѣло чюжюса сему. Не вѣмъ бо кый бѣсъ лукавый, завистивъ и истинѣ врагъ и благочестію супостатъ, иже таковаа премѣни и братьскую вашу и нашу ⁸⁾ любовь отверже ⁹⁾ всего крестыанскаго совокуплены. Не бѣхма бо реку (не крестыаны вы) ¹⁰⁾, но крестыанъ васъ Божьею благодатью изначала знаемъ ¹¹⁾.... но еже не во всемъ держите вѣру крестыанскую ¹²⁾, но во мнозѣ раздѣляетеса. Смотрите же тако (иже азь покажу) ¹³⁾. Седьмъ всѣхъ великихъ съборъ вселенскихъ отъ всѣхъ исповѣдаетса, отъ нихъ же благочестиваа и православнаа наша хрестыанскаа вѣра испытаса и изучиса, утвержденье и истину приатъ — ... ¹⁴⁾. И ти суть седьмъ съборъ Божіа мудрости (столпы) ¹⁵⁾, на нихъ же свои сватый домъ ¹⁶⁾... созда. Въ

⁸⁾ вашу и нашу любовь — *fraternam nostram*. Негѣ. Въ Греческомъ текстѣ: ἡμῶν ἀγάπην καὶ συμπνοίαν.

⁹⁾ отверже — *alienavit*. Негѣ. Въ Греческомъ текстѣ: ἀκέρρηξις — отторже; что блже согласуется съ слѣдующимъ: всего крестыанскаго совокуплены.

¹⁰⁾ не бѣхма не крестыаны вы: *dicens, vos non esse christianos*. Герберштейнъ не понялъ слова бѣхма (*καθόλου*) и перевелъ мѣсто это по догадкѣ, согласуя съ предыдущимъ периодомъ. Въ Славянскомъ переводѣ прибавлено слово *крестыанъ*, должно быть: не бѣхма (вообще) то глаголю оу то *καθόλου φημί*.

¹¹⁾ знаемъ; послѣ сего слова пропущено: и въ мнозѣхъ великии приемлемъ, *καὶ ἐν πολλοῖς λίαν ἀποδεχόμεθα*.

¹²⁾ держите вѣру крестыанскую — въ Греческомъ текстѣ нѣсколько иначе: *ἀλλ' ὅτι μὴ συμφέρονται κατὰ πάντα ἡμῖν ἀλλ' ἐν τίσιν ἀποσχίζεσθαι*.

¹³⁾ иже азь покажу — въ Греческомъ текстѣ нѣтъ.

¹⁴⁾ приатъ; предъ этимъ словомъ пропущено: *μετὰ πάσης πληροφoρίας καὶ ἀποδείξεως ἤλθεν* вѣрно и испытано приатъ, — и послѣ сего слова не переведено *αναμφιλόκτως καὶ καθαρώς* неперложно и чисто.

¹⁵⁾ столпы — *columnis* Негѣ. Это слово прибавлено мною, ибо очевидно, что оно пропущено Калайдовичемъ. Въ Греческомъ текстѣ: *στύλος*.

¹⁶⁾ домъ — *οἶκον*; послѣ этого слова не переведены слѣдующія: *τὴν καθολικὴν καὶ οἰκουμενικὴν ἐκκλησίαν*.

тѣхъ же святыхъ съборѣхъ ¹⁷⁾ вси папезеве ¹⁸⁾, достонни сватаго Петра сѣдалища, единомысленѣ въсѣхвалища и спослѣдоваша ¹⁹⁾ — ... — Въ первомъ съборѣ Силвестръ; во вторѣмъ же Домасъ; въ третьемъ Келестинъ; въ четвертѣмъ же и святѣмъ вселенствѣмъ съборѣ блаженый ²⁰⁾ папезъ Леонъ (и) бѣваше утверженъ и съ сватую мудрую епистолюю юже къ Флавяну сътвори, столпъ правовѣры нарекоша и вси, еликоже ихъ во время то въ съборѣ возниша; въ пятѣмъ же съборѣ Вигилій; въ шестѣмъ же съборѣ Агафонъ ²¹⁾, мужъ честенъ и въ божественныхъ мудръ, въ — — ²²⁾ прѣсватый папезъ Андрианъ ²³⁾, иже и посла Петра перваго презвитера (первыа и великна церкви Петра просвитера) и игумена монастыря сватаго Савы. Симъ тако бывшимъ, откуда раздори и раздѣленъе посредѣ васъ и насъ быша? Кто бо первое и таковое терніе въ ветсѣмъ ²⁴⁾ Римѣ всѣмъ? Многа бо суть и велика (ага), иже ²⁵⁾ отъ васъ дер-

¹⁷⁾ съборѣхъ; въ Греческомъ текстѣ стоятъ полѣе: ταύταις ταῖς ἱεραῖς ἀγίαις καὶ οἰκουμέναις ἐπὶ συνόδοις.

¹⁸⁾ папезеве — παπᾶς. Негъ; въ Греческомъ текстѣ сего слова нѣтъ, но видѣ его стоить слѣдующій перефразъ: πάντες οἱ πρεσβυτεροὶ καὶ διάδοχοι τῆς τοῦ μαρτυρίου Πέτρου καθέδρας, то есть: вси первоверховлици и въспремѣнни на сѣдалищи верховнаго Петра.

¹⁹⁾ въсѣхвалища и спослѣдоваша: несогласованіе этихъ глаголовъ съ предыдущимъ происходитъ отъ неточнаго перевода первыхъ словъ періода. Слѣдуя Греческому тексту, должно поставить вмѣсто: въ тѣхъ седми — тѣмъ седми съборамъ — ταύταις ταῖς συνόδοις.

²⁰⁾ блаженый папезъ; въ Греческомъ текстѣ ὁ ἀγιώτατος καὶ ἀοίδιμος; союзъ и поставилъ я въ скобкахъ, ибо онъ кѣшаетъ смыслу.

²¹⁾ Агафонъ, въ Греческомъ текстѣ прибавлено συνήγορον, то есть, въсѣхвали.

²²⁾ въ: здѣсь пропущена цѣлая строка: ἐν δὲ τῇ ἑβδόμῳ ἀγία καὶ οἰκουμένη συνόδῳ.

²³⁾ иже и посла — Савы. Въ этомъ рѣченіи есть лишнее повтореніе, которое и обозначилъ я скобками. Въ Греческомъ такъ: συναίνει καὶ φέρυγεται διὰ τῶν ἀποστολλέντων παρ' αὐτοῦ ἀγίων καὶ θεοφόρων ἀνδρῶν Πέτρου πρῶτο-πρεσβυτέρου καὶ καθηγουμένου τῆς ἀγίου Σαββα μονῆς τῆς κατὰ Ῥώμης διακριμένης.

²⁴⁾ въ ветсѣмъ Римѣ; въ Греческомъ текстѣ просто τῇ Ῥώμῃ.

²⁵⁾ ага поставилъ я въ скобкахъ, ибо его нѣтъ въ Греческомъ, букву же иа соединилъ съ слѣдующимъ же. Калайдовичъ напечаталъ такъ: ага и же.

застаю (кромя божественныхъ закрьтъ жиа и правды)²⁶⁾, отъ
нхъ же: маля нѣмамъ напишемъ любви твою. Первое: о субот-
нѣмъ, носкъ незаконно творите, потомже, истиную первую не-
дѣлю: отъ единаго нестя отсѣкающе и отрѣзающе, въ мо-
локопитѣ и сырѣдеи, и подобнаи многоднейи люди прѣ-
влячте, и законно жемащимса ереемъ тѣхъ отвращаетеса²⁷⁾;
и ниже отъ пресвитеръ муромъ помазани, пакы второе помазаете,
глаголюще²⁸⁾ яко не достоятъ сего проавитеромъ творити, не
епископомъ, оставаяю(тъ)²⁹⁾ глаголати о оцрѣсочныхъ золь,
еже, нѣсть есть жидовскаго служеныи и вѣри; но еже есть всѣхъ
злыхъ верхъ и въ се видосте³⁰⁾, со всѣми же злыми речеными,
пренодобными сватыи образъ³¹⁾, вни укрѣнчеса и утвердися отъ
всѣхъ сватыхъ съборъ, вы же то начасте избѣгати, Духъ сва-
тымъ не отъ Отца токмо исходаши, но отъ Сыва глаголати дер-
знууде. И ина таковаи больша сикъ, многа поначеныи, исправ-
ленью требуютъ³²⁾, и подобаетъ твоему священству къ пат-
риарху Костянтина града и твоему брату по духу послати и
всяко тщанье показати, да разрушатся соблазны и въ едино
намъ единение быти и въ съгласіе³³⁾ духовно, якоже блаженни
Апостоль (Павель)³⁴⁾ поучаетъ глагола: молю же вы, братье,
имене ради Господа нашего Исуса Христа, да тоже проповѣ-
даете, тоже и глаголете вси, и да не будетъ въ васъ распра, бу-
дите же въ разумѣ въ томже утвержени и въ томже помыслѣ.

26) кромя — правилъ: эти слова я поставилъ въ скобкахъ, ибо они не находят-
ся въ Греческомъ.

27) отвращаетеса: въ Греческомъ текстѣ прибавлено къ ἀποστρέφεται καὶ με-
ταστράσει, гаушветеса.

28) глаголюще, Негъ. — dicentes; въ Греческомъ иначе: ὡς οὖν ἔφα.

29) оставаяю глаголати. Такъ я читаю и раздѣляю слова вмѣсто: оставяютъ.
Въ Греческомъ, кажется, также что-то пропущено, ибо ἐπιλαύειν, прибавлять,
требуетъ еще ἀφ᾽ ἑμῆ.

30) видосте — ἀνελεῖσθαι, въ се — ἐν τούτοις; слова эти мною раздѣлены со-
гласно съ Греческимъ текстомъ.

31) образъ, σύμβολον.

32) требуютъ, χρῆζουσιν — поправлено мною вмѣсто требуютса.

33) съгласіе, συμφωνίαν: этотъ вариантъ внесенъ въ текстъ имъ възглаголаніе.

34) Павель — это слово пропущено въ переводѣ.

Шести сущамъ виннамъ, толкая нынѣ отъ многихъ еже слышахомъ, написаномъ къ тебѣ; аще кротко и съ послушаньемъ³⁵⁾ примемши, послѣди же и о днѣхъ напишемъ любви твоеи³⁶⁾. Ибо аще тако суть, чюкна слышахомъ, о свашенствѣ Папо, со испытаньемъ се важъ и извѣсто ти буди, яко преступаются вами правила святыхъ Апостолъ и еще святыхъ и вселенскихъ содемъ съборъ, въ нихъ же были древнѣ ваши пахрїарси, (согласно рекоша вси, якоже не есть слово наше суетно, но имѣ съгрѣшаете, то нынѣ) имѣ обличимъ³⁷⁾. Предложимъ же суботный постъ (и видимъ, что о семъ сватин Апостоли научиша, книги же тѣже суть у васъ, ибо блаженнѣй Климентъ нашежъ Римскїи; первнѣ мнѣстникъ верховнаго Апостола Петра, то таковое не писа, яко отъ тѣхъ книгъ написанье имѣ есть, пишеть бо тако: новелѣнемъ святыхъ Апостолъ Климентомъ възглашавемо. Придемъ же)³⁸⁾ къ правилу святыхъ Апостолъ ꙗко о суботѣхъ аще кто обратетса церковникъ въ недѣльный день или въ суботный постася разиѣ единоа токмо (великиа суботы)³⁹⁾ да не отвержетса, аще ли отъ людїи будетъ да отлучитса церкви. Но второе согрѣшенье ваше есть (еже раздрѣшати постъ)⁴⁰⁾ иже вѣтская и арменїская есть ересь⁴¹⁾, глаголю же, сырїѣсти и мѣца и молоко пьете въ святое великое говѣнье: котѣрнн бо крестьянннѣ тако деранеть творити или помыслити

³⁵⁾ аще кротко и съ послушаньемъ — *ἄν κρᾶως δέχῃ καὶ πρᾶος καὶ μετ' ἑπιτακίας ἐπιτακίᾳ*: выраженіе это Герберштейнъ не перевелъ; смыслъ его довольно ясно передаетъ по-Русски.

³⁶⁾ любви твоеи, *charitati tuae*; въ Греческомъ этого слова нѣтъ, и вмѣсто написанемъ, *γραφόμεν*, поставлено *διὰ τῆς φιλίας*, съставлена будещъ.

³⁷⁾ согласно — рекоша — но имѣ съгрѣшаете — обличимъ: *et concorditer dicebant, quod verbum vestrum esset vanum, et quod manifeste erretis nunc palam redarguam*. Негр. Мѣсто это не находится въ текстѣ Греческомъ.

³⁸⁾ и видимъ — придемъ же: *videtis quae de isto a. Apostoli docuerunt, quorum doctrinam habetis et maxime beatus papa Clemens, primus post sanctum Petrum apostolum ita scribit ex statutis Apost. Negr.* Это также вставка, которую Герберштейнъ выразилъ сокращенно.

³⁹⁾ великиа суботы — вставка.

⁴⁰⁾ еже раздрѣшати постъ — вставка.

⁴¹⁾ ересь; послѣ сего слова пропущено: *καὶ τῶν ὀρθοδόξων χριστιανῶν τελείως ἀπόβλητον*.

отинудъ и се праворѣрымъ вонъ извержено. И протѣже правило 5 и ѿ святаго вселенна събора 5го 42) — «также оувѣдѣкомъ «въ Арменѣстѣи странѣ и во нѣхъ мѣстѣхъ въ субботу и въ недѣлю святаго и великаго поста мѣца и сырѣ мдуше 43); и «по всей вселенѣи Божіа церкви въ одну послѣдующе чистъ «постъ творити 44) и удалитиса яко отъ всего жертвена также «сырѣ и мѣца, иже 45) плодъ есть и роженны, ихъ же удалемса, «аще ли снхъ не хранатъ, аще церковници суть, да отлучатса, «аще ли людѣстїи, да отвергнутса церкви.» Третья вина ваша о брацѣ еренстѣмъ есть, яко и гнушаेतса отъ рукъ таковыхъ причащатиса: послушан же нѣмѣ что о сѣи главнѣнѣ глаголетъ сватѣи богочестивѣи съборъ иже въ Гангрѣ 46), пишетъ же въ 5^{мъ} правилѣ таковое: иже уничижаеть презвитера, по закону женѣ причтена, и глаголетъ, якоже подобаеть, служанно ему: отъ того причащени не принимати, да проклатъ будетъ; также презвитеръ или дьяконъ и *осьма по словеси церковникъ* 47), то зъ съборъ глаголетъ: иже свою жену извѣтомъ 48) изринеть, да отлучитса, не каин же сѣа того, да отверженъ будетъ. Четвертое съгрѣшенье ваше помазанье 49) и какоже се нѣсть незаконно? свашченныи образъ вѣры всюду отъ коегождо вѣрныхъ како възглашаемо и глаголемо? исповѣдаю едино крещенье въ оставленье грѣховъ, и аще едино крещенье есть и едино мюро

42) събора 5го — пропущено: ταῦτη δὲ ἀγάθων ὁ ὑμῆτερος πάπας συνήνεον ἄκουε τοῦνον τοῦ. in qua Oarhanius para vester ea prohibet. Негр. Пропускъ этотъ вѣроятно сдѣланъ Калайдовичемъ. Oarhanius у Герберштейна описка.

43) мдуше — пропущено: ἔδοξε τοῖνον καὶ τοῦτο ὡς τὴν κατὰ πάσαν — ποστῆς Ἰησοῦ μαρτυρίμια. Негр. Этотъ пропускъ, кажется, также сдѣланъ Калайдовичемъ.

44) чистъ постъ творити — зависитъ отъ пропущеннаго ἔδοξε, поставлено.

45) иже — у Калайдовича: ижеже.

46) въ Гангрѣ — пропущено: συνελθηθῶτων ἀγίων καὶ θεοφόρων πατερῶν κερύχεται τοῖνον ἐν τῷ τετάρτῳ κανόνι καὶ θεοκρίματι τῶν τοιοῦτων ταῦτα.

47) и осьма по словеси церковникъ — буквальный переводъ Греческаго: ἡ ὀκτῆς τοῦ καταλόγου τοῦ ἐκκλησιαστικῆς, см. и вообще причета церковнаго.

48) извѣтомъ, въ Греческомъ: προφάσει εὐλαβείας.

49) помазанье — пропущено: τῶν ἤδη βαπτισμένων καὶ μεμυρισμένων.

святое въ томже крещеннѣ едино(мъ)⁵⁰⁾, въ томже есть времени⁵¹⁾ съ сватымъ крещеньемъ и отъ ереси и отъ епископъ творимое. Также патое съгрѣшенъе ваше есть о опрѣсноцѣхъ, еже отъ многы ереси начатокъ и корень, якоже покажу, пріатъ; понеже се възысканъе много показанъа отъ писанъа⁵²⁾ есть треба, во ино время о семъ тобѣ повѣдѣ; нынѣ же се глаголю токмо, яко опрѣсноци отъ Жидовъ творатса, въ споминанъе еже отъ Егупта свободены ихъ и бѣжанъа; мы же сема хрестыииское есмъ, ниже работахомъ Егуптыяину царю мучителю; но и таковыхъ Жидовскихъ блюденіи, суботы глаголю и о опрѣспокы и обрѣзанъа, прѣобидѣти⁵³⁾ намъ повелѣно есть; и иже съхраняетъ едино отъ сихъ, якоже рече божественый (Павель)⁵⁴⁾ Апостоль, то должетъ есть весь законъ Жидовскъ исполнити. Тому же Апостолу (Павлу)⁵⁵⁾ пакы глаголющю: братъ азъ пріахъ отъ Господа еже предахъ⁵⁶⁾ вамъ, ибо Господь въ ношъ, въ нюже предашеса, пріимъ хлѣбъ и благословивъ и освятивъ преломль, дастъ сватымъ своимъ ученикомъ, режъ: пріимъте ядите, внимаите, что глаголетъ⁵⁷⁾, не рече: пріимъ опрѣснокъ, но хлѣбъ, понеже въ томъ времени опрѣснока не бѣ, ни пасха творишеса, ни ть самъ тогда ядѣше пасхы Жидовски, да опрѣснокъ дастъ ученикомъ, и явѣ есть отъ сего: яко Жидовскыи пасха столцимъ бываеъ и творитса; о семъ бо рече писанъе, яко возлежащю ему съ обѣма на десатъ и оученикъ же пакы возлеже на вечери на персѣхъ его

⁵⁰⁾ едино(мъ) — предложный падежъ, поставленъ мною им. едино. Здѣсь впрочемъ перестановлены и пропущены нѣкоторыя слова. Герберштейнъ перевелъ это мѣсто сокращенно: Si ergo est unum baptisma, erit et unum christa, et virtus eadem quam episcopi tam sacerdotia.

⁵¹⁾ въ томже есть времени — въ Греческомъ нѣсколько иначе: οὐ διαρρηθέντα καὶ ἐν ἑτέροις καιροῖς ἀλλ' ἐν αὐτῷ; смыслъ однакожъ одинаковъ съ Русскимъ переводомъ.

⁵²⁾ отъ писанъа — вставка: въ Греч. πολλῶν λόγων καὶ ἀποδείξεων.

⁵³⁾ прѣобидѣти — περιφρονεῖν, т. е. презирати.

⁵⁴⁾ Павель — вставлено.

⁵⁵⁾ Павлу — вставлено мною согласно съ Греческимъ текстомъ.

⁵⁶⁾ еже предахъ — такъ мною поправлено им. же предахомъ.

⁵⁷⁾ внимаите, что глаголетъ: πρόσθετε τῷ ρήματι.

и тѣ и рече: желаньемъ въждемъхъ сѣю паску исти съ вами, которую глаголю — юже и предасть⁵⁸⁾: Жидовскую бо паску всегда въ прежнихъ лѣта идѣше самъ и ученици его; то како въждемъ а, юже идѣше и прежде? какоже глаголаше се? еже бо рещи се⁵⁹⁾, иви яко иное паска есть она (Жидовска)⁶⁰⁾. И пакы, се творите въ мое въспоминанье, а не рече: ому творите, Жидовския опрѣсноки, но съи хлѣбъ, иже дахъ вамъ; икоже се хлѣбъ⁶¹⁾ а не опрѣснокъ, ивъ показа. Но и о Юдѣ рече, емуже (рече), омочивъ хлѣбъ дахъ, то есть предади мѣ. Аще ли глаголете, яко сего ради опрѣснокъ, не смѣшаны ради земна всякаго и чисто Божество, забивше падаете въ ветхѣи ереси ходяще въ Валентовѣ и Манентовѣ, еще же и въ Аполлинарьевѣ Ладикійскаго и Павла Сурина Самосатскаго и Еутухы и Диоскоровѣ и (Севаровѣ) — еще же при шестомъ съборѣ явилася единовольственъ⁶²⁾ съ Сергіемъ и Павломъ Турскимъ⁶³⁾ и иже съ нимъ. Въ тѣхъ бо всѣхъ влохну лаволь и всѣхъ задаломъ ересь една и нечестивѣиши всѣхъ⁶⁴⁾ ереси, отметающимъ свершена челоуѣчества и умогасъ единеніа единого Спаса истиннаго Христа Бога нашего. Но о сихъ, икоже рекохомъ, аще бо и тобѣ любо будетъ и Богу, во ино время угодно пространѣе речемъ, аще въ семъ житѣи животѣ намъ подасть житюгу податель. Мы же и на 5^о главизну придемъ, сеже есть о Свѣтомъ Дусѣ хуленье, икоже глаголете вы: вѣруемъ въ Отца и Сына и Свѣтѣи Духъ, еже отъ Отца и Сына исходящаго. Дивно бо рещи

⁵⁸⁾ которую глаголю — исправлено мною согласно съ Греческимъ ил. которую глаголю, какъ въ наданіи Калайдонца.

⁵⁹⁾ еже бо рещи се или и т. д. Соединивъ эти два предложенія, нахожу яснымъ переводъ словъ: ἐν τῷ γὰρ ἔπειτα τοῦτο ἄλλο ἢν ἔκτινε τὸ σιναϊτικὸν ἔθλημα.

⁶⁰⁾ Жидовска — прибавлено мною согласно съ Греческимъ текстомъ.

⁶¹⁾ икоже се хлѣбъ — исправлено мною ил. е хлѣбъ, согласно съ Греческимъ.

⁶²⁾ Севаровѣ ил. и ижехъ, мною вставлено. — Слѣдующее мѣсто: — сие — единовольственъ — есть переводъ словъ: τῶν ἐπὶ τῆς ἁγίας ἔκτις συνόδου ἀναφανέντων μονοθελητῶν — иже въ шестомъ съборѣ явилася моноволеитъ Герберштейнъ также читалъ это мѣсто неправильно.

⁶³⁾ Турскимъ — въ Греческомъ текстѣ стоятъ другое имя: Πύρρου.

⁶⁴⁾ и нечестивѣиши всѣхъ ереси — вставка.

и страшно, яко дерзнусте⁶⁵⁾ вѣру претворити; яко отъ конца вселенныя и до конца во всѣхъ крестыньскихъ церквахъ согласно вѣснѣвають, глаголюще: «вѣруемъ въ Духъ свѣтѣйшій и «Господа животворящаго, отъ Отца исходящаго, съ Отцемъ и «Сыномъ споклоненъ и спрославляемъ.» То чтоо вы не глаголете, имже вси крестыни? приложенье разумѣте⁶⁶⁾ и повел намъ приводите ученыи, Апостолу глаголющю: «иже благо: «вѣстивъ вамъ паче, еже пріасте, проклатъ да будетъ, его же «да не будетъ вамъ слышати»: страшно бо во истину есть едина черту⁶⁷⁾ — божественнаго сложеньемъ⁶⁸⁾ измѣнити и предлагати Божіа Писанья, или не вѣсте, яко такое велико съблаженье есть? мните бо двѣ власти и двѣ воли и двѣ зачадѣ о Свѣтѣмъ Дусѣ приводити, взымающе и умалачюще его, честь и смыслъ въ Македоньа дукоборца записавшеса: впадете въ ересь, его же да не будетъ. Молюся и молюбу творю и припадаю священнымъ стопамъ твоимъ въздвигнутиса отъ сихъ вспыхъ израднѣе же о опрѣсноцѣхъ и о семъ реченнѣмъ възмыскани, еже (у васъ блазньно есть)⁶⁹⁾ о опрѣсноцѣхъ въ сватомъ причащеньи, а еже о правѣ и вѣрѣ имѣемъ (душевную)⁷⁰⁾ пагубу. Хотѣлъ же есмь и о удувленныхъ и о нечистыхъ животныхъ написать и о мнѣсѣхъ идущихъ маса; но си послѣди и подобнаи сямъ, имже, дай же Богъ, послѣди поправити. Отдан же ми, Господа ради отъ многіа бо любве таковои написавшу ми тобѣ. Аще суть во истину творимаи вами, якоже слышахомъ, испытанте писанья и обратете вси си исправленыи требующа. Но молю о Господѣ любовь твою впервыхъ аще хощеши напиши къ нашему сватому Патріарху Константина града и тамо сущимъ Митрополитамъ, иже слово животно

⁶⁵⁾ яко дерзнусте — пропущено: αὐτῶν ἐκείνων τῶν τῆς αἰῶν πατέρων καὶ τῶν ἑκτοῦ οἰκουμένην αἰῶν συνέδων, т. е. даже оныхъ тѣхъ свѣтѣхъ отецъ и послѣдующихъ вселенскихъ съборовъ вѣру претворити.

⁶⁶⁾ разумѣте — ἐπινοεῖτε, измышляете.

⁶⁷⁾ едина черту — пропущено: τὸ ἓνα ἐν ἡ μίαν κεφαλαίαν.

⁶⁸⁾ божественнаго сложеньемъ — первоначено Греческое: συλλαβῆν τῆς θείας γραφῆς, и складъ (букву) божественнаго писанья.

⁶⁹⁾ у васъ блазньно есть — вставка.

⁷⁰⁾ душевную — вставка.

вмуща. яко свѣтила въ мірѣ сіають и възможни суть Божіею благодатью таковыхъ възскати и съ тобою исправити, потомже, яже угодно ти будетъ, прочѣ напишеша и хужьшему паче всѣхъ мнѣ. Цѣлую ⁷¹⁾ та и изъ Иванъ худши Митрополитъ Рускин и всѣхъ, яже подъ тобою, клирики же и люди, цѣлуютъ же вы иже съ нами свати и богодѣлнии епископи ⁷²⁾ и игумени и богочестивии цари и велиции людье. ⁷³⁾

⁷¹⁾ цѣлую та — saluto te. Негѣ. Въ Греческомъ текстѣ: προσκυρόω σοῦ τῆς ἐν Χριστῷ ἀγάπης — чьту твою о Христѣ любовь.

⁷²⁾ Епископи — еписκοπί. Негѣ. Въ Греческ. митрополита. Объ одномъ Митрополитѣ Евремѣ, современникѣ Іоанну, упоминаетъ лѣтопись. См. Карамз. Ист. Госуд. Росс., т. II, пр. 160. Быть можетъ, митрополиты, упоминаемые въ этомъ посланіи, были тѣ, которые находились въ Херсонѣ и Сугдѣ.

⁷³⁾ Цари и велики людье, reges, magni homines. Негѣ; въ Греческомъ: κληρῶν τε καὶ λαοῦ, клиръ и народъ.

Общее примечаніе. Редакторъ, печатая эту статью, старался вполнѣ сохранить какъ правописаніе Греческаго подлинника (съ его отступленіями отъ обыкновеннаго способа писанія), такъ и чтеніе, принятое В. И. Григоровичемъ, въ Славянскомъ переводѣ, считая неумѣстнымъ свое видѣтельство и въ этомъ послѣднемъ случаѣ.

ЛѢТОПИСЬ

ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ ЛИТОВСКИХЪ.

(ПРИГОТОВЛЕНО КЪ ИЗДАНІЮ А. Н. ПОПОВЫМЪ).

Первыя извѣстія о Литовскихъ лѣтописяхъ почерпнуты были у Стрыйковскаго, который въ числѣ источниковъ своей хроники указываетъ на лѣтописи *Литовскія* и *Русскія* *).

Что разумѣлъ Стрыйковскій подъ названіемъ Литовскихъ лѣтописей? Этотъ вопросъ старались разрѣшить ученые. Соединяя названіе: лѣтописей *Литовскихъ* и *Русскихъ*, онъ съ одной стороны давалъ поводъ думать, что разумѣеть вообще Русскія лѣтописи, въ которыхъ заключаются извѣстія и объ исторіи Литовской; съ другой предполагаютъ существованіе отдѣльных Литовскихъ лѣтописей. Шлецеръ, насмѣхаясь надъ Стрыйковскимъ, говоритъ: «онъ пользовался 12-ю Литовскими лѣтописцами, — Литовскими?... а Литва недавно еще выучилась грамотѣ!... да что онъ называетъ лѣтописями, каковы были имъ употребляемыя? куда онѣ дѣвались? Если кому вздумается рассмотреть его критически; то, вѣроятно, найдется, что вся истинная древняя исторія взята имъ, какъ и Длугошемъ, у Русскихъ.» «Расхваленныя Коляловичемъ *vetusti et vetustissimi anna-*

*) *Krnoika Polaka, Litewska etc. Warszawa. 1846. I: 57, 83, 87; II: 58, 229, 232.*

les Litvaniae» Шлецеръ относитъ къ позднѣйшему времени, утверждая положительно, что «нѣтъ туземныхъ Литовскихъ лѣтописей и быть ихъ не могло»¹⁾).

По указаніямъ Стрыйковскаго, онъ подразумѣвалъ существованіе отдѣльныхъ, написанныхъ Литовцами на своемъ языкѣ, временниковъ, и потому, отрицая ихъ существованіе, утверждалъ, что всѣ извѣстія о древней исторіи Литвы могли быть заимствованы только изъ Русскихъ источниковъ. Мнѣніе Шлецера представляется и справедливымъ и ложнымъ въ одно и то же время; потому именно, что онъ рѣшилъ вопросъ прежде критическаго изслѣдованія сказаній Стрыйковскаго, которое самъ же совѣтовалъ предпринять. Этотъ трудъ, предпринятый Пр. Даниловичемъ, и рѣшилъ окончательно вопросъ о Литовскихъ лѣтописяхъ²⁾).

Стрыйковскій говоритъ: «всѣ Литовскіе лѣтописцы, — которыми онъ пользовался, — были писаны по-Русски; они-то и составляютъ древнѣйшія хроники для Литвы»³⁾. Эти слова уничтожаютъ сами собою предположеніе о лѣтописяхъ, написанныхъ на Литовскомъ языкѣ, и доказываютъ другое, что всѣ извѣстія о древней Литовской исторіи заключаются въ Русскихъ источникахъ. Такъ прежде Шлецера то же самое утверждалъ обвиняемый имъ Стрыйковскій. Онъ же говоритъ: «безъ Руси, Литва не знала бы своей исторіи; ибо Русскіе имѣютъ древнѣйшія сказанія»⁴⁾).

Оставался нерѣшеннымъ вопросъ: Литовскія лѣтописи, по-Русски писанныя, суть ли Русскія лѣтописи или отъ нихъ отдѣльныя? — вопросъ, рѣшенный извѣстіемъ Нарбута о Литовской лѣтописи Быховца⁵⁾, въ послѣдствіи имъ изданной, и

¹⁾ Исторъ. I. рдд. Geschichte v. Litvan. 1785. § 8.

²⁾ Его статья о Лит. лѣтоп. въ Журн. Мин. Нар. Пр. т. XXVIII. 1840 г. 70 — 114. На Польск. яз. приложена къ над. 1848 г. Хроники Стрыйковскаго.

³⁾ Kronika. I. 354.

⁴⁾ Тамъ же. I. 319.

⁵⁾ Dzieje staroż. Lit. I. 679. 699. Лѣтопись Быховца издана подъ заглавіемъ: Pomniki do dziejów Litewskich. Wilno. 1846. П. Даниловичъ свою лѣтопись помѣстилъ сначала въ Дневникъ Виленскомъ 1823 г., потомъ А. Марциновскій выдалъ ее отдѣльно подъ заглавіемъ: Lapisiec Litwy i Kronika Ruska. Wilno. 1827. Ея переводъ напечаталъ Руссовъ въ: Воспоминанія на 1832 г. IV. 19 — 48. V. 16 — 39. VI. 64 68.

ЛѢтописью Супрасльскою, найденною и изданныю Даниловичемъ.

Эта лѣтопись находилась въ Сборникѣ Супрасльскаго Монастыря, писанномъ по-Русски почеркомъ XVI столѣтія. На последнемъ листкѣ была слѣдующая приписка: «какъ занць избегаць ченета, также великій мистръ радуется свое дѣльцо скончавъ. Исписанъ сій лѣтописецъ въ лѣто 7028, луна XVIII, індикъ IX октября VI, на память святого Апостола Фомы, замышленіемъ благовѣрнаго и христоролюбиваго князя Симеона Ивановича Одинцевича, его милости на здоровье и на щастіе и на жизнь вечную, на отпущеніе грѣховъ. Боже милостивы ихъ милости, дай его милости княгини Екатеринѣ, ихъ милости чадомъ. Рукоделіе многогрѣшнаго раба Божіею Григоріа Ивановича, Богу въ честь и во славу во вѣки аминъ. Преставшего помини Господи ерея Ивана.» «Смѣло утверждаю, говоритъ Даниловичъ, что доселѣ мы не знаемъ лучшей и даже древнѣйшей Литовской лѣтописи. Изъ ней удостовѣряюсь, что въ XIV вѣкѣ писали уже отдѣльныя чисто Литовскія лѣтописи, или, по крайней мѣрѣ, составляли оныя изъ прежнихъ древнѣйшихъ»¹⁾. Гдѣ въ настоящее время находится подлинная рукопись, не извѣстно. Даниловичъ издалъ ее, переписавъ Латинскими буквами по правописанію Польскому, и Русская лѣтопись извѣстна была доселѣ въ чужомъ, такъ сказать, облаченіи.

Издаваемый нынѣ списокъ Литовской лѣтописи принадлежитъ Гр. А. С. Уварову²⁾. Онъ совершенно сходенъ со спискомъ Супрасльскимъ и писанъ кирилловскими буквами. Хотя во многихъ мѣстахъ онъ дополняетъ сію последнюю лѣтопись, и въ свой чередъ въ немногихъ случаяхъ дополняется ею; однакоже обѣ очевидно составляютъ списки одной и той же лѣтописи. Рукопись, въ которой находится послѣдній списокъ, писана полууставомъ Литовскаго почерка XV столѣтія, въ 16-ю долю листа, на лощеной бумагѣ, на 107 листкахъ. Начальныхъ листовъ не достасть; изъ наличныхъ первые сохранились безъ угловъ, а въ срединѣ и въ концѣ нѣсколько листковъ

¹⁾ О Лит. Лѣт. Ж. М. Просв. 104 — 106.

²⁾ Въ нему вступилъ отъ И. П. Сахарова.

утрачено. Вся рукопись дѣлится на три части: въ первой заключается Литовская лѣтопись (л. 1 — 76); за ней слѣдуетъ «Летописецъ о великомъ князѣ Московскомъ како далеки отъ рода Володимерова»: это краткій родословникъ Московскихъ князей, вслѣдъ за которымъ находится исчисленіе епископствъ подъ заглавіемъ: «А се епископы, елико в Руси соуть» (об. л. 76 — 79). Далѣе слѣдуетъ: «Летописецъ отъ великого князя Володимеря Кіевского» (л. 80 — 107), начинающійся прошеніемъ Новгородцевъ о томъ, чтобы имъ данъ былъ княземъ Владиміръ, и оканчивающійся нашествіемъ Батыя. Внизу послѣднихъ листовъ, на оборотѣ, при текстѣ рукописи находятся слѣдующіе приписки другою рукою: В... я п.. рабъ веренъ с приказу та Ява поволскаго службника приналежи — а добродю моему» — (л. 107); на другой сторонѣ: «сударыни нашей милостивой кнегини Юрьевой Семеновича Слуцкой, кнегине Олене Николаевне Родивиловича.» — «велеможныи» (л. 108). Далѣе (л. 109): «в лето 73 — 7050 месяца Апрѣля 31 — 17 на день пр. отца Симеона иже въ Персиде, в неделю, вдарило к—2 годяне в ночь, преставись князь Юрьмъ Слуцкой; была голова на целомъ промыслѣ»; на оборотѣ того же листа: «Олкемонтовъ родъ Гольшанскій, Евнутьевъ родъ Жеславскій, Кведимоновъ родъ Алельковичи, Якамловъ родъ кролевскій, Витовтъ Кестутьевичь.»

По родословникамъ видно, что князь Юрій Слуцкій былъ потомокъ Ольгерда. Онъ сынъ Симеона Слуцкаго, котораго отецъ Михаилъ былъ сынъ Олелька. Олелька же или Александръ былъ сынъ Владиміра Бѣльскаго; пятаго сына Ольгерда¹⁾. Юрій Слуцкій дѣйствительно умеръ въ 1542 году, и

¹⁾ Врешенникъ № 10. Родосл. кн. 83. 139. Кто былъ Симеонъ Ивановичъ Одынецъ, Даниловичъ не нашелъ (Latop. Litw. предисл. 12. о Лѣт. лѣтоп. 101); у Ивѣскаго цѣтъ его имени въ числѣ Одынецъ. На начальной страницѣ написано, какъ полагаетъ Даниловичъ, собственною рукою С. И. Одыневича, генеалогія его, гдѣ сказано: «Тотъ князь Олександръ и съ сыновъ своимъ (Григорьевъ) поехалъ до великаго князя Московскаго служити.» Въ Русскихъ родословникахъ упоминается, что князья Друцкіе спрѣхали изъ Литвы къ В. Кн. Василью Ивановичу.» Кн. Дмитрій, у него сынъ кн. Василей, у Василія Александръ, у Александра Юрій. Но въ припискѣ отецъ Александра названъ Андрей. По нашимъ родословцамъ, у В. К. Дмитрія Ивановича значится бояринъ Андрей Одынецъ, у него

былъ женатъ на дочери Николая Радзивила, сестрѣ Гетмана Литовскаго Юрья (ум. 1541 г.)¹⁾. Эти приписки, конечно, не современны самой рукописи, которая древнѣе; но во всякомъ случаѣ они доказывали бы, что рукопись не можетъ уже быть моложе XVI столѣтія. Почеркъ, которымъ писаны приписки и дополненія внизу страницъ къ самому тексту, весьма сходныя между собою, безъ сомнѣнія, принадлежатъ XVI вѣку. Впрочемъ почеркъ самаго текста лѣтописи, кажется, не позднѣе половины XV столѣтія²⁾.

О времени составленія самой лѣтописи можно судить по слѣдующему обстоятельству. При описаніи смерти великаго князя Свидригайла лѣтописецъ говоритъ: «азъ того не вемъ за нежъ бехъ тогда младъ, но неции мовятъ, ижъ бы тотъ Юма далъ князю Скиригайлоу зелие отравное пити.» Свидригайло скончался въ 1394 году³⁾; слѣдовательно сочинитель лѣтописи приблизительно жилъ между 1385 и 1450 годами. И такъ, сочиненіе лѣтописи отнесено быть можетъ къ началу XIV столѣтія. Оба доселѣ извѣстные списка принадлежали двумъ Литовскимъ родамъ: Одынцевичамъ и Слуцкимъ.

Въ разсужденіи о Литовскихъ лѣтописяхъ, Пр. Даниловичъ, по указаніямъ Стрыйковскаго, предполагаетъ нѣсколько разрядовъ такихъ лѣтописей. Но доселѣ извѣстно въ полныхъ спискахъ только два. Одна, имъ самимъ изданная и теперь издаваемая по новому списку кирилловскими буквами; другая, извѣстная подъ именемъ Лѣтописи Быховца, изданная Нарбутомъ.

Послѣдняя лѣтопись также была писана кирилловскими буквами по-Русски; ибо на послѣдней страницѣ Польскаго ея списка, который издалъ Нарбутъ, сказано: «Kronika Litewska,

сынъ Александръ Белеуть, у Белеута сынъ Григорій (Времени. № 10. 184. 198). Быть можетъ, сему послѣднему принадлежалъ Супрасьской списокъ Литовской Лѣтописи.

1) Kronika Strujkowskiego. II. 399. Tegoż też roku po wielkiejnocy Jerzy Szesnowic, książę Slucka, mąż wielkiej dzielności, rozstał się z światem.

2) Образцы такихъ почерковъ приложены къ Собранію Литовъ городовъ Вильна, Коуна и Троку. Вильно. 1843.

3) Kronika Strujk. II. 103.

з Вязкіею јѣзукѣ на Полькі речеишаскопа¹⁾); но, какъ замѣчаетъ и самъ издатель, этотъ переводъ заключается только въ томъ, что Польскій переписчикъ кирилловскія буквы замѣнилъ Латинскими. Можно, кажется, съ вѣроятностью прибавить, что переписчикъ нѣкоторыя слова Русскія замѣнилъ Польскими на основаніи слѣдующаго соображенія. Въ 1846 г. Г. Бодянский издалъ нѣкоторыя извѣстія о рукописяхъ Познанской Библіотеки²⁾. Тамъ, между прочими, находится «Лѣтописецъ великаго князства Литовскаго и Жемонитскаго». Сравнивая выписки изъ сего лѣтописца, приводимыя Г. Бодянскимъ, съ лѣтописью, изданною Нарбутомъ³⁾, оказывается, что это, по всей вѣроятности, одна и та же лѣтопись; но первая составляетъ Русскій подлинникъ, вторая Польскій переводъ, или, вѣрнѣе, списокъ съ нѣкоторыми только замѣненіями въ языкѣ.

По бумагамъ и письму, Нарбутъ относитъ Польской спискомъ къ XVI столѣтію, или къ началу XVII-го; но, кажется, и составленіе самой лѣтописи если не относится къ тому же времени, то во всякомъ случаѣ принадлежитъ ко временамъ позднѣйшимъ въ сравненіи съ издаваемою нынѣ. Сочинитель Лѣтописи Быховца пользовался вмѣстѣ съ другими источниками и сею послѣднею лѣтописью. Она почти вся вошла въ составъ его лѣтописи, иногда слово въ слово, чаще же сокращенно или съ прибавленіями. Но и лѣтопись издаваемая не есть первоначальная, и ея составитель пользовался, если не древнѣйшими, по крайней мѣрѣ иными, болѣе сокращенными лѣтописями. Къ такому предположенію приводятъ насъ краткія извѣстія, помещенныя въ концѣ обоихъ списковъ, о происшествіяхъ только что рассказанныхъ передъ тѣмъ лѣтописью съ гораздо большею подробностію.

При семъ изданіи списокъ Гр. Уварова былъ принятъ за текстъ, сличенъ со спискомъ Даниловича и разнорѣчія указаны въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Рукопись печатается буква въ букву; только немногія встрѣчаемыя въ ней сокращенія, и то

1) *Polniski do dziejów Lit. przedsl. 1 i 2.*

2) *Чтенія въ Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. годъ 1-й. № 1. стр. 1 — 45.*

3) Тамъ же, стр. 9 и др. *Kronika Litewska Narbuta, стр. 15 и др.*

поместованно (Бгъ, Дръ, Къза, Ениъ; апа), переписаны ядогнѣ, безъ сокращенія буквъ. Соблюдено правописаніе рукописи. Мѣста, обозначенныя скобками (), не находятся въ спискѣ Уварова и взяты изъ списка Даниловича; мѣста, поставленныя въ знакахъ вносныхъ « », наоборотъ находятся въ одномъ спискѣ Уварова и не видѣются въ спискѣ Даниловича.

Издавая эту лѣтопись, полагаемъ, что она будетъ любопытна какъ памятникъ историческій и видѣтъ съ тѣмъ какъ образецъ языка Литовско-Русскаго XIV столѣтія.

ЛѢТОПИСЬ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ ЛИТОВСКИХЪ.

(Великого князя Кедина Литовскаго было сыновъ 7: старшину Монвидъ, потомъ Наримонтъ, Олигордъ королевъ отецъ, потомъ Евнутен, потомъ Кестути отецъ великого князя Витовта, потомъ Корнатъ; седмыя Любортъ. Мондивиду далъ отецъ Корашевъ да Слонимъ, Наримонту Пинескъ, Олгирду королеву отцу Крево, да къ тому князь Витебскій синовъ не держалъ, принялъ его къ дотце Витебскъ взяти, Евнутна осадилъ во Вилни, на великомъ княженіи, а Кестутию Треки, Кортіату Новгородокъ, а Люборта принялъ Володимерскій князь к дотце во Володимеръ и в Луческъ и во всю землю Волинскую. Олгирдъ королевъ отецъ, а великого князя отецъ Кестути были во великомъ любви и милости и в ласце. Князь великий Евнутен во большенъстве буда не полюбилъ ся имя, и смовили межю собою брата, князь великий Олгирдъ и князь великий Кестути, какъ бы его оттоле высадити, а некоторому бы межю ихъ сести. И смовивши межю собою рокъ учинили, кото-

рого бы дни к Вилни пригнати, засесть городъ подъ братомъ, великимъ княземъ Евнутиемъ. А князь великий Олгирдъ к Вилни из Витебска не успелъ к тому року, а князь великий Кестутен пригналъ ко городу Вилни и вогна в городъ. И князь великий Евнутен выскочивъ убежить во горы, тамо озабеть в ноги; немше его привезли ко брату его ко князю великому Кестутю; онъ же жда брата своего старшего великого князя Олгирда, посадити его за сторожею, а противу брата своего великого князя Олигорда послалъ гонца, што иже во Вилни селъ, а брата князя великого Евнутия инялъ. Стрелилъ гонецъ во Креве и князь великий Олгирдъ борзѣдо поспешить *) ко брату своему великому князю Кестутю. И князь великий князь Кестутин рече брату своему великому князю Олгирду: тебе подобаетъ княземъ великимъ быти во Вилне, ты стареншини братъ, а я с тобою за одно живу. И посади его на великомъ княженіи Вилни, а Евнутию далъ Ижеславъ.

А докончаютъ межи себе князь Кестутин великий и великий князь Олгирдъ, что братни всен послушну быти князя великого Олгирда, или который волости то себе раздѣлили, а то себе докончаютъ, што придобудуть, градъ ли или волости, да то делити на полу; а быти имъ до живота в любви, во великомъ милости. А правду межи собе на томъ дали: не мыслити лихомъ никомуже на никогожъ. Тако же были до живота своего в той правде.

Синовь же было у великого князя Олгирда 12, а в князя великого Кестутя синовь 6 было. А межи всѣхъ синовь любил: князь Олгирдъ князя великого Яганла, и князь великий Кестутин полюбилъ князя великого Витовта; и нарекли при своихъ животехъ ихъ, што имъ быти на ихъ местехъ на великихъ княженихъ. Они пакъ князь великий Витовтъ также во великомъ дружбе были при отцехъ своихъ.

Потомъ пакъ князь великий Олгердъ умре и князь великий Кестути не остави брата своего великого князя Олгирда, какъ до его живота в одиночестве с нимъ были; почнеть держати княземъ великимъ во Вилни сина его князя великого Яганла, и

*) Въ подлинникъ это слово повторено.

почтеть какъ приездити ко старымъ думамъ какъ ко брату приезживалъ ко стареннему.

Некто пакъ былъ у великого князя Олгарда парубокъ, невольныя хлопъ, звали его Вондиломъ; первое былъ пекаремъ, вставили его постелю слати и воду давати собе пити, и потомъ пакъ полюбился былъ ему, далъ былъ ему Лиду держати и повелъ былъ его в добрыхъ. Потомъ по животе великого князя Олгарда две ли лете минуло, князь великий Ягаило поведеть его велми во високихъ, и дастъ за него сестру свою родную княжичю Марию, што потомъ была за княземъ Давыдомъ. Князю великому Кестутию велми нелюботъ учинилъ и жалость, што братанню его а свою сестру за хлопъ далъ. И былъ тотъ Вондило у великого мочи у великого князя Ягаила; почалъ со Немци собе соймы чинити и записыватися грамотами противу великого князя Кестутия.

Некто панъ былъ Остродеки кунторъ, звали его Гунстыномъ; тотъ былъ кнотръ великому князю Кестутию, крестилъ княжичю Янушевую дщерь его. Тотъ поведалъ князю великому Кестутию: и ты того не ведаешь, какъ князь великий Ягаило присылаеть къ вамъ часто Вондила, и уже записался съ нами какъ тебе избавити своихъ местъ, а ему бы ся достало и со сестрою великого князя Ягаила твои места.

Князь великий Кестутии вѣда, што князь великий Витовтъ гораздо живеть со княземъ великимъ Ягаиломъ; и почтеть жаловатися сину своему великому князю Витовту: ты с нимъ гораздо живешь, онъ вже записался на насъ со Немци. Князь великий Витовтъ рече отду своему: не веруи тому, ачь того нетъ, занъ же со мною гораздо живеть, ачен бы мнѣ явилъ.

Потомъ пакъ учинилося великое знамение. Князь великий Ягаило далъ былъ Плотаскъ брату своему Скириганлу, и они его не приняли. И князь великий Ягаило послеть рать свою Литовскую и Рускую со братомъ своимъ Скириганлемъ въ Полоцку и оступать городъ. И князь великий Кестутен опять начнетъ сину своему великому князю Витовту жаловатися и проплакивая на князя Ягаила: занъ Вондила сестру далъ мою братанню, а из Немець ми явлено, што Немци записалися на

насъ, а се какъ трогне: с князь) ны ¹⁾ вою(емъ, съ Нѣмци, они) с ними Полоць(ка добы)вають, оуже то проявили ²⁾ какъ они полно на насъ стали с Нѣмци. И князь великий Витовтъ отвечеть ³⁾ отцу своему великому князю Кестутию: еще тому не доверяю гораздо ⁴⁾; а рекъ то князь великий Витовтъ, а самъ поехалъ к городноу ⁵⁾ Дорогичиноу. Князь (какъ великий Кестутии собрався своею моцию, и вженеть во городъ во) Виляню, иметь (князя) великаго Яганла и со братією и с матерью, и грамоты тѣ найдеть ⁶⁾, што с Немци записался, и к ⁷⁾ сыноу своему гонца пошлетъ к великому князю Витовтоу к Дорогичину, какъ такыя ⁸⁾ дѣла сталася; и гонецъ тотъ наидеть князя великаго оу ⁹⁾ Городнѣ, а оиъ какъ (до Городна прѣхалъ съ Дорогичина. А князь великий Витовтъ за одинъ день) приженеть из Городна ко отцу своему великому князю Кестутию, оиъ же рече к великому князю Витовтоу сыну своему ¹⁰⁾: Ты мнѣ не вѣривъ, а се ты ¹¹⁾ грамоты, «што» записался были на насъ, но Богъ (нас) остерѣглъ. Ино ¹²⁾ я князю великому Яганлу ничего не вчинилъ, не роушилъ есми ни скарбу ¹³⁾ его ни стадъ, а сами оу мнѣ оу нетьствѣ ¹⁴⁾ ходять толко за малою (сторожею. А отчину его Ведбескъ и Крево и вся шѣста), што отць его держалъ, то все емоу даю и ни во што ихъ неустоупаюся; а то оучинилъ ¹⁵⁾ есми, стерегль есми своее головы ¹⁶⁾, почюль што на мене лихо мыслать ¹⁷⁾. (И) князь великий Яганло «велии оурадовалъся великаго князя Витовтоу приездеу и правду д..... князя Витовтъ..... отцу» ¹⁸⁾ великому князю Кестутию, што николи противоу его не стоять, а завсе оу его воли быть со всеми. И князь великий Кестутей отпусти его со матерью и з братією и с скарбомъ своимъ со всеми ¹⁹⁾. И князь великий Яганло поиде Креву, и князь великий Витовтъ (проводить его до Крева. И князь) великий Яганло идѣ ²⁰⁾ с Крева к Витебскому. А какъ селъ ²¹⁾ князь великий Кестутии оу Вилян, по-

1) ся. 2) проявился што они. 3) отвечает. 4) гораздо. 5) городу. 6) и грамоты и найдеть. 7) ко. 8) тамъ. 9) въ. 10) Сіа слова принисаны внизу страницы, со знакомъ, куда относятся. 11) тыа. 12) но. 13) скарбомъ. 14) во в латгва. 15) вчинилъ. 16) стерега своеи головы. 17) мыслать. 18) Яганло великому князю Витовту и дяди своему великому князю Кестутию.... 19) и со скарбомъ и со всеми его. 20) поидеть. 21) село.

шастъ 2 чѣтка къ Полоцку, одного в¹⁾ рать, а друугаго в Горе-
родъ²⁾; и Полочане возрадовались и кликнуули въ рать, и люди
ратнии отстоуиши отъ Скиргайла, и поиди к Вилни ко князю
Кестутию, а князь (Скиргайло пошелъ) жу Немци и в (Ливлянтъ)
с малыми слоугами. И князь пакъ великий Кестутен поидеть к
Северьскому³⁾ Новоугородоу на князя Корбуота; а своего сына
князя великаго Витовта оставилъ в Литвѣ. (А) иди ко (Сивер-
скому) Новоугородку велить да обеситъ Вондла⁴⁾, а князю ве-
ликому Якалоу из Витебска⁵⁾ (понтижъ было с нимъ. То
пакъ) «великий» князь Якало правду свою забылъ на бордзе⁶⁾,
тамъ не пошелъ; а наговорилъ мѣстичи Виленьскии⁷⁾, Ганю-
левоу чадъ, а засели Вильню. А князь великий Витовтъ въ то
время оу Троцех былъ; и князь великий Якало в Витебска со
всими приженеть къ Вильни. И князь великий (Витовтъ) по-
идеть к Северь(скому) Новоугородоу ко отцу своему великому
князю Кестутию (с тою вѣстію); а Немци пакъ Проеускии
оуслышавши тая дела, и маршалок⁸⁾ Проеускии понде «идъ помощю»
ратню к великому князю Якалоу велми на бордзе. А какъ то
услышалъ⁹⁾ князь великий Витовтъ, иж Проеускии Немци к
Вилни (и к Трокомъ идутъ), а князь великий Якало изъ Вилни
к Трокомъ же идеть ратью сниматися¹⁰⁾ съ Немци; «и» онъ
поидеть к Городноу ис¹¹⁾ Троковъ с¹²⁾ матерью. А какъ при-
стоуиши к Трокомъ, князю великому Агаилоу¹³⁾ Троки дадутъ
ему. И князь великий Кестутни к Городноу ко сыну свое-
моу; тоута (наидеть) и женоу свою, (и) поплють ю¹⁴⁾ к Бе-
рестью, надеяся¹⁵⁾ на князя Яноуца Мазавьскаго¹⁶⁾ зятя своего;
а самъ пондѣ¹⁷⁾ оу Жомоти¹⁸⁾, а сына своего великаго князя
Витовта оставит в Городѣ. Князь пакъ Яноуць зять епо, забывъ
добра «и приязна цтя своего и теши свои и шюран, пондѣтъ
ратню к Дорогочиноу, Дорогочинъ возма осадит; Саранъ на-
воюеть, Каменецъ навоюеть, и отстоупитъ Берестыи; темноу свое-
оу Берестыа и Берестыа не добылъ, поидеть прочъ, осадивъ сии
городы: Дорогочинъ, Хмельникъ. А князь великий Кестутин,

1) у. 2) к городу. 3) Северскому. 4) Вондла обесити. 5) а князю великому
и Якалоу с Витебска почти жъ.... 6) правда на бордзе забудилъ. 7) мѣстичи вели-
кии. 8) маршалокъ. 9) услышалъ. 10) снимати. 11) и со. 12) со. 13) князь великий
Якало. 14) ей. 15) надеяся. 16) Мазавецкаго. 17) пондѣтъ. 18) Жомотъ.

собрать свою Жемонтьскоую землю и вси рати, и поидѣтъ к рече к Вилни. И князь Витовтъ собравъ свою»¹⁾..... (...перво Лихванты рать на помощь приходили князю Скириганлу к Полоцку, а потомъ с маршалкомъ Пруская рать к Трокомъ приходила; а то вше в третіе Лихванская рать и с нимъ же приходила. То уже знакъ тые вышли, што с нимъ заодно стояли) противу великаго князя Кестоутня. И выступятъ на бою князь великий Кестоутня и с сыномъ своимъ княземъ Витовтомъ противу великаго князя Якайла, и какъ не снемшисъ²⁾ полкомъ за г или за д стреленна, приженоуть князи и бояре от князя великаго Ягала до князя великаго³⁾ рати Кестоутневъ, почноуть пытати великаго князя Витовта: што быхомъ поговорили с нимъ. Почноуть говорити великому князю Витовтоу: князь великий Ягойло послалъ насъ к тобѣ, штобы еси уедналь насъ со отцемъ своимъ, што быхомъ дѣржали свое, а вы бы свое, а бою бы меж нас не было, а кровопролитие бы не оучинилосъ⁴⁾; ты бы пріѣхаль ко братоу своему князю великому Якайлоу, а мы правду даемъ, штобы тебе чисто отѣхати в рать свою, чидзы бы⁵⁾ межн васъ добрыи былъ конецъ. Князь великий Витовтъ отвечаль: правдоу оу васъ беру, штобы також князь Скириганло семь пріехаль, а також⁶⁾ бы правдоу даль, и я выеду. Они послали ко князю Скириганлоу, и князь Скириганло также правдоу даль великому князю Витовтоу, какъ они. И князь великий Витовтъ поехалъ к великому князю Якайлоу и ко его рати, и полковѣ стоятъ межн себе, не починая ничего⁷⁾. И князь великий Якайло оучнетъ⁸⁾ просити Витовта, штобы еси межн нас оуедналь и кровопролития бы не было. И князь великий Витовтъ правду оузаль⁹⁾ оу князя великаго Якайла за отца своего, што отцю его князю великому Кестоутню соехався (и) опять чисто разехатися; а еще рекъ¹⁰⁾ князь великий Витовтъ князю великому Якайлу: еще брате пошли Скириганла што(бы

¹⁾ Въ рукописи недостаетъ листа; въ сп. Д. вовсе пропущены эти извѣстія и повѣствуется такъ: ...забытъ добра приде князю великому Яганлу, и се перво Лихванты...²⁾ не пошедшиисъ. ³⁾ Эти слова въ рукоп. У. приписаны внизу страницы. ⁴⁾ не учинилосъ. ⁵⁾ а чен бы. ⁶⁾ также— часто встрѣчается въ рукоп. Д извѣсто такожъ, равно и въ см. оу. къ см. ко. ⁷⁾ межн собою не починають ничего. ⁸⁾ почать. ⁹⁾ вдалъ в него у... ¹⁰⁾ рече.

онъ а и я, а всчинили) быхомъ отцю своему «правду», иж бы емоу чисто приехат¹⁾ и опять отъехати (в рать), а князь бы Скиригаило от тебѣ дал правду. И князь великий Витовтъ со княземъ великимъ Скиригаиломъ приедоуть²⁾ ко отцю своему князю великому Кестоутию в рат дат³⁾ правду отцю своему от князя великаго Якаила. И князь Скиригаило правду дать от великаго князя (Ягаила) и от себѣ, и князь великий Витовтъ со отцемъ своимъ великимъ княземъ Кестоутиемъ оба⁴⁾ поедуть в рат ко Якаилу, надеяс⁵⁾ на тыи правды.

Князь же великий Ягаило переступилъ «тыи правды» молвить: поедь к Вилни тамо докончаемъ; а в том «рати» ничего не почавши⁶⁾ остались. И какъ к Вилни приехавъ⁷⁾ князя (великаго) Кестоутию дядю своего, оковавши⁸⁾, ко Креву послалъ⁹⁾, и оусадили¹⁰⁾ оу вежю, а князя великаго Витовта оставили «были» еще оу Вилни. И тамо оу Креве пятыя ноши князя великаго Кестоутиа оудавили коморники князя великаго Якаиловы: Прокша, што водоу давалъ емоу, а были иньи: Мостевъ братъ Акучикъ, и Лисица Жебентяи. «И» таковъ конецъ стался «емоу», князю великому Кестоутию.

По смерти пакъ «оу» князя великаго Кестоутиа пошлетъ князь великий Якаило князя великаго Витовта во Крево ж, и (со) женою, и велить его твердо стеречь¹¹⁾ въ комнату, помщая Войдила, — «што были за него сестроу свою дали» — двоу велели на колесе разбити: одного Видимонта, дядю маткына¹²⁾ князя великаго Витовта, отня¹³⁾ брата маткы его, што держалъ Оуляню, потомъ пакъ была за Монивидь. И¹⁴⁾ иных бояръ мвога постиналъ, помщая то¹⁵⁾ Войдила. Кнзь пакъ великий (князь) Витовтъ седель оу Кревѣ (за твердою сторожею у комнате; а жонце) двѣ ходили покладывати кнгини¹⁶⁾ оу комнату; да положивъ их да вонь пойдуть, а сторож¹⁷⁾ около. То пакъ великая кнгиня слышавъ¹⁸⁾ от людий, имет ли кнзь великий Витовтъ дольжи седѣти; ачей такъ же изгадають какъ и надъ отцемъ, и пригодила емоу такъ, какъ пойдуть жонкы по-

1) приходити. 2) придуть. 3) и дастъ. 4) обадва. 5) надеяся. 6) починавши. 7) приехали. 8) оковать. 9) послалъ. 10) всадили во. 11) стерети во комнате. 12) матки. 13) отчняя. 14) а. 15) того. 16) кнгиню. 17) сторожи. 18) слышавши.

кладати, ино ¹⁾ бы ему одное жонкы оускласти ²⁾ порты да въ, і ити вонъ ³⁾ со другою жонкою, а той жонце остати бы в нее ⁴⁾, (и) онъ наредилъ ⁵⁾ одное жонкы порты да з ⁶⁾ другою вышель, да (и) спуститься из города, «и» оутечеть оу Немци и Пруссы. Соущу ж емоу оу Немцах оу Мрьингородъ ⁷⁾ оу мистра, и приехаша к нему мнози кнзи и бояре Литовскии, и онъ ж начне ⁸⁾ воевати (с) помочою Немецкою Литовскую землю.

А князю великому соущу Якаилю с мтрью своею великою кнгиною Оульяною оу Витебъскоу, а брта ⁹⁾ его княз Скиргайло оу Литовской земли оу Троцѣхъ. А великому князю (часто воуши Литовскую землю, а великому князю) Якаилю (и) Скиргайлу невозможно оуже стати противу емоу, занеж ¹⁰⁾ оубо у него сила великая собралася. Тогда ¹¹⁾ князь великий Якаилю перезвалъ ¹²⁾ его из ¹³⁾ Немець, и далъ емоу Лоуческъ со всею Вольтинскою землею, а в Литовской земли отчиною его.

Короля Казимера — «шакъ Краковьскаго» — въ животе не стало, а сыновъ оу него не было, толко одна дочка именемъ Я(д)виги. И начаша Ляхове с Кракова слати ко князю великому Якаилю, дабы принялъ крещение старое ¹⁴⁾ Рима, и понял бы в нихъ королевну (именемъ) Ядвигу себе женою, и стал бы в нихъ королемъ оу Краковѣ, на всен земли Лядьской. Онъ ж князь великий Якаилю свет створилъ ¹⁵⁾ со мтрью своею великою кнгиною Оульяною и з братею своею и со всеми кнзми и бояры Литовския земли, и поехалъ Кракову оу Лядьскоую землю. Тамож самъ крстися и братя его и кнзи и бояре Литовское земли. И понялъ за себѣ королевну Ядвигу, и корунованъ бысть того королевства короною ¹⁶⁾; и оттогѣ начаша крстити Литвою в Латыньскоую вероу. И прислалъ ¹⁷⁾ архидискоупъ «бискоупа» к Вилии во Литовскоую землю, и тогда начаша костелы ставити по всен Литовской земли.

Той ж зимы королю соущу оу Кракове со всеми кнзми Литовскими и боярами Литовскими князь Андрей Полоцкый привидѣ

1) но бы. 2) вскласти. 3) да выйти вонъ. 4) в него. 5) наредился в одною. 6) за 7) у Марине городе в. 8) нача. 9) братъ. 10) его, занъ же. 11) тогда. 12) перезвалъ. 13) со. 14) старого. 15) сговилися из своего. 16) Въ рукоц. при семъ знакъ и послѣдъ надпись: яко крести Якаилю всю Литву в Римскую вѣру. 17) присла.

с Немци Лифлянты со всею Латыголюю «и» на Литовскою землю, и повоеваше и пожже много мѣсть и сель, градомъ (же) Литовския земли ничего не оуспе¹⁾, и пакы возвратися во своеси.

Тои ж зимы князь Свяцьславъ Смоленскии советъ сотвориша съ княземъ Андреемъ Полоцкымъ, онъ въ Литвоу, а князь Свещьславль²⁾ к Орши, «а» не³⁾ мироу много зла сотворыши хрстианымъ⁴⁾, нечеловечскии и нехрстианскии (мучиша хрстианъ), иж ни и⁵⁾ на поганскихъ ратехъ слышахомъ таковыхъ моук. Мучиша хрстианъ, собирахоу и запирахоу во избахъ (и) зажигаху, (а) другыя (и) великия храмы очепы поднимахоу и плениковъ подъ стеноу главами кладахоу (и) зажигаху, а (иныхъ) жоны ихъ (и дети) на колье тыкахоу; а (иныхъ) моукъ над хрстианы иж грозы ради⁶⁾ не писахомъ, — якож ни Оннихъ Осирьския⁷⁾, ни Оульянъ законъпрестоупныхъ техъ моукъ не творили⁸⁾ над хрстианы. Ко граду ж прішли, ничтож⁹⁾ оуспеша, и пакы возвратишася во своеси¹⁰⁾.

Тое ж зимы великаго поста¹¹⁾ нача Свяцьславль¹²⁾ доумати Смоленскии бояры на хрстианы¹³⁾ кровопролитие, акы свирепни зверие¹⁴⁾, акы не хрстиане; поиде ко граду Мьстиславлю, ста оу града Мьстиславля, и нача добывати (и) пороки бити градъ, а в землю Мьстиславльскоую воиную свою пустиль¹⁵⁾, и много проли¹⁶⁾ крови хрстианския. Тож бысть бгоумерзко зрети, зовоущемся хрстианомъ: *а братью свою хрстиане*¹⁷⁾ нечеловчьскыи, нехрстианскии моуча¹⁸⁾.

Князь же великии Скириганло и князь великии Витовтъ првехаша¹⁹⁾ из Ляховъ от брата своего короля, «и» слышачи, яко князь Свяцьславль²⁰⁾ Смоленскии преж бысть под Витебскомъ, а потомъ к Орши ходиль²¹⁾, а под Мстиславлемъ стоять, град пороки бнеть, и сжалився князь великии Скириганло, поидеть и с братьею²²⁾ своею великимъ княземъ Витовтомъ, и с Костянти-

1) успен. 2) Светиславль. 3) на. 4) хрестьянемъ. 5) иж ни в. 6) иж окаредно. 7) Онтюхъ Сирскии. 8) не твори. 9) граду же Орши ничего не успеша. 10) При семъ въ рукописи знакъ, а внизу страницы подпись: яко Святославъ проли крови хрстианское много. 11) во великое говение. 12) Светославль. 13) хрестьянское. 14) яко свирепше. 15) вои пусти. 16) пролила. 17) Эти слова приписаны внизу страницы. 18) мучаху. 19) првехавши. 20) Светославль. 21) приходиль. 22) поиде со братью.

номъ, и с Корибуотомъ и с сыномъ Лыквенемъ¹⁾; и поменуша слово бжие еж рече: в нюж человекъ мероу мѣрить «в» отмерится емоу, а што сееть²⁾, то и пожнеть. Рекоста: мы³⁾ ни коего зла сотворша⁴⁾ емоу, а онъ с нами оу докончании бѹда, «в» престоупилъ⁵⁾ крстное целование и докончанье, нашу землю воюеть и кровь хрстіанскоую проливаетъ, мы ж идемъ на него надеючися⁶⁾ на Бга и на крстнуюоу силоу. И приидоша ко городу⁷⁾ Мьстиславлю, ан⁸⁾ князю Стославоу ставшоу оу города и бивши пороки град Мьстиславль на третей⁹⁾ недели оу пятницу, яко оуслыша князь Свяцьславль, яко идетъ на него князь великий Скиригаило (и) с братьею, онъ жъ сполчивъ¹⁰⁾ вой своя и поидѣ противоу имъ. Яко состоупишася полци¹¹⁾, Богъ же по пророка Давида слову сотвори еж рече: обратится¹²⁾ болезнь его на главоу и на верхъ его неправда сидеть; и пакы: ровъ изрыивъ ископа и впадется во яму, юж¹³⁾ сотвори. Богъ поможетъ великому князю Скиригаилоу и великому князю Витовтоу а князь Святославъ¹⁴⁾ оустремился на бег и со¹⁵⁾ своими князи и бояры Смоленскими и со своими ратми. Бжиею силоу тоу немало чоудо створис¹⁶⁾; избито бысть вой много множество, кизеи и бояръ, но и самого князя (великого) Свяцьслава оубиша. Сна ж его князь Юрья, князь великий Скиригаило исцеливъ¹⁷⁾ его от ранъ, и привелеть¹⁸⁾ его к городоу Смоленску (и) ко мтри его великом кнегини Свяцьславли, и посади его на великомъ княжнѣи Смоленскомъ, занѣж быст за киземъ Юрьемъ дщи старшее¹⁹⁾ сестры Скиригаилковы.

Отшедъше от града²⁰⁾ Смоленска князь великий Скиригаило (и) поидѣ оу свою землю Литовскую, и нача княжити оу Троцехъ, а оу Вилни прислал²¹⁾ корол старостоу своего Лядского. А князя великому тогды Витовтоу держачи²²⁾ Лоуческъ и всю землю Волыньскоую, а в Литовской земли отчину свою. И бысть емоу нужно, иж преж чюжого²³⁾ не бывало въ Литовской земли сторонамъ владеюцимъ великим Литовскимъ

1) Лыквенемъ. 2) посееть. 3) мы, рекоста. 4) сотворихомъ. 5) преступилъ. 6) надемся. 7) ко граду. 8) а. 9) страшно. 10) исполчи. 11) Въ рукоп. на полѣ приписка отъ этого слова: яко побѣди Витовтъ Святслава. 12) обратися. 13) в него еме сотворилъ. 14) Эти слова приписаны внизу страници. 15) из. 16) створиса. 17) исцеливъ. 18) привезе. 19) старей. 20) города. 21) послалъ. 22) держачу. 23) чюго.

княженіемъ; тогда совѣтъ створи со многыми князми и бояры Литовскими. Тогда бо Сквиргаило отехавшю к Полоцку, и князь великий Витовтъ придѣ к Вилни, хотя «ю» засести, а княгини великаа его Анна бе тогда оу Городнѣ. Вилневци ж тогда не оудашася емоу, занеж тогда были королю правдоу дали «ш» Скириганлоу. Онъ же тогда не возма Вилни, и поведе ко мистроу с¹⁾ своею княгинею и со своими князми и со многими бояры²⁾, «ш» оттоле нача воевати Литовскоую землю с Немецкою помощю, и оуже оузяль былъ «половиноу» Литовское земли по рекоу Велию, и³⁾ Полтескъ «градъ» дался⁴⁾ емоу. Оузрѣ⁵⁾ король и князь великий Скирегаило якож оуж «нимъ» невозможно оудержати Литовское земли пред великимъ княземъ Витовтомъ с⁶⁾ Немецкими силами, поидѣ к Вилни. Стретить⁷⁾ его князь Скиргаило со братомъ своимъ (Вигонтомъ) и с Литовскими вон на реце на Вельи оу Городка, на месте нарицаеме Вейшишкы⁸⁾, и стоупившимся полкомъ Богъ поможи великому князю Витовтоу, и побежени быша Литовскыи вон, и оустремишася на бегъ, и побито ихъ много бысть, а иныхъ князей и боярь в нятство имали⁹⁾: князя Семнона¹⁰⁾ Евноутъевич, князя Глебъ Святославич Смоленскаго, князя Глеба Костянтинович, князя Ивана Тетоу, Лва Плаксича, и иныхъ князей много изыманъ¹¹⁾. И поидѣ князь великий Витовтъ¹²⁾ к городу к Вилни «ш» со своими воинами¹³⁾, и отступать¹⁴⁾ город Вилню, и нача добывати кривого города, поушками бити, и взя град кривыи. Тогда же Немци оубиша князя Скириганла Олкирдовичъ а Лядскои заставе оу высокымъ городе тогда сеуцпоу¹⁵⁾ и не попустиша оу градъ князя Скиргаила. Князь жъ великий Витовтъ возма кривыи город и землю¹⁶⁾ извоевалъ, пакы возвратися в Немеци.

Тогож лета к великому князю Витовту оу Немци, оу Марьнгород, приидоша послы из города Москвы от великаго князя Василя Дмитриевич, прослячи¹⁷⁾ дщери князя «великаго» Витовтовы за великаго князя Василя Дмитрович. Князь же великий Витовтъ дастъ дщерь свою княгиню¹⁸⁾ Софью, и отпусти ю из

1) из. 2) бояри. 3) а н. 4) влася. 5) и узрѣлъ. 6) и съ. 7) и сретѣ. 8) вейшишкии 9) покнали. 10) семена. Противъ сихъ строкъ на полѣ въ рукоп. У. подпись: какъ побѣди Витовтъ Скириганла. 11) изымано бысть много. 12) таки к городу... 13) вон. нн. 14) отступать. 15) сущи. 16) земли. 17) проси. 18) княжну.

Марьяна города, а з нею посла князя Ивана Олгимонтович из града Кданьска. И поидоша в кораблех ¹⁾ за море, и придоша к граду Шьскову; ониж великии чти оуздаша имь, (и) проводяша ихъ чта²⁾ до великаго Новагорода. Новгородци же пакы честь имъ воздаша, и проводяша ихъ съ честію до (града) Мысквы к великому князю Василью Дмитріевич. Князь великии Василии послалъ противу имъ с честію братью свою, князя Володимира Андреевич' и князя Андрея Дмитріевичъ, иных много князей и и бояръ; — «и стретиша великою княжноу Софью с великими честыми; тогда бе священныи митрополить Киприянъ съ архиепискпы и съ епискпы и съ архимандриты, игумены и со всимъ священническымъ чиномъ, стрете и честно со креты — предъ градмъ предъ Москвою; и сотвори бракъ чести и венча и великаго князя Василья Дмитріевич с великою княжноу Софью; и бы бракъ чстенъ и чти достоинъ и веселию многому. Мы ж на преднее возвратимся.

Князю великому Витовтоу соушу въ Немцех оу мистра оу Марьянегородъ, присла к немуо король посла и з братомъ своимъ Скиригаиломъ, а рекоучи: болши того брате не теряи земли Литовское отчины нашея и своея, а поди братъ к намъ оу миръ и оу великою любовь братскоую; возми собъ великое княженне оу Вилни столъ дяди своего великаго князя Ольгирда и отца своего великаго князя Кестоутня. А князь великии Витовтъ советъ сотвори со князьми своими, со княземъ Юрьемъ Наримонтовичомъ Бельским и со княземъ Иваномъ Олгимонтовичомъ, и поидъ в Литвою, и сядъ в Вилни в Литвѣ на великомъ княжнѣ, на столѣ дяди своего великаго князя Олгирда и отца своего великаго князя Кестоутня, и рада была емоу вся земля Литовская и Роуская. Князь Корибоуть Олгирдовичъ нечто нача корати и не оу послушаннии нача быти оу него, и нача совокоупляти вои свои, и поидъ противу емоу. И ступишася вои на месте на Недокоудове, и побеженц быша вои князя Коурибоута и оустремишася на бегъ; бысть же ихъ много побито. Самъ ж князь Корибоут оубеже в Новгородокъ и ополчисъ; тоу ж бѣ княжнѣи его и дѣти его. Князь же великии Витовтъ совокоупи

¹⁾ во кораблѣ. ²⁾ со честію.

вои свои, самъ поидѣ к Новугородкоу и истоупиша градъ и возма Новугородокъ, а князю Корибоута и кнѣгню его и дети его оу нѣтство поима. Преставися княгини Олгирдовая; король ж приказа градъ Витебскъ Соколчимоу своему Феодору Весне, а князю Швитригаилоу тогда соушу младоу. И нача Федоръ Весна владети градомъ Витебскомъ и всюю землею Витебскою советомъ и оуказаниемъ короля Якаила. Князь Швиригаило не можашѣ терпети, што Федоръ Весна градомъ владеетъ, а его непослоушенъ. Онъ ж Феодора оуби, а градъ Витебскъ засядѣ. Бысть королю Якаилу жалость о томъ, и писа грамотоу братоу своему великому князю Витовтоу, иж бы той его жалости месть сотворилъ. И князь же великий Витовтъ поня съ собою князя Сѣиргаила, и совокоупи вои много, и поидѣ ратью ко градоу Витебскоу на князя Швитригаила. I яко првидѣ ко градоу Дрюцку, Дрюцкыи князи стретоша его, и оударивша емоу челоу оу слоужбоу, и оттолѣ поиде к Орши, Ршане затворишася оу градѣ, и боронишася два дни, и оудаша градъ. И оттолѣ поидѣ к Витебскоу на князя Швитригаила; князь ж Швитригаило затворися оу градѣ. И нача великий князь добывати града; тоужъ приидѣ на помочъ великий князь Смоленскіи Светславичъ со всеми Смоленскими силами, и оудари чолоу великому князю Витовтоу оу слоужбоу, и начаша твердо добывати град Витебска, и поушки поставиша. Витбляне ж не оутерпеша и начаша оудаватис великому князю Витовтоу, князь ж Швитригаило выидеть вонъ из града, и оудари чолоу великому князю¹⁾ Витовтоу. Князь ж великий Витовтъ возма градъ Витебскъ, и поидѣ пакы к Вилни. Тое ж зимью — на весноу князь великий Витовтъ идѣ в²⁾ землю Подольскоую; а князю Володимироу Олгирдович тогда соушу³⁾ в Киевѣ, и не восхотѣ покоры оучинити и чолоу оударити великому князю Витовтоу.

Тоеж весны князь великий Витовтъ поидѣ «в» взя град Житомиръ (и) Вроучи, и приехал⁴⁾ к нему князь Володимеръ.

Того ж лета на осень князь великий Витовтъ выведѣ его с⁵⁾ Киева и дал⁶⁾ емоу Копыль; и на Киевѣ посадилъ Скири-

1) Это слово надписано надъ строкою. 2) и взѣ. 3) бивши. 4) приеха. 5) на. 6) дастъ.

гаила. Самъ ж князь великий Витовтъ поидѣ на Подольскоую землю, а князю Скиригаило повеле (ити) с¹⁾ Кіева к Черкасомъ и ко Звинигороду. Князь (же) Скиригаило Божею помощю и великаго князя Витовта повеленіемъ, взя Черкасы и Звинигород, и возвратися опять ко Киевоу.²⁾

Тоу ж емоу княжашю оу³⁾ Киевѣ быст же некто⁴⁾ Оома чернець Изоуоувъ, держа намесничество от митрополита оу свтае⁵⁾ Софьи на митрополичьемъ дворѣ. Восхотевшю⁶⁾ ж князю Скиригаилоу отехати⁷⁾ за Днепръ оу ловы, тои ж (прежереченыи) Оома нача звати его на пиръ на митрополич дворъ. Князю ж Скиригаилоу сущоу емоу⁸⁾ на пироу, — азъ ж того не вемъ зане ж бехъ тогда млад, но неции мовять⁹⁾ — иж бы тот Оома далъ князю Скиригаилоу земли отравное¹⁰⁾ пити. И с того пироу князь Скиригаило (так) поехалъ за Днепръ к Милославичомъ, и тамо разболес канон¹¹⁾ крщения оу четверкъ, и на крщнии в субботу оуехал оу град Киевъ боленъ. Болѣвъ 7 дни и преставися оу среду, и понесоша его на главахъ священници, поюще песни отходныя со свещами, из града Кіева (ко) святей Бгородици Печьрьской. И положенъ быст чюдный князь Скиригаило добрыи, (наречены во святомъ крщеніи Иванъ), подле гроба святого Феодосія Печьрьскаго. Князь великий Витовтъ оуслышавъ, аж князь Скиригаило преставись, и послал¹²⁾ князя Ивана Ольгимонтович ко Киеву, и дал¹³⁾ емоу держати Киевъ. Мы ж на предлежащи¹⁴⁾ возвратимся.

Какъ выйдѣ из Немець князь великий Витовтъ на великое княжение, (так) отпусти отца¹⁵⁾ своего князя Глеба Святославич¹⁶⁾ ко Смоленскоу на великое княжение; а князю Юрью Святославич далъ город Рославль. Князю Глебоу седящю¹⁷⁾ оу Смоленскоу, и нача в непослушавии быти великому князю Витовту; князь ж великий Витовтъ послы своя слаше «к нему» о исправленіи¹⁸⁾, онъ ж не восхоте исправитися. Тогда князь великий Витовтъ со всеми силами поиде ко граду Смоленскоу «на князя Глеба Святославич. И какъ приедѣ ко Смоленскоу,

1) ив. 2) ту же пакы князяши ему в. 3) некто. 4) святой. 5) посхотевшюже. 6) схати. 7) у него. 8) глаголютъ. 9) травное. 10) разболелся канонъ канона. 11) посла. 12) да. 13) предреченое. 14) нятца. 15) Святославича. 16) седяща. 17) справленіи.

такъ Глебъ дался из градомъ Смоленскомъ.»¹⁾ Князь ж великии Витовтъ далъ град Смоленскъ дѣржати князю Мантоу и Василью Боренковичъ, а князю Глебоу далъ город Половны. Самъ ж князь великии Витовтъ поидѣ в Литовскоую землю.

На ту жъ зиму посла князя Семиона²⁾ Лыквеня со многими ратьми (и) Смоленскими силами на князя Олга Рязаньскаго, и сплениша многое множество Рязанское земли, и возвратишася с победою во свояси.

Тогда же бе зима велии стюдена.

Тоеж зимы на весноу приехалъ князь великии Василей Дмитровичъ Московскии ко отцу³⁾ своему великому князю Витовту ко Смоленскоу⁴⁾ оу великии пост⁵⁾, и оучти князя великаго Витовта многими дарми, чепми златыми и поясы золотыми, (и) соболами, камьками, сосоуды⁶⁾ золотыми и бахматами⁷⁾. (И) князь же великии Витовтъ зятя своего великаго князя оучтивъ и оударивъ⁸⁾ различными дары⁹⁾, сажеными порты и дорогыми аксамиты, (и) многоценными камнями и гиньшты оу золотыхъ седлехъ «и» снастехъ чюдоу достойныхъ; и отпусти к¹⁰⁾ Москвѣ с великою честию; самъ поехал к Литве¹¹⁾.

«Летъ в ѿѣ бой бысть црю Темертиклоу с Тактамышышемъ и прогна Тактамыша в Литву, а самъ сель на црство.

Тогож лета князь Витовтъ прииде к Смоленскоу а преж промче слова на Темиртиклоуа ида, и выехалъ к нему князь Глебъ Святославичъ и дарив его любовию отпустилъ его, рекше к нимъ, дабы естѣ выехали вси князи братеники ко мнѣ с любовию по опасоу. Слышалъ еси что промежи вас нединачество и недружба велика. Каково боудеть меж вами слово или какова приязнь и вы на мене сошлитесь, акы на третии, азъ вас право соужю. И тако сотвори над ними лестъ и вызва ихъ из города лестию; они ж и вероу емоу инjali и выехали к нему с дары вси братия Святославичъ и вси князи Смоленскии, дондѣ ж не остави одинъ оу градѣ, но из бояры своими. Онъ ж поймавъ ихъ всих князей Смоленскихъ, и послал их оу свою землю Ли-

1) тако власть ему Глебъ и в. 2) Семена Лыквена. 3) ищюу. 4) во Смоленскъ. 5) великое говение. 6) в суды. 7) бахматы. 8) учти и удари. 9) дары. 10) ко граду. 11) поиде к Литви.

товскую, а самъ посадъ пожже и люди многи полони. Тако все княжение Смоленское взял за себе и намѣстника своего посадивъ, князя Амонта да Василя Боренкова. Се первое взятъе Смоленское сентябръ кѣ во вто

А князь Юрьи Святославичъ былъ в то время на Рязани оу цтя своего оу князя Олга Ивановичъ.

Летъ ꙗꙗꙗ бысть побовище князю великому Витовту с Темиртиклоуемъ царемъ. Князь великии Витовтъ Кестоуитевич Литовски собралъ вои безчисленый много, и царь Тактамышъ своимъ дворомъ, и Литва, и Немци, Ляхове, Жомонт, Татарове, Волохове и Полянѣ. И с нимъ было князей ꙗ, и бысть сила ратныхъ много; и со всеми силами полкы вооружився, поидѣ на царя Темиртиклоуя и похваляся на Ордоу Витовтъ, а мовить: поидѣмъ пленимъ землю Татарскоую, а побьемъ царя Темиртиклоуя, и вземъ Царство его, и посадимъ царя Тактамыша, а оня посадить на всей Роуской земли. А на томъ на всемъ пошли Татаръ воевати. В то время приспе Темиртиклоуи царь со многими полкы ратными, со князьями своими Ордынскими, и сретошася с Витовтомъ на поли, на рецѣ на Воргсклѣ, и бысть имъ бои великъ, авгоуста кѣ день, во вто . На долзѣ велими быющимся и попоусти Богъ Татаромъ; князь ж великии побеже оу малѣ дружине. И царь Темиртиклоуи тогда прииде к Киевоу, и взя из города окоупъ ꙗ рублиевъ Литовскихъ, и силоу свою всю ропоусти по Литовской земли; и воевали Татарове и данъ ж и до великаго Лоуцка, и много зла сотвориша Литовской земли, и отъиде оу свою землю. И се имена избитыхъ князей Литовскихъ: князь Андреи и Полоцкии Олгирдовичъ, братъ его Димитрей Дьбранскии, князь Иванъ Димитевичъ Киндырь, князь Андреи пасынокъ его Димитреевъ, князь Иванъ Евлашкович, князь Иванъ Боросовечъ Киевскии, князь Глебъ Святославичъ Смоленскии, князь Глебъ Корятович, братъ его князь Семень, князь Михаилло Подберезскии, братъ его князь Димитрей, князь Феодоръ Патрикеевичъ Волоскии, князь Атонтович, князь Иванъ Юрьевичъ Бельскии.

В летъ ꙗꙗꙗꙗ князь Юрьи Святославичъ да князь Олегъ Рязанскии приидоша ко Смоленскоу, а оу граде оу Смоленску бысть мятежъ и крамола: овиин хотяху Витовта, а дружина князя Юрья

очича. Кнзь ж Юрьи сослався и Смолняны з горожаны. Смолняне ж не могоучи тръпети насилія от иноверныхъ Ляховъ, и приняли кнзя Юрья, и град ему отворили. А кнзь Романъ Брянскій тоу бе тогда от Витовта оубить ноужною смертию, а кнгиню его и дети отпустиша, а намѣстники Витовтовы поимали; а бояре, которые не хотѣли очича кнзя Юрья или Брянскихъ, техъ всихъ посекали. А кнзь великий Витовтъ, тоуж осени приходилъ ко Смоленску на кнзя Юрья и стоял много дней под Смоленскомъ и не оузая града; поведе оу свою землю, возма перемирие. А оу Смоленскоу крамола бысть, людей много посекоша, и морь бысть на люди.

В летъ ꙗꙗѣѣ мѣсяца Юня ҃ на святого Ѳеодота изгибе слънце и скрыи лоуча своя от земля, во 4 часъ дни, в годъ святой обѣдин, и звезды явилися какъ в нощи; тогда было Блгвещение оу понеделокъ на стрстной недели. Тогда было великому кнзю Василію Дмитръевичъ кз на великомъ княженъи.

Тогожъ лета погорѣ Москва и Смоленскъ.

В летъ ꙗꙗѣѣ по Божію попоущению кнзь великий Витовтъ оумысливъ по своему хотенію, собралъ Епископы Роускыи во области его живущихъ: Ѳеодосіи Полоцькыи Грѣчинъ, Исакешъ Черниговскыи, Деонисей Лоуцкыи, Харитонъ Володимѣрскыи, Евфимей Тоуровскыи; и тыми Епископы постави Киеву Митрополита Григорья Болгарина Цамивлака, ноября ҃.

Тогожъ лета воеваша Татарове около Киева и монастырь Печерскыи пограбиша и пожгоша.

Тогожъ лета бысть в Новогороде морь силенъ железомъ и въ Ладозѣ, и в Роусѣ, и в Порхове, и в Пъсковѣ, и в Торъжкоу, и во Твери, и у Дмитровѣ, и по волостемъ.

В летъ ꙗꙗѣѣ родися кнзю Лыквеню сынъ Ярославъ на Копоръи нарченъ во кршени Ѳеодоръ.

В летъ ꙗꙗѣѣ Сентября и в Лоуцку великомъ постави Епископы к Тоурову, Евфимія от Галича, поведе к Москве Августа 4 д.

В летъ ꙗꙗѣѣ кнзь Дашко Ѳеодоровичъ Остроского тако козньоу взялъ Кременецъ кнзь великий Витовтъ оу великыи четвертокъ: послалъ преже себе двухъ члвкъ Дмитрия Даниля а с нимъ зговоря—Передайтеся слоужити Кондратоу Проусоу воевод

Кременецкому. Егда ж азъ придоу к городу. и вы оузвод оттопнѣ, а мость положите. Они ж приехавши оуверилися воеводе и прия ихъ любовно, а того в них не разоуме и ни познаша. И Дашко приехалъ к городу в ночи во ѿ час, ать его светници оу города оузводъ отсекали, и мость польжила, і Дашко с друуги своими оуеха оу городъ, Кондрата воеводу убили, а приставовъ королевыхъ и Витовтовыхъ побили, а князя Швиригаила и железь выпустилъ, седевшаго пол ѿ года, а отеле повдѣ Швиригаило во Оугры взявши Лоуческъ а оу Вольнскихъ бояръ отлоучилъ польтараста коней.»

Коли государемъ ¹⁾ былъ на Литовской земли князь великий Ольгирдъ и шедъ в поле с Литовскимъ войскомъ, побилъ Татаръ на Синей воде, трехъ братьевъ: князя Хачебей ²⁾, Кутлоубуга и Дмитрия; а тыи ³⁾ трии браты Татарское земли ⁴⁾ отчичи и дедичи Подольской земли, а от нихъ заведали атамани ⁵⁾ и боссаки, приеждаючи от тыхъ атамоновъ ⁶⁾ имовали с Подольской земли данъ. А брат великаго князя Ольгирдавъ держалъ Новгородокъ ⁷⁾ Литовскии, князь Корьятъ, а оу него были д сыны: князь Юрьи, князь Александръ, князь Костяньтинъ, князь Феодоръ. Ино тыи княжата Кориятовичи г браты ⁸⁾ со князя великаго Ольгирдовымъ прозволениемъ и с помочію Литовской ⁹⁾ земли (пошли въ Подольскую землю. И тогда въ Подольской земли не былъ ни одинъ городъ ни древомъ рубленны ¹⁰⁾, а ни каменнемъ боудоваинный ¹¹⁾). То тыи княжата Кориятовичи пришедъ в Подольскоую землю «и вошли оу приязнь со атаманы почали боронити Подольскоую землю» от Татаръ и босакомъ выхода не почали давати и шапервей ¹²⁾ нашли себе твержю на реце на Смотричи, «туть пак себе нарядили город Смотричи»; а оу другомъ месте были черници оу горе, а в томъ месте нарядили городъ Бакотоу. И ловяче в ловех пригодилося имъ, каако ¹³⁾ оугонили много олении в тотъ остров, гдѣ ныне Каменецкое ¹⁴⁾ место лежитъ. И посекши лесъ оумоуровали городъ Каменецъ, а с ¹⁵⁾ того вси города Полоцькия оумедровали и всю землю Подольскоую осели.

¹⁾ господарь. ²⁾ Хачебей а Кутллубугу. ³⁾ а то си три.. ⁴⁾ Татарскии князя. ⁵⁾ втамоня. ⁶⁾ отъ нихъ у тамановъ. ⁷⁾ Новгороднъ. ⁸⁾ Повторяются ихъ имена. ⁹⁾ Литовской. ¹⁰⁾ рубленого. ¹¹⁾ будоваинного. ¹²⁾ первое. ¹³⁾ такъ. ¹⁴⁾ Каменецкое. ¹⁵⁾ азъ.

И за тымъ Польскій Король Казимиръ Локотковичъ, што ихъ три брата Корьятович на Подольской земли (а) люди моужны, и он прислал ко князю Костянтиноу кглентовны листи с великою твердостю, прося его, штобы к нему приехалъ. А оумысливъ тое себе и со всеми¹⁾ паны, штож оу него сына не было, только была одна дочка, и хотел за него дочкою дати «а по своемъ животѣ королемъ осадити.» И князь Костянтинъ на кглейтовыхъ листехъ к Польскому Королю, ездилъ и тамъ как ся емоу посмотрело, не похотелъ к той вере приступитъ²⁾, и опят на тыхъ листехъ отехалъ до Подольской земли «до своего государства. И тоуту боуда на Подольской земли» на своемъ гдрствѣ умерлъ. А князя Юрья Волохове возма к себе его воеводою³⁾, и тамо его откормили⁴⁾, а князя Александра Татарове оубили. А зде брат «ихъ» князь Феодоръ Корьятовичъ Новгородъ держалъ. И оуслышалъ то князь Феодоръ што братьи не стало в животе и он шедъ (во Подольскую землю), Подольскую землю засель.

А в тымъ⁵⁾ лета князь (великий) Витовтъ государемъ сталъ на Литовской земли, и Подольская земля не хотела была послушна быти князя великаго Витовта и Литовской земли, какъ ж и предъ тымъ послушна «не» была. И князь великий пошелъ со всеми силами Литовскими к Подолью. И то оуслышавъ князь Феодоръ Корьятовичъ выбегъ с Подольской земли к Оугромъ, а города осадилъ Волохи и Оугорски князю⁶⁾ Феодору помочь далъ. А князь великий Витовтъ первей⁷⁾ пришелъ ко Бряславлю, и выима Бряславль⁸⁾, пришелъ к Сокольню и Соколецъ вынял, и пришел ко Каменцу в ночи и Каменца добыл; а потомъ Смотричъ вынял, и Скалоу и Червьленыи⁹⁾ городокъ и вси города позаседалъ. И воеводу князя Феодорова¹⁰⁾, штож на тыхъ городехъ на имя Нестака¹¹⁾, вынял. И по всемъ городомъ князь великий Витовтъ свои старосты посажалъ. А то было добыто¹²⁾ Литовскими силами, и никто емоу на которыхъ сторонь не помогаль.

1) и своими. 2) приступити. 3) взял его себе воеводою. 4) окормил. 5) тымъ. 6) князь. 7) первое. 8) выма Бряславль. 9) черленыи. 10) Феодора. 11) Нестаса. 12) Въ рукоп. это слово приписано вверху страницы съ знакомъ; въ сп. Д. а добытъ.

Тогда паки король просити началъ великаго князя Витовта рекоучи: милый брате далъ тебе Богъ, добыл еси Подольскѣи земли, оучини ми тоую честь, дай ми Подольскоую землю. «И князь великий (Витовтъ) далъ Подольской земли половину Королю, оу кѣ тысячехъ Каменецъ дань, а Смотричь, а Скалоу, а Черленый городок, а Бакотоу. А на нихъ на всихъ Подольскихъ городехъ, князь (великий) Витовтъ свои старосты посажалъ: на Брянслави, и на Соколци, и на Венице. А корол¹⁾ тыи города оу кѣ тысячехъ пану Спыткоу заставилъ. И коли князь великий бился на Татарскомъ побоници, а панъ Спытко приходилъ на помощь великому князю Витовту и тогда пана Спытка оубили Татарове, «на томъ бои». А пана Спыткова остала вдовою, а дети малы. И Король почалъ присылати к великому князю Витовтоу рекъ: што еси нам «далъ» половину Подольской земли оу кѣ тысячехъ пензен²⁾, и мы дали были оу к же тысячехъ пану Спытку, а пани Спыткова овдовела, а дети малы, а от Татаръ земли некомоу боронити «и ты» отдав к тысячен пензен, а города (опять) побери за себе. И князь великий послалъ Королю м тысяччен пензен на имя паномъ Немиромъ, а Дмитриемъ Васильевичомъ (Луцкимъ боярнемъ) а города свои³⁾ опять поималъ за себѣ и старостоу своего посадилъ, дворянина своего Граньского⁴⁾; а под Грановскимъ далъ пану Петроу Монтикгирдович, а под (паномъ) Петроу далъ пану Дедикголду⁵⁾, а потомъ далъ пану Дедикголду Смоленскъ, а пану Долгирдоу⁶⁾ Подолье далъ. Панъ ж Долгирдъ старостилъ на всихъ тых⁷⁾ городех на Подольи и до великаго князя Витовтова⁸⁾ смерти. А какъ великаго князя Витовта в животе не стало, и приехавши Леховъ⁹⁾ и пана Долгирда з¹⁰⁾ города Каменца созвали на раду (к) себе, и до рады не допустили¹¹⁾ (самого иняи) и ограбили (и Каменецъ засели и все тое забрали) што Подольское земли держать.

В летъ, а ц л ю князь великий Витовтъ Кестоутьевичъ созваша к себе Короля Польскаго Владислава, князя Московскаго Василья Васильевич и князя великаго Тверскаго Бориса Алексан-

1) в тыхъ. 2) пензенехъ. 3) свои. 4) Грановскаго. 5) Дедикголду. 6) Долгирду. 7) тыхъ. 8) Витовта. 9) Лехове. 10) изъ. 11) не допустивши.

древяча и мистра Немецкаго и Проуцкаго мещтера Виеланскаго¹⁾ и великие²⁾ послы (отъ) Ивана Царя Царьгородскаго³⁾ и от Римскаго цесаря приходили, и от Доунскаго⁴⁾ короля послы, и от великаго князя Ивана Резаньскаго, и от Волоскаго воеводы послы приходили и Одоевскии⁵⁾ князи сами были, и от великаго Новгорода, и от Пскова и от Ордынскаго прѣ послы были, и от иныхъ князей земли⁶⁾ послы были. (И тыи короли и велици князя и послы быша) оу великаго князя Витовта ̄ недель на его истраве⁷⁾; а на день шло оброка по т бочек меду, яловиць триста ж, а барановъ и непровъ по триста ж.

Князь великии Витовтъ хотель положити на себе короуноу и его неприятели Полянне⁸⁾ не перепустили⁹⁾ кароуны (и за тым не положи на себе короны). И разболеся князь великии Витовтъ, и распусти князеи великихъ (и) послы царевы со многими дары¹⁰⁾ и «с» честию; а король Польскии Владославъ был¹¹⁾ оу великаго князя Витовта и при немъ преставися великии князь Витовтъ месяца октября (13), на память стога аїла Иянова, брата господня.

«Похвала о великомъ кнзи Витовте»¹²⁾.

Тайноу царевуу танти добро есть, а дела великаго государя¹³⁾ повѣдати добро ж есть. Хочю вамъ поведати о великомъ кнзи Александре (зовемемъ) Витовтѣ Литовскомъ и Роуцскомъ, иныхъ многихъ земли¹⁴⁾ государя; но поне вж есть писано: Братя Бога боитася, а князя чтите, тако ж и я¹⁵⁾ хочю вамъ поведати о славномъ томъ государи; но немощно исповѣдати ни писанию предати дела великаго государя¹⁶⁾, яко бы не мощно комуу испытати высота небесная и глоубина морская, тож бы мощно исповедати сила и храбрость того славнаго гоеударя: сии князь великии Витовтъ. Бяше ж емоу дръжаще великое княжение Литовское и Роусское (и) иные многыи земли; сироста реку: вся Роуская земля. Не токмо ж Роусская (земля вся), но еще государь Оугорьской земли зовемый цесарь Римскии

1) Лиѳванскаго. 2) велици. 3) Эти слова приписаны визву странницы, со знакомъ, куда слѣдуютъ. 4) Донскаго. 5) Подоевская. 6) и земля. 7) истраве. 8) Поляне. 9) не пропустили. 10) дарии. 11) и бысть. 12) Въ сп. Д. эта похвала повѣщена дѣлѣ. 13) государя — и т. д. Вездѣ въ сп. Д. господарь или государь въ сей похвалѣ. 14) земля господаря. 15) вамъ азъ. 16) князя.

оу великой¹⁾ любви живяше с нимъ. Таково ми ся²⁾ оуверило некогда соушоу³⁾ томуоу славномуу государю, бывшиоу емоу оу своемъ градѣ в Лоуцку оу великомъ⁴⁾, и посла послы своя королю Оугорскому (зовемому) цезарю Римскому и повеле ему быти к себе. Онъ ж беза всякого ослушания оускоре приехалъ к немуоу и своею королицею. И честь великою и дары многы подаваша имъ⁵⁾; (и) оттоле ж в нихъ оутвердися великая любовь. Како не почюдимся чти великаго государя: иж⁶⁾ которымъ земли на оустоце⁷⁾ или на западе приходяче⁸⁾ поклоняются славномуу государю, иж есть царь надо всею землею; и томъ пришедъ поклонися славномуу царю⁹⁾ великомуу князю Александру (зовемому Витовту). Еще ж в Турецкии царь честь великую и дары многы подавали славномуу государю; благовѣрноу ж и христолюбивомуу царю Цариградскомуу и томуоу с нимъ оу великой любви живоушоу. Також в Ческое кролевство великою¹⁰⁾ честь держашу¹¹⁾ над славнымъ государемъ; ище¹²⁾ и Доньскии король великою честь и дары многы подаваше славномуу государю, великомуу князю Витовтеу. В та ж лета брату его Якавоу держашоу стол Краковьскаго королевства, а по Лядскомуу же я(зыку) зовемому Владиславу; и томуоу с нимъ оу великой любви живоущи. Коли славныи государь Витовта, на которую землю гневенъ бывалъ¹³⁾ и которую землю хотяше казнити, королю жъ Владиславу всегда помощь даюшоу. Еще ж нини цари оусточнии слоужахуть емоу. Тако ж великии князь Московьскии оу великой любви живяше с нимъ. (И) еще ж нини великии князи Немецкии слоужахють емоу со всеми городами своими и со земли¹⁴⁾; тыи ж великии князи Немецкии «и» по Немецкомуу языку мистрове. Еще ж государь земли Молдовьскыи и Басарабь(ския), по Волоскомуу¹⁵⁾ языку воеводы. Тако ж «и» государь (томъ) земли Болгарьскон, по Болгарьскомуу языку (зовемыя) деспоты. (И) еще ж нини великии князи: великии князь Тверьскии, великии князь Резаньскии, великии «князь» Едоевскии¹⁶⁾ «великии князь» и

1) великая. 2) томъ бы ми ся. 3) будущи. 4) зовемыи Луческъ великии. 5) емоу. 6) емоу. 7) востоце. 8) приходяще. 9) государю. 10) великому. 11) держаша. 12) и еще же. 13) бываше. 14) землями. 15) Власкому. 16) Одоевскии.

Новъгород великий и Псковъ. И что ста реку¹⁾, иж не обретеса во всемъ Поморянн на град, ни место, иж бы не прислоухали славнаго того государя²⁾ Витовта. Тыи ж велиции государи «цари», велиции князи и велиции земли, еще (же) писахомъ, здѣ и инни оу³⁾ велицей любви живоущи с ними, а инни крепко слоужахуть емоу (славному господарю) и честь великоу и дары великии и дани многи приношаху⁴⁾ ему, не токмо по вся лѣта, но и по вся дни. (Коли) славный государь великий князь (Александро зовемьи) Витовтъ на которую землю бываше гневен и которую землю самъ хотяше казнити или (пакы) силныхъ своихъ воеводъ послати⁵⁾ где оусхочеть⁶⁾, и которому от тыхъ великихъ земель повелеваше к собе быти, они без всякого ослушания оускорѣ прихожаху и со своей земли к нему; и коемоу государю некакоюи ноуж⁷⁾ немощноу быти и он вси свои рати⁸⁾ и силы посылаше на помощь на его слоужбоу. Сии ж князь великий (Александро зовемьи) Витовтъ оу великои чти и славе пребываше. Бяше емоу неколко от своихъ градовъ, оу великомъ граде Киевѣ (нарицаемемъ) и присылашеса⁹⁾ к нему великии князи Ордынскыи, прихожахоу к нему на¹⁰⁾ великоюу слоужбоу и просяще оу него царя на царство. Много бяше и¹¹⁾ Ордынскихъ великихъ царей слоужаху оу дворе его. Онъ ж далъ имъ царя (именемъ) Салтана. Ономоу ж царю, иж бе на Орде, слышавъ яко славный той государь отпустилъ своего слоугоу на царство никакож несме спротивитися славномуу государю¹²⁾ остави царство и побеге. Семоу же Салтану дошедше Орды и седе на царство повелениемъ великаго государя (зовемого) Витовта и слоужаше «емоу с» великою боязнию, и¹³⁾ по мнозе времена гонане¹⁴⁾ за животь. Инымъ ж старейшиннамъ Ордынскимъ послаша послы свои с великими дарами ко славномуу, государю и просиша оу него иного царя. Онъ ж далъ имъ малого Салдана¹⁵⁾. Семоу ж малому Салдану седшоу на царство, никакож несме ослушати славнаго государя: где коли емоу повезити и он тоуда¹⁶⁾ кочуеть. По мале времени¹⁷⁾ велиции ж князи¹⁸⁾ Ор-

1) со проста реку. 2) иже бы не приходили к славному господарю. 3) во. 4) приношахуть. 5) посадити. 6) восхочеть. 7) за которую вужу. 8) всю свою рать. 9) прислаше. 10) полежа ся ему подъ. 11) бо. 12) со славнымъ господаремъ. 13) не. 14) согна. 15) Солтана. 16) тогда. 17) и по мале времени тому минувши. 18) цари.

дынскія никакѣ не смѣшъ разгневати славнаго государя великаго князя Витовта дабы не от его роукы поставити имъ царя, и послаша съ великою честію и просиша оу него царя. Онъ ж далъ имъ много царя именемъ Давладъ-Бердиа. Якож река превосходящи всю землю, человекы и скоты напоюща а сама не оумаляюща¹⁾; також и славныи государь и множество царей отпущаетъ на Ордоу, а оу негож множество царей²⁾. (И) мы ж на предреченное возвратимся. Семоу царю Давладъ-Бердию немного время побывшию и тому мимошедшоу, симъ ж старешинамъ Ордынскимъ слышавшимъ яко славныи государь близъ есть (во прежде реченомъ граде) Кіева и придоша сами и поклонишася (ему) славному государю великому князю Витовтоу, и дары многи принесоша и просятъ оу него царя. Онъ ж далъ имъ «инога» царя именемъ Магмета. Яко ж бо от моря множество водъ взходяще, — тако и от сего моудрость великаго государя князя великаго Витовта.

По смерти великаго князя Витовта, сяде³⁾ на великомъ княженъ⁴⁾ князь Швитриганло на Вилни и на Тропехъ и княжи великии князь Швитриганло к годы без двоу-месяцемъ и при своемъ княженъ отпусти Смоленскаго владыку Герасима оу Царьградъ на митрополью. И не оуправляше земли; Литва ж⁵⁾ посадиша великаго князя Жидимонта Кестоутевича на великое княженъ на Вилни и на Тропехъ месяца сентября а день. И прииде Швитриганло на Полтескъ и на Смоленскъ и князи Роустви и бояре посадиша князя Швитриганла на великое княженъ Роуское. (И) на тоу ж осень собра силоу многоу князь великии Швитриганло и князь великии Тверскии Борисъ Александровичъ дасть емоу брата своего князя Ярослава со всею силоу своею и помде на Литвоу и не дошедъ до Вилни за з миль и стагна в Опмене⁶⁾ и ту стояше неделю. «И» князь великии Жидимонтъ прииде с Литовскою силоу и бысть имъ бои месяца Декабря во и день, на память святого отца Потапья, оу понеделникъ⁷⁾. И поможе Богъ великому князю Жидимонтоу, и побиха князя великаго Швитриганла, а князи

1) умалашись. 2) а у него боль мало царей навчено. 3) и сяде. 4) великое княженіе. 5) а Литва же. 6) Опмени. 7) в понеделокъ.

Роускихъ побѣдѣ, а иныхъ поймали¹⁾: князя Юрья Лыньквене-
вичъ няли²⁾, князя Василья Семеновичъ няли³⁾, Оедька Одинцо-
вичъ⁴⁾ няли, пана Дедикголда яша, воеводу Виленскаго, и
иныхъ много множество побѣдѣ и поймали.

Тое ж зимы оу другия рядъ⁵⁾ князь великий Швиригаило
собра силоу многоую Роускою и поиде на Литву и повоеваша
Литовьскыя земли множество и пожгоша и во полонь повели⁶⁾.

На лето ж собра силу многу Роускою и мештера⁷⁾ Лю-
бляньски со всею силою своею прииде к Швитригаилоу на по-
мочь и князь великий Тверьски даль⁸⁾ емоу свою силоу и
поидоша въ Литовьскую землю. За полторы мили от Вилни
ночевалъ⁹⁾ въ Рудоминѣ¹⁰⁾ и поиде к городу; (и не доходя
Троковъ поверне на старыи Троки; а под Троки¹¹⁾ стоялъ на
Спасовъ день, а стоялъ д дни. И отиде¹²⁾ от Троковъ, искати
великаго князя Жидимонта и рати Литовьской и стояше во Вон-
тишкахъ¹³⁾ д дни (и поиде на Русь въ свою землю. И приде ко
Креву и стояша к дни), и взя градъ Кревъ¹⁴⁾ моурованыи (и
сбже, а люди¹⁵⁾ много посекоша и в полонь повели¹⁶⁾). А от-
толѣ поиде к Молодечну, и приидѣ к великому князю Швири-
гаилоу вестъ штож идет Литва погошею; и князь великий Шви-
тригаило посла на нихъ князя Михаила Кіевьскаго воеводу, а
с нимъ посла иныхъ князей Роускихъ. И побѣдѣ¹⁷⁾ пана Петра
Монтинирдовичъ¹⁸⁾ и Литвою, а иныхъ поймали¹⁹⁾ на Копачехъ.
И оттолѣ поидѣ к Жеславлю, и Жеславль возме, тогож дне
пожже, а люди много в полонь поведе²⁰⁾. И пришли к Мен-
скаму²¹⁾, и возме град Менескъ, и сожжѣ, а люди много въ по-
лонь повели²²⁾, мужи и жоны; иде въ свою землю, а много
зла сотвориша Литовьскыи земли. И приидоша къ Борисову и
тоу изымаша князя Михаила Ивавовичъ Гольшанскаго, на реце
на Березине, и посла его к(о городу к) Витебьскоу, и тамо его
повеле втопяти оу реце у Двине под Витебьскомъ, (а няша его
помяна²³⁾). Не доходя Лоукомя за милоу в озерехъ мештеръ²⁴⁾.

1) поймали. 2) Лыньквеневицъ нялиша. 3) яша. 4) Оедоръ Одинцовича. 5) во.
Друбин градъ. 6) поведоша. 7) мештеръ. 8) даль. 9) ночовалъ. 10) Рудомени. 11) Тро-
кани. 12) поиде. 13) Векшухахъ. 14) и взяша Кревъ. 15) людем. 16) поведоша.
17) побѣдѣ. 18) Монтирдовичъ. 19) пойма. 20) поведоша. 21) приидоша ко Смоленску.
22) поведоша. 23) помяна. 24) мештеръ.

пойде оу свою землю (в) Лифлянты, а князь великий Швитригаило к Лоукомлю, и тоу распусти свои вои, князеи и боярь и самъ пойде (ко) Киеву. «И» на тоу жъ осень князь великий Жидимонтъ собра силу многоу Литовскою и Ляхи, и приидѣ на Литовскою землю, и сташа под Мьстиславлемъ, мѣсяца октября кз, на память святого мученика Дмитриа, в среду, и стояль г недѣли не возм¹⁾ город, и пойде оу свою землю.

На лето же собрався Швитригаило (со) князи Росскими²⁾, бояры и со всею силою Роуекою и поидѣ на Литву; а Мештерю³⁾ прииде своею силою на помощь Швитригаилоу и *скляша Швитригаиломъ*⁴⁾ оу Браслави, и Божимъ повеленіемъ паде на на землю мочь⁵⁾ великая; за тымъ не можаху в Литовскою землю пойти. Князь Швитригаило возвратис оу свою землю, а мештеръ оу свою землю, и распусти силоу свою, князеи и боярь к Полоцыку, а самъ пойде к Киеву.

На третье лето князь великий Швитригаило сожже Герасима митрополита оу Витебскоу. И собрася князь великий Швитригаило оу Витебскоу с⁶⁾ Роускими князьми и с Роускими ратми, и пойде к Браслави и тоу оу Браслави прииде к Швитригаилоу на помощь мештеръ Лиолявский со всею своею силою. И поидут от Браслави по Завельской земли, по Завелию к Вилкомирию. «И» самъ князь великий Жидимонтъ не поидѣ на Швитригаила и дасть король и сот копен помочи князю великому Жидимонту. И князь великий Жидимонтъ посла сына своего князя Михаила на князя Швитригаила. И князь Михаило прииде своею⁷⁾ силою Литовскою и с Ляхи, и быст имъ бой с Швитригаиломъ на Семень день, «на» летопроводца, (а) бися за Вилкомиремъ реце. «А» и за то Богъ не пособи князю Швитригаилоу, што сожже митрополита Герасима; и поможе Богъ великому князю Жидимонту и его сыну князю Михаилоу и побиса князя Швитригаила и всю силу его, и многих князей побиса, а иных роуками поимали. Оубили братанича его князя Жидимонта «и» Корибутович и князя Ярослава Лыньквеневичь⁸⁾ и князя Михаила Болобана Семеновичъ и князя Дани-

¹⁾ не взята города. ²⁾ Рускими. ³⁾ мештеръ. ⁴⁾ Эти слова приписаны внизу страницы; въ сл. Д. сояшя. ⁵⁾ моча. ⁶⁾ со. ⁷⁾ со всею. ⁸⁾ Лыньквенича.

днѣ Семеновичъ Гольшанскаго и князя Михаила Вяземскаго Двовичъ¹⁾, и иныхъ князей много побилъ; а роуками изымаша князей мѣ. На имя изымаша князя Иоанъ²⁾ Володимировичъ Киевскаго, и брата его князя Феодора Кербутовичъ³⁾, а Лиоляньскаго мейстера самого оубилъ, и ланмаршалка и иныхъ коунторовъ⁴⁾ много побилъ, и всихъ Лиолянтъ перебилъ, а иныхъ «всихъ» живыхъ поймаше⁵⁾, нешто ся ихъ мало осталось. И многихъ гостей перебилъ: Ракушанъ, Сляжанъ и Чеховъ и иныхъ роуками поймали⁶⁾.

(А) после того побитья недѣли г споустя князь великий Жидимонтъ собра всю свдю силу Литовскую и посла сына своего князя Михаила на Роусь. И пришедъ князь Михаилъ стает на Рши «и» Смоленяне стретили князя Михаила на Рша⁷⁾, и далисъ⁸⁾ Смоленяне князю великому Жидимонту и его сыноу князю Михаилу. «И князь Михаилъ к Смоленскоу не поведе, но поиде от Орши к Витебску, и пришедъ под Витебскъ князь Михаилъ стоялъ з недель, и не взя города проч поиде.

И послѣ того тоеж зимы князь великий Жидимонтъ собра опятъ всю свою силу Литовскоую и пановъ, и послалше к городу (к) Полоцкоу, и пришедъ панове стояли подъ Полоцкомъ недлю и недобывъ города шли прочь⁹⁾. И на лето Полочане и Витебляне, не чуя собѣ помочи ни отколе, и далисъ¹⁰⁾ князю великому Жидимонту Кестоутьевичю «и» нача князь великий Жидимонтъ княжити на великомъ княженни на Литовскомъ и «на» Рускомъ¹¹⁾.

(В лето 6944. В лето 6945. В лето 6946. В тыиже лета бысть глад велик во Смоленску. По лесомъ и по дорогамъ звери ядяхше люди, а в городе и по улицамъ пси ядяху люди мертвыхъ главы и руки, ноги влачаху пси. Ино и люди ели кот, малыхъ детей от великаго гладу. А во великое говене мяса ели, зверину по волостомъ и по селомъ. А четверка жита тогда была по две копе грошей. И меташа во скудилници людие емлющи поулицамъ.

Того ж лета царъ «Махемтъ»¹²⁾ побил Москвич.)

1) Воловоча. 2) Ивана. 3) Корбутовича. 4) куторовъ. 5) поймаша. 6) поймаша
7) Рши. 8) далиса. 9) прочъ пошла. 10) далиса. 11) Вслѣдъ за сими въ сивскѣ А.
лѣдуетъ похваля Витовту. 12) Михаилъ мейтъ.

В летъ яцимъ сотворися зло велико в Литве: оубиенъ князь великий Жидимонтъ (в Литви) оу (граде) Троцехъ оу верьбноую неделю перед обедомъ: в быст мятежъ великъ в Литовской земли. А в то время Смоленскъ¹⁾ дръжал от Жидимонта пан Ондрей Исаковичъ, и почалъ²⁾ приводити к³⁾ целованью Смоляничъ: чтож князь⁴⁾ Литовскии (и) паны снв ся земля Литовская кого посадит (на Вилни) на великомъ княженъ и вамъ от Литовской земли не отступити и великого князя Литовского, а к иномоу не пристоупати а мене вамъ держати оу себе воеводу, доклу сядет на Вилни князь великий. И владыка Смоленскии Семнонь, и князи, и бояре, и местиче, и черныи⁵⁾ люди целовали паню⁶⁾ Андрею (на всем том: Вилни не отступати и пана Андрея) держати оу⁷⁾ себе честно воеводу на Смоленскоу. И по велице дни на Святомъ недели в среду злоумали Смоляне⁸⁾ черныи люди, коузнеци, кожомяки, шевники⁹⁾, мясники, котелники пана Андрея согнати силою з города; а⁹⁾ полеваніе престоупали и нарядились¹⁰⁾ во изброи и с соулпами¹¹⁾ и со стрелами и с косами и с сокирами и зазвонили в колоколь. Панъ (же) Андрей почался радити «и» з¹²⁾ бояры Смоленскими; а бояре ему молвили: вели пане дворяномъ своимъ оубиратися во изброи, а мы съ тобою, чи лепши¹³⁾ датис нмъ оу роуки. И пошли съ копья на конехъ противъ нмъ и былъ нмъ «и» сступъ оу Бориса-Глебови¹⁴⁾ городѣ, избышася много черныхъ людей копии до смерти, а иныи равены живи остана. И побегоша черныи люди от пана Андрея. (И) тое ночи панъ Андрей выехалъ з¹⁵⁾ города и с жоною и бояре Смоленскии с нимъ. И после того бысть мятежъ великъ оу Смоленску: изымали¹⁶⁾ Смоляне Петрыку моршалака Смоленскаго, и оутопили его оу Днепръ¹⁷⁾; и посадили себе оу Смоленску воеводу князя Андрея Дорогобоужскаго Дмитриевича.

1) во Смоленску. 2) почл. 3) ко. 4) князи. 5) черныи. 6) пана Андрей. 7) въ. 8) перешевнии. 9) и. 10) нарядились. 11) со луками. 12) со. 13) лепшии. 14) Глеба во. 15) изъ. 16) и изымали. 17) во Днепре.

Радикъ Литовская, великаго княженя князи и панове и вся земля дорадившеса, и взяли з¹⁾ Ляховъ Казимира королевичъ²⁾ на великое княженье Литовское и посадиша его с честію на столничнемъ городѣ³⁾ на Вилни (и) на всен на Роуской земли.

И в то время приде князь Юрь Лыквеневичъ из Новгорода в Литву; (и) князь великии Казимиръ королевичъ даль емоу отчину его Мстиславль. Бояре ж Смоленскии приехали (к нему) з⁴⁾ Литвы ко Смоленску, и черныи люди не пустили⁵⁾ их в городъ; они ж розехалися по своимъ селомъ. И за тымъ бысть брань велика миж⁶⁾ бояръ и черныхъ людей. (И бояся бояръ) черныи люди призвали⁷⁾ себе государемъ князя Юрья Лыквеневич. И князь Юрь посла поимати бояръ, и поимал⁸⁾ бояръ и поковаль⁹⁾ ихъ. и именья ихъ подавалъ¹⁰⁾ своимъ бояромъ.

(И) той же осени на Филиповы запусты¹¹⁾ приде войско Литовское ко Смоленску и стояли полтретьи недѣли, посады и церкви и монастыри пожгли¹²⁾, (а людей многих множество посекоша), а живыхъ в полонь повели¹³⁾, и много зла сотвориша и поидоша прочь.

(В лет 6951 бысть зима люта и метелица без перестани с морозом, и мроща люди мнози по лесом и по дорогам с великой студени. А снег был велик велма, зла многа лета тако не запомнят. Той же зимы повод была велика во Смоленску, вес посад поняла, мало не дошла вода до Покровския горы.

Тойже зимы преставися архимандрит Анофрей Спаскии месяца Сентября 23, и проводиша его честно.

В лето 6952 князь великии Борис Тверскии и послал воевати земли великого Новгорода. А воевода их был Андрей Дмитревич; и завоеваша волостей за полтретьятцат волостей и много зла учиниша.

¹⁾ на. ²⁾ королевича. ³⁾ градъ. ⁴⁾ на. ⁵⁾ не пустиша. ⁶⁾ межъ. ⁷⁾ призваши. ⁸⁾ поимаша. ⁹⁾ поковаша. ¹⁰⁾ подоваша. ¹¹⁾ запуски. ¹²⁾ монгоша. ¹³⁾ подосла.

Тогож лета королю Полскому Владиславу, брату Казимиру было побоище со Турским царем, и убиен быст на том побоищи корол Угорскии и Турскии цар.) —

В лет 7111 князь великии Казимирь немирень «быль» со княземъ великимъ Московскимъ, и пришли Москвичи и Татары, и завоевали Вяземскую землю всю.

(И) тѣж зимы князь великии Казимирь посылал воеводъ своих, князей и пановъ противу того воевати Московского ¹⁾ земли, и завоеваша Козлескъ ²⁾, Верою ³⁾, и Колугу, и Можаскъ, и много зла оучинили Москвичамъ ⁴⁾, и в полонъ повели многиа ⁵⁾ люди. «И» собрашас Москвичи, за ф их, и погнаша (в) погоню за Литвою и догнавши и бившея с Литвою. (И) поможе Богъ Литвѣ: побилъ ⁶⁾ «многъ» Москвич, «а иных руками поймали» ⁷⁾ и привели их оу ⁸⁾ Смоленскъ к ⁹⁾ великому князю Казимиру, и оучиниши тогда «панове» великому князю честь и себе; и Московскаго (великаго) князя тогда не было в земли, ходилъ къ Моурому, «и Татаръ побилъ» ¹⁰⁾.

¹⁾ Московском. ²⁾ Козельскъ. ³⁾ Верей. ⁴⁾ Москвичемъ. ⁵⁾ поведоша множество. ⁶⁾ и победилъ. ⁷⁾ и много ихъ поймали живыхъ. ⁸⁾ поведоша ихъ во. ⁹⁾ ко. ¹⁰⁾ съ Татары битися. — За симъ въ сп. У. помѣщены слѣдующія извѣстія о предшествовавшихъ событіяхъ: «В лет 7011 оумеръ князь великии Олгирдъ. В лет 7012 князь великии Яковло Олгирдович ехалъ женитись во Оугорскую землю ко королю, и тамо женився крестис в латыньскую веру. И оттогда нача Литва креститис в латыньскую веру. Въ лет 7013 приехалъ митрополитъ Фотей в Литву июнь 4, с нимъ владыка Амброси и везхалъ великого князя Витовта оу Новгородце. Тогда былъ посолъ царевъ Филантропинъ Гричинъ. Того ж лета поиде митрополитъ Киеву, и оу Слуцку крестилъ князя Семена Александрович и оу Мозыри вернулъ митрополита князь великии. Того ж лета былъ митрополитъ в Галичи. В лет 7014 и во Льове и оу Володимирѣ, и приехалъ во второкъ оу канонъ Рожества Христова, а оу Вилни былъ о Крещении и оттогда поехалъ к Борисову и ко Дрюцку и к Тетерану. И во Мстислави былъ оу князя Семена Лыкивелья. И оу Смоленску вборовалъ при князи Семене Ивановичи, и приехалъ на Москву оу великии постъ. В лет 7015. Герасимъ епископъ Смоленскии поиде ко Царюграду. Того ж лета побоище бысть в Ошмене. И того ж лета Жидимонтъ селъ на княженъе. В лет 7016 Швантриганло соимше митро-

(Тои же звыи прѣстався Смоленскии владыки Се-
монъ, месяца марта 3 на средокрестной недѣли, в сре-
ду; и провидиша со честию у святого Спаса во мона-
стыри.)

«В лет зцнѣ»¹⁾ месяца мая князь великий Москов-
ский бился с Татары с царемъ Махметемъ и сыномъ его
Мамоутякомъ, и побѣша Москвичъ; и самого князя великого
няли²⁾ Василья Татарове на побойщи и Можанскаго князя
Ивана няли³⁾, и вныхъ князен и бояръ много побѣли⁴⁾;
а было то побойще в Соуздали⁵⁾ у святого Спаса, у мо-
настыри.

Тогожъ лета Москва выгорела⁷⁾ весь городъ, (и) име-
ния ихъ погореша, и люди множество. И бысть на Москвы
скорбь велика в людехъ.

Тогожъ лета передъ покровомъ за к ночи⁸⁾ поколебася земля
в ночи, акы⁹⁾ колыбелъ, колыбалис хоромы¹⁰⁾.

«И» тое ж осени на Дмитрѣвъ день¹¹⁾ царь Мах-
метъ и сынъ его отпустили князя великого Василя Мо-
сковскаго на окупе: дати по¹²⁾ собе емоу окупа много
множства.

В лет зцн.. князь Дмитрей Юрьевичъ Шемяка изымаша
брата его¹³⁾ старшаго, князя великого (Московского) Василя

полита оу Витебъску. Того ж лета быст побойще ко Вилкомири; множество по-
биша князен и бояръ и мещанъ. Того ж лета царь Махметъ побѣлѣ Москвич.
В лет зцѣи родися князю Дыньквелью сынъ Ярослав на Которы, нареченъ во
крещении Θεодоръ.» — Въ сп. Д., вслѣдъ за похвалою Витовту, также встрѣ-
чаются нѣкоторыя изъ сихъ извѣстій, а именно: объ отъѣздѣ въ Царьградъ
митрополита Герасима, битвѣ при Опменѣ; за тѣмъ: «В лето 6941 Гера-
симъ Митрополитъ выиде изъ Царяграда.» Потомъ о сожженіи митрополита Ге-
расима и битвѣ при Вилкомирѣ. Остальныхъ же не выходитъ. Изд. 1827,
стр. 63 — 66.

1) того ж лета. 2) няли. 3) няли. 4) понмаша. 5) Сождали. 6) выгоре. 7) лю-
дем. 8) недели. 9) яко. 10) храминны. 11) на святого Дмитра день. 12) на. 13) множ-
ство. 14) своего.

Васильевич¹⁾, и възнамаи²⁾ ему очи; а самъ слѣде на великомъ княжкень³⁾, на Москве.

«Того ж быст году моръ силонъ оу Смоленську»⁴⁾).

1) Васильевича. 2) возманиа. 3) княжкени. 4) Сл. У. оканчивается слѣдующимъ извѣстiемъ, безъ соблюденiя хронологическаго порядка: «В летъ 734... женися князь великий Василей Дмитривичъ, понал за себе дщеръ Ватогову Союю.»

ОБОЗРѢНІЕ

ЛѢТОПИСЦА ПЕРЕЯСЛАВСКАГО.

(Д. В. ПОДЪНОВА).

Въ числѣ рукописей, принадлежащихъ Московскому Главному Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, есть одна, очень любопытная по своему содержанию. Она заключаетъ въ себѣ древне-Славянскій переводъ хронографа Іоанна Антиохійскаго Малалы и *Лѣтописецъ Русскихъ Царей*, который и подаренъ нашимъ любознательнымъ дѣятелемъ Княземъ М. А. Оболенскимъ, подъ заглавіемъ: *Лѣтописецъ Переяславля-Суздальскаго*, составленный въ началѣ XIII вѣка (между 1214 и 1219 годовъ). Москва. Въ Университ. типогр. 1851. 8°.

Въ пространномъ предисловіи просвѣщеннаго издателя указаны мѣсто, время и составъ этого лѣтописца. Назвавъ его лѣтописцемъ Переяславскимъ (разумѣя Переяславль не южный, а сѣверный — Залѣсскій), Князь М. А. Оболенскій основался въ этомъ случаѣ на свидѣтельство самого памятника. Составитель лѣтописи, рассказавши подъ 1175 годомъ обстоятельства кончины Андрея Боголюбскаго, обращается къ этому великому князю въ слѣдующихъ выраженіяхъ (стр. 84): «Андрѣю княже великыи молися помиловати князя нашего и господина Ярослава, своего же приснаго и благороднаго

сыновца и даи же емоу на противныя, и многа лѣта съ книгинюю, и прижитіе дѣтии благородныхъ и мирноу дръжаву его и царство небесное въ бесконечныя вѣкы, аминь.» Изъ этихъ словъ лѣтописи Князь М. А. Оболенскій заключаетъ, что она писана въ Переяславлѣ Суздальскомъ, при князѣ Ярославѣ Всеволодовичѣ, племянникѣ Андрея Боголюбскаго; ибо извѣстно, что великій князь Всеволодъ Юрьевичъ, въ 1213 году, незадолго до своей смерти, назначилъ на княженіе въ Переяславль-Залѣскій сына своего Ярослава,—иначе лѣтописатель не назвалъ бы Ярослава *нашимъ*, т. е. *своимъ* княземъ. Въ Лаврентьевской лѣтописи *) вмѣсто *Ярослава, своего же сыновца*, сказано: *Всеволода, своего же приснаго брата*; вмѣсто: *прижитіе дѣтии благородныхъ*, читаемъ: *и съ благородными дѣтьми*. Кромѣ этого свидѣтельства, князь Оболенскій приводитъ еще и другія указанія, подтверждающія предположеніе его о мѣстѣ написанія лѣтописи. Подъ тѣмъ же 1175 годомъ лѣтописецъ рассказываетъ, согласно съ Лаврентьевскимъ спискомъ, обстоятельства войны между Михаиломъ и Всеволодомъ Юрьевичами съ одной стороны, и Мстиславомъ и Ярополкомъ Ростиславичами съ другой; но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавляетъ извѣстія о Переяславцахъ, не находящіяся въ Лаврентьевской лѣтописи (стр. 85): «а Переяславдемъ не хотящимъ его (Ярополка), но хотѣша Михаила съ братомъ его Всеволодомъ.» Нѣсколько далѣе: Переяславцы же не отъ сердца идяхуть (противъ Михаила), но приноуженіемъ Ростовскимъ; и потомъ: «А съ Переяславци няхоуть Володимирци едино сердце.» Далѣе, подъ 1213 годомъ, лѣтописецъ Переяславскій, передавая извѣстіе о войнѣ между Георгіемъ и Константиномъ Всеволодовичами въ совершенно другомъ видѣ, нежели какъ оно передано въ другихъ лѣтописяхъ, явно высказываетъ свое предпочтеніе къ сторонѣ Георгія Всеволодовича и брата его Ярослава; между тѣмъ какъ лѣтописи Троицкая и Новгородская оправдываютъ Констан-

*) Въ ссылкахъ нашихъ на Лаврентьевскую лѣтопись мы принимаемъ текстъ, изданный Археологическою Коммиссіею въ Полноцѣ Собраніи Русскихъ Лѣтописей, т. I. То же должно разумѣть и о Радзивилловской, Троицкой и Ипатьевской, на которыя встрѣчаются здѣсь ссылки. Эти списки, какъ извѣстно, служили вариантами при изданіи Лаврентьевской лѣтописи.

тина, слагая вину на его братьевъ. Въ описаніи этой войны здѣсь особенно подробно изложены тѣ ея обстоятельства, которыя касались Переяслава-Залѣскаго. Изъ этихъ мѣстъ видно, что разсматриваемый лѣтописецъ составленъ жителемъ Переяслава-Залѣскаго, который могъ подробнѣе и лучше знать обстоятельства, касавшіяся исторіи его роднаго города.

Время составленія Переяславскаго лѣтописа Князь Оболенскій относитъ къ началу XIII вѣка и приводитъ тому слѣдующія доказательства: лѣтописецъ этотъ оканчивается 1214 годомъ, словами: «Того же лѣта заложилъ Костянтинъ церковь съборную святыя Богородицы въ градѣ Ростовѣ. Се же бысть лѣто високостное.» (?)

Весьма вѣроятно, что Переяславскій лѣтописецъ этими словами и оканчивался, т. е. что въ рукописи, съ которой онъ изданъ, онъ сохранился вполне, потому что въ общемъ оглавленіи всего рукописнаго сборника (пред. LXX — LXXI) окончаніе лѣтописи означено именно тѣми же событіями, какими онъ и дѣйствительно оканчивается. Но болѣе твердое доказательство времени его составленія заключается въ вышеприведенномъ обращеніи къ Андрею Боголюбскому, гдѣ составитель лѣтописи испрашиваетъ отъ Бога *прижитія дѣтей благородныхъ князю Ярославу Всеволодовичу и его князю*. Если лѣтописатель просилъ у Бога для своего князя чадородія, значитъ дѣтей у него не было; и такъ весьма естественно допустить, что Переяславскій лѣтописецъ составленъ былъ до 1219 года, когда родился у Ярослава первый сынъ Феодоръ.

Что же касается до названія *самостоятельнаю*, которое князь Оболенскій даетъ изданному имъ лѣтописцу, — говоря, «что онъ, по своему составу и изложенію содержащихся въ немъ событій, совершенно самостоятеленъ, отличается отъ всѣхъ донынѣ извѣстныхъ нашихъ лѣтописцевъ древностію языка и тѣмъ, что составитель его сокращалъ въ началѣ XIII вѣка тотъ самый древній Кіевскій времяникъ (?), который въ концѣ XIV вѣка переписалъ Лаврентій мнихъ», — то такое названіе не можетъ быть принято безусловно. Самостоятельность Переяславскаго лѣтописца, или очевидное отличіе его отъ прочихъ извѣстныхъ списковъ (Лавр., Радз., Троиц.), начинается только

съ 1206 года. До сего же времени въ общемъ содержаніи Переяславскій лѣтописецъ сходенъ, или точнѣе, однороденъ, съ Лавр. лѣтописью, а еще болѣе съ Радз. (Кениг.) и Троиц. Но такъ какъ Переясл. лѣтописецъ отличается отъ Лавр. нѣкоторыми подробностями и языкомъ, то мы и приведемъ здѣсь наиболѣе значительныя разнорѣчія, и тѣ только, которыя относятся до историческихъ событій и до языка. Послѣдній отчасти также можетъ содѣйствовать къ опредѣленію времени написанія лѣтописи и подтвердить удостовѣреніе издателя, если приводимыя имъ историческія доказательства не будутъ сочтены достаточно убѣдительными.

Лѣтописецъ Переяславскій, какъ уже сказано выше, имѣетъ заглавіе: «Лѣтописецъ Русскихъ Царей.» Онъ начинается не космографіею, какъ у Нестора, т. е. не съ Ноевыхъ сыновей, а прямо съ Словенъ. «Сіе колѣно отъ племени Аѣтова нарицаеми Норици сиврѣчь Словене. По многѣхъ же временахъ сѣли суть Словѣне во Дунаевѣ, гдѣ есть нынѣ Оугорская земля и Болгарьская. И отъ тѣхъ (въ Лавр. прибавлено: Словѣнъ) разошася по земліи и прозвашася именъи своими и гдѣ сѣдше» и т. д. Все это почти такъ и въ Лавр. (стр. 3); но въ слѣдующемъ за симъ исчисленіемъ племенъ и ихъ размѣщеніемъ встрѣчаемъ слѣдующія разногласія:

ПЕРЕЯСЛ.

Стр. 1. «Также и останци Словене, с Дуная пришедше...»

— «и нарекошася *Деревляне Поллци*, занѣ сѣдоша въ лѣсѣхъ. А друзи сѣдоша межѣ Припетю и Двиною и нарекошася *Полочане*, рѣчки ради Полоты, иже иде въ Двину.»

— «И инѣи Словени сѣдоша около езера Пилера и прозвашася *Новоградци*.»

— «И тако разошася Словенскыи языкъ, тому и грамота дася языку.»

ЛАВР.

Стр. 3. «Также и ти Словѣне пришедше» (с Дунаемъ, нѣтъ).

— «и нарекошася *Поллци*, а друзи *Древляне*, за нѣ сѣдоша

. и нарекошася *Дравичи*; инѣи сѣдоша на Двинѣ и нарекошася *Полочане*, — рѣчки ради, иже втечетъ въ Двину, и ижеи Полота, отъ сея прозвашася *Полочане*.

— «Словѣни же сѣдоша около езера Пилера, прозвашася своимъ ижеи, и сѣдша градъ и нарекоша и *Новгородъ*.»

— «. тѣмъ же и грамота прозася *Словѣньская*.»

— «Словомъ живущиѣ же по горамъ снмъ.»

Стр. 2. «и то творять мвеніе собѣ, а не жученіе.»

— «Долмама же живущиѣ (живущиѣ, Рада и Тр.) особѣ по горамъ снмъ.»

Стр. 4. «.....не мовенъе собѣ, а мученъе.»

Въ Лавр. Археогр. это послѣднее мѣсто такъ исправлено редакціею, по спискамъ Хлѣб., Радз. и Троиц., между тѣмъ какъ въ рукописи Лавр. списка, въ Лавр. Тимк. и въ Ипат. написано согласно съ Переяславскимъ, и кажется, что чтеніе по этимъ послѣднимъ лѣтописямъ правильнѣе, нежели исправленное въ Лавр. Археогр.

— «Приходившу емоу (Кію) къ Царюграду и миръ сътворишу и чсть приимъ отъ царей, и оттолѣ къ Дунаю приде и виде любезно мѣсто и градъ съдѣла, се есть 2 градъ наречешъ Кіевешъ.»

— «Се бо токмо Рускѣи: Словене, Поляне, Дерямяне» и проч.....

«А се данниці, дають Руси дань»...

«Печера, Имь, Литва, испрѣва исконнѣи данниці и конокръмци, Змигола, Корсь, Нерома спречъ Жемонтъ, Либъ.»

— «...приходившу ему ко царю, якоже сказашу, яко велику чсть приялъ отъ царя, при котомъ приходивъ цари. Идуцю же ему опять, приде къ Дунаеву, вълюбви мѣсто и сруби градокъ малъ, хоташе състи съ родомъ своимъ, и не даша ему ту близъ живущиѣ; еже и доньлѣ наричють Дунайци городище Кіевецъ.»

Стр. 5. «Се бо токмо Словѣнесъ языкъ въ Руси: Поляне, Дерямяне».....

«А се суть иинѣи языкѣи, иже дають Руси».....

«Печера, Имь, Литва, Змигола, Корсь, Норова, Либъ.»

— «...а прѣвыхъ Волохъ выгнаша, ижъ бѣ прѣжъ сѣли.»

Въ Лавр. это извѣстіе пропущено, но въ Ипат., Радз. и Тр. находимъ: «прогнавшѣ Волохы иже бѣша преже пріялъ землю Словенску.»

Стр. 3: «Тогда въ Цариградѣ царь Ракліи, иже ходилъ на Ходроу Перьскаго,....» Это есть и въ Лавр., но Переясл. продолжаетъ вслѣдъ за тѣмъ: «...воева лѣтъ 6 и не успе къ запуску сырному, и разрѣшиша ему въ иеръни день заговѣти патриархъ съборомъ, и взяша за то епитемью; и царь и царица за немощъ телеснаго грѣха и мяснаго и зарекноваша, на 2^о лѣто

того не творити и постигоща до того жъ года. Латына бо ходиша съ ними и взяша обычаи самовольныи запоушати мясъ въ вторникъ Θεодоровы недѣли, за слабость невѣрія и с прилики царя Иракліа, его жъ избави Боже душа наша.»

Этого извѣстія, взятаго, какъ надобно полагать, изъ Византійскихъ источниковъ, нѣтъ ни въ одной лѣтописи, начинающейся Несторомъ. Также нѣтъ и слѣдующихъ любопытныхъ свѣдѣній при описаніи обычаевъ народовъ, населявшихъ Русскую землю. Послѣ словъ: «и велико стыденіе имя», Переясл. лѣтописецъ продолжаетъ;

«По семьжъ Латына бестудіе въземше отъ худыхъ Римлянъ, а не отъ витязѣи, начаша къ жевамъ къ чуждымъ на блондъ мысль дрѣжати и предстоати прѣдъ дѣвами и женами службы съдѣваючи и знамя носити ихъ, а своихъ не любити, и начаша пристроати собѣ кошули и кротополие носити.... Словене же отвращахоуся ихъ, овнѣжъ къ нимъ присташи мало.»

Немного далѣе о Радимичахъ, Вятичахъ и Сѣверянахъ:

«...начаша же по малѣ и ти ясти нечисто живоуще въ лѣсехъ, и срамословіе и нестыденіе, діаволоу угажаючи възлюбиха, и прѣдъ отци, и снохами, и матерми, и мрачи не возлюбиха, но игрища межи сълзъ, и тоу слѣгахоуся, рипиюще на плясаніа....»

Это извѣстіе хотя и есть въ Лавр. и прочихъ лѣтописяхъ, но оно изложено гораздо короче, чѣмъ въ Переясл. лѣтописцѣ^{*)}.

Выписка изъ Георгія Амартола (стр. 4), названнаго въ этомъ лѣтописцѣ Григоріемъ, разнится съ Лавр. въ рѣчахъ.

Лѣтосчисленіе здѣсь начинается, какъ и въ другихъ лѣтописяхъ, съ 852 года, подъ которымъ говорится о началѣ Русской земли въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Стр. 5. «Нача Михаилъ царствовати въ Цариграде, нача царствовати Русская земля. Придоша Русь на Царьградъ, яко»

^{*)} Подробности, которыя въ этомъ мѣстѣ находимъ въ Переяславскомъ лѣтописцѣ, до такой степени несообразны съ обычнымъ способомъ умѣренности въ выраженіяхъ, что на нихъ нельзя не глѣдѣть какъ на необычайность, по рѣкости своей очень замѣчательную. Ред.

же пишеть в лѣтописаніи Гречестемъ: тѣмже отсель почнемъ и числа положимъ.»

Но этихъ чиселъ, которыя въ Лавр. и другихъ лѣтописяхъ начинаются отъ Адама, здѣсь не положено. Кромѣ этого пропуска здѣсь находимъ замѣчательный вариантъ. Въ Лавр. сказано: *начася прозывать Руска земля*; а въ Переясл.: *«нача царствовати Русская земля.»*

Подъ 858 годомъ: походъ императора Михаила на Болгаръ.

Подъ 859 г.: о дани Варягамъ. Въ Переясл. сказано: «... на Меряхъ, на *Весель*, на Кривичехъ», а въ Лавр. (стр. 8) «на Мери и на *вспль* Кривичѣхъ.» Далѣе въ Переясл.: «... а Козари имахоу дань на *Киянехъ*...»; въ Лавр. «на *Полянѣхъ*.» Такъ и въ другомъ мѣстѣ, выше, гдѣ говорится о нашествіи Хозаръ на Древлянъ и на Полянъ, въ Переясл. сказано: «сѣдумавше же *Кияне*...» а въ Лавр. «*Поляне*.» Подобная замѣна Полянъ Киянами встрѣчается въ Переясл. часто; на пр. подъ 884 годомъ: (стр. 6) «И бѣ обладая Олѣгъ *Киянъ*»; а въ Лавр. «*Поляны*.» (Стр. 7): «Бѣ бо единъ языкъ Словенскы: Словене, иже сѣдяхоу по Доунаю, ихъ же преаше Оугре, и Марава, и Чеси, и Ляхове, и *Поляне Кіане*.» (Стр. 8): «*Поляне же Кіане* прозвашася понеже в поли сѣдяхоу.» Въ Лавр. въ обоихъ мѣстахъ сказано просто: «*Поляне*.»

Подъ 862 годомъ — призваніе Варяжскихъ князей:

... Стр. 5. «Изгнаша Словене Варягъ за море, и начаша быти безъ власти, и бысть въ нихъ войны, и зло вѣстаніе родъ на родъ, и паки смѣрившеся рѣша в себѣ: поищемъ себѣ князя и поставимъ надъ собою царствовать. И идоша за моря къ Руси, къ Варягомъ, сице бо звахоу Варягъ Русью, яко се друзи зовоутся Свое. Тако рѣша: Русь, Чюдь, Словене, Кривичи, и Вся земля, рѣша, наша велика и обилна, а наряда въ ней нѣсть. Да помдѣте къ намъ княжити и владѣти нами. И избрашася 3 браты с родомъ своимъ, и поиша по себѣ всю

Стр. 8. «Изгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами въ себѣ володѣти; и не бѣ въ нихъ правды, и вѣста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. Рѣша сами въ себѣ: поищемъ себѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву. Идоша за море къ Варягомъ къ Руси, сице бо ся зваху тѣи Варязи Русь, яко се друзи зовутся Свое, друзи же Урмане, Анѣглане, друзи Гѣте; тако и си. Рѣша Руси Чюдь, Словѣни и Кривичи: вся земля наша велика и обилна, а наряда въ ней нѣтъ;

Русь, и придоша ко Словеномъ, и съдѣлаша градъ Ладогу: и съдѣ старшии въ Ладозѣ Рюрикъ, 2 Синеусть на Бѣле езере, 3 Труберъ въ Изборьскѣ, и отъ техъ Варягъ прозвашася Русская земля Новгородце, ти и суть Новгородци, отъ рода Варяжска, прѣжъ бо бѣше Словенѣ.»

да поидѣте княжить и володѣти нами. И избрашася 3 братья съ роды своими, поидша по собѣ всю Русь, и придоша; старѣйшій Рюрикъ съдѣ въ Новѣградѣ, а другій Синеусть на Бѣлѣозерѣ, а третій Изборьскѣ Труворѣ. Отъ тѣхъ прозвася Русская земля, Новгородци: ти суть людье Ноугородци отъ рода Варяжска, преже бо бѣша Словѣни.»

Кромѣ многихъ прибавленій, встрѣчаемыхъ во всемъ этомъ мѣстѣ въ Лавр. лѣтописи, замѣчательно, что извѣстіе «съдѣ въ Новѣградѣ» (Рюрикъ) въ Лавр. спискѣ пропущено, а въ изданіи Археогр. Ком. «прибавлено по спискамъ, составляющимъ средній текстъ лѣтописи Нестора.» Въ другихъ же спискахъ, въ Ип., Хлѣб., Кениг. и Тр. говорится про Ладогу, почти тѣми же словами, какъ и въ Переясл. лѣтописцѣ.

Въ разсказѣ о походѣ Олега къ Кіеву, послѣ убіенія Аскольда и Дира, читаемъ:

Стр. 6. «...и погрѣбоша на горѣ, ...иде же нынѣ *Ольмиа дворъ*. И на той могилѣ поставиша церковь святого Николоу.»

Стр. 10. «..... кдѣ нынѣ *Ольмиа дворъ*; на той могилѣ поставилъ Олъма церковь святого Николу.»

Но въ варьянтахъ Лавр. лѣтописи сказано, что слово «Олъма» находится только въ одномъ Ипат. спискѣ приписаннымъ между строкъ, а въ Лавр., Радз., Тр. и Хлѣб. этого имени нѣтъ.

Повѣствованіе о Мееодіи и Константинѣ и о переложеніи священныхъ книгъ (подъ 898 годомъ), сходное въ сущности съ Лавр., представляетъ также нѣсколько важныхъ варіантовъ. Въ Переясл. *Кіане* не замѣняютъ названія *Полянне*, а оба названія сливаются въ одно: *Полянне Кіане*, — *Полянне же Кіане*. Вмѣсто: *философы*, какъ въ Лавр., здѣсь употреблено: *риторы*. Далѣе:

Стр. 6. «баше бо ходаше (Оугре) яко *Измамчи*.»

— «И прогнаша Оугре Волохъ и наслѣдиша землю тоу Словени, покоривъше а подѣ сл.»

Стр. 10. «бѣша бо *Ходанце аки се Половци*.»

— «Сѣдаху бо ту преже Словѣни, и Волхъве приша землю Словѣньску; посемъ же Угри прогнаша Волхы и наслѣдиша землю, и

Стр. 7. «Посемже Коцель князь постави Мееодия епископомъ въ ис Паниѣ на мѣсте святаго Апостола Андроника»....

сѣдоша съ Словѣны, покорише я подѣ ся.»

Стр. 11. постави Мееедѣ епископа въ Паниѣ, на столѣ святаго Овѣдроника апостола»

Тамъ, гдѣ говорится объ осужденіи папою Римскимъ тѣхъ, кто ропщеть на книги Словенскія, въ Переясл. приведено нѣсколько текстовъ изъ Пророчествъ, которые частію выпущены въ Лавр. лѣтописи.

Подѣ 903 годомъ, о св. княгинѣ Ольгѣ здѣсь сказано:

Стр. 8. «Приведоша емоу женоу... именемъ Олгу, остроумною и корень и основаніе вѣрѣ христианстей и намъ вождь.»

Въ Лавр. и другихъ лѣтописяхъ это мѣсто кончается только словами: *именемъ Олгу.*

Въ описаніи похода Олега въ Грецію, подѣ 907 годомъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Олегъ, при заключеніи мира, требуетъ отъ Грековъ дани, вмѣсто извѣстнаго выраженія: *«по 12 гривенъ на ключъ»* въ Переясл. поставлено: *«на челоушка.»*

Въ исчисленіи дани на Русскіе города въ Переясл. (стр. 9) упомянуть *Новъградъ*, пропущенный въ другихъ лѣтописяхъ. Далѣе:

Стр. 9.«да приходяче Русь сълюбленов да емлють елико оучречено.»

— «Грдущимъ же всплатъ да емлють.....»

— «И пошлетъ Царь вотъ наши, да испишють имена ихъ»...

— «Царь Леонъ и Олександръ миръ створиша съ Олгомъ, и роте заходиста, цѣловаста крестъ.»

«А Олегъ кляся по своему закону Пероуномъ коумиромъ и Волосомъ скотнимъ Богомъ. И рече Олегъ: ищите стягомъ парусомъ прѣ паволочиты, а Словеномъ кропшны»....

— «И отступи отъ Царяграда и прииде въ Кіевъ.»

Стр. 13.«да приходятъ Русь, хлѣбное емлють, елико хотять.»

— «и поядуть же Русь домови, да емлють.....»

— «...и послетъ царство наше»...

— «.....»

..... съ Олгомъ имѣшеса по дань и ротѣ заходивше межи собою, цѣловавше сами крестъ, а Ольга водиша и мужій его на роту; по Рускому закону кляшася оружьемъ своимъ, и Пероуномъ богомъ своимъ, и Волосомъ скотнымъ богомъ, и утвердиша миръ. И рече Олегъ: ищите прѣ паволочиты Руси, а Словѣномъ кропшны»....»

— «...и поиде отъ Царяграда. И въспаша Русь прѣ паволочитые,

а Словѣне кропійныя, и раздра я вѣтръ; и ркоша Словѣнѣ: имемъ-ся своимъ тольствамъ, не даны суть Словѣномъ прѣ кропінныя. И првде Олегъ къ Кіеву....

За этимъ, подъ 912 годомъ, въ другихъ лѣтописяхъ слѣдуетъ договоръ Олега съ Греками, котораго въ Переясл. нѣтъ. Но заключеніи договора:

— Царь Леонъ
повеле имъ (посламъ) показати цер-
ковноюу красотоу и полаты златыя,
ещеже и чудеса Божія и страсть
Господню
.....
оучащи ихъ къ вѣрѣ.

Въ другихъ лѣтописяхъ *) вмѣ-
сто словъ, означенныхъ курси-
вомъ, читаемъ: (стр. 16) «простави къ
нимъ мужи свои..... и въ нихъ су-
щяя богатства, злато много, и па-
волоки и каменье драгое.....
учаще я къ вѣрѣ своей и показав-
ше имъ истинную вѣру.»

Вслѣдъ за тѣмъ идетъ рассказъ о смерти Олеговой, и потомъ вставка о волхвахъ, окончаніе которой въ Переясл. лѣтописцѣ выпущено; также пропущено нѣсколько короткихъ извѣстій, о нашествіи Печенѣговъ на Русскую землю и о Византійскихъ событіяхъ.

Въ описаніи перваго похода Игоря на Грековъ (941 г.) въ Переясл. выпущены многія подробности. О второмъ походѣ (944 г.) въ Переясл. сказано только:

Стр. 10. «Иде отмѣстити Игорьъ Грекомъ. Они же яшясь по дань и смиришясь и посла рядци оукрѣпити миръ до скончанія.»

Въ Лавр. же этотъ походъ описанъ обстоятельнѣе и помѣщенъ заключенный Игоремъ съ Греками договоръ, котораго въ Переясл. нѣтъ.

Походъ Игоря противъ Древлянъ (945 г.) и убіеніе его описаны въ Лавр. подробнѣе или многорѣчивѣе чѣмъ въ Переясл.

— Рѣша дружина Игоревы: лю-
ди Свѣндилы доволни всемъ, а мы
оу тебя нази. Оужѣ поиде на Де-
ревляны и дани промышляа и на-
силоуа на нихъ и взя дань.»

Стр. 23. «Рекоса дружина Иго-
реви: отроца Свѣнълъжи изодѣли-
ся суть оружемъ и порты, а мы
нази; поиди, княже, съ нами въ
дань, да и ты добудеши и мы. По-
слуша ихъ Игорьъ, иде въ Дерева
въ дань, и примышляше къ первой
дани, насилыше имъ, и мужи его;
возьемавъ дань, поиде въ градъ
свой.»

*) Кроме Лавр., въ которой здѣсь недостаетъ нѣсколькихъ листовъ.

Но тамъ, гдѣ начинается разсказъ о мести Ольги (подъ тѣмъ же 945 г.), Переясл. лѣтописецъ представляетъ любопытные варианты и подробности, не встрѣчающіеся въ другихъ лѣтописяхъ.

— Решя Деревляне: се князя Русскаго оубихомъ, повмемъ *Кляшю* *его Олоу* за князя свои Малъ, и Святослава, и сѣтворимъ емоу яко же хоцемъ. *И послаша старыишихъ 20 боляръ. И приплюша подь Боричевъ въ лоды...*

Въ Лавр. (стр. 23) вмѣсто словъ, означенныхъ курсивомъ, читаемъ: «....жену его Вольгу.....
.....
..... И послаша Деревляне лучшіе мужь, числомъ 20, въ лоды къ Ольгѣ, и присташа подь Боричевымъ въ лоды.»

Въ Лавр. вскорѣ за этимъ слѣдуетъ любопытное описаніе мѣстности Кіева, которое выпущено въ Переясл. лѣтописцѣ.

Когда Ольга позвала къ себѣ Древлянъ, то сказала имъ (стр. 11): «добриі гости придоша. Они же отвѣчаша: добри, княгине.» Въ Лавр. же (стр. 24) они отвѣчаютъ: «*пришлохъ* княгине.»

Ольга, научая ихъ, какъ имъ поступить, когда она пришлетъ звать ихъ къ себѣ на другой день, прибавляетъ: «такъ люблю князя вашего и васъ.» Ни въ Лавр., ни въ другихъ лѣтописяхъ этихъ словъ нѣтъ, а равно и слѣдующихъ подробностей: «Ониже ради и рѣша покивающе роукама: вѣсили, княже нашъ, како мы тобѣ оустряпахомъ. Идоша в лоды піани веселы.»

— «Они же сѣдяше *въ перегородахъ*, гордящися.» Въ Лавр. непонятное «*въ перетбѣхъ*»; въ Ип. «*въ перетребѣхъ*.»

Погубивши присланныхъ къ ней Древлянъ, Ольга снова посылаетъ къ нимъ: «да аще мя право просите, то прислите къ *симъ 20 еще нарочитыхъ*» (въ Лавр. . . . «то пришлите мужа нарочиты»). Переясл. продолжаетъ: «... а сіи здѣ готовы тешать мое сердце ражденное.» Этого въ Лавр. нѣтъ, а также и слѣдующей характеристической прибавки: «Князю же (Древлянскому) веселіе творящу къ браку и сонъ часто зряше Малъ Князь: *се бо пришедъ* Олга дааше емоу прѣты многопенны червены вси жемчюгомъ иссажены и одѣяла чръны съ зелеными оузоры и лоды, в нихъ же несенымъ быти, смолны.»

Вмѣсто *истопку*, какъ въ Лавр., въ Переясл. употреблено: *избоу мовною*.

«И посла къ Деревлянѣмъ (Ольга) *написавъ*», (въ Лавр. «*срѣхуци сице*»). Здѣсь слово *написавъ* измѣняетъ характеру современности. — «.... да людіе ради (этихъ словъ нѣтъ въ Лавр.) плачюся по немъ надъ гробомъ его, да сътворю тризну, сыну моему добро видети и Кияномъ, ать не зазрятъ ми.» Последняго выраженія: «сыну моему... зазрятъ ми» въ Лавр. нѣтъ, но оно весьма хорошо обрисовываетъ притворство Ольги, которая, задумавъ дѣло мести, старается найти передъ непріятелями благовидные предлоги своимъ поступкамъ.

Древляне спрашиваютъ у Ольги: «гдѣ соуть *друзи наши*»... (въ Лавр. «*дружина наша*»). «Она же рече: идуть по мнѣ съ дружиною моего *приставлены къ скарбоу*.» (Последнихъ словъ нѣтъ въ Лавр.).

— «...повеле отрокомъ своимъ: |
прини на нихъ (на Древлянъ) и |
исѣчи ихъ.»

— «..... |
своимъ пити на на.... и повелѣ |
дружинѣ съчи Древляне.»

946 годъ.

Стр. 12. «Олга съ |
воньствомъ многимъ иде на Де- |
ревьскоую землю.»

— «и снемшеся *въ коупа*.»

— «.... Деревляне же вбегше въ |
градъ затворишася.»

— «И ста около града.»

— «Олга |
собра вои многи и храбры, и иде |
на Дерьвску землю.»

— «снемъшемся объма полко- |
ма на скупъ.»

— «..... |
побѣгоша и затворишася въ гра- |
дѣхъ своихъ.»

Стр. 25. Лавр. добавляетъ: «съ |
сьномъ своимъ, а Деревляне за- |
творишася въ градѣ.»

— «А вси люди яшася по дань *пашють* нивы своя....» (въ |
Лавр. «*дѣлають*»).

— Рече имъ Олга: яко оуже |
я истила мужа своего когда при- |
шли свадбу творити; тажъ второе |
и третнее; а оуже хоцю оу Кіевъ.»

— «....но мало оу васъ прошю |
дати богомъ жрѣтвую отъ васъ и |
ослабоу вамъ подати себе на ле-

— Рече же имъ Ольга: яко азъ |
мьстила уже обиду мужа своего, |
когда придоша Кіеву, второе, и |
третьее, когда творихъ тризну |
мужевн своему; а уже не хоцю |
мъщати, но хоцю дань имати по- |
малу, смирившися съ вами поиду |
опять.»

— «....но мало у васъ прошю: |
дайте ми отъ двора по 3 голуби, |
да по 3 воробьи.»

карство главныя болѣзни; дайте
ми отъ двора по 3 голуби и по
3 воробьи, зане оу васъ есть тын
птицы, а мвде оужъ всюду съби-
ракъ и нѣсть ихъ, а в чюжюю
землю не шлю; и то вамъ въ родъ
и родъ.»

Это извѣстіе, совершенно укороченное въ Лавр., по замѣчанію князя Оболенскаго, особенно любопытно во-первыхъ тѣмъ, что объясняетъ причину требованія Ольги, и вторыхъ тѣмъ, что указываетъ на обычай приносить птицъ въ жертву богамъ.

— «Деревяне же
повѣда людемъ и върадовашася.»

— «и нитію овязать.»

— «И не ведящимъ гражаномъ
въгореса градъ въ малъ часть и
голоубие и храмы и клетки и веж-
ди и не бѣ лъзѣ гасить.»

— «... я платить повѣле по двѣ
коунѣ чръныхъ, по две веверици и
скоры и медь и давати Киевоу и
Вышеграду, ты бо Олжинъ градъ.»

— «.
и повѣдаша людемъ, и обрадова-
шася люде въ градъ.»

— «. ниткою поверываю-
ще»

— «и тако възгарухса голу-
бници, ово клетти, ово вежѣ, ово ли
одрины, и не бѣ двора идѣже не
горяше, и не бѣ лъзѣ гасити, вси
бо двори възгорѣшася.»

— «. а прокъ ихъ остави пла-
тити дань. И възложи на ня дань
тяжку, 2 части дани идета Кие-
ву, а третьяя Вышегороду къ
Ользѣ; бѣ бо Вышегородъ градъ
Вользинь.»

Въ этомъ мѣстѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, замѣчается та особенность, что сказанное въ Переясл. лѣтописцѣ не находится въ Лавр.; а что есть въ послѣдней, то выпущено въ Переяславскомъ.

Въ повѣствованіи о походѣ Ольги въ Царьградъ и о принятіи ею крещенія (955 г.) встрѣчаются слѣдующія разнорѣчія:

Стр. 13. «И тогда царь Костян-
тинъ сынъ Леоновъ»

Стр. 25. «Бѣ тогда царь нма-
немъ Цѣмьскій (Цимискій).»

Но такъ только въ одной Лавр.; въ прочихъ же спискахъ согласно съ Переяславскимъ лѣтописцемъ.

— «. оудивися царь разумоу ея и рече си слово
к любви.»

Послѣдняго выраженія въ Лавр. нѣтъ.

— «Она же разоумевши рече емоу: како то слово исполнится царю, понеже азъ погана есмь, да аще възвѣнитъ мя Богъ съ крещеными, то и се положуши. Царь же безмерно радъ бысть, и рече еи: патриархоу възвещю ли слово се. Она же рече: готовыи еси поручитися по мѣ Богу и патриархоу. Онже радъ и, порючюся, рече. Она же рече, то оуже время прииде, крѣсти мя самъ. И поручися царь патриархоу и крѣстиша ю патриархъ и царь.»

Стр. 26. «Она же разоумѣши рече ко царю: «азъ погана есмь, да аще мя хоцещи крестити, то крести мя самъ; аще ли, (въротно здѣсь выпущена частица *ни*) то не крещюся; и крести ю царь съ патриархомъ.»

— «... благословити бо тя имоуть сынове Русѣи.» Въ Лавр. вмѣсто «имоуть» — «хотять»; но въ прочихъ спискахъ согласно съ Переясл. лѣтописцемъ.

— «... аки гоуба водоу принимае въ свое естество, тако оучителя изъ оустъ слово въ сердци принимаше.»

— «... аки губа напавема, внимающи ученья.»

Вмѣсто извѣстнаго реченія «переклюкала мя еси Ольга», въ Переясл. читаемъ: «преклика мя Олга.»

— «... И благослови ю патриархъ и дастъ еи прозвѣтера.»
Последнихъ словъ въ Лавр. нѣтъ.

Въ концѣ этого повѣствованія въ Лавр. вставлены два благочестивыя размышленія, которыя въ Переясл. не находятся.

Описаніе характера Святослава (подъ 964 г.) въ Лавр. подробнѣе нежели въ Переясл., въ которомъ, вообще съ 969 года, повѣствованіе начинаетъ быть сокращеннѣе противъ Лавр.

Святославъ, изъявивъ желаніе оставить Кіевъ и поселиться въ Переяславцѣ, говорить:

Стр. 15. «... яко тоу всѣ добро сходятся отъ всѣхъ царствъ.»

Стр. 28. «... яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ золото, паволоки, вина, оwoщеве розноличныя и т. д.»

Послѣ разказа о преставленіи великой княгини Ольги въ Лавр. помѣщена пространная ей похвала, а въ Переясл. читаемъ только:

— «И си бысть похвале достойна, прѣвыи вождь христіанъствоу.»

Въ слѣдующей статьѣ, подѣ 970 годомъ, о приходѣ Новгородцевъ къ Святославу просить себѣ князя, въ Переясл. нѣтъ тѣхъ подробностей, которыя находятся въ Лавр. лѣтописи.

Подѣ 971 годомъ, о походѣ на Болгаръ и на Грековъ, въ Переясл. сказано въ немногихъ словахъ, тогда какъ въ Лавр. эти происшествія описаны съ большими подробностями. Въ Переясл. выпущенъ и договоръ Святослава съ Греками.

Разсказъ объ убіеніи Олегомъ Святославичемъ сына Свѣнельдова, Люта, помѣщенный въ Лавр. подѣ 975 годомъ (стр. 31) въ Переясл. пропущенъ.

Начало войны Ярополка съ Олегомъ, подѣ 977 годомъ, Переясл. лѣтописецъ разсказываетъ сокращеннѣе.

Война Владиміра съ Ярополкомъ, подѣ 980 годомъ, описана въ Переясл. сходно съ Лавр. въ главныхъ обстоятельствахъ. Замѣчательныя разнорѣчія:

Владиміръ посылаетъ къ Рогвольду сказать ему (стр. 16): «вда за мя дщерь свою»; (Лавр., стр. 32: «хочю пояти дъчерь твою собѣ женѣ»). Дочь Рогвольда, Рогнѣда, отвѣчаетъ: «не хочюу Кривитина розоути»; (Лавр. вмѣсто Кривитина, «робичича»). Послы возвратились, «и повѣдаша рѣчь и оукорь Рогнѣдинъ»; (Лавр. «и повѣдаша ему всю рѣчь Рогнѣдину», и кромѣ того въ ней еще прибавлено: «дъчери Рогвъоложѣ, князя Полотьскаго»).

Блудъ, въ Переясл. названъ «милостникомъ»; но этого названія нѣтъ въ Лавр.; только въ Ипат., передъ именемъ «Блудъ», написано на полѣ: «воеводою.» Названіе *милостникъ* встрѣчается въ Переясл. и въ другихъ мѣстахъ. Мать Владиміра, Малуша, ключница Ольгина, названа здѣсь (подѣ 970 г.) *милостница*; то же увидимъ ниже.— Владиміръ, переманивъ къ себѣ Блуда, говоритъ: . . . «аще одолѣю братоу моемоу»; (Лав. . . «аще убью брата своего»).— Послѣ того какъ Блудъ согласился передаться Владиміру, въ Лавр. (стр. 33) и въ другихъ лѣтописяхъ помѣщено благочестивое размышленіе: «О злая леть челоувѣчска! . . .», которое въ Переясл. выпущено.— Пословица: «бѣда аки въ Роднѣ» въ Переясл. «безъ хлѣба аки в Роднѣ.»— Когда Варяжко даетъ Ярополку совѣтъ: «не ходи, княже, (къ Владиміру),

оубиють тѣ», въ Переясл. прибавлено: «Рече Блоудъ: то ты милостникъ оу князя. И рече Варяжко: всякъ милостникъ подобенъ есть змиі запазушнѣи . . .» Здѣсь опять встрѣчаемъ милостника, который, вѣроятно, означалъ близкаго человѣка, любимца, наперсника. (Стр. 17): «Володимеръ же посла (Лавр. «посади») Добрыню, дядка (Лавр. «уя») своего, в Новградъ.» Говоря о женолюбіи Владиміра, Переясл. лѣтописецъ упоминаетъ о Григоріи мнихѣ: «Бѣ бо женолюбець яко и Соломанъ. Рече бо книга Царская, Григоріемъ мнихомъ, о Соломанѣ, яко име женъ семьюсотъ» . . . (Лавр., стр. 34: «бѣ бо женолюбець якоже и Соломанъ, бѣ бо, рече, у Соломана женъ 700»).

Объ этомъ Григоріи мнихѣ, который здѣсь вторично встрѣчается (въ первый разъ при переводѣ Амартола), Князь Оболенскій (предисл., vi) пишетъ:

«Кромѣ того (т. е., что имя Григорія упоминается въ этой лѣтописи два раза), въ одномъ изъ киноварныхъ заглавій недавно открытаго мною древле-Славянскаго перевода хроникки Іоанна Малалы обозначено, что переводъ этотъ былъ сдѣланъ *«Григоріемъ пресвитеромъ мнихомъ, при Болгарскомъ князѣ Симеонѣ, т. е. въ X вѣкѣ. Изъ сличенія этихъ мѣстъ, съ большимъ вѣроятіемъ можно предполагать, что всѣ эти одноименные переводчики: и Григорій, переложившій Амартола, и Григорій-мнихъ, переложившій книгу Царствъ, и Григорій-пресвитеръ-мнихъ, переложившій хронику Іоанна Малалы, должны быть признаны за одно лице.»*

Съ своей стороны прибавимъ: если только *Григорій*, переложитель Амартола, не поставленъ въ Переясл. лѣтописцѣ ошибкою вмѣсто *Георгія*, т. е. самого Амартола. Во всѣхъ извѣстныхъ лѣтописяхъ читаемъ: «Глаголетъ бо *Георгій* въ лѣтописаньи»; и только въ одномъ Переясл. *«Григорій* рече въ лѣтописаньи.»

Подъ 983 годомъ, о походѣ Владиміра на Ятвяговъ и разсказъ о мученической кончинѣ двухъ Варяговъ христіанъ, въ Переясл. изложено сокращеннѣе противъ Лавр.

Слѣдующее за тѣмъ извѣстіе, подъ 984 годомъ, хотя передано въ Переясл. короче, но изложено яснѣе, чѣмъ въ Лавр.

Стр. 18. «Посла Владимерь на | Стр. 36. «Иде Володимеръ на Ра-
Радимичъ воевода Вльчій Хвостъ, и | димичи. Бѣ у него воевода Волчій

срѣте ихъ на рѣцѣ Пищавѣ и побѣди ихъ. Така речъ и сѣи часъ: Вльчѣи хвоста Радимичи бѣгають Пищавци.»

Хвостъ, и посла и Володимеръ передъ собою, Волчьѣи Хвоста; срѣте е на рѣцѣ Пищавѣ и побѣди Радимичѣ Волчьѣи Хвостъ; тѣмъ и Русь корятся Радимичемъ, глаголюще: Пищавьѣи волчьѣи хвоста бѣгають.»

Подъ 985 годомъ, разсказъ о походѣ Владиміра на Болгаръ въ Переясл. изложенъ короче. Въ этомъ мѣстѣ во всѣхъ лѣтописяхъ находится извѣстное выраженіе: «пойдемъ искать себѣ лапотниковъ.» Въ Переясл. вмѣсто этого говорится: «пойдемъ собѣ даньниковъ.»

Подъ 986 годомъ слѣдуетъ повѣствованіе о приходѣ къ Владиміру иновѣрцевъ. Здѣсь находятся слѣдующія разнорѣчія: Болгаре говорятъ: ... «вѣруи въ нашъ законъ и *повинисъ* Бохмету» (въ Лавр. «поклонисъ»). Объ женахъ:

— «....дасть бо ихъ Богъ по 70 женъ красныхъ, и събереть красоту, и ту красоту на всѣхъ възложитъ и боудуть вси мужу милы.»

— «дасть Бохмитъ комуждо по семидесятъ жезъ красвыхъ, и забереть едину красну, и всѣхъ красоту възложитъ на едину, та будеть ему жена.»

Переясл. лѣтописецъ изложилъ это согласіе съ Кораномъ.

— «а кто былъ здѣ богатъ, то и тамъ.»

— «на семь свѣтѣ еще буде кто убогъ, то и тамо.»

Разсказъ Философа (который въ одномъ мѣстѣ называется *сторикъ*) о Греческой вѣрѣ сходенъ съ помѣщеннымъ въ другихъ лѣтописяхъ, кромѣ небольшихъ разнорѣчій и нѣкоторыхъ неважныхъ пропусковъ. Только при концѣ повѣствованія изъ Ветхаго Завѣта въ Переясл. выпущена большая часть изрѣченій, взятыхъ изъ Пророковъ.

Послѣ этого повѣствованія (подъ 987 годомъ) Владиміръ созываетъ бояръ и старцевъ и говорить имъ:

Стр. 27. «се приходиша ко мнѣ Блгаре.... посеиже приходиша и Немци, по сихъ Жидове, и каждо свои законъ хвалить.»

Стр. 45..... «приходиша Нѣмци, и ти хваляху законъ свой; по сихъ придоша Жидове....»

Владиміръ посылаетъ мужей мудрыхъ и смышленыхъ испытать различныя вѣры. Когда они возвратились изъ Царьграда, Владимиръ снова созываетъ бояръ и старцевъ.

Стр. 28. . . . и рече Владимиръ: се придоша нами послании мужи, да слышимъ отъ нихъ бывшее. Придоша мужи предъ на. И рече Владимиръ: скажите намъ что сходистъ и вѣдѣсте.

Стр. 46 да слышимъ отъ нихъ бывшее, и рече: скажите предъ дружиною.

Повѣствованіе о крещеніи Владиміра представляетъ слѣдующія замѣчательныя несходства:

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ императоры Василій и Константинъ убѣждаютъ сестру свою ѣхать въ Россію:

Стр. 29. «И рѣста ей брата ея снце: сестро наша милаа Анна, что мы вемы, еда како Богъ тобою въ крещеніе всю Рускоюю землю обратитъ и въ покааніе. . . .»

Стр. 47. «И рѣста ей братья: еда како обратитъ Богъ тобою Рускую землю къ покааніе. . . .»

Немного далѣе:

— «И плакастася оба брата на ню зрящи, видя ю в тузѣ и печали. Она же, обративъ лице къ Сооеистѣи, нача плакати глаголя молитву сію: О владыко человеклоубче . . .» и т. д.

Всего этого въ Лавр. нѣтъ. Послѣ молитвы продолжается разсказъ:

— «И оутръ слѣзъ вседе в кубару, еда принудиста с плачемъ и, целовавши братію и оужики и весь градъ, отыде в море и иде Корсуню. И припешу еи къ граду изидоша Крѣсунци, поклонившася дѣдичнѣ свои и възведоша ю в полатоу, еи же Иисусова молитва оувещатель. Сказаша же еи туземци, рече, яко Володимеръ не зриаетъ на свѣтъ: бѣ бо разболелася очима тяжко, и тужаше вѣми, и недомышляшется створити что. И призвавши царица ния Господне, глаголя снце: Господи глаголавый пророкомъ Давидомъ снце: живыи въ помощи

— «и одва ю принудиша. Она же сѣдши въ кубару, цѣловавши ужики свои, съ плачемъ поиде черезъ море; и приде къ Корсуню, и изидоша Корсуняне съ поклономъ, и възведоша ю въ градъ, и посадиша ю въ полатѣ. По Божію же устрою, въ се время разболѣса Володимеръ очима, и не видяше ничтоже, тужаше вѣми (въ Радз., Тр. и Ипат. прибавлено согласно съ Пер.: и не домышляшется что створити); и посла къ нему царица. . . .»

Вышняго, въ крове Бога небеснаго
водвориться, и нынѣ ты заступ-
никъ мой еси и прѣбѣжище мое,
Богъ мой и помощникъ мой, оупо-
ваю на тя. Се рекъ посла к нему
царица»...

Владиміръ, послѣ крещенія, получивъ исцѣленіе, произнесъ:
«*сѣй часъ оувѣдаѣхъ Бога истиннаго*» (въ Лавр. «*то перво увѣдѣхъ
Бога истиннаго*»). Переясл. вслѣдъ за тѣмъ продолжаетъ: «И оу-
видѣ ясно в лице Царицю и лобза ю и вѣнца свѣршеніе бысть и
вълюбѣ а паче мѣры: бѣ бо любима Богу.» Этого въ Лавр. нѣтъ;
но въ ней находимъ два извѣстія, выпущенныя въ Переясл.:
а) о мѣстѣ, гдѣ была Владимірова Палата въ Корсунѣ, и б)
опроверженіе тѣхъ, которые говорятъ, что Владиміръ крестился
въ Кіевѣ или въ Василевѣ.

За симъ слѣдуетъ исповѣданіе вѣры, изложенное съ нѣ-
которымъ различіемъ противъ Лавр.

Передъ извѣстіемъ о крещеніи сыновъ Владиміровыхъ въ
Лавр. (стр. 52) помѣщено благочестивое воззваніе, пространнѣе
находящагося въ Переясл. Въ заключеніи читаемъ:

Стр. 32: «и отъ сихъ (отъ разноплеменныхъ обитателей
тогдашней Руси) насели грады: *бѣ бо ратень с Тотары.*» (въ
Лавр., вмѣсто послѣдняго выраженія (стр. 52): «... бѣ бо рать
отъ Печенѣгъ, и бѣ воюяся съ ними, и одоляя имъ»).

Отсюда начинается несходство въ лѣтосчисленіи. Переясл.
уходитъ годомъ впередъ.

Въ сказаніи о единоборствѣ съ Печенѣгомъ, подъ 993 го-
домъ, (по Лавр. 992) встрѣчаются слѣдующія разнорѣчія:

Переясл. начинается:

— «Придоша Печеневи по оной
стране отъ Сулы.»

— «Иде на Хорваты. Пришед-
шю бо ему съ войны Хорватъ-
скыя, и се Печенѣзи придоша по
оной сторонѣ отъ Сулы.»

Владиміръ пошелъ противъ нихъ и встрѣтилъ ихъ,

— «гдѣ нынѣ Переяславъ Ру-
скій и сташа о рѣкоу. И преде
къ нему князь Печенежскій, и
възва Владиміра....»

— «....гдѣ нынѣ Переяславъ.
И ста Володиміръ на сей сторонѣ,
а Печенѣзи на оной, и не смяху
си на оную страну, ни они на сю

страну. И прѣка князь Печенѣжскій къ рѣкъ, возва Володимера.....

Послѣ сдѣланнаго условія о единоборствѣ,

— «...посла Владимиръ кликъ по рати и где бы обрѣлся таковъ, и не бысть. И потужи Владимиръ о томъ.»

— «Володимеръ же приде въ тоvary, посла бирячи по товаромъ, глаголя: нѣту ли такого мужа, нже бы ся мѣ съ Печенѣжиномъ? и не обрѣтесе никдѣже. Заутра прѣхаша Печенѣзи, и свой мужъ приведоша, и въ нашихъ не бысть. И поча тужити Володимеръ, слн по всѣмъ воемъ.....»

Наконецъ является старикъ и рассказываетъ о своемъ сынѣ:

— «едино ми сварящуся нань, и разгнѣвась, и в то время шмель (сшилъ) черевикъ, и претрѣже его и съ подошвою.....»

— «единою бо ми и сварящю, и оному мнущю уснѣ, разгнѣвась на мя, преторже черевн рукама....»

Призываютъ силача и онъ предлагаетъ испытать себя;

— «вели ми добыти вола Татарскаго велика и силна, подпоя его медомъ силнымъ, штобы билъ люди, спусти его съ мною. И изыскали вола велии высока, рука не досяжетъ, и силна превзлншь, и подпояша быка, и възложи желѣза горяща на хребетъ, и раздражиша и, и поустиша к нему. И хвати быка за бокъ и вырва кожу с мясомъ и с ребры.»

— «.....нѣту ли быка велика и силна.»

— «И нагѣзоша быкъ великъ и силевъ, и повелъ раздраждити быка; възложиша на нь желѣза горяча, и быка пустиша, и побѣже быкъ мимо и, и похвати быка рукою за бокъ, и вына кожу съ мясы, елико ему рука зая.»

Стр. 33. «И наоутрѣ приведоша Тотарове жоужа и рѣша: нашъ готовъ, есть ли оу васъ жоужъ.»

— «И наутрѣ придоша Печенѣзи, почаша звати: нѣ ли мужъ? се нашъ досгнѣлъ.»

Единоборство началось.

— «И почаса крѣпко Татаринъ трѣгати, сецъ же на его за плече и шю, захвати и стисну его, и нача дрѣжати не трѣгаа. И абѣ Печенѣжинъ зааряга роукама, и идше в руку его. Не дасть бо емоу ни единою дохнути, и оуврѣ его мер-

— «...почаста ся крѣпко держати, и удави Печенѣжина въ руку до смерти и удари ннѣ о землю; и кликнуша, и Печенѣзи побѣгоша.»

тва, оудари имъ о землю, и рас-
сѣя нутрь его и кости скруши.
И кликнуша Володимировы плѣкы,
а Печенѣзи побѣжаша.»

Въ память этой побѣды Владиміръ заложилъ городъ,

— «и нарече имя ему Перея-
славъ, зане отроку тому имя
Переяславъ.»

— «и нарече и Переяславъ,
зане перея славу отрокъ отъ.»

Всѣ эти подробности, переданныя Переясл. лѣтописцемъ, замѣчательны своею правдивостію, чего нельзя сказать о разсказѣ Лавр. лѣтописи. Кромѣ того, изъ находящихся здѣсь разнорѣчій особенно важны два обстоятельства. Первое, что въ Переясл. вмѣсто Печенѣговъ названы Татары, о которыхъ еще упомянуто въ концѣ повѣствованія о крещеніи Владиміра. Но объ нихъ ни одна изъ изданныхъ лѣтописей не упоминаетъ ранѣе 1224 года. Изъ этого можно заключить, что или названіе Татаръ было извѣстно въ Россіи прежде ихъ общаго нашествія, и что Печенѣги, которые, какъ говорятъ наши историки, были неизвѣстнаго племени, — были именно Татары, покорившіе въ послѣдствіи Русскую землю; или же Переясл. лѣтописецъ составленъ былъ не до 1219 года, а тогда, когда имя Татаръ было уже, къ несчастію, слишкомъ знакомо нашимъ предкамъ, и слѣдовательно послѣ 1224 года. Второе обстоятельство относится къ названію города Переяславля. Причина этого названія по сказанію Переясл. лѣтописца, кажется, справедливѣе; оно сходно и съ Радз. и Троиц. лѣтописями.

Окончаніе княженія Владиміра въ Переясл. лѣтописцѣ изложено коротко. Подъ 996 годомъ помѣщена молитва Владиміра: «Господи, Господи, призри съ небеси и виждь, посѣти винограда своего» и проч. и дарованіе церкви Божіей Матери десятины. Потомъ упомянуто о битвѣ съ Татары» (въ Лавр. «Печенѣги») при Василевѣ, о созданіи въ этомъ городѣ церкви во имя Спаса Преображенія, и наконецъ описаніе пира, даннаго при этомъ случаѣ Владиміромъ.

Все это изложено въ Лавр. гораздо подробнѣе, и сверхъ того въ Переясл. выпущены: разсказъ о нашествіи Печенѣговъ на Бѣлгородъ и объ устроеніи въ немъ кадей съ киселемъ и сытою.

Извѣстіе о неповиновеніи Ярослава Владиміру также здѣсь не находится.

Описаніе кончины Владиміра изложено также въ короткихъ словахъ. Нѣтъ и «*Похвалы Владиміру*», начинающейся по другимъ лѣтописямъ: «Се есть новый Костянтинъ великаго Рима» и пр. Но въ Переясл. помѣщенъ взятый изъ Греческаго Номоканона *Завѣтъ Володимировъ*, въ которомъ обозначены предметы, подлежащіе суду духовенства. Онъ не находится ни въ одной напечатанной лѣтописи.

Послѣ этого, подѣ 1015 годомъ, (въ подлинникѣ ошибкою поставленъ 6543 годъ; вмѣсто числительной буквы м слѣдуетъ к, и тогда будетъ 6523, соответствующій 1015 году) рассказываетя объ отправленіи Владиміромъ кн. Бориса противъ Печенѣговъ, «сыроядцевъ сихъ», говоритъ лѣтопись. Борисъ отправился, но не найдя противниковъ, возвратился вспять. Тутъ пришелъ къ нему вѣстникъ и объявилъ ему о кончинѣ отца его и о поступкахъ Святополка.

За тѣмъ помѣщено подѣ особымъ заглавіемъ: *Оубіеніе Святыхъ князи Бориса и Глеба*. Оно принадлежитъ особой редакціи и болѣе сходно съ сказаніемъ, найденнымъ г. Сахаровымъ въ одномъ рукописномъ сборникѣ, и напечатаннымъ, съ превосходнымъ предисловіемъ, въ Христ. чт. 1849 № 11 и 12, тѣмъ съ помѣщеннымъ въ Лавр. и другихъ лѣтописяхъ.

Послѣ сего сказанія слѣдуетъ извѣстіе подѣ 6544 (1036) годомъ, о княженіи Ярослава, въ слѣдующихъ немногихъ словахъ:

Стр. 42. «Сѣдѣ Ярославъ въ Кіевѣ, и нача деркви строити и книги переписати отъ Грѣкъ и пѣти и и чести и. Отходя Владиміръ основаніе положъ, а добрый земледелецъ землю оумягчи разора; Ярославъ же насѣа книгами и оуставленіе монастыремъ и святителемъ даде оправданія судомъ съ Греческаго Намаканона.»

Но въ Лавр. передъ этимъ изложено въ подробности все княженіе Ярослава. Выписанное же здѣсь изъ Переясл. лѣтописца извѣстіе помѣщено въ Лавр. подѣ 1037 годомъ и изложено въ ней пространнѣе, но съ пропускомъ о *установленіи монастыремъ и святителемъ*. Послѣ чего въ Переясл. помѣщенъ:

Судъ Ярослава Князя сына Володимирова, взятый, какъ и *Завѣтъ Володимирова*, изъ Греческаго Номоканона. *Судъ Ярослава*, не внесенный ни въ одну лѣтопись, заключаетъ опредѣленіе преступленій, подлежащихъ суду духовенства. При каждомъ преступленіи означено и наказаніе, состоящее, по большей части, въ денежной пошлинѣ. Въ концѣ прибавлено: *А се роспусты изъ Намаканона Ярослави отъ прасиль.*

Потомъ (стр. 44) идутъ отрывочныя извѣстія съ 1038 по 1051 годъ, изъ которыхъ одни сходны съ Лавр., другія изложены короче, чѣмъ въ этой лѣтописи.

За симъ слѣдуетъ сказаніе *О началъ Печерскаго монастыря*. Это заглавіе замѣняетъ приступъ къ тому же сказанію, помѣщенному въ Лавр. лѣтописи: «И се да скажемъ, что ради прозвася Печерскій монастырь.» Оба сказанія сходны содержаніемъ, хотя помѣщенное въ Переясл. нѣсколько короче.

Замѣчательнымъ дополненіемъ въ этомъ сказаніи служитъ мірское имя преподобнаго Антонія. Во всѣхъ спискахъ прочихъ лѣтописей, гдѣ помѣщено сказаніе о Печерскомъ монастырѣ, говорится объ Антоніи: «бѣ пѣкый человекъ, именовъ мирскимъ отъ града Любча.» Такъ читаемъ въ Лавр. лѣтописи (стр. 67); въ нѣкоторыхъ же спискахъ, какъ говоритъ князь Оболенскій въ предисловіи, послѣ слова *именемъ* слѣдуетъ пробѣлъ; а въ Переясл. (стр. 45) сказано: «Бѣ пекто человекъ мирянинъ именовъ Антина отъ града Любча.» Сказаніе оканчивается: «того ради старѣи наречеса всехъ монастырен, преслоу по всеи Руси вънжии и азъ придохъ 17 лѣтъ сушу и врать мя, сеи же и написахъ.»

За симъ, послѣ пропуска извѣстій подъ 1052 и 1053 годами о конциѣ Владиміра Всеволодовича, помѣщено подъ 1054 годомъ извѣстіе о кончинѣ Ярослава Владимировича, изложенное въ Переясл. со многими выпусками противъ Лавр.

Краткія извѣстія, помѣщенныя въ Лавр. подъ 1057—1061 годами, въ Переясл. выпущены.

Подъ 1063 г. находимъ только о смерти Судислава, и потомъ многочисленныя извѣстія о разныхъ знаменіяхъ и сверхъестественныхъ явленіяхъ. Тутъ же извѣстіе объ уродѣ, поиманномъ въ Сетомлѣ, съ выпускомъ однако же словъ: «его же

позоровакомъ до вечера.» Всѣ эти извѣстія въ Лавр. помѣщены подь 1064 годомъ.

Отъ 1064 по 1069 въ Переясл. извѣстій нѣтъ.

Подь 1070 въ Переясл., послѣ извѣстія о заложениі церкви св. Михаила во Всеволожскомъ (Выдубицкомъ) монастырѣ, подробный рассказъ о появившемся волхвѣ, въ сущности сходный съ повѣствованіемъ Лавр. лѣтописи.

Подь 1072 г. перенесеніе мощей св. Бориса и Глѣба описано сходно съ Лавр. лѣтописью. Въ Переясл. при описаніи несенія раки св. Бориса сказано: «предгрядущимъ каломеромъ» (въ Лавр. «черноризцемъ»). Событіе это въ Переясл. отнесено къ 20 мая, тогда какъ въ Лавр. и въ другихъ лѣтописяхъ, кромѣ Ипат. и Хлѣб., показано 2 мая.

Подь 1073 г. о изгнаніи изъ Кіева Изяслава Святославомъ сходно съ Лавр.

Подь 1074 о преставленіи Θεодосіа Печерскаго здѣсь рассказано весьма коротко противъ Лавр. лѣтописи.

Подь 1075 помѣщено только одно извѣстіе о построеніи Печерской церкви.

Годы 1076 — 1085 пропущены.

Подь 1086 о заложениі церкви св. Андрея и о постриженіи Всеволодовой дочери Янки. Это извѣстіе находится только въ Ипат. и Хлѣб. спискахъ и изъ нихъ внесено въ Лавр. Археогр.

Потомъ опять пропускъ до 1089 года, подь которымъ сообщаются только извѣстія объ освященіи Печерской церкви и о кончинѣ митрополита Іоанна. 1090 годъ пропущенъ здѣсь, какъ и въ Лавр. лѣтописи.

Подь 1091 годомъ о перенесеніи мощей преподобнаго Θεодосіа. Изъ подробныхъ обстоятельствъ этого сказанія, какія находимъ въ Лавр. лѣтописи, въ Переясл. оставленъ только рассказъ объ Яновой женѣ, Маріи.

Подь этимъ же годомъ помѣщены описанія небесныхъ явленій и сверхъестественныхъ событій, но все вкратцѣ. О *мечтѣ св. Доломъ* въ Лавр. рассказано подь 1092 годомъ.

Въ этомъ же мѣстѣ въ Переясл. опять встрѣчаемъ Татаръ *късто Половецъ*: «и Татарове взяли 3 гради: Песочень, и Прелоукоу, (такъ и въ Ипат. и въ Хлѣб., а въ Лавр. «Черволоку»), и

Ляховъ поимали и всю землю.» Далѣе слѣдуетъ извѣстіе о колѣнахъ Татарскихъ изъ Мефодія Патарійскаго, которое въ Лавр. находится въ концѣ 1096 года. Послѣ этого идетъ повѣствованіе объ Оуграхъ (Юграхъ), но безъ ссылки въ началѣ на Гурятю Роговича, Новгородца. Въ Лавр. это мѣсто подъ тѣмъ же 1096 годомъ (стр. 107) послѣ «*Поученія Владимира Мономаха.*» Такимъ образомъ въ Переясл. здѣсь пропускъ отъ 1091 до 1108 года, подъ которымъ находятся извѣстія о заложении церкви Михаила Златоверхой и о вписаніи преподобнаго Феодосія въ синодикъ.

Подъ 1110 годомъ о знаменіи надъ Печерскимъ монастыремъ, и потомъ опять пропускъ 26 лѣтъ.

Подъ 1137 годомъ о поставленіи въ Смоленскъ епископа Мануила, и вслѣдъ за тѣмъ: «пришелъ бо бѣ Грекъ певецъ горавдъ самъ третій къ князю Мстиславу. Преже бо того не бывалъ епископъ въ Смоленскоу.» Извѣстія о пѣвцахъ и послѣдняго замѣчанія нѣтъ въ Лавр.; о пѣвцахъ же находимъ только въ Никон. лѣтописи (I, 142) подъ 1051 годомъ послѣ сказанія о Печерскомъ монастырѣ: «Того же лѣта приде в Кіевъ трие певцы от грекъ сроды своими.»

Послѣ того слѣдуетъ 1143 годъ, и въ немъ описаны сильная буря и знаменія небесныя. Подъ этимъ же годомъ видѣніе Даніиломъ (пророкомъ) архангела Михаила. (Вѣроятно этотъ годъ поставленъ здѣсь по ошибкѣ).

За тѣмъ опять 1138 и отсюда до 1187 года рассказъ совершенно сходенъ съ Лавр., кромѣ слѣдующихъ небольшихъ разнословій:

1138 г. ... (стр. 53) «послаша Олговичи *полмъ*» (Лавр., стр. 133: «по Половци»). — «И сица бысть *знаменіа* Посульцемъ»... (Лавр. «...пагуба»). — «И *придоша* Половецъ множество» (Лавр. «и приведоша»). — «Тое же осени преставися Глѣбъ Ольговичъ», — выпущено въ Лавр., но есть въ Радз. и Троиц.

1139 г. (стр. 54)...«искаша подъ Растиславомъ Смоленска, а подъ Изяславомъ Володимира» (Лавр. продолжаетъ: «И посла воѣ на Изяслава, река: иди изъ Володимеря»). Въ Переясл. это очевидно писцовый пропускъ.

1141 г. (стр. 55). О кончинѣ князя Андрея Владиміровича: «мѣсяца Генваря въ 22, а въ 23 похороненъ у Святаго Михаила.» Въ Лавр. (стр. 134), вмѣсто означенія дня похоронъ, сказано: «а въ третій межю деся... похороненъ.....» Въ примѣчаніи къ Лавр. лѣтописи сказано, что здѣсь послѣ деся... небольшой пробѣлъ для дописанія неоконченной рѣчи. — «...а *круа* мѣсяцъ особѣ стоя» (Лавр., стр. 135: «дуга»).

1142 г. «Виде *Ярославъ* въ Переяславль». (Въ Лавр. «Вячеславъ» правильнѣе).

1144 г. (стр. 56)...«И оттоуда разшедшеся вѣсѣдоша на Володимирка на Галичъ.» Въ Лавр. Археогр. (стр. 135) послѣ «вѣсѣдоша» прибавлено: «на кони»; но этого слова нѣтъ въ рукописи Лавр., а въ Радз. печат. вмѣсто: «и оттуда... на Галичъ» сказано: «Въ тоже лѣто иде Всеволодъ на Володимира къ Галичу.» — «...а межю има рѣка *Бѣлка*» (Лавр., стр. 135 «мѣлка»; но въ Радз. и Троиц. согласно съ Переясл.). — «...перендоша рекоу, и взяша *городы*» (Лавр. «горы за Володимеромъ»). — «...И видѣвше та Галичане *стѣпужшиа стѣ*» (Лавр. «стѣпнушася»). — «...И *възврати* ему Всеволодъ Ушицю» (Лавр., стр. 136 «суверни»; въ Радз. и Тр. сходно съ Переясл.).

1147 г. (стр. 58). Въ описаніи разрыва между великимъ княземъ Изяславомъ Мстиславичемъ и Черниговскими князьями Давидовичами есть значительный пропускъ (сдѣланный, вѣроятно, по ошибкѣ), именно: разговоръ посланныхъ Изяславомъ въ Кіевъ, Добрышки и Радила съ собравшимися Кіевлянами.

1149 г. (стр. 61). Георгій Владиміровичъ, овладѣвши Кіевомъ, полагаетъ себѣ на мысль: «яко же выженоу Изяслава и *приму власть собѣ*» (Лавр., стр. 140: «перемну волость собѣ»). Тутъ же черезъ нѣсколько строкъ: «...яко и Половцѣмъ бѣжати назадъ съ своимъ воеводою Жириславомъ. Суцю Андрѣви напередѣ...» (Лавр. «...яко и Половцемъ вѣсѣмъ бѣжати назадъ; съ своимъ воеводою Жириславомъ суцю Андрѣви напредѣ...»). — Тутъ же, въ Переясл. «*говуци*» (Лавр. «вабачю»); такъ же и далѣе подъ 1150 (стр. 60) «*позва*» (Лавр. «поваби»).

1150 г. (стр. 63). «...Кыанежъ... ему рекуче: поиди, княже, прочь» (Лавр., стр. 141, продолжаетъ: «и сами побѣгоша прочь»), а въ Переясл. эти слова выпущены.

1151 г. (стр. 66). Андрей Георгіевичъ «оттоуда въ плъкъ свои еха, и оукрѣпивъ дружинну свою» (въ Лавр., стр. 143 «...оттуду ѡхавъ, полкъ свой укрѣпивъ и дружинну»). — «и шеломи с него срони» (Лавр. «слетѣ»). — «съхраненъ бысь безъ ерѣда» (Лавр. «...безъ раны»). Въ концѣ этого года (стр. 67): «Преставися Княгини Мъстиславля» (Лавр., стр. 145 «Изяславля»).

1152 г. (стр. 67). «Оугры же Королевы... к нимъ тлѣкнуша» (Лавр., стр. 145 «...поткнуша къ нимъ»). — (Стр. 68): «Притлѣши же Изяславу» (Лавр. «...прислѣши»). — «Король же нача ставляти плъки своя на бродѣхъ же противу емоу» (Лавр. «...противу ему свои полки, на бродѣхъ же»). — «Володимирко же... нестерпѣвъ побѣже прѣд нимъ въ другия грады. И бѣжа въ Перемышль» (Лавр. «...нестерпѣвъ, вдругыѣ побѣже передъ нимъ въ Перемышль»). — «толче на мя съ дружиною своею» (Лавр. «...и поткну на нь...»). — «...въгваша съ дворя» (Лавр. «въ городъ»). — «прочии князи» (Лавр. «иши князи»). (Стр. 69): «...начать слатися мира дѣля» (Лавр., стр. 146 «...мира прося»). — «а отполовеныя отпоусти въ свояси» (Лавр. «...въ рожене свое»).

1153 г. (стр. 69). «И взяма Изяславъ множество Галчлянъ» (Лавр. «...колодникъ»).

1154 г. (стр. 70). «И бысть моръ въ есемъ плъкоу его» (Лавр. «...въ коняхъ во всѣхъ вонхъ его»). — (Стр. 71): «...и Летьскоу церковь... зажгоша» (Лавр., стр. 147 «...божницю»).

1155 г. (стр. 72). «...приде Ростиславъ къ Къеву, повабленъ строемъ» (Лавр., стр. 148 «къ стрыви своему»). — «...а Мъстиславъ не иде» (Лавр. «не смѣ»). — «...придоша второи Половци» (Лавр. «...изнова»). — «акы на сылды» (Лавр. «...на розгладу»). — «...хощеши ли вшити к намъ съ любовь, или да сemy к тобѣ» (Лавр. «...въ миръ, а мы къ тобѣ»).

1156 годъ начинается извѣстіемъ о кончинѣ игумена Печерскаго Феодосія (второго), что въ Лавр. выпущено.

1157 г. «...Ростовци и Соуждалци... посадиша Андрѣя, сына его старѣйшаго, на столѣ оти в Ростовѣ и Соуждали мѣсяцъ Юня въ 4» (Лавр., стр. 149 «...пояша Андрѣя... и посадиша и въ Ростовѣ на оти столѣ в Суждали»). Число и мѣсяцъ этого событія въ Лавр. выпущены. — «И церковь сконча... святаго Спаса

каменую *въ Перяяслави с послѣми*; въ Лавр. послѣднихъ словъ нѣтъ, но онъ есть въ Радѣ и Тр.

1158 г. «...а самъ (Мстиславъ) иде къ Володимирю и *сидѣ на столѣ*»; въ Лавр. послѣднихъ словъ нѣтъ.

1159 г. (стр. 74). «...и Половци *отидоша отъ него*» (Лавр., стр. 150 «...идоша домовъ»).

1160 г. «...По вѣрѣ же его и *по подобію еяже* къ святѣи Богородици (Лавр., стр. 150, «...и по тшанью его...»). — «...яко же не было и *ми имать быти*» (Лавр. «ни будетъ»).

Въ концѣ 1166 года въ Лавр. (стр. 151) прибавлено: «Тоеже зныи иде Мстиславъ за Волокъ», но въ Переясд. (стр. 76) этого извѣстія нѣтъ.

1168 г. Андрей Боголюбскій посылаетъ на Мстислава Изяславича Кіевскаго, сына своего Мстислава же «и инѣхъ князей 11.» Здѣсь означены имена только восьми князей, и противъ Лавр. пропущены Дмитрій (Всеволодъ) Георгіевичъ и Мстиславъ; но ежели включить и этихъ двухъ, то все будетъ только десять. Карамзинъ (Ист. Госуд. Рос. II, 315) говоритъ также объ одиннадцати князьяхъ, а въ прим. 423-мъ именуетъ десять.

1169 г. (стр. 76) «Чюдо сътвори Богъ и святая Богородица *новое въ градѣ Володимири. Изна бо Богъ и святая Богородица Володимирская... владыку Феодорца...*» Въ Лавр. слова означенныя курсивомъ пропущены, и потому мѣсто это лишено смысла. Прочія разнорѣчія, встрѣчающіяся въ этомъ сказаніи, не важны. — (Стр. 78): «...а къ другымъ Половцемъ къ *Корсунскимъ*» (Лавр. «къ Русьскимъ»). — (Стр. 79) «Бысть же оу поганыхъ 9 согъ копій» (Лавр., стр. 153, прибавляетъ: «а у Руси девяносто копій»). — «Берендѣевѣ же *яша подѣ княземъ конь за новодѣ*» (Лавр., стр. 154, «...яша князя за новодѣ»). — «Романъ князь Смоленскыи, сына посла» (Лавр. «...Смолинскый князь съ братомъ Мстиславомъ, и Рязаньскый князь сына посла»). — (Стр. 80): «...и *одва домова свояго доидоша пѣши опять*» (Лавр., «...и *одва дома своя яша*). — «...заче издавна свобожени соуть *прадѣды князь нашихъ*» (Лавр.: «...яко издавна соуть свобожени *Новгородцы прадѣды князь нашихъ*»).

1172 г. (Стр. 81) «Князь Андрей посла сына своего... на Болгары, и Муромьскыи князь сына посла и Рязаньскыи князь

сына посла» (Лавр. стр. 155: «Посла князь Андрѣй...»; дажѣ же въ обѣихъ мѣстахъ вмѣсто «посла» сказано: «своего»). — «...зане неподобно есть земѣ воевати» (Лавр. «...непогодѣ»). — «...и възврати отъ него поганыя, (Лавр. прибавлено: «Болгары, хрестыяны») покрывъ рукою своею.» Этотъ пропускъ двухъ словъ можно вчесть писцовою ошибкою. — «Посла Андрѣи Романа Мстиславича» (Лавр. «Ростиславича» правильнѣе).

1174 г. «Непокоряющимся» (Лавр. «не покорнишся»). — «*Давидъ Ростиславичъ*» (Лавр. прибавлено: «Вышегородскій князь, судуваѣ») съ братію своею *слагаша в ноци* (Лавр. «прѣхавъ вочи»). — (Стр. 82) «Сен князь *избранымъ Богомъ бѣ*» (Лавр. «...избранакъ Божій бѣ»).

1175 г. «...Ярославъ же.... *посаблѣтъ* Ростиславичи» (Лавр. «снограбленъ»). Въ Лавр. здѣсь замѣчено, что вмѣсто Ростиславичи слѣдуетъ читать: Ольговичи (см. Кар., III, пр. 19).

За снѣгъ слѣдуетъ разсказъ о убіеніи Андрея Боголюбскаго. Въ Пересл. нѣтъ заглавія: *О убьеніи Андрѣеа*, находящагося въ Лавр. спискѣ (стр. 156). Послѣдній, начавши, сходно съ Пересл.: «Въ то же лѣто убьенъ бысть великій князь Андрѣй», продолжаетъ: «сынъ великаго князя Георгія, внукъ Мономаха Володимера; убьенье же его послѣди скажемъ. Се благовѣрный и христоролюбивый князь Андрѣй отъ млады версты Христа возлюбилъ и т. д. Пересл., послѣ словъ: «великыи князь Андрѣи», начинаетъ повѣствованіе: «Отъ млады врѣсты Христа възлюбилъ и т. д. Весь этотъ разсказъ сходенъ съ Лавр., а еще болѣе съ Радз. и Тр., кромѣ разнорѣчія, указаннаго въ самомъ началѣ: Пересл. (стр. 84): «...молися помиловати князя нашего и господина *Ярослава* своею же принаго и *благороднаго сыновца*» (Лавр., Всеволода, своего же принаго брата). «...и многа лѣта съ княгинеею, и *прижитіи дѣтми благородныхъ*...» (Лавр., стр. 158 «...и съ благородными дѣтми»).

Въ дальнѣйшемъ повѣствованіи о событіяхъ послѣ смерти Андрея Боголюбскаго (стр. 85 — 86) находимъ много разнорѣчій, относящихся болѣе до языка.

Ростовцы, Суздальцы и Переславцы, собравшись во Владимірѣ, разсуждаютъ о избраніи себѣ князя. Намъ, говорятъ они, князья Муромскіе и Рязанскіе сосѣди: «боимся *дѣстми*» (Лавр.

«льсти») вхъ егда поидоуть внезапно ратию на ны, а князю оу насъ нѣтуть» (Лавр. «на насъ, князю не сущю у насъ»). — «И (Лавр., стр. 158, «атъ») пристави къ нимъ своя послы, да (Лавр. «атъ») вдутъ по князи...» — «... *Вашиъ отецъ* (Лавр. «... отецъ ваю») добръ былъ, коли *былъ въ насъ* (Лавр. «... княжилъ у насъ»). — «И приехавше *послы*» (Лавр. «сли»). — «И слышавше Ростовци негодоваша *Михалкомъ*.» Этого имени нѣтъ въ Лавр. — «*Михалко же... поеха и самъ къ Володимирию*» (Лавр. «... и ѣха Володимерю»). «А дружина вся видѣвше князя Ярополка *чоловаша*, и оутвърдившеса крестнымъ *чѣлованіемъ*...» (Лавр. «... *чюловаша* и (его), утвердившеса...»). — «Володимирици же тогда не бѣща въ Володимири» (Лавр. «... не сущимъ Володимерцемъ Володимери»). — «Володимирици же, нетрѣпяще *голода*» (Лавр. «не терпяче глады»). — «... *ци хощете* (Лавр. «хотите) мене дѣда погинуоти». — «И просодивши и (Лавр. «его») Володимирици...» — «... не хоташе покоритися Ростовцемъ и Соуждалцемъ и Моуромъцемъ...» Послѣднихъ двухъ именъ нѣтъ въ Лавр., но есть въ Радз. и Тр. Въ этомъ разказѣ находятся вставки о Переяславцахъ, не находящіяся въ Лавр. глгописи, и о которыхъ указано въ началѣ.

Подъ 1176 г. разказывается о княженіи въ Ростовѣ Михалка (Михалка) Георгіевича. Замѣчательно, что съ именемъ этого князя соединено имя брата его Всеволода Георгіевича, о которомъ въ Лавр. не упоминается ни разу въ этомъ мѣстѣ. Если же въ изданіи Археографической Коммиссіи и вставлено въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имя Всеволода, то оно заимствовано изъ Радз. и Тр. списковъ. Вотъ всѣ эти мѣста: «... послашася къ Чернигову по Михалка и по брата его по Всеволода...» — «Михалко съ Москвы поеха въ Володимири съ братомъ *Всеволодомъ*.» — «Михалкоу же не доехавшию Володимири съ братомъ *Всеволодомъ*.» — «Михалкоу dospѣвающю съ братомъ своимъ *Всеволодомъ*.» — «И поможе Богъ Михалку и братоу его *Всеволодоу*.» — «Михалко же, побѣдивъ члкъ, ... съ братомъ своимъ *Всеволодомъ*...» — «... дружиниъ его и *Всеволожи*...» — «Видидоша же съ кресты противоу Михалкоу и братоу его *Всеволодоу*.» — «Михалко же приехавъ къ Володимирию съ братомъ своимъ *Всеволодомъ* вороти городы святыя Богородици.» Здѣсь въ Лавр., кромѣ пропуску о Всеволодѣ, вмѣсто «вороти городы» сказано:

«да городы.» — «И бысть радость велика въ градѣ Володимирѣ, видяще оу себе великого князя *Всеволода* всея Ростовскыя земли.» — «...не хотящихъ добра граду своему (Владиміру) и живущимъ в немъ» (Лавр. «... намъ добра...»). — «Сего же Михаила, брата его *Всеволода* избра святая Богородица.» — «...любо Михалка князи нагъземъ собѣ и брата его *Всеволода*, любо головы своя съкладемъ за ню и за святую Богородицу» (Лавр. «... за святую Богородицу и за Михаила»). — «Михалко же еха къ Соуждалю съ братомъ *Всеволодомъ*...» — «Иде Михалко съ братомъ *Всеволодомъ*...» — «Михалкожъ и *Всеволодъ* оуладистася с нимъ» (въ Лавр. прибавлено: «и ѣха опять Володимірю»).

Также въ Лавр. лѣтописи пропущено и о Переславцахъ, которые, въ разбираемомъ лѣтописцѣ, поставлены вмѣстѣ съ Владимірцами.

Подъ 1177 годомъ описывается распря великаго князя Всеволода съ племянникомъ своимъ княземъ Мстиславомъ Ростиславичемъ, котораго Ростовцы вызвали къ собѣ изъ Новгорода на княженіе. Владимірцы говорятъ Всеволоду: «Поеди, княже, к нему, яко ни въ что же имамы... не боудеть помощи, насъ перестоупивъ мертвыхъ, да оно ему жены ваша и дѣти наши...» (Лавр. «... поѣди, княже, къ нему, насъ перестолы» — въ Рад. и Тр., какъ въ Пересл., «переступить» — «а то ему дѣти ны, жены»). — Стр. 90: «Глѣбъ же... приеха на *Москву* и пошлже *Москову* есе и сали» (Лавр., стр. 162, «на Московъ и пошлже *городъ есе*»). — Подъ тѣмъ же годомъ (стр. 91) описывается война великаго князя Всеволода съ Глѣбомъ Рязанскимъ. Всеволодъ побѣдилъ послѣдняго и привелъша в городъ (въ Лавр. прибавлено: «Володимірь») князя Глѣба... и съ шюриномъ *Мстиславомъ* (въ Лавр. ошибочно «Ярополкомъ»). Изъ дальнѣйшаго повѣствованія видно, что Ярополкъ оставался въ Рязанской области (въ Воронежѣ). — «...а се ворози твои оу бока (Лавр. «и наши») Соуждалци и Ростовци.» — «А по Ярополка посла глаголя (въ Лавр. прибавлено: «Рязанцемъ») *выдадите* (въ Лавр. «вы имѣте») нашего ворага.»

По замѣчанію издателей Археогр. Лавр. лѣтописи, эта статья не имѣетъ окончанія ни въ Лавр., ни въ Тр. спискахъ. Въ Лавр., стр. 163, послѣднія слова статьи: «рекуще: (народъ)

чего ихъ додержати? хочемъ слѣшнѣи ѿ. Князю же Всеволоду печалну бывшию, не можно удержати людѣй, множества ихъ ради княча...» Въ Переясл. (стр. 91) она оканчивается слѣдующимъ образомъ: «...и рекоша: чего ихъ дръжати. И поустыша ея изъ земля.»

1178 г. Жители Торжка въ Переясл. названы *Тречежъ* (Лавр. «Новоторжьскъ»).

— Дружина княжеская «взяша городъ, моужь повязана» (Лавр. прибавляетъ: «а жены и дѣти на щеть и товаръ взяша»). — Стр. 92 «...а городъ пожьже, и жита и до всего. А людѣ бяху выбѣгли» (Лавр. «...а городъ пожьже, а людѣ бяху выбѣгли, а жита пожьгоша и до всего»).

1182 г. «...Онъ же (Пролокъ), сѣдя съ *Тречежъ* (Лавр. «на Торжку»), почя воевати *Волку* (Лавр. «Волгу»). Вѣроятно слѣдуетъ читать *Волоку* (Волокъ — Вышній Волочекъ). — Стр. 93: «А люди Тръчяны приведъ въ Соуждалъ» (Лавр. «а Новгородци приведъ въ Володимеръ»; такъ и въ Радз. и Тр.

1184 г. «Иде князь Всеволодъ на *Болмаръ*» (последняго слова нѣтъ въ Лавр.).

1186 г. (стр. 97) «Побѣдени быша наши гѣвомъ Божиимъ за смиланіе и за слезохотіе иль» (последнихъ словъ въ Лавр., стр. 168, нѣтъ). — Стр. 99: «...толикѣ не приставаи къ брату Святославу» (въ Лавр. правильно: «Всеволоду»).

Здѣсь приведены почти всѣ сколько нибудь замѣчательныя разворѣчія, встрѣчающіяся въ Переясл. и Лавр. лѣтописяхъ. Незначительное число ихъ ясно показываетъ, что обѣ эти лѣтописи совершенно между собою сходны въ продолженіи пятидесяти лѣтъ (1138 — 1187). Но составитель Переясл. лѣтописца и Лаврентій мнихъ, списывая свои лѣтописи съ одного источника, не совсѣмъ строго держались подлинника, а каждый слѣдовалъ своему разумѣнію и языку своего времени. Особенно обращаетъ на себя вниманіе перестановка словъ, иногда мѣняющая смыслъ. Вотъ примѣры:

1152 г. (стр. 68) «...Володимерко же, видѣвъ силуу *бесчисленую Королеву*...» (Лавр. стр. 145, «силу королеву бесчисленную»). — Стр. 69: «А Василко иде къ *Соуждалю* къ отцу» (Лавр., стр. 146, «...къ отцю Суждалю»).

1155 г. (стр. 72): «...и ида принесе икону...» (Лавр., стр. 148) «...и принесе ида икону»).

1156 г., въ концѣ (стр. 73): «...а зять его иде съ сою со-
лость в Галичъ» (Лавр., стр. 149 «...въ Галичъ въ волость свою»).

1157 г. «...Ростовци и Соуждалци..., посадиша Андрѣя,
сына его старѣйшаго, на столѣ отици в Ростовѣ и Соуждалѣ.»
(Лавр. «...и посадиша и въ Ростовѣ на отици столѣ и Соуждалѣ»).

1159 г. (стр. 74): «...ожидаа помощи отъ стрѣл своего отъ
Изяслава» (Лавр., стр. 150 «...отъ Изяслава, отъ стрѣл своего»).

1168 г., въ концѣ (стр. 76): «...а самъ (Мстиславъ Ан-
дрѣевичъ) воротись съ дружиною своею къ Володимирю» (Лавр.,
стр. 151 «...възвратиса Володимерю съ дружиною своею»).

1169 (стр. 78): «...Глѣбъ ехаль... къ онѣмъ Половцемъ,
а къ намъ не ехаль, ѣ тамо ему пострѣли...» (Лавр., стр. 153,
«...а тамо ему пострѣти, а къ намъ не ѣхаль»). — (Стр. 79):
Михалко же створи поволицати братици» (Лавр. «...послушанье
створи»).

1172 г. (стр. 81): «Бывшю же князю Мстиславу... съ бра-
тима своимъ споконувашася» (Лавр., стр. 155 «...сожувашася
со братима своимъ»).

1174 г. «...и зять Всеволода брата Андрѣя князю» (Лавр.
«...и зять брата князя Андрѣя Всеволода»). — (Стр. 82): «За-
твори же Давидъ брата своего Мстислава съ Вышгородѣ...»
(Лавр., стр. 156: «...Вышегородѣ же Давидъ затвори брата
своего Мстислава»).

1179 г. (стр. 92) «Престависа князь Мстиславъ Ростисла-
вичъ, внуку Гюргевъ, съ Новгородѣ пороздыли недели» (Лавр.,
стр. 164 «Престависа Новгородѣ, пороздноѣ недѣлѣ, князь
Мстиславъ Ростиславичъ, внуку Гюргевъ»).

1181 г. «...с Новгородци и съ поганими Половци» (Лавр.
«...и съ Половци съ поганими»).

Подобная же перестановка замѣчается въ именахъ князей,
гдѣ отчество или прилагательное имя поставлено напередъ имени
собственного или нарицательнаго. Изъ многихъ примѣровъ при-
ведемъ нѣсколько:

1152 г. (стр. 69): «...Володимирко князь Галичскыи» (Лавр.
«...Галичскыи князь»).

1171 г. (стр. 80): «Родися оу Мстислава Андрѣевича сына (Лавр., стр. 154 «...у Мстислава сынъ у Андрѣевича»).

1172 (стр. 81): «Преставися... Глѣбъ *Гюргевичъ Киевскыи...*» (Лавр., стр. 155 «...Глѣбъ Киевскыи Гюргевичъ»).

1174 г. (стр. 82): «Преставися князь *Моуромскыи Георгиа*» (Лавр., стр. 156 «...Гюрги Муромскыи»).

1175 г., въ концѣ (стр. 86): «...а *Ростислава Мстиславича* въведоша въ Смоленску княжить» (въ Лавр., стр. 159, ошибочно сказано: «Ростиславича Мстислава»): Здѣсь перестановка отчества прежде имени и была, кажется, причиною ошибки.

1181 г. «Принде князь *Святославъ Всеволодичъ*» (Лавр. «Всеволодичъ Святославъ.»)

1186 г. (стр. 98): «То слышавъ великыи князь *Всеволодъ Гюргевичъ*» (Лавр., стр. 169: «...Всеволодъ великыи князь Гюргевичъ...»). Такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ.

Вообще трудно провести рѣзкую черту, которая обозначала бы, что съ такого-то года или мѣста начинается разность или сходство между лѣтописями. Но съ 1187 года различіе Переясл. отъ Лавр. лѣтописи становится уже довольно явственнымъ. Разсказъ подъ этимъ годомъ о мирѣ великаго князя Всеволода Гюргевича съ Рязанскими князьями наложенъ въ Переясл. нѣсколько сокращеніемъ. Въ этомъ же году, а также въ 1188, въ Переясл. пропущено нѣсколько текстовъ изъ Пророковъ.

Подъ 1189 г. (стр. 101) Переясл. лѣтописецъ говоритъ, что при освященіи въ Ростовѣ соборной церкви присутствовали великыи князь Всеволодъ, «тоу соущю и Ростиславоу Ярославичю, зятю его», а въ Лавр. (стр. 171) передъ Ростиславомъ Ярославичемъ упоминается еще сынъ Всеволода, Константинъ.

Подъ 1190 г. о поставленіи Юанна на Ростовское епископство показаны числа его поставленія, прибытія въ Ростовъ, въ Суздаль и во Владиміръ. При этихъ числахъ въ Лавр. (стр. 172) прибавлено: на память такихъ-то святыхъ.

Подъ 1193 г. говорится только о пожарѣ города Владиміра, послѣ чего въ Лавр. помѣщено пространное благочестивое размышленіе, не находящееся въ Переясл. лѣтописцѣ.

Подъ 1194-г., послѣ извѣстія о заложеніи дѣтница во Владиміръ, въ Лавр. (стр. 173) находятся извѣстія объ обновленіи

церквей Божіей Матери во Владимирѣ и въ Суздаль «а иже нища мастеровъ отъ Нѣмецъ.» Этихъ извѣстій нѣтъ ни въ Переясл., ни въ Радз., ни въ Троицкой.

Подъ 1195 г. о посылкѣ великимъ княземъ Всеволодомъ стивуна своего Гюрю съ людьми въ Русь для построенія города на Востри нѣтъ въ Переясл., а также въ Радз. и Тр.

Подъ 1196 г., послѣ извѣстія о zaloженіи церкви во имя Зачатія Пресвятой Богородицы, вмѣсто чего въ Лавр. поставлено: «Акыму и Аннь», въ Переясл. разсказывается о женитбѣ сына великаго князя Всеволода, Константина, и о постригахъ другаго его сына Владимира. Этихъ извѣстій въ Лавр. нѣтъ.

Слѣдующія за тѣмъ событія 1197 года поставлены въ Лавр. подъ 1196 годомъ, а 1197 годъ въ ней пропущенъ, тогда какъ въ Радз. и Тр. онъ поставленъ согласно съ Переясл.

Подъ 1198 г. два извѣстія: объ изгнаніи изъ Новгорода Ярополка Ярославича Черниговскаго и о постригахъ сына великаго князя Всеволода, Гавриила, выпущены въ Лавр.

Въ годахъ 1200 и 1201 въ Переясл. есть не важныя пропуски противъ Лавр.

Подъ 1203 г., послѣ извѣстія о взятіи Кіева Рюрикомъ и Ольговичами, въ Переясл. находится выписка изъ псалмовъ и продолженіе описанія несчастныхъ событій, бывшихъ слѣдствіемъ взятія Кіева. Потомъ о знаменіяхъ, и наконецъ о покорствѣ Рюрика великому князю Всеволоду. Этого нѣтъ въ Лавр. рукописи, но въ печатное изданіе взято изъ Радз. и Троицкой.

Событія, описанныя въ Переясл. подъ 1204—1205 годами, выпущены въ Лавр. Онѣ хотя и есть въ Радз. и Тр., но поставлены послѣ сказанія о постриженіи и кончинѣ супруги великаго князя Всеволода, которое въ Переясл. помѣщено подъ 1206 г.

Съ этого года различіе Переясл. съ Лавр. становится еще болѣе замѣтнымъ. Въ началѣ помѣщено сходное въ объѣмъ лѣтописныхъ извѣстіе объ отравленіи великимъ княземъ Всеволодомъ сына своего Константина въ Новгородъ на мѣсто Святослава. Въ Лавр. вслѣдъ за тѣмъ, цѣлая страница выписокъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, а потомъ разсказъ о постриженіи Всеволодовой, супруги, распавшейся съ Переясл. Далѣе: походъ Романа Галицкаго на Ляховъ и Рюрика Ольговича на Галичъ въ Лавр. изложенъ

подробнѣе. О походѣ же Романа Рязанскаго съ братьями на Половцевъ (Перерясл. 1206) въ Лавр. нѣтъ.

Подъ 1207 г. въ Перерясл. сказано только о приходѣ Ярослава Всеволодовича изъ Русскаго Переряслава во Владиміръ Суздальскій. Это извѣстіе въ Лавр. входитъ въ составъ весьма подробнаго повѣствованія, поставленнаго подъ 1206 г., о походѣ Всеволода Чермнаго съ Ольговичами на Галичь, при участіи Ярослава Всеволодовича; а подъ 1207 г. продолжается разсказъ о дѣйствіяхъ Всеволода Чермнаго съ братьями, противъ Кіева.

Подъ 1208 г. въ Перерясл. разсказывается вкратцѣ о походѣ Всеволода Георгіевича на помощь Всеволоду Черному противъ Ольговичей, и о посаженіи Ярослава Всеволодовича въ Рязань. Въ Лавр. же первое событіе отнесено къ 1207 году и разсказано гораздо пространнѣе.

Подъ 1209 г. Перерясл. говоритъ о походѣ Олега, Глѣба и Изяслава Владиміровичей на Давида Муромскаго къ Пронску; о кончинѣ Олега Владиміровича, и о наказаніи великаго княземъ Всеволодомъ Рязанцевъ за непокорство сыну его Ярославу. Это происшествіе разсказано въ Лавр. подъ 1208 г.; а подъ 1209 г. въ ней заключаются извѣстія о рожденіи у Константина Всеволодовича сына Василія, и о посылкѣ Константина съ братьями въ Торжокъ на Мстислава Мстиславича.

Подъ 1210 г. въ Перерясл. находится извѣстіе о походѣ Изяслава Владиміровича съ Киръ Михайломъ Всеволодовичемъ Пронскимъ на великаго князя Всеволода, и о прогнаніи ихъ Георгіемъ Всеволодовичемъ. Въ Лавр. это помѣщено въ концѣ 1208 г., а подъ 1210 въ ней говорится о покорствѣ Всеволода Чермнаго и Ольговичей великому князю Всеволоду.

Подъ 1211 г. въ Перерясл. находятся краткія извѣстія о рожденіи у Константина Всеволодовича сына Іоанна, (что въ Лавр. отнесено къ концу 1210 г.) и о прибытіи къ великому князю Всеволоду второй супруги, именемъ Софія. Последняго извѣстія въ Лавр. нѣтъ, а подъ этими годомъ въ ней говорится о женитбѣ сына великаго князя Всеволода, Георгія (что въ Перерясл. поставлено въ началѣ 1212 года), и о пожарѣ Ростова.

1212 годъ въ Перерясл. начинается извѣстіемъ о женитбѣ

Георгія Всеволодовича и потомъ разсказывается о приведеніи Новгородцами къ себѣ Мстислава Мстиславича Торопецкаго, «а Святослава (Всеволодовича) приняша.» Здѣсь явная ошибка переписчика; слѣдуетъ быть: «*ю* приняша.» За это непріятіе великій князь Всеволодъ отправилъ сыновей своихъ съ войскомъ противъ Новгорода. Походъ этотъ однако же ничѣмъ не кончился. Мстиславъ остался въ Новгородѣ, а Святославъ уѣхалъ къ отцу. Этого событія нѣтъ въ Лавр.

Подъ 1213 г. въ Переясл. разсказывается о кончинѣ великаго князя Всеволода, а въ Лавр. объ ней упоминается подъ 1212 г.; редакція обѣихъ лѣтописей различна и Лавр. отличается многовѣщательствомъ. Далѣе Переясл. говоритъ о раздѣленіи великимъ княземъ Всеволодомъ областей своихъ между сыновьями и о завѣтѣ его; о распряхъ старшаго сына Всеволода, Константина, съ младшими, Георгіемъ и Ярославомъ. Все это описано довольно подробно, какъ относящееся преимущественно до Переяславскаго княжества. Потомъ находятя извѣстія объ освобожденіи Георгіемъ Всеволодовичемъ князей Рязанскихъ, объ уходѣ Владиміра Всеволодовича изъ своего удѣла въ Москву, и наконецъ о походѣ Мстислава Новгородскаго на Чудь. Лавр. же, послѣ описанія кончины великаго князя Всеволода (подъ 1212 г.), упоминаетъ слетка объ освобожденіи Рязанскихъ князей; о приходѣ Георгія и Ярослава къ Ростову и о замрениіи съ Константиномъ. Потомъ прибавляетъ извѣстіе о постригажѣ двухъ сыновей Константиновыхъ Василька и Всеволода. Этого въ Переясл. нѣтъ. Подъ 1213 г. Лавр. содержитъ извѣстія о заложеніи Константиновымъ церкви св. Богородицы на мѣсто упавшей; о прѣздѣ Владиміра въ Москву; о приходѣ вторично Георгія и Ярослава къ Ростову и объ учиненіи съ Константиномъ порядка; объ изведеніи Владиміра изъ Москвы и объ отправленіи его «въ Рускій Переяславъ на столъ, на отчину свою»; и наконецъ о рожденіи у Георгія сына Всеволода — Дмитрія.

Подъ 1214 г. Переясл. начинается о женитьбѣ Ярослава Всеволодовича на Ростиславѣ, дочери Мстислава Мстиславича Новгородскаго. Затѣмъ описываетъ новую распрю Константина Всеволодовича съ братьями Георгіемъ и Ярославомъ. Въ эту распрю вмѣшались Давидъ Муромскій и Владиміръ, жившій въ Москвѣ.

Повосставъ между собою, всѣ они наконецъ поладились и разошлись во свояси. Это рассказано въ Лавр. въ весьма короткихъ словахъ подъ 1213 годомъ, какъ показано выше.

Этимъ оканчивается въ Переясл. лѣтописцѣ повѣствованіе о дѣйствіяхъ князей. Послѣ того въ немъ упоминается о голодѣ въ Суздальской землѣ, съ присовокупленіемъ благочестивыхъ размышленій и текстовъ изъ Священнаго Писанія; объ изгнаніи Іоанна съ епископства Владимірскаго; о поставленіи Пахомія епископомъ Ростовскимъ и о заложеніи въ Ростовѣ соборной церкви Пресвятой Богородицы. Эти извѣстія есть и въ Лавр.; только вмѣсто церкви Пресвятой Богородицы тамъ сказано: «святою мученику Бориса и Глѣба.»

«Се же бысть лѣто высокостное», заключаетъ Переясл. лѣтописецъ; но это неправильно: высокостный годъ приходится въ 1212 и 1216 годахъ.

Прослѣдивъ съ возможною подробностію Переяславскаго лѣтописца съ лѣтописью Лаврентьевскою и представивъ всѣ различія между ними, маломальски отгѣвляющія событіе историческое или свойство языка, мы однако же не примемъ на себя рѣшительно опредѣлить преимущественное достоинство той или другой лѣтописи; но не почитаемъ лишнимъ высказать собственное наше убѣжденіе, родившееся въ слѣдствіе подстрочнаго и даже буквальнаго сравненія обѣихъ лѣтописей. Повторимъ сказанное нами въ началѣ статьи, а именно, что не можемъ признать лѣтописца Переясл. за лѣтопись самостоятельную. Начало ея, правда, не то, какое находимъ въ спискахъ Лавр., Радз. и Тр.; во пропускъ событій, и даже сокращеніе ихъ, въ строгомъ смыслѣ не могутъ быть признаны за самостоятельность; а совершенно сходное изложеніе ихъ на пространствѣ пятидесяти лѣтъ и еще того менѣе позволяютъ оставить за нимъ подобное названіе. Не смотря на это, все-таки открытіе Переясл. лѣтописца мы должны принять за счастливое событіе въ нашей исторической литературѣ и должны быть весьма признательны за его изданіе. Дополненія, встрѣчающіяся, напримѣръ, въ описаніи обычаевъ нѣкоторыхъ изъ народовъ, населявшихъ Русь, въ разсказѣ о княженіи Ольги, въ повѣствованіяхъ о крещеніи Владиміра, о единоборствѣ Печенѣга съ Русскимъ и въ другихъ мѣстахъ;

множество мелкихъ разнорѣчій, которыя, по ходу историческихъ событій и логическому смыслу, должны быть приняты за болѣе правильное чтеніе — все это ставить Переясл. лѣтописца въ число важныхъ источниковъ нашей исторіи; тѣмъ болѣе, что мы не нашли въ немъ никакихъ данныхъ, которыя бы противорѣчили мнѣнію Князя Оболенскаго о времени составленія Переясл. лѣтописца. Одно, что можно привести въ опроверженіе этого мнѣнія, это то, что онъ сохранился въ спискѣ второй половины XV вѣка; но въ доказательство, что подобное опроверженіе, не подкрѣпленное сильнѣйшими доводами, не можетъ имѣть никакой важности, мы сошлемся на весьма замѣчательное по своей истинѣ мнѣніе Академика И. И. Срезневскаго¹⁾. Разсматривая одинъ изъ древнихъ нашихъ письменныхъ памятниковъ, онъ говорить: «Наша старинная письменность богата примѣрами того, что списки позднѣйшіе гораздо важнѣе древнѣйшихъ, какъ болѣе или менѣе вѣрныя копія съ очень древнихъ изводовъ, не сохранившихся въ подлинникѣ.» Къ этому-то роду списковъ мы причисляемъ и Переясл. лѣтописца и тождественныхъ съ нимъ Радз. и Тр. (последній до 1206 г.).

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о языкѣ Переясл. лѣтописца. Изъ приведенныхъ многихъ примѣровъ можно было видѣть, что между языкомъ этого лѣтописца и языкомъ Лавр. лѣтописи есть значительная разница. При общемъ взглядѣ языкъ перваго кажется болѣе обработаннымъ. Особенно замѣчательна его краткость, которая во многихъ мѣстахъ дѣлаетъ смыслъ яснѣе, тогда какъ Лавр. лѣтопись часто многословитъ и безъ нужды повторяетъ свои рѣчи. Къ показаннымъ уже выше примѣрамъ, тамъ, гдѣ говорится о Полочанахъ (стр. 1), или о приходѣ Кія въ Царьградъ, и другимъ, приведемъ еще нѣкоторые. (Стр. 1): «...и по томоу (Варяжскому) морю внити до Рима, и отъ Рима прити къ Царюграду» (Лавр., стр. 3, «и по тому морю ити до Рима, а отъ Рима прити *по тому же* морю ко Царюгороду»). Слѣдовательно надо допустить, что Средиземное море называлось въ старину Варяжскимъ. Здѣсь очевидно слова «*по тому же*» лишнія. Нѣсколько далѣе: «а Двина ис того же дѣса

¹⁾ Известія Второго Отдѣленія Импер. Акад. Наукъ, т. II, стр. 121.

иде на плѣнощи в море Варяжско» (Лавр. «...а Двина изъ того же лѣса *потечеть*, а *идеть* на-полунощье и *ввидеть* въ море Варяжское»). Изъ трехъ глаголовъ здѣсь два лишніе. (Стр. 2): «Поляномъ же живущимъ особъ владѣющи роды своими.» (Лавр., стр. 4, «Поляномъ же живущемъ особъ и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братьѣ биху Поляне, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ»). Врядъ ли изъ этого многословія можно вывести какое нибудь поясненіе словамъ, сказаннымъ въ одной строкѣ. — «...а Щекъ сѣдѣше на горѣ, *идь ныль Щековица*, а Хоривъ на третей горѣ, *еже ныль Хоривица*.» (Лавр. «... гдѣ нынѣ зовется Щековица... отъ него же прозвася Хоривица»). — «По нихъ же родъ ихъ нача княжити...» (Лавр. «И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княжене въ Поляхъ»). Въ числѣ немалоозначушей разности языка мы найдемъ примѣры, гдѣ одно слово замѣняется другимъ, выражающимъ то же понятіе. (Стр. 1): «...на рѣцѣ *нарицае*же Морава» (Лавр. «имянемъ»). «Словѣни же *или* *пробльше*» (Лавр. «ови пришедше»). «Темже изъ Руси *лзл* въ Болгары и Хвалисы» (Лавр. «*можетъ ити*»). (Стр. 2): «и бѣша окрестъ града *лѣст*» (Лавр. «около»). «и *до днесъ*» (Лавр. «и до сего дне») и многіе другіе. Встрѣчается еще форма словъ, въ которыхъ буква *в* и предлогъ *въ* замѣнены слогомъ *оу*. Такъ на стр. 10-й читаемъ: «оузлгъ» (Лавр. «поималъ»); стр. 11: «оуринуша»; стр. 12: «а уже хоцю оу Киевъ»; стр. 19: оузати» (Лавр. «пріяти»); на стр. 33: «И того лѣта оу Василеве бився с Татары и постави церковь оу Василевѣ.» Примѣры перестановки словъ, гдѣ существительное поставлено впереди прилагательнаго, мы уже показали выше.

ПОВѢСТЬ О ЦАРЕГРАДѢ.

(ЧТЕНІЕ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО).

Въ числѣ древнихъ и старинныхъ памятниковъ Русскихъ осталось много замѣчательныхъ и важныхъ воспоминаній о Цареградѣ, на которыхъ большею частию лежитъ печать современности. Такъ на первыхъ страницахъ нашихъ лѣтописей между замѣчаніями о событіяхъ IX и X вѣка записаны сказанія о мирныхъ и немирныхъ странствіяхъ Русскихъ въ Цареградъ съ припоминаніями о его великолѣпіи и богатствахъ. Позже въ одной изъ древнихъ лѣтописей Новгородскихъ находимъ сказаніе о занятіи Цареграда Латинами¹. Отъ половины XIV вѣка осталось довольно подробное описаніе Цареграда — Новгородца Стефана; отъ конца XIV вѣка — два описанія: одно дьяка Александра, а другое діакона Игнатія; отъ начала XV вѣка — хоть и не подробное, но умное описаніе іеродіакова Зосимы² и т. д. Въ XV вѣкѣ, когда вѣсть о паденіи Цареграда подъ ударами Магомета II разошлась по Руси, не могли у насъ не явиться описанія и этого «страшнаго» событія³. Можно предполагать,

¹ I-я Новгород. лѣт. въ Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. III, стр. 26—29.

² Сказанія Русскаго народа, И. П. Сахарова, кн. VIII, стр. 51—, 60—, 71—, 97—.

³ Страшное событіе — horrible повѣст, какъ выразился о немъ Эвей Сильвій, полтора мѣсяца спустя послѣ взятія Константинополя (въ письмѣ къ папѣ изъ

что таких описаній было у насъ нѣсколько...⁴ Одно изъ нихъ, очень подробное, правилось, вѣроятно, болѣе другихъ, и потому сохранилось въ значительномъ количествѣ списковъ — въ хроно-графахъ, лѣтописяхъ и сборникахъ. Это — «Повѣсть о созданіи и о взятіи Царьграда», та самая, которая довольно небрежно напеча-тана въ Царственномъ Лѣтописцѣ (1772 г., стр 306 — 358) и въ Лѣтописи по Никонову списку (1789 г., V, 222 — 277). — Счи-тая эту Повѣсть однимъ изъ замѣчательныхъ памятниковъ Рус-ской письменности, Второе Отдѣленіе Императорской Акаде-міи Наукъ нашло нужнымъ приготовить ея изданіе и объясне-ніе, сравнительно со всѣми другими подобными, и, надѣясь въ этомъ отношеніи болѣе всего на знанія своего ученаго сочлена Я. И. Бередникова, ему поручило сличеніе списковъ и очищеніе текста отъ ошибокъ переписчиковъ. Къ сожалѣнію, трудъ по-койнаго остался неоконченнымъ, и потому, не касаясь того, что можно будетъ найти въ заготовленныхъ имъ матеріалахъ, оно предположило издать пока обзоръніе этого памятника, прося при этомъ тѣхъ, которые принимаютъ участіе въ разработкѣ старинной Русской литературы и имѣютъ возможность пользо-ваться списками «Повѣсти о Царьградѣ» и другихъ сказаній этого рода, доставить переписи ихъ въ Отдѣленіе. Чѣмъ болѣе

Градца, 12 июля 1453 г.: Plane autem *horribile* novum modo huc allatum est de Constantinopoli. Tremet profecto manus, dum haec scribo: *horret* animus, neque tacere indignatio sinit, neque dolor loqui permittit. Дожъ Венеціанскій Франческо Фоскари почти тогда же (25 июля 1453 г.) и почти то же писалъ императору Фридриху: *Acerbum et horrendum* novum urbis Constantinopolis... Est siquidem casus iste infelix tanti faciendus, ut nihil supra temporibus nostris contingere potuisset. Кардиналъ Исидоръ въ своемъ воззваніи ко всѣмъ вѣрнымъ христіанамъ — *universis Christi fidelibus*, того же 1453 г., безъ числа) восклицалъ такъ же: *Quis hujus horribilitatis memor non obstupescat, non laetargicus fiat, non prae dolore obtumescat?* N. Reusneri, *Epist. Turcic. 1598. Liber tertius*, стр. 108, 112, 108. Вѣроятно нашимъ предкамъ это событіе казалось не менѣе страшнымъ; но потому ли, что они не пугались Турокъ, какъ пугался и пугалъ — и конечно не напрасно — Э. Сильвій, или по чему другому, они не передали своего чувства письму, а только выражали его на дѣлѣ — покровительствомъ притѣсненныхъ христіанъ и щедрою милостыней.

⁴ Что сказанія о взятіи Царьграда были у насъ разнообразны, это доказы-вается разнообразіемъ повѣствованій нашихъ лѣтописцевъ. Предполагая обзоръть ихъ послѣ, я пока укажу только на два: на II-ю Софійскую Лѣт. въ Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., VI, стр. 180, и на Густавскую Лѣт. въ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, стр. 386 — 387.

будеть списковъ подъ рукою, тѣмъ легче возстановить подлинникъ какъ отъ описокъ переписчиковъ, такъ и отъ ихъ пропусковъ и вставокъ. — Исполняя порученіе Отдѣленія, Редакторъ Ученыхъ Записокъ представляетъ здѣсь содержаніе «Повѣсти о Цареградѣ», имъ составленное, какъ онъ его уразумѣлъ изъ тѣхъ списковъ, которые у него были подъ рукою⁵. Чтобы сдѣлать свой трудъ по возможности болѣе полезнымъ, онъ сохранилъ не только почти всѣ подробности, но отчасти и выраженія, и сличивъ эту Повѣсть съ другими современными памятниками Византійскими, западно-Латинскими и нѣкоторыми Восточными⁶, сопоставилъ въ примѣчаніяхъ нѣсколько матеріаловъ для оцѣнки и объясненія Повѣсти въ отношеніяхъ историческомъ и филологическомъ.

⁵ Подъ рукою у меня было, кромѣ двухъ напечатанныхъ, одинъ списокъ графа А. С. Уварова, два Румянцевскихъ и два М. М. Михайловскаго, секретаря Комитета Академіи.

⁶ О древностяхъ Цареграда, кромѣ упоминавнй многихъ лѣтописцевъ Византійскихъ (напр. *Зосима*, II, 30 — 35), остались довольно подробныя отдѣльныя сказанія, издавныя и объясненныя А. Бандуриемъ и К. Дюканжемъ: А. *Banduri*, *Imperium orientale sive antiquitates Constantinopolitanae*. Paris. 1711. 2 тома въ л. — С. *de Fresne d. de Cange*, *Historia Byzantina duplici commentario illustrata*. Paris. 1680. 1 томъ въ л. — Къ этому надобно прибавить сказанія *Гезихія* о древностяхъ Константинополя (изданіе Гейдельбергское, 1596 года, и новое Лейпцигское. 1820 г., приготовленное Д. Орелли), сказанія *Г. Кодина* о Константинополѣ, его началѣ, достопамятностяхъ, зданіяхъ и пр. (изданіе старое Ламбеція и новое Боннское Э. Беккера, 1843 г.) и т. д.

Изъ сказаній объ осадѣ и взятіи Константинополя Турками первое мѣсто принадлежитъ, по моему мнѣнію, Письму самовидца *Леонарда Хюсскаго* къ папѣ Николаю V, отъ 16 августа 1453 г. (изд. во Франкфуртѣ въ 1578 и 1598 г.). Другіе современники, описавшіе это событіе, суть: — *Г. Франца*, который также былъ въ Константинополѣ во время осады, и ввесь воспоминавнй свои въ Хронику, доведенную имъ до 1478 г. (Боннское изд. 1838 г.); — *Лука*, хотъ и не очевидецъ, но многое узнавшій отъ очевидцевъ, и записавшій слышавное въ свою Византійскую лѣтопись, доведенную до 1463 г. (Боннское изд. 1834 г.); — *Леоникъ Халкокондмла*, написавшій по поводу паденія Византійской имперіи Лѣтопись Турецкую, доведенную до 1464 г. (Боннское изд. 1843 г.). Не только современникомъ, но и очевидцемъ былъ кардиналъ *Исидоръ*; но отъ него осталось только воззваніе (*universis Christi fidelibus*). Гораздо важнѣе письма *Энла Смльвіа*, современника, принимавшаго живое участіе въ событіи, и бывшаго въ то время при дворѣ Фридриха: важнѣе другихъ его письма отъ 12 и 27 июля, 10, 11 и 12 августа, а также его *Oratio de Constantinopolitana clade* (Я пользовался изданіемъ Нюрнбергскимъ 1486 г.). Также важны письма *дожа Ф. Фоскари* 27 июля, *императора Фридриха*

«Повѣсть о Цареградѣ» заключаетъ въ себѣ два отдѣльных сказанія: одно — объ основаніи Цареграда, другое — о его взятіи Турками въ 1453 году.

за III и др. (изданы Рейснеромъ, 1598 г.). Современникомъ былъ и *Неизвѣстный*, который составилъ описаніе взятія Цареграда для Готшалка de Meschede; но это только пересказъ того, что сказано было Леонардомъ Хюскингъ. Гораздо важнѣе сказаніе *Ришерія* въ его *De origine Turcarum et Ottomanı imperii: Libri V.* (изд. Шардія въ *Regum Germanicarum scriptores*, 1673 г., стр. 397 — 400), какъ заставляющее догадываться о существованіи особеннаго современнаго сказанія, болѣе полнаго. Въ этомъ же отношеніи важенъ разсказъ *М. А. Сабеллича* (ум. 1508) въ его *Historiae regum Venetarum* (изд. Базельское, 1570 г.) Можно отмѣтить еще: Мелодію Армянскаго поэта *Абраама* и Повѣсть Грузинскаго лѣтописца о Магометѣ II (то и другое во Французскомъ переводѣ нашего сочлена по Академіи *М. И. Броссе*, въ *Histoire du Bas-Empire* par Lebeau. XXI. 308 — 327). Я не пользовался Турецкими описаніями событія, опираясь на томъ, что и Гаммеръ, которому они были извѣстны, не употребилъ ихъ въ дѣло ни одинъ разъ во всемъ своемъ разсказѣ объ осадѣ и взятіи Цареграда. Другія сказанія извѣстны мнѣ только по указаніямъ Дюканжа, Бандури, Лебо и другихъ писателей. Ссылаюсь явногда, гдѣ было необходимо, на нихъ, считаю не лишнимъ указать (кромя уже упомянутыхъ выше) ихъ изданія:

— *Turco-Graeciae Libri octo* a M. Crusio. Basil. 1584.

— *Historiae Musulmanae Turcarum de monumentis ipsorum. Opus I. Levudovii.* Francofurti. 1591.

— *Histoire du Bas-Empire* par Lebeau. Nouvelle édition, revue entièrement, corrigée et augmentée d'après les historiens orientaux, par M. de S. Martin et continuée par M. Brosset j-ne. Tome XXI. Paris. 1836. Livre CXIX: стр. 238 — 303.

— *Geschichte des Osmanischen Reichs, grossentheils aus bisher unbenützten Handschriften und Archiven* durch J. von Hammer-Purgstall. Zweite verbesserte Auflage. 1-er Band. Pesth. 1840. XXI-es Buch, стр. 391 — 421.

— *History of the Byzantine and Greek Empires from MLVII to XCCCLIII* by G. Finlay. Edinburgh. 1854. Book 4: Ch. II, § 7: 622 — 652.

Указывая на эти сочиненія иностранцевъ, не могу не указать и на трудъ нашего соотечественника, помѣщенный въ этой же книгѣ Ученыхъ Записокъ: *Осада и взятіе Византіи Турками, М. М. Стасюменча.*

Тамъ же, которые, не удовлетворяясь новыми изложеніями событія, желали бы на одномъ изъ новыхъ языковъ прочесть одно изъ его описаній, оставшихся отъ его современниковъ, можно напомнить о Запискахъ Дуки, которыя сохранились не только въ Греческомъ подлинникѣ, но и въ Итальянскомъ переводѣ: эти Записки въ подлинникѣ и переводѣ изданы въ *Corpus scriptorum historiae Byzantinae: Ducas.* Bonn. 1834: стр. 464 — 494. Можно замѣтить, что этотъ переводъ не всюду сходенъ съ оставшимся спискомъ подлинника, и что въ которыхъ отличія очень замѣчательны по вставкамъ.

И.

«Въ 5818 году⁷ — такъ начинается первое Сказаніе — великій Константинъ Флавій, царь Римскій, отсюда собирая христіанъ⁸, сталъ заботиться объ укрѣпленіи и расширеніи вѣры христіанской.... Въ тринадцатый годъ своего царствованія онъ задумалъ создать городъ въ свое имя, и послалъ мудрыхъ мужей по Азіи, Ливіи и Европѣ выбирать мѣсто для города, болѣе удобное и приличное. Воротившись, послы хвалили болѣе другихъ земель Македонію и Византію; а самому царю болѣе нравилась Троада, мѣсто, гдѣ совершилась всемірная побѣда Грековъ надъ Фрягами; но голосъ, слышанный царемъ во снѣ, обозначилъ другое мѣсто: «въ Византіи подобаетъ Костянтинію граду создаться⁹.» Царь отправился въ Ви-

⁷ Въ нѣкоторыхъ спискахъ стоитъ 3803 и годъ, въ другихъ 5818-й: единъ Меліоданскій изданъ Константиномъ, какъ извѣстно, въ 313-мъ (3818-мъ) году.

⁸ Тутъ въ подлинникѣ сказано: «оземственныхъ христіанъ.» *Оземственный*, *υπερβολος*, чужестравный. Сравн. въ Хронографѣ Григорія Амартола: «Амазоняне же мужа не имутъ, но аки скотъ безсловесный, единою глѣзомъ въ весельныхъ днѣхъ *оземствовани* будутъ, и съчѣтаются съ окрестными имъ мужи. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, стр. 241 — 242. По другому списку, вмѣсто «оземствовани будутъ» — отлучаются, *υπερβολος υἱογοντα*. *Оземственъ*, *оземствованъ*, вмѣсто *отземственъ*, *отземствованъ*; *оземствіе*, т. е. *отземствіе* было бы то же что *Ausland*, *Umland*. Примеры такого выпуска *т* находятся въ самыхъ древнихъ памятникахъ Старославянскихъ и древнихъ Русскихъ; напр. въ Остр. Евангеліи оходити нѣсколко разъ вмѣсто отъходити (едва оходить отъ него — *μαῦς ἀποχωρεῖ ἀπ' αὐτοῦ*, не охождаше отъ ѳрѣе — *ἔχ' ἀφίστα ἀπὸ τῶ ἱερῆ* и пр.); въ Словахъ Григорія Богослова XI в. (остыпленію грѣха — *φυγῆ τῆ πταισματος*), и пр. Ни въ какомъ случаѣ нельзя здѣсь сравнивать слово *оземственный* съ *αἰζυμιτα* (см. напр. у Луки *procul sit a nobis azymitarum (των αἰζυμιτων) ritus*, стр. 253.

⁹ Сравн. у Зосима: *Urbem quandam Romae parem quaerebat, in qua palatium sibi conderet. Itaque cum venisset inter Troadam et priscum illud Ilium, invento loco ad urbem condendam idoneo fundamenta iecit et muri partem aliquam in altum egit... sed quod cum hujus operis instituti poenitisset, eo relicto, ut erat imperfectum, Byzantium concessit* (Бон. изд. стр. 95—96). Говоря о Троадѣ, гдѣ всемірная побѣда была Грекомъ надъ Фрягамъ, сочинитель Повѣсти думалъ о битвѣ Троянской, и случайно или можетъ быть и нарочно свѣщаль Фряговъ (Φράγγοι) съ Фрягамъ (Φρύγες), обитателями Троады (сравн. ксати *Φρηξ* и *Φρυξ*). Въ обоихъ случаяхъ это смѣшеніе очень замѣчательно: едва ли въ немъ не скрывается тайная мысль

Сравн. у Зосима: Urbem quandam Romae parem quaerebat, in qua palatium sibi conderet. Itaque cum venisset inter Troadam et priscum illud Ilium, invento loco ad urbem condendam idoneo fundamenta iecit et muri partem aliquam in altum egit... sed quod cum hujus operis instituti poenitisset, eo relicto, ut erat imperfectum, Byzantium concessit

зантію, увидѣлъ тамъ семь горъ и много морскихъ заведѣй — «глушиць», велѣлъ срывать верхи горъ, засыпать низменные удоля, на глушицахъ ставить каменные столбы, на нихъ сводить своды, и такимъ образомъ равнять мѣсто. Потомъ, на совѣтѣ съ вельможами, начерталъ планъ городу и крѣпости, велѣлъ размѣрять мѣстность «на три угла, во всякую сторону по семи верстѣ, какъ указывало пространство материка между морями Чернымъ и Бѣлымъ»¹⁰. И вотъ внезапно вышелъ изъ норы змій и поползъ по площади, а на небѣ, надъ нимъ взвился невѣсть откуда орелъ, спустился на змія, схватилъ его, и поднялся съ нимъ на воздухъ. И царь и всѣ, кто тутъ былъ, это видѣли; видѣли, какъ крѣпко змій обвивался вокругъ орла, какъ орелъ летѣлъ съ нимъ все выше; оба скрылись надолго.... потомъ опять показались, стремяся внизъ, — и палъ орелъ со змиемъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ поднялся. Люди побѣждали, высвободили орла, и убили змія. Испуганный царь созвалъ книжниковъ и мудрецовъ, рассказалъ имъ это знаменіе, и вотъ что они, поразмысливъ, отвѣчали царю: «Это мѣсто назовется Седмихолмымъ, прославится и возвеличится во всей вселенной болѣе всѣхъ другихъ городовъ; его, межъ двухъ морей, будутъ бить волны морскія, и будетъ оно колебаться. Орелъ — знаменіе христіанства, змій — знаменіе бусурманства: что змій одолѣлъ орла, это знакъ, что бусурмане одолѣютъ христіанъ; а что христіане змія убили и освободили орла, это знакъ того, что христіане одолѣютъ бусурманъ, возьмутъ Седмихолмый назадъ и во-

(Сравн. у Халкокондилы, стр. 403). Въ старой Руси Фригами постоянно называли Латынцевъ, особенно Романскаго происхожденія. Такъ въ Сказаніи о взятіи Царьграда Латынами читаемъ: «Погыбе царство Костянтина града и земля Грьчская въ свадѣ царствъ, екоже обладаютъ Фризи» (Полн. Собр. Русск. лѣт. III. 29). Такъ и діаконъ Игнатій, описывая Іерусалимскій храмъ, говоритъ: «а съ правую сторону отъ гроба Господня на землѣ Фряская служба, Фризи служатъ» (Сказ. Русск. нар. VIII. 101). Симеонъ Суздальскій называетъ Фряскою землею Италію (Сказ. Русск. нар. VIII. 84).

¹⁰ Тутъ подъ именемъ Бѣлаго моря разумѣется то, что обыкновенно называлось у насъ Узкимъ моремъ. Бѣлымъ моремъ называютъ Болгары и теперь весь Архипелагъ, не только Узкое, т. е. Ираморное море. У Симеона Суздальскаго подъ именемъ Бѣлаго моря можно понимать все Средиземное (Сказ. Русск. нар. VIII. 81).

царятся въ немъ»¹¹. Смутился великій Константинъ, но велѣлъ записать ихъ слова, и — продолжалъ свои заботы о построеніи города.... Городъ устроивался, а жителей было мало, и поэтому царь сталъ вызывать изъ Рима и изъ другихъ странъ вельможъ, мегистановъ¹², сановниковъ, строить имъ дома... Онъ воздвигъ большую «палату», «дивную» ипподрому и рынокъ, т. е. крытую улицу для торга¹³. Онъ же воздвигъ храмы: св. Софія, св. Апостоловъ, св. Ирины и много другихъ. На одной изъ площадей онъ поставилъ удивительный «багряный столпъ», перевезенный изъ Рима: три года нужно было для этого, потому что онъ былъ очень великъ и тяжелъ; отъ моря къ площади перетаскивали его цѣлый годъ, и царь, приходя часто самъ смотрѣть на работы, раздавалъ много золота работникамъ, чтобы они берегли его. Въ его основаніи положены были двѣнадцать кошницъ,

¹¹ *Седьмиколенный*: это названіе придано Константинополю и въ такъ называемой надписи на гробъ Константина: ἐπτάλοφος. Banduri, Imperium orientale. I: b. 184, 185. Леонардъ Хиосскій: Septicollim autem Graeci ἐπταβουνον vocant. Epist. Turc. Libri V. 116. Другія сказанія у Джавижа, Historia Byzantina. II, стр. 37. Предсказанія о Константинополѣ, относимыя ко времени его основанія, собраны Джавижемъ, Historia Byzantina, II. 23 — 24. Тутъ же дажѣ и о построеніи Константинополя.

¹² *Мегистаны* — μεγατάνας и μεγατάνοι (отъ μέγας — большой, μέγιστος — большій), то же, что Серб. Хорв. великаши, наше народное: набольшіе; вельможи, гранды.

¹³ *Палата* — παλάτιον, отъ Латинск. palatium (прежде названіе одного изъ семи холмовъ Рима — Pallantium, Pallatium, mons Palatinus; потомъ и названіе дворца, на этомъ холмѣ выстроеннаго; а наконецъ и общее названіе дворца). *Великою палатою*, Magnum palatium, назывался дворецъ, построенный Константиномъ. Ducange, Constantinopolis christ. II, стр. 112 — 113. — *Ипподрома* — ἵπποδρομος, а иногда и въ женск. родѣ ἵπποδρομία и ἵπποδρομή, hippodromus. Этотъ циркъ, обдѣланный Константиномъ, былъ и до него. См. о немъ у Джавижа, Constantinopolis christ. II, 102. Нашъ іеродіаконъ Зосима переводитъ hippodromum — «породожье, рыстаніе конское» (Сказ. Русск. нар. VIII. 61). Далѣе въ подлинникѣ стоитъ: «δὲν πῶλον», можетъ быть, по ошибкѣ вмѣсто πῶλητήριον, или ἐμπόριον, или ἐμβολος, а можетъ быть и не по ошибкѣ. О форумѣ Константина пишетъ Кедринъ: forum quoque condidit cum binis amplis rostris — μετὰ γὰρ τῶν δύο μεγάλων ἐμβόλων (Бон. изд. I. 517 — 518). И Chronicon paschale отмѣчаетъ δύο ἐμβόλους (Бон. изд. I. 528). У Византийцевъ ἐμβολοὶ значить портникъ, крытый ходъ — tecta ambulacra, какъ и Латинское imbulus — porticus platearum, какъ было уже замѣчено Бастомъ (J. Orelli, Nesychii Miles. Opuscula, стр. 241 — 242). Въ словѣ *поле* или *поля* можетъ скрываться какой нибудь особенный смыслъ.

благословленныхъ Спасителемъ, частицы честнаго древа и мощи святыхъ «на утверженіе и сохраненіе предивнаго единокаменнаго столпа.» На немъ поставленъ былъ кумиръ, принесенный изъ Солнечнаго города Фригійскаго, съ семью лучами на головѣ¹⁴. Много в другихъ удивительныхъ и славныхъ вещей: Константинъ перенесъ въ свой городъ. Онъ назвалъ его Новымъ Римомъ, Царьградомъ¹⁵, и завѣщалъ, чтобы и преемники его заботились объ украшеніи города сооруженіемъ храмовъ и зданій.... И точно хранимъ былъ этотъ завѣтъ: Юстинианъ, Θεодосій Великій, царица Евдокія и многіе другіе цари исполнили его, и такъ наполнили Цареградъ «преславными и дивными вещами», что блаженный Андрей Критскій, изумляясь его величію, сказалъ о немъ: «во истину градъ сей выше слова и разума есть.» Но и этотъ городъ за неисчетныя согрѣшенія и беззаконія пострадалъ отъ различныхъ бѣдъ и напастей. Такъ и нынѣ, въ послѣднее

¹⁴ Столпъ багряный... и на немъ кумиръ... на главѣ седьмо лучъ — πορφυροῖς κίλων, purpurea columna, на которомъ было изваяніе Аполлона, украшенное лучами. Геазихій М.: insignis illa columna purpurea, in qua collocatum Constantinum videmus (стр. 73). Кадричъ говоритъ: Columnam Roma allatam posuit, uno solido constantem, qui totus erat purpureus... in eius autem summo statuam sibi collocavit cum hac inscriptione: Constantinus. Splenduit solis instar... ad basim columnae posuit septem corbes ac duodecim sportas Christi miraculis insignes (Бон. изд. I. 517—518. Справ. 564—565). У Зонары сверхъ этого: Supraque aeneam statuam arte et magnitudine admirabilem erexit; antiqua enim manu pene viveus expressa erat: id Apollinis simulacrum fuisse ferunt, ex Illo Phrygiae translatum. (Urbs C-nae descriptio, adnot-es q. Parciroli у Бандури, Imper. Orient. I. 436). Эта колонна замѣчена была и нашимъ путешественникомъ Стефаномъ Новгородцемъ: «Стоитъ столпъ царя Константина отъ баграна каменя створенъ, отъ Рима привезенъ... въ томъ же столпѣ лежать 12 кошъ укрухъ: тужъ и сѣкира Новаа лежить» (Сказ. Русск. нар. VIII. 52). Въ нашей Повѣсти Солнечный градъ стоитъ вмѣсто ἡλιόπολις.

¹⁵ Новый Римъ: Θεοφανὴς свидѣтельствуеть, что Константинъ назвалъ Цареградъ Новымъ Римомъ (Chronogr. 108). Геазихій М. говоритъ проше: Constantinus novam Romam (τὴν νῆαν Ῥώμην) condidit (стр. 61). Новымъ Римомъ называлъ его и Григорій Богословъ: νέα Ῥώμη, Ῥώμη νεωγῆς, ὀπλοτέρη Ῥώμη, и пр.; напр. въ поэмѣ De vita въ Латинск. переводѣ: Natura binos haud quidem soles dedit: dedit ipsa binas atlatamen (mundi faces) Romas, vetustam scilicet Romam ac novam. Другіе называли Константинополь еще νεοῦτηλῆς Ῥώμη. У писателей Латинскихъ также встрѣчаемъ nova Roma. Оттонъ Фриэнгеръ. (IV, 8): Constantinus sedem regni Byzantium transiit, eamque Constantinopolis vocavit, quae et Regia urbs et Neoroma vocata. Царьградъ — царскій городъ, βασιλῆς πόλις, βασιλεύσα, βασιλεύουσα τῶν πόλεων (Францъ, 309), Regia urbs, urbs regia (Дюканжъ, II, 35).

время, за наши грѣхи, унизили его и нападенія невѣрныхъ, и голодъ, и повѣтрія, и межусобныя брани¹⁶.

III.

Въ 6961 году «безбожный Магметъ», сынъ Амурата, не смотря на миръ съ православнымъ царемъ Константиномъ Мануиловичемъ, на свое обязательство и клятвы, пошелъ на него войною. Его большое войско, приведенное по сушѣ и по морю, внезапно обложило городъ. Ни царь, ни вельможи, ни граждане, узнавъ о движеніи вражескихъ силъ, не знали, что дѣлать, потому что войска въ Цареградѣ было мало, а братьевъ царя тамъ не было. Царь послалъ къ султану пословъ для объясненій и переговоровъ о мирѣ; но «окаянный» султанъ, «безвѣрный и лукавый», отпустилъ пословъ безъ отвѣта.

Въ декабрѣ онъ выслалъ войско, съ тѣмъ чтобъ битъ въ городъ изъ пушекъ и пищалей и изъ другихъ стѣнобитныхъ орудій, и приготовляться къ приступу¹⁷. Греки и Фряги вылазками изъ города мѣшали Туркамъ «наряжать стѣнобитныя орудія», но были не въ силахъ бороться противъ тяжелой силы Турокъ, потому что «одинъ долженъ былъ бороться съ тысячею, а два съ тымъ ою.» Тогда царь повелѣлъ вельможамъ и мегистанамъ распредѣлить воиновъ по стѣнамъ, стрѣльницамъ и воротамъ, назначивъ каждому свое мѣсто съ его отрядомъ и съ «ратными ко-

¹⁶ За этия рассказы о построеніи и украшеніи Цареграда слѣдуетъ въ нѣкоторыхъ спискахъ перечень царей, съ обозначеніемъ, кто изъ нихъ былъ православнымъ и кто нѣтъ; а потомъ начинается «Повѣсть о взятіи Цареграда Турками.»

¹⁷ Мѣсяца декабра — 1452 года, а отъ с. м. 6961. Что здѣсь декабрь стоитъ не по ошибкѣ, это доказывается дальнѣйшимъ сказаніемъ о совѣтѣ касательно защиты города, бывшемъ перелъ 25 мая: «Се уже мѣсяць прошли, откоде же начаемъ братись съ Турки.» Въ декабрѣ 1452 г. Магометъ былъ еще въ Адринополь, но собираться къ подступленію подъ Цареградъ онъ началъ уже и прежде. Нѣтъ ничего невозможнаго, что уже въ декабрѣ часть военного запаса и войска была подъ Цареградомъ, и это заставляло Цареградцевъ считать начало военныхъ дѣйствій съ декабра. Очень можетъ быть, что и тогда они «выѣзжали изъ града битись съ Турки, не длюще имъ стѣнобитныя хитрости нарядити.» Уже въ іюнь начались грабежи и плѣненія, какъ свидѣльствуетъ Франца, стр. 234.

локолами»¹⁸, расположивъ всюду, гдѣ было нужно, пушки и пищали¹⁹ для охраненія стѣнъ, и запретивъ всѣмъ выѣзжать и выходить изъ города. А самъ онъ съ патриархомъ²⁰, съ цари-

¹⁸ Колоколы ратные, tintinnabula, которыми съзывали народъ и подавали ему какой нибудь знакъ. Вспомнимъ нашъ вѣчевой колоколъ. Франц. banclouche: — la banclouche retenti et sonna et la quemugne toute s'appareilla. — et fist sonner la banclouche, et le peuple assembler pour aller combattre. Ducange, Gloss. Lat. 54.

¹⁹ Въ памятникахъ древнѣе этой Повѣсти о пушкахъ и пищалахъ упоминается рѣдко, и потому великиа будутъ нѣкоторыя припоминанія для тѣхъ, кому покажется страннымъ встрѣча этихъ словъ въ памятникѣ XV вѣка. Первые упоминанія у насъ о *пушкахъ* относятся къ послѣдней четверти XIV вѣка. «Въ 1389 г. вывезли къ намъ изъ земли Нѣмецкой арматы и стрѣльбу огненную. Хотя еще въ описаніи Московской осады 1382 года упоминается о пушкахъ; но такъ назывались у насъ прежде не нынѣшнія воинскія орудія сего имени, а большіе самострѣлы или нахины, конии осажденные бросали камни въ осаждающихъ» (Карамянъ), И. Г. Р., V, гл. I, стр. 122. Какъ бы то ни было, въ 1382 г., при осадѣ Москвы Тохтамышемъ «овии стрѣлами стрѣлахуть съ забралъ, инии же ламеннѣемъ шбаху на ня, друзии же тюеяки пушаху на ня, а инии самострѣлы стрѣлахуть, и пороки шбахуть, инии пушки великія пушаху» (Лѣт. 1207 — 1334. М. 1784, стр. 174. Арцыбышева Повѣствованіе о Россіи. III. 137). Позже, въ 1408 г., при нападеніи Едигея, князь Юрій долженъ былъ прибыть къ Москвѣ съ пушками и съ тюеяки и съ самострѣлы» (II-я Соф. Лѣт. Полн. Собр. Русск. Лѣт. VI. 136). Рядомъ съ *пушками* припоминаются *тюфяки*. Это послѣднее слово напоминаетъ Византійское *τουφεξι* = *τουφεξιου* = *τουφεξιου*, которое означало пушку малаго калибра, и происходитъ по нѣкѣиоу нѣкоторыхъ ученыхъ отъ *тэф*, какъ *bombarda* отъ *бом* (Ducange, Gloss. 1393). Что касается до слова *пушка*, то оно — у однихъ Славянъ со значеніемъ бомбарды, у другихъ со значеніемъ ружья — есть общее достояніе всего Славянскаго языка, и вѣроятно происходитъ отъ корня *пу* (сравни *рапъ*, *рипъ*), но не отъ *пук* = *пуч* (*пукать*, *пучить*), какъ бы казалось. Если бы это слово происходило отъ *пук* = Церк.-Слав. *пѣк* = Польск. *рѣк* = *рѣк*, то въ Польскомъ было бы не *puszka*, а *рѣзкагъ* или *рѣзкагъ*, а въ Хорутанскомъ не *пушка*, а *рошка*. — *Пищали* появляются у насъ позже пушекъ. Въ 1408 году, по Никон. лѣтописи, вмѣстѣ съ пушками должны были явиться подъ Москвою и пищали (Ник. лѣт. V. 94). Слово *пищаль* тоже обще всѣмъ Славянамъ, хотя и не всѣмъ въ смыслѣ военнаго орудія. Въ томъ смыслѣ, какъ употреблялось оно у насъ, употреблялось и у Чеховъ: *pišt'ala*, *pišt'adlo* (Буринъ, въ Саз. С. М. X. 1836. 46), и напоминаетъ Романск. *pistola*, откуда и пистолеть. Думали, что *pistola* названа отъ *пистон*, гдѣ будто бы ихъ искусно приготавливали; но эту догадку не трудно было опровергнуть (Diez, Etymol. Wörterb. d. Rom. Spr. 267); также не трудно усомниться и въ томъ, что Романцы заимали это слово у Славянъ (Юнгманъ, III, 92).

²⁰ Во всей этой Повѣсти патриархъ представляется однимъ изъ главныхъ лицъ, и нѣсколько разъ упоминается даже имя его — въ нѣкоторыхъ спискахъ *Анастасій*, а въ другихъ *Асанацій*. Въ III-й Новгородск. лѣтописи говорится тоже о патриархѣ *Асанаціи*: «8961. Валятъ бысть Царьградъ отъ Турьскаго царя Макме-

цей²¹, со святителями и со всѣмъ священнымъ соборомъ, въ сопровожденіи множества женъ и дѣтей, обходилъ ежедневно храмы Господни, вознося молитвы къ Милосердому. Онъ часто объ-

та, при Греческомъ царѣ Константѣ и при патриархѣ *Аванасіи* (Полн. Собр. Русск. лѣт. III. 240). О патриархѣ *Аванасіи* упоминаютъ и другія лѣтописи наши. О немъ же см. въ Исторіи Русской Церкви. Періодъ III. Изд. 2-е. 1833. стр. 18: «По возвращеніи изъ Флоренціи императоръ Іоаннъ предложилъ патриаршу кафедру бл. Марку Ефесскому; но тотъ сказалъ, что отказывается и отъ епископскаго жезла, коль скоро не уничтожатъ уніи. Избранъ былъ *Митрофанъ* (1441 г.), — стали почитать папу. Но народъ не хотѣлъ и слышать объ уніи, бѣжалъ изъ Софійскаго храма. Маркъ писалъ сочиненіе за сочиненіемъ противъ уніи. Георгій сенаторъ, въ послѣдствіи Геннадій патриархъ, дѣйствовалъ также противъ уніи. Намѣсто *Митрофана* († 1443 г.) императоръ избралъ въ 1445 г. Григорія *Мамму*... приверженца папы... Общій голосъ по прежнему былъ противъ уніи... (По смерти императора Іоанна) Константины принялъ правленіе. Папа прислалъ легата и вѣскольکو кардиналовъ на помощь *Маммѣ*... Спустя полтора года по смерти Іоанна соборъ патриарховъ низложилъ *Мамму*, и возвелъ на его мѣсто *Аванасіа*. Но Константины не оставлялъ надеждъ на папу. Марта 12-го 1451 г. Геннадій говорилъ Константины сильную рѣчь противъ уніи. *Мамма* (въ томъ же году) выѣхалъ въ Римъ; *Аванасій* отказался. Въ томъ же 1451 г. «Геннадій, смиренный нинокъ и учитель православной церкви», подписался подъ письмомъ Константины церкви «противъ нововодителей лицемерной Флорентивской уніи»... Въ 1452 г. прибылъ въ Константинополь *Исидоръ* съ настоятельными требованіями уніи... и 1-го ноября 1452 г. императоръ и *Исидоръ* торжествовали заключеніе уніи. «Богъ моя помощь, вы составляете унію, но — погибнете», писалъ пророчески въ тотъ же день изъ своего затвора Геннадій. Таково положеніе Константинополя по рукописнымъ сочиненіямъ Геннадія и другихъ». Если же это такъ, то, очевидно, въ началѣ 1453 года въ Константинополь былъ патриархъ *Аванасій*, хотя и отказавшійся отъ престола, но — по крайней мѣрѣ въ народѣ — оставшійся при титулѣ патриарха. Правда, что въ *Historia patriarch.* (Воп. 1349, стр. 79) сказано, что на вопросъ Магомета II о патриархѣ clerici responderunt: «non habemus patriarcham», но они же прибавили: «qui enim patriarcha fuit, sua sponte, adhuc vivens, sedet sicut relictus», разумѣя, конечно, тутъ *Аванасіа*. З. Маеа Андриа (въ своемъ *Κατάλογος ιστορικός πατριάρχων*, составл. по рукописнымъ каталогамъ, и напечат. въ Навплии, 1837 г., на стр. 153 — 155), сказавши, что *Аванасій* былъ въ Цареградѣ во время осады, выразилъ предположеніе, что онъ былъ убитъ Турками; но это предположеніе, вѣроятно, основано на желаніи соединить въ одно — извѣстіе объ *Аванасіи* и сказанія *Historia Patriarch.* (которая, какъ извѣстно, составлена въ концѣ XVI вѣка и безъ всякой критики): до какой степени вѣрно передано въ этой *Historia Patriarch.* преданіе о распросахъ Магомета касательно патриарха, это еще вопросъ; а вѣрно только то, что *Аванасій* былъ во время осады и потомъ, невѣзѣстно когда, умеръ; по его смерти (*vetus enim mortuus erat*, Франца, 304) избранъ Геннадій.

²¹ Въ Повѣсти нѣсколько разъ упоминается о царицѣ; но кто же она? Екатерина, вторая супруга Константина, умерла еще въ 1442 г., не бывъ въ Константинополѣ (Франца, 195; ср. *Ducange, Hist. Byz.* стр. 246). Нельзя впрочемъ при

ѣзжалъ и вокругъ города, подкрѣпляя стратиговъ²², вонновъ и всѣхъ людей надеждою на Господа и ободреніемъ ихъ храбрости. Турки между тѣмъ на всѣхъ мѣстахъ бились день и ночь, смѣняя одни другихъ, не давая отдыха городу, стараясь утомить его защитниковъ, съ тѣмъ, чтобы облегчить себѣ задуманный приступъ. Такъ прошло тринадцать дней²³.

Въ четырнадцатый день Турки возгласили свою «скверную молитву», загремѣли въ сурны, ворганы и накры²⁴, и подкативши много пушекъ и пищалей, начали «бить городъ», стрѣляя между тѣмъ и изъ ручныхъ луковъ. Горожане не выдержали этого прибоа, запали за стѣны, и только отстрѣливались, сколько

этомъ считать совершенно несправедливыми современныхъ слуховъ: такъ Ф. Зюгемала утверждаетъ, что императрица была въ Цареградѣ во время осады, и потому принуждена была съ другими испытать ужасную судьбу: за день до взятія Цареграда она была лишена жизни изъ боязни, чтобы не досталась въ руки Турковъ (TurcoGraecia, стр. 96); сказанія Энея Сильвія этому не противорѣчатъ (письмо 162). Если же эти слухи справедливы хоть до нѣкоторой степени, то не должно ли подлѣ «парящей» понимать какую набудь *ρηύσσα*, или *δέσποισσα*, одну изъ родственницъ Константина, сестру или подобную особу: гдѣ кромя Константина были во время осады Цареграда многіе изъ Палеологовъ, какъ подтверждаютъ современники. Они говорятъ, правда, о мужчинахъ; но изъ этого не слѣдуетъ, что женщинъ не было.

²² *Стратигъ* — *στρατιγός*, *strategus*, *praetor*, *rector provinciae vel urbis*, *magister militiae*, *magister militum*, вообще начальникъ, особенно военный.

²³ *Такъ прошло 13 дней.* Если не ошибаюсь, то эти дни были отъ 26 марта до 8 апрѣля: отъ поведѣльника Страстной недѣли Великаго поста до Омниа воскресенья. Въ четырнадцатый день послѣ прихода враговъ къ городу, по сказанію Повѣсти, былъ первый приступъ; а этотъ приступъ былъ на третій день послѣ пятницы Свѣтлой недѣли (8 апрѣля). Дукъ, стр. 263: *aprilis vero die sexta, obsidione urbem cinxit Mehemetes.* Леонардъ Хюссскій, стр. 116: *nonis aprilis ante Constantinopolis prospectam, cum tercentis et ultra millibus pugnatorum in gyro terrae castra papilionisque confixit... Ad tertium autem diem captato urbis situ, machinas... admovit.* Что на 6-го и на 8-го апрѣля Магометъ явился къ войску, это явно изъ словъ Францы: *secundo aprilis ipse Aemas affuit.* стр. 237.

²⁴ *Сурна, сурма* — ср. Нов. Греч. *сърма* — одинъ изъ девятнадцати тоновъ Греч. музыки (Ducange, 1491). Въ Польскомъ есть *surma*, въ Сербскомъ *сурла* — въ томъ же смыслѣ. Въ Ник. и Воскр. глѣт. этотъ инструментъ упоминается уже подлѣ 1219 г.: въ Ник. *сурмы*, въ Воскр. *сопльм*. Истор. опис. Росс. войскъ. I, I, стр. СХХХI, прим. 190. — *Вариантъ* — *бурхавон*, *organum*, принялось у Византийцевъ и въ смыслѣ *fastula*. — *Накры* — бубны, *авихара*, *анагара*, *пасага*, *пасаріумъ*, *пассера*, *тумпрані* *эресіса*. Кюдин. сар. 5. п. 15. Французы называли бубны, подобно намъ, *les pasces*.

могли, изъ пушекъ и пищалей; а Турки съ кликомъ и боемъ бросились къ городу, одни съ огнями или съ лѣстницами, другіе съ стѣнобитными орудіями и разными «кознями», нужными для осады. Въ Цареградѣ повсюду раздавался звонъ колоколовъ; по войску Турецкому звуки сурень, трубъ и тимпановъ²⁵. Началась лютая, страшная сѣча. Отъ стука пищалей, отъ звука колоколовъ, отъ треска оружія, отъ вопля и крика воиновъ, отъ плача и рыданья женъ и дѣтей казалось, что колеблется земля. Тучи дыма покрывали городъ и войско, такъ что бьющимся не видно было, съ кѣмъ приходилось биться, и многіе задохлись на смерть отъ «зеленаго духа»²⁶. Схватывались и рубились на всѣхъ стѣнахъ до тѣхъ поръ, пока ночная тьма не развела враждующихъ. Отходя отъ стѣнъ города, Турки не взяли своихъ падшихъ, а осажденные отъ утомленія пали какъ мертвые, оставя на стѣнахъ только стражей²⁷. На утро царь велѣлъ собрать и погребсти мертвыхъ; ихъ было: славныхъ Грековъ 1740, а Фряговъ и Армянъ 700. Обходя стѣны города, онъ видѣлъ спящихъ своихъ воиновъ, видѣлъ, что рвы наполнены трупами враговъ, что громады труповъ ихъ покрываютъ и потоки и берега, и «посмѣтили» всѣхъ убитыхъ Турокъ 18,000. Онъ приказалъ сожечь стѣнобитныя орудія, и потомъ пошелъ съ патриархомъ и со всѣмъ духовенствомъ въ Со-

²⁵ Тимпанъ — барабанъ, τύμπανον, τέρπι, τέρπαλον, τυμπανι. У Римлянъ онъ употреблялся при богослуженіи, а въ Византіи уже какъ военное музыкальное орудіе. Pauli. Real-Lex. VI. 2270. Ducange. Gl. Graec. 1590. Gl. Lat. III. 734. Сравни. у Дуки стр. 271: alius tympanum (τύμπανον) pulsabat, carmen etiam nauticum a tubicine (σαλπίγγα) cantatum. Σάλπιξ—*труба*, trombeta; а τύμπανον въ Итальянскомъ переводѣ передано словомъ tamburia. Сравни. у Францы: 248, 258; у Леонарда: 120, у Халкокондлы: 394.

²⁶ Зелѣ — порохъ. Въ древнемъ Русскомъ слово зелѣе употреблялось въ значеніи лѣкарства и яда (Ипат. лѣт. 1190: Угри же приложиша зелѣе смертно къ ранамъ, и съ того умре); а такъ какъ и лѣкарства и яды приготавливались болѣе въ видѣ порошка (χρῆσις, χονία, pulvis), то всякому вредному порошку можно было дать по-Русски названіе зелѣя: такъ зелѣемъ называли и табакъ, сначала нюхательный; такъ зелѣемъ называли и порохъ. На Петербургской сторонѣ доселѣ употреблялось названіе *Зеленой улицы*.

²⁷ Эта битва — если не ошибаюсь — 8-го апрѣля нигдѣ такъ подробно не описана, какъ въ нашей Повѣсти. Сравни. Леонарда Хюс., стр. 117. Францы, стр. 238 — 239.

Фійскій храм²⁸ принести благодарственный молебенъ Господу силъ: надѣялись, что «безбожный» (Махметъ) отступитъ отъ города, увидя такую погибель своихъ.

Но «свѣробразный» думалъ не такъ. Имъ высланы были на другой день многіе полки, чтобы собрать мертвыхъ, и они, безъ сопротивленія со стороны Грековъ, какъ и желалъ царь, очистили рвы и потоки и сожгли трупы; а на седьмой день послѣ того султанъ двинулъ вновь свое войско къ городу²⁹.

Между тѣмъ царь Константинъ посылалъ по морю и по сушѣ — и въ Морею къ своимъ братьямъ, и въ Венецію, и въ Геную, прося о помощи; но братья не успѣли придти, потому что они были въ междусобной распрѣ, и притомъ воевали съ Албанцами, а Фряги не захотѣли помочь, говоря про себя: «пусть себѣ Турки возмутъ Цареградъ, а у нихъ его мы возьмемъ»³⁰. Одинъ только Генуэзскій князь, именемъ Юстиніанъ, пришелъ къ царю на помощь на двухъ корабляхъ и двухъ катаргахъ³¹, привезя съ

²⁸ Во святую и великую церковь. Имя великой церкви придавалось постоянно Софійскому храму. «Въ великой церкви (ἐν τῇ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ) совершилось приглашеніе уни». Лука, стр. 263. «И храмъ, который созданъ и посвященъ былъ во имя Премудрости Слова Божія, великая церковь (μεγάλη ἐκκλησία), новый Сіонъ, нынѣ преобразился въ жертвенникъ варваровъ... Лука, стр. 299. Великою церковью называется храмъ св. Софіи и Стефанъ Новгородецъ (Сказ. Русск. нар. VIII. 51).

²⁹ На седьмой день: по моему расчету, это приходится 15 апрѣля. Франца, 239. Гаммеръ, 402 — 403. Въ этомъ мѣстѣ, какъ и въ другихъ, употреблено въ Повѣсти слово *магистры*, безъ сомнѣнія въ смыслѣ *magistri militum*, въ такомъ же, какъ *стратики*, или подобномъ. Въ такомъ смыслѣ есть это слово и у Леонарда Хюсскаго (118): *magistros accessiri jussit*.

³⁰ Морея названа въ Повѣсти *Аморія*, Генуа — *Эпоноія*, Албанцы — *Арбанци*. Особенно любопытно второе имя: въ немъ зъ вѣсто: по сѣверному Итальянскому выговору: *Генова* вѣсто *Генова*. — *Арбанасами* называютъ Албанцевъ и теперь Сербы и Болгары: въ нашихъ старинныхъ памятникахъ это названіе довольно обихованно. — Сравни. у Халкокондила стр. 374 и 407, у Франца стр. 383.

³¹ *Катарга* — галера: *κατέρων, катеруэ*. Леунилавій, объясня это слово, говоритъ: *Catarga, tam Turcis, quam Graecis hodiernis sunt trigemes et galeae, quae ipsa etiam voce nunc Graeci utuntur, γαλέας nominantes, quae majoribus ipsorum quondam τριήρας erant* (Hist. Musulm. 1591. стр. 878; сравни. стр. 551, гдѣ Л. объясняетъ *Catargo-liman*, quasi *κατέρων λιμῆν*, *galeorum ac trigemium portus*). Въ Странникѣ Стефана Новгородца читаемъ: «ту (въ гавани) держатъ корабли катархи до 300; кѣбютъ же катархи весель 200, а иныя 300 весель» (Сказ. Русск. нар. VIII. 83).

собою 600 вооруженныхъ храбрецовъ³². Онъ прошелъ сквозь всю морскую рать султана и невредимо дошелъ къ стѣнамъ Цареграда. Царь обрадовался его приходу, потому что зналъ его, и далъ ему подѣ власть 2000 воиновъ³³. Юстиніанъ просилъ у царя самого опаснаго мѣста на приступъ, и устроившись на немъ, не только оберегалъ его такъ храбро и мужественно, что Турки отступились отъ него, но обходилъ стѣны и всюду ободрялъ и наставлялъ воиновъ: онъ былъ знатокъ ратнаго дѣла и приобрѣлъ себѣ общую любовь.

На тридцатый день послѣ перваго приступа, Турки прикатили пушки и пицали и многіе другіе стѣнобитные «сосуды», между прочимъ и двѣ огромныя пушки, которыя тутъ были сдѣланы, — ядро одной въ колѣно, а другой въ поясъ, — и приступивъ къ городу, стали бить городъ безъ устали со всѣхъ сторонъ. Противъ Юстиніана навели они большую пушку, потому что стѣна тамъ была ветха и низка; отъ перваго удара стѣна поколебалась: отъ втораго удара сбить ея верхъ, сажень на пять; третьяго удара не было, потому что нашла ночь. Ночью это мѣсто Юстиніанъ задѣлалъ и подкрѣпилъ изнутри другою стѣною, деревянною съ землею; но что можно сдѣлать противъ такой силы, и особенно противъ гнѣва Божія за наши грѣхи!³⁴

³² Генуэзскій военачальникъ Іоаннъ Юстиніанъ (*Johannes Longus ex gente Justiniana*: Дука, 265. *Johannes Longus Januensis, de Justiarorum prosapia*: Леонардъ, 117—118) названъ въ Повѣсти *Зустунль* = *Зостунль*; а вмѣсто *g* по такому же требованію выговора, какъ и въ словѣ *Зеновіа*: *Z'ustiniani* вмѣсто *Justiniani*. Франца (стр. 239) говоритъ, что онъ пришелъ только съ 300 воиновъ; а Леонардъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 124) говоритъ о 200, а въ другомъ (стр. 118) о 400; оба отмѣтили только два корабля, а у Халкоковиды (стр. 394) отмѣченъ только одинъ.

³³ Подѣ двумя тысячами воиновъ не должно ли понимать тѣ двѣ тысячи иностранцевъ, принявшихъ участіе въ защитѣ Константинополя, о которыхъ вспоминаетъ Франца (стр. 240): *ad horum impetus sustinendos qui erant in tantae magnitudinis urbe, numerabantur quater mille nongenti septuaginta tres, praeter extraneos, quorum vix duo millia erant*. Леонардъ (стр. 123) даетъ знать тоже: *Graeci ad sex millia bellatorum non excedebant; reliqui, sive Genuenses, sive Veneti, cum his qui ex Pera clam (что повторяетъ и Дука) ad praesidium accesserant vix summa trium millium aequabant*.

³⁴ По моему расчету, этотъ день, необозначенный числомъ въ сказаніяхъ другихъ современниковъ, былъ 23 апрѣля. Сравни у Франца стр. 245—247; у Леонарда стр. 118; у Дуки стр. 275—276. Сравненіе легко: въ этотъ день сдѣланъ первый

На утро Турки опять начали бить то же мѣсто изъ множества пушекъ и пищалей; а когда «утрудили» стѣну, навели большую пушку и выстрѣлили, надѣясь на проломъ; въ этотъ разъ ядро пошло выше стѣны, захватило только семь зубцовъ, ударило въ церковную стѣну и рассыпалось какъ прахъ. Около полудня навели пушку въ другой разъ; но Юстинианъ, зарядивъ свою пушку, ударилъ въ нее, и такъ удачно, что у нея разсѣлся «зелейникъ»³⁵. Это привело Магомета въ ярость; онъ громко закричалъ: «ягма, ягма!» т. е. «на разграбленіе города!»³⁶. Вскричало за нимъ все войско, и бросилось по морю и по сушѣ къ приступу³⁷. Осажденные вышли на стѣны всѣ, такъ что остались только патріархъ, святители и священство, молясь въ церквахъ. Царь безъ отдыха объѣзжалъ по всему городу, плача и рыдая, и умоляя стратиговъ и всѣхъ людей мужаться, не ослабляться въ трудахъ, не падать надеждою, «кладуще главы своя за православную вѣру и за святыя церкви, яко да и насъ помируетъ и прославить всещедрый Господь Богъ», и велѣлъ звонить по всему городу. Юстинианъ, «рыща по стѣнамъ», тоже ободрялъ и понуждалъ людей. И люди, услыша звонъ святыхъ храмовъ, ободрились, охрабрились, и сражаясь съ Турками, говорили другъ другу: «умремъ за вѣру христіанскую!» Какой языкъ можетъ пересказать или выразить эту бѣду и страсть! Падали трупы съ обѣихъ сторонъ, съ забралъ, какъ снопы, и потоки

проломъ. Леонардъ: *Bombarda illa ingens Bactatinea turris, juxta S. Romani portam dimota, lapide in ea aestimatione mille ducentorum librarum interdum collidit, collisum concutit, concussum exterminat. Ruina turris antemuralis fossatum replet, aequatque: ita ut via hostibus, qua decurrere possent, strata cerneretur.* О двухъ огромныхъ пушкахъ говоритъ Халкокондила (стр. 385): *bombardae quae rex habebat, duae maximae emittebant lapidem qui appendebat talento duo aut amplius...* Онъ впрочемъ замѣчаетъ и третью, стоявшую по другую сторону главной, самой огромной, которая отмѣчена всѣми. — Ядра этихъ пушекъ описаны у всѣхъ.

³⁵ *Зелейникъ* (отъ *зелъ*) — казна, казетка, въ пушкѣ. Сравни. у Францы стр. 247.

³⁶ *Ягма* — Турецкое *جاغما* — грабежъ. Сербы и Болгары заняли это слово у Турокъ, и какъ *междометіе* (ягма!) и какъ существительное (на ягму, в ягма-та).

³⁷ Нельзя не замѣтить, что въ Повѣсти морскія битвы только что мимоходомъ вспоминаются. Точно такъ же нѣтъ въ ней ничего и о перевозѣ золота черезъ землю.

крови текли какъ рѣки! Рвы наполнились трупами до верху такъ, что Турки ходили по нимъ къ городу какъ по ступенямъ; ихъ мертвые были имъ мостомъ и лѣстницей. Потоки и берега ихъ вокругъ города наполнились тоже трупами; окровавилъ лиманъ Галатскій. Еслибъ Господь Богъ не покончилъ дня, была бы тогда же городу конечная погибель, потому что осажденные совершенно изнемогли³³.

Съ наступленіемъ ночи Турки отступили къ стану, а осажденные пали гдѣ кто былъ; и слышны были въ эту ночь только стоиъ и вопль порубленныхъ, еще не умершихъ. На утро царь велѣлъ священникамъ и діаконамъ собрать и погребсти мертвыхъ, а раненныхъ не умершихъ раздать врачамъ; и собрали тогда мертвыхъ Грековъ, Фряговъ, Армянъ и другихъ пришельцевъ 5,700. Юстиніанъ же и вельможи, обходя стѣны города, посмѣтили число павшихъ Турокъ и донесли царю и патріарху, что ихъ пало 35,000... «Безбожный» не хотѣлъ было взять труповъ своихъ людей, думая метать ихъ «пороками»³⁴ въ городъ, чтобы они тамъ гнили и заражали городъ смрадомъ; но тѣ, которые знали обширность города, увѣрили его, что это будетъ напрасно, что смрадъ его не коснется, и потому отряжены были люди взять трупы и сожечь.

Черезъ девять дней послѣ того «скверный Магметъ» велѣлъ всему своему войску вновь готовиться къ приступу³⁵, веля большую пушку передѣлать крѣпче прежняго. Тогда патріархъ и вельможи, вмѣстѣ съ другими и Юстиніанъ, стали увѣщевать царя выйти изъ города «на удобное мѣсто», представляя ему, что, когда распространится вѣсть объ его выходѣ, придутъ къ

³³ Этотъ страшный день былъ — если не ошибаюсь — вторникъ 24-го апрѣля. Кое что подобное о немъ отмѣчено Францою: стр. 246 — 247.

³⁴ Пороки — метательныя орудія. О нихъ вспоминается въ нашихъ лѣтописяхъ уже подъ 1204 г.: «Фрязи... изъциниша пороки и лѣствица» (Новг. I, стр. 28); позже подъ 1237: «Татарове начаша наряжати гѣсы и пороки ставиша до вечера» (Давр. стр. 197); сравн. «Татаромъ же пороки градъ бьютъ» (Ипат. стр. 76); «и отыниша тыномъ весь (Торжкъ) около, и бившея пороки по двѣ недѣли» (Новг. I, стр. 52); и пр. Со словомъ порокъ сравн. *враца* — ручной порокъ для метанья камешковъ, *funda*. Сравн. Средн. Лат. *fundenda* — пороки.

³⁵ На *двѣнадцатый день*, т. е. къ 3-му мая. Далѣе описано дѣло 3-го мая, послѣ котораго былъ новый приступъ — 6-го мая «спустя три дни» послѣ этого дѣла.

нему и братья его, и Албанцы, а можетъ быть и самъ «безбожный Махметъ» устрашится и отступить отъ города. Для выхода царя изъ города предполагаемы были корабли и катарги Юстиниана. Царь выслушалъ молча и плача, и потомъ сказалъ въ отвѣтъ: «Хвалю и благодарю за совѣтъ вашъ, и знаю, что все это было бы мнѣ полезно, потому что все можетъ случиться такъ, какъ вы говорите; но какъ я это сдѣлаю, какъ оставлю священство, и церкви Господни, и престолъ, и народъ въ такомъ бѣдствіи! Что скажетъ обо мнѣ вселенная! Умоляю васъ, скажите мнѣ: нѣтъ, государь, не оставляй насъ. Нѣтъ, я умру здѣсь съ вами»⁴¹. И склонился онъ, горько плача; съ нимъ всплакалися патриархъ и всѣ, кто былъ.... Вновь были посланы послы о помощи въ Морею, на острова и въ Фряжскія земли.

Осажденные днемъ бились съ Турками; а ночью выходили во рвы, пробивали стѣны рва со стороны поля, и «изныряли» землю «по застѣнью» во многихъ мѣстахъ, задымывая въ нихъ порохъ и сосуды съ пушечнымъ «зельемъ». По стѣнамъ приготовляли также сосуды съ смолемъ и съ горячей сѣрой и посканъ со смолою и съ пушечнымъ «зельемъ»⁴². Такъ, въ ежедневной борьбѣ съ врагами, провели они еще 25 дней⁴³.

Велѣлъ «безбожный» опять прикатить большую пушку. Она была обвязана желѣзными обручами и казалась отъ этого крѣпче; но лишь только ее пустили, то при первомъ ударѣ она разсѣлась на части⁴⁴. Считая себя поруганнымъ, «безбожный» ве-

⁴¹ Франца подтверждаетъ, что царь Константинъ, хоть и могъ, но не хотѣлъ оставить городъ (стр. 327): *Beatæ autem memorie imperator, dominus meus, quid pro defensione urbis et imperii, imo, ut verius dicam, pro salute capitis, palam et occulte non est molitus? manifestum est enim, si voluisset, facile eum fugere potuisset, verum noluit, sed laborabat ad exemplum boni pastoris, qui animam deponit pro ovibus, ut deposuit sane.*

⁴² Въ сказаніяхъ современниковъ всѣхъ этихъ подробностей нѣтъ; есть впрочемъ намеки о томъ, что все это было. О зельи см. выше.

⁴³ Еще *двадцать пять дней*. считая отъ 3-го мая до 29-го, когда наконецъ Константинополь былъ взятъ Турками. Приступъ, въ слѣдъ за этимъ описанный, былъ — по видимому — 3-го мая.

⁴⁴ Срав. у Франца: *Ameras (такъ называется онъ Магомета) post diffractam helepolim brevi tempore refecit instauravitque (стр. 242)... et helepolim hostium, igne ubi aperta stabat, submisso, exusserunt (стр. 247)... Impii, ubi spe se frustratos*

лѣль прикатить къ городу всѣми силами свои большіе, крытыя туры⁴⁵, и оставивъ ихъ по берегу рва, наполнять ровъ деревьями, хворостомъ, землею, придвинуть туры еще ближе къ городу. и подкапывать стѣну, чтобы она рухнула; но когда Турки подступили ко рвамъ, осажденные зажгли зеленые сосуды, задѣланные внѣ рва. Взгремѣла земля какъ громъ, и поднялась съ турами и съ Турками къ облакамъ зеленая буря. Страшенъ былъ трескъ и порушеніе туровъ, страшенъ вопль и стонъ людской. Бѣжали осажденные со стѣнъ; бѣжали Турки отъ города далеко. Люди и бревна падали одни въ городъ, другіе во вражью рать, и рвы наполнились Турками⁴⁶. Когда же потомъ горожане вышли на стѣну и увидѣли во рву множество Турковъ, стали они зажигать бочки со смолою и бросать на нихъ. «Зловѣрный Магметъ» издали глядѣлъ на все это, и не зналъ, что бы сдѣлать; а между тѣмъ его ратники, уstraшенные, отступили отъ города. Греки вышли изъ-за стѣнъ, добивали во рвахъ Турковъ еще живыхъ, и складывая «громадами», сожгли ихъ вмѣстѣ съ остальными турами. Такъ освободился городъ въ этотъ день «отъ безбожныхъ Турковъ.» Царь и патріархъ, со священствомъ, вознося благодарственныя мольбы, думали, что брань этимъ кончится.

Самъ «зловѣрный Магметъ», совѣщаясь много разъ, рѣшилъ было отступить отъ города, потому что и «морской путь при-

viderunt, mirati sunt, atque Améras, magnopere tristatus et pudefactus, obstupuit virtute nostra (стр. 247)... и пр.

⁴⁵ *Туръ* — *τύρρις, turris*, деревянная бойница. О турахъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ уже подъ 1099 годомъ: «войска Давида, осаждая Владимиръ, «поступиша ко граду подъ турами» Воскрес. Лѣт. 245. Позже, въ 1237, и «Татарове учиниша у града Володимира туры». Рус. Временникъ. 1790. I. стр. 99. Въ Лавр. лѣт. въ этомъ мѣстѣ упомянуты не туры, а *лѣсы* и *пороки*: «въ субботу мясопустаю почали наяржати лѣсы, и пороки ставиша до вечера. — Туры, *turres*, какъ наступательныя орудія извѣстны были и Римлянамъ: они были принимаемы на колесахъ и валахъ (*ambulatoriae*), и составлялись изъ нѣсколькихъ ярусовъ (*tabulata*): въ верхнихъ ярусахъ помѣщались стрѣлки, а въ низу стѣнобитцы. Даже и на корабляхъ ставились такіе туры. Объ этихъ турахъ говорятъ современники осады Цареграда, называя ихъ *curgus castellatos, ligneas turres, pellibus boum circumtectas*. Леон. 118.

⁴⁶ Не совсѣмъ такъ пересказано это дѣло у другихъ: осажденные, по словамъ Леонарда и Францы, сами своихъ собственныхъ подкоповъ не дѣлали, а только уничтожали мины Турковъ. Франца: стр. 244, Леонардъ: стр. 118.

спѣлъ», и къ осажденнымъ могла приспѣть помощь. «Но убо понеже беззаконія наша превзыдоша главы наша, и грѣхи наша отягчиша сердца наша, еже заповѣдей Божіихъ не послушати, и въ путѣхъ Его не ходити, гнѣва Его камо убѣжимъ? Въ Цареградѣ было тоже совѣщаніе въ присутствіи царя, патриарха, всего царскаго синклита. Говорили: «такъ какъ «словѣрный» остается столь много дней безбранно, вновь готовясь на насъ, то пошлемъ ему предложеніе о мирѣ». И послали. Услыша предложеніе мира, «лукавый» порадовался въ сердцѣ, отложилъ отступленіе, вступилъ въ переговоры, и со своей стороны предложилъ: «пусть выйдетъ изъ города царь въ Морею, пусть выйдетъ съ нимъ и патриархъ, и всѣ, кто захочетъ, оставя мнѣ пустой городъ, и я заключу вѣчный миръ; не вступлюсь ни за Морею, ни за острова никогда; а кто захотѣлъ бы остаться въ городѣ, пусть останется, — ему не будетъ ни вреда, ни печали.» Услыша это царь и патриархъ, со всѣми людьми, раскаялись, что посылали пословъ къ султану, потому что черезъ это удержали его, — и рѣшились продолжать борьбу⁴⁷.

Спустя три дня послѣ этого⁴⁸, сказали «кокаинному Турку», что разбившаяся большая пушка слылась хорошо. Задумавъ испытать ее, онъ велѣлъ своему войску вновь подступить къ городу. За наши грѣхи совершилось это Божіе пощупленіе, чтобы исполнилось то, что было предсказано о Цареградѣ при Константинѣ Великомъ, и послѣ при Львѣ Премудромъ, и Мессодіемъ епископомъ Патрскимъ⁴⁹.

Мая 6-го⁵⁰ «безвѣрный» велѣлъ бить городъ въ то же мѣсто, гдѣ и прежде, и били изъ многихъ пушекъ въ продолженіи трехъ дней. Когда же «утрудили» стѣну, ударили изъ большой пушки, и выбили много камня; ударили въ другой разъ, и распалось въ стѣнѣ большое мѣсто. Турки продолжали стрѣлять въ то же мѣсто изъ многихъ пушекъ и

⁴⁷ Совѣщанія о мирѣ, требованія султана и т. д. передаютъ такъ же и другіе. Смотри напр. у Дуки: стр. 276 и 280. Срав. у Францы стр. 263—269, у Леонарда стр. 127.

⁴⁸ Спустя три дня послѣ битвы 3-го мая, т. е. 6-го мая?

⁴⁹ О предсказаніяхъ смотри ниже, въ концѣ Повѣсти.

⁵⁰ Это дѣло 6-го мая у другихъ отдѣльно не описано.

вечеромъ, и всю ночь безпрерывно, не давая горожанамъ задѣлывать пролома. Греки успѣли впрочемъ въ ночь выстроить большую башню противъ этого мѣста. На утро Турки опять ударили изъ большой пушки пониже того мѣста, и вывалили много стѣны; ударили въ другой разъ и въ третій, и когда проломъ былъ уже великъ, съ крикомъ бросились къ нему, гоня одни другихъ. Греки вышли противъ нихъ изъ города, и рубились «алѣ рыкающе» какъ дикіе звѣри. Страшно было глядѣть на дерзость и крѣпость тѣхъ и другихъ. Юстиніанъ, собравъ многихъ людей, съ крикомъ напалъ яростно на Турокъ, прогналъ ихъ со стѣны и наполнилъ ровъ мертвыми. Какой-то Амуратовъ янычаръ⁵¹, сильный тѣломъ, смѣшавшись съ Греками, подступилъ къ Юстиніану и началъ люто рубить его; но одинъ изъ Грековъ успѣлъ во время соскочить со стѣны, отсѣкъ ему ногу сѣкирой, и этимъ избавилъ Юстиніана отъ смерти. Между тѣмъ западный фламбураръ⁵² Амаръ-бей напалъ на Грековъ съ своими полками; противъ него выступилъ стратигъ Рангави, прогналъ его ратниковъ назадъ, и добрался до самаго Амаръ-бея. Съ обнаженнымъ мечемъ Рангави бросился на него; опершись о камень, ударилъ его мечемъ «обѣручь» по плечу, и разсѣкъ его на двое. Разъяренные Турки толпой окружили Рангави, люто рубили и разсѣкли въ куски. Греки принуждены были бѣжать въ городъ. Плачь и ужасъ объяли ихъ за Рангави, славнаго ратника, мужественнаго, любимаго царемъ⁵³. Только ночь прекратила сѣчу.

⁵¹ Янычаре были заведены Амуратомъ II. Франца, 92. Этотъ янычаръ похожъ нѣсколько на того янычара, о которомъ рассказываетъ Франца (стр. 284—286); впрочемъ дѣйствія того были позже, и не противъ Юстиніана, какъ указано будетъ ниже.

⁵² *Фламбураръ* — *φλαμπυριάρης*, *φλαμπυριάρης* — знаменосецъ отъ *φλάμπυρον* = *φλάμπυλον*, *flambulum*; Турец. *саяджакъ бегъ* — *dominus vexilli*; военачальникъ, имѣвшій свое знамя. Это слово встрѣчаемъ и у Сабеллича: *datumque id negotium* (перевозка кораблей по землѣ) *ex flambulariis uni, qui cum septuaginta hominum millibus Byzantium ab ea parte adoriretur*: стр. 324.

⁵³ Поединокъ *Рангави* (Раккавел = Раккавел) съ *Амаръ-беемъ* и смерть обоихъ не записаны ни у одного изъ современниковъ, ни въ известіяхъ. Ни одинъ изъ нихъ и не упоминаютъ. Фамилія Рангави, исторически началась отъ того Рангави, котораго сынъ Θεοφύλακτος ὁ τοῦ Ραγγαβί, другарій 12-ти острововъ, былъ сосланъ Ирмой въ заточеніе въ 773 г. (Θεοφανῆς, Βον. изд. стр.

Турки впрочем и ночью продолжали стрѣлять изъ пушекъ на разрушенное мѣсто, а горожане расширяли башню, укрѣпляя всю «прогалину», и навели въ нее много пушекъ тайно, потому что башня была внутри города.

На утро, когда увидѣли Турки, что стѣна не задѣлана, напали и стали биться съ Греками. Греки принуждены были отступать, отстрѣливаясь изъ однихъ пушекъ. Натискъ Турокъ удерживалъ только Палеологъ стратигъ сингурла⁵⁴. Турки были подкрѣплены новыми силами, которыхъ привелъ восточный фламбураръ Мустафа⁵⁵, и готовились овладѣть стѣною. Тысячникъ Θεοδορῆς⁵⁶ вмѣстѣ съ Юстиніаномъ поспѣшили на помощь; но немного помогли. Турки одолевали Грековъ. Между тѣмъ собрался въ притворѣ святой Софїи совѣтъ бояръ и стратиговъ. Многие (въ томъ числѣ великій domestikъ⁵⁷ и лого-

703), а звукъ Михаилъ былъ императоромъ Византійскимъ (Θεοφανῆς: стр. 766 — 768 и слѣд.). Какъ долго она длилась, это не разыскано (срав. Дюканжа, Hist. Вуз. 1. 228 — 229). Указаніе нашей Повѣсти даетъ еще одинъ новый фактъ.

⁵⁴ Не легко отгадать, кто именно этотъ *Палеологъ стратигъ Сингурла*. Скрывается ли подъ словомъ Сингурла тоже лицо, которое упоминаютъ у Францы подъ названіемъ Sguromalles Palaeologus (стр. 407)?, или же стратигъ сингурла значить στρατηγός συναρχολάβος = συναρχός, товарищъ стратига? или ктонибудь другой? Палеологовъ, во время осады, въ Цареградѣ было много. Въ числѣ другихъ былъ и Θεοφιλῆς — Theophilus Graecus nobilis Palaeologus literis eruditus (Леонардъ: 124) = Theophylus Palaeologus, homo literarum et omnis Graecae eruditionis et mathematicae peritissimus (Франца: 253). Въ одну изъ послѣднихъ битвъ Theophilus Palaeologus et Demetrius Cantacuzenus viri fortissimi, prosiluerunt, Agapenos vicerunt et fugarunt, atque e moenibus male deturbatos disperserunt (Франца, стр. 283). По сказанію Леонарда, онъ послѣ паденья царя securi discinditur (стр. 231. Ср. у Францы: стр. 286 — 287).

⁵⁵ Восточный фламбураръ Мустафа не отличенъ другими современниками, такъ же какъ и преждеупомянутый западный фламбураръ Амаръ-бей.

⁵⁶ Θεοδορῆς тысячникъ — Theodorus Charistino senex sed robustus Graecus in arcu doctissimus. Леонардъ: 124. Theodorus Caristius vir bellicosus et strenuus, ac sagittarius longe exercitatissimus. Франца: 254. *Каристинъ*, т. е. Каристинецъ, родомъ изъ Каристо: этотъ городокъ, и теперь такъ называющійся, лежитъ на югѣ Негропонта.

⁵⁷ О великомъ domestikѣ вспоминаетъ Дука въ рѣчи в. дуки къ своимъ сыновьямъ передъ ихъ казнью: ubi consocer meus idemque pater tuus magnus domesticus (ὁ μέγας δομέστικος): стр. 308. Хотя изъ словъ Дуки видно, что в. domestikъ погибъ въ битвѣ; но этимъ не опровергается еще извѣстіе Повѣсти, что онъ принималъ участіе въ спасеніи царицы отъ рукъ Магомета: онъ могъ погибнуть послѣ, и смертью своею зачтить себя отъ казни, которая иначе постигла бы его вмѣстѣ

оеть⁵⁸, зная храбрость царя и его исполинскую силу, думали предложить царю съ избранными выйти изъ города въ удобное время и при помощи Божіей напасть на Турокъ. Великій дука Киръ-Лука⁵⁹ и епархъ Николай⁶⁰ были другаго мнѣнія: «вотъ уже прошло — говорили они — пять мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ мы бьемся противъ Турокъ, и если будетъ воля Господня, будемъ биться съ ними и еще пять мѣсяцевъ; а безъ помощи Божіей, сдѣлавши и такъ, разомъ всѣ погибнемъ и погубимъ городъ.» Но великій доместикъ и логоетъ наставляли на своемъ, считая вылазку необходимою, чтобы препятствовать осадѣ и помогать подвозамъ запасовъ въ городъ, полагая вмѣстѣ съ тѣмъ, что, узнавъ объ этомъ, много людей соберется на помощь къ царю.... Между тѣмъ царю объявили, что Турки уже взошли на стѣну и одолеваютъ горожанъ. Царь кинулся къ стѣнамъ, вельможи и стратеги за нимъ, иные опередили его, гоня ударами назадъ бѣжавшій народъ. Юстиніанъ съ другими стратегами бился съ Турками уже въ городѣ, и Турки, устроивъ мосты,

съ другими. *Великій доместикъ* былъ въ Византійской іерархіи очень важнымъ лицомъ, какъ начальникъ всѣхъ войскъ — *supremus coriagum seu exercituum dux* (Г. Кодинъ; прим. Гоара въ Бон. изд. стр. 176 — 177).

⁵⁸ Великимъ *логоетомъ* былъ Георгій Франца, известный сочинитель хроники, въ которой сообщаются между прочими событіями и подробности о взятіи Цареграда. Во время этой осады онъ взятъ былъ въ плѣнъ. Франца: стр. 231 и 309. *Великій логоетъ* (*μέγας λογοθέτης*) по должности своей при Византійскомъ императорѣ можетъ быть сравненъ съ нынѣшнимъ Статсъ-Секретаремъ (Гоара прим. къ Г. Кодину; стр. 182—183).

⁵⁹ Киръ Лука — Лука Нотарій, онъ же и архидукасъ, великій дука (*μέγας δουκας, magnus dux*), т. е. генералъ-адмиралъ, принималъ живое участіе въ защитѣ Цареграда. См. напр. у Дуки, стр. 275 и 276. Его обвиняютъ и Лука, и Франца, и Леонардъ въ томъ, что онъ терпѣть не могъ увѣн, а Франца и Леонардъ обвиняютъ еще и болѣе. Ср. у Леонарда: стр. 124, у Францы: 224, 254, 281, у Халкокондилы: 239, 376, 398, 401, 402, у Дуки: 295, 296. 301, 303, 304, 305. Онъ умѣлъ удержать за собой навсегда огромное вліяніе на Константина, а вмѣстѣ съ тѣмъ былъ отъявленный врагъ римско-католиковъ: это не должно забываться при оцѣнкѣ сужденій и разсказовъ о немъ тѣхъ, которые во всемъ или хоть отчасти принадлежали къ противной партіи.

⁶⁰ *Николай епархъ* — ниже прибавлено: епархъ градскій — упомянуть въ Повѣсти нѣсколько разъ: это, можетъ быть, Николай Гуделли, зять Дмитрія Кантакузена. О нихъ обоихъ вмѣстѣ упоминаетъ Леонардъ: *Demetrius socer Palaeologo, Nicolaus que Gudelli gener, praesidentes ut decurrant urbem, cum plerisque in sus cursum armatis reservantur.* стр. 125.

уже вѣзжали въ городъ на коняхъ.... Если бы царь не при-
спѣлъ на помощь, то была бы послѣдняя гибель. Являсь со
своими избранными, царь сталъ ихъ рубить нещадно и ужасно,
разсѣкая «кого на двое, кого на полы», такъ что ничто не
удерживало меча его. Турки «накликались противъ его силы»,
другъ друга понукали на него, угрожали ему всякимъ ору-
жіемъ, пускали въ него градомъ стрѣлы; но все ихъ оружіе и
стрѣлы падали вокругъ него напрасно; и они бѣжали отъ него
изъ города къ пролому.... Къ вечеру они совершенно от-
ступили⁶¹. На утро энархъ Николай повелѣлъ выбросить изъ го-
рода и за рвы убитыхъ Турокъ: ихъ было 16.000. Они были
приняты невѣрными и сожжены.

Энархъ позаботился заставить проломъ деревомъ и строить
башни. Думали даже, что «коянные» отступятъ. Но «без-
божнѣй Махметъ» замышлялъ не то: черезъ три дни онъ со-
бралъ своихъ пашей и санджакъ-беевъ, и предложилъ имъ по-
вторить «ягму», придвинувъ туры и лѣстницы на многихъ мѣ-
стахъ, и когда осажденные раздѣлятъ свои силы, напасть на
проломъ.

Въ ночь на пятницу, 24-го мая⁶², весь городъ освѣтился за-
ревомъ. Жители думали, что это зарево пожара, что Турки
подожгли городъ. Толпы сбѣжались къ огню, — и увидѣли, что
пламя выходитъ изъ верхнихъ оконъ Софійскаго храма, обнявъ
собою весь куполъ, — «всю шею церковную», — что все пламя⁶³
потомъ, слившись вмѣстѣ, превратилось въ невыразимый свѣтъ,
и этотъ свѣтъ поднялся на небо и исчезъ. Утромъ патриархъ,
узнавши объ этомъ, съ боярами и совѣтниками пошелъ къ царю
увѣщевать его выйти съ царицей изъ города. Когда же царь

⁶¹ И это дѣло — 7-го мая — другими свидѣтелями не отмѣчено отдѣльно.

⁶² «Въ КД день мая мѣсяца, грѣхъ ради нашихъ бысть знаменіе страшно
въ градѣ: пощхъ убо противъ пятка» и пр. Въ спискахъ стоитъ КА вмѣсто КД по
ведомскѣ: пятница приходилась 23-го мая, следовательно ночь на пятницу была
24-го, а не 21-го. О видѣніи этой ночи напоминаетъ Франца, говоря, впрочемъ,
что оно испугало не Грековъ, а Турокъ: *portentum viderunt, lumen fulminis instar
coruscum, de caelo supra urbem demissum, tota nocte eam obtexit.* стр. 264.

⁶³ *Шел церковная.* Срав. въ Хлѣбн. лѣт. описаніе постройки Люблинской
Георгіевской церкви (1288 г.): «и шія вся съписана бысть, но не спочава» (Ишт. л.
стр. 223).

не послушалъ этого совѣта, патриархъ сказалъ ему: «Ты знаешь, о царь, все, что было предсказано объ этомъ городѣ, и вотъ новое страшное знаменіе: свѣтъ невыразимый, содѣйствовавшій въ славномъ храмѣ Божіей Премудрости съ прежними свѣтильниками вселенскими архіереями и благочестивыми царями, и ангелъ Божій, вооруженный Богомъ при царѣ Юстиніанѣ на сохраненіе святой церкви и города, въ эту ночь отошли въ небо; это значить, что милость Господа и Его щедроты отошли отъ насъ, и Господь хочетъ предать городъ нашимъ врагамъ.» Патриархъ указалъ и на людей, видѣвшихъ чудо. Услышавъ это, царь палъ въ безпамятствѣ на землю, такъ что его отливала ароматными водами. Когда царь пришелъ въ чувство, патриархъ вновь сталъ увѣщевать его выйти изъ города; эту просьбу повторяли и бояре. Но царь остался непоколебимъ: «Если такова воля Господа, то куда бѣжать отъ гнѣва Его! Сколько царей прежде меня, великихъ и славныхъ, пострадали за свое отечество; я ли послѣдній этого не сдѣлаю? Нѣтъ, я умру здѣсь вмѣстѣ съ вами.» На другой день, когда вѣсть о знаменіи разнеслась по городу, народъ «расталъ» отъ страха и трепета⁶⁴. Патриархъ увѣщевалъ его не падать надеждою, возлагая свое спасеніе на Господа Бога... и люди, собираясь къ храмамъ Божіимъ, молили Бога о помилованіи.

Между тѣмъ «окаянный Махметъ» распредѣлялъ свое войско къ приступу: Карачь-бею назначилъ мѣсто противъ царскихъ палатъ, Деревянныхъ воротъ и Калихаріи⁶⁵; беглерь-бею восточному — противъ Пиги и Золотаго мѣста, а западному — противъ всей Хорсуни⁶⁶; самъ сталъ посреди ихъ противъ во-

⁶⁴ *Расталъ* — почти тоже что обомлѣтъ: срвз. Греч. χέω и Лат. fando-fundere; сред. Итал. fondere въ смыслѣ scemare di forza, и т. п.

⁶⁵ *Карачь-бей*: у Францы онъ названъ Χαράτῃ πλάσια, у Дуки Καράτσια πείσι, у Халкокондалы Εὐρώπης στρατηγὸς Σαράτσια. — *Царскія палаты* — между двумя слѣдующими воротами. — *Деревянные ворота* — porta xylocerei. — *Калихарія* — Calligaria, харсіа πύλη, Харсіійскія ворота. По сказанію Леонарда и Францы эту часть стѣны защищали: Теодоръ Каристинецъ, Османъ Палеологъ и Іоаннъ Германецъ — у Калигаріи, а Іеронимъ Италіанскій и Генузецъ Леонардъ де Лангасмо — у Деревянныхъ воротъ. Франца: стр. 254. Леонардъ: стр. 124.

⁶⁶ *Беглербей* — беглербегъ, военачальникъ, princeps principum. — Восточный беглербегъ стоялъ со своими войсками противъ Πιγίи — porta Pighi, гдѣ и palatia

ротъ св. Романа и пролома; а флоту — «столу морскому»⁶⁷, Балтауглу⁶⁸ и Загану⁶⁹, назначилъ стать противъ обѣихъ стѣнъ города со стороны моря. Такъ должно было по его приказанію окружить весь городъ и разомъ ударить на него съ земли и съ моря.

Къ 26-му мая все было готово, и невѣрные, послѣ того какъ ихъ глашатаи прокричали «свою скверную молитву», ринулись къ городу. Прикатили пушки и пищали, туры, лѣстницы, деревянные городки и другія стѣнобитныя «козны», съ моря придвинули катарги и корабли, и начали бить городъ отовсюду и строить мостъ черезъ рвы. Сбивъ воиновъ со стѣнъ, придвинули деревянные городки, высокіе туры и множество лѣстницъ, и старались силой взобраться по стѣнамъ; но Греки рубились съ ними крѣпко. Въ то же время «окаянный Махметъ», заигравъ «во всѣ игры и въ тимпаны», съ крикомъ какъ буря бросился къ пролomu, думая мгновенно овладѣть городомъ; но и тутъ осажденные подъ начальствомъ Юстиніана выдержали напоръ враговъ. Сюда послѣшилъ и царь. «О братья и друзья — говорилъ онъ — пришло время обрѣсти славу вѣчную за церковь Божию, за вѣру православную, и выразить свое мужество на память потомкамъ.» Ударивъ своего фариса⁷⁰, онъ хотѣлъ

Регана (на югъ отъ Золотыхъ воротъ) и противъ *Золотого мѣста* — χρυσῆ, portis aurea: онъ занималъ слѣдующую ту часть стѣнъ, которая вѣрнее была Мавридію Катанскому (Леонардъ 124). О Пигиѣ вспоминаетъ и нашъ путешественникъ діак. Игнатій: «Идохомъ къ Пигіи... и пяхомъ святую воду цѣлебную, и умыхомся ею» (Сказ. Р. Н. VIII: 101). Западный беглербегъ стоялъ противъ всей *Хорсуни*, т. е. противъ всей стороны Харсійскихъ горотъ (χαρσία πύλη). Въ Грузинской лѣтописи онъ названъ la porte de Kherzoneth (Lebeau. XXI. 318).

⁶⁷ *Столу морскій* — στόλος θαλάσσιος (ср. у Франца 237, 239 и пр.) — морская экспедиція, флотъ. Впрочемъ στόλος и безъ прилагательнаго, такъ же какъ и въ Сред. Латинскомъ stollus означалъ флотъ. Въ Итальянскомъ было тоже, какъ видно на пр. и изъ Итал. перевода Дуки: Fo mandato Carizabei (Карача-бей) con grande stolo alli castelli del Ponto: стр. 470.

⁶⁸ *Балтаугли*: classis praefectus Baltaoglu. Леонардъ X. стр. 121.

⁶⁹ *Заганъ*. Saganos-pasia или Sogan-pasia, знаменитый совѣтчикъ Магомета II въ рѣшеніи вопроса о взятіи Цареграда. О немъ Франца: стр. 266, 278, 284; Дука: стр. 220, 242, 297, Халкокондьяла: стр. 383, 400—401.

⁷⁰ Виз. фāрис, фāрас, фāрионъ; средн.-Лат. faricus — Арабскій конь. Descange s. v. Faricus.

уже перескочить за проломъ и отмстить самому Магомету за кровь христіанъ; вельможи и «оружники Нѣмцы» удержали его. Онъ остался; но, забывая о себѣ, упорно поражалъ Турокъ мечемъ, своею храбростію одушевляя воиновъ, и потомъ гналъ враговъ за рвы. Отбѣгавшихъ Турокъ встрѣчали Турки нападавшіе, ударами заставляли возвращаться, и такъ совершалась мрачная сѣча, мрачная, потому что стрѣлы помрачали свѣтъ дневной. Обороняясь отъ нападений, Греки метали на Турокъ съ обѣихъ сторонъ стѣны горячую смолу, горяшіе пуки смоля.... Зашло солнце, а сѣча не переставала. «Безбожный» зажегъ множество огней⁷¹, самъ скакалъ во всѣ мѣста съ крикомъ и воплемъ, понуждая своихъ и надѣясь немедля пожрать городъ. Не унывали Греки и ихъ сподвижники на стѣнахъ, вооружаясь храбростію, и рубились до полуночи. Они успѣли согнать Турокъ съ забралъ и съ ихъ городковъ⁷² на землю. Сѣча прекратилась; но Турки не отступили отъ города: «самъ окаанный» стоялъ у стѣнъ, оберегая свои городки и другія «кознии», чтобы горожане не подожгли ихъ.

На другой день, 27-го мая, «Безвѣрный» велѣлъ опять бить городъ у пролома изъ многихъ пушекъ и пищалей⁷³. Въ девятомъ часу дня, наведши большую пушку, ударили въ башню рѣзъ, и другой, и третій, и башня пала. Такъ прошелъ этотъ день. Ночью Юстиніанъ со всею дружиною, съ Фрягами сталъ строить новую башню; какъ вдругъ пролетѣло изъ пушки каменное ядро на излетѣ, ударило Юстиніана въ грудь, и онъ палъ на землю. Съ трудомъ, отливая, привели его въ чувство, и отнесли въ домъ. Бояре и всѣ люди и Фряги, бывшіе съ нимъ, «растаяли», не зная что сдѣлать, и чувствуя, что этотъ ударъ повлечетъ за собою гибель города; потому что Юсти-

⁷¹ Объ огняхъ вспоминаютъ и другіе; напр. Франца: *ameras imperavit ut per totam eam noctem et sequentem diem ignes facesque arderent*: стр. 269.

⁷² Деревянные городки: въ Повѣсти отличены эти городки отъ турокъ; у Леонарда *ligneum castrum* и *ligna turris* описаны одинаково: стр. 124 и 118.

⁷³ Нѣкоторымъ новымъ историкамъ представилось, что ни 27, ни 28 мая осады города не было (Срав. Лебо: стр. 271, Финлей: стр. 742); но современники говорятъ не то. См. у Дуки (стр. 282): *Tyrannus portu die dominica urbem ab omni parte oppugnare coepit... erat autem illa dominica festivitas omnium sanctorum maii dies 27. postquam illuxit ad horam usque diei nonam remissius pugnatum; и пр.*

нианъ охранялъ проломъ силой и мужествомъ, какъ мужъ храбрый и мужественный, знавшій ратное дѣло. Царь, узнавши объ этомъ, опечалился, поспѣшилъ къ нему съ вельможами и врачами, утѣшалъ его; врачи всю ту ночь трудились, силясь помочь ему, и не напрасно: Юстинианъ отдохнулъ отъ боли, принялъ немного брашна и питья, и соснулъ⁷⁴. А между тѣмъ постронть башню не успѣли ни на сколько: Юстинианъ велѣлъ нести себя туда, и началъ стронть башню.

Днемъ, 28-го мая, Турки, увидя постройку башни, бросились опять на проломъ во множествѣ, — и завязалась опять страшная⁷⁵ битва. Какой-то фламбурарь⁷⁶ яростно напалъ на Грековъ со множествомъ Сарацынъ. Противъ нихъ выступилъ протостраторъ и сынъ его Андрей⁷⁷ съ дружиною. Между Сарацынами было пять мужей, страшныхъ ростомъ и видомъ: они нещадно поражали горожанъ. Три брата изъ воиновъ, стоявшихъ на стѣнѣ, увидѣли ихъ, соскочили со стѣны, напали, двухъ сразили; но не могли устоять отъ натиска Турокъ, и принуждены были бѣжать. Въ проломѣ сѣча все возрастала; Турки одолевали горожанъ; но Юстинианъ съ вельможами и стратигами стоялъ упорно. Вдругъ налетѣлъ «склопъ»⁷⁸, ударялъ

⁷⁴ Объ этой первой ранѣ Юстинiana нѣтъ помину ни у одного изъ свидѣтелей.

⁷⁵ El lunedì sequente el tyranno con lu exercito et col grande apparato se mosse contra la città и пр. Итал. переводъ Дукки: стр. 491.

⁷⁶ Какой то фламбурарь: вѣроятно, это Ianitzarus quidem, nomine Χαράνης изъ Дунадія, ingenti corporis magnitudine... circiter triginta virtutis aemulis sequentibus, о которомъ рассказываетъ Франца, стр. 284—286. См. выше о лычгарѣ.

⁷⁷ Простраторъ — протостратѣор, начальникъ страторовъ (комюшнихъ): qui stratoribus militaribus praecrat, dictus est protostrator, nostris magarecalus. Дюканжъ въ примѣч. къ Epitome Киннама (Бон. изд. 375); Гоаръ въ примѣч. къ Г. Кодиану (Бон. изд. стр. 180).—О протостраторѣ изъ Палеологовъ упоминаетъ Дукка (стр. 305): ubi Palaeologus et cum filiis suis protostrator. По словамъ того же Дукки царь Константинъ сдѣлалъ протостраторомъ Юстинiana (стр. 266: protostratoris dignitate eum sobonestavit); но объ этомъ Франца умалчиваетъ (стр. 241 и 242). Въ Грузинской лѣтописи Протостраторъ названъ fils de Cathacoun: cinq jours après le sultan fit faire la recherche des grands de l'empire, des principaux ducs, du premier ministre et du protostrator fils de Canthacoun, qui tous furent amenés devant le sultan et furent massacrés. (Lebeau, стр. 420).

⁷⁸ Скопъ — ударъ или то, что произошло ударъ. Сравни. Лат. sciopus, Итал. scioppo (напр. въ переводѣ Дукки: lo scioppo fu sentito cento stadia lontano. стр. 416). Уже въ Салич. законахъ есть глаголъ sciupare: si quis alterum de sagitta toxicata

Юстиніана въ правое плечо, — и Юстиніанъ палъ замертво. Пали надъ нимъ его бояре и люди, крича и рыдая. Юстиніана отнесли; съ нимъ отошли и Фряги⁷⁹; а Турки, слыша рыданіе, ринулись «всѣми полками», проникли въ городъ, обратили Грековъ въ бѣгство, — и была бы уже городу конечная погибель, если бы не приспѣлъ царь со своими избранными. Съ однимъ мечемъ въ рукѣ, онъ поражалъ все, къ чему прикасался. Олушеввшіеся Греки заставили Турокъ бѣжать назадъ къ пролому, и тутъ убивали ихъ «яко свиней», перебивъ и тѣхъ, которые побѣжали въ сторону по улицамъ. Такъ на этотъ день городъ избавился отъ враговъ....

Магометь, видя гибель своихъ и слыша о храбрости царя, не заснулъ во всю ночь; а собралъ совѣтъ, и думалъ было въ ту же ночь отступить, потому что и «морской путь приспѣлъ», и много кораблей были ожидаемы на помощь городу⁸⁰. Но — «да сбудется Божіе изволеніе», — его предположеніе не исполнилось. Къ седьмому часу ночи стала наступать надъ городомъ страшная тьма, и на сгущенномъ воздухѣ показались кровавыя капли, величиною въ глазъ буйвола, и стали падать на зе-

percutere vulnerit et praeter sculpaaverit. Нельзя также забыть Греч. σκλόφ, — σκος — копь и вообще всякое орудіе съ остриемъ, *осломъ*. — Леонардъ Хюссій говоритъ, что Юстиніанъ раненъ стрѣлою: *sagitta sub axilla configitur* (стр. 130); такъ и Франца: *sagitta vulneratus est in dextero pede* (стр. 283); а Дука сказываетъ, что его поранила пуля: *is glande plumbea in manus parte posteriori vulneratus* (стр. 284), почти также какъ и Лаон. Халкокондила: *vulneratus est manum ictus bombardae globulo* (стр. 395). Леонардъ Хюссій упоминаетъ о *склопахъ*, какъ объ особенномъ родѣ оружія Турковъ: *sclopts, springardis, zarbatanis, fundis, sagittis die postea que muros hominesque nostros vexabant* (стр. 117). Въ этомъ смыслѣ *scloppa* или *scloppus* можно сравнить съ стар. Французскимъ *escopette, escoupette* — родъ ручнаго огнестрѣльнаго орудія (N. Landais, Dict. s. v.) = Испанск. *escopeta*. Сравни у Квиннама σκλέπτος (Бон. изд. стр. 469).

⁷⁹ Дальнѣйшая судьба Юстиніана въ Повѣсти не ясна: онъ ушелъ къ своимъ въ Галату, и оттуда съ кораблями своими далѣе. Дука: стр. 295 — 296. Леонардъ: 130 — 131.

⁸⁰ Франца говоритъ о совѣщаніяхъ султана 27 мая вечеромъ и о рѣчи 28 мая вечеромъ (стр. 265 — 270). Нѣтъ ничего невозможнаго, что Халиль-паша, не желавшій повторенія приступа, и 28 мая совѣтовалъ ему то же, что и 27-го, и что Заганъ-паша опять настоялъ на своемъ: боясь, что лягутъ флотъ изв. Италіи на помощь Царьграду, и что вмѣстѣ съ тѣмъ приспѣтъ и Янко Сабинянинъ противъ Турокъ, могла быть 28-го мая, хоть на минуту, еще сильнѣе, тѣмъ 27-го (Франца :

млю⁸¹. Патриархъ снова сталъ уѣщевать царя выйти изъ города; но царь по прежнему остался непоколебимъ, отвѣчая ему: «да будетъ воля Господня.» «Окаянный Махметъ» созвалъ книжниковъ и имамовъ, и спросилъ ихъ, что бы значила эта тьма? Они отвѣчали ему: «это знаменіе великое — погибель города».

«Безбожный» велѣлъ тогда приготовиться къ приступу, и 29-го мая Турки ринулись опять, пѣшіе и конные, пушки и пищали, и всѣ. Прикативъ пушки противъ пролома, начали бить въ него, и когда отбили горожанъ отъ пролома, посѣщили очистить путь, поровнять ровъ, бросились въ проломъ и опрокинули горожанъ. Завязалась сѣча. Царь принялъ въ ней участіе и успѣлъ было отогнать Турокъ, къ пролomu. Не поколебалась храбрость Грековъ и тогда, когда восточный беглербей, великанъ тѣломъ и силой, устремился на нихъ и съ копьемъ бросился на царя; беглербей палъ⁸². Но «аше бы и горами подвизали, Божія изволенія не перемочи». Магометъ самъ пошелъ, веля на царя навести пушки и пищали, потому что боялся, какъ бы царь не вышелъ изъ города съ войскомъ и не напалъ бы на него. Подошедши къ пролomu, онъ велѣлъ прежде бить изъ пушекъ и пищалей, чтобы отогнать горожанъ отъ пролома; потомъ двинулъ много полковъ съ Балтаули-пашою, а на царя послалъ три тысячи избранныхъ, веля имъ, во что бы ни стало, схватить царя или убить изъ пищали. Увидя этотъ натискъ, стратеги и мегистаны хотѣли отнести царя, чтобы не погибъ онъ напрасно. «Не троньте меня — сказалъ онъ имъ со слезами — помните слово, сказанное мною: я далъ обѣтъ умереть здѣсь съ вами». Они отвѣчали: «мы всѣ умремъ за храмы Божіи и за

стр. 263—264); но наконецъ надобно же было окончательно рѣшиться. Въ Повѣсти оба соѣщанія, 27-го и 28-го мая, соединены въ одно, или же первое, какъ менѣе важное, опущено. Нельзя не замѣтить, что въ Повѣсти нѣтъ ни рѣчи Магомета, ни рѣчи царя Константина, какъ у Леонарда (стр. 128—129) и Францы (269—279).

⁸¹ Можетъ быть, къ этому обстоятельству относятся слова Францы: *Eratque videre novum spectaculum: solem et coelum tanquam obscura nube involutum.* стр. 281 — 282.

⁸² Бой царя съ восточнымъ беглербегомъ въ Грузинской лѣтописи переданъ совершенно такъ же, но вѣсто беглербега названъ Сарацниъ изъ Калыстрин (Khalstria), такъ что кажется какъ будто это дичаръ Хасавъ, о которомъ было упомянуто выше. (Leveau, стр. 320.)

тебя, государь»; но отвели его отъ стѣны, дали ему послѣднее цѣлованіе, и воротились къ своимъ мѣстамъ. Между тѣмъ Балтаули-паша подоспѣлъ къ пролому⁸³. Греки не могли сдѣлать ему отпора, — и онъ вошелъ въ городъ. Тутъ началась сѣча, упорнѣе всѣхъ прежнихъ: вельможи, мегистаны и стратиги падали одни за другими. «Окаянный Махметъ» послалъ всю свою рать въ городъ по всѣмъ улицамъ и по всѣмъ воротамъ стеречь царя, оставшись самъ только съ янычарами, обрывшись въ обозѣ и окруживъ себя пушками и пищалями. Царь между тѣмъ, будто слыша волю Господню, пошелъ во храмъ, палъ на землю, прося помилованія и прощенія грѣховъ, исповѣдался, простился съ патріархомъ, со всѣми клириками и съ царицею, и причастился святыхъ таинъ. Когда онъ вышелъ, весь народъ, бывшій въ церкви, зарыдалъ и застоналъ, такъ что, казалось, храмъ колебался, «и голосъ этотъ, я думаю, дошелъ до неба.» Выхода изъ храма, царь сказалъ только одно: «кто хочетъ пострадать за храмы Господни и за православную христіанскую вѣру, пусть идетъ со мною⁸⁴». Сѣвъ на фариса, онъ поскакалъ къ Златымъ воротамъ, надѣясь тамъ встрѣтить «безбожнаго.» Всѣхъ воиновъ было съ нимъ 3000. У воротъ онъ нашелъ множество Турокъ, стерегшихъ его; пошелъ въ ворота и не могъ пройти отъ множества труповъ; и вновь встрѣтили его толпы Турокъ, и рубились съ нимъ до смерти. Такъ пострадалъ благовѣрный царь Константинъ за храмы Господни и за православную христіанскую вѣру, 29-го мая, убивъ своею рукою, какъ сказали оставшіеся, «безбожныхъ» Турокъ болѣе 600⁸⁵. Такъ сбылось сказан-

⁸³ Если *Балтаули-паша* есть тотъ самый, о которомъ помянуто было уже прежде, какъ объ адмиралѣ, то его полчища нападали слѣдовательно съ кораблей; а слѣдовательно и проломъ, о которомъ тутъ говорится, не тотъ, о которомъ шла дѣло прежде. Сравни у Дуки стр. 285.

⁸⁴ О причащеніи царя передъ послѣднею битвою говоритъ Франца: *Imperator venerandum Sapientiae dei verbi templum ingressus, precibus ibi et lacrimis effusis, intacti et divini mysterii particeps factus est* (стр. 279). Тоже читаемъ въ Грузинской лѣтописи: «L'empereur va à Sainte-Sophie, reçoit la communion des saints mystères, et changeant les insignes de son rang pour les habits d'un simple cavalier, monte sur le cheval d'un de ses courtisans et va dans la mêlée. (Lebeau. 320).

⁸⁵ О смерти царя Константина современники говорятъ довольно различно: Леонардъ (стр. 131) и Франца (стр. 286) представляли его храбрымъ до кончины.

ное: «Константиномъ создано, Константиномъ и окончилось...»⁸⁶ Царица, принявъ прощеніе отъ царя, приняла ивечество. Бывшіе тутъ стратига и бояре отправили ее, а вмѣстѣ съ нею и многихъ благородныхъ дѣвицъ и молодыхъ женъ, на Юстиниановыхъ корабляхъ и катаргахъ на острова и въ Морею къ роднымъ⁸⁷. Сѣча между тѣмъ продолжалась: народъ на улицахъ и на дворахъ защищалъ себя отъ Турокъ, не желая имъ покориться; защищались и войны въ стрѣльницахъ отъ Турокъ, нападавшихъ на нихъ изъ города и съ поля. Кидали на Турокъ съ домовъ керемиды, плиты⁸⁸, бревна подожженныхъ деревянныхъ кровель. Пашы приходили въ ужасъ. Санджакъ-бен послалъ сказать султану, что если онъ самъ не войдетъ въ городъ, то его не одолѣть. Магометъ велѣлъ искать царя и царицу; позвалъ плѣнныхъ бояръ и стратиговъ царскихъ, надѣлалъ ихъ дарами и послалъ съ пашами и съ санджакъ-беями

Дукъ сказали (?), что онъ передъ кончиной выразилъ скорбное желаніе умереть отъ руки христіанина, потому что оставался одинъ посреди Турокъ,—и убитъ обо-родясь (стр. 287); Хаджоговадала слышала, что онъ обратился было въ бѣгство, и убитъ врагами, которые за нимъ гнались (стр. 398).

⁸⁶ *И сбылся реченное...* Припоминалъ это и Эней Славій: *Memorabilia illa civitas Bizantina, orientalis ecclesiae caput, Graeciae columen, in potestatem Turci redacta, cum tam magna Christianum clade fuisset: quae per Constantinum primum instar Romanae urbis amplificata, fatali quodam decreto, sub ultimo Constantino devicta, et spurciciis Saracenorum tradita est.* См. Письмо его къ Кардиналу Сбигитъу Архиеп. Краковскому, въ V. Reusneri, *Epist. Turc.* 1598. Lib. IV. стр. 148. Припоминалъ это и Грузинскій летописецъ: *Ainsi fut prise et devastée l'admirable ville de Constantinople... Bâtie par un Constantin, un Constantin la perdit.* (Lebeau, стр. 318.)

⁸⁷ Это въ связи съ разсказомъ Дукъ объ отходѣ судовъ Юстиниановыхъ, повезшихъ съ ними многихъ, когда Греки, не могли отплыть вмѣстѣ съ другими, стояли о бѣдѣ своей, восклицая — какъ читаемъ въ Итальянскомъ переводѣ сказаній Дукъ: *o boni Christiani Franchi! per amor de Christo recevete noi Christiani in le vostre nave, cavate ne dalle mane de cani* (стр. 186; въ подлинникѣ этихъ восклицаній нѣтъ: стр. 296). Тутъ кстати вспомнить о письмѣ Венеціанскаго дожа Ф. Фоскари къ императору Фридриху II, написанномъ 27 июля 1453 года: *Haec vero nova... asserimus à capitaneo nuper regressa, qui ad illum viagium Constantinopolis et Romae cum nonnullis triremibus more mercatorio profectus erat: quive eum eisdem galeis ad tutandam urbem illam, usque ad ultimum ejus excidium constans permansit, ita ut magna pars hominum in triremibus male perierit.*

⁸⁸ *Керемиды*—*keramis*, -*idos*—черепица и всякое надѣло изъ глины. — *Плиты*—*plátos*, *kirnich*; *плиты*.

сказать горожанамъ на улицахъ и воинамъ въ стрѣльницахъ свое слово съ клятвою, что битва должна прекратиться безъ страха, убійства и плѣненія; а если не прекратится, то «всѣхъ васъ Грековъ, и женъ, и дѣтей вашихъ, да пожретъ мечъ.» И битва прекратилась; всѣ предались въ руки бояръ, стратиговъ и пашей. Обрадовался султанъ, и велѣлъ очищать улицы и площади....

Онъ послалъ санджакъ-беевъ по всѣмъ улицамъ съ воинами стеречь, чтобы не было измѣны — «израды», а самъ пошелъ черезъ ворота св. Романа къ храму Софїи, гдѣ были собраны патріархъ со всѣмъ клиромъ и много народу, женъ и дѣтей. На площади у храма онъ сошелъ съ коня, палъ на землю, посыпалъ голову свою землею въ знакъ благодаренія Богу, и потомъ, удивляясь красотѣ храма, сказалъ: «подлинно это были люди; нѣтъ ихъ, и не будетъ имъ подобныхъ»⁸⁹. Вошелъ онъ во храмъ, — вошли съ нимъ мерзость и запустѣніе въ святилище Божіе и осквернили святое мѣсто. Патріархъ, клиръ и народъ, увидя его, возопили и пали предъ нимъ. Онъ подалъ знакъ рукою, чтобы встали, и сказалъ: «Тебѣ говорю, патріархъ, и всѣмъ твоимъ, и всему народу. Не бойтесь съ этого дня моего гнѣва, ни убійства, ни плѣненія.» Потомъ, обратясь къ своимъ пашамъ и санджакъ-беемъ, велѣлъ воспретить всему войску, чтобы никто, подъ опасеніемъ смерти, не смѣлъ трогать горожанъ. Народу, бывшему въ церкви, онъ приказалъ разойтись по домамъ, потому что хотѣлъ видѣть церковный «урядъ» и всѣ сокровища; но не могъ дожидаться выхода всѣхъ, и вышелъ самъ. Онъ пошелъ къ царскому дворцу. Тутъ встрѣтилъ его какой-то Сербинъ, неся ему голову царя. Султанъ обрадовался, но не повѣрилъ; допросилъ бояръ и стратиговъ, точно ли это голова царя; и увѣрившись, облобызалъ ее. Онъ послалъ ее къ патріарху, чтобы тотъ обложилъ ее серебромъ и золотомъ, и сохранилъ какъ самъ знаетъ.

⁸⁹ Почти такими же словами выразилъ свое удивленіе, глядя на Константинопольскія чудеса, и нашъ іеродіакъ. Зосима въ своемъ Хоженіи. «Кто тое бо есть ставилъ! какіе бо се были люди!» (Сказ. Рус. нар. VIII. 61).

Патріархъ положилъ ее въ серебряный позолоченный ковчегъ и скрылъ ее въ Софійскомъ храмѣ подѣ престоломъ⁹⁰. Отъ другихъ же слышали мы, что оставшіеся отъ войнъ, бывшихъ близъ царя, у Золотыхъ воротъ, унесли тѣло его ночью въ Галату и тамъ скрыли. О царицѣ сказали султану, что великій дука и другіе⁹¹ отправили ее на корабль: султанъ казнилъ ихъ за это смертью.

Такъ совершилось за грѣхи наши, что «беззаконный Махметъ» сѣлъ на царскомъ престолѣ, на престолѣ, который благороднѣе всѣхъ, какіе есть подѣ солнцемъ, и сталъ владѣть двумя частями вселенной... Но помни, «окаянный»: если совершилось все предсказанное при царѣ Константинѣ, и Меѳодіемъ Патрискимъ, и Львомъ Премудрымъ, если всѣ знаменія объ этомъ городѣ исполнились; то совершится и послѣднее, какъ сказано: Русскій родъ сразится съ Измаильтянами, — и возьмутъ

⁹⁰ Различно рассказываютъ современники и объ этомъ: Халкокондла (стр. 399) говоритъ только мелькомъ, что глава Константина принесена была къ султану кѣмъ-то, за что онъ и награжденъ дарами и саномъ (ἀρχῆν). У Францы замѣчено (стр. 290 — 291), что султанъ выспрашивалъ о царѣ, и послалъ варочныхъ искать тѣло царя, что оно узвано было по обуви съ ордами, что султанъ очень обрадовался находкѣ, и велѣлъ христіанамъ похоронить тѣло съ почетомъ. Дука слышалъ (стр. 300 — 301), что султанъ спрашивалъ объ императорѣ у в. дукки, но отъ него ничего не узналъ, что послѣ два молодца (duo juvenes) выбрались изъ толпы и объявили себя убійцами, что султанъ велѣлъ привести къ себѣ голову царя, и узнавъ отъ в. дукки, что это именно она, велѣлъ ее показывать по всему городу, а потомъ посылалъ ее въ разныя области свои и чужія. Эней Сильвій въ своемъ воззваніи (№ СXXXI) о смерти царя Константина выразился такъ: *Constantinus Graecorum imperator intrantibus urbem Thurcis in extremo patrie suae periculo fortissime pugnans obruncatur. Caput eius lancea infixum spectaculo fertur* (Срав. его письмо отъ 12 іюля и 12 августа).

⁹¹ Великій дука и другіе. Тутъ въ повѣсти обозначены: великій домашній, какъ тось и протостраторовъ сынъ Андрей и братаничъ его Асанъ-Ѳома Палеологъ, и епархъ градскій Николай. Вмѣсто анактось не должно ли читать протостратѳр ἀνακτος (ср. ἀναξ, ἀνακτορ — правитель) — правительствующій. Не къ этому ли лицу относится въ рѣчи в. дукки выраженіе: *ubi Palaeologus et cum filiis suis protostrator?* (стр. 305). Ср. у Халкокондлы: *Palaeologum socii (μητοῦτατοῦ) pater et filii eius saevi sunt in eo praelio* (стр. 397). — *Братаничъ* — сынъ брата: можетъ быть для красоты слога, пришлось великому дукѣ и племяннику Асану-Ѳому называть сыномъ, вмѣстѣ съ подлиннымъ сыномъ Андреемъ. Объ Асанѣ-Ѳомѣ изъ Палеологовъ, по имени, нѣтъ упоминанія ни у одного изъ современниковъ.

Седьмхолмый съ первозаконными его обладателями, и воцарятся въ немъ⁹².

Этимъ оканчивается Повѣсть о взятіи Цареграда, занимательная по изложенію и по подробностямъ, изъ которыхъ нѣкоторыхъ вовсе нѣтъ въ другихъ сказаніяхъ, оживленная со-

⁹² Не одна эта Повѣсть о Цареградѣ напоминаетъ о предсказаніяхъ событій, которыя будто бы должны были въ Цареградѣ случиться и случатся: всѣ современныя сказанія о взятіи Константинополя полны ими (см. у Леонарда: стр. 116, у Францы: стр. 314—322, у Дуки: стр. 253—254, 274—275, 289, 318—319, у Халкокондлы: стр. 397 и 405—406). Не мудрено, что и ученые обратили на нихъ свое вниманіе, отыскивали ихъ отдѣльные списки, издавали и объясняли исторически и филологически. Болѣе другихъ заботился объ ихъ собраніи и объясненіи Л. Аллацій. Онъ посвятилъ имъ между прочимъ часть книги своей *Varia antiqua*, гдѣ, какъ самъ говоритъ, свелъ всѣ замѣчательныя (*Vaticinium hoc ipse primo Vario antiquorum tomo, in Antiquitatum Constantinopolitanum Auctario a me procurato cum aliis ejusdem Leonis, Methodii Patarensis, Theophili Romani, Danielis monachi et aliorum Vaticiniis connexui. Diatriba de Georgiis.* стр. 404. Бандури. *Imper. Orient.* II. 872). Книга эта впрочемъ не была издана. Не будучи теперь въ состояніи, безъ общаго пособія въ этомъ родѣ, сдѣлать полное обзорѣніе всѣхъ сказаній о судьбахъ Цареграда, я ограничусь указаніемъ на нѣкоторыя болѣе любопытныя.

I. О предвѣщаніи *Меодія* могу я пока сдѣлать одно указаніе. Въ рукописномъ Цвѣтанкѣ, принадлежащемъ Н. М. Михайловскому, находится между прочимъ выписка изъ книги Лебедь: — «Меодій ниша глаголетъ: встанеть убо христіанско колыно и будетъ ратоборствовать съ бусурманъ и мечемъ своимъ погубитъ я, жены ихъ въ неволю загонитъ и побьетъ чада ихъ, и пойдутъ сынове Иманоловы подъ мечъ въ плѣненія и невольное утисненіе, и отдасть убо имъ Господь злобы ихъ, акоже они христіаномъ сотвориша. И найдетъ имъ зло седмикратно, убьетъ бо и поразитъ ихъ Господь рукою христіанскою, и будетъ царство христіанско надъ вси царства превознесено. — При этой выпискѣ находится между прочимъ слѣдующее замѣчаніе: «И отъ сихъ дней пророчество имутъ у себя Мурины, и вѣрятъ, яко полуночный нѣкій самодержецъ святой градъ Иерусалимъ и все кесарство Турское въ державу свою мечемъ своимъ приметъ; полуночный сей самодержецъ царь и великій князь Московскій, сей бусурманскую Магметскую свергнуу ересь и богопротивный законъ истантъ, и потребитъ, и погубитъ до конца».

II. Большимъ уваженіемъ пользовались *Предсказанія Льва Мудраго*. Леонардъ Хіосскій (стр. 116) и Л. Халкокондла (стр. 405—406) знали ихъ и описали какъ таблицу, въ которой означены имена императоровъ отъ Константина Великаго. Иначе онѣ замѣчены Францою (стр. 316): *Doctissimus Romanorum imperator Leo, the-*

чувствіемъ къ событіямъ и къ лицамъ, но такъ что никто изъ христіанъ того времени не обижень, не очернень. Списки этой

ma fecit, qui florentem et vigentem imperii Saracenorum statuum ter computandum circulum tenere, h. e. annos trecentos duraturum invenit, perturbati imperii per annos quinquaginta sex non fecit mentionem. deinde flava gens (τὸ ξανθὸν γένος) una cum vindicibus omne Ismaelis genus fugabit secunda divinatorum hominum vaticinia. Предвѣщанія Льва Мудраго, нѣсколько разъ издаванныя (между прочимъ Леукиа-ніемъ и Ламбекомъ), дѣйствительно заключаютъ въ себѣ и это.

III. Съ предсказаніемъ Льва Мудраго нѣсколько сходны тѣ предсказанія, которыя начертали мудрецы на крышѣ гробницы царя Константина Великаго въ храмѣ св. Апостоловъ, одними согласными буквами. Вотъ начало: Т ПТ Т ΙΑΓ Η ΒΣΛ Τ ΙΜΑ Ο ΚΑΜΝ ΜΑΘ ΜΑ Δ Ν ΤΡΠΩΣ ΓΝ Τ ΠΑΟΑΓ. Сенаторъ Григорій Схоларій, въ 1421 году, взялся объяснить ихъ, и эти объясненія распростра- нялись всюду. Вотъ Русскій переводъ этого предсказанія:

«Въ первый индиктъ своего царствованія Исмаилъ именемъ Моамеевъ испро- вергнетъ родъ Палеологовъ, овладѣетъ Седмихолмыиъ, въ немъ будетъ царствовать; покоритъ многіе народы; разоритъ острова до Чернаго моря; поплѣнитъ жителей Истра. Въ осьмой индиктъ онъ покоритъ себѣ Пелопонезъ. Въ девятый индиктъ пойдетъ войною на сѣверныя страны. Въ десятый индиктъ поразитъ Далматовъ; скоро вновь подниметъ большую войну противъ Далматовъ, и частью ихъ сокру- шить. Тогда множество народовъ западныхъ соберется, и нанесетъ войну Исмаилу моремъ и сушей, и побѣдитъ его. Потомки его будутъ царствовать мало времени. Родъ же русыхъ (ξανθὸν γένος) вмѣстѣ съ прежними обладателями побѣдитъ всего Исмаила, и овладѣетъ Седмихолмыиъ. Тогда возжеться междоусобная война и длиться будетъ до пятого часа. Трѣжды воскликнетъ гласъ: Стойте, стойте со страхомъ! Спѣшите бодро на право, найдете мужа великодушнаго, добродѣтельна- го и мощнаго. Онъ будетъ вашимъ владыкой: онъ другъ мой; его принять, испол- ните волю мою. — И въ нашихъ старинныхъ рукописныхъ сборникахъ встрѣ- чается переводъ этого предвѣщанія. Такъ въ Цѣвѣтникѣ, принадлежащемъ Н. М. Михайловскому, оно помѣщено въ слѣдующемъ видѣ: «На каменѣ накованномъ на(дѣ) гробомъ святаго царя Константина литерани, сіе истолкова премудрѣйшій патріархъ Геннадій Цареградскій, бывшій во время Ивана Палеолога царя Грече- скаго: *Перваго* индикта царство Исмаилово, нареченное Махмета, имать во еме по- бѣдити родъ Палеологовъ, Седмохолмыиъ одержати и внутрь его царствовать, на- роды всемножественныя разбіетъ, и острова опустошитъ даже до Черныя пучины, Подунавскихъ сусѣловъ низложитъ. *Осмаго* индикта Ахайю и Пелопонезъ уираздитъ. *Десятмаго* (. . . .) индикта Далматовъ побѣдитъ. Возвращае еще вре- мя, (на) Далмитаи войну воздвигнуть велію, часть сверши — и множества и паруси соберуть. И Вечерниа по морю и по суху войну-оставитъ, и Исмаила побѣдитъ. Но изначіе его претяуетъ только и мало и кратко. Народъ же Россійскій вкуе причастники всего Исмаила побѣдятъ, и Седмихолмыиъ возмутъ съ прибыткими тогдашнѣ войну воздвигнуть междоусобную, яряшася даже до 5-го часа, и гласъ съ небеси возгласитъ трѣжды: Стойте, стойте, стойте со страхомъ, и поспѣшитея многотшательнѣ на десную страну, обряще(те) мужа прирощенаго и чуднаго и силнаго, и его же приаише, того ииѣйте владыкою. съ любимицѣ бо ни естъ, и

Повѣсти довольно различны — не только въ мелочахъ чтенія и правописанія, но и въ тѣхъ чертахъ, которыя могутъ годиться

его же приѣше волю вашу исполнить.» Въ этомъ самомъ Цѣвтинкѣ приписано это же предвѣщаніе и Лѣву Премудрому.

Подлинникъ напечатанъ былъ въ первый разъ въ Nova variorum historiarum auctoritate М. Чигалы въ Венеціи въ 1837 г. и въ Chronicon Dorothei Monembasiacae metropolitae тамъ же, въ томъ же году; потомъ нѣсколько разъ былъ перепечатываемъ, и между прочимъ А. Бандури въ его Imperium Orientale (1711. I. стр. 183—185) въ подлинникъ и съ ученными примѣчаніями (II. стр. 371—373). Что по одамъ Русскіе подъ ξαυδὸν γένος понимали Русскій народъ, этому свидѣтельствомъ служить и Грузинская Лѣтопись, изъ которой отрывки переведены М. И. Броссе (Лебо, XXI. стр. 330), и въ которой, въ переводѣ рассматриваемаго предвѣщанія, оказано: «les peuples coalisés de la Russie et des environs subjuguèrent Ismaël». М. И. Броссе, по просьбѣ моей, еще разъ читалъ въ Грузинской лѣтописи это мѣсто, и перевелъ такъ: «Les nations des Russes, réunies ensemble avec tous ceux qui les entourent, triompheront des Ismaélites...» (Сравн. Bulet. hist. II. 228).

Какъ бы то ни было это предвѣщаніе есть источникъ, изъ котораго зашла въ Повѣсть о Цареградѣ послѣдняя угроза Туркамъ: «Пишетъ бо: Русинъ же родъ с прежсозданными всего Имамъ побѣдять, и Седьмохольнаго врамууть со прещаконными, и въ немъ вопарятся.»

IV. Имя Григорія Схоларія соединено и съ тѣмъ предвѣщаніемъ о судьбахъ Цареграда, которое издавна извѣстно подъ именемъ *Видѣній Даниїла* (монаха, какъ замѣтилъ Л. Алладій. О нихъ зналъ и Лутсправдъ, и въ Записку о своемъ путешествіи въ Цареградъ въ 968 году внесъ слѣдующее замѣчаніе. *Habent Graeci et Saraceni libros quos ὄρασεις sive visiones Danielis vocant, ego autem Sybillanos, in quibus scriptum reperitur, quot annis imperator quisque vivat, quae sint futura, eo imperante, tempora, praesentia simul, secundae Saracenorum res adversae* (Legatio у Перца, Script. Germ. hist. III. 333). Судя по тому, что о Видѣніяхъ Даниїловыхъ говоритъ Франца (стр. 315), можно думать, что Лутсправдъ смѣшалъ ихъ съ тѣмъ нибудь другимъ; тѣмъ не менѣе справедливо, что у Византійцевъ Видѣнія Даниїла были въ почетѣ, и отъ нихъ принесены были къ намъ. Въ нашихъ сборникахъ эти Видѣнія попадаются верѣдко иногда вмѣстѣ съ повѣстью о Цареградѣ. Вотъ отрывокъ изъ послѣдняго видѣнія: «Взыдетъ огонь отъ моря, и землю живую зажжетъ море, и вандеть надъ Седьмохольнаго, и обратитъ лице свое на западъ сѣнцу И горе тебѣ, Седьмохольный, отъ такового гнѣва, ела окружишия вон многими.. и красныя стѣны твоя падуть яко смоковное листвіе. И вндеть отроча въ тѣ, и умилево скипътро поставитъ; и въ немъ не пребудеть... И востанетъ зній спля и поразаитъ отроча, діадиму же его облекъ, и возвеличитъ имя свое въ малѣ. И сынове же погыбельныи утвердившеса дадутъ лица своя къ западу сѣнцу. И тако дасть зній спля сиртъ преподобному, и ударжитъ Седьмохольнаго. Русь же языкъ шестымъ и пятымъ насадитъ въ нештъ земѣ, и сѣдять отъ него мнози въ отищеніе святымъ... На западъ же нѣкто промышляя восточною, и по силѣ воздвигнется самозеконныи и со имитъ, и нѣтъ великя дививидень. забіють Имамъты и поженуть ихъ... и смугатся языци сѣдлащен, и нѣтъ суть на сѣверѣи странѣ, и вси сѣверини повдуть съ лютѣишшии гнѣвомъ, и соидуть до великя рѣки... тогда сму-

для отвѣта на вопросъ, когда, кѣмъ и по какому случаю она написана. Безъ сличенія возможно-большаго количества списковъ нельзя рѣшить, что считать въ нихъ вставками и измѣненіями позднѣйшаго времени, и что именно было въ подлинникѣ; а безъ такого очищенія первобытнаго текста нельзя допустить и окончательныхъ выводовъ о значеніи Повѣсти, какъ памятника историческаго. Впрочемъ и теперь, перечитывая ее въ спискахъ болѣе или менѣе искаженныхъ, можно догадываться, что она составлена если и не очевидцемъ, то современникомъ, или по крайней мѣрѣ по рассказамъ современниковъ, и должна занять почетное мѣсто между другими современными рассказами. Она можетъ внушать къ себѣ недовѣріе тѣмъ, что кое въ чемъ не сходна съ рассказами Леонарда, Франца, Дуки, Халкокондилы; но такъ могутъ внушать къ себѣ недовѣріе и эти рассказы, — и даже не только тѣмъ, что несходны одинъ съ другимъ, но и тѣмъ, что слишкомъ похожи одинъ на другой. Недовѣріе къ этимъ рассказамъ было высказано уже и Гиббономъ, но мелкокомъ. Пора бы взяться за нихъ дѣльно, съ цѣлю оцѣнить всякій изъ нихъ сравнительно; пользуясь для этого и письмами современниковъ, и рассказами писателей XVI вѣка, и т. д.⁹²

тятся языцы съдѣша на южнѣмъ углѣ. И востанеть великий Филиппъ съ языки осмьнадесяте, и съберутся въ Седьмохолмюмъ, и сразится бои иже не быти яколи же. и потекутъ по доудіамъ и по улицамъ Седьмохолмаго како рѣки крови челоуѣцескыя, и возмутися море отъ крове до Тѣснаго устіа. Тогда Вѣоусъ возопіеть, и Скерелаѣъ восплачеть, и Стафоринъ речеть: «Станите! миръ вамъ, и отищеніе на непослушныхъ! Изъидѣте на десныя страны Седьмохолмаго, и обратете челоуѣка у двою столпу стояща сѣдинами праведна и молитва носяща, взоромъ остра, разумомъ же кротка, сѣрдяго вѣстою, имѣюща на деснои ноуѣ посреди голени бѣлѣтъ. возмѣте его, и вѣнчаите царя: то юсть вамъ владыка!...» И введуть его во святую Софію, и вѣнчаютъ и царя, и дадутъ въ десную его руку оружіе, глаголюще ему: «мужанся и побѣждаи врагы своя». И воспримъ оружіе и поразитъ Имамалты, Кѣюпы, Оруги, Татаре и всякъ родъ ихъ; и убо Имамалты раздѣлитъ на трое: первую часть погубитъ оружіемъ, вторую крѣститъ, третью отженеть съ великою яростію... И открыются сокровища земная и всѣ обогатѣють, и никто же нищъ будетъ, и земля дасть плодъ свои седмирицею... Дай-то Боже.

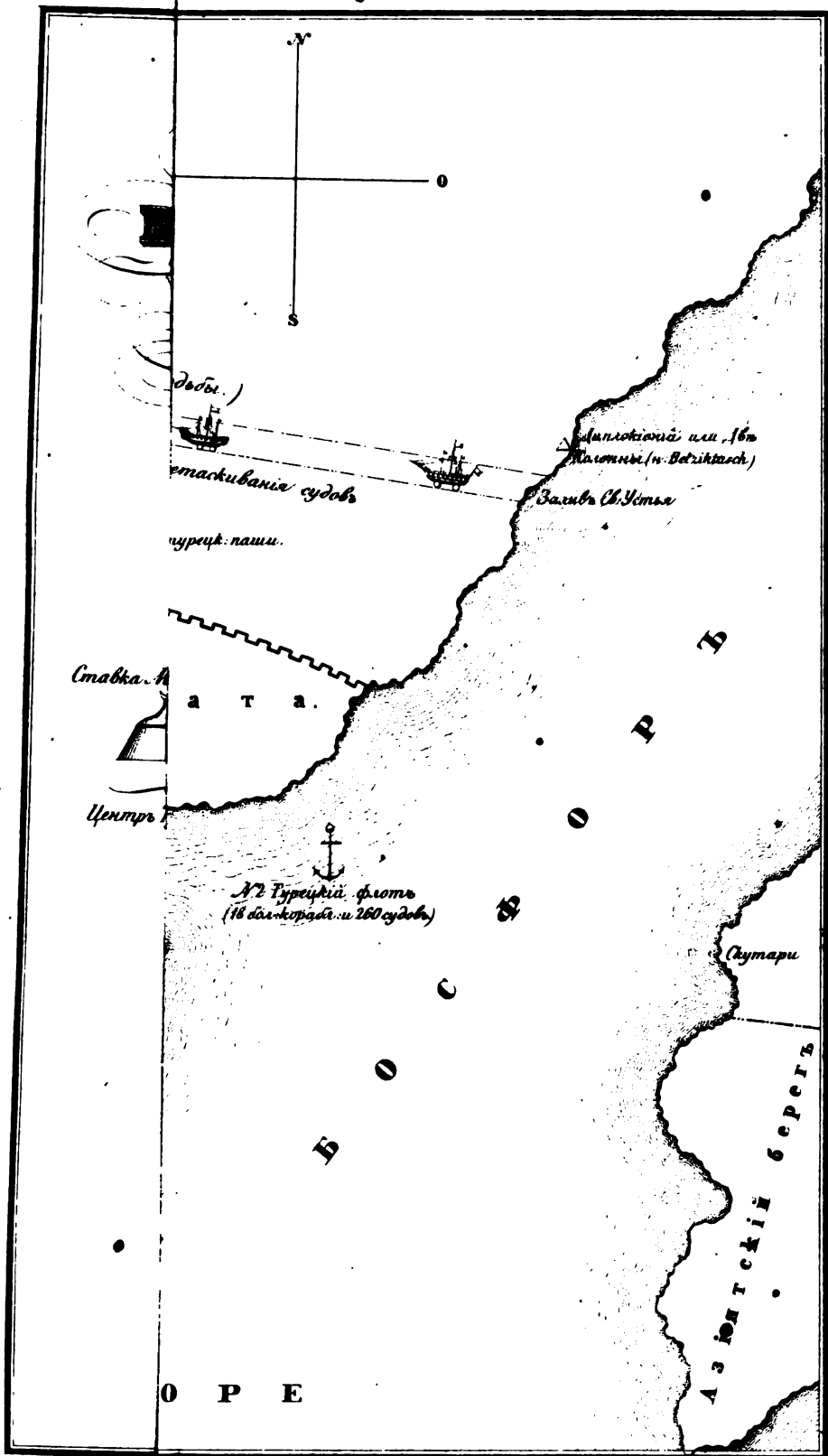
⁹² Ни одинъ изъ упомянутыхъ четырехъ писателей, которыми обыкновенно пользуются при описаніи осады и взятія Цареграда, не изданъ до сихъ поръ съ критическими примѣчаніями: Франца и Халкокондила перепечатаны въ Боннскомъ изданіи, какъ были, безъ всякихъ примѣчаній; при Дуки въ Боннскомъ изданіи осталася недостаточный комментарий Буллаалди, такъ что и вновь открытый

Тогда и наша Повѣсть представится въ болѣе ясномъ свѣтѣ, внушая къ себѣ и довѣріе и недовѣріе, вѣроятно, на столько же, на сколько и всякое другое небаснословное сказаніе о грозномъ событіи 1453 года⁹⁴.

Итальянскій переводъ современника не далъ издателю повода къ замѣчаніямъ; сказаніе Леонарда остается (сколько мнѣ извѣстно) безъ новаго изданія.

⁹⁴ Есть возможность думать, что эта Повѣсть о Цареградѣ распространилась на Руси во время Юліана III, когда бракомъ его съ Софіей Палеологъ еще сильнѣе скрѣпились связи Русскихъ съ ихъ единовѣрцами Греками, а можетъ быть еще и ранѣе, т. е. послѣ того какъ, немедленно по взятіи Цареграда, стали къ намъ являться Греки съ просьбою о вспоможеніи и вѣроятно не безъ записокъ о бѣдствіи, постигшемъ ихъ отечество. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи любопытно окружное посланіе митрополита Іоны о помощи Гречину Дмитрію для выкупа изъ плѣна его жены и дѣтей (Акт. Истор. I, стр. 496).

*Составитель прилагаетъ къ сему списку
дѣла Сурожской, принадлежн. в. архіепископа
на Константиноп. архіепископа Фруанцу и Зурбу.*

Лит. П. Гурейкинъ, у Крестнаго нестна, в Ташк.

100

27

m

THE BORROWER WILL BE CHARGED
THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION
IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO
THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST
DATE STAMPED BELOW.

STANDARD STUDY
CHARGE

BOOKS & MEDIA
620814
JAN 26 1979

FEB 5

